

Юрий Галенович

МОСКВА – ПЕКИН, МОСКВА – ТАЙБЭЙ

*Посвящаю памяти моих родителей:
Екатерины Николаевны Галенович
и Михаила Георгиевича Кобелева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Канул в вечность XX век. Вообще, деление истории на отрезки всегда условно, но привычно. Все-таки это позволяет оценить те или иные годы, принять некие временные рамки при размышлениях, в частности о наших отношениях с Китаем.

Это было еще одно столетие в непрерывной почти четырехвековой истории российско-китайских взаимоотношений. Для каждой из наших двух стран оно было эпохой попыток избавиться от отсталости, осовремениться, осуществить назревшие и необходимые перемены, стать частью сообщества развитых государств. На протяжении большей части XX столетия и в той и в другой стране по тем или иным своим причинам применялись революционные, а не эволюционные методы развития. В этом мы похожи друг на друга. Для двух великих соседей — а наши страны огромны и по размерам населения и по территории, причем между ними пролегает длинная, в основном речная или сухопутная, граница — это был также период взаимного приспособления, в ходе которого приходилось и приходится преодолевать большие трудности объективного и субъективного характера.

В нынешней ситуации, складывающейся в мире вообще и в каждой из наших стран в частности, особенно в связи с переменами и в России и в Китае, представляется важным обратить внимание на существенные стороны и своеобразие наших взаимоотношений на рубеже XXI века.

На пороге третьего тысячелетия, кажется, открываются новые перспективы постепенного налаживания стабильных добрососедских отношений, хотя сложностей, видимых и невидимых, но реальных на этом пути немало. Обе стороны, и Россия и Китай, объективно заинтересованы в соразвитии, ибо оно является одним из благотворных условий решения внутренних проблем в каждой из двух стран и выхода обоих партнеров в XXI в. на свои законные места двух ведущих мировых держав.

В конце XX в. в связи с появлением нашего нынешнего государства, Российской Федерации, впервые возникла возможность после десятилетий перерыва или ненормального состояния установить заново и в различных формах отношения между Россией и Китаем, причем начать строить российско-китайские связи и с материковой и с островной частями Китая.

И в том и в другом случае — это новые отношения, хотя под ними есть известная историческая основа. Они отличаются от контактов в прошлом, имея с ними и нечто общее.

В связи с этим представляется целесообразным предпринять попытку анализа следующих вопросов:

- что собой представляет сегодня сосед России Китай;
- как начинают развиваться связи между Российской Федерацией (РФ) и Китайской Народной Республикой (КНР);
- в чем своеобразие нынешних отношений между Москвой и Тайбэем.

ВВЕДЕНИЕ: сосед России — супернация чжунхуа

Сосед России — это супернация чжунхуа. Мы называем своего большого юго-восточного соседа Китаем, а его жителей китайцами. При этом для нас оказываются как бы безразличны названия китайских государств, последовательно сменявших одно другое или существовавших одновременно, а также существующих в настоящее время. Все они для нас Китай. В этом смысле не столь важной для нас оказывается и национальность того или иного гражданина или жителя, в частности современного китайского государства или государств. Все они для нас китайцы.

Наш народ, мудро отражая в своем языке политические и исторические реалии, выделяет как особые, отдельные понятия и как нечто общее для соседней страны и ее жителей, ее историческое название вне зависимости от названий ее частей (или государств) и обобщенное наименование ее жителей вне зависимости от их конкретной национальной или территориальной принадлежности. Таким образом разграничиваются национальность человека, гражданина страны, того или иного государства или государств, и наименование нации, как общности людей на мировой арене (т.е. разграничиваются такие понятия, как, например, ханьцы и китайцы). Разграничиваются также названия конкретных государств и обобщенное наименование этих государств под именем соответствующей нации. Фактически, с точки зрения нашего языка, для нас китайцы — это нация на мировой арене, нация в ряду других наций мира, а Китай для нас — это любое или любые государства этой нации, существующие на той же мировой арене одновременно или разновременно, последовательно.

Итак, Китай — это любое государство китайцев, а китайцы — это жители любого китайского государства. Китай и китайцы в совокупности — это для нас нация на мировой арене. Нация, у которой имелись и имеются государства. Нация, в состав которой входят люди различных национальностей, являющиеся жителями китайского государства или государств.

В каком-то смысле нация — это страна и народ, имея в виду, что страна и народ продолжают существовать, когда на их территории одно государство сменяет другое государство. При том, однако, условии, что все это государства все той же нации; под народом в данном случае понимается вся совокупность жителей одной страны, людей одной нации, в частности китайцев.

На наш взгляд, право называться Китаем имеют, при желании, все государства китайской нации, а право называться китайцами, также при желании, имеют все жители всех государств китайской нации.

В современном мире и Китайская Народная Республика и Китайская Республика в равной степени имеют право (при желании) именоваться Китаем, т.е. относить себя к Китаю; разграничивать их, на наш взгляд, можно было бы следующим образом: КНР — это континентальный или материковый Китай (материковая часть Китая), а Китайская Республика — это островной Китай (островная часть Китая).

Что касается материкового Китая, то его населению по мере возникновения и развития гражданского общества, а также решения ряда вполне вероятных потенциальных национальных проблем еще предстоит искать соотношение понятий гражданина государства и частицы той или иной национальной общности. Тайваньцами, естественно, являются жители Тайваня; при этом они в ряде случаев именуются и китайцами; только им принадлежит право именовать себя в настоящем и будущем так, как им это представляется разумным, т.е. называть себя китайцами или тайваньцами, а возможно, в одном смысле, китайцами, а в другом — тайваньцами.

Итак, в культурно-историческом и в географическом смысле жители КНР — это китайцы, проживающие в материковом Китае или в континентальной части Китая, а жители Китайской Республики — это китайцы, проживающие на острове Тайвань, в островном Китае (или в островной части Китая).

Сама жизнь, реалии отношений между нациями и государствами на мировой арене заставляют разграничивать понятия нации и государства. Национальностью в данном случае является Китай (и китайцы), а государствами сегодня, государствами китайской нации, в равной степени обладающими правом именоваться Китаем или неотъемлемыми частями Китая, являются Китайская Республика и Китайская Народная Республика.

Мы исходим из того, что существовал и существует Китай, существовала и существует китайская нация, у которой в истории было много государств. За последние сто лет на территории Китая сменяли одно другое или одновременно существовали ряд государств. По 1911 г. это была Великая Цинская империя, где правила маньчжурско-цинская династия; это было государство с монархическим строем и со столицей в Пекине. В 1895 г. на части территории Китая, на Тайване, наряду с Великой Цинской империей, одновременно с ней, была провозглашена и несколько месяцев просуществовала первая в Китае и вообще в Азии республика — Демократическое государство Тайвань (по-китайски: «Тайвань Миньчжу Го», Демократическое Государство Тайвань или Государство Народовластия Тайвань). Таким образом возникла ситуация: одна нация, два государства.

Затем, после крушения Великой Цинской империи, была образована Китайская Республика (по-китайски: «Чжунхуа Миньго», т.е. Народное Государство Чжунхуа или Республика Китай, Республика Чжунхуа), которая продолжает существовать, несмотря на территориальные изменения, и к настоящему времени насчитывает около 90 лет своей истории.

Далее на территории Китая, одновременно с Китайской Республикой, возникали и существовали на протяжении различного времени ряд государств или государственноподобных образований (например, «Чжунхуа Сувэйай Гунхэго», т.е. Советское Республиканское Государство Чжунхуа, Китайская Советская Республика или Советская Республика Чжунхуа); при поддержке японских оккупантов некоторое время просуществовали государство или империя «Маньчжоу Го», т.е. Маньчжурское Государство, а также сотрудничавшее с японскими оккупантами правительство в Нанкине. На части территории Китая некоторое время существовала и Восточно-Туркестанская Республика. Иначе говоря, неоднократно возникала ситуация: одна нация — несколько государств, или из китайской нации выделялись части населения и территории, которые провозглашались отдельными от Китая государствами.

В 1949 г., также одновременно с Китайской Республикой, столица которой была перенесена в Тайбэй, а территория стала включать в себя только остров Тайвань и еще некоторые небольшие острова, была создана Китайская Народная Республика (по-китайски: «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго», т.е. Народная Республика Чжунхуа, Народное Республиканское Государство Чжунхуа или Народная Республика Китай, Народная Республика Китая).

Таким образом, и в настоящее время, на пороге XXI в., в Китае продолжают одновременно существовать два государства одной нации, что находит отражение даже в их названиях: Чжунхуа Миньго и Чжунхуа Жэньминь Гунхэго, т.е. Китайская Республика (Народное Государство Чжунхуа) на острове Тайвань со столицей в Тайбэе и Китайская Народная Республика (Народное Республиканское Государство Чжунхуа, Народная Республика Чжунхуа) со столицей в Пекине. Судя по этим двум названиям, и то и другое государство видят себя «государствами Чжун-хуа», т.е. государствами Китая, государствами китайской нации или «нации чжунхуа»; термин «чжунхуа» объединяет тех, кто давал наименования этим двум государствам.

Во многих государствах мира, в том числе и у нас, Китай именуют по-своему, т.е. не так, как его называют сами китайцы. Ничего странного в этом нет. Каждый народ имеет в своем языке хорошо отшлифованные фонетически, приспособленные к нормам своего произношения, исторически сложившиеся и отражающие реалии политического и исторического характера, названия других стран и народов. С точки зрения нашего языка Китай — это название страны, а не только конкретного китайского государства или

государств, а китайцы — название жителей этой страны, а не только каждого конкретного китайского государства. Иначе говоря, в русском языке существуют термины «страна» и «народ», которые конкретизируются в данном случае в терминах «Китай» и «китайцы»; причем эти термины применяются нами, по крайней мере, на протяжении всей почти четырехвековой истории наших взаимоотношений с этой страной.

Мы пользуемся этими терминами, забывая иной раз о том, что в китайском языке существует своя система понятий, не обязательно полностью совпадающая с нашей. Мы называем Китай — Китаем, а сами китайцы именуют его по-своему.

В последние десятилетия, главным образом в XX в., в самом Китае появились новые термины, которые стали там общепринятыми для обозначения и людей, живущих в этой стране, и самой страны. Мы же по-прежнему называем их китайцами и Китаем. Уточнения и приспособления к новой ситуации для нас до последнего времени не происходило. В то же время и сама жизнь и новые представления, появившиеся в нашей стране за последние годы, привели к тому, что мы наконец увидели, что Китай — это сегодня и материк и остров, что существуют не одно, а два китайских государства или два государства китайцев, что реалии отношений на мировой арене требуют четко отделять межгосударственные, а тем более дипломатические отношения между каждыми двумя государствами и партнерами на мировой арене от отношений между собой двух наций или государства (государств) одной нации с государством (государствами), а то и частями, политическими реалиями другой нации. При этом в каждом конкретном случае вопрос о дипломатическом признании или об установлении контактов, связей, отношений в той или иной форме решается в зависимости от обстоятельств, в соответствии с формальной или неформальной, но существенной договоренностью или взаимопониманием между заинтересованными сторонами.

Именно поэтому и представляется целесообразным обратиться к тому, как называют себя сегодня китайцы, как они именуют свои государства, какое содержание вкладывается ими в эти термины.

В Китае сегодня приняты два термина (в данном случае мы имеем в виду под Китаем и его континентальную и его островную части): «чжунхуа миньцзу» и «Чжунго». «Чжунхуа миньцзу» можно, очевидно, переводить как «нация чжунхуа». Этот термин применяется для обозначения людей различных национальностей, которые либо сами себя относят к нации чжунхуа, либо государство относит их к нации чжунхуа; людей, которые сосуществуют на мировой арене с другими (в чем-то подобными им, а в чем-то отличающимися от них) нациями или сообществами людей. Термин «Чжунго» можно, очевидно, понимать как «государство нации чжунхуа». Иначе говоря, этот термин применяется для обозначения любого или любых государств нации чжунхуа (другое дело, признают ли друг друга сами эти государства), существующих одновременно или последовательно на мировой арене и представляющих или всю нацию Чжунхуа или какую-либо ее часть.

Что же такое «чжунхуа»? Термин «чжунхуа» состоит из двух корнеслогов: «чжун» и «хуа». Первый из них, корнеслог «чжун», в переводе на русский язык означает «центр», «центральный», «середина», «серединный». Второй корнеслог «хуа», означает «процветающий», «цветущий».

В этом самоназвании вполне определенно присутствует чувство гордости за свою страну и в то же время оттенок сопоставления своей нации с другими нациями, странами, государствами. Нация чжунхуа — это «процветающая» нация, занимающая по самой своей природе и изначально среди соседей и остальных наций мира «центральное положение».

Что же такое «миньцзу»? Этот термин состоит из двух корнеслогов: «минь» и «цзу». Корнеслог «минь» многозначен: «народ», «нация». Корнеслог «цзу» означает группа», «общность».

Скорее всего, «миньцзу» — это сообщество людей, т.е. люди, взятые как совокупность, как общность людей, причем людей всех сословий. «Миньцзу» — это нация,

это группа или сообщество людей, объединенных принадлежностью именно к данной нации. В китайском языке идут от человеческой особи, от общности человеческих существ к пониманию того, что эти человеческие существа объединяются в общности. Одна из таких общностей, живя на определенном географическом пространстве, а еще точнее, группируясь вокруг одного географического центра (не обязательно вокруг одной точки, но, возможно, вокруг одного района, региона, какой-то территории) и не имея ясно очерченных границ или пределов, составляет то, что в Китае именуют «чжунхуа миньцзу», т.е. китайскую нацию, нацию Китая, или нацию чжунхуа.

Судя по всему, в Китае людей относят к нации чжунхуа, имея в виду некие антропологические признаки, общность культуры, истории, ареал компактного проживания, а также способность противостоять ассимиляции и в то же время ассимилировать людей других наций или национальностей. При этом в Китае говорят о себе, как о нации чжунхуа, именно имея в виду свое место на мировой арене, в ряду или среди других наций мира.

Термин «чжунхуа миньцзу» применяется, как уже отмечалось, в названиях обоих ныне существующих китайских государств («Чжунхуа Миньго» со столицей в Тайбэе на острове Тайвань; «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго» со столицей в Пекине в континентальной части Китая), а также в тексте гимна Китайской Народной Республики. Там, в частности, говорится: «Для нации чжунхуа настало самое опасное время...» Эти стихи написаны замечательным китайским поэтом и патриотом своей страны Тянь Ханем во время войны сопротивления Японии, но были использованы Мао Цзэдуном и КПК, стали гимном КНР, в 1949 г., спустя четыре года после капитуляции Японии.

Что же такое «чжунго»? Обычно это слово переводится с китайского языка на русский язык как «Китай» или «Серединное государство». Действительно, «чжун» по-китайски «середина», «центр», а «го» по-китайски «государство».

В то же время «чжун» — это сокращенное обозначение китайской нации, нации Чжунхуа. Обе части этого термина, т.е. и корнеслог «чжун» и корнеслог «хуа» применяются в китайском языке для обозначения того, что относится к китайской нации, считается частью китайской нации, считается принадлежностью или достоянием, собственностью Китая как страны и китайцев как народа; например, «чжун вэнь» — это «язык китайцев», «хуа жэнь» — это «китайцы», «люди Китая», а «хуа цяо» — это «китайцы, проживающие вне пределов нынешних китайских государств». Главное значение термина «чжунго», во всяком случае в современном Китае, это «государство нации чжунхуа», «государство китайской нации». Не случайно этот термин применяется китайцами для обозначения любого государства, которое создает либо китайская нация в целом, либо какая-то часть китайской нации.

Принятые во внешнем для Китая мире названия этой страны, этой нации и, в частности, русское слово «Китай» соотносятся с двумя китайскими терминами: «Чжунго» и «чжунхуа миньцзу». В нашем слове «Китай» по сути дела совмещены разграничиваемые, в частности в КНР, понятия «чжунхуа миньцзу», т.е. «нация чжунхуа», и «Чжунго», т.е. «государство нации чжунхуа». Иначе говоря, совмещены применяемые в континентальном Китае понятия нации и государства. Наши термины «страна» и «народ» имеют свое содержание, а китайские термины «чжунхуа миньцзу» и «Чжунго» свое содержание. Здесь речь идет о тонком соотношении понятий «народ», «нация», «страна», «государство». Полного соответствия терминов в русском и китайском языках в данном случае нет. Именно по этой причине автору и представляется важным обратить внимание на эти китайские термины и попытаться разобраться в их содержании.

Для окружающего Китай мира, в частности для нашей страны, Китай — это и китайская нация и китайские государства одновременно; причем вне зависимости от того, какое государство или какие государства (государственноподобные образования или политические реалии) представляют Китай как нацию в тот или иной период истории на мировой арене.

Сегодня, когда особое значение приобретают такие вечные понятия, как, скажем, нация или история, представляется важным содержание, которое в Китае вкладывают в термины «чжунхуа миньцзу» и «Чжунго».

Особенно важен термин «чжунхуа», «чжунхуа миньцзу». Его политическое содержание необходимо попытаться понять, чтобы с большей вероятностью и надеждой на успех искать взаимопонимание с Китаем, лучше разбираться в психологии современных китайцев. Их политическая психология в весьма значительной степени сказывается на политике китайских государств.

В язык науки, а возможно, со временем, и межгосударственного общения, очевидно, назревает необходимость ввести китайский термин «чжунхуа». При этом в обыденной жизни в качестве эквивалента этого термина вполне естественно будут сохраняться и слово «Китай», и слово «китайский», и слово «китайцы». Названия современных государств на территории континентального Китая и в островной части Китая, на острове Тайвань, точнее было бы называть Народная Республика Чжунхуа и Республика Чжунхуа (может быть, еще точнее: Народное Государство — Республика Чжунхуа и Народное Государство Чжунхуа).

Итак, оба современных китайских государства в качестве самоназвания нации, которую они, как сами считают, представляют, используют термин «чжунхуа». Сегодня в мире существует одна китайская нация или нация чжунхуа («чжунхуа миньцзу»), но у единой нации есть два государства. Конечно, государства, так сказать, относительно временны соотносительно с нацией; государства сменяют одно другое или существуют одновременно на различных частях территории одной и той же нации, а нация продолжает существовать если не вечно, то на протяжении гораздо более длительного времени, чем государства.

Оба упомянутых государства считают, что они представляют людей или народ, который в своей совокупности является нацией Китая или нацией Чжунхуа. Но в позициях двух государств есть важное различие. Одно из них, КНР, стремится быть единственным официально признанным всеми другими государствами земного шара государством нации Чжунхуа на мировой арене, считает, что Китайская Республика на Тайване вообще не существует как государство, и хотело бы подчинить своей юрисдикции ту часть нации Чжунхуа, которая живет на острове Тайвань, сделать ее составной частью одного китайского государства. А другое, Китайская Республика, соглашается с существованием двух политических реалий, двух субъектов межгосударственных отношений, двух государств нации чжунхуа, двух китайских государств на мировой арене. Оно отстаивает свою самостоятельность как субъекта межгосударственных отношений, полагая в то же время, что существует только одна нация чжунхуа, особенно если говорить о культуре и истории китайцев.

Следовательно, существует понятие, которое объединяет людей Китая прежде, чем понятие государства или помимо этого понятия. Это — принадлежность к одной нации, к нации Китая или нации чжунхуа. Люди могут расходиться во мнениях по вопросу о допустимости существования двух или нескольких государств одной нации, но они выделяют понятие нации, как нечто связывающее их, объединяющее их. Это понятие, безусловно, распространяется на вопросы культуры, истории; спорным при этом остается вопрос о государстве, а вернее сказать, существуют различные толкования этого вопроса.

Изначальным при этом оказывается не понятие государства, а понятие нации или совокупности людей, человеческих существ, причем людей по преимуществу только одной, а именно ханьской национальности. (В данном случае мы оставляем в стороне вопрос о существовании и общностей ханьцев, которые выделяются внутри этого понятия, скажем, по месту рождения, т.е. в зависимости от того, в какой провинции Китая они живут.)

Понятие государства, с этой точки зрения, оказывается вторичным по отношению к понятию нации. Нация всегда одна, хотя ее могут временно, последовательно или одновременно представлять одно, два или несколько государств. Во всяком случае, за

последние сто лет это случалось не раз, и такое положение существует применительно к Китаю и сейчас, на протяжении нескольких десятилетий. Подобные ситуации неоднократно возникали в истории китайской нации.

В последние годы в КНР выдвигались предложения подчинить понятию государства понятие общественного строя, политической и экономической системы. В связи с этим появилась формула: «И го, лян чжи», что обычно переводят на русский язык как «Одно государство — два строя».

Здесь необходимо оговорить важное обстоятельство. В китайском языке корнеслог «го» многозначен. Понятие «го» включает в себя, по крайней мере, два таких наших понятия, как «нация» и «государство». Далеко не случайно по-китайски «ООН» — «Ляньхэ го», что можно понимать как «Объединенные Нации», они же «Объединенные Государства». Такая многозначность термина дает возможность при различных обстоятельствах давать подходящие к случаю толкования. Иными словами, известная формула, введенная в оборот Дэн Сяопином, не столь однозначна, как это иной раз толкуется. Это не просто «Одно государство — два строя», но «Одна страна, одна нация — одно государство, но два строя или две системы». В современной КНР в том случае, когда эта формула используется применительно к Тайваню, обычно и официально имеется в виду именно «государство», причем именно КНР.

Таким образом, когда на практике в КНР выдвинули формулу «И го, лян чжи», в официальном переводе «Одно государство — два строя», тогда тем самым как бы выстраивали лестницу понятий, главным (хотя и скрытым, остававшемся в тени) среди которых выступало понятие нации; ему было подчинено понятие государства, ниже которого ставилось понятие строя. При этом, очевидно, предполагалось, что только нация должна рассматриваться как всегда одна и единая общность, в то же время утверждалось, что нацию в один и тот же исторический период имеет право представлять только одно государство, что законным признается лишь одно государство нации; и это государство, представляя нацию, может одновременно включать в свой состав в качестве административных единиц или районов одного этого государства, образования и с социалистическим и с капиталистическим строем.

С другой стороны, в Китайской Республике на Тайване выстраивали свою цепочку понятий. Тут понятие государства располагалось над понятием правительства; понятие строя при этом не упоминалось. Вся иерархия понятий выглядела следующим образом: человек, народ или нация, затем государство и лишь потом правительство. Сторонники такого подхода исходили из приоритета понятия человека, народа, нации по отношению к понятию государства и далее правительства. При этом понятия политической партии и ее идеологии фактически ставятся ниже понятия правительства. Возможно, на Тайване при этом полагают, что в одном государстве (демократического типа) могли бы существовать два правительства, под юрисдикцией каждого из которых находился бы тот или иной социальный и политический строй. В реальной политической ситуации сегодняшнего дня, скорее всего, речь все-таки идет о параллельном существовании двух (а в будущем, возможно, и одного или нескольких) государств одной китайской нации, нации чжунхуа.

Понятие нации является в данном случае объединяющим. Предполагается, что в будущем нация чжунхуа останется единой, будет продолжать существовать. Возможно, она найдет и такие формы своего государства или государств, которые не будут мешать сожительству и взаимодействию всех людей, принадлежащих к нации чжунхуа, относящих себя к ней. Представляется, что, в частности, не исключено и создание Федерации или Конфедерации Чжунхуа с двумя или несколькими входящими в нее государствами, скажем Народной Республикой Чжунхуа и Республикой Чжунхуа. Это и может стать воплощением в жизнь формулы, которая отражает нынешнее реальное положение вещей: «Одна нация —

два государства». Можно, очевидно, сказать и по-другому: «Два государства — одна нация». Гипотетически возможна и формула: «Несколько государств — одна нация или один народ».

Более того, развивая эту мысль, представляется возможным высказать и следующие соображения. В свое время, в первый день нового 1912 г., Сунь Ятсен, вступая в должность временного президента Китайской Республики, Республики Чжунхуа, торжественно провозгласил в Нанкине, что, с его точки зрения, только в том случае, если пять национальностей — ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, хойцы (мусульмане) в согласии между собой будут совместно ковать счастье нации чжунхуа, только в этом случае для всех национальностей в государстве этой нации откроются светлые перспективы. Сунь Ятсен думал тогда о создании «Республики людей пяти национальностей»; при этом речь шла о том, что все эти люди, люди всех пяти национальностей, и составляют одну и единую нацию — нацию чжунхуа.

Сегодня, продолжая мысль Сунь Ятсена и не противореча ей, а лишь учитывая развитие событий за последние десятилетия, можно, очевидно, говорить о гипотетической возможности появления «Третьей Республики Чжунхуа» в Китае (если первая республика — это Республика Чжунхуа, а вторая Народная Республика Чжунхуа). Третья Республика может быть Федеративной или Конфедеративной Республикой Чжунхуа. При этом в ведении Федерации (или Конфедерации) сосредоточатся лишь переданные ей добровольно всеми ее членами вопросы внешней политики и обороны страны. Члены Федерации (или Конфедерации) будут иметь возможность сами решать вопросы об экономической или политической системе у себя. Культурные связи, потребности экономического развития после устранения разногласий по вопросам политической системы или структуры и свободного выбора необходимой каждому из субъектов Федерации или частей Конфедерации экономической системы и структуры, весьма вероятно, будут содействовать сохранению федеративных или конфедеративных отношений между людьми упомянутых национальностей.

Вопрос этот, однако, еще более сложен. Речь идет не только об экономической и о политической системе, но и о расхождениях между интересами ханьцев и народов нескольких других национальностей, ныне живущих в Народной Республике Чжунхуа и в Республике Чжунхуа на Тайване. Нельзя исключать и того, что в ряде случаев желание жить отдельно от ханьцев у некоторых из этих народов может привести к образованию самостоятельных государств, которые прежде всего провозгласят свою независимость, а затем или войдут, или не войдут в Конфедеративную Республику Чжунхуа.

В КНР, в последней четверти XX в. в особенности, пропагандируется лозунг: «Чжэньсин чжунхуа!» Он означает: «Возродим чжунхуа!», «Возродим нацию чжунхуа!», «Возродить Китай!», «Оживить Китай!», «Добьемся расцвета, развития Китая!» (при всех вариантах перевода этого лозунга под Китаем имеется в виду китайская нация, нация Китая или, возможно, точнее, нация чжунхуа).

Это — лозунг единения, единства; это — призыв к единству нации. Это — сердцевина идеологии, связанной с понятием нации чжунхуа, идеологии, в которую вписываются, иногда в большей, а иногда в меньшей степени, идеологии политических партий Китая. В частности в 80-х гг. XX в. зазвучали заявления о том, что идеология Компартии Китая — это лишь часть идеологии китайской нации в целом, это лишь составная часть идеологии нации чжунхуа. Не случайно в КНР в 1990-х гг. весьма популярной стала песня, в которой неоднократно повторялись слова: «Я никогда не изменю свое желтое лицо». Главным объединяющим началом выступала при этом принадлежность к нации чжунхуа.

В лозунге «Чжэньсин чжунхуа!» выдвигается единая цель для всей нации — возродить нацию, сдвинуться с мертвой точки в ее развитии, вывести нацию из состояния застоя. В этом лозунге рядом поставлены такие понятия, как Китай, китайская нация и возрождение этой нации. Под возрождением в данном случае понимаются, во-первых, движение в направлении, противоположном регрессу и застою в развитии нации, страны, т.е.

тому состоянию, в котором Китай находился на протяжении, по крайней мере, столетия, а то и нескольких веков; во-вторых, расцвет экономики страны, умножение ее национального богатства, благосостояния жителей страны, всей нации; в-третьих, мощь и сила государства, нации, достижение общепризнанного в мировом сообществе положения китайской нации на мировой арене как одной из первых наций или даже в конечном итоге первой по значению мировой нации.

В этом лозунге рядом стоят, с одной стороны, позитивные цели и, с другой стороны, намерения, которые могут вызвать опасения у людей за рубежами Китая. Этот лозунг можно развернуть и в ту и в другую сторону.

В двадцатом столетии в Китае неоднократно ставились рядом понятия народа и государства. Речь шла о том, чтобы народ был богатым, а государство сильным. Стояла задача усиливать государство и добиваться зажиточной жизни для народа. Весь вопрос для многих политических деятелей был в том, чтобы определить, что следует делать и что возможно сделать раньше: обогатить народ или усилить государство. Вопрос состоит также и в том, в каком соотношении находятся эти две цели; возможно ли сосредоточиться сначала на одной из них, например на обогащении народа.

В связи с этим, в частности, весьма характерным представляется спор, так сказать, по итогам «культурной революции». Часть людей, которые выдвинулись на ее волне, в частности Линь Бяо и Чэнь Бода, выступали за то, чтобы в создавшейся ситуации, когда, как они полагали, был в принципе решен вопрос о победе над тем, что Мао Цзэдун именовал ревизионизмом внутри страны, заняться решением экономических проблем, наращивать производство, добиваться повышения благосостояния народа; естественным результатом этого должно было стать и усиление государства. В такой постановке вопроса отражалась, как нам представляется, уверенность этих политических деятелей в том, что извне, если говорить о серьезной опасности для выживания нации чжунхуа, КНР ничто не грозит; что государство может сосредоточиться на решении своих внутренних проблем; просвечивала тут и обеспокоенность положением населения страны.

В противовес такой позиции Мао Цзэдун считал, что и страна и духовная жизнь нации продолжают находиться под такой серьезной угрозой со стороны не только явного или, скорее, формально главного военного противника — империализма, прежде всего американского, но и скрытого, маскирующегося противника, т.е. советского ревизионизма, который, по сути дела, даже более опасен для нации чжунхуа, чем американский империализм, и представляет собой главную военную угрозу для государства Мао Цзэдуна. И поэтому для достижения духовной чистоты жизни китайской нации необходимо в первую очередь наращивать военную мощь государства, ибо только сильное государство позволит и народу стать богатым. По Мао Цзэдуну, нельзя было выпячивать на первый план призыв к развитию производства, нельзя было подчинять политическую систему экономике и ее нуждам.

В свое время Мао Цзэдуну удалось расправиться со своими оппонентами. Представляется, однако, что и сегодня в КНР продолжают в том или ином виде дискуссии вокруг вопроса о приоритетах в развитии. Конечно, эта борьба ведется в иных формах и на словах все согласны с приоритетом экономики над политикой.

Обратимся теперь к вопросу о соотношении государственности и этничности в Китае. В КНР государство отделено от этносов в том смысле, что представители всех этносов формально являются равноправными гражданами одного государства. Однако относительно малочисленные этносы существуют на самом деле как бы сами по себе. Их отношения с государством обусловлены абсолютным преобладанием одного этноса, людей ханьской национальности. Государство в Китае всегда включало в себя в первую очередь этнос ханьцев, а также — несколько (или множество) других, но не всегда одних и тех же этносов.

Вопрос о полиэтничности и моноэтничности применительно к Китаю не прост. Более или менее ясно, что ханьцы — это моноэтническое образование. Хотя отдельные части

ханьского населения значительно отличаются друг от друга (в частности, по фонетическому строю языка, его словарному запасу и т.д.), однако то, что связывает ханьцев (во всяком случае, до сих пор, хотя и не обязательно в будущем), оказывалось важнее и сильнее того, в чем они различаются; в настоящее время это не подвергается сомнению по крайней мере применительно к континентальному Китаю; вопрос же об островном Китае более сложен и требует изучения. Я имею в виду различия между подгруппами или подэтносомами ханьцев; такие подэтнوسомы существуют (например, уроженцы той или иной провинции).

В принципе и пока гипотетически можно допустить созревание подэтносома до этноса. Или, может быть, лучше сказать — части общекитайской нации — нации чжунхуа — до самостоятельной государствообразующей нации. Иначе говоря, нация может быть и многосоставной не только в масштабах или пределах одного ее государства, но и может иметь несколько государств, не подразделяясь на государствообразующие части. Она может созреть в своем развитии и до состояния, когда в определенном смысле сохраняется и общая нация, внутри которой выкристаллизовываются или созревают отдельные ее части до состояния, когда они становятся государствообразующими нациями, оставаясь, повторим, в культурно-историческом смысле частями некоей общей нации.

Если же речь идет о нации чжунхуа, то в определенном смысле слова можно говорить о полиэтнической общности. На территории КНР проживают люди более пятидесяти национальностей, и современное государство в континентальной части Китая считает всех их составными частями нации чжунхуа. Поэтому нация выглядит полиэтничной. С этой точки зрения, этнос не должен стоять в центре такого понятия, как нация чжунхуа. Здесь преобладают исторические, политические, геополитические подходы. Теоретически нация чжунхуа — это нация или мононация в геополитическом, историческом, но не в этническом смысле слова.

В то же время в реальной жизни именно ханьцы как этнос составляют подавляющее большинство нации чжунхуа. Их более девяносто процентов населения КНР.

Нация чжунхуа в одно и то же время является и полиэтническим и своеобразным моноэтническим образованием. Внутри нации чжунхуа существует моноэтнический центр или моноэтническое ядро (сердечник, массив) из ханьцев, которое не допускает какого бы то ни было существенного воздействия на деятельность и жизнь нации чжунхуа с чьей бы то ни было стороны, кроме ханьцев (во всяком случае, такова ситуация в КНР).

Главный же практическо-политический вопрос состоит, прежде всего, в следующем: ощущают ли себя представители относительно малочисленных по количеству и весьма многочисленных по составу этносов (занимающих, кстати, более 60% всей территории Китая!) равноправными гражданами в том или ином из двух ныне существующих государств нации чжунхуа? Хотят ли они быть гражданами этих государств?

Этот вопрос существует, прежде всего, применительно к КНР. Для Тайваня он стоит в несколько иной плоскости: что думают люди большинства тайваньских этносов, и прежде всего те, кто, будучи ханьцами, полагают себя тайваньцами; считают ли они себя гражданами единого государства нации чжунхуа либо одного из государств нации чжунхуа или они хотели бы разграничить термины «Чжунхуа» и «Тайвань», по крайней мере имея в виду появление самостоятельного и отдельного государства на острове Тайвань? Ответ на эти вопросы остается открытым.

В этническом самосознании относительно малочисленных этносов в КНР эти проблемы постоянно живут и требуют новых методов решения. Дело в том, что в КНР ряд признаков нации чжунхуа считаются важнее и изначально признаков государства. Сторонники этих взглядов полагают, что природные, естественные, исторически изначально территории нации чжунхуа превышают размеры территории современных государств этой нации.

Отсюда проистекают теоретические и практические претензии: восстановить то, что именуется историческими территориями нации чжунхуа. Весьма влиятельные силы внутри

КНР хотели бы в конечном счете провести границы нации чжунхуа не по этническим рубежам и не по внешним обводам ныне существующих двух государств нации чжунхуа, но по тому, что они именуют «историческими границами» или ареалами проживания нации чжунхуа. Принцип нации чжунхуа считается при этом приоритетным относительно современных государственных границ КНР. В этом — важная особенность позиции весьма значительной части политических руководителей современного Китая, позиции, которая не всегда выражается прямо и откровенно, но которая всегда существовала и продолжает, в настоящее время подспудно, существовать.

Вопрос о единстве нации чжунхуа сложен. Это единство обеспечивается при условии решения проблем в трех областях: этнической, экономической и государственной. Этнически требуется поддержание такого многообразия, в котором все этносы чувствовали бы себя, во-первых, равными, наделенными реальными равными правами, и, во-вторых, сами действительно хотели бы находиться в составе того или иного государства. При этих условиях обеспечиваются стабильность и покой.

Экономически все этносы и все регионы, в которых проживают, если их можно так называть, подэтносы, а в данном случае — части единой ханьской нации, должны быть заинтересованы в едином общем экономическом пространстве, в получении большей выгоды от объединения в общее экономическое пространство, чем от разъединения на отдельные экономические и в значительной степени самостоятельные регионы.

Наконец, как государство такая общность должна быть больше заинтересована в отстаивании общих интересов нации по отношению к другим нациям мира, чем в защите интересов относительно малочисленных этносов в данном государстве.

Государственность должна обеспечивать входящим в состав населения этносам равные права как гражданам страны и в то же время обеспечивать защиту их реальных интересов. Прежде всего, интересов выживания того или иного этноса, его безопасности, нерушимости территории его компактного проживания, а далее и его интересов на мировой арене, как среди других этносов и наций данного государства, так и за его рубежами.

Важно также не связывать все три области — этническую, экономическую, государственную — воедино, а рассматривать каждую из них самостоятельно, обеспечивая стабильность, сбалансированность интересов именно в каждой данной области по отдельности, и только тогда прочной будет стабильность нации в целом. В нынешней ситуации в КНР существуют проблемы в каждой из трех указанных областей.

В связи с многочисленностью ханьцев возникает следующий вопрос. В отличие практически почти от всех остальных наций и этносов на нашей планете, для ханьцев уже не существует императив самосохранения, выживания, обладания определенной территорией. Для ханьцев если — говорить об их положении среди других наций и этносов мира, о наличии или отсутствии внешней угрозы или опасности для них как нации со стороны других наций и этносов — эти вопросы уже решены. Ханьцы как этнос могут ничего и никого не бояться. Более того, ханьцы имеют возможность так строить и свое государство и его политику, а равным образом и политику всей нации чжунхуа, чтобы обращать внимание, прежде всего, не на вопросы обеспечения своей безопасности (в упомянутом смысле этого слова), а на вопросы обеспечения безопасности в мире в целом и в его регионах, на то, чтобы убеждать все остальные нации мира, что им не грозит опасность со стороны ханьской нации.

Политика государства ханьской нации, государства ханьского этноса может быть свободна от многих соображений безопасности государства и вообще обороны страны. Ханьская нация, ханьский этнос в этом смысле объективно ближе многим или даже большинства других наций и этносов к возможности отождествлять себя со всем человечеством, а свои интересы с интересами человечества.

И в то же время в индивидуальном и массовом сознании ханьцев бродят мысли о том, какие нации на планете способны бросать вызов ханьцам. Это, прежде всего, американцы, японцы, русские и индийцы. Причем этот вызов носит различный характер. Если говорить о реально существующих у части политической элиты ханьского этноса настроениях, то

именно упомянутые четыре нации рассматриваются в качестве крупных мировых соперников ханьской нации. К сожалению, такого рода мысли развиваются применительно к логике не просто мирного соревнования или сосуществования, но — к логике соперничества или даже борьбы, которая должна привести к установлению того, что в Китае называют великим единством или великим единообразием в мире. Или — «великим единством мира» (имеется в виду термин «Да тун», а не термин «тай Хэ», что означает «великая гармония»).

В соответствии с этими же представлениями у ханьцев в материковой части Китая имеются «малые соперники», прежде всего, по обладанию территорией. Это монголы, корейцы, тибетцы, тайваньцы (тайваньские аборигены и ханьцы, которые веками живут на Тайване и в определенном смысле отграничивают себя и от ханьцев вообще и особенно от ханьцев на китайском материке), уйгуры, казахи, киргизы и другие народы юго-западной части современной КНР. Большинство этих народов пока не ассимилировано китайцами, несмотря на гигантские усилия, особенно в годы правления Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей; процесс такой ассимиляции осуществляется современным государством и правящей политической партией весьма усиленно.

Эти народы не стали органическими частями нации чжунхуа и фактически не признают ее ни в теории, ни на практике. Определенные обстоятельства вынуждают их жить в составе нынешних государств нации чжунхуа. Все они при известных условиях могут захотеть обладать самостоятельностью или высокой степенью автономии. Именно таково сознание этих этносов. Сознание же ханьского этноса или преобладающие в этом сознании в настоящее время настроения не допускают изменения ныне существующего положения, при котором ни один из упомянутых этносов не получает ни суверенитета, ни реальной автономии, и все они должны продолжать жить как бы в составе одной и единой нации, именуемой нацией чжунхуа, т.е. признавать руководящую роль ханьского этноса.

Главными национальными проблемами внутри КНР в настоящее время являются, с одной стороны, великоханьские настроения и, с другой стороны, ханефобия многих малочисленных относительно ханьцев этносов. Такого рода противоречия существуют постоянно и могут существенно обостряться при известных обстоятельствах, в частности при ослаблении власти центра.

В нынешних условиях существует единое для материкового Китая государство нации чжунхуа. Однако, учитывая все его особенности и реалии, можно предположить нарастание новых тенденций. Речь идет, в частности, о возможности не бояться внешнего врага, не беспокоиться о том, что кто бы то ни было способен силой отобрать у современной ханьской нации районы ее проживания. В этом смысле ни армия, ни границы не играют для нации чжунхуа, и прежде всего для ханьской нации, ханьского этноса, такой роли, как почти для всех остальных наций на планете. Форма государственности для нации чжунхуа, да и для ханьской нации, может в будущем быть произвольной: от единого унитарного государства до одновременного параллельного существования нескольких государств ханьской нации, нации чжунхуа. Какие бы государства не появились у ханьского этноса, они будут в культурно-историческом плане своеобразными государствами этого этноса. Никто не может навязать свое военное господство этому этносу, этой нации; ни одно государство в современном мире не способно на это, не имеет сил для этого, если бы оно даже и поставило перед собой такую задачу. Форма государственности для ханьской нации в будущем вовсе не обязательно будет современным унитарным государством (хотя и такая возможность реально существует); многое будет определяться экономическими интересами ханьского этноса или его частей.

Можно поставить вопрос и таким образом: а существует ли вообще в реальной жизни то, что именуется нацией чжунхуа? Возникло это понятие естественно, имеет оно под собой реальные вечные основы или же создано искусственно, лишь с определенными

политическими целями? А если ему присуща искусственность, то в какой степени? Вечна ли нация чжунхуа, если смотреть в будущее, или она относительно временна?

Ответ на эти вопросы, как представляется, может быть следующим. Да, нация чжунхуа сегодня существует в современных мировых политических и государственных реалиях. Нация чжунхуа существует в той степени, в какой она выступает сегодня на мировой арене, представляя главным образом и прежде всего ханьцев, проживающих на территории нынешней КНР.

Но в то же время следует, очевидно, понимать, что нация чжун-хуа — это, главным образом, ханьцы, и, следовательно, отличать нацию чжунхуа от нации ханьцев. Нация чжунхуа — это искусственное образование, которое существует на протяжении веков (хотя сам термин «чжунхуа миңцзу» — дитя двадцатого или в крайнем случае второй половины девятнадцатого века), но которое вовсе не обязательно сохранится навсегда. А может быть, в отличие от нации ханьцев, не сумеет сохраниться уже в обозримом будущем. Может сохраниться сам термин, но под ним будет совсем иная основа — это будут исключительно ханьцы, или часть ханьцев, или (возможно, но не обязательно) некоторые другие этносы, которые предпочтут войти в государство ханьцев или даже смирятся с ассимиляцией их ханьцами. В настоящее время в реальной политике на мировой арене приходится считаться, пусть даже относительно временно, с существованием такого феномена, как нация чжунхуа.

Некоторые этносы способны принимать на своей территории представителей других этносов, даже если они обосновываются там надолго, навсегда. Другие этносы отторгают представителей иных этносов, если те пытаются укрепиться на их территории. Ханьский этнос не воспринимает иные этносы. Он органически не может равноправно сожительствовать на территории, которую он считает принадлежащей ему, с другими этносами. Поэтому в КНР возможна только ассимиляция других, неханьских, этносов, более или менее растянутая по времени. Все неханьские этносы, живущие на территории современной нации чжунхуа, со временем будут поглощены и переварены ханьским этносом, либо они вынуждены будут вести жестокую борьбу за свое обособление и выживание в этническом смысле, стремясь обеспечить свое самосохранение. Иначе говоря, самые важные жизненные интересы ханьского этноса и других этносов в КНР не совпадают, а расходятся.

Другими словами, нация чжунхуа — это реалья во взаимоотношениях наций на земле сегодня, в межгосударственных отношениях. Идея нации чжунхуа — это основная идея, которой руководствуются современные государства этой нации — главным образом на материке и в меньшей степени на острове Тайвань. В то же время применительно к проблемам внутри КНР, да и Китайской Республики на Тайване, также реально существует вопрос об искусственности самого понятия нации чжунхуа, а точнее, об искусственности распространения этого понятия на слишком обширные территории; собственно говоря, понятие нации чжунхуа защищает карту территорий того, что называют исторической китайской империей (ее можно также называть в этом смысле империей чжунхуа), или выдают за такую империю, за государства нации чжунхуа. И это понятие насильно навязывается людям многих, помимо ханьского, этносов внутри Китая.

В будущем возможно прекращение существования как обоих ныне имеющих на политической карте мира китайских государств, так и одного из этих государств; возможно создание на их месте, на его месте, новых государств. Возможно также исчезновение самих теоретических построений, касающихся нации чжунхуа, присутствия в реальной жизни самого этого термина. Возможно и его сужение, т.е. применение его главным образом для обозначения ханьской нации, ханьского этноса или даже части ханьского этноса.

Термин «нация чжунхуа» представляется противоречивым. Если говорить о его содержании, о том, что в данном случае может быть вложено в слово «нация», по-китайски: «миңцзу», то в этом есть и позитивный элемент, так как основой нации является человеческая общность, человек. В идеале это прогрессивная и привлекательная постановка вопроса. Возможно, и это имел в виду Сунь Ятсен, толкуя вопрос о нации применительно к

Китаю. (Хотя нельзя упускать из вида и то значение, которое Сунь Ятсен придавал родству по крови, национальной и расовой общности.)

Однако в реальной жизни, в политике (особенно в КНР) невозможно не видеть и негативную сторону этого вопроса. Она состоит в том, что с помощью понятия «нация чжунхуа» все этносы насильно загоняются в рамки одной нации, не разрешается даже ставить вопрос о самоопределении народов и о вызревании наций из этносов или даже частей этносов. На практике все этносы должны следовать за одной национальностью — за ханьским этносом; государство в современном континентальном Китае считает своей главной задачей в этой области сохранение территориальной целостности, подавление любых проявлений сепаратизма.

Получается, что нация чжунхуа — это не просто нация, не просто одна из равноправных наций на земле; это наднация или супернация. Теория и практика осуществления идеи о существовании нации чжунхуа, особенно при Мао Цзэдуне и его последователях, свидетельствует о том, что в данном случае понятие нации, нации чжунхуа, не связано рамками этничности и государственности; оно возвышается и над государственностью и над этничностью; оно свободно от этих понятий и от законов, принятых многими составными частями человечества. И в то же время оно подминает под себя эти понятия, требуя от государств и этносов подчинения.

Получается, что нация чжунхуа — это сверхнация или супернация, которая может быть и теоретически и практически поставлена не только над человеческой личностью, но и над этносами или государствами. Понятие нации чжунхуа, применительно к КНР, выражает не только идею интернационализма в его сталинском и маоцзэдуновском толковании, но и идет дальше (здесь, как и во многих других вопросах, Мао Цзэдун пошел еще дальше Сталина, стал «сталиным в квадрате»). Понятие нации чжунхуа в данном случае выражает также и идею наднационализма, супернации, которая рассчитывает постепенно вобрать в себя все остальные нации земного шара, ассимилировать их.

Супернация чжунхуа в принципе открыта для включения в нее в будущем любых наций и государств в качестве ее неотъемлемых составных частей и превращения их в части одной нации с единым государством этой нации — нации чжунхуа. В то же время она не желает выпускать из своих рамок, за свои границы ни один из тех этносов, которые сейчас включены в состав супернации чжунхуа.

Таково, в основных чертах, понимание вопроса о нации, нации чжунхуа, превалирующее в настоящее время в индивидуальном и массовом сознании (или в подсознании) в КНР и составляющее основу практической политики правящей в континентальном Китае партии, Компартии Китая. Таково понимание вопроса о нации, о своей нации, у нашего соседа, соседа России — супернации чжунхуа.

ЧАСТЬ I

Москва — Пекин: первая ступень, или Постскриптум к первому визиту первого Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР

Продолжение и начало; интересы наций и государств

В декабре 1992 г. состоялся первый визит первого Президента России Б.Н.Ельцина в Китайскую Народную Республику. Если применять идеологические штампы прошлого, то можно было бы сказать, что это был визит лидера Демократической Новой России в Коммунистический Китай. Так мог бы расцениваться этот визит в рамках прежних представлений, прежней идеологической зашоренности. Такое определение визита сегодня не подходит, так как оно не отражает существа изменившейся ситуации. И все-таки мы вспомнили об этих «железобетонных формулах», потому что они сразу дают представление о том, насколько изменился вообще сегодня подход к российско-китайским отношениям как отношениям двух наций на мировой арене.

Визит Президента Российской Федерации в Китайскую Народную Республику ознаменовал собой начало новых межгосударственных отношений между РФ и КНР. Одновременно этот визит явился продолжением связей между Россией и Китаем как двумя нациями, связей, история которых насчитывает уже около четырех столетий. Эти отношения одновременно и новые и многовековые; в этом смысле у них сложный характер, в котором новизна переплетается с древностью и глубокой историей. Тут, будем надеяться, возникают новые возможности не только для развития двусторонних связей, но и для решения старых проблем. Две реалии — одновременное новое начало отношений и их продолжение — наложили свой отпечаток и на сам визит Президента России в КНР и на нынешние российско-китайские отношения в целом.

В ходе визита, вне зависимости от субъективных настроений партнеров по переговорам, беседам и встречам, Президент РФ Б.Н.Ельцин и Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь объективно в целом ряде случаев исходили из постоянных интересов своих наций; в то же время они руководствовались и интересами государств, ныне существующих в каждой из стран, государств, властные структуры которых они представляли, а также политическими взглядами, концепциями, присущими тем или иным политическим силам и партиям, и, наконец, своими личными представлениями о двусторонних отношениях и интересах своей стороны и стороны-партнера.

Таким образом в ходе этого контакта представителей РФ и КНР на высшем уровне в ряде случаев стороны приходили к решениям, которые объективно отвечали интересам обеих наций. В иных случаях им не удавалось прийти к соглашению. Вообще же, надо сказать, дело осложнялось еще и тем обстоятельством, что партнеры не были до той поры лично знакомы.

Некоторые позиции в переговорах диктовались односторонними или сиюминутными нуждами, которые, возможно, были весьма актуальны для той или иной из сторон, но никак не совпадали с постоянными, долгосрочными интересами наций.

Универсальность внешней политики РФ

С этим визитом в особенности, хотя, конечно, не только в связи с ним, внешняя политика России стала приобретать характер политики по всем направлениям, по всем азимутам, т.е. политики глобальной или универсальной. Внешняя политика РФ начала благодаря этому обретать уравновешенный характер. Стало очевидно, что в ней выправлялась однобокость, явный перекос в сторону действий только на западном

направлении. В первое время после возникновения Российской Федерации этот уклон был почти неизбежным явлением. Он вызывался естественным стремлением отвергнуть присущую политике СССР идеологическую враждебность и подозрительность в отношении всего, что исходило с Запада, а также отказаться от взгляда на западные страны как на неперемного потенциального военного противника.

С некоторым поворотом внимания в сторону, в частности, КНР политика РФ получила возможность приобрести устойчивость и определяться долгосрочными интересами России как нации, причем применительно как к Западу, так и к Востоку, и, в частности, к КНР, которая важна для России и политически и экономически. В свою очередь, и Россия политически и экономически важна для КНР.

И та и другая нация будут решать свои внутренние проблемы самостоятельно, опираясь по преимуществу на свои силы. Однако из того факта, что Россия и Китай были, есть и останутся соседями по планете с очень протяженной пограничной линией между ними, следует заинтересованность и той и другой нации в нормальных добрососедских отношениях, следует предпочтительность стабильности в двусторонних отношениях. Народы и России и Китая требуют от руководителей своих государств прежде всего обеспечивать мир и покой в двусторонних отношениях.

От шока к осознанию реалий

В тот момент, когда не стало Советского Союза, когда возникла Российская Федерация, обе стороны пережили в области их межгосударственных отношений нечто вроде шокового состояния. Партнеры были оглушены фактами, которые внезапно обрушились на них. В РФ весьма настороженно и с известной долей подозрительности взирали на государства, которые до той поры на Западе называли обычно коммунистическими, и прежде всего на КНР. В свою очередь, в КНР с подозрительностью и настороженностью смотрели на мгновенно преобразившегося соседа. В первый момент казалось, что эмоции, рождавшиеся идеологией, могли толкнуть партнеров на весьма острое идеологическое противостояние, могли заставить их воспринимать соседа как идеологического противника или как отступника, как угрозу основам своего миропонимания. К счастью, ничего подобного не случилось.

Состояние шока, временная оторопь быстро прошли. Стороны довольно скоро осознали, что следует не только смириться со случившимся, но и, более того, исходить из открывшихся благоприятных возможностей освободить межгосударственные отношения от воздействия на них идеологических соображений, так сказать, рафинировать отношения между нациями, между государствами; считать случившееся в определенном смысле благом для национальных интересов обеих стран. Ведь обе стороны получили даже небывалую возможность начать заново создавать нормальные межгосударственные отношения, свободные от негативных наслоений прошлого.

Стороны начали осознавать, что национальные интересы требуют постоянного, без каких бы то ни было перерывов, поддержания нормальных стабильных межгосударственных связей. Жизнь потребовала от Москвы и Пекина быстро найти новую основу двусторонних межгосударственных отношений. Стороны в короткие сроки успешно справились с решением этой задачи.

В связи с этим и была достигнута договоренность о визите Президента РФ в КНР. Учитывая, что в 1989 г. состоялась поездка тогдашнего руководителя СССР в Пекин, а затем в 1990 г. в СССР побывал глава правительства КНР и в 1991 г. Генеральный секретарь ЦК КПК, очередь была за российской стороной; такое решение было естественным и нормальным.

Обоюдная заинтересованность

В этом визите были в равной степени заинтересованы и РФ и КНР. Визит был необходим каждой из сторон прежде всего по внутривнутриполитическим, а также по внешнеполитическим соображениям. Руководители в Москве и в Пекине были заинтересованы в том, чтобы успокоить население и России и Китая, продемонстрировать и россиянам и китайцам нормальное состояние и характер двусторонних отношений. Москва и Пекин, исходя из своих интересов и на мировой арене, больше не могли затягивать паузу в двусторонних межгосударственных отношениях, которая в той или иной степени характеризовала их на протяжении нескольких, особенно первых, месяцев 1992 г.

Правительства РФ и КНР были заинтересованы в том, чтобы показать и своим народам и внешнему миру, что, во-первых, отношения между нынешней Россией и КНР носят нормальный и регулярный характер; во-вторых, визит должен был продемонстрировать, что у обеих сторон имеются общие подходы, определяющие основы отношений между ними, основы, заменяющие в весьма значительной части те принципы, на которых эти отношения базировались до той поры на протяжении нескольких десятилетий. В-третьих, визит должен был ознаменовать собой начало регулярных контактов на самом высоком государственном уровне между руководителями властных структур обеих стран; в-четвертых, Москва и Пекин таким шагом демонстрировали внешнему миру, что можно оставить в стороне надежды на то, что между РФ и КНР возможно возникновение серьезных противоречий в двусторонних отношениях, а также в подходе к важным вопросам регионального и глобального характера, во всяком случае в той их части, которая затрагивала наиболее существенные жизненные интересы обеих наций. Москва и Пекин показывали тем самым, что они не намерены позволить кому бы то ни было на мировой арене разыгрывать китайскую или российскую карту в ущерб национальным интересам РФ и КНР.

Блики и тени прошлого; опасения и стереотипы

Пойдя на этот визит, обе стороны продемонстрировали также добрую волю к развитию добрососедских отношений при взаимном уважении принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. В то же время на визите лежали и солнечные блики и сумрачные тени прошлых отношений, светлые страницы перемежались с темными, так как в истории было и то, что объединяло нации в борьбе за отстаивание каждой из них своей независимости и самого своего существования, но были и взаимная подозрительность, взаимное недоверие и даже взаимная враждебность.

И сегодня в России продолжают задаваться таким вопросом: а не опасен ли Китай и сейчас и особенно в будущем для России? Не вечно ли его стремление расширить жизненное пространство? Не будет ли все-таки когда-либо предъявлен Пекином тот счет по реестру якобы отторгнутых Россией территорий площадью, по разным подсчетам, опубликованным в КНР, от полутора до трех с лишним миллионов квадратных километров, о котором в свое время сделал публичное заявление, причем в беседе с японцами, председатель ЦК правящей в континентальном Китае и поныне политической партии Мао Цзэдун? Ведь это заявление до сих пор не опровергнуто и не дезавуировано ни КНР, ни КПК, в то время как верность «идеям Мао Цзэдуна» там продолжают подтверждать.

В свою очередь, многие китайцы сегодня тоже вопрошают: не станет ли через несколько лет мощная, экономически развитая Россия представлять собой новую опасность для Китая? Не произойдет ли так, что с уходом со сцены и от руководства страной КПСС, политика России со временем окажется жесткой в отношении, в частности, КНР?

В сознании довольно большого числа людей и в России и в Китае продолжают существовать прежние стереотипы отношения к соседу. В КНР при этом помнят о том, что

там называют исторической несправедливостью, навязыванием неравноправных договоров о границе, рассуждают о политике России до 1917 г. и после 1917 г., непременно элементом этой политики считая стремление России (и царской и советской России) превратить по крайней мере часть Китая в свою колонию или полуколонию (Синьцзян, Маньчжурия, Монголия). Причем именно такие представления о нашей стране и о характере наших отношений с Китаем закладываются до сего дня во всех школах в КНР в умы подрастающих поколений китайцев. В России же, в свою очередь, среди людей нынешнего старшего поколения существует твердая уверенность, даже убежденность в том, что и во время внутренних войн в Китае, и во время войны, в ходе которой Китай давал отпор японской агрессии, и после создания КНР люди России или тогдашнего Советского Союза, буквально отрывая от себя последнее, оказывали помощь китайцам. Пусть в форме кажущихся богатому Западу и некоторым руководителям КПК-КНР того, да и нашего, времени, небольших, но кредитов, поставок оружия, важных для ведения военных действий и мирного строительства материалов и оборудования, а также самоотверженной честной работы советских военных советников и других специалистов в КНР. А в ответ получили черную неблагодарность, такую враждебность тогдашнего руководства КПК-КНР во главе с Мао Цзэдуном, которая обернулась даже применением оружия на границе против советских пограничников.

Среди молодого поколения в РФ в настоящее время может создаваться и новый стереотип отношения к КНР и к ее гражданам, основанный прежде всего на нынешнем состоянии двусторонних торгово-экономических связей и общения на уровне многочисленных, так сказать, рядовых людей и мелких и средних бизнесменов. На этом мы еще специально остановимся в дальнейшем.

Исчезновение идей прежних лет

Конечно, и в РФ и в КНР преобладают надежды на благополучное развитие двусторонних отношений, на то, что разум при решении многочисленных трудных вопросов победит, что отныне никто не допустит новой конфронтации или обострения уже существующих, с таким трудом восстановленных нормальных межгосударственных дипломатических отношений.

И в то же время необходимо думать и говорить о трудностях, так как нельзя спокойно и с уверенностью в будущем жить с закрытыми глазами; тем более нельзя найти правильный путь вперед, не представляя себе препятствий на этом пути.

Сегодня многое изменилось в двусторонних отношениях. Поблекли или совсем отвергнуты многие на протяжении десятилетий представлявшиеся незыблемыми и основополагающими принципы, на которых строились отношения, скажем, в 20 — 50-х гг., да и в определенной степени вплоть до последнего времени. Имеются в виду, в частности, тезисы о «союзе с Россией» (Сунь Ятсен), о «залпах Октябрьской революции, которые донесли до Китая марксизм-ленинизм» (Мао Цзэдун), о выводе «идти по пути русских», а далее о «вечной и нерушимой дружбе», о «братских дружественных отношениях» СССР и КНР, о «старшем брате», о том, что «ваш (СССР) сегодняшний день — это наш (КНР) завтрашний день», о «бескорыстной помощи».

Сегодня больше нет союзных отношений между двумя государствами. Почти все это, так или иначе, отвергнуто либо реальным развитием событий, либо вообще историей, кануло в лету. (Хотя, конечно, хотелось бы сохранить рациональные зерна отношений прошлого, учитывая, что тогда, как и сейчас, люди тоже с надеждой смотрели в будущее. Правда, вольно или невольно, часто впадая в самообман, пытаясь обмануть или обманывая других людей.)

Главные принципы сегодняшнего дня

Сегодня на первый план вышло то, что проверено временем и практикой, а именно — главными принципами нынешних отношений между РФ и КНР должны стать вечный мир, полная самостоятельность и независимость каждой стороны в этих отношениях и их полное равноправие. Речь идет о независимости при полном равноправии и о равноправии в условиях полной независимости каждого из партнеров. Независимость и равноправие — это непереносимое условие нормальных отношений между Москвой и Пекином в любой области.

Одновременно остается надеяться, что обе стороны, наученные горьким опытом прошлого, усвоили и ту истину, что нормальные межгосударственные дипломатические отношения необходимо бережно хранить, причем вне зависимости от состояния связей во многих других областях, скажем вне всякой зависимости от идеологических и внутривластных, а тем более однопартийных или чисто личных соображений того или иного политического лидера. Межгосударственные дипломатические отношения разумно сохранять в нормальном состоянии при любой ситуации, при любом повороте событий. Желательно вообще сохранять все позитивное, что имеется в наших двусторонних отношениях в настоящее время, и лишь приумножать его, не допуская никаких утрат.

Ответственная власть; защищать человека

В отношениях с КНР, в советский период во всяком случае, существовала одна особенность в политических действиях или, лучше сказать, в политическом поведении высших руководителей нашей страны, в то время СССР. Первые руководители обычно сами принимали важнейшие решения в политике относительно КНР и требовали неукоснительного выполнения этих решений. При этом, вне зависимости от того, было ли то или иное решение правильным или неправильным, учитывало оно интересы нашей страны или не учитывало их, отвечало оно совпадающим интересам СССР и КНР или не отвечало таким интересам, — все равно практически на всех уровнях, и прежде всего в Министерстве иностранных дел, существовало правило: выполнять беспрекословно и не размышляя то, что было сказано сверху, высшим руководителем. Это порождало много ошибок, а также сковывало дипломатов, особенно китаеведов; к их экспертным оценкам руководство страны обычно не обращалось. В такой обстановке естественно развивалась тенденция подстраиваться под настроения руководителя (или руководителей) партии и государства.

В начале 90-х гг., уже после краха СССР и появления Российской Федерации, с одной стороны, проявлялось желание представить высшему руководству страны Китайскую Народную Республику как страну коммунистическую только по вывеске, а на самом деле уже проводящую реформы, изменившие суть роли партии и государства в хозяйстве страны, ставшую на путь свободного предпринимательства и рыночного развития в экономике, успешно претворяющую в жизнь демократические по своему содержанию политические реформы. Одновременно, с другой стороны, возникли тенденции представлять КПК как якобы единственную силу, правильно решающую внутренние проблемы, обеспечивающую стабильность в КНР, что соответствует интересам России. Очевидно, при этом руководствовались мыслью о том, что КНР, особенно в будущем, может представлять самую серьезную военную угрозу для нашей страны, а потому, дескать, единственный путь к спасению — это максимально потакать Пекину, сохраняя тем самым не только общую благоприятную атмосферу в отношениях, но и получая взамен от Пекина его нейтралитет, гарантию ненападения на нашу страну сегодня и в обозримом будущем.

По сути дела, вольно или невольно, осознанно или неосознанно, наши чиновники заботились не о защите интересов России, а о действиях в интересах Пекина, причем зачастую в ущерб своей стране. В первые месяцы существования Российской Федерации такая позиция диктовалась надеждами на реставрацию прежнего строя и прежней

политической системы в нашей стране. При этом закрывали глаза на опасные, настораживавшие стороны в политике КПК-КНР с точки зрения обеспечения интересов России и на потенциальную нестабильность, как одну из перспектив развития политической и экономической ситуации в КНР. Вся вина за негативные стороны в наших двусторонних отношениях с Пекином, как в прошлом, так и в настоящем, вновь возлагалась на российскую сторону, особенно на Президента Российской Федерации (в то время Б.Н.Ельцина) и на министра иностранных дел (в то время А.В.Козырева), которые якобы смотрели на КНР только как на «красную опасность», а потому, дескать, не были способны должным образом наладить отношения с КНР и не могли взять и применить в России ценный опыт Пекина в сохранении политической системы и в решении проблем экономического развития.

Прямо и публично такие взгляды, вполне естественно, не высказывались, но подспудно они существовали, находили свое проявление как в практической деятельности или бездеятельности ряда чиновников государственного аппарата, так и в платформах определенных политических сил в России.

На практике же и президент и министр иностранных дел не только довольно быстро продемонстрировали стремление наладить отношения с Пекином, но и предприняли шаги, которые заставили критиков больше не ставить вопрос таким образом.

Существовала и другая сторона этого же вопроса. Высшая власть в нашей стране, в СССР, в прошлом ни перед кем не несла ответственности. Это была власть без ответственности. У руководителей, как на самом верху, так и на более низких ступенях лестницы власти, вырабатывалась привычка сваливать все ошибки и промахи на рядовых исполнителей. Это была одна из основных характерных черт руководителей КПСС-СССР: они были эгоистами высшей пробы, для них человек ничего не значил, своего человека они перед иностранным государством никогда не защищали; они были также всегда готовы пожертвовать человеком во имя своей власти; они использовали репрессивный аппарат для того, чтобы наказывать любого, кого считали опасным для себя, в том числе и тех, на кого они сваливали свои промахи в сфере внешней политики. Советская власть была бесчеловечной и античеловечной, в данном случае это оборачивалось ущербом и для человека, для конкретных людей, для, так сказать, рядовых исполнителей воли вождей — и для нашей страны в целом.

В то время возникла ситуация, при которой постепенно люди, на практике осуществлявшие внешнюю политику в отношении КНР, да и не только этой страны, приходили к выводу, что своя власть, свои руководители, руководители КПСС-СССР, никогда не будут защищать того или иного конкретного работника, особенно человека, проявившего самостоятельность или пошедшего на такие шаги, которые хотя и диктовались обстановкой или необходимостью защищать интересы нашей страны, но вызвали недовольство зарубежных партнеров, в данном случае властей КНР.

Зная об этом, Пекин многократно разыгрывал спектакль, проявляя публично и шумно свое раздражение и недовольство якобы промахами представителей нашей стороны, хотя, по сути дела, за этим спектаклем скрывалось желание навязать нам решения, которые были выгодны лишь Пекину и не были выгодны нашей стране. Советские руководители защищали своих людей в этих ситуациях лишь в тех случаях, когда недовольство Пекина лично затрагивало политические взгляды или, пуще того, положение у власти того или иного из высших руководителей в Москве. Поэтому сотрудники советской дипломатической службы, внешнеторговых, внешнеэкономических учреждений и других организаций, связанных по роду своей работы с материковым Китаем, вольно или невольно, осознанно или неосознанно, признаваясь в этом себе и другим или не признаваясь, на практике усваивали, что свое, советское руководство никогда не защитит человека, если на него жалуются иностранцы, в нашем случае власти КНР.

Отсюда рождался стереотип поведения, выразившийся в известной формуле: «Не надо дразнить гусей». Иначе говоря, своих начальников советские дипломаты боялись и не

доверяли им настолько, что уходила прочь не только всякая объективность в действиях, в практической работе, но и забота об интересах своей страны, своей нации.

В результате основным правилом для практических дипломатических работников становилось следующее: поступай так, чтобы это понравилось Пекину, и в частности — находящимся в данный момент у власти в Пекине руководителям, иначе тебя накажут твои же собственные вышестоящие начальники. К сожалению, эта ситуация в определенной степени сохраняется и сегодня.

Отсюда и у дипломатов и у представителей средств массовой информации, зависящих прямо или косвенно от властей, возникает стремление подстраиваться к политике Пекина, оправдывая это известной ссылкой на необходимость сохранять хорошую атмосферу в отношениях, а на самом деле не защищая и не отстаивая подлинные интересы России. Здесь виноваты и высшие и другие руководители (на них лежит основная доля вины), и сами низесидящие сотрудники, которые, к сожалению, в большинстве случаев привыкают видеть себя только исполнителями высочайшей воли. Современное российское руководство много выиграло бы, если бы оно поощряло размышления дипломатических сотрудников, да и ученых — экспертов по Китаю, которые раскрывали бы с максимально возможной глубиной сложность и трудность проблем, существующих в наших двусторонних отношениях, предлагали бы пути их решения, удерживали власть от неверных шагов.

Такая откровенность во имя будущего сейчас совершенно необходима. Руководители нашей страны на практике должны демонстрировать, что они действительно прежде всего защищают своих людей, которые работают в сфере внешней политики и никогда их не оставят в трудной ситуации.

Партнеры

Стремление прежде всего угодить руководителям Пекина, которое в прошлом во многом было причиной углубления трудностей и разногласий между двумя странами, порождало, помимо всего прочего, фальшь в отношениях, превратное представление в КНР о настроениях русских. Конечно, уважение к партнеру — особая статья, но принесение в жертву национальных интересов — это совсем иное дело.

На этом надо остановиться потому, что не только в прошлом, но и в связи с первым визитом Президента РФ в КНР, предпринимались попытки говорить о необходимости делать скидку на специфику Китая, которая в данном случае трактовалась как его исторические и религиозные традиции, превалирование в Китае понятия государства над понятием личности. Представляется, однако, что все это — своего рода даже вмешательство во внутренние дела другой страны, так как она сама определяла, определяет и будет определять в каждый данный период истории свое отношение ко всем вопросам, в том числе и к вопросу о правах человека. При этом важно отметить, что совсем не обязательно правы те, кто думает, что в одной стране всегда существовало и будет существовать лишь одно толкование того или иного вопроса. В китайском обществе существуют самые разные мнения по многим вопросам, в том числе и по упомянутому выше. Здесь хотелось бы повторить, что это — внутреннее дело каждой страны и в него не следует вмешиваться со стороны, например, заявлять, что мы, как государство, поддерживаем одну какую-либо точку зрения, существующую в чужой стране, пусть даже эту точку зрения разделяют находящиеся у власти в данный момент руководители этой страны. Эта ситуация отражает правило: отделять межгосударственные отношения от внутренних дел соседа.

Итак, уроки истории говорят, что нужно не стараться угодить собственным руководителям и не подстраиваться к Пекину, а исходить прежде всего из интересов России, защищать их и только на этой основе искать такие решения существующих в двусторонних отношениях проблем, которые действительно удовлетворяли бы обе стороны. В том случае, если отношения покоятся на такой основе, это и будут отношения двух равных партнеров.

Отсутствие врага

Очень важным представляется то, что ныне в Москве и в Пекине, очевидно, в гораздо большей степени, чем раньше, понимают, что у наших двух стран нет какого-либо общего врага. Обе нации начинают освобождаться от вечно угнетавших их мышление идей врага — врага внутреннего (как пятой колонны) и врага внешнего. Освобождение от этих настроений происходит с трудом. Но в области межгосударственных отношений делать это необходимо в первую очередь. Конечно, всегда существовали, существуют и будут существовать интересы наций, которые могут не совпадать и входить в противоречия, которые требуется согласовывать. Но приспособление наций друг к другу, пусть даже изобилующее трудностями, — это не деление всех и вся на своих и врагов.

Во время визита Президента России в КНР такие шаги предпринимались. Стороны ясно показали, что они не намерены разыгрывать какую бы то ни было и чью бы то ни было карту, когда речь идет о межгосударственных отношениях. Они не вступили между собой в союзные отношения, но такой подход создает гораздо более прочную основу для двусторонних межгосударственных отношений, чем в прошлом. Позитивные стороны и негативные тенденции

В российско-китайских межгосударственных двусторонних отношениях существует ряд областей, где может быть продолжено либо начато эффективное и плодотворное и для той и для другой стороны сотрудничество. Речь идет о продолжении и развитии торгово-экономических связей, в частности об использовании атомной энергии в мирных целях. Первоначально сложилось также впечатление, что стороны могут помогать друг другу в области конверсии на оборонных заводах, а также в реконструкции тех промышленных предприятий, которые в свое время были построены в КНР с помощью СССР.

Что касается планов создания сельскохозяйственных кооперативов на территории РФ с привлечением рабочих руки и агротехники из КНР, то представляется необходимым, чтобы обе стороны с величайшей осторожностью подходили к вопросу о проживании, даже на короткие, ограниченные сроки на территории РФ компактных коллективов или масс граждан КНР. Это вопрос настолько болезненный для людей в России, что лучше было бы не давать никаких поводов для того, чтобы его пришлось поднимать снова. Сегодня Россия не воспримет положительно желание компактных групп граждан КНР обосноваться на более или менее длительный срок на ее территории. Такого рода действия будут в массовом сознании в нашей стране восприниматься как проведение государством в континентальном Китае политики колонизации российской территории и способствование ему в этом российских властей, если те не займут позицию, отвечающую желаниям своего населения. Кроме того, это может привести к столкновению людей наших двух наций на территории России.

Двухсторонние отношения РФ и КНР очень сложны. В них есть то, что достойно поощрения, поддержки и развития. Однако ни в коем случае их невозможно характеризовать, как отношения, свободные от политических проблем, от расхождений во мнениях по весьма серьезным вопросам. Причем здесь переплетаются политические и экономические проблемы. Сегодня невозможно отделять друг от друга политические и экономические стороны наших двусторонних отношений.

Нельзя закрывать глаза на то, что и в начале 1990-х гг. накапливались, возможно помимо воли руководителей обеих сторон, хотя это и не всегда так, серьезные потенциально опасные разногласия. Например, мог всплыть в том или ином ракурсе вопрос о намерениях Пекина «возвратить» российские земли на Дальнем Востоке.

Осторожность была нужна и в отношении инвестиций из КНР в районы Дальнего Востока. При этом, во-первых, важно со всей тщательностью проанализировать вопрос о

том, действительно ли то, что именуется инвестициями, идет на пользу нашей экономике. Во-вторых, именно там, в районах, на которые в той или иной степени существуют так называемые «исторические территориальные претензии» с китайской стороны, необходимо разбираться в том, не служат ли те или иные инвестиции планам превращения значительной собственности в находящуюся под тем или иным, пусть сначала лишь хозяйственным, а затем и административным управлением представителей китайской стороны.

На бытовом уровне в первой половине 90-х гг. сталкивались между собой далеко не лучшие представители обеих наций. В результате разрушались положительные стереотипы, в частности образ китайца в России. А это на протяжении всех предшествующих десятилетий XX в. был образ человека трудолюбивого, бедного и честного. Эти представления хотелось бы сохранить (за исключением со временем, может быть, бедности, хотя и тут вопрос не столь прост. На нем мы еще остановимся ниже особо, придавая ему важное значение).

РФ и КНР соперничают сегодня на мировом рынке вооружений. Отсюда следует необходимость задуматься над целесообразностью продажи некоторых видов вооружения Китайской Народной Республике (особенно, имея в виду возможность налаживания в КНР производства тех или иных видов вооружений с целью их дальнейшего экспорта в третьи страны) и над возможными последствиями этого как непосредственно для РФ и государств СНГ, так и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и т.д.

Вопрос этот тем более сложен, что помимо соперничества на мировом рынке вооружений стороны вступили в весьма активные связи по военно-технической линии; Россия заинтересована в продаже своего оружия, а КНР в приобретении его. Здесь переплетаются интересы сторон (национальные, государственные, внешнеполитические, экономические и т.д.). Стороны заинтересованы не только в продолжении и развитии, но и в расширении такого рода связей. В то же время для них оказалось затруднительным согласовывать цены и форму оплаты сделок и контрактов таким образом, чтобы это действительно было выгодно и той и другой стороне. Отзвуки этой несогласованности могли порождать негативное отношение к соседу у населения обеих стран.

На рынке космической техники Россия также уже начинает ощущать, что ее туда либо не очень охотно пускают, либо стремятся вытеснить с уже имеющихся позиций. Здесь определенную роль, причем неблагоприятную для интересов России, начала играть и КНР.

Чрезвычайно важным представляется и вопрос о том, боится ли России сегодняшняя КНР. Говоря об объективной стороне дела, отметим, что раньше Пекин в определенной степени опасался Москвы. (Другой вопрос, представляла ли наша страна реальную военную опасность для континентального Китая в годы существования СССР; на самом деле она никогда не имела агрессивных, наступательных замыслов и планов.) Сейчас произошли большие изменения в ситуации. Эпоха, когда КНР исходила из превосходящей военной мощи России, или уже ушла, или стремительно уходит. Пожалуй, можно сказать, что в КНР начинает доминировать мысль о том, что нет оснований особенно опасаться России. Там иной раз начинают играть цифрами, сопоставляя более чем миллиардное население КНР и менее чем стомиллионное (так кое-кто полагает в Пекине, относя к настоящим жителям России только русских по национальности) население России. При этом можно услышать и такие высказывания: «Население Китая — это миллиард с хвостиком, в то время как население России — это лишь тот самый хвостик...» Вероятно, при этом могут возникать желания «вертеть таким хвостом». Над этим необходимо задуматься особо, так как от руководителей КНР могут ускользать многие важные факты, в том числе мысль о комплексном характере потенциальной мощи той или иной нации, а также о национальном характере людей России, особенно остро реагирующих на пренебрежительное и высокомерное к себе отношение.

Новое содержание

Можно ли говорить о новом качестве отношений между РФ и КНР после первого визита в Пекин Президента России в декабре 1992 г.? Очевидно, речь идет о новом содержании этих отношений, об их новой основе и об их новых сторонах.

Действительно, отношения между РФ и КНР не могут быть точно такими же, какими были связи СССР и КНР. Здесь новизна неизбежна. В чем же состоит различие между отношениями в прошлом и в настоящем? Можно ли полагать, что раньше отношения были идеологизированы, а ныне они освобождены от идеологии?

В прошлом деятельность государств в обеих наших странах была подчинена политике правивших в той и другой стране коммунистических партий. При этом номинально у обеих правящих партий, и в СССР и в КНР, была одна и та же идеология. В настоящее время в одной из стран, в РФ, нет правящей политической партии, руководствующейся этой идеологией. Поэтому на самом деле исчезает общность идеологий правящих политических партий как основа межгосударственных отношений наших стран. В этом смысле двусторонние межгосударственные отношения действительно деидеологизированы; они освободились от общей основы, которой, по крайней мере формально, считался марксизм-ленинизм.

Тем не менее у каждой из сторон есть своя идеология. Надо полагать, что так будет и в дальнейшем.

Считается, что теперь и та и другая сторона стремится не превращать в проблему разногласия по идеологическим вопросам. Субъективно руководители обеих стран не хотели бы выносить на арену межгосударственных отношений вопросы идеологии. В то же время обе стороны неизбежно должны задумываться о том, какой системой идей руководствуется партнер, и учитывать это в своих действиях. Делать или не делать проблему из того, что в настоящее время они руководствуются различными системами идей? Формально сейчас обе стороны согласны с тем, что эти вопросы затрагивать не следует, а вместо того надо бы исходить из общих для всех государств земного шара принципов международного права, а точнее, принципов Устава ООН.

Судя по итоговому документу визита, по совместному заявлению, российская сторона пошла, как она полагает, навстречу КНР и, наряду с принципами Устава ООН, согласилась упомянуть о том, что в Пекине называют «пятью принципами мирного сосуществования».

Можно было бы ограничиться упоминанием о принципах, заложенных в Уставе ООН. Это было бы нейтрально, и при этом обе стороны остались бы в равном положении, были бы соблюдены принципы равенства и независимости сторон — главные принципы, гарантирующие сегодня нормальное состояние двусторонних отношений. Совсем не обязательно было включать в текст совместного заявления упоминание о «пяти принципах мирного сосуществования». Спрашивается, почему мы должны или обязаны применять термин, который существует в другой стране? Ведь термин «пять принципов мирного сосуществования» Пекин считает изначально «своим», рожденным в Китае. В этот термин КНР вполне естественно вкладывает свое содержание, полагая себя единственным легитимным толкователем этих принципов.

Ни у кого нет никаких гарантий, что РФ и КНР и сегодня и в будущем будут вкладывать в этот термин одно и то же содержание. Не будет ошибкой предположить, что Пекин способен, если сочтет это выгодным для себя, выступить со своим толкованием «пяти принципов мирного сосуществования», особенно если это представится ему необходимым для того, чтобы осудить кого угодно на мировой арене за отступление от этих принципов.

Эту ситуацию можно воспринимать, в частности, и как отступление от тезиса о деидеологизации межгосударственных отношений, ведь КНР навязала РФ свой термин. Думаю, что это неверно в принципе. Конечно, при соответствующей ситуации стороны

могут осуждать друг друга и за искажение принципов ООН, но в этом случае, по крайней мере, есть возможность обратиться в само сообщество государств, в ООН, а не оказаться в положении страны, изначально принявшей точку зрения партнера.

К сожалению, в начале 90-х гг. скрытое противостояние идеологии правящей партии в КНР и демократической идеологии в России углублялось и усиливалось, причем главным образом из-за позиции Пекина; нельзя было исключать того, что нам придется вновь пережить период острых столкновений по идеологическим вопросам, да и в области межгосударственных отношений, прежде чем все, особенно в Пекине, осознают, что назад дороги нет и межгосударственные отношения Москвы и Пекина необходимо строить, исходя из посылки о полной независимости партнеров в области идеологии.

Общий старт и финиш

Можно ли полагать, что общим для РФ и КНР в начале 90-х гг. было то, что у обеих стран один и тот же стартовый пункт — плановое хозяйство, и один и тот же конечный пункт или цель — рыночное хозяйство? Можно ли вводить такой тезис в философию высказываемого на государственном уровне общего подхода к двусторонним отношениям?

По форме здесь, как представляется, не соблюден принцип отделения идеологии от внешней политики, а вернее, от вопросов двусторонних межгосударственных отношений. Ведь вопрос о том, какое хозяйство иметь в стране, как характеризовать это хозяйство, какой терминологией при этом пользоваться, — это внутреннее дело каждой страны. Это не вопрос из области межгосударственных отношений. Вопрос о государстве и его внешних сношениях, особенно при контактах с иностранными партнерами, должен, очевидно, отделяться от вопроса о том, какая экономическая или политическая структура существует в той или иной стране.

По сути дела, невозможно отрывать политическую систему от экономической. Нельзя обходить вопрос о политической структуре и говорить только об экономической. Сами термины «плановое» или «рыночное» носят определенное идеологическое содержание, могут толковаться по-разному. Этих терминов лучше было бы избегать в области межгосударственных отношений.

Если же говорить о конечной цели, то вряд ли ее можно ограничивать рыночным хозяйством. Даже если принять такую формулировку, нельзя исходить априори из того, что у Москвы и Пекина одна конечная цель. Наконец, упоминая о рыночном и плановом хозяйстве, нельзя оставлять в стороне вопрос о демократии. Он так или иначе здесь будет присутствовать.

В этой же связи необходимо упомянуть и о том, что существует точка зрения, что КПК сегодня лишь номинально остается коммунистической, по сути дела являясь уже не коммунистической, а национальной, чуть ли не демократической партией. Пока нет признаков того, что КПК уже превратилась в национальную или национально-демократическую партию. Нельзя исключать и такие варианты развития политических событий в КНР, как обострение внутривнутриполитической борьбы. Поэтому нашим официальным учреждениям и государственным деятелям разумно было бы чрезвычайно осторожно давать оценки политики и позиций КПК, чтобы не повредить развитию отношений России и континентального Китая как двух соседних наций; предпочтительнее было бы избегать высказывания такого рода оценок вообще.

Дружественные страны

В ходе визита стороны подписали документ, названный «Совместным заявлением». В нем, в частности, утверждалось, что отношения между РФ и КНР — это отношения между двумя дружественными государствами.

Итак, Россия считает КНР дружественной страной, а КНР называет Россию дружественной ей страной. Что это означает?

Думается, что здесь правительства и той и другой страны были вынуждены откликнуться, не могли не откликнуться на требования своих народов, на требования наций не ставить их в положение сторон, находящихся в состоянии конфронтации. Обе нации, исходя из своих коренных интересов, учитывая свой прошлый опыт, сознательно или интуитивно отвергли конфронтацию, существовавшую в прошлом в отношениях между их государствами. Термин «дружественные страны» применен с той целью, чтобы закрепить именно эту характеристику за двусторонними отношениями. Это в основном относится к двусторонним, внутренним для двух наций, делам. Это не играет роли или играет значительно меньшую роль, если рассматривать вопрос с точки зрения состояния дел на мировой арене.

Это — не дружба «против» кого бы то ни было, не свидетельство того, что двое друзей могут совместно дать отпор кому бы то ни было, а скорее показатель того, что никто не должен рассчитывать спровоцировать снова эти две нации, два данных государства на обострение двусторонних отношений, на конфронтацию и тем более на военное противостояние или военное столкновение между собой. Отказ от силовых, военных методов решения вопросов, существующих в двусторонних отношениях, — вот в чем суть обоюдного признания друг друга дружественными государствами. Здесь был сделан следующий шаг на пути налаживания двусторонних отношений после нормализации связей в 1989 г.; в 1992 г. стороны декларировали переход от нормальных двусторонних межгосударственных отношений к дружественным отношениям.

Это вовсе не означает, что в КНР теперь больше нет антирусских или антироссийских настроений и что в Пекине больше никто не рассматривает Россию как «угрозу с Севера», как угрозу для КНР и КПК, как их постоянного потенциального противника. Это не означает также, что в России уже нет недоверия и настороженности в отношении этого соседа. К сожалению, и то и другое имеется. Еще не устранены все причины, вызывающие взаимную подозрительность и опасения.

В прошлом в КНР усилиями властей было глубоко внедрено в умы людей представление о России (царской и советской, без разницы между ними) как об опасном северном соседе, своего рода северном хищном медведе. Это несправедливо по отношению к России как нации. И дело тут не только в том, что лишь отдельные акты отдельных руководителей российского государства носили характер несправедливости по отношению к Китаю (кстати сказать, то же самое можно сказать и об отдельных актах отдельных руководителей китайского государства по отношению к России). Россия как нация ни в чем не виновата перед Китаем. Более того, именно как нация Россия в свете истории межгосударственных отношений не может рассматриваться даже так, как многие страны Западной Европы и особенно Япония, которые действительно приходили в Китай с войной и с планами захвата китайской территории, а на практике и осуществляли эти планы. Подобной вины у России нет.

И договоры, которые подписывали Россия и Китай, в том числе договоры о границе, были обоюдоприемлемым компромиссом между двумя нациями, которые в основном делили между собой недостаточно освоенные территории мирным путем.

С другой стороны, и в России сложилось устойчивое представление, что в КНР есть политики, которые сознательно с далеким расчетом, с некими планами на будущее, имея в уме антирусские стратагемы, воспитывают огромные массы китайского населения в духе взгляда на Россию как на вечного должника Китая, воспитывают в духе несправедливого

отношения к России и ее народу, в духе сохранения в глубине души китайца, представителя нации чжунхуа, инстинктивной подозрительности по отношению к России, а также мечты о возвращении якобы утраченных китайской нацией территорий. Этот миф о несправедливости России по отношению к Китаю, миф об отторгнутых Россией у Китая территориях — самое вредное и самое несправедливое по отношению к нашей стране и нашему народу наследие, искусственно созданное и навязанное своему народу правителями цинского Китая и Мао Цзэдуном, его последователями и приверженцами. Важно подчеркнуть, что такой взгляд на историю побуждает руководителей континентального Китая проводить атакующую политику по отношению к нашей стране, которая в этих вопросах практически на протяжении всего XX в. занимала и занимает оборонительные позиции, лишь защищала себя, и то не всегда успешно.

Поэтому в настоящее время ни российским, ни китайским государственным деятелям нельзя убаюкивать себя. Требуется настойчивая работа по преодолению неверных представлений в умах людей относительно соседней нации. Нации в конечном счете должны отбросить все рассказы о несправедливости в прошлом и настроиться на вечный мир в отношениях двух соседей. В общем-то, в прошлом люди, и российские и китайские, если судьба сводила их вместе на низовом, так сказать, уровне, жили по-человечески, по-соседски. Особых проблем не возникало. И только политика властей разделяла народы, разделяла нации.

Хорошо было бы, если бы стороны дали одна другой взаимные гарантии того, что никто и никогда не будет предъявлять никаких территориальных претензий, а все прошлые заявления, в том числе и заявление Мао Цзэдуна на этот счет, дезавуируются. После получения таких юридических заверений между РФ и КНР действительно могут установиться отношения вечного мира и действительно трудно будет разжигать друг против друга ненависть или подозрительность в широких масштабах. А сейчас, например, в России специалистам по КНР трудно убедить массы россиян в том, что заявление Мао Цзэдуна, его претензии на миллионы квадратных километров российской территории, ничего, дескать, не значат в реальной жизни. Нет, они многое значат для людей России, и с этим необходимо считаться и в РФ и, думается, придется в конце концов считаться и в КНР.

Итак, позиция КНР в вопросе о «дружественных странах» проистекает из одного постоянного долговременного принципа отношений между нациями — принципа независимости государства в межгосударственных отношениях. Позиция РФ определяется другим, но тоже постоянным интересом нации — иметь гарантию целостности, суверенитета над землями, где живет российский народ, иметь гарантию сохранения территории проживания нации. И думается, что здесь не сказано последнее слово. Нациям еще придется успокаивать друг друга. К сожалению, пока этого не произошло и тянет вниз опасный груз представлений прошлого.

Договор

В ходе подготовки визита российская сторона проявляла настойчивость, неоднократно предлагая партнеру ознаменовать визит Президента РФ в КНР подписанием двустороннего договора об основах отношений между двумя государствами. Пекин столь же упорно отводил эти предложения. Таким образом имело место расхождение позиций обеих сторон и отсутствие взаимопонимания по этому вопросу.

С точки зрения российских представителей, обоим государствам было бы выгодно поставить развитие новых межгосударственных отношений на общую основу, заложить юридическую базу межгосударственных отношений. Российская сторона также исходила из того, что ранее такие соглашения или договоры существовали, сложилась своего рода традиция иметь такого рода документы (1924 г., 1945 г., 1950 г.) и чувствовала себя как бы в недостаточно стабильной ситуации в условиях, когда такого договора не было с 1980 г.

Более того, в Москве, очевидно, полагали, что само развитие ситуации на мировой арене, где после краха СССР осталась лишь одна «сверхдержава», т.е. США, должно побуждать РФ и КНР заявить о том, что между ними существуют в определенной форме, независимо от ее содержания, договорные отношения.

Казалось бы, позиция российской стороны не только логична, но и приемлема для обеих сторон, обеспечивает договорное закрепление тех принципов, с которыми будут согласны обе стороны. Почему же в таком случае Пекин не пошел тогда на принятие предложения Москвы? Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Речь шла, с точки зрения КНР, о принципиальном вопросе. Расхождение именно по этому вопросу являлось одним из важнейших показателей того, насколько необходимо тщательно и внимательно изучать в Москве позицию партнера и насколько важно проявлять понимание его взглядов и не навязывать Пекину принципиально неприемлемые для него положения. Ведь заранее можно было сказать, что Пекин не пойдет на подписание такого договора с Россией, во всяком случае при нынешней ситуации и до той поры, пока внешняя политика КНР определяется сложившейся внешнеполитической концепцией КПК. Вполне очевидно, что исторический опыт второй половины XIX и всего XX в. вызвал у нашего партнера устойчивую аллергию (другое дело, обоснованна ли эта аллергия или нет) на договоры вообще, и на договоры с Россией в частности.

Пекин разъяснил это российскому президенту весьма дипломатично. Он заявил, что в период реформ, начиная с 1979 г., КНР не подписывает ни с одной страной никаких договоров общего характера, в которых обе стороны связывали бы себя некими общими принципами отношений. Было одно исключение из этого правила. Был подписан китайско-японский договор. Но это был договор о мире. Иначе говоря, речь шла об общепринятом в межгосударственных отношениях и в международном праве юридическом акте, с помощью которого кладется конец состоянию войны между государствами. Вопрос о войне и мире в отношениях между двумя нациями требует подписания договора о мире. Этим актом прекращается ненормальное состояние двусторонних отношений. При нормальном же их состоянии, а именно таким является состояние отношений Москвы и Пекина в настоящее время, сторонам, с точки зрения КНР, нет необходимости связывать себя какими бы то ни было дополнительными юридическими документами. В противном случае возникнет что-то похожее на «перебарщивание»; здесь обе стороны как бы выдают свое внутреннее напряжение, свое неудовлетворение реальным состоянием и особенно будущим двусторонних отношений, требуют дополнительных гарантий на этот счет.

Зададимся вопросом, почему же российская сторона так стремилась получить договор о принципах двусторонних отношений с Пекином? Тут дело обстоит весьма не просто. Глубокая озабоченность российской стороны толкнула ее на шаги, которые были заведомо неприемлемы для Пекина. И все-таки Россия пошла на эти шаги, сознательно или неосознанно, но именно для того, чтобы показать Пекину, насколько велика внутренняя обеспокоенность российской нации будущим двусторонних отношений. Ведь исторический опыт общения России с Китаем в XX в., особенно в последние десятилетия, говорил России о том, что при господстве идеологии и порядков, существующих при КПК как правящей партии, в КНР возможны такие заявления высшего руководителя партии и государства, которые перечеркивают все межгосударственные договоры и способны толкнуть одно государство на военные действия против соседнего государства, которые ставят под вечное сомнение и государственные границы между ними, и миллионы квадратных километров территории, на которых веками живут люди.

Россия искала дополнительную гарантию. Руководители нашей страны хотели бы успокоить свой народ, показать ему, что у новой нынешней России (а не только у СССР) тоже есть договор с КНР, который служит надежной гарантией того, что Пекин никогда не будет претендовать на миллионы квадратных километров территории России.

Пекин не откликнулся на призыв Москвы. Вероятно, здесь сыграли свою роль и общее отношение в Пекине к нашей стране, и дальние планы относительно нашей страны, и расчеты, связанные с развитием ситуации на мировой арене. В то же время одной из особенностей дипломатии континентального Китая является учет всех шагов партнера, тщательное обдумывание их и иной раз возвращение к той же теме впоследствии, причем при подаче ее в таком виде, что, с одной стороны, партнер как бы и не имеет возможности отказаться от собственного предложения, сделанного в прошлом, и, с другой стороны, то же самое предложение в его новой интерпретации оказывается на поверку всегда выгодным для Пекина и далеко не всегда для его партнера.

Стокилометровая зона

Некоторые вопросы, которые стоят в повестке дня наших двухсторонних межгосударственных отношений, особенно связанные с границей, если вдуматься в их содержание и в тот факт, что Пекин пока предлагает решать их, так сказать, временно, вызывают серьезное беспокойство и озабоченность.

Взять, например, вопрос о создании стокилометровой зоны по обе стороны границы, в которой должны были быть сокращены численность находящихся там войск и их вооружения. На практике речь шла о сокращении в одностороннем порядке войск и вооружений российской стороны. Сама постановка такого вопроса оказалась возможной из-за непродуманной позиции М.С.Горбачева в 1989 г.

Спрашивается, понимают ли стороны, особенно КНР, всю нелепость такой постановки вопроса в настоящее время, в сложившейся совершенно новой ситуации? Ведь ныне речь идет не о Советском Союзе, который был в глазах КНР «сверхдержавой» враждебной Пекину, а о государстве с населением, не превышающим и 150 млн. человек, о стране, по своим возможностям и намерениям совершенно отличающейся от Советского Союза. Сейчас Россия больна, ослаблена. Поэтому у ее жителей обострена и подозрительность по отношению к попыткам из-за рубежа нанести ей всяческий ущерб, воспользоваться ее нынешним положением для того, чтобы всемерно ослабить ее и не допустить, как очевидно думают некоторые стратеги за рубежами России, ее возрождения в качестве великой страны.

Сегодня не может быть и речи о том, что Россия может в обозримом будущем в наступательных целях наносить удары с помощью своих вооруженных сил через свои границы. Ведь совершенно очевидно, что российские войска, которые сегодня силой обстоятельств, да и географии, вынуждены стоять вблизи от линии границы РФ и КНР, уже не представляют и не будут представлять в обозримом, повторим, в обозримом будущем никакой реальной угрозы ни КНР, ни кому бы то ни было из соседей России в этом регионе. Конечно, так будет лишь в том случае, если против территории России не будет совершена агрессия.

И в этой обстановке Пекин ведет себя в данном случае как держава, предъявляющая ультиматум побежденному противнику. Пекин требует от России подписать соглашение о стокилометровой зоне. Этот шаг КНР никак не может быть встречен в России как дружественный по отношению к нашей стране. Скорее наоборот, он будет восприниматься как месть ослабевшему сопернику или противнику. Сегодня вся затея с дальнейшим ослаблением оборонного потенциала России на Дальнем Востоке, а именно вдоль границ с КНР, представляется как чистой воды стремление нанести ущерб национальным интересам России, а возможно, и заложить благоприятные условия для дальнейшей деятельности КНР (да и не только КНР, но и других мощных держав в АТР) применительно к территориям России на Дальнем Востоке.

Пограничные и территориальные вопросы

В наших двусторонних отношениях с КНР существует вопрос, который стороны именовали, да и сейчас именуют, по-разному: Москва — вопросом о прохождении линии границы, или пограничным вопросом, а Пекин — вопросом о границе. В этом проявлялся различный подход сторон к этой проблеме: Москва отрицала само существование вопроса о границе между двумя государствами, полагая, что граница давно установлена межгосударственными договорами, которые с юридической точки зрения не должны ставиться под сомнение, а потому речь может идти лишь о прохождении линии границы на отдельных ее участках, о пограничных вопросах, а не о самой границе. Пекин же исходил из того, что до сих пор не решен по справедливости именно вопрос о границе, сопряженный с вопросом о территориях.

В начале 1990-х гг. сложилась новая и довольно сложная ситуация. Современная граница с КНР, с точки зрения России, делится, по крайней мере, на две части. Во-первых, существует граница РФ и КНР; она проходит в тех районах, где соприкасаются территории наших двух стран. Эта граница может быть условно разделена на два участка: восточный участок и западный участок. Восточный участок тянется от точки соприкосновения границ РФ, Монголии и КНР на восток, вплоть до точки соприкосновения границ РФ, КНДР и КНР. Западный участок (очень небольшой — всего около 50 км) проходит от точки соприкосновения границ РФ, Монголии и КНР до точки соприкосновения границ РФ, Казахстана и КНР. Только эти два участка представляют собой границу, где непосредственно соприкасаются территории РФ и КНР. Думается, что в интересах обеих сторон, учитывая нынешние новые обстоятельства, выделить вопрос о прохождении именно этой линии границы и как можно скорее решить его отдельно от вопросов о других участках границы; причем желательно решить полностью и окончательно, т.е. не только в форме временных соглашений о прохождении линии границы, но в виде нового договора о границе.

Для России было бы разумно там, где это возможно, самостоятельно и в максимально короткие сроки решать все вопросы с Пекином, в том числе и вопрос о прохождении линии границы между РФ и КНР, не ставя решение этого вопроса в зависимость от достижения договоренности по другим участкам границы КНР со странами СНГ. Такое размежевание в этих вопросах представляется в настоящее время и в нынешней ситуации наиболее разумным и оправданным с точки зрения интересов России.

Итак, граница между СССР и КНР делится на восточный и западный участки. По восточному участку границы было подписано и в 1992 г. ратифицировано высшими законодательными органами обеих сторон соглашение о прохождении линии границы. При этом в принципе была подтверждена договоренность, к которой стороны пришли еще в 1964 г. во время имевших место тогда консультаций по пограничным вопросам в Пекине. На ход консультаций того времени большое влияние оказывали позиции Н.С.Хрущева и Лю Шаоци. Договоренность 1992 г. даже несколько хуже, чем договоренность 1964 г., так как на линии границы теперь не одна, а две «дыры», оставлено больше «просветов», т.е. участков, где прохождение линии границы еще не согласовано обеими сторонами. Стороны достигли также соглашения по западному участку границы между РФ и КНР, который, как уже отмечалось, является весьма коротким.

Помимо чисто российско-китайской границы в 1990-х гг. возникла уникальная в мировой пограничной практике и в международном праве ситуация. Часть бывшей границы между СССР и КНР, т.е. граница, проходящая примерно от Монголии до Афганистана, представляет собой цепь двухсторонних границ, последовательно переходящих один в другой участков границ КНР с тремя государствами, расположенными на территории бывшего СССР. Иначе говоря, с 1990-х гг. вместо советско-китайской границы в этой ее части возникли новые границы — казахско-китайская, граница между Казахстаном и КНР,

киргизско-китайская, граница между Киргизией и КНР, и таджикско-китайская, граница между Таджикистаном и КНР. Речь тогда шла о том, чтобы на основе договорных документов, подписанных в свое время Россией и Китаем, подготовить и подписать договоры о границе между Казахстаном и КНР (такой договор впоследствии был подписан, хотя пограничная линия и в этом случае имела «просветы», устраненные позднее), Киргизией и КНР, Таджикистаном и КНР.

В 1990-х гг. казахско-китайская, киргизско-китайская, таджикско-китайская границы охранялись, с одной стороны, пограничниками КНР, а с другой стороны, пограничниками СНГ, в том числе и главным образом пограничниками РФ. (Во второй половине 1990-х гг. Казахстан и Киргизия поставили вопрос о выводе из страны российских пограничников, что и было осуществлено; в 2000 г. таким же образом был поставлен вопрос и относительно Таджикистана.) Следовательно, здесь затронуты и интересы России. Вполне очевидно, что в переговорах о прохождении линии этих границ должны были принимать участие представители и России, наряду с представителями КНР, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Это тем более необходимо, что юридическая основа этих границ — это договорные документы Российской империи и Великой Цинской империи.

Интересы всех заинтересованных наций требуют как можно скорее полностью и окончательно решить вопрос о границе и о территориальных претензиях, тем более что в 1990-х гг. ситуация значительно изменилась. Если раньше речь шла о претензиях КНР к России, к царской и Советской России, к СССР, то после распада СССР и появления РФ и других государств на территории бывшего СССР они превратились в территориальные претензии КНР к Казахстану, КНР к Киргизии, КНР к Таджикистану. Это претензии огромного государства к небольшим и гораздо более слабым в военном отношении, чем КНР, независимым и суверенным государствам. Причем тут существует также вопрос, который необходимо принимать во внимание: в целом ряде случаев упомянутые границы разделяют нации, причем эти нации имеют свои национальные государства, а часть этих наций проживает на территории КНР, хотя и полагает места своего проживания своей национальной территорией.

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что все три этих государства в разной степени, но могут со временем обзавестись друзьями из мусульманского или каких-либо западных миров. Важно и то, что во всех трех этих государствах живут и граждане РФ, россияне или люди русской культуры.

Одним словом, новая ситуация на бывшей советско-китайской границе затрагивает национальные интересы, в частности РФ и КНР, для которых стабильность, т.е. вечный мир, в этом регионе жизненно важен. Это настоятельно требует быстрого и окончательного решения вопроса и о границе, и о территориальных претензиях. Надо добиваться того, чтобы все заинтересованные нации получили возможность перевести дух и не думать о том, что КНР может когда-либо снова предъявить территориальные претензии к кому бы то ни было, ссылаясь на несправедливость заключенных в прошлом договоров между Россией и Китаем. (Ведь, по сути дела, континентальный Китай не признает эти договоры, не считает их действующими.)

Торгово-экономические отношения

Существовали различные оценки объема товарооборота между РФ и КНР в 1992 г. — первом году взаимоотношений между РФ и КНР. Называли цифры от 3 млрд долларов до 5 и даже 6 млрд долларов. Вероятно, при этом сказывалась тенденция доказывать, что в РФ дела пошли лучше, чем они были в СССР. На самом же деле, скорее всего, так как надежных статистических данных или не было в природе, или они не проявились на поверхности, имела место тенденция к снижению объема двусторонних отношений на центральном государственном уровне.

Торговля между регионами, провинциями, городами, предприятиями, частными лицами, прямая приграничная торговля составляли тогда, судя по большинству оценок, свыше 80% оборота. (В дальнейшем эта доля снизилась до 45 и даже до 15%.)

Между сторонами существовали явные разногласия. Например, относительно форм взаимных расчетов. К 1993 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым продавцу и покупателю было разрешено самим определять в контракте любую форму расчетов. При этом появились заявления, что в 1991 г. стороны перешли на расчеты в свободно конвертируемой валюте. Иными словами, это предполагало, что ныне все расчеты РФ и КНР ведут только в иностранной валюте, за исключением кредитных операций. КНР предоставила тогда РФ два товарных кредита, а РФ, в свою очередь, кредит для сооружения в КНР АЭС с помощью России.

В рамках государственной внешней торговли из России в КНР в эти годы шло исключительно комплектное оборудование. Российские официальные лица неоднократно заявляли, что РФ не поставляет в КНР сырье. На самом же деле такие операции могли производиться и производились через иные каналы: торговля КНР со странами СНГ, помимо РФ; на региональном или ином еще более низком уровне.

Работники российского Внешторга в 1992 г. признавали, что качество товаров, ввозимых в РФ из КНР, «несколько ниже мирового», однако полагали, что в условиях товарного дефицита в РФ эти товары «вполне удовлетворяли» наши потребительские запросы. Возможно, такая оценка была приемлемой на протяжении нескольких первых месяцев 1992 г. или даже всего этого года, однако в 1993 г. многие покупатели в РФ, а число их продолжало расти, не желали приобретать товары, произведенные в КНР. В России сложилось общее представление, что товары из КНР — это товары очень плохого качества, причем даже вызывающие у людей заболевания. Пекин, т.е. ЦК КПК и правительство КНР, которые по-прежнему сосредоточивают в своих руках всю полноту власти в КНР, не считаясь с тем, что это наносит неисчислимый материальный ущерб населению России, сам подорвал у россиян прежнее доверие к китайцам и их товарам. Ведь без санкции китайских властей в нашу страну не смогли бы ни поехать, ни ввезти свои товары граждане КНР, не говоря уже о том, что многие операции эти люди совершали в нашей стране лишь формально как частные лица, а по сути дела — они выполняли поручения государственных организаций КНР, допустивших массовый экспорт в Россию плохих товаров в расчете на большие прибыли, получение важного сырья и т.п.

В 1992—1993 гг. большое распространение получила бартерная торговля, в процессе которой продукция наших промышленных предприятий обычно обменивалась на товары потребительского спроса (например, одежда, обувь, продовольственные товары из КНР обменивались на наши самолеты типа Ту-154). Имелись случаи, когда предприятия и предприниматели из КНР требовали за эти свои товары цены, в несколько раз превышавшие мировые; в этих случаях партнеры из КНР пытались сыграть на недостатке в РФ в 1992 г. продовольствия и одежды.

Ценовая проблема в двусторонних отношениях была вызвана, главным образом, стремлением КНР получить максимальную выгоду. Даже государственные организации КНР нарушали достигнутые договоренности о ценах. В этой области преобладал ярко выраженный хищнический подход со стороны предпринимателей из КНР (а по сути дела, государства), которые стремились сыграть на трудностях в России с продовольствием, одеждой и другими товарами первой необходимости.

Особо следует подчеркнуть, что качество если не большинства, то уж весьма значительной части такого рода товаров, ввозившихся из КНР в РФ, было отвратительным и это вызывало все большее возмущение у населения в России.

В целом кратковременная прибыль оборачивалась для Пекина неисчислимым ущербом, если принимать во внимание отношение населения нашей страны как к товарам из КНР, так и к тому государству, к КНР, которое стремилось нажиться на наших несчастьях и трудностях, да и к гражданам этого государства, нахлынувшим тогда в нашу страну.

Важно подчеркнуть, что в области торгово-экономических отношений усилия с нашей стороны предпринимались по самым разным линиям, но в основном не координировались и не направлялись из центра; эти действия не были подчинены политике государства. В то же время со стороны КНР все, что делалось в этой сфере, осуществлялось либо в соответствии с планами и решениями ЦК КПК, либо при сознательном попустительстве ЦК правящей политической партии и руководителей КНР. Пришли в столкновение — с нашей стороны своего рода стихия, и со стороны КНР — целенаправленная деятельность государства. Поэтому всю ответственность за действия номинальных предпринимателей из КНР, как мелких так и крупных, должно нести руководство КПК-КНР. Если бы оно не разрешило эту деятельность, хищнического отношения к нам, торгового грабежа со стороны КНР в 1991—1993 гг. не было бы.

Когда некоторое время спустя положение стало совершенно нетерпимым, оба государства предприняли меры и быстро спала волна «посетителей» из КНР со всеми их товарами. При этом власти КНР были вынуждены пойти на это из-за испортившегося или испорченного самим Пекином (а может быть, кто-то мог делать все это намеренно, чтобы внести новые семена раздора в отношения между людьми двух наших стран на рядовом массовом уровне) отношения к гражданам КНР на территории нашей страны, и из-за позиции, которую, в конце концов, заняли госучреждения РФ.

Власти России, особенно в МИД РФ, до последнего защищали в данном случае интересы Пекина, переключив вину на россиян, пользовались тезисами, которые им подбрасывали из Пекина. По сути дела, МИД РФ и другие властные органы, за исключением МВД и погранслужбы, которым действительно досталось во время этого «нашествия» граждан КНР, не защищали интересы своей страны и пошли на введение визового проезда через границу только нехотя и тогда, когда и сам Пекин пришел к выводу о том, что без этого не обойтись.

Космос

У обеих сторон имелась заинтересованность в налаживании сотрудничества в области космических исследований. Здесь могут быть найдены области соприкосновения. И все-таки представляется, что на нынешнем этапе развития событий тут преобладало либо недопонимание между РФ и КНР, либо даже столкновение интересов обеих сторон.

В свое время, в 1989 г., у советской стороны в ходе визита М.С.Горбачева в КНР было предложение Пекину запустить в космос на советском космическом корабле космонавта гражданина КНР. Пекин тогда уклонился от принятия этого предложения.

Несмотря на это, и на сей раз теперь уже российская сторона выступила во время визита в КНР Президента РФ Б.Н.Ельцина все с тем же предложением запустить в космос на российском космическом корабле китайского космонавта. И снова Пекин проигнорировал это предложение.

Это вполне понятно, учитывая принципиальную позицию КНР, состоящую в том, чтобы ни в чем не зависеть от России, не допускать даже тени намека на положение «младшего брата», которого «везут» в космос. В данном случае, к сожалению, российская сторона продемонстрировала незнакомство с принципиальными позициями Пекина и непонимание этих позиций. Это был еще один пример того, что мнение китаеведов не было запрошено и не было изучено властями нашего государства.

К этому можно лишь добавить, что и с практической точки зрения вряд ли у Москвы и Пекина, помимо чисто политических соображений, был в то время какой-либо значительный объединяющий их экономический или иной интерес к полету в космос гражданина КНР. Вообще были признаки того, что в области космических исследований в мире шла жестокая борьба за позиции на мировом рынке и в этой борьбе интересы РФ и

КНР скорее сталкивались, чем дополняли друг друга, по крайней мере в то время, о котором идет речь.

АЭС

Во время визита Президента РФ в КНР стороны договорились о поставке из России в КНР тяжелого оборудования для строительства АЭС в кредит на сумму свыше двух миллиардов долларов. Здесь, вполне очевидно, имела место взаимная заинтересованность, а также были соблюдены коренные интересы обеих наций, стремящихся жить в вечном мире и вести нормальную торговлю, поддерживать внешнеэкономические связи на должном цивилизованном уровне. К сожалению, это почти единственный пример того, когда стороны сумели в сфере экономических отношений найти взаимоприемлемое решение.

Можно добавить, что КНР при этом получала такие новые технологии, которых нет еще нигде во всем мире. Важно также проследить за тем, чем и как будет КНР расплачиваться за это оборудование и эти технологии, получит ли Россия действительно эквивалент своих вложений в экономику КНР.

Долги и кредиты

Пекин очень жестко ставил вопрос о возвращении российской стороной долга в миллиард долларов, который возник еще при существовании СССР, когда у власти находился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР М.С.Горбачев. КНР предпочитала, чтобы этот долг был возвращен поставками современного вооружения. Одно время стороны не могли найти приемлемого решения. В конечном счете РФ действительно поставила КНР, в частности, современные боевые самолеты, которые Пекин тут же разместил вдоль своего морского побережья, имея в виду соседей. Так РФ, расплачиваясь с долгами, сделанными КПСС-СССР, понесла множественный ущерб.

Пекин также на весьма жестких условиях предложил кредит на поставки в РФ масла и сахара. Кроме того, КНР предлагала поставлять в РФ путем реэкспорта пшеницу из третьих стран.

В целом вполне очевидно, что КНР в отношениях с РФ с самого же начала защищала свои и только свои экономические интересы, не делая никаких скидок на характер отношений между двумя «дружественными государствами». В обстоятельствах, которые сложились для нее в начале 90-х гг., российская сторона была просто вынуждена в ряде случаев идти на удовлетворение требований Пекина. При этом правительство РФ исходило из необходимости обеспечивать потребности своего населения в продовольствии и одежде практически любой ценой, а Пекин стремился максимально обогатиться за счет РФ при этих сделках.

Сырьевой придаток

Пекин явно считал одним из направлений своей внешнеэкономической политики применительно к Российской Федерации стремление постепенно превращать или хотя бы на время превратить Россию в источник ценного стратегического сырья и товаров, в своего рода сырьевой придаток КНР. Стремление Пекина вывозить из России медную и железную руду в больших количествах, разрабатывая при этом новые огромные месторождения на территории РФ (Удоканский проект) или побуждая железорудные предприятия на территории России направлять свою продукцию на построенные в КНР металлургические

заводы, — это стремление вряд ли продуманное, если принимать во внимание национальные интересы России, да и самой КНР.

Если при таком решении вопроса, например об Удоканском рудном районе, Пекин и получил бы в ближайшие годы значительную экономическую выгоду, то представлялось бы весьма существенным не только в Москве, но и в Пекине задаться следующим вопросом: будет ли эта выгода оправданна, если принять во внимание то, что большей частью населения России это было бы расценено и воспринято как стремление превратить Россию в колониальную или полуколониальную страну, в сырьевой придаток КНР? Причем в случае с Удоканским проектом и, к сожалению, не только в одном этом случае, дело, с точки зрения людей России, могло усугубляться тем обстоятельством, что поживиться за счет России стремились совместно соответствующие предприниматели и организации из КНР и США — их объединенный капитал проявлял желание эксплуатировать нынешнюю временную слабость России.

Практически главным направлением деятельности Пекина на экономическом направлении развития связей с РФ в первые два-три года новых отношений между РФ и КНР (в 1992—1994 гг.) было его стремление выкачать из нашей страны цветные металлы, мочевины, лес и так далее. В общем и целом, все это приобрело довольно значительные масштабы. Причем Пекин стремился перекачивать эти ценные ресурсы не только непосредственно из России, но и опосредованно, т.е. из стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, которым РФ предоставляла эти товары на весьма льготных условиях. Уже по этой причине представлялось целесообразным в дальнейшем при поставках этим государствам сырья из России специально оговаривать недопустимость их перепоставки в КНР. Вероятно, в данном случае мы сталкивались с поощряемой государством политикой, о чем свидетельствовали сами масштабы сделок и проектов.

Встреча охлосов; нецивилизованные связи

В первой половине 90-х гг. структура внешнеторговых и внешнеэкономических связей РФ и КНР выглядела совсем не так, как за несколько лет до этого. Формально экспорт промышленной продукции из России в КНР все еще занимал значительное, чуть ли не преобладающее место, но по сути дела, особенно если принимать во внимание невозможность учесть все, что происходило в реальной жизни в этой области, такая внешняя картина оказывалась далеко не полной и не точной.

Иногда высказывалось удовлетворение в связи с тем, что в те годы почти 80% торгового оборота составляли прямые или непосредственные связи либо приграничного характера, либо между отдельными конкретными предприятиями обеих сторон. На самом же деле речь шла главным образом о сновавших через ставшую дырявой с нашей стороны российско-китайскую границу неисчислимым в тот период мелких и средних дельцах, а то и просто спекулянтах, которые были озабочены только получением легкой и быстрой наживы. Они сбывали относительно дешевые, но по преимуществу плохого качества товары из КНР, предназначенные для потребления в течение весьма ограниченного, короткого времени. Все это быстро изнашивалось и проедалось. А взамен из нашей страны вывозилась либо свободно конвертируемая валюта, либо ценные сырьевые товары, стратегическое сырье (повторим, что чаще всего это были цветные металлы и мочевина).

Одним словом, состояние двусторонних внешнеторговых и внешнеэкономических связей в первые два года отношений РФ и КНР представлялось совершенно неудовлетворительным с точки зрения национальных интересов обеих сторон. Оно наносило особенно большой ущерб российской стороне, нашему населению, России как нации. И это также могло дать себя знать в будущем.

Такая ситуация сложилась под воздействием многих факторов. Конечно, играли роль и стихийные процессы — возникшая для коммерсантов, дельцов, предпринимателей в обеих

наших странах возможность впервые за многие десятилетия, а может быть, и вообще впервые за все четыре столетия двусторонних отношений, начать общаться друг с другом в столь широких масштабах. Каждый из этих людей должен был бы почувствовать и свою личную ответственность перед своей нацией, своей семьей, перед самим собой за свои действия, ущемляющие интересы другой нации, соседа. К сожалению, далеко не каждый делал это.

Определенная доля ответственности падала при этом и на руководителей наших стран. Очевидно, им давно пора было задуматься над тем, как устранить накапливавшееся взаимное недовольство, как именно осуществлять двухсторонние экономические и внешнеторговые связи. Необходимо было поощрять все, что отвечало одновременно интересам обеих сторон, и ограничивать то, что было в интересах только одной из них или даже только в личных интересах неких вполне определенных граждан той или другой стороны. Государственный контроль за состоянием экономических и торговых отношений РФ и КНР стал в этой ситуации настоятельно необходимым.

Нужно сказать, что отношения между РФ и КНР в начале 90-х гг. в довольно значительной степени носили недостаточно цивилизованный или просто нецивилизованный характер. При этом и та и другая нация знакомилась если не с худшими, то во всяком случае с далеко не лучшими представителями соседней нации на своей территории. Это таило нарастающие потенциальные неприятности и опасность для обеих сторон и их взаимоотношений.

В 1993 г. произошло снижение объема внешнеторговых и внешнеэкономических связей по сравнению с 1992 г. Это было вызвано рядом обстоятельств. Нельзя было исключать и того, что РФ не могла, а КНР не желала поддерживать на прежнем уровне межгосударственные экономические и внешнеторговые отношения в централизованном порядке.

Существовали и все более обострялись транспортные проблемы; на границе скапливалось очень много грузов, а на железных дорогах происходило разграбление части товаров; это бывало и с российской и с китайской стороны, причем масштабы грабежей нарастали. Стороны, во всяком случае наша сторона, не были в состоянии вложить средства в строительство достаточного числа оборудованных должным образом современных контрольно-пропускных пунктов на границе.

Развитие наших связей тормозилось и вследствие внутренней ситуации как в РФ, так и в КНР. Нестабильное положение российского рубля отражалось в росте цен. Появлялась вполне реальная опасность превращения России в сырьевой придаток других стран, в том числе КНР. В значительной части деловые отношения РФ и КНР в начале 90-х гг. были, как уже упоминалось, нецивилизованными. Это было видно невооруженным глазом на улицах обеих столиц, других городов. Следовало, очевидно, задуматься над тем, почему это происходило, чтобы затем устранить причины создавшегося положения.

Во-первых, внезапно обретя свободу индивидуальных и частных действий на внутригосударственном и межгосударственном рынках, пришли в движение и стали в массовом порядке общаться между собой далеко не лучшие представители обеих наций; происходила встреча двух охлосов, российского и китайского, встреча в определенном смысле стихийная; иначе говоря, это был некий вполне закономерный результат развития рыночных отношений, т.е. явление относительно объективное.

Во-вторых, возможно, имела место и некая целенаправленная или в крайнем случае недостаточно продуманная политика Пекина. Ведь в КНР полностью сохранен партийно-государственный аппарат, руководящий всеми делами в стране. Если бы этот аппарат не давал развиваться нецивилизованным отношениям, да еще и на началах взаимности с российской стороной, если бы он наводил порядок, не допуская этой ситуации, тогда многих темных сторон, появившихся в те годы, можно было бы избежать.

В результате создалось тяжелое положение, особенно в связи с тем, что в России ускорялось формирование в массовом сознании стереотипа нынешнего китайца. Попутно

ширился и разрыв между настроениями высшего слоя руководителей и госаппарата, с одной стороны, и настроениями населения, во всяком случае широких слоев населения в РФ, с другой.

Именно в начале 90-х гг. XX в. впервые в истории России ее население познакомилось с китайцами в массе. Согласно неточным, а возможно, и заниженным сведениям, в начале 1993 г. на территории Российской Федерации одновременно находилось более миллиона граждан КНР: только в Москве их было до ста тысяч. Причем даже их внешнее поведение, будучи обычным для КНР, было неприемлемым, с точки зрения людей России, и вызывало известную неприязнь; мы имеем в виду бесцеремонность, грубоватость, громкую речь, несоблюдение принятых в России обычаев и норм поведения в повседневной жизни. Это происходило впервые за почти четыре столетия знакомства наших двух наций. И это знакомство переворачивало прежние представления о китайцах. А сохранять положительное мнение о людях Китая среди жителей России очень хотелось бы.

Мне уже приходилось упоминать о том, что раньше, во всяком случае начиная с 20-х гг. и до 50-х гг. XX в., главными качествами китайцев в глазах людей в России, в Советском Союзе были: трудолюбие, честность, бедность. При этом россияне не относились к китайцам с позиций патернализма, национального или расового превосходства. Существовало некое, может быть и недостаточно осознанное, но равное и уважительное отношение к китайцам при общении между простыми людьми.

В 50-х гг., в тот период, когда оба правительства и обе правящие партии проводили, во всяком случае внешне, линию на поддержание дружественных отношений, в Советском Союзе, в России стали тем более видеть в китайцах добрых, хороших людей, которым Советский Союз помогал действительно по-братски, т.е. живя плохо и бедно, все равно отрывал от себя и отдавал что-то свое китайцам просто как родным нам людям.

После краха СССР руководители КПК-КНР, может быть пустив дело в некоторой степени на самотек, но, пожалуй, все-таки сознательно решив, что главное в создавшейся ситуации — использовать ее в экономических интересах КНР, фактически побудили массы мелких и средних предпринимателей, а точнее сказать, дельцов, да и часть крупных предпринимателей и государственных организаций заняться максимально возможным выкачиванием выгоды из возникших перспектив развития экономических связей с нашей страной. При этом руководители КПК-КНР не подумали о том, что они своими руками уничтожают главное, что было и остается важным для обеих наших стран, а именно взаимную расположенность людей обеих стран друг к другу. Ведь несмотря на сложность отношений между руководителями двух партий, КПСС и КПК, несмотря на все их противоречия, все-таки, особенно в нашей стране, сохранялось положительное отношение к китайцам как к нации. При этом китайцев наши люди в массе своей никогда не видели, но все-таки полагали, что они — люди честные, трудолюбивые, бедные, с которыми нас соединяют добрые чувства. Руководители КПК-КНР своей политикой в 1991—1993 гг. если не совершенно разрушили, то в весьма серьезной степени подорвали это отношение к китайцам у наших людей, во всяком случае у многих, особенно у молодежи, которая в то время имела активные контакты и связи с китайскими дельцами. Чтобы восстановить взаимную приязнь двух народов, требуются большие многолетние усилия; первым условием начала этого необходимого процесса должны стать действия руководителей в Москве и в Пекине, препятствующие «объединению» полукриминальных и криминальных сообществ, охлосов двух стран.

К сказанному следует добавить кое-что, касающееся отношения людей в нашей стране к руководителям КПК-КНР, начиная с Мао Цзэдуна. Стереотип восприятия этих руководителей в нашей стране в конце 60-х и в 70-х гг. был дополнен новыми чертами: пекинские руководители предстали в наших глазах неблагодарными политическими деятелями. Несмотря на братское к ним отношение, несмотря на нашу действительно бескорыстную помощь, эти руководители отдали приказ стрелять в наших пограничников, сделав это совершенно неожиданно для нас, застав нас врасплох. В умах людей в России за

прошедшие с тех пор десятилетия сложилось мнение о том, что руководители КПК-КНР, особенно Мао Цзэдун, — это политики, которые сошли с ума от ненависти к нашей стране, к СССР, к России, ко всем нам, людям России. Поэтому в начале 90-х гг. у населения нашей страны преобладало и преобладает поныне резко отрицательное отношение к Мао Цзэдуну; его имя в нашей стране не пользуется популярностью у большинства людей.

И все-таки люди России оказались в этой ситуации незлобивы. Для восстановления нормальных и добрососедских отношений между нашими двумя странами всегда существовала в нашей стране широкая и глубокая основа. В России обрадовались восстановлению нормальных связей на межгосударственном уровне в 1989 г. Нужно со всей откровенностью подчеркнуть, что и при новой ситуации, когда не стало Советского Союза и появилась Российская Федерация, люди в России, искренне желая восстановления и развития нормальных отношений с КНР, с нашим соседом, с китайцами, сохраняли в душе некую настороженность относительно Мао Цзэдуна и его последователей в руководстве КПК-КНР, если говорить об их политике в отношении России как нации.

Практическое развитие обстановки в 1992—1993 гг. добавило некую новую краску в представления людей в России о Китае и о китайцах. К сожалению, это темная и густая краска. Люди нового поколения, для которых вся прошлая история наших двусторонних отношений не имеет практического отношения к их сегодняшней реальной жизни (а так они или, во всяком случае, многие из них думают), сегодня, встретившись с китайцами, и во многих, если не в большинстве случаев, сделали вывод о том, что нынешние китайцы — это совсем не те трудолюбивые и честные бедняки, какими мы их себе раньше представляли. Это новые китайцы, торговцы и деляги по самой своей натуре; они не честны и не держат слова, они обманывают при торговых операциях и при сделках, они заносчивы и нескромно ведут себя в России, не проявляют уважения ни к нашей стране, ни к ее людям. Они проникнуты мыслью о том, что в России все хуже, чем в Китае; они, возможно, представляют собой угрозу для нашей страны; они, вероятно, считают Россию своей будущей колонией или полукolonией, сырьевым придатком и даже рассчитывают ассимилировать русских. При этом, естественно, в памяти людей в России всплывают воспоминания о территориальных претензиях Мао Цзэдуна и других китайских политиков к нашей стране.

Эти настроения усиливаются особенно в связи с тем, что нынешняя КНР во всех случаях защищает своих торгашей и бизнесменов при их конфликтах с нашими бизнесменами, даже если китайская сторона не права. Вопрос ставится в принципе таким образом, что любой китаец, китаец или ханец по крови, в спорах с русскими всегда прав уже просто потому, что он китаец, что он не может обманывать, что русский виноват уже тогда, когда он позволяет себе ставить под сомнение правоту китайца. При этом власти КНР (уже во второй половине 90-х гг.) без законных оснований ущемляли права наших предпринимателей, оказавшихся в КНР, а власти РФ, особенно МИД нашей страны, в этих случаях не защищали права человека, права россиян в КНР; если что-то и предпринималось, то робко, допуская, например, содержание россиян под арестом в КНР месяцами и в невыносимых условиях, причем без законных на то оснований. Кстати сказать, власти КНР никогда не позволяли себе подобных действий в отношении, например, американцев.

Возвращаясь к ситуации начала 90-х гг. можно отметить, что власти обеих сторон в конце концов приняли соответствующие решения и навели относительный порядок при пересечении границы, ввели визовой режим ее пересечения; при этом предполагалось, что граница стала проницаемой только для культурного и цивилизованного общения (к сожалению, на практике, тут еще нужно прилагать соответствующие усилия). Но, во всяком случае, воспоминания об обстановке 1992—1993 гг. стали постепенно выветриваться из памяти.

Далее, и в нашей стране, и, вероятно, в КНР начали воспринимать мысль о целесообразности постановки экономических и внешнеторговых связей под жесткий

государственный контроль, найдя для него такие формы, которые были бы приемлемы для обеих сторон.

Еще одним выводом из ситуации 1992—1993 гг. могло бы быть стремление добиваться того, чтобы при внешнеторговых и внешнеэкономических операциях соблюдался принцип равной выгоды сторон, причем не сиюминутной, а отвечающей долговременным интересам обеих наций.

Вопросы борьбы с преступностью

Во время визита Президента РФ в КНР стороны договорились также и о том, что их органы безопасности будут сотрудничать в борьбе с преступниками: торговцами наркотиками и террористами. Это говорит о том, что там, где обе стороны, как говорится, допекло и припекло, они находили пути, по крайней мере, к тому, чтобы подтвердить свои намерения сотрудничать в борьбе против общего для обеих наций зла. Конечно, тогда это была лишь декларация о намерениях; предстояло увидеть, во что это выльется на практике.

Тайвань

Вопрос об острове Тайвань — это непростой вопрос в отношениях между нашими двумя нациями. Россия безусловно заинтересована в нормальных добрососедских отношениях с КНР и в то же время не может игнорировать такую реалию на мировой арене, как остров Тайвань. Пекин же настаивает на том, чтобы ни одна страна не имела дипломатических отношений с Китайской Республикой на острове Тайвань. Из этого вытекает обязательство РФ — не устанавливать дипломатических отношений с Китайской Республикой. Вместе с тем Россия не может не считаться с тем, что Тайвань играет важную роль, в частности, в мировой экономической жизни. Население острова Тайвань — это одна из частей китайской нации, нации чжунхуа. Россия заинтересована в том, чтобы иметь реальные связи со всеми частями нации чжунхуа, оставляя вопрос об их отношениях между собой в качестве внутреннего дела самой этой нации.

В совместном заявлении, явившемся итогом пребывания Президента РФ в КНР в 1992 г., о Тайване сказано, что РФ признает, что Тайвань — это часть Китая. В то же время РФ полагает, что она должна развивать все возможные связи с Тайбэем, придавая этим связям неофициальную окраску, признавая, что они не носят дипломатического характера, не являются отношениями между правительствами, но в то же время осуществляя их с максимальной энергией.

При рассмотрении вопроса о московско-тайбэйских отношениях целесообразно учитывать то обстоятельство, что сегодня правительства в Москве и в Пекине заинтересованы в том, чтобы не было вмешательства в их внутренние дела; эта проблема для обеих сторон является очень острой.

Здесь ситуация в начале 90-х гг. стала совершенно иной по сравнению с положением, существовавшим в Советском Союзе. У России появилась новая проблема — вопрос о миллионах людей, которые живут в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, являясь гражданами РФ или сохраняя с Россией исторические и культурные связи, оставаясь людьми русской культуры. Это вызывает необходимость для нашей страны и упомянутых государств предпринимать меры для того, чтобы эти люди не были ущемлены в своих правах. При общем желании могли бы поддерживаться весьма своеобразные, уникальные в мировой практике и истории связи. Например, существовала часть границ бывшего СССР, которые отделяли упомянутые суверенные государства, скажем, от КНР, но охранялись, по сути дела, пограничной службой РФ. Но так или иначе, правительства в Москве и в Пекине сегодня в большей степени, чем ранее, могут понимать положение друг друга; это не означает, конечно, что Москва и Пекин находятся в одинаковом положении.

По существу, в случае с Тайбэем речь идет не только о двухсторонних отношениях Российской Федерации и Китайской Республики на Тайване, а о трехсторонних отношениях с участием КНР. Ее позиция не может не учитываться обоими партнерами при налаживании отношений между собой.

На территории бывшего СССР также возникает немало вопросов, которые могут носить своеобразный трехсторонний или даже многосторонний характер. Иначе говоря, Россия, государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, а также КНР могут быть заинтересованы в том, чтобы совместными усилиями решать некоторые проблемы, особенно в случае, если эти проблемы создаются определенными внешними силами. При этом каждая из сторон будет защищать свои интересы; эти интересы могут в чем-то совпадать у всех сторон или у каких-либо двух сторон, а в чем-то различаться.

В этом смысле примечателен казус, который произошел во время пребывания Президента РФ Б.Н.Ельцина в Пекине. Собеседники по своей инициативе дали Президенту России заверения в том, что КНР не будет развивать прямые политические связи с субъектами Российской Федерации. Такую позицию Пекина вполне можно понять, так как для него важно не только успокоить руководителей в Москве относительно развития связей между частями РФ и КНР, но и добиться общего понимания с российской стороной, обоюдных заверений о невмешательстве во внутренние дела друг друга, об уважении территориальной целостности и суверенитета каждой из сторон в нынешних условиях.

И полной неожиданностью для собеседников в Пекине была реакция Президента России на этот вопрос, поднятый по инициативе КНР. В Пекине никак не предполагали, что со своей стороны Президент РФ даст заверения в том, что и Россия никак не собирается сепаратно устанавливать и развивать политические отношения с частями Китая — Тайванем и Тибетом.

Представители КНР принялись тут же разьяснять разницу, с их точки зрения, между Тайванем и Тибетом. С их точки зрения, вопрос о частях Китая вообще несопоставим с вопросом о субъектах Российской Федерации. Иными словами, им представлялось, что в ситуации начала 1990-х гг. была допустима мысль о некоей самостоятельности отдельных субъектов РФ в области связей с иностранными государствами; в то же время они полагали, что никто не вправе ставить этот вопрос на одну доску с вопросом о составных частях Китая на мировой арене.

Но конечно, замечание российского президента было весьма резонным. Ведь если Пекин считал для себя возможным ставить на одну доску вопрос об отношениях с РФ и с входящими в состав России республиками (говоря о намерениях развивать с ними экономические связи и обещая не вступать в политические отношения), то тем самым Пекин открывал путь для такой же постановки вопроса российской стороной, причем не только в отношении Тайваня, но и в отношении всех составных частей КНР, включая, естественно, Тибет, буде эти части сами захотят развивать отношения с Россией, минуя в определенных случаях, скажем в вопросах о развитии экономических связей, Пекин.

Обе стороны находятся при такой постановке вопроса в равноправном положении. Сегодня и РФ, и КНР говорят о себе как о единых государствах и нациях, но также и о своих неотъемлемых составных частях. КНР впервые оказалась здесь в равном положении с Россией, а Россия попала в определенном смысле в то же положение, в котором находится Китай. Сложилась новая ситуация, которая заслуживает внимательного наблюдения и изучения. Сегодня получилось так, что обе стороны официально в совместном заявлении взаимно признали право друг друга на развитие экономических и культурных связей с частями соседней страны, нации. Дело за конкретными действиями. Тут необходимо смело идти вперед, не застревая на месте при одной только мысли о гипотетических препятствиях, которые могут встретиться в будущем, если соблюдается главный принцип: такие отношения (прежде всего, здесь имеются в виду отношения Москвы и Тайбэя) формально не носят дипломатического характера.

Гегемонизм

В совместном заявлении по итогам визита Президента РФ в КНР упоминалось о том, что обе стороны выступают против гегемонизма во внешней политике какой бы то ни было страны. Это был еще один вывод из прошлого, сделанный обеими сторонами. Каждая из них желала иметь гарантии того, что партнер не будет руководствоваться гегемонистскими устремлениями в той или иной сфере (включая сюда не только внешнюю политику, но и идеологию и т.д.).

Это же — общий пункт, общая точка зрения, которая должна играть свою роль применительно к ситуации, прежде всего в регионе, где сходятся территории РФ и КНР, бывшего СССР и КНР, на Дальнем Востоке, но и вообще в мире. Иначе говоря, в данном случае стороны предупреждали внешние силы о том, что Россия и Китай занимают единую позицию по вопросу о действиях в области внешней политики на мировой арене, которые могут быть названы по взаимному соглашению Москвы и Пекина гегемонистскими. В то время это была лишь декларация, но она важна и сама по себе.

Помимо всего прочего, осуждение гегемонизма в документах, которые в той или иной степени связывают КНР, Японию, Россию, это, в условиях того времени, выглядело как еще один шаг на пути укрепления мира и стабильности во всем мире.

Гипотезы и реалии

Как могли в то время смотреть в Пекине на будущее Российской Федерации?

С одной стороны, официальная позиция Пекина состоит в невмешательстве во внутренние дела других государств, в уважении волеизъявления народов, когда они создают новые государства на территории прежних государств, а также в том, чтобы при любом изменении ситуации сохранять для себя, для КНР, условия мирного и стабильного развития.

С другой стороны, можно было подумать и о том, какова была бы позиция КНР в случае распада Российской Федерации по чисто внутренним причинам или даже при отпадении от России той или иной ее прежней части.

Что, собственно говоря, плохого для Пекина было бы в ситуации, если бы вместо РФ появилось несколько более мелких государств? Каждое из них было бы слабым, слабее нынешней РФ, да и в совокупности они были бы слабее, чем нынешняя Россия. В этом случае еще более отдалилась бы перспектива возрождения России и создания экономически мощной державы. Вполне очевидно, что в такой ситуации Пекин получил бы возможность завязывать и развивать отношения с мелкими государствами; он мог бы быстрее и увереннее вовлекать их в сферу своей политики, подчинять их себе постепенно и в различной степени.

При такой перспективе, если учитывать традиционные воззрения в Пекине на вопрос об исторических территориях Китая, речь шла бы о малых государствах, образовавшихся на тех территориях, которые Пекин считает своими издревле и по праву, лишь временно несправедливо отторгнутыми у него Россией благодаря временному военному преимуществу в прошлом. Мало того, мог бы всплыть и вопрос о том, что жители соответствующих государств в принципе, с точки зрения Пекина, относятся к китайской нации, являются частями нации чжунхуа. Таким образом, речь могла пойти и о населении и о территории, которые просто должны вернуться в объятия исторической родины, т.е. современного китайского государства в материковой части Китая, иными словами, войти в состав КНР. Невозможно представить себе, что эти малые страны оказались бы в состоянии противиться воздействию КНР. Пекин, вероятно, мог бы найти средства привлечения их на свою сторону, вовлечения их в свою орбиту. Невозможно также представить себе, что КНР отдала бы США или Японии, странам Западной Европы контроль над этими слабыми или карликовыми странами, выпустила бы их из зоны своего воздействия. Ведь для Пекина это

была бы блестящая возможность фактически стать единственной в мире державой, способной в перспективе померяться силами с США.

Вряд ли можно полагать, что распад России вызвал бы в КНР желание рассыпаться на ряд мелких государств. Развитие событий в КНР в достаточной степени автономно и отделено от развития событий в России. Оно определяется внутрикитайскими факторами. Скорее наоборот: в КНР и в этом случае могли бы усилиться центростремительные процессы; возросло бы желание иметь одно формально общее государство с одним центром и в то же время с самостоятельными во многом, особенно экономически, регионами или административными районами. Единое государство в этом случае представлялось бы необходимым с точки зрения Пекина, тем более что при распаде России мог бы представиться уникальный в истории случай — возможность «восстановления справедливости», возможность как бы на полных юридических основаниях поглотить тем или иным образом бывшие в истории якобы китайскими российские территории, включить их в состав единого китайского государства.

Одним словом, перспектива дальнейшего ослабления и даже распада России, рост в нашей стране сепаратистских тенденций могли представляться в КНР отвечающими интересам китайской нации, нации чжунхуа, могли представляться Пекину возможностью захватить все те территории, которые он захочет взять.

Вышесказанное — это выводы из анализа той политики, которую проводили в отношении нашей страны в Пекине при Мао Цзэдуне, да и при Дэн Сяопине. Вместе с тем внешняя политика Пекина почти всегда характеризовалась смешением неких стратегических, обычно представлявшихся иностранным наблюдателям слишком далекими и нереальными планов и замыслов с вполне реальными и по большей части прагматическими действиями в каждый данный момент истории.

Да, если бы РФ ослабла и стала рассыпаться дальше на мелкие государства, Пекин это, вероятно, использовал бы, логически продолжая проводить тот курс, который сформировался при Мао Цзэдуне и Дэн Сяопине. Вместе с тем в Пекине в 1990-х гг. реально оценили ситуацию и исходят из того, что Россия не только выживет и сохранится, но и будет постепенно усиливаться.

Пекин, вероятно, не будет существенным образом содействовать России в ее выздоровлении и усилении. Но он не может и пойти на открытое противодействие этому процессу. Поэтому, скорее всего, он будет оставаться в роли стороннего наблюдателя, который сохраняет нейтралитет, то поворачиваясь к нам своим сочувствующим лицом, то бросая на нас холодный взгляд.

Это будет решаться в Пекине в каждый данный момент, исходя из того, как там будут оценивать обстановку: у себя, в континентальном Китае, наши двусторонние отношения и ситуацию на мировой арене.

Сокращение вооружений

В начале 90-х гг. КНР вышла из пятерки представителей постоянных членов Совета Безопасности ООН, которая согласовывала между собой вопрос о контроле над вооружениями. Пекин поступил так после того, как США продали самолеты Ф-16 Китайской Республике на острове Тайвань.

Думается, что сам по себе этот шаг относился прежде всего к области взаимоотношений КНР и США, в которых есть пункт, всегда вызывающий споры между сторонами. Это вопрос об острове Тайвань. В то же время обострение отношений из-за продажи американцами боевых самолетов Китайской Республике на острове Тайвань было временным. В отношениях США и КНР были и будут свои обострения и свои более спокойные периоды.

Могла ли в этой ситуации РФ сыграть роль посредника между Пекином и другими членами пятерки стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН, и, прежде всего, США?

Думаю, что на такую роль Москвы Пекин не соглашался, не соглашается и никогда не согласится. История и изучение позиции Пекина по такого рода вопросам свидетельствуют о том, что КНР никогда и ни по какому серьезному вопросу, особенно по вопросу об отношениях с США, не будет обращаться к России как к посреднику. Свои дела с США КНР всегда будет решать сама.

Находясь в Пекине, Президент РФ высказал мнение о том, что КНР, учитывая уровень ее вооружений, в частности ядерных, могла бы пока не включаться в переговоры по разоружению. Тем самым РФ заняла в этом вопросе позицию, которая позволяла обеим сторонам находить большее взаимопонимание. Это был шаг, который соответствовал национальным интересам обеих стран.

В то же время вопрос оставался довольно сложным: в своем подходе к мораторию на испытания ядерного оружия Москва и Пекин расходились во мнениях. Следовательно, требовалось спокойно подождать, возможно, до той поры, пока КНР сама изменит отношение к этому вопросу.

Безопасность в АТР

Несколько лет тому назад советская сторона постоянно поднимала вопрос об обеспечении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нельзя сказать, что предложения, исходившие тогда из Москвы, были в достаточной степени реальными. Однако Москва традиционно проявляла обеспокоенность ситуацией и заинтересованность в договоренности государств региона о такой безопасности.

Затем на некоторое время наступило затишье. В 1993 г. имелись многочисленные признаки того, что и КНР, и другие страны АТР вновь проявили интерес к проблеме обеспечения безопасности в регионе. Это вызывалось многими изменениями и процессами, происходившими в мире.

Очевидно, что многих волновал вопрос о том, какой будет отныне роль США в АТР, учитывая их монопольное положение в качестве военной сверхдержавы. С другой стороны, по-иному начинала вести себя и Япония. Она явно усиливала военный компонент в своей политике. Назревали новые противоречия и конфликты в Южно-Китайском море. Никак не находила своего решения проблема Камбоджи, если иметь в виду позицию «красных кхмеров» и отчасти Пекина. Не все вопросы удавалось решать и применительно к Корейскому полуострову, принимая во внимание в данном случае и позицию КНДР.

В рассматриваемый период, т.е. в начале 1990-х гг., в связи с неясностью перспектив разрешения конфликта между демократическими требованиями жителей Сянган (Гонконга) и жесткой позицией Пекина могло иметь место обострение отношений между китайцами по обе стороны Тайваньского пролива. Кроме того, КНР, очевидно, как и многие другие страны, в том числе и Россию, беспокоило усиление мусульманского фактора, особенно фундаменталистов, экстремистов и террористов в регионе.

Одним словом, ощущалась вероятность обострения даже не одной, а сразу нескольких проблем в регионе. В связи с этим прежние упования на то, что АТР — это не Европа, что здесь нет двух противостоящих военных блоков, как в Европе, а также таких, как там, сухопутных границ, и, следовательно, нет и необходимости в системе обеспечения безопасности — эти упования уступали место общей обеспокоенности ситуацией. А следовательно, открывались новые возможности для обмена мнениями по этим вопросам между РФ и КНР. Вопрос этот, однако, очень сложен. России предпочтительнее не вступать ни с кем в регионе в особые двусторонние отношения. Правильнее было бы, очевидно, либо действовать под эгидой ООН или другой международной организации, либо выполнять

функции посредника в тех случаях, когда Россию пригласили бы для этого все участники того или иного конфликта, а она сочла бы, что такая роль отвечает ее национальным интересам. Возможно также участие нашей страны в решении некоторых проблем в рамках многостороннего сотрудничества государств того или иного региона при соблюдении принципов полной самостоятельности партнеров, их равноправия и видения ими мира и безопасности в качестве главных целей такого сотрудничества.

Военно-технические связи

Во время визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР Пекин неожиданно для российской стороны (во всяком случае, так это подавалось в печати) выступил с предложением подписать двустороннее соглашение о сотрудничестве в военно-технической области.

Для КНР это был еще один показатель ее независимости и укрепления своих позиций на мировой арене. Более того, как и в вопросе о том, чтобы именовать друг друга дружественными странами, Пекин и в данном случае занял позицию, учитывая возможные, с его точки зрения, изменения ситуации в России и, соответственно, вероятное (опять-таки с точки зрения Пекина) сближение определенных (коммунистических) политических сил обеих стран на новой основе. Пекин желал получить определенные выгоды в любом случае. То есть прежде всего — оказаться обладателем некоторых новейших видов вооружений. При этом Пекин также хотел показать окружающему миру, что КНР, в случае необходимости, может укреплять связи с РФ и по военной линии.

Россия мгновенно согласилась с этим предложением, конечно имея в виду и выгоды при торговле оружием (в данном случае, прежде всего, боевыми самолетами и ракетно-воздушными комплексами) и желание также продемонстрировать свою независимую позицию, в частности в сфере торговли оружием. При этом РФ, вопреки желанию Пекина, который предпочел бы сохранить в тайне объемы военно-технических связей, открыто обнародовала эти цифры, показав тем самым, что она не допустит того, чтобы в мире, у третьих стран, возникали какие бы то ни было подозрения относительно «тайных и особых» отношений между РФ и КНР.

В этом плане вообще заслуживает рассмотрения вопрос о целесообразности развития связей с КНР по военной линии или о характере таких связей.

На практике эти связи существуют. Их объем относительно велик. Возможно, в скором будущем он не уступит уровню 50-х гг. В РФ учатся овладевать военной техникой сотни специалистов из КНР. Благодаря развитию такого сотрудничества в РФ полагают возможным сохранить часть ВПК, проводить модернизацию российской военной техники. При этом предполагается, что Россия поставляет и будет поставлять в КНР только такие военно-технические средства, от которых у нее самой есть защита. Естественно, что в этих условиях между военными на определенных уровнях возникают контакты, обмены мнениями по различным вопросам, в том числе и по военно-политической ситуации в мире. В целом на практике оказывается, что РФ и КНР уже имеют и продолжают укреплять военные связи. Такое военно-техническое сотрудничество в определенной степени фактически связывает обе страны. Оно идет на пользу укреплению двусторонних отношений между нашими государствами.

В то же время военное сотрудничество РФ и КНР вызывает серьезную озабоченность на Западе и в Японии. Но РФ не заинтересована в ссоре с Западом и с Японией. Следовательно, существует вопрос о том, как продолжать продавать оружие КНР и в то же время не раздражать Запад. Российская сторона убеждает Запад в том, что, с одной стороны, такая торговля оружием — это следствие внутренней ситуации в России, и, с другой стороны, это чисто коммерческие сделки; иначе говоря, Россия заявляет, что РФ продавала бы ту же самую технику кому угодно, тому же Западу, если бы за нее была предложена

достаточная цена. В определенной степени эта ситуация представляется в России рычагом давления на Запад.

В связи с этим чрезвычайно важно иметь точный ответ на вопрос: действительно ли выгодна такая продажа оружия, действительно ли мы получаем за нашу боевую технику валюту или это опять в значительной части товары быстрого проедания и изнашивания, да еще отвратительного качества? Судя по цифрам, которые были обнародованы Президентом РФ в 1992 г., эти контракты должны были принести России 1,8 млрд долларов. Но в каком виде, в какой форме, в какие сроки — это осталось неизвестным.

Что же касается военно-технических связей между нашими странами на современном этапе, то главное, что при этом следует видеть и учитывать, — это то, что все сводится к попыткам каждой из сторон получить для себя максимально возможную материальную и военную выгоду. Здесь нет никакого элемента, который бы действительно и надежно связывал обе страны. Речь идет о связях, которые осуществляются все на тех же самых главных принципах двусторонних связей между РФ и КНР — на принципах независимости и равноправия.

В связи с продажей Россией Пекину военной техники возникают и иные вопросы. Желательно так вести эти дела, чтобы не поссориться со странами АТР, т.е. не доводить наше военно-техническое сотрудничество с Пекином до такой степени, чтобы это вызвало в странах АТР недоверие к политике РФ. В наших интересах не создавать у них впечатление, что Москва идет за Пекином в его весьма жесткой позиции по вопросу о потенциальных конфликтных ситуациях в этом регионе.

Все эти обстоятельства лишний раз свидетельствуют о том, что продажа российского оружия КНР ни в коем случае не является свидетельством особых доверительных отношений между Москвой и Пекином.

Эти отношения нормальные, но не более того. И такими желательно их сохранять.

Президент РФ и генсек ЦК КПК

Формально Президент РФ Б.Н.Ельцин посетил КНР по приглашению Председателя КНР Ян Шанкуня. Визит, однако, не имел исключительно государственного характера. Б.Н.Ельцин встретился с генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином.

В свое время возникал вопрос: как относиться к этой встрече? Очевидно, что, прежде всего, ее надо воспринимать спокойно и относиться к самому факту встречи положительно. Нормальные межгосударственные отношения предполагают встречи глав государств с лидерами правящих партий стран — партнеров по межгосударственным отношениям на мировой арене.

Встреча Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя была встречей высшего руководителя нашего государства с высшим, если говорить о его формальном и официальном poste, руководителем единственной и правящей в КНР политической партии. (Не говоря уже о том, что еще до нее делались прозрачные намеки: вскоре Цзян Цзэминь будет совмещать должность генсека ЦК КПК и пост Председателя КНР, что и произошло в марте 1993 г.) Игнорировать эту политическую силу невозможно и не нужно, имея в виду наше желание налаживать и развивать отношения с КНР.

Такая встреча была в одно и то же время и необходимостью и уступкой. Необходимость — это главный мотив встречи. Надо было вступить в личные отношения с руководителем правящей партии, ибо она формирует правительство и определяет политику страны. Нормализация отношений предполагает их оформление на высшем уровне путем установления личного знакомства и личных контактов между высшими руководителями соответствующих стран.

Конечно, было бы предпочтительнее, если бы такая встреча проводилась исключительно в рамках межгосударственных отношений. К сожалению, этого не

получилось. Очевидно, это вызывалось тем обстоятельством, что у людей, которые с нашей стороны готовили визит Президента РФ в КНР, сложилось устойчивое представление о необходимости оправдывать встречу с руководителем правящей в КНР политической партии как с представителем вполне определенных политических сил. И поэтому была предпринята попытка оправдать внутреннюю политику руководства КПК, доказать, что эта политика отвечает интересам народа КНР. Так была совершена ошибка: были связаны воедино вопросы межгосударственных отношений и вопросы отношений между политическими силами двух наших стран, между их политическими партиями. Чистота межгосударственных отношений не была соблюдена.

Не случайно, что вслед за Президентом РФ потянулись встречаться с руководителями ЦК КПК и другие государственные руководители России, занимающие вполне определенные политические позиции. Например, пожелал встретиться с генсеком ЦК КПК или на худой конец с секретарем ЦК КПК первый заместитель председателя президиума Верховного Совета РФ Ю.М.Воронин во время своего визита в КНР в начале 1993 г. Это могло уже рассматриваться не только как встреча на высоком уровне беспартийного государственного руководителя России, ее Президента, но как встреча государственного деятеля, принадлежащего к определенной — коммунистической политической силе с руководителем такой же политической силы в КНР. Тут уже снова появилось бы смешение межгосударственных и межпартийных связей.

Опыт истории, повторим еще раз, учит быть осторожным и хранить чистоту межгосударственных отношений, не смешивая их с межпартийными и идеологическими отношениями. Только государственная необходимость, национальные интересы оправдывают встречу Президента РФ с руководителем ЦК КПК.

В ходе беседы с генсеком ЦК КПК Президент РФ подчеркнул, что Российская Федерация заинтересована в продолжении реформ в КНР. Он также назвал общим для РФ и КНР то, что в обеих странах необходимы реформы. При этом, по мнению Б.Н.Ельцина, важно, чтобы продолжались экономические реформы; важна стабильность и условия для таких реформ, возможен и обмен опытом реформ. Такая позиция Президента РФ была совершенно корректной; здесь вопрос ставился на уровне отношений между государствами, между двумя нациями.

Одновременно было показано, что позиция РФ состоит в том, чтобы не допускать никакого вмешательства во внутренние дела партнера. Нам представляется, что российская сторона отделяет вопрос об экономических реформах от вопроса о политических реформах. Последние она относит к таким внутренним делам страны, вмешательство в которые совершенно недопустимо.

К сожалению, полный или достаточно полный текст записи не представляющих государственного секрета частей беседы Президента РФ и генерального секретаря ЦК КПК не опубликован. А это необходимо для того, чтобы народы обеих стран имели возможность ознакомиться с тем, что имеет отношение к их судьбам. Возникает, правда, и такой вопрос: есть ли в распоряжении российской стороны полная запись всех высказываний партнеров как во время упомянутой беседы, так и вообще в ходе визита Президента РФ в Пекин. Такая запись необходима. Если ее не сделали в данном случае, то в будущем ведение таких записей абсолютно необходимо в интересах России. Об этом свидетельствует исторический опыт.

К сожалению, наша сторона никогда не придавала этому значения. Такой порядок никогда не устанавливался. Частично здесь играло свою роль и желание скрыть свою позицию в переговорах с Пекином от своих же коллег или руководителей в Москве; недоверчивость, подозрительность, страх друг перед другом, больший страх перед своими, чем перед иностранцами, — все это весьма существенно сказывалось на ситуации. И рядовые сотрудники государственных учреждений и руководители стремились «не

оставлять следов». Возможно, так было не только в советское время, но продолжается и сейчас.

В то же время надо сказать, что Пекин ведет полные записи всех высказываний высших руководителей, да и вообще руководителей и представителей своей стороны и нашей стороны на всех уровнях, причем записи бесед высших руководителей иной раз даже на двух языках — на русском и на китайском. Эти записи, во-первых, хранятся для истории; во-вторых, они тщательно изучаются и анализируются самими высшими руководителями или по их поручению; в-третьих, эти записи в случае необходимости используются в целях обеспечения интересов Пекина; иной раз они открыто публикуются.

Говорили также, что Б.Н.Ельцин пришел к выводу о том, что опыт КНР свидетельствует о возможности осуществления реформ «без шока». В связи с этим можно отметить следующее. В том, что касается ситуации в России, президент, безусловно, имел право давать оценку тому, что произошло в нашей стране; хотя вопросы (в том числе и вопрос о «шоке») здесь не всегда ясны. Что же касается КНР, то вряд ли следовало высказывать мнение по таким вопросам. Известно, что сами реформы в КНР начались с того, что китайское крестьянство, стихийно протестуя против создавшегося при власти Мао Цзэдуна положения и политики КПК в деревне, фактически ликвидировало «народные коммуны», коллективные хозяйства — и разобрало землю в пользование, разделив ее на семейные наделы.

Это и стало первым и главным «шоковым методом» реформ в КНР, осуществленным без КПК и вопреки руководству в Пекине. Этому руководству пришлось смириться с бунтом крестьян. Хорошо еще, что на местах нашлись партийные руководители, которые поддержали эту инициативу крестьян.

Далее, за годы реформ в КНР были отстранены от власти два генеральных секретаря ЦК КПК и имели место известные события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда безоружных демонстрантов власти «усмиряли» с помощью танков и вооруженных солдат. Может возникнуть вопрос: нельзя ли видеть во всем этом «шоковую терапию с китайской спецификой»?

Итак, еще раз скажем, что в принципе нормальные отношения наших двух стран предполагают общение двух высших руководителей, даже если они представляют политические силы или партии. Однако при этом речь в их беседах должна идти только о взаимоотношениях наций, государств и ни в коем случае не затрагивать внутренние дела партнера.

Б.Н.Ельцин и Дэн Сяопин

К сожалению, в 1992 г. в ходе визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР не была организована даже короткая протокольно-вежливая встреча с Дэн Сяопином. Казалось бы, можно обойтись и без такой встречи. В целом поездка Президента России в Пекин послужила продвижению вперед дела двусторонних отношений. Но в то же время все-таки возникает вопрос: почему в программе визита не была предусмотрена такая встреча.

Ведь совершенно очевидно, что российская сторона пошла бы на нее. Не случайно Президент РФ сказал, что встречи с Дэн Сяопином не было в связи с состоянием здоровья Дэн Сяопина, а Пекин тут же дезавуировал такую интерпретацию вопроса.

Это — продуманный шаг нынешних руководителей КПК-КНР, в том числе (а вероятно, в первую очередь) и самого Дэн Сяопина. Это — отражение их принципиального отношения к России как нации. К нашему государству, Российской Федерации и к Президенту России, а вернее — к политическим силам, которые в Пекине ассоциировали тогда с именем Б.Н.Ельцина.

Пекинские руководители пришли к выводу о необходимости нормализовать отношения с СССР и нормализовали их в 1989 г. Для Дэн Сяопина тогда встреча с государственным и партийным руководителем СССР и КПСС М.С.Горбачевым была встречей с партнером в каком-то смысле равным себе. Это был, с точки зрения пекинского руководства, исторический момент во взаимоотношениях двух наций. Тут Дэн Сяопин играл роль первостепенного характера, никак не ниже роли Мао Цзэдуна, так как именно он восстанавливал после длительного ненормального состояния нормальные отношения между двумя высшими лидерами наций, между двумя крупнейшими в мире коммунистическими партиями, между двумя великими государствами. Восстановление нормальных отношений произошло на основе равенства и независимости, причем тогда, когда СССР, как подчеркивали в Пекине, выполнил предварительные условия Дэн Сяопина. Вот примерно так рисовалась картина той встречи с М.С.Горбачевым Дэн Сяопину и другим руководителям в Пекине.

Визит же Президента РФ в КНР в 1992 г. виделся в Пекине в ином свете. Прежде всего, речь шла уже не об СССР и не о КПСС, т.е. не о «сверхдержаве» и не о главном оппоненте и партнере КПК в коммунистическом или социалистическом лагере. Несмотря на всю важность визита и взаимоотношений наших двух наций, что, несомненно, хорошо понимали в Пекине, все-таки Россию теперь уже рассматривали не как «сверхдержаву». Ранг у России с точки зрения иерархии, выстраиваемой в Пекине, теперь был иной, гораздо более низкий. Россия в ее нынешнем виде, в ее нынешнем качестве, очевидно, уже не считалась ровней ни китайской нации, ни современному государству в континентальном Китае со столицей в Пекине. Россия для Пекина была уже лишь одной из больших стран мира.

Итак, наши партнеры, очевидно, исходили из того, что существует различие между калибрами Советского Союза и Российской Федерации. Это, прежде всего, и сказалось на отношении к России и ее президенту в Пекине, где попытались таким образом принизить Россию.

Далее, в историческом плане отношения между двумя нациями были нормализованы в 1989 г. Следовательно, речь не шла о принципиальном изменении характера двусторонних отношений, а скорее лишь о подтверждении некоторых принципов в двусторонних отношениях, о некоей преемственности в отношениях, а потому и по этому параметру визит Б.Н.Ельцина в Пекин уступал, с точки зрения пекинских руководителей, визиту М.С.Горбачева.

В то время в Пекине не относились к РФ как к возрождающейся великой России, а в Б.Н.Ельцине не видели первого в истории России президента, избранного всенародным голосованием. С точки зрения руководителей в Пекине, М.С. Горбачев был большим представителем нации, чем Б.Н.Ельцин.

Далее, пекинские руководители переживали уход от власти в нашей стране коммунистической партии. Они никак не могли примириться с приходом к власти людей, которые открыто выступали против коммунистической партии и социализма, принимая это, прежде всего, на свой счет. Не СССР и не КПСС было жалко лидерам в Пекине, они испытывали опасения за свое положение у власти в КНР. Это также сказалось на их отношении к визиту Президента РФ в Пекине.

Одним словом, значение визита Президента РФ в Пекин и значение фигуры самого Б.Н.Ельцина было намеренно принижено Пекином, что и проявилось, в частности, в том факте, что не была организована встреча фактически первых лиц двух наций Б.Н.Ельцина и Дэн Сяопина. Тем самым в Пекине показали также, что и визит Президента России и вообще необходимость признавать РФ, иметь с ней дела — все это вынужденные шаги для КПК-КНР.

А все же такая встреча могла бы оказаться полезной, если говорить об интересах двух наций, двух государств. На ней можно было бы обсудить вопросы, которые волновали обе нации. Мог быть поставлен вопрос о долговременных дружественных отношениях двух наций вне зависимости от того, какая политическая партия будет находиться у власти в той или иной стране.

Мало того, стороны могли бы поискать пути к снятию территориальных претензий со стороны Пекина, к разрешению вопроса о несправедливостях исторического характера в отношении той или иной нации. Таким образом, можно было действительно заложить прочную основу для развития двусторонних отношений. Во всяком случае, более прочную основу, чем та, которой приходится довольствоваться в настоящее время. Собеседники в ходе несостоявшейся беседы могли бы обменяться и своим видением роли России и КНР в будущем мире.

Одним словом, этот шанс был упущен, хотя совершенно очевидно, что нынешние руководители КПК-КНР пойти на него не пожелали совершенно сознательно. Они и не были способны на это.

Тактика и стратегия

И в Москве и в Пекине была проведена большая подготовка к визиту. Российская сторона стремилась решить как можно больше назревших практических вопросов, подписать максимально возможное число соглашений в самых разных областях. Это — обычная манера Министерства иностранных дел, в частности, когда речь идет о взаимоотношениях с Пекином. С одной стороны, действительно желательно иметь ткань отношений, подкрепленную правовыми рамками, различного рода договорами, соглашениями, двусторонними документами. С другой стороны, практика двусторонних отношений и их история давно доказали, что дело не только и не столько в юридических документах, вернее, не в их количестве, а в существе политики Москвы и Пекина в тот или иной период. Когда и Москва и Пекин — высшие руководители в обеих столицах, не только понимают необходимость развития двусторонних отношений, но это заставляет их делать обстановка в своих странах и на мировой арене, — тогда и наступают лучшие периоды в двусторонних отношениях. Когда же такой ситуации нет, тогда ворох подписанных двусторонних соглашений остается мертвым грузом, бесполезными залежами слов на прекрасной бумаге.

Иной подход к подготовке первого визита первого Президента РФ в КНР продемонстрировал Пекин. Там обращали самое серьезное внимание на изучение личных качеств, характера и психологического портрета Б.Н.Ельцина (естественно, наряду с практической подготовкой тех же двусторонних соглашений). В результате, как можно было догадаться, судя по поведению принимающей стороны, было принято решение проявлять внешнюю мягкость, не реагировать на возможные, случайные или иные, резкости или неожиданности в поведении или высказываниях Президента России. Иначе говоря, в Пекине было взято на вооружение в ходе этого государственного визита правило: «гладить по шерстке».

Вообще можно сказать, что в Пекине внимательно и скрупулезно изучают нынешних российских государственных и политических руководителей, а также ведущих политических и общественных деятелей и представителей деловых кругов. Этой работе придан систематизированный характер; она ведется под руководством лидеров КПК. Кроме того, в Пекине ведутся тщательные записи всего, что было сказано российскими руководителями как во время официальных бесед, так и в ходе частных разговоров, которые оказались в поле зрения или слуха представителей КНР.

Опыт истории говорит о том, что российская сторона, исходя из интересов нации, интересов нынешних и будущих поколений россиян, с самого начала нынешних отношений

РФ и КНР, российско-китайских отношений, должна, просто обязана, протоколировать и вести полные, а не только краткие или «более или менее подробные» — повторим, полные и подробные дословные записи всех высказываний высших должностных лиц, официальных лиц России и их пекинских партнеров.

Более того, необходима постоянная работа по изучению китайских лидеров, всех видных деятелей, практических работников и ученых КНР, которые имеют возможность оказывать воздействие и влияние на состояние российско-китайских отношений, чтобы квалифицированно и эффективно вести с ними беседы и переговоры, решать соответствующие вопросы. Отношения РФ и КНР требуют, чтобы российская сторона уделяла максимальное внимание и тактике и стратегии этих отношений. Здесь, естественно, важен учет планов и действий партнера.

Поведение Пекина во время визита Президента РФ в КНР было неотъемлемой составной частью стратегических планов и отношения нынешних руководителей КНР к современной и будущей России. Тактика Пекина также отличалась тщательным продумыванием всех деталей.

Например, у некоторых наблюдателей в нашей стране при поверхностном подходе к рассмотрению хода и результатов визита Президента РФ в КНР могло сложиться впечатление, что Пекин в ходе подготовки визита и при его проведении не выдвигал никаких острых, сложных вопросов, которые могли бы перерасти в проблемы; могло также сложиться впечатление, что между сторонами вообще нет политических разногласий и проблем, а если они и есть, то отложены так надолго и так далеко, что никак не сказываются и не скажутся на двусторонних отношениях. Могло показаться, что в политическом смысле обе стороны вдруг как бы освободились от всех тех вопросов, которые их беспокоили в прошлом.

Пекин предлагал Москве, и это главное, тезис о том, что если и были какие-то неприятности в прошлом, то они создавались людьми, которые «все уже умерли»; из этого как бы следовало, что говорить обо всем этом не стоит; для Пекина в этом смысле было важно добиться того, чтобы Москва пришла к выводу, что в нынешних двусторонних отношениях нет никаких политических проблем, а если в этих отношениях и есть сложности, то это лишь временные случайные осложнения, главным образом недоразумения в ходе торгово-экономических связей...

Учет опыта предшествующих десятилетий отношений России, Советского Союза с китайской стороной, с КНР побуждает высказать мысль о том, что упомянутое впечатление создано искусственно; оно представляет собой результат продуманного поведения Пекина в отношениях с нынешними представителями России. При этом в КНР исходили в то время из своего мнения, состоявшего в том, что в РФ отсутствует политическая стабильность и не обеспечена преемственность политики в отношении КНР с точки зрения национальных интересов России. Действительно, Российская Федерация пока (во всяком случае, до конца двадцатого столетия) не выработала стратегического подхода к отношениям с КНР и, следовательно, не разработала тактику осуществления своей стратегии. Этот подход пока во многом определяется настроениями российских руководителей, их политической интуицией (в ряде случаев, и это надо подчеркнуть, острой, тонкой и верной). Интересы России сегодня защищаются не осознанно, не при осмыслении всей серьезности проблем, а интуитивно. В то же время отсутствие стратегии, продуманной политики ставит российскую сторону с самого начала развития этих отношений в пассивное положение.

Инициатива фактически отдана КНР, которая сама находится в затруднительном положении как в силу ситуации внутри КНР, которая далеко не стабильна, так и в связи с репутацией Пекина в мире, в частности после событий июня 1989 г.

Курс на то, чтобы провести визит Президента РФ в КНР без шероховатостей, был сознательно и намеренно взят Пекином. Этот визит был нужен там для того, чтобы

разрушить складывавшееся в мире мнение о новом противостоянии (и снова по идеологическим мотивам) между РФ и КНР. Пекин был заинтересован в том, чтобы показать всему миру, что его межгосударственные отношения с РФ нормальные, что новая идеологическая ситуация не отражается на этих отношениях, не ведет к их обострению и тем более не вызывает конфронтации.

Из документов, подписанных в ходе визита, стороны постарались в максимально возможной степени исключить соображения, формулировки и тезисы идеологического свойства. Пекин принял решение не поднимать во время этого визита ни политических, ни идеологических проблем, которые, безусловно, существуют. Очевидно, в Пекине полагали, что в нынешних условиях можно добиться большего, не ставя острых принципиальных вопросов. Одновременно Пекин жестко и бескомпромиссно боролся в ходе подготовки и самого визита Б.Н.Ельцина в КНР за свои экономические и внешнеторговые интересы. Российская сторона, очевидно, в такой ситуации перевела дух, так как, с ее точки зрения, перед визитом в воздухе висели тучи сомнений в связи, в частности, с тем, что и как говорил в свое время, в 1989 г., Дэн Сяопин М.С.Горбачеву...

А он вспоминал о том, что считал несправедливостями по отношению к Китаю, а также «об угрозе Китаю со стороны СССР», включая проблемы территорий и границ, и подчеркивал важность этой проблемы.

Сам ход развития двусторонних политических и межгосударственных отношений после их нормализации в 1989 г. показывал, что ни по территориальному вопросу, ни по вопросу о границе, ни по вопросу об оценке внешней политики царской и Советской России в последние годы не произошло никаких принципиальных изменений. Это все та же позиция, сложившаяся, главным образом, при Мао Цзэдуном (но и до него). По своей сути это позиция враждебного отношения к России, предвзятого отношения к ней как к нации. Это атакующая позиция. Образ России, который глубоко засел в умах многих в КНР и внедряется в умы подрастающих поколений, выдуман Мао Цзэдуном и такими же, как он, политиками до и после него.

И Россия представлена китайской нации, нации чжунхуа в виде страшного и непредсказуемого, но всегда стремящегося растерзать Китай, северного медведя. Медведя, который сегодня лишь на время потерял свои когти и получил многочисленные раны, а потому пока лишился возможности продолжать свою активную антикитайскую политику....

Поэтому с точки зрения стратегии руководители в Пекине продолжали во время визита Б.Н.Ельцина проводить линию, которая сложилась в императорском дворце при династии Цин, затем была продолжена — особенно усилиями Мао Цзэдуна и его сторонников.

Эта линия состоит в том, чтобы всегда быть настороже в отношении России, исходить из того, что Россия и русские, россияне как нация, виноваты перед Китаем и китайцами, ханьцами как нацией, виноваты перед нацией чжунхуа. При этом предполагалось, что государство нации чжунхуа должно терпеливо выжидать того момента, когда окажется возможным исправить историческую несправедливость и вернуть, в частности, территории, которые в Пекине считают своими; пересмотреть договоры о российско-китайской границе, которые в Пекине считают неравноправными. В конечном счете, очевидно, существовал стратегический замысел — поставить Россию в положение небольшого по численности населения или нескольких небольших (с общей численностью населения где-то около 80—90 млн человек) государств, в положение слабого соседа, находящегося в определенной зависимости от нации чжунхуа, а может быть, и ассимилировать силами ханьцев народы, проживающие на территории нынешней России, в том числе и русских.

Отсюда нежелание говорить о политических вопросах, за которыми стояло только намерение сохранить свое прежнее мнение по этим проблемам. Отсюда же и позиция Пекина по вопросу о сокращении российских вооруженных сил и по вопросу об их отводе от российско-китайской границы; повторим, что такую позицию Пекин занимает тогда, когда Россия ослаблена и еще не видно, когда она воспрянет. Отсюда и позиция Пекина, его

настойчивость в планах перемещения на территорию РФ компактных масс граждан КНР, ханьцев по национальности, на постоянное поселение (в начале 90-х гг. их было уже не менее миллиона человек).

Отсюда и жесткая позиция КНР в области торгово-экономических связей, позиция, при которой Пекин стремился с помощью поощряемого властями или дозволяемого властями нашествия мелких торгашей и средних дельцов, а то и просто преступных элементов, максимально обезвалютить Россию путем неэквивалентного обмена. Отсюда и желание превратить Россию в сырьевой придаток КНР.

Все это делалось лишь потому, что в Пекине полагали, что нация чжунхуа и государство этой нации еще недостаточно окрепли и усилились; после же того, как их мощь возрастет, методы действий в отношении России могут быть изменены, могут стать еще более жесткими и даже жестокими.

Вот, собственно говоря, чем руководствовались, как нам представляется, политики в Пекине, организовав и проведя встречу на высшем уровне с Президентом РФ в конце 1992 г.

В дополнение к сказанному, еще об одной стороне стратегии и тактики руководителей КПК и КНР в отношении России.

После ухода с политической сцены КПСС, а из мировой политики — Советского Союза, руководители КПК и КНР, очевидно, полагали, что у Пекина появилась уникальная возможность сыграть роль единственного и главного оплота и авангарда коммунистических идей, коммунистического движения в мировых масштабах.

При этом Пекин получил возможность занять место главной революционной силы в современном мире. Из этого следовало, что он мог бы повести за собой, по мере торжества коммунистической идеологии и коммунистического движения, и нынешнюю Россию.

КПК, с одной стороны, выжидала, надеялась на то, что в России вернуться к идеям коммунизма и, естественно, признают тогда лидерство Пекина. Одновременно КПК прилагала усилия для установления связей с политическими партиями и силами коммунистического или социалистического направления в нашей стране, для которых Пекин стал в то время образцом решения всех экономических и политических проблем, стал учителем в деле проведения экономических и политических реформ. (Не случайной представлялась поэтому и встреча министра обороны КНР с руководителем «Трудовой России» В.И.Анпиловым, состоявшаяся летом 1993 г. в Пхеньяне, куда были приглашены на праздник делегации из различных стран мира.)

В любом случае, т.е. независимо от того, будет ли Россия переживать длительный и мучительный процесс перехода к иной, чем при КПСС-СССР, экономической и политической системе, или она попытается остановиться, повернуть вспять и закрепиться на позициях, идейно близких нынешним позициям Пекина, — с точки зрения Пекина, ему было целесообразно постепенно утверждать свое лидирующее, ведущее положение относительно России.

Выводы

Первый визит Президента РФ в КНР был необходим обеим сторонам. Он закреплял международные позиции каждой из них. В то же время он был проведен в условиях, когда РФ еще не сформировала и не сформулировала четко и с достаточной полнотой свою политику в отношении КНР. У РФ существовали некие намерения, она делала интуитивные шаги, но у нее пока не было ни стратегии, ни тактики. В то же время КНР имела свой, сохраняющийся от прошлого и развивающийся сегодня, стратегический подход к двусторонним отношениям.

И все же замыслы и стратегия — это планы на будущее, а реальная жизнь развивалась по своим законам и предъявляла требования, с которыми приходилось считаться в той или иной степени уже тогда.

Здесь еще предстояло поработать и людям и времени. В то время было важно подтвердить как нормальный характер межгосударственных связей, так и стремление обеих сторон сохранять мирные добрососедские отношения и в дальнейшем.

При этом стороны, каждая имея свои резоны, пока отложили в сторону многочисленные политические межгосударственные проблемы. Ни одна из сторон при этом не отказалась от своих национальных интересов, как она их понимает, от своих прежних принципиальных позиций в деле защиты этих интересов. Упомянутые интересы, с одной стороны, требовали согласования позиций, с другой стороны, имели, к сожалению, тенденцию приводить в столкновение. Здесь стороны сохранили вполне определенное недоверие одна к другой.

В политическом смысле в результате визита было закреплено статус-кво на основе признания необходимости нормальных ровных отношений, а в экономической области стороны пока пытались, каждая по-своему, извлекать свою выгоду; при этом в экономическом проигрыше оставалась Россия как слабая в то время сторона.

Возрастали опасные, тревожные тенденции. Это проявлялось, в частности, в следующем: происходило, главным образом, на территории России массовое нецивилизованное общение людей обеих наций; велся неэквивалентный торгово-экономический обмен; оставались нерешенными важные политические вопросы, в том числе вопрос о территориях, о границе, а также о сокращении вооруженных сил по российскую сторону границы на Дальнем Востоке. Граница оставалась легко проницаемой, «дырявой» с российской стороны; поток людей, пересекавших эту границу со стороны КНР в сторону РФ, исчислялся миллионами в год и оказывался гораздо мощнее потока, следовавшего в обратную сторону. Возник вопрос об обеспечении безопасности российского морского судоходства у берегов КНР; российским торговым судам потребовалось сопровождение российских военных кораблей для защиты от пиратских нападений. Имела место очередная волна антироссийских настроений в КНР; отсутствовали связи в области культуры, литературы, искусства. Продолжалось воспитание школьников и зрителей на антирусских произведениях искусства; происходило ползучее освоение массами китайского населения районов российского Дальнего Востока.

В этой обстановке самым разумным подходом обеих сторон представлялось сохранение всего позитивного, чего удалось достичь к тому времени, недопущение ухудшения отношений, постепенное решение всех существующих вопросов и на этой основе улучшение отношений между нашими двумя нациями.

Пекин продолжал применять известный прием, а Москва ему во многом вторила: оба утверждали, что дела шли блестяще и двусторонние отношения не встречали в процессе своего благоприятного развития никаких затруднений.

В целом уже к середине 1990-х гг. ощущалась необходимость перехода с первой ступени двусторонних отношений на их следующую, вторую ступень для решения накопившихся вопросов и перевода отношений на иной уровень.

Эту необходимость ощущали и в Москве и в Пекине, что и проявилось в дальнейшем.

Москва — Пекин: вторая ступень

Введение

К 2000 г. минули длинные и трудные годы с той поры, как наше новое государство, Российская Федерация, установило межгосударственные отношения с Китайской Народной

Республикой. За это время двусторонние отношения устоялись и движение происходило как бы по накатанным рельсам.

Визиты глав государств, Президента РФ в КНР и Председателя КНР в Россию перестали именоваться историческими и превратились в дежурные или привычные. Это — хороший знак, так как такого рода поездки свидетельствовали, что Москва и Пекин постоянно поддерживали нормальные дипломатические отношения, что такой канал, как регулярные рандеву первых лиц обеих стран, работал как часы. Проведение такого рода встреч практически ежегодно позволяло обеим странам своевременно обмениваться мнениями по важнейшим вопросам и принимать нужные решения на самом высоком уровне.

При этом посещали друг друга не только главы государств, но и руководители парламентов, правительств, министры, прежде всего министры иностранных дел и обороны.

Были подписаны новые соглашения. Объем товарооборота колебался, но в принципе он, кажется, устоялся пока на уровне между 5 и 10 млрд долларов в год. Очевидно, это тот максимальный предел, который возможен в нынешних условиях. Таким он и остался до 2000 года, хотя стороны и выражали намерения довести его до 20 млрд долларов.

Видное место в экономических связях занимала продажа оружия российской стороной Пекину, а также приобретение им военных технологий в нашей стране. По сравнению с началом 1990-х гг. сократился объем приграничной торговли, что объяснялось, в частности, исчезновением острой необходимости в связях этого характера. Иначе говоря, российский рынок насытился продовольственными товарами, одеждой и обувью и на нем в выигрыше оставался тот, кто предлагал товары не только по приемлемым ценам, но, и это главное, более высокого качества.

Эти положительные явления в наших двусторонних отношениях, а также стремление официальных представителей обеих сторон поддерживать своими высказываниями хорошую общую атмосферу, вызывались насущными потребностями сторон — и состоянием дел в обеих наших странах, и положением каждой из них на мировой арене. И то и другое диктовало такой характер отношений, когда Москва и Пекин подчеркивали прекрасное состояние двусторонних связей.

Официальные лица обеих сторон соревновались в изобретении самых пышных эпитетов для описания характера двусторонних отношений. Заявляли, например, что нынешний период в них — это самое лучшее время за весь XX век.

Иными словами, объективная действительность и в нашей стране и в КНР побуждала руководителей обоих государств демонстрировать внешнему миру великолепный фасад наших отношений, подчеркивать перед всем миром, что мы, Москва и Пекин, никоим образом не только не враги, но что характер наших отношений таков, что никому не удастся играть на нем в надежде на некую выгоду для себя.

Более того, по нашей инициативе подчеркивался тезис о направленности двустороннего доверительного партнерства на стратегическое взаимодействие в XXI веке, а по инициативе наших партнеров в Пекине обе стороны делали акцент на общей заинтересованности в становлении нового межгосударственного или мирового порядка и в политике и в экономике, на мировой арене, причем в мире, который именовался многополярным.

Высший и высокий уровни

Общая характеристика состояния отношений

С началом XXI в. Российская Федерация вступила во второе десятилетие своего существования. Китайская Народная Республика в конце XX столетия отметила свой полувековой юбилей. За плечами у обеих наших наций были уже почти четыре века общения, истории двусторонних отношений. Народы на своем опыте в какой-то степени

осмысленно, а в какой-то степени инстинктивно осознали необходимость исходить из своих главных национальных интересов, из желания обеспечить выживание и той и другой нации, а это требовало от обоих государств поддерживать мир в двусторонних отношениях, строить их на основе полного равноправия и оберегать свою независимость и самостоятельность.

Три этих принципа — мир, равноправие и независимость — так или иначе, но главенствовали в отношениях.

В то же время политические лидеры, политические силы, политические партии, определявшие политику государств, вносили в двусторонние отношения, каждый по-своему, некие оттенки, придавали им своеобразный привкус, порой заставляли переживать зигзаги. При этом народы обеих стран были заинтересованы главным образом в том, чтобы не допустить воздействия всех таких второстепенных факторов и причин на коренное и главное в национальных интересах и характере отношений.

Внешняя политика Б.Н.Ельцина

В РФ до конца 1999 г. у власти находился Президент Б.Н.Ельцин. Его внешняя политика в отношении континентального Китая была в общем и целом стабильной, направленной на то, чтобы поддерживать и развивать добрососедские отношения, по крайней мере демонстрируя неуклонное повышение степени доверительности в этих отношениях.

В то же время было очевидно, что он все-таки не уделял политике в отношении Китая постоянного и повседневного внимания; кампанейский подход, к сожалению, был присущ и политике в отношении КНР. Слишком много времени у Президента РФ занимали наши внутривнутриполитические и внутриэкономические дела. На первый план в области внешней политики, также под воздействием внутривнутриполитической обстановки в РФ, объективно выходили для президента отношения с США, другими странами Запада, а также с независимыми государствами, появившимися на территории бывшего Советского Союза.

По сути дела, учитывая исторический опыт, целесообразно, чтобы глава государства выделял две области внешней политики: отношения с Америкой и с Китаем. Желательно, чтобы при Президенте РФ существовали два постоянно работающих органа, каждый из которых в централизованном порядке разрабатывал бы стратегию и тактику политики в отношении соответственно Америки и Китая и отслеживал правильность проведения этой политики всеми государственными учреждениями; эти два института должны были бы также тесно взаимодействовать между собой. К сожалению, пока этого нет.

Помимо этого необходимыми представляются и уже существующие органы — двусторонние комиссии во главе с главами правительств, в одном случае РФ и США, а в другом РФ и КНР. Но эти комиссии и упомянутые органы при президенте страны имеют различные задачи и не заменяют, а должны дополнять друг друга.

Что же касается практики наших отношений с КНР в первые годы после установления двусторонних связей, то здесь привлекательно выглядела формальная сторона, хуже обстояло дело с выполнением на практике многочисленных подписанных в двустороннем порядке документов. Наконец, существовал определенный разрыв между принятым, кажется, обеими сторонами словарем общения на высоком уровне и реальным отношением населения обеих сторон друг к другу.

Иначе говоря, реальное состояние отношений и их официальная оценка расходились. Расхождение не было трагическим, но оно существовало и требовало корректировки политики на высоком уровне. Особенно это касалось, применительно к ситуации в нашей стране, необходимости для руководителей страны разъяснять постоянно и подробно политику в отношении континентального Китая своему населению, чутко реагируя на его настроения и добиваясь его понимания и поддержки.

В середине 1990-х гг. Б.Н. Ельцин, стремясь, как это ему представлялось, сохранить мир в стране, не допустить революций и гражданских войн (создавая тем самым условия для того, чтобы выиграть время, дать возможность подрасти молодым поколениям, которые уже никак не согласятся на возвращение к прошлому и при голосовании на выборах приведут к власти людей, ориентирующихся на демократию в политике и на рыночные отношения в экономике), считал необходимым пойти на компромисс с силами, которые хотели бы восстановить многое из политической и экономической системы, существовавшей в СССР, тормозили движение нашей страны по пути уважения к человеку, его правам и свободам, развития демократии и создания рыночной экономики. Представители упомянутых сил играли важную роль практически во всех ветвях власти, а также в хозяйственном механизме.

В области внешней политики это нашло свое выражение в замене министра иностранных дел, а также в переменах в политике, сначала по отношению к США и странам Запада, а затем и в отношении КНР.

Речь пошла о том, что в Москве начали рассматривать США и страны Запада главным образом как силы, которые производили давление на нашу страну, поэтому им следовало оказывать сопротивление. Отношения с КНР при этом представлялись президенту и его внешнеполитической команде как один из рычагов сдерживания давления со стороны США и стран Запада. Этим целям было посвящено и толкование курса на равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие с Пекином в XXI в.

Эта внешнеполитическая линия президента возникла, как ощущалось, под давлением обстоятельств, вытекала из их понимания. Она не стала неотъемлемой составной частью долгосрочной внешнеполитической стратегии Российской Федерации. Время от времени Президент РФ твердо заявлял о своей приверженности курсу на демократическое развитие внутри страны, на создание экономической свободы, а также на сотрудничество с мировыми силами, ориентирующимися на защиту прав человека. Однако это оставалось как бы только целью, дальнейшей стратегией. Это было очень важно. И в то же время на практике внешняя политика президента вызывала много вопросов. Более того, возникали сомнения в правильности этой линии. Вырисовывалась опасность нанесения реального ощутимого ущерба национальным интересам нашей страны. Иначе говоря, желательно было бы сохранять линию на поддержание разумных, нормальных и по возможности добрых отношений и с США и с КНР, но не оказываться в ситуации, когда Москва сама постепенно делала из США «врага», а КНР именовала сначала «стратегическим партнером», а затем стала намекать, что с Пекином возможны отношения «союзников», даже «военных союзников». Наша страна при этом могла попасть в ситуацию реального противостояния со странами Запада, не имея реальной поддержки со стороны КНР.

Вероятно, именно по той причине, что в Пекине в середине 1990-х гг. увидели сближение Б.Н.Ельцина с упомянутыми политическими силами и придали этому большое значение, увидели переход Москвы в сфере внешней политики к некоему противостоянию с США и странами Запада, руководители КПК-КНР внутри своей страны, да и для нас, для внешнего мира вообще, стали выдвигать тезис о том, что они теперь видят именно в президенте Б.Н.Ельцине и только в нем наиболее приемлемого для них руководителя России в настоящее время и в ближайшие годы. Нельзя при этом не вспомнить о том, что когда Б.Н.Ельцин был впервые избран Президентом России, тогда в КПК и среди населения КНР распространялись пропагандистские материалы с самой резкой критикой его как главного врага коммунистических и прокоммунистических сил в нашей стране, а следовательно, и неприемлемого для Пекина политического лидера.

Как бы там ни было, а во второй половине 1990-х гг. Президент РФ и Председатель КНР демонстрировали сердечность своей дружбы и самое благожелательное отношение друг к другу.

Внешняя политика Цзян Цзэминя

В 1990-х гг. главным партнером Президента РФ Б.Н.Ельцина в Пекине был Председатель КНР Цзян Цзэминь. Он сосредоточил в своих руках высшие руководящие посты в Коммунистической партии Китая, в армии континентального Китая и в государстве на китайском материке.

Политика Цзян Цзэминя в отношении нашей страны складывалась из ряда элементов. Отражая насущные интересы своей нации, Цзян Цзэминь стремился поддерживать нормальные двусторонние отношения, неизменным компонентом которых стали регулярные встречи Председателя КНР и Президента РФ, сопровождавшиеся подписанием деклараций и соглашений, демонстрацией доверительного характера связей, их нацеленности на партнерство в ближайшие десятилетия.

В то же время Цзян Цзэминь косвенно поощрял антизападный, прежде всего антиамериканский настрой в политике Москвы. Цзян Цзэминь полагал, что его политика должна быть политикой одновременно «и Мао и Дэна, ни Мао ни Дэна», т.е. «и политикой Мао Цзэдуна и политикой Дэна Сяопина, одновременно не будучи ни политикой Мао Цзэдуна, ни политикой Дэна Сяопина». Цзян Цзэминь хотел соединить в своей политике важные, с его точки зрения, установки Мао Цзэдуна и Дэна Сяопина, сочетая их с новым подходом к обстановке в мире. При разработке стратегической внешнеполитической платформы в Пекине при Цзян Цзэминя приняли в качестве основной мысль о том, что, прежде всего, необходимо предложить такую формулу, которая отвечала бы национальным интересам континентального Китая, будучи в то же время приемлемой для сообщества государств мира. Такую формулу увидели в тезисе о многополярности современного мира и о необходимости формирования нового мирового политического и экономического порядка. На первый план выступала при этом мысль о многополярности мира. Пекин предлагал всем государствам идею о том, что сегодня нет и не должно быть одного и единственного мирового центра; напротив, целесообразно признавать наличие многих центров, которые и должны регулировать отношения между собой, не допуская диктата или гегемонизма одной державы.

Наконец, Цзян Цзэминь настойчиво вел дело к оформлению двусторонних отношений такими документами, включению в них таких тезисов, которые были многозначными и могли рассматриваться одновременно и как отвечающие действительным национальным интересам обеих стран, и в то же время как логическое продолжение политики Мао Цзэдуна и Дэна Сяопина. Согласно этому, наша страна рассматривалась в Пекине в качестве территориального должника Китая, ответственного за создание военной угрозы для КНР, а потому Пекин требовал от нашей страны выполнения, хотя бы формально, таких условий, которые как бы подтверждали тезис о том, что именно наша страна угрожала или угрожает КНР. Более того, вопрос о границе продолжал оставаться не решенным окончательно, т.е. речь не шла о подписании нового договора о границе, который обеими сторонами рассматривался бы как равноправный и справедливый и снимал бы вопрос о существовании территориальных претензий.

Цзян Цзэминь не дезавуировал также известный тезис Мао Цзэдуна, подтвержденный и Дэном Сяопином, об исторической территориальной задолженности нашей страны континентальному Китаю.

Визит Цзян Цзэминя в Москву в 1994 г.

В 1994 г. состоялась первая поездка Цзян Цзэминя в Москву в качестве Председателя КНР. В ходе этой поездки китайская сторона делала особый упор на том, что Председатель КНР является выразителем дум и чаяний китайского народа и прибыл в Москву, «привезя с собой чувства дружбы китайского народа».

Выступая 3 сентября 1994 г. перед представителями московской общественности в зале МГИМО МИД РФ, Цзян Цзэминь счел необходимым прежде всего поведать о том, «что делает китайский народ», ответить на вопрос о том, «как идут дела в Китае». Оратор выразил надежду, что «это поможет вам (слушателям его выступления, да и, очевидно, вообще жителям России. — Ю.Г.) лучше знать Китай».

Бросалось в глаза, что и в 1991 г. и в 1994 г. Цзян Цзэминь подчеркнуто выступал в Москве как бы в роли «учителя», «наставника», а также проводил различие между понятиями нашего государства, безразлично СССР или РФ, и нашего народа, к которому он и предпочитал обращаться.

Цзян Цзэминь начал с утверждения, что в КНР «строят социализм с китайской спецификой». Далее он разъяснил основное содержание политики КПК внутри КНР. Затем он пояснил, что «мир и развитие» «представляют собой относительно друг друга одновременно и цель и предпосылку», ибо «без мира не может быть и речи о развитии, а без развития трудно осуществить подлинный мир». По мнению Цзян Цзэминя, «проведение реформы в условиях социализма — это единственный путь к модернизации Китая, к всеобщему возрождению китайской нации».

Таким образом, Цзян Цзэминь, выступая в столице Российской Федерации, повел разговор с упором на известные в теории марксизма понятия «народа», «социализма».

Цзян Цзэминь упомянул о реформе в деревне в КНР, отметив, что там «повсеместно была введена система ответственности, основанная главным образом на семейном подряде, которая привела к дальнейшему раскрепощению производительных сил на селе». Цзян Цзэминь применил термин «введена система», «подправив» существо дела, которое состояло в том, что после смерти Мао Цзэдуна китайские крестьяне сами отбросили систему, которую ввели Мао Цзэдун и КПК, практически стихийно вернули себе прежние семейные земельные наделы и взялись хозяйствовать семьями, каждая на своем участке земли, а компартия была вынуждена признать это, согласиться с тем, что помимо воли ее вождей сделали китайские крестьяне.

Цзян Цзэминь говорил затем о городской реформе, «центральным звеном которой является повышение жизнедеятельности государственных предприятий». При этом он утверждал, что тут «уже достигнуты заметные успехи», хотя на самом деле трудностей было больше, чем достижений.

Следующим сюжетом в выступлении Цзян Цзэминя было толкование им «открытия внешнему миру», необходимости заимствования «и тех достижений цивилизации, которые были созданы капиталистическим обществом».

Цзян Цзэминь привел цифры, которыми он хотел подкрепить тезис о том, что в КНР «на более высокую ступень поднялись экономика Китая и жизненный уровень его народа».

Затем Цзян Цзэминь выдвинул тезис о том, что «реформа и открытость, осуществляемые в Китае, по существу являются самосовершенствованием и саморазвитием социалистического строя». Он неоднократно подчеркивал в ходе своего выступления мысль о том, что «нам нельзя отказываться от различных преимуществ социальной системы в нашей стране», что «социалистический строй» «должен постепенно совершенствоваться и развиваться в ходе реформы». Он подчеркивал, что «мы твердо сохраняем такую структуру собственности, где общественная форма собственности занимает доминирующее место».

По словам Цзян Цзэминя, «цель экономической реформы в Китае заключается в создании системы социалистической рыночной экономики». Здесь оратор сослался на слова Дэна Сяопина: «Между социализмом и рыночной экономикой не существует коренных противоречий. Вопрос в том, какой способ позволяет наиболее эффективно развивать производительные силы общества».

Очевидно, учитывая характер аудитории и место выступления, Цзян Цзэминь говорил, что «за все эти годы мы никогда не переставали активно, надежной поступью вести реформу политической системы в соответствии с требованиями реформы экономической системы и экономического развития, согласно необходимости тесного сочетания

демократии и правопорядка, исходя из конкретных условий Китая». Затем он говорил о «совершенствовании социалистической демократии и правопорядка», об «усилении идейно-политической работы», о «едином руководстве центра».

Цзян Цзэминь упомянул и о «курсе на строительство социалистической материальной культуры вместе с духовной культурой». Тем самым Цзян Цзэминь оправдывал действия властей КПК-КНР в июне 1989 г. в Пекине и как бы давал советы относительно того, как целесообразно вести дела в сфере внутренней политики.

Цзян Цзэминь заявил, что «реформа является и новой революцией». Он упомянул о том, что «задача остается все же очень тяжелой». В частности, «разрыв в степени развития между восточным приморьем, с одной стороны, и центральными, западными регионами страны, с другой, заметно увеличивается; несправедливость в распределении тоже явственно выступает. (Цитаты даются по распространенному пресс-службой Цзян Цзэминя переводу на русский язык текста его выступления. — Ю.Г.) В условиях открытия внешнему миру стали появляться и некоторые негативные и разлагающие вещи. В отношении всего этого необходимо выработать соответствующие ответные меры».

Цзян Цзэминь подчеркнул роль Дэн Сяопина, назвав его «генеральным конструктором политики реформы, открытости и строительства социалистической модернизации Китая. Он играет исключительно важную роль в руководстве этой новой революцией и внес великий исторический вклад в дело основания теории о строительстве социализма с китайской спецификой. Эта теория представляет собой квинтэссенцию опыта этой новой революции, а также и идейную путеводную звезду, озаряющую путь непрерывного развития этой новой революции».

Наконец, подводя итоги первой части выступления, Цзян Цзэминь пояснил своей российской московской аудитории, что «народы различных стран прилагают усилия к развитию собственной страны, на практике реформы могут наталкиваться на аналогичные обстоятельства и вопросы, которые нуждаются в совместном обсуждении и взаимном заимствовании. Однако ни путь развития, ни модель реформы нельзя механически скопировать, тем более нельзя навязывать извне. Притом фактически и не существует стандартной модели развития. Путь развития каждой страны должен быть выбран самим народом данной страны и реформу необходимо проводить исходя из конкретных условий данной страны. Опыт других стран может быть только принят к сведению или в качестве подспорья. Мы знаем, что Россия в настоящее время ведет поиски пути реформы и развития, соответствующего реальной действительности своей страны».

Итак, первая часть выступления Цзян Цзэминя была практически посвящена доказательству того, что его партия проводит верный курс, сохраняет в КНР свой политический и экономический строй, полагает, что достигла на этом пути успехов. Россия пока только находится в поисках и переживает одни лишь трудности, поэтому, как это подспудно ощущалось при слушании речи Цзян Цзэминя, ей было бы лучше взять для себя в ряде важных областей в качестве руководства опыт руководителей КПК-КНР, чтобы, идя за Пекином в сфере внутренней политики, решать проблемы, существующие в политической и экономической жизни нашей страны.

Цзян Цзэминь твердо придерживался курса, который был определен Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, повторял выдвинутые ими положения, в том числе и те, которые возникали в свое время в ходе идеологической борьбы между КПСС-СССР, с одной стороны, и КПК-КНР, с другой стороны. Примечательно и то, что в 1994 г. на первом месте для Цзян Цзэминя в делах, связанных с нашей страной, ее высшим руководителем, были не проблемы мировой политики, не вопросы двусторонних отношений, а все еще то, что было связано с ведением дел внутри той или иной страны, с уклоном в сторону некой общности между историческим развитием и ситуацией в КНР и в РФ, естественно, при подчеркивании различий между ними. Особо необходимо отметить, что, с точки зрения Цзян Цзэминя, реформы, осуществляемые в той или иной стране, и, во всяком случае, в КНР, это,

собственно говоря, «новая революция», продолжение революции, революция в иной форме; Цзян Цзэминь предлагал видеть в преобразованиях 1990-х гг. революцию; он не говорил об эволюции.

Затем Цзян Цзэминь перешел к вопросам мировой политики. Прежде всего, он остановился на многополярности мира. По его словам, «по окончании «холодной войны» перестала существовать биполярная структура. Идет непрерывное расслоение и перегруппировка различных сил, наблюдается ускоряющийся рост тенденции к многополярности». По мнению Цзян Цзэминя, хотя «шансы на мир во всем мире продолжают расти», однако «в мире все еще нет покоя. В некоторых местах все еще не прекращаются катаклизмы, вооруженные конфликты и локальные войны. По-прежнему живы гегемонизм и политика силы. Усугубляется и неравномерность развития международной экономики. Миру и развитию во всем мире по-прежнему предстоит серьезный вызов».

В этой ситуации Китай, по слова Цзян Цзэминя, «готов на основе пяти принципов мирного сосуществования развивать добрососедские и дружественные отношения с сопредельными странами», Китай открыт и Западу и Востоку.

Итак, уже тогда Пекин настойчиво предлагал Москве принять его тезисы о многополярности в современном мире с целью борьбы против гегемонизма и политики силы. Учитывая то, что в это время наша страна уже не могла, даже объективно, претендовать на «гегемонизм», речь шла, конечно, о некоей совместной позиции Пекина и Москвы относительно Вашингтона, во всяком случае в оценке ситуации на мировой арене.

Цзян Цзэминь счел необходимым напомнить позицию Пекина по вопросам истории, в том числе истории отношений наших двух стран: «У Китая было трагическое прошлое, когда в течение длительного периода времени он подвергался третигованию, расчленению, порабощению и грабежу со стороны империалистических держав». Китай «решительно выступает против вмешательства в свои внутренние дела, вместе с тем никогда не вмешивается во внутренние дела других стран. В международных делах мы всегда самостоятельно принимаем решение и излагаем позицию, исходя из коренных интересов китайского народа и народов всего мира в соответствии с нормами международных отношений. Китай выступает против гегемонизма и политики силы, и сам ни в коем случае не будет претендовать на гегемонию, и будет твердо придерживаться такого курса даже тогда, когда станет зажиточной страной в будущем. Китай всегда верен своему слову, он является надежным другом народов всех стран мира».

Далее Цзян Цзэминь говорил о существовании в мире больших и малых, богатых и бедных, сильных и слабых стран. При этом он подчеркивал, что все они должны быть равноправными.

Цзян Цзэминь подтвердил тезис, согласно которому «разногласия и споры между государствами должны решаться мирным путем посредством консультаций и переговоров на справедливой основе. Вопросы, которые пока нельзя разрешить сразу, следует временно отложить согласно принципу «искать общего при наличии (сохранении. — Ю.Г.) разногласий», чтобы они не помешали развитию нормальных межгосударственных отношений».

«Одним словом, — заявил Цзян Цзэминь, — необходимо добиться политического равенства и экономического процветания на земном шаре».

Раздел выступления Цзян Цзэминя, посвященный вопросам международных отношений, свидетельствовал о том, что Пекин предлагал Москве исходить из продолжавшего существовать разделения мира на «богатых» и «бедных», из того, что «кто-то» продолжает проводить «гегемонистскую политику» или «политику силы», что угроза военных столкновений по крайней мере сохраняется. Иными словами, с точки зрения Цзян Цзэминя, Москве, которая утратила свое положение равной по военному потенциалу США «сверхдержавы» и опустилась до своего нынешнего уровня, следовало бы, осознав свое новое положение, пойти за Пекином в борьбе за всеобщее равноправие всех государств

мира, в борьбе против США и их союзников. В свою очередь Цзян Цзэминь намекал на обещание пока не поднимать вопросы, которые остались, с его точки зрения, нерешенными в истории наших двусторонних отношений, т.е., прежде всего, пока не выдвигать территориальных претензий к нашей стране.

Перейдя к состоянию двусторонних отношений РФ и КНР, Цзян Цзэминь отметил, что «Россия — крупнейшая соседняя страна Китая. Наши страны соединяет общая граница протяженностью в 4 тысячи с лишним километров. ...Китай и Россия уже стали главными торговыми партнерами друг у друга, двусторонняя торговля получила большое развитие. Граница между двумя странами уже стала границей мира и дружбы, чему очень рады народы обеих стран. Люди нашего поколения хорошо знают, какой нелегкий путь мы прошли ради достижения нынешней благоприятной обстановки, ее необходимо очень беречь». Сохранение отношений добрососедства и дружбы, по словам Цзян Цзэминя, «является и сильным желанием наших народов, и благородной миссией политических деятелей двух стран».

Далее он говорил о «большой взаимодополняемости» экономики РФ и КНР, о перспективах равноправного и взаимовыгодного двустороннего сотрудничества.

Цзян Цзэминь затем остановился на вопросе о том, что «в приграничной торговле и в обмене людьми имели место некоторые беспорядочные явления. В связи с этим, — сказал Цзян Цзэминь, — я хотел бы подчеркнуть, что, во-первых, от какой бы стороны эти явления ни исходили, они вызваны лишь поступками отдельных людей, а не продиктованы политической установкой того или другого правительства; во-вторых, эти проблемы возникли в ходе прогресса и развития, когда начался быстрый переход от прежнего взаимного закрытия и отчужденности к взаимному открытию и обмену, обеим сторонам не хватало должной моральной подготовки и необходимых мероприятий; они не оказывали и не должны оказывать отрицательное влияние на нормальное развитие отношений между двумя странами в целом; в-третьих, принципиальная позиция китайского правительства такова: поддерживать и защищать законную упорядоченную торгово-экономическую деятельность, притом особенно выступать за укрепление сотрудничества между мощными и пользующимися хорошей репутацией предприятиями двух стран; не поддерживать и не защищать незаконной, хаотичной, беспорядочной, наносящей ущерб интересам потребителей торговой деятельности, а также лиц, занимающихся подобной деятельностью. Китайское правительство неизменно выступает против незаконной эмиграции, решительно борется с преступниками, занимающимися такими деяниями, не допускает, чтобы китайские граждане занимались делами в ущерб отношениям добрососедства и дружбы между Китаем и Россией. Разумеется, мы в свою очередь также рассчитываем на эффективную защиту с российской стороны законных прав и интересов китайских граждан, занимающихся нормальной торгово-экономической деятельностью. Руководители обеих стран пришли к единому мнению, что усиление контроля в вышеуказанной сфере призвано содействовать развитию взаимного обмена и сотрудничества, а не отказываться от такого обмена и сотрудничества, как говорится в китайской поговорке «перестать есть только потому, что чем-то раз подавился». По нашему убеждению, как Китай, так и Россия, дорожат нелегко достигнутыми отношениями добрососедства и дружбы между двумя странами, ценят уже полученный большой прогресс, не желают видеть никакого ущемления этим отношениям. При таком общем понимании проблемы, появившиеся в ходе прогресса и развития, нетрудно будет разрешить путем искреннего сотрудничества и дружественных консультаций двух сторон».

Цзян Цзэминь выступал перед представителями московской общественности непосредственно после проведения переговоров с Президентом РФ. Представляется, что практически выступление Цзян Цзэминя было изложением части его аргументации в беседе с Б.Н.Ельциным. Кстати, можно отметить, что Президент РФ не довел до общественности свою позицию в беседе с Цзян Цзэминем.

Вполне очевидно, что к моменту визита Цзян Цзэминя в Москву назрел вопрос об упорядочении нецивилизованных связей между двумя странами. Граница с российской стороны в 1992—1994 гг. была практически дырявой. В нашу страну впервые в истории двусторонних отношений хлынул массовый поток мелких и средних предпринимателей и торговцев из континентального Китая, а также представителей крупных государственных предприятий, разного рода компаний и фирм. Просачивались и преступные элементы, которые хотели поживиться, грабя главным образом граждан КНР.

Эта ситуация возникла по целому ряду причин. С одной стороны рядовые граждане наших государств, особенно склонные к предпринимательству и торговле, решили использовать удобный случай для собственного обогащения. При этом с обеих сторон это во многих случаях были далеко не лучшие представители общества, иной раз просто его отребье. Так произошла своеобразная массовая встреча охлосов обеих стран.

Количественно и географически это два потока — из РФ в КНР и из КНР в РФ — были несопоставимы. Из России в континентальный Китай ездило во много раз меньше людей, чем из КНР в нашу страну. В материковом Китае наши люди бывали в ограниченном числе мест или городов, а в городах практически лишь в строго регламентированных районах и местах проживания, находившихся под усиленным контролем соответствующих органов власти КНР. На нашей территории приезжие из КНР бывали практически везде и действовали вне какого бы то ни было контроля со стороны органов власти РФ. Знакомство рядовых граждан обеих стран, таким образом, происходило, главным образом, на территории Российской Федерации, а потому и воздействие этих встреч сказалось прежде всего у нас; оно произвело не лучшее впечатление.

Деятельность наших индивидуальных торговцев, а именно они составляли подавляющую часть тех, кто решил начать сновать, подобно «челнокам», из РФ в КНР и обратно, заняться транспортировкой товаров из континентального Китая для продажи в нашей стране, была фактически с самого же начала строго ограничена властями КНР и загнана ими в соответствующие «резервации» — организована в совершенно определенных городских гостиницах и на рынках под строгим присмотром властей. Под таким же контролем находились на территории континентального Китая и китайские партнеры наших «челноков». Иными словами, деятельность нашего «челночного охлоса» осуществлялась под строгим контролем властей КНР; «челнокам» продавали только то, что считали возможным продавать власти КНР, и через них покупали только то, что требовалось властям КНР; чаще всего эти операции приносили китайской стороне твердую валюту. Власти КНР организовали эту часть операции по принципу: «Из России твердую валюту, а в Россию китайские товары быстрого проедания и изнашивания, причем любого, самого низкого, качества».

В то же время на нашей территории такого рода деятельность оказалась на длительное время почти совершенно не контролируемой. С китайской стороны здесь действовала огромная масса людей, которые выступали или от себя лично, от своей семьи, либо от имени тех или иных государственных или частных организаций, часто прикрываясь названиями практически фиктивных фирм, но стремясь сбыть в нашу страну залежалые китайские товары широкого потребления и низкого качества, а взамен получить либо стратегические товары, либо ценное сырье, либо валюту. Судя по размаху ряда операций дело было поставлено на широкую ногу, с ведома и по заданию соответствующих государственных организаций и учреждений. Что же касается индивидуальной деятельности китайских «челноков», то и для них власти КНР фактически открыли дорогу в нашу страну, никому из них не запрещая выезд для торговых операций, которые приносили выгоду главным образом китайской стороне.

По своей сути эта деятельность нанесла огромный ущерб России, ущерб не подсчитанный и не учтенный, но вполне сравнимый со всеми претензиями материального характера, которые когда-либо в истории предъявляли нашей стране власти

континентального Китая, например в 1940-х гг. в связи с присутствием Советской Армии на территории Китая после Второй мировой войны. Конечно, при этом обогатились и некоторые российские компрадоры, граждане РФ, которые выступали посредниками в такого рода торговых сделках с китайскими предпринимателями и организациями. Это также содействовало насыщению российских рынков, особенно на Дальнем Востоке, китайскими товарами быстрого изнашивания и быстрого проедания. С другой стороны, как уже упоминалось, это был неэквивалентный обмен; равенства между партнерами не было; наша страна оказалась в неравном положении, главным образом из-за политики властей КНР, которые могли, если бы захотели, остановить волну разграбления наших природных ресурсов и выкачивания из нашей страны валюты.

Можно и нужно предъявить претензии и властям РФ, которые долго потворствовали хищническому разграблению нашей страны, подыгрывали Пекину и лишь спустя длительное время поставили вопрос о введении визового порядка пересечения границы.

Россия потеряла большой материальный ущерб от этого периода в наших отношениях. Необходимо еще раз подчеркнуть, что вся эта деятельность никак не была организована с нашей стороны. Власти РФ практически не руководили ею ни в коей степени. В то же время, учитывая, что политическая и экономическая система предельной концентрации власти в КНР в то время работала полным ходом, власти КНР, руководители ЦК КПК, не могут не нести ответственность за потворствование и за организацию практического разграбления богатств России. Они воспользовались нашей временной слабостью, чтобы еще больше ослабить нас.

Возмущение в нашей стране постепенно стало таким широким и мощным, а мнение о китайцах, как о нации, настолько изменилось и ухудшилось — слову китайцев наши деловые люди перестали верить, а качество китайских товаров стало считаться у нас одним из самых низких в мире, — что не только наши власти, но и власти КНР пришли к выводу о целесообразности покончить с таким положением.

Иными словами, закрыть границу для безвизового проезда, позволить людям пересекать ее, только имея соответствующую индивидуальную или групповую визу. Это и было предметом договоренности, к которой пришли в конце 1994 г. руководители РФ и КНР при встрече в Москве. Вот чем объяснялась попытка Цзян Цзэминя отвести упреки в том, что ущерб экономическим интересам РФ был нанесен деятельностью граждан КНР, которая или поощрялась, или организовывалась властями КПК-КНР.

В конце своего выступления Цзян Цзэминь остановился на вопросе о выработке обеими сторонами общего подхода к перспективам двусторонних отношений. Он, прежде всего, повторил тезис о желательности видеть двусторонние российско-китайские отношения «отношениями нового типа», т.е. отношениями «долговременной дружбы».

Это было как бы повторение по инерции тех тезисов, которые в свое время предлагались М.С.Горбачеву перед нормализацией двусторонних отношений в 1989 г. С одной стороны, тут все еще присутствовали некие остатки представлений периода советско-китайских отношений (а точнее, отношений между СССР и КНР), когда речь шла, прежде всего, о дружбе. С другой стороны, Пекин ставил вопрос о «новом типе» отношений, что подразумевало «невозвращение» — и к отношениям союзников, и к временам конфронтации. Иначе говоря, Пекин предлагал дружить, причем долговременно, но не вступать в союз и не вступать в конфронтацию. Следовательно, в Пекине в то время сильны были настроения в пользу независимости и самостоятельности. Это означало, во-первых, отказ от возвращения к временам конфронтации (а такая опасность, по мнению Пекина, продолжала в той или иной степени, существовать), и, во-вторых, твердый отказ вступать в новый союз с Москвой (а в Пекине тогда все еще полагали, что в Москве никак не могут отойти от прежних представлений и видят в партнере либо военного противника, либо военного союзника).

Далее Цзян Цзэминь рассказал о том, что в начале 1994 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин в послании в адрес Председателя КНР «выдвинул предложение об установлении между

нашими странами конструктивного партнерства, обращенного в XXI век». Следовательно, наша сторона еще в те годы, когда министром иностранных дел РФ был А.В.Козырев, выработала свое предложение о конструктивном партнерстве. Это была краткая формула, которая должна была служить основой развития связей между Россией и континентальным Китаем. Предлагалось конструктивное партнерство на столетие вперед. Суть позиции РФ в то время состояла, очевидно, в том, чтобы Москва и Пекин, с одной стороны, были не союзниками или противниками, особенно в военном плане, а равноправными и независимыми партнерами, живущими в условиях вечного мира между собой, и, с другой стороны, чтобы они строили свои отношения конструктивно, ориентируясь на инициативное развитие всего позитивного и приемлемого с точки зрения обеих сторон, и на недопущение возникновения или роста негативных тенденций в отношениях. Речь шла, следовательно, об активном и позитивном подходе к решению как вопросов двусторонних отношений, так и проблем, которые затрагивали интересы и РФ и КНР на мировой арене.

Цзян Цзэминь сказал, что он «ценит эту инициативу». Далее он вернулся к своей позиции: «Мы считаем, что российско-китайские отношения нового типа должны строиться на основе пяти принципов мирного сосуществования, быть свободны от конфронтации и вступления в союз. Это отношения добрососедства, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества, совместного процветания, которые сделали бы наши страны добрыми соседями, хорошими партнерами и друзьями. В связи с этим мы предлагаем: во-первых, укреплять взаимное понимание и доверие, придерживаться духа долговременного добрососедства и дружбы в решении всех вопросов, возникающих во взаимоотношениях; во-вторых, взаимно уважать выбранный каждой из сторон путь развития своей страны, непрерывно содействовать нормальному развитию отношений между двумя странами; в-третьих, при любых обстоятельствах не изменять основного курса на развитие отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами; в-четвертых, в полной мере используя благоприятную обстановку и географические условия двух стран, активно развивать взаимовыгодные и взаимодополняемые торгово-экономические отношения, содействовать совместному процветанию; в-пятых, усиливая работу по законодательству и составлению режимов, осуществлять нормальные и упорядоченные взаимные поездки граждан между двумя странами, превращать китайско-российскую границу в полосу мира, дружбы и процветания; в-шестых, усиливать взаимные консультации и сотрудничество, чтобы вместе сыграть активную конструктивную роль во имя мира, стабильности и развития во всем мире». Из этого следовало, что сторонам предстояло согласовать свои подходы и выработать приемлемую и для Москвы и для Пекина платформу.

В заключение своего выступления Цзян Цзэминь сказал: «В позапрошлом (1992 г. — Ю.Г.) году, во время визита Президента Б.Н.Ельцина в нашу страну, была подписана Совместная декларация об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Сегодня (3 сентября 1994 г. — Ю.Г.) мы с Президентом Б.Н.Ельциным подписали новую Совместную китайско-российскую декларацию и Совместное заявление, предусматривающее неприменение первыми друг против друга ядерного оружия и ненацеливание стратегических ядерных ракет. Было подписано также соглашение о китайско-российской границе на ее западной части и ряд документов по двустороннему сотрудничеству. Можно сказать, что мы уже начали закладывать фундамент для создания добрососедских и дружественных отношений нового типа, обращенных в следующее столетие».

Из этого следовало, что лидеры наших двух стран продвигались тогда вперед одновременно осторожно и решительно, снимая, прежде всего, вопросы, которые имели отношение и к двусторонним отношениям и к общим мировым проблемам.

В качестве важных документов в этой области представляется необходимым привести следующие:

Совместная декларация
об основах взаимоотношений между
Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, опираясь на исторические традиции добрососедства и дружбы между народами двух стран, по итогам первой российско-китайской встречи на высшем уровне заявляют о нижеследующем:

1. Стороны единодушно считают, что выведение отношений между двумя государствами на новый уровень и их дальнейшее укрепление и развитие отвечают коренным интересам народов обеих стран, содействуют миру и стабильности в Азии и в мире.

2. Российская Федерация и Китайская Народная Республика рассматривают друг друга как дружественные государства. Они будут развивать отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, исходя из принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и других общепризнанных норм международного права.

Стороны подчеркивают необходимость уважения права народа любой страны на свободный выбор путей своего внутреннего развития. Различия в социальных системах и идеологии не будут препятствовать нормальному развитию межгосударственных отношений.

3. Стороны подтверждают, что все спорные вопросы между двумя государствами будут решаться мирными средствами. Они не будут прибегать к силе или угрозе силой в какой бы то ни было форме в отношении друг друга, в том числе с использованием территории, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран, граничащих с одной из Сторон, и с этой целью создадут соответствующие механизмы диалога.

4. Ни одна из сторон не будет участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных против другой Стороны, заключать с третьими странами каких-либо договоров или соглашений, наносящих ущерб государственному суверенитету и интересам безопасности другой Стороны. Ни одна из них не допустит, чтобы ее территория была использована третьим государством в ущерб государственному суверенитету и интересам безопасности другой Стороны.

5. Российская Федерация исходит из того, что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью территории Китая. Россия не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений и контактов. Экономические, научно-технические, культурные и другие связи между Россией и Тайванем осуществляются на неофициальной основе.

6. Стороны выступают за повышение роли и авторитета ООН, эффективное осуществление целей и принципов Устава ООН, строгое соблюдение норм международного права, поддержание международного мира и безопасности, предотвращение вооруженных конфликтов. Стороны будут осуществлять активные взаимные консультации в рамках ООН. Они придадут большое значение консультациям и сотрудничеству в рамках Совета Безопасности ООН, между его постоянными членами.

7. Стороны подтверждают, что Россия и Китай не стремятся к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и других районах мира и выступают против любых форм гегемонизма и политики силы.

8. Стороны убеждены, что международные соглашения в области разоружения, способствующие международному миру, безопасности и стабильности, играют важную роль в деле улучшения международной обстановки. Они выступают против любой гонки

вооружений. Стороны примут меры по укреплению режима нераспространения ядерного оружия, предотвращению распространения других видов оружия массового уничтожения. Они подтверждают обязательство не применять первыми ядерного оружия в какой бы то ни было ситуации, а также не будут применять его или угрожать его применением в отношении неядерных государств и безъядерных зон.

9. Стороны будут прилагать усилия в целях содействия миру, безопасности, стабильности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они будут способствовать реализации двусторонних и многосторонних проектов сотрудничества, служащих делу укрепления взаимопонимания и экономического развития в Северо-Восточной Азии.

10. Стороны будут расширять двусторонние консультации по международным вопросам. Предметом консультаций будут вопросы укрепления мира и безопасности, развитие сотрудничества в Азии и в мире, поиск решений крупных глобальных и региональных проблем, а также другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

11. В целях дальнейшего развития двусторонних отношений, укрепления взаимного доверия и взаимопонимания Стороны условились о поддержании регулярного политического диалога на различных уровнях, включая диалог на высшем уровне. Будет поддерживаться тесное сотрудничество между министерствами иностранных дел обеих стран.

Стороны примут необходимые меры для расширения обменов между центральными и местными органами законодательной, судебной и исполнительной власти, общественными организациями.

12. Стороны продолжают переговоры по еще не согласованным участкам границы между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на основе договоров о нынешней российско-китайской границе согласно общепринятым нормам международного права, в духе равноправных консультаций, взаимного понимания и взаимной уступчивости с тем, чтобы справедливо и рационально разрешить пограничные вопросы.

13. Стороны считают необходимым сократить вооруженные силы в районе российско-китайской границы до минимального уровня, соответствующего нормальным добрососедским отношениям между двумя странами. Подтверждая в качестве основы переговоров советско-китайское межправительственное Соглашение от 21 апреля 1990 года, они примут конкретные меры и активизируют усилия с целью укрепления доверия и сохранения спокойствия в районе границы.

14. Стороны будут развивать связи по военной линии в соответствии с общепринятой международной практикой в интересах укрепления взаимного доверия и сотрудничества в военной области. В этих целях будут разрабатываться и реализовываться соответствующие программы обменов.

15. Стороны будут сотрудничать в области правовой помощи по гражданским и уголовным делам и обеспечивать права граждан одной из них на территории другой в соответствии с действующими в этой области двусторонними соглашениями и своими международными обязательствами.

16. Стороны будут поддерживать и развивать сотрудничество в области взаимной торговли на основе равенства и взаимной выгоды.

Они создадут благоприятные условия для торговых связей в рамках межгосударственных соглашений и протоколов и на основе прямых связей между регионами, в том числе приграничными, а также между предприятиями, организациями и предпринимателями.

Стороны будут способствовать развитию сотрудничества в области экономики и финансов, всемерно укреплять экономические отношения между ними. Вышеуказанное сотрудничество будет осуществляться в таких сферах, имеющих важное значение для обоих государств, как сельское хозяйство, биотехнология, энергетика, использование ядерной энергии в мирных целях, включая безопасность ядерной энергетики, транспорт,

инфраструктура, связь, освоение космического пространства в мирных целях, конверсия военного производства, розничная торговля и другие.

Стороны будут поощрять новые формы экономического сотрудничества, особенно в области инвестиций и совместных предприятий, создавать для этого благоприятные условия. Они будут способствовать эффективной предпринимательской деятельности экономических структур двух стран и организовывать в этих целях возможно более широкий обмен экономической информацией и доступ к ней людей и ученых обеих стран.

17. Стороны будут укреплять сотрудничество в области науки и техники, включая фундаментальные и прикладные научные исследования и внедрение их результатов, расширять обмен научно-технической информацией, увеличивать число совместных работ по приоритетным для Сторон направлениям, содействовать реализации совместных проектов с участием третьих стран. Стороны будут способствовать установлению прямых научно-технических связей между российскими и китайскими организациями, научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, научно-производственными объединениями и фирмами.

18. Стороны будут укреплять сотрудничество в области охраны окружающей среды и наращивать согласованные действия в рамках многостороннего сотрудничества в этой сфере.

19. Стороны будут стимулировать и расширять взаимные связи в области культуры, искусства, образования, информации, туризма и спорта, молодежные обмены, поощрять прямые связи между организациями сферы культуры и контакты между гражданами двух стран.

Стороны считают имеющим важное значение взаимное преподавание языков и литературы двух стран. Они будут сотрудничать в сфере подготовки кадров в области культуры, охраны национального культурного достояния, переводческой, издательской деятельности и связей между учебными заведениями.

20. Стороны будут взаимодействовать в борьбе с организованной преступностью, международным терроризмом, незаконной торговлей наркотиками и оружием, контрабандой, в том числе предметами, представляющими историческую и художественную ценность, и видами животного мира и растений, находящимися под угрозой исчезновения.

21. Положения настоящей Декларации ни в чем не затрагивают обязательств Сторон по отношению к третьим государствам и не направлены против кого-либо из них.

За Российскую Федерацию

За Китайскую Народную Республику

Борис Николаевич Ельцин Ян Шанкунь

18 декабря 1992 года, город Пекин. [1]

Совместная российско-китайская декларация

I. Российская Федерация и Китайская Народная Республика, в дальнейшем именуемые Сторонами, единодушно считают, что поддержание и развитие между ними долговременных и стабильных отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам двух стран и народов, благоприятствует сохранению и укреплению мира, стабильности и развития в Азии и во всем мире.

II. Стороны высоко оценивают динамичное и успешное развитие отношений между двумя странами после первой российско-китайской встречи на высшем уровне в 1992 году, считают, что между ними сложились новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования. Эти отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран.

III. Стороны подтверждают твердую приверженность принципам, зафиксированным в Совместной российско-китайской декларации от 18 декабря 1992 года, и полны решимости, обращаясь в XXI век, поднять отношения между двумя странами на качественно новый уровень, тем самым максимально раскрывая и используя значительный потенциал российско-китайского сотрудничества, создать благоприятные условия для содействия решению масштабных задач проведения внутренних преобразований и экономического развития в обеих странах, для формирования прочного мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в глобальном масштабе.

IV. В целях дальнейшего утверждения нового качества своих взаимоотношений и исходя из долгосрочных перспектив отношений между двумя странами, Стороны преисполнены решимости предпринимать активные и разносторонние шаги:

1. В области политических отношений

— основываясь на принципах мирного сосуществования, исходя из общего понимания, что различия в общественных системах и во взглядах не препятствуют развитию связей во всех сферах, неуклонно отстаивать и развивать взаимоотношения долговременного добрососедства и дружбы, поддерживать интенсивный и разносторонний диалог, решать возникающие проблемы на основе общепринятых норм международного права, в духе открытости, доверия, учета взаимных интересов;

— строго соблюдать соглашения о российско-китайской государственной границе, на справедливой и рациональной основе решать остающиеся пограничные вопросы, в намеченные сроки завершить демаркацию границы, укреплять обстановку дружбы, добрососедства, взаимного доверия и сотрудничества на границе между двумя странами;

— с учетом специфики внутренних условий обеих стран и взаимного уважения права каждого на свободный выбор собственного пути развития проводить консультации и взаимное ознакомление с теорией и практикой осуществляемых ими реформ; совершенствовать и укреплять договорно-правовую базу двусторонних отношений.

2. В сфере торгово-экономических и научно-технических связей в максимальной степени использовать преимущества, предоставляемые географической близостью и взаимодополняемым характером экономик. Придерживаясь принципа равенства и взаимной выгоды, последовательно осуществлять переход к формам хозяйственных связей, соответствующим международным стандартам, уделять приоритетное внимание развитию сотрудничества в правовой, кредитно-финансовой, транспортной и информационной областях;

— вести активный поиск новых перспективных областей торгово-экономического сотрудничества, разрабатывать и реализовывать долгосрочные программы научно-технического сотрудничества;

— повышать уровень и качество сотрудничества, с учетом потребностей и возможностей увеличивать удельный вес крупных объектов сотрудничества;

— совершенствовать внешнеэкономическое законодательство, вводить коммерческую деятельность в нормативное русло;

— осуществлять меры для более активного развития кооперации между регионами России и Китая.

3. В военно-политической области

— неуклонно следовать обязательствам о ненацеливании стратегических ядерных ракет и неприменении друг против друга силы, в частности неприменении первыми друг против друга ядерного оружия;

— продолжать и расширять обмены и сотрудничество, которые не направлены против третьих стран и осуществляются с учетом соответствующей политики и международных обязательств каждой из Сторон, а также интересов региональной и глобальной стабильности и безопасности;

— прилагать усилия для ускорения выработки соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе границы и на его основе

сократить вооруженные силы в районе границы до минимального уровня, соответствующего долговременным добрососедским дружественным отношениям между двумя странами, и придать остающимся в районе границы войскам однозначно оборонительную структуру.

4. В сфере международных отношений

— рассматривая друг друга в качестве держав, являющихся важным фактором поддержания мира и стабильности в условиях формирующейся многополюсной международной системы, укреплять взаимодействие в международных делах, включая сотрудничество в решении глобальных вопросов;

— консультируясь и сотрудничая друг с другом, вносить вклад в формирование стабильного, справедливого и рационального нового политического и экономического миропорядка, считая, что он должен строиться на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и предусматривать:

— признание разнообразия мира и различий между странами,

— равноправное сотрудничество, недискриминационное участие в международных делах, недопущение проявлений экспансии, гегемонизма, политики силы и создания противостоящих блоков — политических, военных, экономических, решение спорных проблем путем мирных переговоров, диалога и консультаций, на основе норм международного права, в духе взаимопонимания и взаимных уступок, отказа от применения силы и угрозы силой;

— укреплять сотрудничество с целью предотвращения угрозы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, активно содействовать продвижению переговоров о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний с целью скорейшего заключения соответствующего Договора, выступать за продление Договора о нераспространении ядерного оружия и присоединение к нему всех государств, которые этого еще не сделали;

— способствовать укреплению взаимного доверия и сотрудничества между странами Азиатско-Тихоокеанского региона через диалог и консультации в интересах упрочения мира, безопасности и стабильности, поступательного экономического развития;

— оказывать взаимное содействие в активизации участия России и Китая в многостороннем экономическом сотрудничестве, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

— Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН будут продолжать оказывать поддержку ООН, совместно с другими странами способствовать усилению ее роли в сфере поддержания международного мира и безопасности, содействия развитию, предупреждению и урегулированию конфликтов.

Президент
Российской Федерации
Б.Н.Ельцин

Председатель
Китайской Народной Республики
Цзян Цзэминь

3 сентября 1994 года, Москва. [2]

Совместное заявление
Президента Российской Федерации и
Председателя Китайской Народной Республики

Президент Российской Федерации и Председатель Китайской Народной Республики,
— подтверждая принципы Совместной Декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18 декабря 1992 года,

— подчеркивая, что Россия и Китай исходят из необходимости поддержания и укрепления долговременных и стабильных отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества и построения новых конструктивных международных отношений,

— руководствуясь стремлением внести весомый практический вклад в укрепление международного мира, безопасности и стабильности, подтверждая обязательство не применять силу друг против друга, в частности не применять первыми друг против друга ядерное оружие, — заявляют, что ими приняты меры по ненацеливанию стратегических ядерных ракет, находящихся под их соответствующим командованием.

Президент
Российской Федерации
Б.Н.Ельцин

Председатель
Китайской Народной Республики
Цзян Цзэминь

3 сентября 1994 года, Москва. [3]

Совместная российско-китайская декларация 1996 г.

Если обратиться к конкретике взаимоотношений Президента РФ Б.Н.Ельцина и Председателя КНР Цзян Цзэминя, то, прежде всего, можно отметить, что в 1992—1996 гг. появились три декларации лидеров обеих стран относительно основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, а также об их совпадающих взглядах на вопросы двусторонних отношений, мира и развития на планете в целом, безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Две из этих деклараций практически были рассмотрены выше. Поэтому представляется необходимым привести текст декларации, подписанной Президентом РФ и Председателем КНР в 1996 году, а затем рассмотреть ее содержание.

Совместная российско-китайская декларация

1. Двусторонние отношения.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (ниже именуемые Сторонами) провозглашают свою решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. Стороны подтвердили приверженность принципам добрососедства, дружбы и сотрудничества, зафиксированным в Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанной 18 декабря 1992 года, и в Совместной российско-китайской декларации, подписанной 3 сентября 1994 года.

Стороны согласились поддерживать регулярный диалог на различных уровнях и по различным каналам, считая, что контакты и консультации на высоком и высшем уровнях между руководителями двух стран имеют особо важное значение, и в этих целях приняли решение об организации в Москве и Пекине линии «горячей» телефонной связи между правительствами России и Китая.

Стороны заявляют, что будут строго соблюдать Соглашение о советско-китайской государственной границе на ее восточной части от 16 мая 1991 года и Соглашение о российско-китайской государственной границе на ее западной части от 3 сентября 1994 года. Стороны согласились продолжить переговоры в целях справедливого и рационального разрешения остающихся несогласованными пограничных вопросов. Стороны полны решимости в возможно короткие сроки завершить демаркационные работы,

предусмотренные двумя вышеупомянутыми соглашениями, и параллельно провести переговоры по вопросу о совместном хозяйственном использовании отдельных участков вдоль границы, отходящих по итогам демаркации к другой Стороне.

Стороны считают, что приграничные и межрегиональные связи и сотрудничество двух стран являются важной составной частью российско-китайских отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Стороны готовы и впредь прилагать совместные усилия к тому, чтобы такие связи и сотрудничество получали государственную поддержку и продолжали развиваться в здоровом и упорядоченном направлении.

Стороны готовы вести регулярный обмен опытом и информацией о социально-экономическом развитии своих стран. Китайская Народная Республика поддерживает меры и действия, предпринимаемые Российской Федерацией в целях защиты единства страны, и считает чеченскую проблему внутренним делом России.

Российская Федерация подтверждает, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, и что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Россия не будет устанавливать официальных отношений с Тайванем и поддерживать с ним официальные контакты. Россия неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая. Стороны выражают удовлетворение в связи с преодолением имевшего место в 1994 году сокращения товарооборота между двумя странами и его постепенным ростом в настоящее время и будут принимать действенные меры в целях дальнейшего расширения и развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества, используя такие уникальные преимущества, как географическая близость двух стран и взаимодополняемость их экономик.

По мере углубления реформы экономической системы и системы внешней торговли двух стран Стороны будут и впредь на основе равенства взаимной выгоды и в соответствии с практикой международной торговли развивать торговое, экономическое и техническое сотрудничество в различных формах с использованием во взаиморасчетах главным образом свободно конвертируемой валюты. Правительства двух стран будут создавать благоприятные условия субъектам торгово-экономического сотрудничества, в первую очередь крупным и средним предприятиям и компаниям, имеющим хорошую репутацию и большой хозяйственный потенциал, для развития взаимного сотрудничества и предоставлять им необходимую поддержку.

Стороны будут уделять серьезное внимание сотрудничеству по крупным проектам в производственной и научно-технической областях, считая это одним из важных путей повышения уровня и качества двустороннего сотрудничества. Стороны полагают, что приоритетными сферами сотрудничества по крупным проектам должны стать энергетика, машиностроение, авиационная и космическая промышленность, сельское хозяйство, транспорт и высокие технологии. Опираясь на свой потенциал, Стороны будут взаимодействовать в освоении новых технологий, обеспечивающих прорывы в научно-техническом прогрессе в различных измерениях в интересах народов двух стран, на благо мирового сообщества. Стороны подтверждают твердую приверженность Совместному заявлению Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики от 3 сентября 1994 года о взаимном ненацеливании своих стратегических ядерных ракет и неприменении первыми друг против друга ядерного оружия.

Стороны считают, что подписание Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы имеет важное значение и выражают решимость принять действенные и эффективные меры по реализации этого Соглашения с тем, чтобы превратить границу между двумя странами в границу добрососедства, дружбы, мира и спокойствия. Стороны заявляют, что будут прилагать дальнейшие усилия к скорейшей разработке соглашения о взаимном сокращении военных сил в районе границы. Остающиеся после сокращения войска будут иметь однозначно оборонительную структуру.

Стороны выражают готовность к дальнейшему развитию дружественных связей между армиями двух стран на разных уровнях, к дальнейшему укреплению военно-технического сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды и с учетом международных обязательств двух стран. Стороны заявляют, что развитие российско-китайских военных связей и осуществление военно-технического сотрудничества не направлены против каких-либо третьих стран или групп стран, подтверждают готовность поддерживать надлежащую транспарентность ВТС и предоставлять соответствующую информацию в Регистр обычных вооружений ООН.

В целях углубления основ добрососедства и дружбы двух стран, обращенных в XXI век, стороны договорились о создании Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития с участием представителей общественности двух стран.

2. Международный мир и развитие.

Стороны считают, что нынешний мир находится в процессе глубоких и сложных перемен. Развивается тенденция к многополярности мира. Стремление к миру, стабильности, сотрудничеству и развитию стало главным течением современной международной жизни. Однако в мире нет спокойствия.

По-прежнему существуют гегемонизм, рецидивы давления, политика силы, имеют место новые проявления блоковой политики. Мир и развитие во всем мире все еще стоят перед серьезными вызовами.

Россия и Китай, внесшие весомый вклад в дело окончательной победы над мрачными силами фашизма и заплатившие за нее огромную цену национальных потерь, призывают все страны мира извлечь урок из исторического прошлого, всегда помнить о страшных бедствиях, принесенных войной человечеству, дорожить миром, завоеванным большой ценой. Россия и Китай намерены вместе с другими государствами мира прилагать совместные усилия на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования, а также других общепризнанных норм международных отношений установить новый справедливый и рациональный международный политический и экономический порядок, содействовать миру, стабильности, развитию и процветанию как в региональном, так и в глобальном масштабе. Стороны согласились и впредь укреплять сотрудничество в тех областях, где подходы близки или совпадают, и искать пути взаимопонимания там, где позиции различаются. Стороны подтверждают, что взаимное уважение и равноправие являются важными принципами поддержания и развития нормальных и здоровых межгосударственных отношений. Все страны, будь то крупные или малые, развитые, развивающиеся или страны с переходной экономикой, являются равноправными членами международного сообщества. Народ каждой страны имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать социальный строй, путь и модель развития без вмешательства со стороны других государств. Стороны заявляют, что будут вести активный диалог по проблемам стратегической стабильности и конкретными делами способствовать ускорению процессов сокращения вооружений и разоружения, прежде всего — в ядерной сфере. Стороны приветствуют бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия, намерены активно сотрудничать в деле укрепления режима ДНЯО, призывают присоединиться к Договору страны, которые не являются его участниками. Стороны будут прилагать усилия и взаимодействовать с другими государствами в целях скорейшего заключения Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, придают большое значение скорейшему вступлению в силу Конвенции о запрещении химического оружия, призывают добиться в кратчайшие сроки прогресса в деле дальнейшего повышения эффективности Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. Стороны намерены укреплять двустороннее и многостороннее

сотрудничество в обеспечении эффективного и ответственного контроля за передачей обычных вооружений, особенно в районы конфликтов.

Отмечая вклад ООН в дело поддержания международного мира и безопасности, Стороны согласились укреплять сотрудничество в области повышения ее эффективности и дееспособности. Стороны считают, что ООН представляет собой уникальный механизм для сотрудничества во имя мира, развития и безопасности, что на ее плечах лежит миссия дать ответ на глобальные вызовы XXI века; в целях адаптации к изменившейся международной обстановке и повышения эффективности работы ООН необходимо провести соответствующую реформу ООН и ее органов, что позволило бы им еще лучше исполнять обязанности, предусмотренные Уставом ООН; деятельность ООН и процесс принятия ее решений должны еще лучше отражать общие чаяния и коллективную волю всех стран — членов ООН.

Стороны высказались за дальнейшее повышение эффективности миротворческих операций ООН и готовы сотрудничать в этих целях. Стороны считают, что при осуществлении миротворческих операций необходимо на основе Устава ООН строго соблюдать такие важные принципы, как согласие всех конфликтующих сторон, справедливый и нейтральный подход, невмешательство во внутренние дела, неприменение силы, за исключением случаев самообороны. При проведении миротворческих операций не должно быть места «двойным стандартам», и эти операции ни при каких обстоятельствах не должны вести к расширению и обострению конфликтов; в вопросе о введении санкций необходимо проявлять крайнюю осторожность. Стороны выражают озабоченность негативными последствиями применения санкций в международной практике.

Стороны считают, что необходимо содействовать усилиям по налаживанию сотрудничества между ООН и региональными организациями в соответствии с главой VIII Устава ООН в предотвращении и мирном урегулировании споров и конфликтов при сохранении главной ответственности за Советом Безопасности за поддержание международного мира и безопасности; способствовать более конструктивной и здоровой координации деятельности неправительственных организаций, занимающихся проблемами экономического и социального развития и гуманитарной помощи, с работой ООН и ее специализированных учреждений в этих областях.

Стороны выступают за установление нового международного экономического порядка на основе справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, отказа от дискриминации в мировой торговле. Реформа учреждений ООН по экономическому и социальному развитию должна способствовать укреплению роли ООН в области развития, с тем чтобы ООН в новых условиях лучше отвечала потребностям мирового сообщества, в особенности широкого круга развивающихся стран. Стороны считают необходимой разработку ООН «Повестки дня для развития» в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, надеясь, что согласование и утверждение «Повестки дня для развития» будет способствовать достижению мировым сообществом целей устойчивого развития, стимулированию экономического роста и социального развития в развивающихся странах, продвижению вперед международного сотрудничества и глобального развития.

Стороны, отмечая необходимость решительной борьбы со всеми видами терроризма и транснациональной организованной преступности, будут осуществлять регулярный обмен опытом и укреплять сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе.

Стороны условились укреплять координацию и сотрудничество в сферах обеспечения безопасности судоходства, борьбы с пиратством, контрабандой и незаконным оборотом наркотиков, взаимодействовать в области океанологии, метеорологии, сейсмологии, ликвидации последствий стихийных бедствий и проведения спасательных работ на море.

Стороны считают, что охрана окружающей среды стала важной глобальной проблемой, и полны решимости укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество в этих целях.

3. Безопасность и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Стороны считают, что после окончания «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняется относительная политическая стабильность, в экономике наблюдается быстрый рост, что в следующем веке АТР будет играть важную роль. Россия и Китай готовы и в дальнейшем прилагать свои усилия в интересах мира, стабильности и развития в АТР.

Стороны выступают за то, чтобы все страны АТР, исходя из разнообразных реальностей региона и руководствуясь принципами консенсуса и последовательности, вели двусторонний и региональный диалог по вопросам безопасности в различных формах, на разных уровнях и по различным каналам в целях укрепления безопасности и сотрудничества в АТР. Россия и Китай готовы прилагать усилия к развитию диалога и сотрудничества в АТР на двусторонней и многосторонней основе. Стороны едины в том, что Соглашение между Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном и Китаем об укреплении доверия в военной области в районе границы, Соглашение между Правительством России и Правительством КНР о предотвращении опасной военной деятельности, а также региональный форум АСЕАН имеют важное значение.

Стороны рассматривают стабильное социально-экономическое развитие как важный фактор обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Стороны выступают за непрерывное упрочение дружественных связей между народами различных стран в целях укрепления взаимопонимания и доверия, против разжигания межгосударственных, межнациональных и межконфессиональных противоречий.

Стороны готовы содействовать участию друг друга в многостороннем экономическом сотрудничестве в АТР. Китайская сторона подтверждает свою поддержку в отношении заявки России на вступление в АТЭС. Стороны намерены продолжать усилия, направленные на укрепление безопасности, стабильности и экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии, и в этих целях готовы осуществлять координацию и консультации между собой и со всеми заинтересованными странами.

Президент
Российской Федерации
Б.Н.Ельцин

Председатель
Китайской Народной Республики
Цзян Цзэминь

Пекин, 25 апреля 1996 г. [4]

Итак, в декларации 1996 г. стороны характеризовали свои отношения как равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI в. Иными словами, Б.Н.Ельцин и Цзян Цзэминь подчеркнули принцип равноправия сторон в их отношениях и заявили, что намерены взаимодействовать, совместно искать пути решения вопросов, представляющих для них взаимный интерес. Договоренность о постоянном обмене мнениями на высшем уровне — важный пункт согласия между лидерами наших двух стран на пороге XXI века.

В декларации содержалось также упоминание о принципах добрососедства, дружбы и сотрудничества, что, по сути дела, свидетельствовало о намерении обеих сторон поддерживать мир в двусторонних отношениях.

Первым из конкретных вопросов, волнующих обе стороны, оказался, судя по декларации, вопрос о границе. При этом проявилась заинтересованность Пекина в осуществлении на практике соглашений о прохождении линии границы и на ее восточной, и на ее западной части, подписанных в 1991 и 1994 гг. Вполне очевидно, что тексты этих

соглашений, в значительной или большей части устраивая обе стороны, все же особенно соответствовали интересам Пекина. Об этом же говорило и подчеркнутое в декларации положение о том, что остаются несогласованными, ждущими решения, другие вопросы, касающиеся границы. При этом, также в большей мере в соответствии с интересами Пекина, в декларации были подчеркнуты принципы решения этих остающихся несогласованными вопросов: справедливость и рациональность. Оба термина введены по настоянию Пекина.

Московские дипломаты пошли на включение их в текст документа, под которым поставил свою подпись Президент РФ, хотя и тот и другой термин потенциально могут явиться основаниями для выдвижения китайской стороной таких позиций в ходе дальнейших переговоров, которые никак не отвечают интересам нашей страны. Оба упомянутых термина не являются строго юридическими и могут по-разному толковаться сторонами. При этом хорошо известно, что именно вкладывал всегда Пекин в понятия справедливости и рациональности при решении вопросов, касающихся границ между нашими странами. Предпринимались попытки ущемить интересы нашей страны. В связи с этими положениями могут возникать вопросы вплоть до того времени, когда будет заключен такой новый договор о границе, в котором будут сняты даже возможные или потенциальные основания для предъявления территориальных претензий к нашей стране.

Здесь необходимо также отметить, что при дипломатических контактах с Пекином, судя по историческому опыту, важно использовать исключительно терминологию, общепринятую в международном праве, в документах ООН. На практике же постоянно проявляется тенденция Пекина навязывать нашей стороне свою терминологию и при выработке общетеоретических положений, характеризующих ситуацию на мировой арене, и при подготовке конкретных дипломатических документов.

За годы отношений между РФ и КНР Пекин принял термины из дипломатического словаря, присущего в оригинале нашей стороне (речь идет о терминах «стратегическое партнерство», «конструктивное партнерство»), и в то же время неоднократно и по важным вопросам навязывал свою терминологию. Российская сторона принимала ее, создавая, по крайней мере потенциальную, угрозу нашим интересам, а также нарушая тем самым принципы самостоятельности и независимости, равноправия и равенства в двусторонних отношениях.

Вписанное по инициативе Пекина в Соглашения о прохождении линии границы и в Декларацию, подписанную Президентом РФ, положение о «справедливом и рациональном разрешении остающихся несогласованными вопросов о границе», представляет собой яркий пример такой ситуации. (Кстати, попутно можно отметить, что в русском тексте документа, который представили на подпись Президенту РФ, говорится о «пограничных вопросах», а в китайском тексте речь идет не о «пограничных вопросах», а именно о «вопросах о границе» или о «проблемах границы».)

В декларации стороны подчеркнули значение развития связей между приграничными регионами каждой из сторон. Объективно эти связи будут развиваться. Важно, однако, чтобы при этом учитывались интересы приграничных районов нашей стороны и чтобы речь ни в коем случае не шла ни о совместном с КНР управлении теми или иными участками земли РФ, ни об их совместном с КНР хозяйственном освоении. Ведь Россия не претендовала и не будет претендовать на совместное освоение, хозяйствование или управление участками земли на территории соседа, в КНР. Здесь необходимо строго соблюдать принцип независимости и суверенных прав каждой стороны на свою территорию; каждая сторона, РФ и КНР, должна оставаться полным хозяином на своей земле.

Стороны ввели в декларацию пункты о Чечне, Тайване и Тибете. В принципе представляется, что указание на такие конкретные проблемы, особенно с упоминанием их наименований, нецелесообразно в двусторонних межгосударственных документах РФ и КНР. Вопросы такого порядка — это вопросы либо взаимоотношений внутри одной нации, либо между группами людей, в то или иное время живущих в одном государстве. Эти вопросы страны и люди той или иной страны, того или иного района должны решать сами,

без вмешательства извне. Можно сказать и по-иному: нет никакой необходимости в том, чтобы одно государство в совместном межгосударственном документе высказывало свое мнение по вопросам, которые относятся к компетенции другого государства, пусть даже подтверждая мнение правительства соседней страны по ее внутренним проблемам. Иначе говоря, необходимо соблюдать принцип независимости и самостоятельности каждой из сторон.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что формулировки, применительно к РФ и КНР, в данном случае не одинаковы. Пекин, судя по формулировке, содержащейся в декларации, поддержал меры и действия, предпринимаемые РФ в целях защиты единства страны, а также заявил, что считает чеченскую проблему внутренним делом России.

В то же время Москва подтвердила, что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, и что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая; Россия обещала не устанавливать официальных отношений с Тайванем и не поддерживать с ним официальные контакты; Россия также заявила, что она неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая.

Получается, что Пекин не заявил о том, что он считает Чечню неотъемлемой частью России. Пекин также не заявил, что правительство РФ является единственным законным правительством применительно и к Чечне.

Мы упоминаем об этом вовсе не потому, что, с нашей точки зрения, важно было бы применить такую формулировку. Мы лишь хотели бы привлечь внимание к самому факту: Пекин не заявил, что он признает Чечню неотъемлемой частью России, а Россия признала и Тайвань и Тибет неотъемлемыми частями Китая. Здесь не был соблюден принцип равноправия сторон в такого рода формулировках. Либо по меньшей мере они должны быть одинаковы, либо, что предпочтительнее, этих формулировок не должно быть в двусторонних документах РФ и КНР вообще.

Думается, что сторонам не следует касаться внутренних дел в межгосударственных документах.

(Попутно можно отметить, что в 1996 г. российские войска были выведены из Чечни. При желании это можно было интерпретировать, как поражение России.

Возможно, речь идет о совпадении, но мы не можем не отметить следующее обстоятельство. Как значительное событие театральной жизни в 1996 г. расценила пресса в КНР постановку оперным театром провинции Ляонин оперы «Цан юань» («Безжизненная степь» или «Безжизненная пустыня»). На спектакле, показанном в Пекине, присутствовал Цзян Цзэминь. Либретто было подготовлено коллективом авторов.

Краткое содержание в изложении главного режиссера, профессора Центральной театральной академии КНР Цао Цицзина: 1771 год, сто семьдесят тысяч калмыков-ойротов, живших в низовьях Волги, не вынеса тяжестей правления Екатерины II, тяжелых поборов, насильственного навязывания православия и не желая участвовать в войне России против Турции, решают вернуться на родину. Преодолев массу трудностей, опасностей, лишений, понеся огромные потери, они через восемь месяцев возвращаются на родную китайскую землю — в район Тяньшань... [5])

Говоря о торгово-экономическом сотрудничестве, стороны, помимо обещаний развивать его, упомянули о том, что при взаимных расчетах будет использоваться главным образом конвертируемая валюта. Обращают на себя внимание именно слова «главным образом», ибо такая формулировка создает для Пекина лазейку, чтобы продолжать отказываться от торговли исключительно на основе свободно конвертируемой валюты и затягивать решение этого вопроса, а также продолжать извлекать для себя дополнительные выгоды из двусторонних торгово-экономических отношений, нанося материальный ущерб нашей стороне. Этот тезис выгоден для Пекина, поскольку при бартерных сделках и при

расчетах по клирингу выгоду получает если не исключительно, то по преимуществу Пекин.

Важная часть этого документа была посвящена вопросам, решение которых представлялось необходимым обеим сторонам, но все же в большей степени Пекину, т.е. вопросам об отношении к соседу как к определенной военной силе и о положении в районе границы. При этом было очевидно, что Пекин видел в РФ прямого преемника СССР в этой области, иначе говоря, переносил свои представления об СССР и его политике. Нет никаких оснований соглашаться с таким представлением, которое продиктовано исключительно враждой к нашей стране и к политике РФ. С точки зрения Пекина, Россия десятилетиями представляла собой военную угрозу для КНР, хотя на самом деле виновником военной напряженности был исключительно Мао Цзэдун. Пекин настойчиво ставил вопрос о ненацеливании на КНР российских стратегических ядерных ракет и о том, чтобы РФ дала обещание не применять первой против КНР ядерное оружие. РФ пошла на это, очевидно имея в виду то, что в конечном счете такие соглашения будут содействовать улучшению характера двусторонних отношений, а также руководствуясь своим принципиальным видением состояния и перспектив развития отношений на мировой арене.

Далее, Пекин полагал, что РФ должна пойти на определенные меры, в том числе на сокращение своих вооруженных сил в районе границы, чтобы устранить то, что представлялось в Пекине военной угрозой континентальному Китаю с севера. РФ была вынуждена пойти на переговоры, а затем и на подготовку и подписание соответствующих соглашений, исходя из того, что они могут способствовать улучшению климата в двусторонних отношениях. (Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что Пекин получил шанс поставить вопрос о сокращении военных сил в районе границы только благодаря тому, что в свое время руководитель КПСС и СССР М.С. Горбачев и его дипломатическая команда допустили такую возможность в процессе нормализации советско-китайских отношений.)

Москва дала согласие на подписание этих соглашений, имея в виду их приемлемость при благоприятном отношении обеих сторон друг к другу в дальнейшем. Но остался неприятный осадок от того, что фактически Пекин не принял во внимание, что РФ — это не СССР, что изменились и реальная политика Москвы и реальная мощь вооруженных сил нашей страны, которая стала значительно слабее, чем во времена СССР.

Фактически речь шла не о взаимном сокращении военных сил, а об их одностороннем сокращении, так как в КНР в стокилометровой полосе вдоль границы практически мало вооруженных сил, сокращение их никак не касается. В то же время за пределами этой стокилометровой зоны в КНР находятся мощные силы, но сокращение их не затрагивает. По нашу сторону границы вооруженные силы находятся преимущественно именно в упомянутой стокилометровой зоне, а за ее пределами наших вооруженных сил практически нет; их там, учитывая климатические и природные условия, негде разместить. Таким образом, принимая навязанный нам тезис о сокращении военных сил в стокилометровой зоне, РФ оказывалась в неравном положении, а Пекин, зная это, намеренно ущемлял нас и на практике и морально.

Формально в документе речь шла о взаимном сокращении вооруженных сил, а фактически это было одностороннее сокращение для России, влекущее за собой помимо негативных военных, стратегических и политических последствий и большие материальные затраты. Пекин вынуждал к этому Российскую Федерацию, ничего не платя за сокращение наших вооруженных сил вдоль границы и не оплачивая даже наши затраты на эту операцию.

Все это напоминало о том, что руководители КПК-КНР продолжали относиться к нашей стране так же, как относились к ней Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, не доверяли нам и требовали допустить своих военных инспекторов на нашу территорию, на наши военные объекты, а также сократить наши вооруженные силы и вооружения в стокилометровой полосе вдоль границы с КНР. Ни одна другая страна не предъявляла таких требований

России. Это была, помимо всего прочего, и попытка унижить достоинство нашей страны и народа. Пекин, именовавший себя нашим другом, добрым соседом, сердечным партнером, на деле, при подписании международных соглашений, отнесся к нам как к поверженному в войне врагу. Никак нельзя было понять, почему Пекин предъявил нашей стране такие требования, если не видеть того, что преемники Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина продолжали смотреть на нас с подозрением и враждебно.

В декларации говорилось и о военно-технических и военных связях обеих сторон. Это связи носили сугубо утилитарный характер со стороны Пекина, который охотился за нужными ему военными технологиями, закупал необходимое вооружение (расплачиваясь примерно на одну треть поставками товаров быстрого проедания и изнашивания, причем далеко не всегда высокого качества) и внимательно следил за нашими вооруженными силами, внедряя к нам своих стажеров и т.д. Со своей стороны РФ имела очень ограниченные возможности для наблюдения за вооруженными силами КНР; наших людей обычно держали либо на расстоянии от всех секретов, либо вообще изолировали.

Сказанное не означает, что мы ратуем за отказ от развития связей с КНР по военной линии и в области продажи нашей военной техники. Я хотел бы просто подчеркнуть — необходимо иметь в виду, что речь идет о партнерстве, при котором у каждой из сторон есть свои интересы, причем далеко не всегда общие; желательно хорошо представлять себе историю наших связей и отношение к нам партнера.

В разделе декларации, посвященном международному миру и развитию, Москва приняла ряд тезисов Пекина. Например, речь шла о том, что «в мире нет спокойствия», что «по-прежнему существует гегемонизм». Представляется, что такая постановка вопроса подталкивала Москву в направлении конфронтации с Западом, с США, причем КНР оставалась в стороне от этой конфронтации.

Речь шла также о том, что не только наша страна, но и Китай внес весомый вклад в дело окончательной победы над мрачными силами фашизма. До сих пор было известно, что так именовали в КНР войну в Европе. Поэтому такая формулировка означала, что своей победой в Отечественной войне мы обязаны Китаю. Нашей стране отказывалось в справедливом утверждении о том, что именно мы заплатили самую большую цену, если говорить о человеческих жизнях, за победу во Второй мировой войне в целом, в мировых масштабах, т.е. и на Западе и на Востоке.

Утверждалось также, что наша страна вместе с КНР намерена установить новый справедливый и рациональный международный политический и экономический порядок. Здесь Пекин подталкивал нас на размежевание с США и другими странами, на борьбу против них. При этом сам Пекин в реальной политической жизни опять оставался в стороне.

Подход Пекина к взаимоотношениям с Россией

В 1998 г. в российской печати появилось изложение аналитического доклада, в котором довольно откровенно излагался подход в Пекине к взаимоотношениям с Россией. Доклад, как писала газета «Известия», был подготовлен центром исследования стратегии и управления КНР, снабжающим рекомендациями высшее руководство страны.

Пекин и Москва, по мнению авторов доклада, к середине 1990-х гг. почти одновременно, но в разной степени, созрели для более близких или неких особых отношений. Идея «стратегического партнерства» родилась сначала в Кремле, но Пекин затем перехватил инициативу и предложил свою концепцию партнерства в целях формирования «многополярности» и во имя нового справедливого мирового порядка — следование пяти принципам мирного сосуществования, уважение независимого выбора развития, противодействие гегемонизму и силовой политике. При этом стороны

договорились соблюдать принципиальное условие — недопустимость перехода стратегического сотрудничества в союз.

Пекин, по мнению авторов доклада, не может позволить себе однозначно поддержать Москву в противодействии расширению НАТО, поскольку в таком случае он испортит отношения с государствами Восточной Европы и Прибалтики. В ответ они пойдут на сближение с Тайванем. «Тайваньский вопрос» всегда создает трудности для китайской дипломатии», — говорилось в докладе.

Кстати сказать, отношение Пекина к НАТО, к расширению состава этой организации и к внешней политике США является далеко не таким однозначно отрицательным, как это представляется части людей в нашей стране. Пекин исходит из того, что у США имеются свои интересы, с которыми следует считаться. Европейские дела, в том числе все то, что связано с НАТО, представляются в Пекине сферой прежде всего интересов США и их союзников, с чем необходимо считаться, ибо и в настоящее время и в обозримом будущем это не затрагивает непосредственно интересы КНР. В Пекине также полагают, что американцы до сих пор проявляли осторожность и стремились прямо не ущемлять интересы КНР на мировой арене, прежде всего, в тех регионах, где это первостепенно важно для КНР; из этого следует вывод о том, что в вопросе о НАТО США будут продолжать вести себя таким образом, чтобы это не ущемляло интересы КНР. Таким образом, КНР вовсе не настроена на решительное противодействие политике США в вопросах, касающихся НАТО.

Партнерство КНР и РФ на нынешнем этапе, как считали китайские аналитики, будет ограничено жесткими рамками в силу целого ряда объективных и субъективных причин.

Во-первых, дипломатическое сотрудничество в международных делах затруднено отсутствием прочных обязательств. Кроме того, формат сближения Пекина и Москвы обусловлен их приоритетными интересами в сотрудничестве с Вашингтоном — не считаться с его позицией, а тем более выступать единым фронтом против него они себе не могут позволить.

Во-вторых, имеются достаточно существенные различия в позициях на международной арене — Москва пытается добиться статуса крупной державы за счет включения в «большую семерку». Пекин, напротив, туда не стремится и намерен закрепить за собой роль ведущей державы «третьего мира». В-третьих, у Пекина и Москвы есть свои внутренние ахиллесовы пяты, которые неизбежно будут сдерживать развитие партнерства. Наконец, Пекин не может не учитывать укрепившегося за последние годы в России мнения о существовании «китайской угрозы».

Китайские стратеги не скрывали своих подозрений относительно неустойчивости и непредсказуемости геополитических ориентиров Москвы. С одной стороны, им представлялось, что Россия настолько уникальна с точки зрения ее истории и культуры, что никогда не согласится отождествлять себя полностью с Западом, «даже если следующим президентом станет прозападный политик». С другой стороны, в Пекине не могли не обращать внимания на то, что американские стратегические эксперты в схемах противостояния с Китаем всегда делали ставку на Россию как на своего союзника. Более того, предупреждали авторы доклада, было бы ошибкой недооценивать значение таких понятий, как общие ценности и даже расовая общность. (Вообще, примечательно, что в настоящее время в Пекине придают важное значение таким понятиям, как «нация» и «раса».)

В докладе содержались и рекомендации о том, как можно упрочить партнерство с Россией на длительную перспективу. Прежде всего, считали эксперты, необходимо устанавливать деловые контакты между новыми поколениями руководящих элит и по возможности развивать их до отношений личной дружбы. Полезно также приглашать в Китай тех представителей правительственных и академических кругов, которые упорно верят в «китайскую угрозу».

Стабилизирующим компонентом долговременного стратегического партнерства должно стать, по мнению аналитиков, участие Китая в разработке и добыче углеводородов в Сибири и на Дальнем Востоке, а также расширение военно-технического сотрудничества.

Китайские аналитики полагали, что сотрудничество с Китаем становится для Москвы едва ли не единственной надеждой и опорой в условиях, когда НАТО грозит «перейти границы» СНГ, когда обостряются противоречия с США, а страны «большой семерки» все еще не до конца доверяют России. [6]

Смерть Дэн Сяопина

Девятнадцатого февраля 1997 г. умер Дэн Сяопин. Смерть Дэн Сяопина, последнего остававшегося к тому времени в живых члена «большой семерки», которая взяла в свои руки власть над континентальным Китаем в середине двадцатого столетия (с нашей точки зрения, «большая семерка» — это председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, заместители председателя Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Линь Бяо, Чэнь Юнь и генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин), знаменовала собой окончание целой эпохи — нахождения у власти представителей первого поколения руководителей КПК. В связи с этим континентальный Китай могли ожидать новые потрясения. Главным итогом деятельности Дэн Сяопина, особенно в последние годы его жизни, было то, что ценой огромных усилий (и даже используя армию для поддержания режима) ему удалось сохранить над КНР власть Коммунистической партии, сохранить армию этой партии, т.е. НОАК, сохранить государство, находившееся под руководством этой партии, т.е. КНР. Дэн Сяопин сохранил созданное Мао Цзэдуном государство. Под напором обстоятельств непреодолимой силы Дэн Сяопин делал полушаги, соглашаясь на некоторые перемены, но сохраняя основу сформировавшейся при Мао Цзэдуне политической и экономической системы.

Дэн Сяопин в каком-то смысле пережил свое время. Физически на протяжении нескольких лет перед смертью он продолжал существовать, присутствовать в нашем мире, но политически он уже не был способен действовать, функционировать. Жизнь между тем шла вперед. Дэн Сяопин незримо присутствовал в этой жизни, само его физическое существование оказывало на нее некое воздействие. Но в то же время он уже находился и как бы в потусторонней жизни, далекой от реальной действительности. Поэтому его смерть оказалась одновременно и заметным и незаметным явлением. Для большинства населения он как бы уже давно не существовал, поэтому всенародного траура не было. В то же время для реальной политической жизни, для политической системы, существующей в КНР, уход Дэн Сяопина стал весьма ощутимым явлением.

Со смертью Дэн Сяопина можно было ожидать постепенного отхода от целого ряда важных, существенных элементов прежней системы, не исключая ее распада и исчезновения. В последние несколько лет жизни Дэн Сяопин был физически существующим, но уже не действующим «сердечником» этой политической системы, режима, всего политического механизма в КНР. С уходом Дэн Сяопина встала проблема замены «сердечника». При этом вопрос стоял и о замене политического лидера, о политическом руководстве партии в КНР и о самой этой правящей в континентальном Китае политической партии. Вероятным представлялось «обновление», возможно — омоложение, но главное, что представлялось очевидным, — рано или поздно, но должны были произойти перемены.

После смерти Дэн Сяопина появились первые предвестники изменений. Заговорили о замене главы правительства Ли Пэна, учитывая его вполне определенную политическую окраску «сына партии». Ли Пэн был главным наследником традиций Мао Цзэдуна—Чжоу Эньлая, а в реальной политической жизни вел непримиримую политическую борьбу против бывшего генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна. Именно Ли Пэн был тем политиком и государственным руководителем, который отдал приказ о подавлении с применением вооруженных сил массовых выступлений под лозунгами демократии на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Нельзя исключать, что в Политбюро ЦК КПК существовала договоренность — не поднимать вопрос о событиях на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. до смерти Дэн Сяопина. Очевидно, что после его смерти такая возможность появилась. Правда, важно подчеркнуть, что континентальный Китай за прошедшие семь-восемь лет прошел длинный путь, далеко ушел от ситуации 1989 года. Однако накопились новые вопросы, связанные в определенной степени и со старыми проблемами. Можно было ожидать, что новыми будут и решения накопившихся вопросов. Конечно, все это могло потребовать времени.

В последние два десятилетия КПК постепенно трансформировалась, переходила в новое состояние. Из политической партии ленинско-сталинско-маоцзэдуновского типа она преобразовалась в то, что скорее можно называть режимом, а не партией. В конце XX в. КПК была политической организацией, находившейся у рычагов власти, но практически лишенной или лишившей себя идеологического и пропагандистского аппарата, работающего на основе классового анализа происходящих событий. Партия сохранила силовые структуры под своим командованием и контролем. Однако им приходилось действовать в государстве, где не было прежней все пронизывающей системы партийных организаций. КПК стала также финансово-экономической структурой, причем не только внутри КНР, но и с выходом на мировую арену, где противоборствовали по крайней мере два механизма китайской нации: один связанный с Пекином, другой — с Тайбэем.

Преемником Дэн Сяопина, а фактически лидером, находившимся к моменту смерти Дэн Сяопина у власти уже восемь лет, был Цзян Цзэминь. Он выступал в качестве главы партии, армии и государства в континентальном Китае. Централизация власти в его руках — предельно возможная. Возникал вопрос о том, что могло происходить с такой концентрацией власти.

Цзян Цзэминь — преемник Дэн Сяопина, но не Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун оставался отцом-основателем нынешнего государства с центром в Пекине, но вся политика этого государства, которой руководствовался Цзян Цзэминь, и что он особенно подчеркивал, это выполнение заветов Дэн Сяопина.

Во второй половине 1990-х гг. в КНР был принят закон, в соответствии с которым армия должна была давать присягу на верность КПК. Иначе говоря, Цзян Цзэминь «учел опыт» отмены шестой статьи Конституции СССР и стремился не допустить утверждения мысли о «деполитизации армии». В то же время можно отметить, что армия должна была приносить клятву не лично Цзян Цзэминю, а партии, т.е. любому ее руководству.

После ухода из жизни Дэн Сяопина Цзян Цзэминь произвел перестановки на постах высших военачальников. Очевидно, его тревожило положение в армии. В связи с военной политикой КНР могли возникать серьезные вопросы как внутри КНР, так и на мировой арене. Об этом свидетельствовали, в частности, военные учения и запуски ракет в начале 1996 г. в направлении Тайваня.

С другой стороны, весьма знаменательно, что армия стремилась покупать много оружия у РФ. Возможно, что в армии КНР могли найтись силы, которые хотели бы снять саму возможность восстановления военного противостояния с нашей страной. Во всяком случае, можно было ожидать проявлений разногласий среди высших военачальников и по этому вопросу.

В КНР продолжалась и усиливалась борьба между государственниками и идеологами. Этот вопрос был весьма серьезным. Собственно говоря, речь шла о стабильности, о том, чтобы предложить населению континентального Китая более приемлемую для него идеологию. Например, если раньше, при Мао Цзэдуна в уголовном кодексе речь шла о наказании за «контрреволюционные преступления», то в последние годы стали писать и говорить о «преступлениях во вред безопасности государства». Исчезал термин «контрреволюция», но утверждался термин «государство». Таким образом, современное китайское государство, а точнее, КПК превращало инакомыслящих в преступников против государства, в государственных преступников.

Очевидно, что в КНР мог обостриться вопрос о том, как сохранить КНР как государство при новом положении КПК в стране. Речь могла идти об укреплении роли государства, даже о своеобразной замене партии государством при сохранении нынешней политической системы.

Еще одна проблема, которая, вероятно, могла обостриться после смерти Дэн Сяопина, это проблема неханьских народов в континентальном Китае. Вполне очевидно, что во многих районах могли вспыхивать очаги неповиновения. Это могло происходить и при содействии зарубежных, скажем мусульманских, сил. Уйгуры и тибетцы первые кандидаты на «китайскую Чечню», которая могла мгновенно появиться при первых же признаках ослабления центральной власти.

Вероятной перспективой представлялся и регионализм или многополюсность внутри континентального Китая. Во всяком случае, нельзя было исключать борьбу центристских и центробежных тенденций в КНР.

Наконец, как предупреждал Дэн Сяопин, самой опасной проблемой, с которой власти могли столкнуться в 1990-х гг. (а по сути дела, в обозримом будущем), могла оказаться проблема деревни, сельского населения, крестьянства. Это опасность для властей в Пекине не только не была снята, но возрастала. Дело было, в частности, в том, что повышение уровня жизни в китайских городах в последние два десятилетия XX в. было достигнуто за счет деревни, в которой к тому же накопилось около 250 миллионов «свободных рук», т.е. возник громадный не востребуемый трудовой ресурс.

Таким образом, уход Дэн Сяопина из жизни, с одной стороны, как бы развязал руки Цзян Цзэминю, так как теперь в стране и в партии формально над ним не было никого. С другой стороны, все проблемы, и внутрикитайские, и вопросы внешнеполитические, пришлось теперь решать в конечном счете самому Цзян Цзэминю.

Что касается политики в отношении нашей страны, то, вероятно, Цзян Цзэминь, учитывал установки Дэн Сяопина. В беседе с М.С.Горбачевым в 1989 г. Дэн Сяопин изложил свои взгляды на этот вопрос, т.е. по сути дела, оставил свое политическое завещание по вопросу о том, как действовать по отношению к России.

Дэн Сяопин повторил и подтвердил то, что до него сказал Мао Цзэдун. Повторил территориальные претензии, о которых говорил Мао Цзэдун. Таким образом, эти претензии со стороны руководителей КПК-КНР к нашей стране стали еще тяжелее, так как они теперь были освящены именами и Мао Цзэдуна, и Дэн Сяопина.

Но Дэн Сяопину этого показалось мало. Он усилил претензии к нашей стране, добавил новые пункты к реестру, о котором говорил Мао Цзэдун. Дэн Сяопин обвинил нашу страну в том, что в истории последних столетий именно Россия, а не Англия и даже не Япония нанесла наибольший вред Китаю и еще не расплатилась с этими, в том числе и прежде всего территориальными, долгами.

Далее Дэн Сяопин выдвинул новое обвинение в адрес нашей страны, утверждая, что именно она на протяжении практически нескольких десятилетий во второй половине двадцатого столетия представляла собой военную угрозу для континентального Китая. (На самом деле эти утверждения не имеют под собой почвы.)

Наконец, Дэн Сяопин говорил о путях решения вопроса о тех территориях, которые он полагал ожидающими возвращения в состав Китая. Дэн Сяопин сказал, что он согласен не торопиться и брать их в китайские руки «постепенно», путем сначала совместного с их временными хозяевами управления и совместного освоения. Мало того, Дэн Сяопин, повторяя и в этом случае Мао Цзэдуна, намекнул М.С.Горбачеву: насколько он помнит, в Китае всегда считалось, что Монголия — это китайская земля.

Мы не утверждаем, что нынешние и будущие руководители КПК-КНР непременно и в обозримом будущем станут выполнять политическое завещание Дэн Сяопина относительно Китая и России. Но нельзя не обратить внимание на то, что такие мысли были высказаны Дэн Сяопином и что, согласно традициям, существующим в Китае, в КПК и в

КНР, наследники и приверженцы Дэн Сяопина могут с учетом складывающейся ситуации руководствоваться его указаниями и наставлениями.

Оценивая ситуацию, возникшую после ухода из жизни Дэн Сяопина, можно попытаться ответить на вопрос о том, чего следовало ожидать в двусторонних российско-китайских отношениях.

Очевидно, что ткань двусторонних отношений распадается на довольно самостоятельные полосы. Одна из них совершенно бесцветная. Это — общение в сфере морали, нравственности, культуры. Тут пока нет общего языка, хотя кое-что и кое-кем будет предприниматься.

Другая полоса — это экономические отношения. В этой области уже проявились лимиты, за которые в обозримом будущем перепрыгнуть невозможно. Скорее всего, стороны в ближайшие годы будут топтаться на уровне объема товарооборота в 10 млрд. долларов в год. Помехи — это нестыковка материальных интересов. Хотя дело осложняет и такой новый фактор, возникший в последние годы, как взаимная неприязнь деловых людей, а следовательно, и отсутствие взаимного доверия в сфере экономических и торговых связей. Пекин своей политикой в начале 1990-х гг. сделал максимум возможного для того, чтобы подорвать у россиян доверие к китайцам как к деловым партнерам.

Отдельной областью двусторонних отношений предстает вопрос о границе. М.С.Горбачев и его помощники в дипломатических делах пошли на уступки, в результате чего, в частности, подписали в 1991 г. соглашение о прохождении линии границы в восточной ее части, отдав некоторые участки в Приморском крае, а также согласившись предоставить КНР право выхода в Японское море по реке Туманной. Пекин до того был рад этим уступкам и так ценил их, что даже настоял на том, чтобы ратифицировать в Государственной Думе РФ соглашение, в котором одной из сторон значится СССР, а не Российская Федерация!

И все-таки, несмотря на это, соглашения следует выполнять. Конечно, понимая, что они — не окончательное или юридическое решение вопроса о границе, о территориальных претензиях. Эти вопросы продолжают пребывать в подвешенном состоянии.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что подрастающие поколения в КНР воспитываются все в том же враждебном к нам духе, в духе требований к России вернуть якобы имеющиеся за ней территориальные долги. Тем не менее необходимо стремиться сохранять отношения и в этой области на том уровне, которого они так или иначе, достигли.

Существует и такая область отношений, как военные и военно-технические связи. По самой своей природе такие отношения двойственны. Военные в любой стране несут ответственность за оборону своего государства, за его национальную безопасность. В то же время они же стремятся налаживать нормальные отношения с коллегами, с военными страны-соседа. Такие связи постепенно налаживаются. Не менее важен и вопрос о военно-технических связях. С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы продажа оружия за рубеж пополняла нашу казну. С другой стороны, сделки такого рода не должны наносить ущерб ни нашей оборонной мощи, ни нашим отношениям с третьими странами.

Обе стороны также озабочены развитием ситуации на мировой арене. В связи с этим возникают и некие общие интересы. Однако важно так вести дело, чтобы это не нанесло ущерба РФ в ее отношениях с третьими странами. Ясно также, что, с одной стороны, Пекин не окажет прямого содействия РФ в ее оппозиции решению НАТО о принятии в ее состав новых членов из числа стран, чья территория граничит с российской или близко соседствует с ней. Пекин также не будет оказывать РФ экономическую и финансовую помощь, помогая нам решать наши внутренние, особенно экономические, да и социальные, проблемы.

Важную роль играл и вопрос о соотношении политической ситуации внутри нашей страны с нашим курсом в отношении Пекина. Существенным является и отношение Пекина к ситуации внутри РФ. Обе этих составных части общей картины отношений России и Китая вполне реальны. Хотелось бы, чтобы они не отразились на наших отношениях, не ухудшили бы их.

Соглашение о стокилометровой зоне

Весной 1996 г. в городе Шанхае во время очередного визита Президента России было подписано соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границ протяженностью семь с половиной тысяч километров. Соглашение подписали Президент РФ, Председатель КНР, Президент Казахстана, Президент Киргизии, Президент Таджикистана. В этом документе пять государств заявили о неприменении силы или угрозы силой в отношении друг друга, отказались от одностороннего военного превосходства и опасной военной деятельности, согласились не использовать для нападения войска, дислоцированные в районе границы, договорились уведомлять друг друга о крупномасштабных учениях и приглашать на них зарубежных инспекторов.

Соглашение отвечало интересам всех его участников. Оно создавало возможность сохранения статус-кво в районе границы.

Для нашей страны его подписание было важно, прежде всего, потому, что появлялась новая юридическая гарантия покоя в районе границ, а также в связи с тем, что пять государств таким образом косвенно признавали, что существует регион, где некоторые важные вопросы придется решать совместно.

Для КНР это соглашение было необходимо потому, что Пекин был заинтересован в том, чтобы успокоить Казахстан, Киргизию, Таджикистан, не говоря уже о России, население которых опасалось непредсказуемости политики своего большого юго-восточного соседа. Благодаря этому соглашению Пекин закреплял свое участие в делах региона. Кроме того, он как бы побуждал своих соседей, а каждый из них в отдельности и все они в совокупности были теперь в военном отношении, если исключать ядерные силы России, гораздо слабее Пекина, — побуждая в принципе согласиться с тем, что КНР будет осуществлять своего рода присмотр за военными силами по нашу сторону границ РФ с КНР, а также границ Казахстана, Киргизии, Таджикистана с КНР.

Конечно, это соглашение косвенным образом касалось не только упомянутых стран. Участники соглашения показывали, что у них есть такие важные интересы, есть такие регионы, где они намерены решать вопросы сами — без участия других государств. Соглашение также демонстрировало США и другим государствам, что Пекин настойчиво подчеркивал преимущество своей внешней политики и исходил из необходимости утверждать свою самостоятельность и заинтересованность в том, чтобы побуждать соседние с ним страны доказывать их отказ от их же «прежней политики», которая представляла собой, с точки зрения руководителей КПК-КНР, «угрозу» для континентального Китая.

Москва, пойдя на это соглашение, уступила давнему настойчивому предложению Пекина, который еще в 1969 г. заговорил о необходимости поставить под контроль со стороны КНР размеры и деятельность вооруженных сил СССР в районе границы. При этом Пекин исходил из того, что по нашу сторону нынешней линии границы находятся обширные территории, которые якобы несправедливо отторгнуты у Китая. Поэтому до справедливого и рационального, с точки зрения руководителей континентального Китая того времени, решения вопроса об этих территориях, т.е. до передачи их так или иначе путем сначала совместного освоения, совместного хозяйствования и т.д. и т.п., Пекин желал ограничить военное присутствие там России и ее союзников — ныне государств СНГ. Пекин также исходил из своего надуманного тезиса о существовании угрозы Китаю со стороны царской и Советской России. Ограничение этой угрозы также входило составной частью в стратегию Пекина.

К этому необходимо добавить, что свои стратегические и военно-стратегические планы КНР вырабатывает и стремится осуществлять, будучи тоталитарным государством, для которого в принципе не существует никаких ограничений нравственного порядка и тем более норм международного права, если иного потребуют интересы правящей в КНР

коммунистической партии и ее вождей. Они руководствуются только соотношением реальных сил на мировой арене. В случае, если это будет сочтено необходимым, все договоренности не будут иметь никакого значения и Пекин не будет считать себя связанным ими.

Там не менее в реальной действительности соглашение, подписанное в Шанхае, по форме удовлетворяло всех его участников. Для России и других стран, помимо КНР, это максимально возможная, хотя бы какая-то гарантия сохранения стабильности в районе границ. Для КНР — это шаг по пути осуществления ее стратегии восстановления так называемой исторической справедливости, «возрождения нации чжунхуа», что предполагало возвращение в состав Китая как якобы когда-то отторгнутых у него территорий, так и частей ныне разделенных национальных общностей, которые, с точки зрения Пекина, являются насильственно разорванными частями китайской нации, нации чжунхуа.

Это соглашение никоим образом не давало оснований для того, чтобы видеть в нем совместную демонстрацию государствами, которые его подписали, своих общих интересов, как бы в противовес интересам каких-либо других стран, прежде всего США или Японии.

Вопрос о границе в представлении Пекина неразрывно связан с вопросом о территориях. Собственно говоря, навязанный Мао Цзэдуном нашей стране период противостояния и военной конфронтации представлял собой специфическую или своеобразную часть «холодной войны» или «холодных войн» во второй половине XX века. По сути дела, нашей стране пришлось тогда встретиться с проявлениями «холодной войны» на двух фронтах, на двух направлениях — и на Западе, и на Востоке, а можно сказать — с двумя «холодными войнами». При этом в «холодной войне» на Западе противостояли одна другой две активно действовавшие силы, а в «холодной войне» на Востоке, т.е. в советско-китайской «холодной войне», Москва всегда находилась в обороне, не имела ни планов, ни стратегии, ни тактики наступательного характера, она только защищалась и ни в чем не посягала на территории КНР. Иными словами, наша страна, практически вынужденно находясь в состоянии навязанной ей Пекином «холодной войны», сама такой войны, по сути дела, не вела.

Этот период в советско-китайских двусторонних отношениях, по мнению Пекина, сыграл свою роль, позволив КНР навсегда отмежеваться от СССР, занять самостоятельное и независимое положение на мировой арене и, более того, предъявить Москве территориальные претензии, а затем и начать пограничную войну против СССР, добиться установления дипломатических отношений с США и союзными с ними государствами, получить место в ООН и войти в сообщество государств мира.

После смерти Мао Цзэдуна, особенно после того, как стало вполне очевидно, что Москва твердо взяла курс на налаживание отношений с США, руководители КНР решили продолжать свою политику другими методами. Судя по тому, что уже предпринял Пекин и что делается в настоящее время, были намечены этапы продвижения вперед, методы выполнения тех же задач, достижения тех же целей.

Повторим, что цель Пекина в том, что касается России, бывшей царской России, Советской России или СССР и нынешней Российской Федерации — это постепенное возвращение якобы несправедливо отторгнутых земель в полном объеме, а также «воссоединение нации чжунхуа», вбирание китайской нацией всех ее якобы насильственно и временно оторванных или отделенных от нее частей. В этом смысле упомянутые цели распространяются и на современные государства, существующие на территории бывшего СССР и имеющие границы с КНР.

В Пекине было решено, что противостояние с Москвой, военная конфронтация с ней уже сыграли свою роль. В конце 1980-х и в 1990-х гг. они уже не эффективны, вредят интересам КНР, настораживая население РФ. Поэтому в Пекине сочли для себя выгодным и необходимым предпринимать усилия с той

целью, чтобы обманывать наш народ, вытравлять из его исторической памяти правильное представление о Мао Цзэдуэ и его последователях, как о тех, кто видел и видит в нас врага и не остановится в конечном счете перед ассимиляцией русских и людей других национальностей, живущих сейчас в РФ, в других государствах, образовавшихся на территории СССР, бывшей Российской империи, и перед включением в состав континентального Китая российских земель, многих земель бывшего Советского Союза и бывшей Российской империи. Одним словом, наступательная стратегия Пекина сохраняется и сейчас. Меняются ее методы.

Выполняя свои замыслы, Пекин формально пошел на то, что именуется нормализацией двусторонних межгосударственных отношений РФ и КНР. Иначе говоря, на объявление о том, что наши межгосударственные дипломатические отношения являются нормальными. Более того, Пекин пошел и на то, чтобы на словах рисовать наши современные двусторонние отношения в самых розовых тонах, утверждая, что они сейчас достигли такого расцвета и состояния, приобрели такое качество, какого еще и не бывало в истории; в Пекине характеризуют наши современные отношения не только как дружественные, но и как сердечные.

Там прекрасно учитывают, насколько мы, в том числе и наши руководители, падки на доброе слово, на лесть, особенно персональную; там также знают, что многие руководители нашей внешней политики, политические и государственные деятели не хотели бы даже слышать о реальном прошлом двусторонних отношений России и Китая, скажем в XX веке. Они предпочитают пассивно следовать за Пекином, идя на декоративные, а то и потенциально, если не уже сейчас, явно не отвечающие нашим интересам соглашения. Это значит — прятать голову в песок вместо того, чтобы с открытыми глазами и ушами постепенно вести дело к решению существующих действительно больших и трудных проблем в наших двусторонних отношениях.

При этом Пекин оставил как бы на запасном пути весь вопрос о якобы отторгнутых территориях и о границе.

Объявив о восстановлении нормальных дипломатических отношений, Пекин предложил решить вопрос о прохождении линии границы, оставляя в подвешенном состоянии до более выгодных, с его точки зрения, времен решение вопросов о «дырах» — о тех участках границы, где Москва пока не пошла на удовлетворение требований Пекина и не передала КНР несколько островов, в том числе и в районе города Хабаровска. Далее Пекин предложил подписать соглашения о прохождении линии границы на ее восточном и западном участках. В результате такие соглашения были подписаны.

В Москве Президент РФ и МИД РФ трактовали это как полное юридическое решение вопроса о границе или об определении прохождения линии границы. При этом в общем и целом Президент и МИД старались создать впечатление у нашего народа, что именно они в настоящее время наконец решили проблемы границ и территорий с Пекином, принесли своему народу долгожданное полное решение вопроса о границе РФ с КНР. Они также утверждали, что больше не существует вопроса ни о границе, ни о территориальных претензиях со стороны Пекина к нашей стране. С этой точки зрения, всякий, кто высказывал бы иное мнение в России, должен был бы рассматриваться как намеренно наносящий вред сердечной атмосфере в двусторонних отношениях руководителей в Москве и в Пекине. В Москве принимали желаемое за действительное.

Дело в том, что в Пекине официальные лица, начиная с Председателя КНР, главы правительства, министра иностранных дел КНР и так далее, никогда не заявляли, что они считают юридически полностью решенным вопрос о границе между нашими государствами. Такая формулировка — это односторонняя формулировка Президента РФ и МИД России, но не общая, подтвержденная обеими сторонами, формулировка руководителей двух государств — РФ и КНР.

Дело также в том, что Пекин никогда не дезавуировал заявление Мао Цзэдуэ о том, что Китай еще не предъявлял России (СССР, а следовательно, и его преемникам, всем

государствам, которых это касается, т.е. РФ, Казахстану, Киргизии и Таджикистану) счет относительно территорий, которые следовало бы по справедливости вернуть континентальному Китаю и общая площадь которых превышает полтора миллиона квадратных километров. В беседе с М.С.Горбачевым в 1989 г., спустя тринадцать лет после смерти Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин подтвердил неизменность этой позиции Пекина.

При подписании соглашений о прохождении линии границы на восточном и западном участках Пекин настоял на согласии обеих сторон с формулировками о еще предстоящем решении нерешенных вопросов на основе принципов рационального подхода и соблюдения справедливости. Что такое справедливость, с точки зрения Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей, в вопросах территориях и границах совершенно очевидно: это передача КНР наших земель.

Так и получилось, что, с точки зрения Президента и МИД РФ, вопрос о территориях и границах в споре с континентальным Китаем как бы решен или даже юридически полностью решен. А в глазах Пекина, который никогда не подтверждал формулу Москвы о том, что вопрос о границе юридически полностью решен, это вопрос решен лишь пока, лишь временно. Его решение отложено до того момента, когда военное превосходство Пекина будет таким, что России придется подписывать новый договор с Пекином о границе с исправлением всех «несправедливостей» (или, в ином случае, если Россия сама развалится, а ее части или остатки так или иначе войдут в состав континентального Китая).

Итак, в Пекине выделили этапы и методы решения вопроса о границе и о территориях в отношениях с нашей страной. Ныне там предпочитают вести дела на этапе мирных нормальных дипломатических отношений с Россией, вести мирное наступление в условиях, когда противник или партнер вынужден в общем и целом пассивно соглашаться с шагами Пекина, удовлетворяясь тем, что ничего иного сделать нельзя и что эти шаги можно в какой-то степени трактовать и как отвечающие интересам нашей страны.

Пекин в конце 1980 — начале 1990-х гг. прибегал к следующим последовательно сменявшим один другой методам: сначала нормализация дипломатических отношений при условии вывода советских войск из Монгольской Народной Республики, ослабления связей Москвы с Вьетнамом; затем договоренность о прохождении линии границы с «просветами» на этой линии, в том числе с подвешенным вопросом о линии границы в районе города Хабаровска, но уже с согласием нашей стороны с тем, что суда КНР могут, практически не запрашивая нашего согласия, плавать в районе Хабаровска по речной акватории, которую мы полагаем нашей, а КНР — своей. Далее, кстати, по тому же соглашению, Пекин добился, а Москва пошла на то, чтобы согласиться предоставить КНР право выхода в Японское море по части акватории реки Туманной, которую мы считаем своей; затем — соглашение об ограничении военной деятельности в районе границы; сюда же примыкают соглашения об ограничении стратегических вооружений, о взаимном ненацеливании ракет и ненанесении первого ядерного удара. Можно предположить, что Пекин будет с течением времени добиваться и отказа РФ от ядерного и других видов оружия, которые пока позволяют России удерживать своего соседа от притязаний на наши территории.

Конечно, ко всем этим соглашениям хотелось бы подходить разумно, видя в них и положительное и отрицательное. Положительное в них то, что это — минимум, который нам удалось «вырвать» у Пекина, стремясь хотя бы таким образом вести с ним дела, сохранять на некоторое время более или менее нормальные, а главное мирные отношения. Отрицательная сторона этих соглашений внешне может быть кому-то и не видна, а кто-то отказывается, не желает ее видеть. Это не в интересах нашей страны. Нам надо заботиться о своих интересах в таком важном вопросе, как отношения с Пекином, особенно там, где речь идет о территориях и о границе.

В рамках своей общей стратегии Пекин поставил вопрос о сокращении вооруженных сил в приграничных районах. В условиях подавляющего преимущества Пекина в обычных вооружениях, в обычных вооруженных силах, в потенциальной численности армии, в

условиях, когда наша страна ослаблена, это выгодно только Пекину, если его стратегия именно такова, какой она представлена нами выше. Более того, такая постановка вопроса — это ультиматум; это месть за выдуманное прошлое; это упорное следование тезису об угрозе, которая якобы всегда существовала со стороны нашей страны континентальному Китаю.

Что же происходило с этим соглашением? Какова его предыстория? Какой видится ситуация с нашей стороны?

В свое время, в 1950-х гг., вооруженные силы обеих сторон в районе советско-китайской границы были незначительными. Однако затем, в 1960-х гг., Мао Цзэдун взял курс на подготовку к войне против СССР. Он применил следующую тактику: в глубине территории континентального Китая началось строительство так называемой «третьей линии» подготовки к войне (вся страна должна была по мысли Мао Цзэдуна превратиться в несколько «колец», «линий» или «рубежей», имея в виду неминуемую ракетно-ядерную войну с нашей страной). В горах расположенной в сердце континентального Китая провинции Сычуань по приказу Мао Цзэдуна создавались огромные подземные пещеры, где размещались военные заводы, в том числе и передислоцированные из Северо-Восточного Китая, из Маньчжурии. Это должно было стать стратегическим тылом, где следовало ковать оружие для войны против нас. Мао Цзэдун заставил всю страну готовиться к войне. Кроме «третьей линии» в его планах существовали также и «вторая» и «первая» линии.

При этом он исходил из того, что ему удастся спровоцировать нашу страну на нанесение упреждающего удара по КНР, на введение советских войск на территорию КНР. А там предполагалось на «первой линии» и на «второй линии» измотать их, ведя войну силами армии НОАК и всего населения КНР. Сегодня, наверное, можно сказать и так: в «китайском громадном Афганистане» или в «китайской громадной Чечне». Мао Цзэдун предполагал, что после этого заставит нас капитулировать перед его ультиматумом, одним из пунктов которого стало бы требование «восстановить справедливость» и возвратить все якобы отторгнутые у континентального Китая территории.

Тактика Мао Цзэдуна при этом состояла в том, чтобы не создавать мощных укреплений на границе, а вести на границах с СССР провокационную деятельность, учащать и умножать мелкие уколы, делать их все более чувствительными и частыми, доводить дело до применения оружия, до пограничных боев и пограничной войны. Мао Цзэдун не был настроен оборонительно, он готовился не к обороне. Он привык воевать именно так, т.е. сначала раздвигал силы противника, заманивал его в ловушки, а затем переходил в наступление и наносил полное военное поражение врагу. В данном случае таков был замысел в отношении Советского Союза, нашего тогдашнего государства. Поэтому в районе границ с СССР Китай не размещал своих крупных сил. Его стратегический замысел, повторим это, состоял в том, чтобы заставить Советский Союз втянуться в пограничную войну, растащить его вооруженные силы по всей границе протяженностью в 7—8 тысяч километров (или даже более десяти тысяч километров, учитывая границу с Монголией), сразу создав фронт громадной, небывалой в мире протяженности. Затем побудить СССР ввести свои войска на территорию КНР, заманить СССР на эту территорию и воевать с ним сначала на территории континентального Китая, может быть, годами. Обескровить нашу страну в этой войне, а затем разгромить ее, одержать над ней военную победу, в результате чего возвратить континентальному Китаю якобы «незаконно отторгнутые» у него Россией «территории».

Поэтому при жизни Мао Цзэдуна столкнулись две стратегии, две тактики, в том числе и в военных вопросах. Одна из них — стратегия и тактика Москвы, а другая стратегия и тактика Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был настроен агрессивно, наступательно, предпочитая при этом заманивать нас, втягивать нас в длительную необъявленную пограничную войну, в непрекращающиеся, тянущиеся годами, многочисленные военные стычки по всей линии границы, чтобы затем перейти в наступление, добиться капитуляции нашего государства.

Наша страна исключала в принципе сначала даже теоретическую возможность войны СССР с КНР. Затем мы никак не могли поверить, что Мао Цзэдун может начать на практике военные действия против нас. Мы, даже уже будучи втянуты в сотни столкновений, рукопашных схваток без применения пока огнестрельного оружия на границе, не могли поверить и понять, что все это — лишь этапы осуществления рассчитанной на многие годы тактики постепенного втягивания нас в медленную, затяжную необъявленную войну. Вполне естественно, что мы и не готовились к войне с КНР вообще и к такого рода войне, в частности. Даже после того, как Мао Цзэдун осуществил первую вооруженную провокацию в районе острова Даманского, когда явно с ведома Пекина и по его указанию подло из засады были сделаны первые выстрелы в этой пограничной войне, причем по нашим безоружным погранпредставителям на рутинных погранпереговорах, когда с нашей стороны уже были первые жертвы, — даже тогда у наших пограничников, согласно приказу, магазины не были вставлены в автоматы, а патроны в этом районе в ходе навязанного нам боя подвозили на дровнях.

Мы не думали о войне, не готовились к войне и в первый момент не поняли даже, что в нас начали стрелять и что погранвойна уже начата Мао Цзэдуном и его приверженцами. Для осознания этого факта в Москве понадобилось некоторое время.

Абсолютной ложью является утверждение Мао Цзэдуна и его последователей о том, что СССР представлял угрозу для КНР, что он готовился напасть на КНР, что Пекин лишь предпринимал ответные оборонительные меры и что военная угроза со стороны нашей страны в какой-то степени сохраняется вплоть до настоящего времени.

Правда состоит в том, что именно Мао Цзэдун и его последователи готовились к войне, разрабатывали ее стратегию и тактику. Они начали войну на границе, измыслили себе врага. Они назвали нашу страну военным противником континентального Китая и относились к ней, как к военному врагу, потребовав, в частности, сначала вывести наши вооруженные силы из ряда районов, прилегающих к границе, а затем, как бы временно умерив свои требования, согласились на сокращение наших вооруженных сил в районе границы. Все события на границе, особенно военные столкновения, являлись проявлением главного в отношениях нашей страны с континентальным Китаем: мы всегда находились и находимся в обороне, с нашей стороны нет и не было никаких наступательных действий; Пекин всегда находился и находится в наступлении, продолжает атаковать нас, применяя разные методы.

До сих пор наступление Пекина, повторим это, ведется разными методами, в том числе и формально мирными, даже под прикрытием слов о дружбе, добрососедстве, мире и сердечности, — но оно продолжается. Вся тактика Пекина в 1990-х гг., которая на словах выглядит как договоренности о мерах доверия, о сокращении войск на границе и т.д., — это тактика, основанная на все том же постулате: наша страна рисуется руководителями в Пекине как потенциальный военный противник, которого необходимо обузывать, ослаблять и сдерживать.

Конечно, когда в 1969 г. была пролита кровь, когда пришлось готовиться на случай многочисленных, сначала мелких, провокаций, на случай своего рода «осиной войны» со стороны Мао Цзэдуна, нашей стране пришлось увеличить численность солдат на границе, направить в приграничные районы военную технику, построить там оборонительные сооружения. Но все эти действия Москвы носили всегда исключительно оборонительный характер по отношению к КНР. Мы укрепляли только свою оборону вдоль границы. У нашей страны не было ни планов, ни намерений вести по своей инициативе пограничную войну, совершать в ходе навязанных нам пограничных боев хоть одно инициативное действие, нанести хотя бы один активный удар по армии Мао Цзэдуна, если она сама не начинала провокаций, причем переходя на нашу территорию.

В 1969 г. мы все время находились в обороне и думали только о том, как защитить нашу границу. Никакой угрозы со стороны нашего государства для КНР никогда не было.

Если говорить о том, что политика Москвы была в отношении какого-либо государства политикой мира, то таким государством всегда была Китайская Народная Республика. У Москвы никогда не было ни стратегии, ни тактики военных действий непосредственно против территории КНР. В этих условиях Мао Цзэдуну особенно легко было хорохориться и выглядеть смелым и задиристым — как у себя в континентальном Китае, что требовалось ему для поддержания своего авторитета и власти, так и в определенном смысле на мировой арене.

Так на границе, начиная с 1969 г., создалась ситуация, при которой Мао Цзэдун ее не укреплял, лишь несколько увеличив силы пограничников, и готовился к войне на территории КНР, в глубине своей земли. Москва, со своей стороны, стала строить, как это она привыкла делать в прошлом, мощную линию обороны вдоль границы. Были поставлены проволочные заграждения по берегам пограничных рек, построены доты и дзоты. Москва вела себя примерно так же, как перед Второй мировой войной Франция, создавая линию Мажино на случай наступления со стороны Германии.

Одним словом, Мао Цзэдун своей тактикой в мирное время, практически без широкомасштабных военных действий, обескровливал нашу страну, заставляя нас, как и во время Великой Отечественной войны, держать заслон на случай массированного нападения на наши земли на Востоке. Необходимо повторить, что эти проволочные заграждения, эти бетонные стены, надолбы, доты были построены с чисто оборонительными целями, а также для того, чтобы хоть как-то сдержать сторонников Мао Цзэдуна, которые, как иной раз представлялось нашим тогдашним руководителям в Москве, могли почти даже безоружными или будучи вооружены легким стрелковым оружием пойти через границу на территории, которые Мао Цзэдун объявлял исторически принадлежащими континентальному Китаю.

Невозможно простить Мао Цзэдуну загубленные жизни наших военных, убитых и раненых в ходе развязанных им столкновений в 1969 г. Материальный ущерб, который понесла наша страна, внезапно оказавшись в ситуации «холодной войны» на два фронта, будучи вынуждена крепить оборону на самой длинной в мире границе, проводить в мирное время подготовку к отражению возможной агрессии и тратить громадные средства впустую, — этот ущерб возможно сопоставим с тем, который мы понесли в годы Великой Отечественной войны, держа заслон на Дальнем Востоке на случай возможной атаки японских агрессоров. Мао Цзэдун, по примеру японских милитаристов, видел в нас врага и стремился всемерно ослабить нашу страну. Своей политикой Мао Цзэдун нанес громадный ущерб экономике нашей страны, нашему народу в 1960-х — 1970-х гг.

Когда же прошло время конфронтации, когда она стала невыгодной с точки зрения Пекина, руководители КПК-КНР выдвинули требование о сокращении наших вооруженных сил в районах, прилегающих к границе, обосновывая это тем, что КНР видит угрозу своей потенциальной безопасности в вооруженных силах нашего государства.

В реальной действительности речь пошла о сокращении вооруженных сил в приграничной полосе.

Особенность приграничной полосы на границах РФ, Казахстана, Киргизии и Таджикистана с КНР состоит в том, что на западной части этой границы полоса шириной в сто или двести километров по обе стороны границы в основном безлюдна, тогда как на восточной части границы она безлюдна лишь по китайскую сторону границы, а по нашу сторону представляет собой практически единственно пригодный для более или менее нормального проживания населения район.

Сначала Пекин поставил вопрос о том, чтобы эта полоса по нашу сторону от границы, а также и по китайскую сторону составляла 200 километров. Это фактически не затрагивало интересов обороны и безопасности КНР, так как в этой зоне не было ни значительных военных сил КНР, ни многочисленных районов с плотным населением. Пекин предлагал, в частности, допустить инспекции приграничной зоны соседа военными.

Что касается нашей стороны, то нам нечего было и инспектировать, не говоря уже о том, что у нас не было таких планов или намерений. Мы не ставили вопрос о сокращении вооруженных сил в приграничной зоне и об инспекции чужой территории. Степень нашего доверия к соседу была такова, что она этого не требовала. По сути дела, в этих районах, особенно на нашем Дальнем Востоке, люди живут по преимуществу только в этой полосе, а севернее находятся в основном необжитые районы. Пекин поставил вопрос о демилитаризации полосы в 200 километров вдоль всего восточного участка советско-китайской границы, что оставляло наше население фактически беззащитным, имея в виду возможные варианты развития событий. В частности, в начале 1990-х гг. имело место массовое нашествие жителей КНР, по преимуществу с торговыми и деловыми, но и с иными целями.

Собственно говоря, здесь Пекин предпринимал в новых формах попытку осуществить свой стратегический план: заставить наше государство вывести свои вооруженные силы из тех районов, которые он считал «утраченными», «отторгнутыми» у него царской Россией и СССР.

Пекин сначала требовал также, чтобы советская, а затем российская сторона сократила свои вооруженные силы на 80%. Пекин требовал предоставить КНР право проведения инспекций на нашей территории, в том числе таких городов, как Хабаровск и Владивосток. Иначе говоря, Пекин желал видеть своих военных инспекторов на улицах Хабаровска и Владивостока. Это могло восприниматься нами как желание Пекина поставить под свой определенный военный контроль эти города, которые Мао Цзэдун и его последователи даже сегодня считают лишь временно попавшими под оккупацию России китайскими городами! Пекин желал бы даже получить право инспектировать наши склады, где хранятся ядерные боеголовки.

Важно еще раз подчеркнуть, что предложения о военных инспекциях, о сокращении значительной части вооруженных сил фактически не касались армии КНР, поскольку ее основные базы расположены за пределами упомянутой пограничной полосы.

В ходе переговоров выяснилось, что российская сторона никак не согласится с теми неразумными требованиями, которые носили ультимативный характер, выглядели как требования к побежденному в войне врагу, отражали безумные планы Мао Цзэдуна и его последователей. Пекину пришлось, чтобы не терять лицо, приспособиться к новому положению, т.е. к появлению в качестве партнера по переговорам уже не прежнего государства нашей нации — СССР, а ее нового государства, Российской Федерации. В нынешней ситуации, если бы речь шла о налаживании отношений между партнерами, которые уже «завершили прошлое, открыли будущее», т.е. уже не видели в соседе потенциального военного противника и «территориального должника», но лишь партнера, с которым существуют доверительные и даже сердечные отношения, — ни у той, ни у другой стороны не должно было быть оснований ставить вопрос о сокращении вооруженных сил соседа в любом районе его территории. Сегодня речь может идти о независимости каждой из сторон в области военного строительства, о возможных обменах и контактах, консультациях по вопросам, представляющим взаимный интерес, о военно-техническом сотрудничестве — также во взаимных интересах. Но не о требованиях сократить вооруженные силы на чужой территории. Это отрывка враждебного отношения Мао Цзэдуна и его приверженцев к нашей стране, постановки вопроса о вероятности военных действий одной из наших стран против другой, видения партнера в качестве потенциального военного противника даже на уровне межгосударственных переговоров и подготовки соглашений по вопросам, касающимся доверия между странами, пограничным и прочим вопросам.

В принципе даже постановка вопроса о фактически одностороннем сокращении наших вооруженных сил на нашей же территории по требованию иностранного государства совершенно неприемлема. Ни Президент, ни МИД РФ не получают поддержки народа по такому вопросу. Даже объяснение, что это — вынужденный шаг, не представляется удовлетворительным. Мы не проигрывали войны КНР. Мы не готовились к нападению на

КНР и не начинали военных действий против нее. Стороны поступили бы разумно, если бы они вынесли уроки из безумной затеи Мао Цзэдуна в 1969 г. Тем не менее и в 1990-х гг. Пекин продолжал проводить враждебную нам линию Мао Цзэдуна. Только так можно воспринимать его ультимативное требование сокращать наши войска на нашей же территории, да еще под китайским контролем. В крайнем случае такого рода вопросы можно было бы заморозить, но не идти на поводу у Пекина, ослабляя безопасность нашей страны, испытывая национальный позор и унижение в результате действий руководителей континентального Китая, с которыми мирятся руководители нашего государства.

На практике же в нынешних условиях за последние годы стороны пытались найти компромисс по вопросу, который достался в наследство от политики Мао Цзэдуна. Стороны согласились в том, что речь может идти о сокращении военных сил в стокилометровой зоне вдоль границы. Пекин полагал, что он сделал уступку и пошел на компромисс, согласившись с тем, что Владивосток и Хабаровск будут иметь особый статус, т.е. на них не будет распространяться договоренность о проведении инспекций (кстати сказать, очевидно, что такого рода военная инспекция распространяется, в частности, на Благовещенск). Сама по себе эта договоренность также унижает наше национальное достоинство и вызывает возмущение; нельзя исключать того, что только отмена этой договоренности может выправить положение, успокоить национальные чувства в России.

Иначе говоря, единственная граница из всех границ нашей страны с другими странами, вдоль которой в полосе шириной в 100 км в глубину нашей территории государство пошло на ущемление своего суверенитета, причем в сфере обороны, и допустила инспекции иностранцев, представителей армии соседнего государства, — это граница РФ с КНР. Такое положение для граждан России унижительно и нетерпимо.

Обе стороны договорились разделить военную технику на реально действующую и на ту, что лежит мертвым грузом на складах и не представляет опасности (следовательно, мы дали гарантии Пекину, что не будем распоряжаться своим военным имуществом без того, чтобы, по крайней мере, поставить Пекин об этом в известность). Судя по сообщениям нашей печати, российские генералы, участвовавшие в переговорах, полагали, что сокращение вооружений в 100-километровой зоне координируется с задуманной генштабом реформой, и сокращению подлежит в основном старая техника, без которой можно обойтись. С точки зрения военных, это не представляет угрозы для национальной безопасности России. Правда, генералы не дали ответа на вопросы о том, почему это вообще следует делать, почему на эти требования надо соглашаться и как надо было бы характеризовать позицию партнера по переговорам, который предъявил такие требования нашей стране.

Пекин и Москва также договорились, что из-под сокращения выводятся ракетные войска стратегического назначения, дальняя авиация, ВМФ и ПВО. Это еще раз подтверждало, что первоначальные требования Пекина были всеохватывающими и весьма напоминали ультиматум врагу, побежденному в войне. Нынешнее соглашение таким образом выглядит как достижение в том смысле, что это максимальные уступки, которых удалось добиться от Пекина.

Таким образом, хотя бы в некоторой части Пекин был вынужден (возможно, временно) отойти от требований Мао Цзэдуна, признать, что военной угрозы со стороны вооруженных сил России для КНР не существует.

Представители нашей стороны на переговорах пытались урезонивать пекинских партнеров, подчеркивая, что Россия уже не вписывается в образ врага и военной угрозы континентальному Китаю, который создавали Мао Цзэдун и его последователи. Москва напоминала, что даже по заявлениям руководителей КНР между нашими двумя странами теперь существует доверительное партнерство стратегически обращенное в XXI век; как же при этом исходить из того, что мы представляем собой военную угрозу для КНР?

Далее, в ходе переговоров подчеркивалось, что с точки зрения Москвы сильные военные группировки на Дальнем Востоке РФ и на востоке КНР будут лишь способствовать

сохранению военно-политического баланса в Азии. Позиция же Пекина свидетельствовала о том, что он предпочитал ослабить военное присутствие РФ на Дальнем Востоке, оставить нас в невыгодном с точки зрения интересов обороны нашей страны положении относительно любых возможных локальных угроз в этом регионе.

Здесь можно также вспомнить о том, что Пекин требовал сокращения наших вооруженных сил, ослабления нашей оборонной мощи на Востоке именно в то время, когда на Западе для нашей страны возникали новые вопросы в связи с расширением НАТО в восточном направлении и необходимостью урегулировать взаимоотношения в этой области с США и их союзниками по НАТО. Иначе говоря, Пекин действовал таким образом, что наша страна опять (как и во времена Мао Цзэдуна) ощущала, что у нее есть заботы в сфере обеспечения своей безопасности и обороны одновременно и на Востоке и на Западе. Это никак не походило на оказание нам поддержки с Востока, со стороны КНР в условиях, когда у нас возникли проблемы с НАТО на Западе.

Попутно нельзя не упомянуть, что это происходило в то время, когда у РФ возникла необходимость создать мощную группировку своих вооруженных сил для того, чтобы покончить с международными террористами, окопавшимися в Чечне и готовившими агрессию против других субъектов федерации в нашей стране. (Возможно, это кому-то покажется странным, но представляется уместным еще раз напомнить о том, что в это время в Пекине на премьере нового спектакля под названием «Безжизненная пустыня», в котором рассказывалось о том, как монгольские торгоуты или калмыки в конце XVII в. были вынуждены, спасаясь от притеснений со стороны русских, бежать из России «на родину», в Китай, присутствовал Цзян Цзэминь, а в КНР такого рода посещения всегда имели политический смысл.)

Итак, представители Москвы предпринимали попытки показать, что обеим сторонам целесообразно думать о будущем, когда сильные армии РФ и КНР в Северо-Восточной Азии могут содействовать поддержанию стабильности в регионе, а Пекин продолжал добиваться от России согласия на вполне определенное ограничение вооружений и сокращение военных сил в стокилометровой зоне вдоль границ РФ и КНР на Дальнем Востоке. Т.е. все еще добивался изменения неблагоприятного, с его точки зрения, соотношения военных сил между нашими странами в этом регионе. Нельзя исключать и того, что Пекин видел в этом «козырь» в своей игре с Вашингтоном.

Москва в ходе переговоров продолжала повторять, что существуют долгосрочные программы сотрудничества в военно-технической области, в ядерной энергетике, программы пилотируемых космических полетов и строительства нефтепроводов и газопроводов. Безопасность границ должна обеспечиваться, в том числе, заинтересованностью в разделении труда.

Когда в конце 1996 г. казалось, что работа над документом о сокращении вооруженных сил близка к завершению, Пекин выдвинул новое требование: на «непредвиденный случай» он хотел бы иметь возможность увеличивать численность войск и вооружений именно в этой стокилометровой полосе вдоль границы. Следует иметь в виду, что в трехстах километрах расположены основные силы большого Шэньянского военного округа, имеются хорошие коммуникации, позволяющие быстро достичь границы. Некоторые московские дипломаты, по инерции и уже по привычке защищая интересы Пекина, как и во многих других случаях, говорили, что у КНР есть основания ставить вопрос так. Слишком велика разница в пределах стокилометровой зоны: численность наших войск в 4—5 раз больше, а по бронированным машинам цифры несопоставимы: у нас тысячи, у них — единицы.

Иначе говоря, некоторые наши дипломаты были готовы пойти и на эти требования Пекина. Причем они ставили вопрос таким образом, словно в их головах не было даже сомнений относительно возможного военного противостояния или даже войны между РФ и КНР в этой стокилометровой зоне. Во всяком случае, они полагали, что Пекин прав, желая, в

том случае, когда он сочтет это необходимым, усилить свое военное присутствие в стокилометровой зоне.

Другие наши эксперты в ходе переговоров отвергали аргументы Пекина относительно возможности возникновения непредвиденных ситуаций. Где? В России? В КНР? В мире? Пекин же в ответ говорил о «теоретической возможности наращивания вооружений». Говорилось также о том, что имеется в виду ситуация в самой КНР. Но ведь речь шла о практически малонаселенных районах Северо-Восточного Китая. Собирались там подавлять бунты в приграничных районах? Нет, это отрывка все тех же чисто военных планов и настроений. Нельзя исключать и того, что в Пекине имели в виду возможность быстро и активно действовать, применяя достаточные, с точки зрения КНР, военные силы, в том случае, если в приграничных районах России могли бы появиться вооруженные силы третьей стороны.

В проекте соглашения имелся пункт о «неясных ситуациях». Допустим, разведка донесла, что в зоне действия договора появилась некая дивизия. Что это? Передислокация? Маневры? Если ответа на запрос не последует, можно прислать инспекцию разобраться. Таким образом есть механизм успокоения озабоченных. Такой подход делегации Пекина на переговорах к ситуации в двусторонних отношениях с нами свидетельствовал отнюдь не о том, что в КНР смотрели на Россию как на партнера, с которым находятся в сердечных отношениях. Тем более что у нашей стороны и в мыслях не было подобных предложений.

В связи с подготовкой соглашения о сокращении военных сил на границе некоторые эксперты из средств массовой информации полагали, что согласие партнеров сначала подписать документ по мерам доверия в районе границы, а потом детально заняться сокращением вооружений и военных сил доказывало зрелость наших отношений. [7]

Представляется, что это далеко не так. Наша сторона была вынуждена подписать эти соглашения. При этом она до последнего пыталась оттянуть подписание соглашения о сокращении военных сил в районе границы. Поэтому сначала пришлось подписать соглашение о мерах доверия. В ходе всех этих многолетних переговоров руководители нашей страны, прежде всего М.С.Горбачев, а затем и Б.Н.Ельцин, исходили из того, что нужно в этом идти навстречу Пекину, уступать его требованиям ради мира и спокойствия на границе. Здесь ситуация, в перевернутом виде, напоминала толкование в Пекине согласия Мао Цзэдуна подписать в Москве в 1950 г. известный Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР; Мао Цзэдун, как разъясняли в Пекине, тогда был вынужден пойти на это ради мира и спокойствия на протяженной северной границе.

Просочившиеся в печать детали переговоров относительно соглашения о сокращении военных сил на границе свидетельствовали о том, что до последнего момента со стороны Пекина предпринимались попытки оставить себе максимально возможную свободу рук даже в упомянутой зоне. На самом же деле все это лишь показывает, что подходы Мао Цзэдуна к вопросам двусторонних отношений с нашей страной были безумны, а ныне приходится шаг за шагом убирать оставленные им завалы. Москва стремилась ставить отношения на твердую почву. Пекину приходилось следовать по этому пути, хотя и медленно, зигзагами.

Соглашение о сокращении военных сил на границе было подписано Президентом РФ и Председателем КНР, президентами Казахстана, Киргизии и Таджикистана 24 апреля 1997 г. во время визита Цзян Цзэминя в Москву.

Стороны согласовали уровни сокращения вооруженных сил. Некоторые российские дипломаты подчеркивали, что «вакуума в приграничье не будет». Наши вооруженные силы будут присутствовать там в масштабе, необходимом для обеспечения нашей безопасности и обороноспособности.

В связи с этим резонно возникал вопрос: значит, Пекин был прав? Или эти российские дипломаты согласны с утверждением КНР, будто раньше в этой зоне российских войск было слишком много? Важным в этой связи представляется и иное: еще раз проявилась тенденция дипломатов из МИД РФ, постоянно и почти исключительно

выступать, особенно когда они говорили, обращаясь к народу нашей страны, с позиций разъяснения правоты Пекина, с позиций защиты интересов исключительно КНР, с позиции адвокатов Пекина, а не дипломатов Москвы.

Инициативу в ускорении подписания соглашения Пекин проявил в ноябре 1996 г. Иными словами, все здесь зависело от активности Пекина. Он первым поставил вопрос о необходимости сокращения вооруженных сил, он навязывал свои изначально совершенно неприемлемые уровни сокращения и его параметры. Он же решал в конечном счете вопрос о том, до каких цифр можно пойти при подготовке окончательного текста соглашения. Иными словами, данное соглашение — это продукт активной дипломатии Пекина и посильного или возможного сопротивления нашей дипломатии, которая пошла или была вынуждена пойти на крупные уступки, согласившись в принципе с выработкой такого соглашения и допустив его подписание.

В средствах массовой информации, которые часто повторяли тезисы, которые им предлагал МИД РФ, высказывалось мнение о том, что Россия должна быть «благодарна» Пекину за то, что он «все-таки согласился» на «значительные уступки» и пошел на подписание соглашения о сокращении военных сил на границе, не слишком ущемляющего, по сути дела, военный потенциал РФ. При этом предполагали, что Пекин учел поставки из РФ в КНР новейшего вооружения, которое перекрывает по своему потенциалу намечаемую к сокращению часть вооруженных сил. Некоторые наблюдатели даже утверждали, что Пекину это нужно для подтверждения своего миролюбивого облика. [8].

Из этих заявлений следовало, что некоторые работники наших средств массовой информации теряли достоинство, дезориентировали читателей. Более того, они проявляли трогательную заботу о том, чтобы не пострадала обороноспособность КНР, ни словом не упоминая в данном случае об обороноспособности своей страны. Газета «Известия» 15 апреля 1997 г. сообщила, что на фоне расширения НАТО, после семи лет сложных переговоров военным и дипломатам наконец-то удалось подготовить «Соглашение между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и КНР о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границ». В соответствии с соглашением стороны берут на себя обязательство резко сократить свои войска в стокилометровой зоне по обеим сторонам границы...

А КНР решила вообще не иметь здесь никаких своих войск, кроме пограничников. Четырем странам СНГ установлены следующие квоты: по личному составу — 130 тысяч человек (из них 120 тысяч российских), по танкам — 3900 единиц, по бронированным боевым машинам — 5800, по артиллерии — 4500, по боевым самолетам — 290 и вертолетам — 434. «Известия» писали, очевидно основываясь на аргументации, которую предлагали московские дипломаты, заинтересованные в том, чтобы и в Кремле и в Чжуннаньхае на них смотрели благосклонно, что такие сокращения России практически ничего не будут стоить: у нее сейчас на указанных рубежах войск меньше, чем зафиксировано в квоте [9].

Судя по этим цифрам, России разрешалось иметь по 17—18 военнослужащих в стокилометровой приграничной зоне на каждый из 7500 км границы или на каждые сто квадратных километров границы в приграничной полосе. Иначе говоря, если бы эти военные только несли охрану линии госграницы, разделившись на три смены, то один пограничный страж приходился бы на 200 метров границы. Один танк России разрешено иметь на два с половиной километра границы. Совершенно очевидно, что ни о каком стратегическом значении российских вооруженных сил в регионе, скажем нашего Дальнего Востока, при новых «пекинских» условиях говорить просто не приходится. И граница и приграничье остаются оголенными.

Одним словом, начав в 1969 г. пограничную войну против нашей страны, Мао Цзэдун и его последователи добились от нашей стороны не только первых уступок при определении прохождения пограничной линии, но и фактически сокращения до минимальных размеров численности наших войск и их вооружений, в частности, в тех районах, которые в КНР считают спорными. Они также заставили нас согласиться на инспектирование нашей

территории в этой стокилометровой зоне китайскими военнослужащими в тех случаях, когда Пекин пожелает это сделать. Целая стокилометровая полоса вдоль всей линии российско-китайской границы попала таким образом под некий контроль со стороны Пекина. Его военные инспекторы получили право в определенных случаях оказываться на нашей земле и наблюдать за тем, как Россия соблюдает навязанные ей условия сокращения наших военных сил.

Фактически все это было сделано по одностороннему настоянию Пекина и, с нашей точки зрения, не нужно нашей стране.

Средства массовой информации сообщали, что в октябре 1999 г. во Владивосток прибыла инспекционная группа китайских военных. Они проверят выполнение межправительственного соглашения об отводе части российских войск Дальневосточного военного округа за стокилометровую зону. Договоренность о демилитаризации была достигнута на саммите «Шанхайской пятерки», в которую кроме КНР и РФ входят Казахстан, Киргизия и Таджикистан, — сообщила наша печать [10].

Визит Цзян Цзэминя в РФ в 1997 г.

В апреле 1997 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Москву с официальным визитом.

К этому времени в Москве, Пекине и Вашингтоне в основном уже выработали общее направление своей внешней политики после краха СССР. Ситуация в мире претерпела важные изменения. Когда существовал Советский Союз, имело место известное противостояние между Москвой и Вашингтоном. Оно определяло в основном их двусторонние отношения и в значительной степени политику других стран, в том числе и КНР.

С исчезновением Советского Союза как бы испарился один из существовавших на протяжении десятилетий центров противостояния с США в глобальных масштабах. Более того, основной наследник территории и населения Советского Союза, Российская Федерация, обрела новую Конституцию в результате чего исчезли идеологические предпосылки к противостоянию нашей страны и Америки. Совокупная мощь РФ слабее мощи СССР. Однако РФ, обладая ядерным оружием, другими видами вооружений, большой армией, все равно представляет собой такую военную державу, с которой приходится считаться всем государствам, в том числе и США. У РФ сохраняется известный экономический потенциал, при определенных условиях имеются и перспективы экономического роста. Одним словом, наша страна перестала быть основным оппонентом США в «холодной войне» и в то же время продолжает оставаться державой, с которой нельзя не считаться в большинстве случаев, когда речь заходит о проблемах мировой политики.

Если говорить о нашей стране и США, то после распада Советского Союза на первый план вышли соотношение реальных сил и жизненных национальных интересов наших двух государств. Это касается и ситуации в мире. С годами стало ясно, что у Москвы и Вашингтона имеются и совпадающие и различные представления о своих интересах и путях их согласования.

Вхождения России, нынешней РФ, на равных в сообщество государств Запада, особенно в военном плане, не произошло. Этому препятствуют, в частности, прежде всего позиция наших западных партнеров, которые до сих пор не желают вести с нами дела в этой области, как говорится, «на равных». Играет в этом роль и очевидная самодостаточность России, ее реальная комплексная мощь и ее национальное самосознание, ибо все это побуждает нашу страну, оставаясь одной из неотъемлемых составных частей нашего мира, быть своеобразной и независимой, самостоятельной единицей.

С точки зрения национальных интересов нашей страны и ее реальной мощи как в настоящее время, так и в перспективе основной подход, которым нам, очевидно, целесообразно руководствоваться в мировых делах, состоит в утверждении принципа единства и многообразия нашего мира. Россия в этом случае видит себя частью единого мирового организма и в то же время полагает, что сей организм составлен из равноправных наций, всех наций, входящих в мировое сообщество, каждая из которых отличается своеобразием.

Во второй половине 1990-х гг. Москве было трудно находить общий язык со своими партнерами, особенно на Западе, в связи с неясностью перспектив развития внутривнутриполитической ситуации в нашей стране, а также — в связи с еще остававшейся, хотя и не преобладавшей вероятностью перехода всей полноты власти к силам, которые стремились восстановить советскую власть, советское государство со всей его внутренней и внешней политикой.

Именно в связи с этим, но не только, в США, в Японии, в странах Европы существует недоверие к политике Москвы. В частности, это проявляется в отношении этих стран к вопросу об увеличении числа членов военной организации НАТО. Хотя нужно задуматься и над тем, что очень непростым оказался вопрос о согласовании уже не идеологических интересов и политики Москвы во времена СССР, а национальных интересов России, с одной стороны, и ее партнеров в упомянутых странах.

Отношения нашей страны с Америкой и Европой особенно обострились в связи с демонстрацией Западом намерения расширять состав военной организации НАТО, приближения ее к границам России. При этом в Москве увидели и намерения оставить нашу страну как одну изолированную военную единицу, включив в состав военной организации НАТО и некоторые государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, не говоря уже о странах Восточной Европы. Иначе говоря, стала вырисовываться перспектива нового противостояния «всего Запада» с современной Россией.

В этой ситуации в Москве сочли необходимым обострить вопрос о «продвижении НАТО на восток», сделав его практически центральным в своих отношениях с Западом. Правда, Москва не оставляла усилий с целью развития нормальных экономических и других отношений со странами Запада.

В создавшейся ситуации, с точки зрения Президента РФ, стала актуальной задача искать «прикрытие на Востоке» в противовес обострившимся отношениям с Западом, и, в частности, поддерживать и развивать добрососедские отношения с КНР. Имелось в виду, что необходимо справиться с трудным наследством, оставленным периодом советско-китайских отношений, а именно преодолеть рецидивы ненормальной ситуации в отношениях, конфронтации, даже военного противостояния двух сторон. Встала задача освободить двусторонние отношения с Пекином от взаимного недоверия, во всяком случае сделать все возможное, дабы продемонстрировать с нашей стороны такое желание.

При этом в МИД РФ иной раз прибегали и к постановке публично перед представителями средств массовой информации как бы риторических вопросов: «Для чего нам вступать в НАТО? Не в союз же против Китая?» С точки зрения Москвы было целесообразно дать понять Вашингтону, что РФ может вместе с КНР возражать против диктата Запада в мировых делах. Такой видели ситуацию и Президент РФ Б.Н.Ельцин и министр иностранных дел Е.М.Примаков.

Итак, в Москве представлялось важным найти такие формы двустороннего сотрудничества с КНР, которые помогли бы сбалансировать и отношения Москвы со странами Запада. Одним словом, президент Б.Н.Ельцин взял курс на то, чтобы создать с Пекином такую структуру отношений, при которой Запад не имел бы возможности надеяться на использование некоей слабости в положении России на мировой арене, не мог бы спекулировать на постоянном давлении, которое испытывает Россия со стороны континентального Китая. Б.Н.Ельцин хотел одновременно и снять это давление и укрепить свои позиции перед лицом нажима со стороны Запада.

В Пекине также произошло переосмысление подхода к ситуации на мировой арене и структуры отношений между государствами в мире.

Прежде всего, Пекин после распада СССР объективно оказался единственным центром силы, в определенном смысле противостоящим США, причем и в сфере идеологии, и в области политики, и даже в военном отношении. Иначе говоря, с распадом СССР завершилась советско-американская «холодная война», а пекинско-вашингтонская «холодная война» в изменившихся формах все-таки продолжалась. Конечно, речь не шла о начале военных действий, но о жесткой конкуренции по ряду существенных, прежде всего экономических, но и не только экономических, вопросов.

Пекин ощутил необходимость так изменить характер отношений с нашей страной, а точнее, так построить отношения с нашим новым государством, с Российской Федерацией, чтобы они послужили надежным тылом в его отношениях с Вашингтоном. Во всяком случае, Пекин был заинтересован в том, чтобы не только не продолжать в той или иной форме противостояние с нашей страной, но даже не просто поддерживать обычные, как бы неподвижные, двусторонние отношения с Москвой, а сделать эти отношения в определенном смысле, прежде всего в области мировой политики, активными.

Так возникла взаимная заинтересованность Москвы и Пекина в том, чтобы снять остатки военного и прочего противостояния в двусторонних отношениях и, более того, выступить на мировой арене в качестве двух сильных мировых держав, которые не только отдельно и самостоятельно ведут дела с США, с Западом, но и не позволяют никому играть на противоречиях между ними и даже демонстрируют некий единый подход к мировым проблемам в противовес стремлению кого бы то ни было навязывать только свою волю при решении мировых проблем.

Думается, что именно таким был в принципе подход Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя к двусторонним отношениям в начале 1997 года. Конечно, тут были и скрытые, но существовавшие моменты, портившие картину безоблачного неба над Москвой и Пекином.

Дело в том, что намерения укреплять или подкреплять позиции друг друга на мировой арене не могли основываться на серьезном экономическом сотрудничестве. Россия не могла оказать экономическую помощь КНР. КНР не могла оказать экономическую помощь России. Более того, сложным оставался вопрос о соотношении политических настроений в Москве и в Пекине. Здесь общих пунктов было немного.

Хотя в Москве заговорили не просто о рыночной экономике, а о социально ориентированной рыночной экономике, в чем можно было при желании найти сближение между столицами РФ и КНР по социально-экономическим вопросам, однако продолжали существовать разногласия по вопросу о демократических принципах, о демократии внутри каждого из наших двух государств. Это происходило в ситуации, когда имели место и связи между коммунистическими партиями обеих стран. Все это усложняло обстановку, но не мешало Б.Н.Ельцину и Цзян Цзэминю делать шаги на пути развития отношений.

И 22—26 апреля 1997 г. в Москве состоялась четвертая по счету встреча Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина и Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя.

По форме это было еще одно звено в истории наших двусторонних отношений, очередной шаг на пути их развития. По существу это стало своеобразным подведением итогов начального периода двусторонних отношений Москвы и Пекина после появления Российской Федерации как независимого государства. Встреча отразила переход наших двусторонних отношений на их следующую, вторую по счету, ступень.

В ходе визита были подписаны документы, которые отвечали не только тактическим, но и стратегически, представлениям сторон об истории, современном состоянии и о будущем наших двусторонних отношений.

Регулярные встречи высших руководителей — одна из характерных особенностей двусторонних отношений РФ и КНР. Это вызывается положением внутри каждой из стран и ситуацией на мировой арене.

РФ в своем переходном состоянии нуждается в мире, в добрососедских отношениях с КНР, в сохранении своих позиций в качестве мировой державы. КНР заинтересована в поддержании стабильных отношений со своими соседями на севере и северо-западе, прежде всего с РФ, в устойчивости своего положения в мире.

В конце 1990-х гг. РФ и КНР объединяли, возможно, прежде всего, общие интересы на мировой арене. Очередная встреча на высшем уровне отвечала потребностям обеих стран, обоим лидерам, хотя в большей степени потребностям Цзян Цзэминя.

Во время встречи, 23 апреля 1997 г., Президент России и Председатель КНР подписали совместную российско-китайскую декларацию, текст которой приводится ниже:

Российско-китайская совместная декларация
о многополярном мире и формировании
нового международного порядка

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (ниже именуемые Сторонами), исходя из развития отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, из ответственности перед мировым сообществом, которую они несут как постоянные члены Совета Безопасности ООН, а также из совпадающих подходов к крупным международным проблемам, заявляют о нижеследующем.

1. Стороны в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установления нового международного порядка.

Стороны считают, что в конце XX в. в международных отношениях произошли глубокие перемены. Закончилась «холодная война». Исчезла биполярная система. Ускоренно развивается позитивная тенденция формирования многополярного мира, меняются взаимоотношения между крупными государствами, в том числе между бывшими противниками в «холодной войне».

Значительную жизнеспособность проявляют региональные организации экономического сотрудничества. Утверждается многообразие политического, экономического и культурного развития всех стран, растет роль сил, выступающих за мир и широкое международное сотрудничество. Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты. Построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития.

2. Стороны выступают за то, чтобы взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права стали фундаментальной нормой ведения межгосударственных отношений и основой для создания нового международного порядка.

Каждое государство имеет право, исходя из своих национальных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологии, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений.

Все страны, будь то большие или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна

стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела.

Стороны полагают, что отказ от дискриминационной политики и практики в экономических отношениях, укрепление и расширение на равноправной и взаимовыгодной основе торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных обменов и сотрудничества будут способствовать совместному развитию и процветанию.

3. Стороны выступают за утверждение новой, имеющей всеобъемлющее значение концепции безопасности. Они считают, что необходимо покончить с менталитетом «холодной войны», выступают против блоковой политики. Необходимо мирными способами урегулировать разногласия и споры между странами, не применять силу и не угрожать ее применением, путем диалога и консультаций содействовать установлению взаимопонимания и доверия, через двусторонние и многосторонние координацию и сотрудничество стремиться к миру и безопасности.

Стороны рассматривают Содружество Независимых Государств как важный фактор стабильности и развития в Евразии. Они подчеркивают, что Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы, а также Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы имеют важное значение и могут служить моделью достижения регионального мира, безопасности и стабильности после окончания «холодной войны».

Стороны намерены содействовать процессу разоружения, подчеркивают важность подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и выполнения Договора о нераспространении ядерного оружия. Стороны выражают озабоченность по поводу попыток расширения и усиления военных блоков, поскольку эта тенденция может вызвать угрозу безопасности отдельных стран, нагнетание напряженности в региональном и глобальном масштабе.

4. Стороны единодушны в том, что необходимо усилить роль ООН и ее Совета Безопасности, позитивно оценивают усилия ООН по поддержанию мира и безопасности во всем мире. Они считают, что место и роль ООН в мире, как наиболее универсальной и авторитетной организации, состоящей из суверенных государств, не могут быть подменены никакой другой международной организацией. Стороны выражают уверенность в том, что ООН сыграет важную роль в установлении и поддержании нового международного порядка. В миротворческих усилиях ООН акцент должен быть сделан на предотвращении возникновения конфликтов и их разрастания. Миротворческие операции могут проводиться только по решению СБ ООН и только с согласия заинтересованных стран, в строгом соответствии с выданным мандатом Совета Безопасности и под его контролем.

В тех случаях, когда Совет Безопасности ООН в соответствии с Уставом выносит решение о применении санкций, ущерб от их введения, как и ущерб для третьих стран и соседних регионов, должен быть сведен к минимуму. Сами же санкции необходимо своевременно смягчать и отменять по мере выполнения резолюций Совета Безопасности ООН.

Стороны выражают готовность тесно сотрудничать с ООН и ее специализированными учреждениями, прилагать усилия для повышения эффективности работы ООН. Стороны намерены вести регулярные консультации по соответствующим вопросам работы ООН и с учетом обстоятельств координировать свои действия в этой области.

5. Стороны подчеркивают, что широкие круги развивающихся стран и Движение неприсоединения являются важной силой, способствующей формированию многополярного мира и становлению нового международного порядка. Усиливается взаимодействие развивающихся стран. Повышается их роль в международной политике, увеличивается их доля в мировой экономике. Подъем развивающихся стран придаст мощный импульс историческому процессу становления нового международного порядка. В будущем новом

международном порядке эти страны должны по праву занять подобающее им место, равноправно и без какой-либо дискриминации участвовать в международных делах.

6. Стороны с удовлетворением отмечают, что установление и развитие российско-китайских отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, идет в ногу с развитием международной ситуации и международных отношений после «холодной войны», полностью отвечает коренным интересам народов двух стран и способствует миру и безопасности в АТР и во всем мире.

Россия и Китай, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, придерживаясь принципов партнерства, добрососедства и дружбы, равноправия и доверия, взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития, строго соблюдая принципы международного права, утверждают долговременные межгосударственные отношения нового типа, не направленные против третьих стран. Это — важный практический опыт для установления нового международного порядка.

Стороны намерены активно использовать и укреплять сформировавшуюся систему контактов на высшем и высоком уровнях. Главы государств, главы правительств и министры иностранных дел двух стран проводят регулярный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и важным международным проблемам.

Стороны, руководствуясь чувством исторической ответственности за мир и развитие во всем мире и будущее человечества, укрепляют координацию и сотрудничество в международных делах. Обе страны прилагают усилия для дружественного сосуществования и равноправного сотрудничества со всеми другими государствами, вносят свой достойный вклад в дело укрепления мира во всем мире и совместного прогресса человечества.

7. Человечество вступает в новую эру. Вопрос о том, в каком международном порядке будут жить люди в следующем столетии, все острее встает перед народами всех стран. Стороны призывают все страны развернуть активный диалог по вопросу о строительстве мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка и готовы к совместному обсуждению любых выдвигаемых в этой связи конструктивных предложений.

За Российскую Федерацию
Президент РФ
Б.Н.Ельцин

За Китайскую Народную Республику
Председатель КНР
Цзян Цзэминь

Москва, 23 апреля 1997 года [11].

Итак, главное содержание встречи — подписание совместной декларации о «справедливом и рациональном новом международном порядке» (слова Цзян Цзэминя, идея Дэн Сяопина). Россия стремилась гарантировать свой тыл, особенно в условиях обострения (реального или даже внешнего) отношений на Западе. Соглашение могло вместе с тем усилить напряженность в отношениях РФ с США и другими странами, которые воспринимали этот шаг Москвы как свидетельство влияния в нашей стране политических сил, близких к прежней политической системе.

Пекин в свою очередь продолжал осуществлять свою стратегическую линию, укреплял позиции в мире. Для него было также важно обеспечить надежный тыл в условиях, когда внутри страны после ухода из жизни Дэн Сяопина могли начаться неурядицы, а США и другие страны были способны усилить нажим на континентальный Китай. Одновременно со стороны Пекина это было продолжение борьбы против «незаконных претензий на мировое лидерство» или «гегемонизма», в данном случае США. Наша страна при этом оказывалась фактически на стороне одной из двух противостоявших друг другу мировых сил. Хотя в документе речь шла о многополюсности, но на деле под прикрытием этого

термина снова проводилась мысль о делении государств на два лагеря. Подталкивая нас на конфронтацию с США, Пекин не вставал рядом с РФ, когда она, как это ей представлялось, защищала свои интересы перед лицом США и НАТО.

В целом совместная декларация 1997 года отвечала близлежащим интересам лидеров обоих наших государств, но могла развести наши страны в будущем.

В информационном сообщении о визите Цзян Цзэминя в Москву содержалось утверждение о том, что нынешний характер отношений РФ и КНР — это модель межгосударственных отношений в постконфронтационную эпоху. В этом же сообщении говорилось, что, благодаря совместным усилиям, наметилась перспектива завершения на основе взаимоприемлемых развязок демаркационных работ на российско-китайской границе, что явится важной предпосылкой превращения границы между двумя странами в полосу мира, добрососедства и сотрудничества.

Во время визита Цзян Цзэминя в Москву было также подписано соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Официальная оценка этого документа сводилась к следующим утверждениям:

«Уникальность этого крупного военно-политического документа состоит в том, что впервые пяти странам АТР удалось путем равноправных переговоров, преследовавших цель не ослабления друг друга, а создания на совместной границе спокойной и добрососедской обстановки, решить ряд острых проблем, относящихся к такой деликатной и чувствительной области, как национальная безопасность. Предусмотренные Соглашением взаимные сокращения вооруженных сил в стокилометровой зоне по обе стороны от линии границы не затрагивают необходимый с точки зрения обеспечения обороноспособности сторон потенциал, не наносят ущерба их безопасности.

Указанный документ наряду с подписанным в апреле 1996 г. в том же формате в Шанхае Соглашением о мерах доверия в военной области в районе границы означает создание в Азии беспрецедентной зоны мира и стабильности протяженностью в 7,5 тыс. км». (Из Информационного сообщения о государственном визите в РФ Председателя КНР Цзян Цзэминя.)

На самом же деле этот многострадальный документ оказался либо просто навязан, либо вынужденно необходим лидерам РФ, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Видимо, с их точки зрения, он представлял собой гарантию от возникновения в ближайшем будущем напряженности и конфликтов в районе границы. Документ закреплял связи РФ с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном.

Соглашение отражало исторически сложившуюся реальность, а именно тот факт, что упомянутые страны были заинтересованы в сохранении статус-кво, т.е. совместно охраняемой границы с КНР. При этом оставались нерешенными вопросы относительно территорий и границ, во всяком случае у РФ с КНР, у Казахстана с КНР и особенно у Таджикистана с КНР, так как Пекин не снял претензии на значительную часть Памира (28 тыс. кв. км таджикской территории, т.е. на «целую Албанию»). Окончательное юридическое решение вопросов о границах и территориях было впереди, предстояли сложные дипломатические переговоры.

Соглашение было подписано по настоянию Пекина. Сокращение вооруженных сил фактически касалось РФ, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. А вооруженные силы КНР, в целом превосходя совокупные военные силы упомянутых государств, дислоцируясь в глубине территории континентального Китая, за пределами стокилометровой зоны, могли быть переброшены к границе в сжатые сроки.

Требование сократить военные силы Пекин предъявил не только РФ, но и таким относительно малым по сравнению с КНР странам, как Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Очевидно, что это требование вытекало из того, что Пекин полагал эти страны имеющими слишком тесные отношения с Россией. Более того, Пекин возлагал на них часть ответственности за «военную угрозу» континентальному Китаю в прошлом, а также распространял на них известные территориальные претензии по выставившимся в течение

долгого времени «территориальным счетам». Соглашение предусматривало инспекцию китайскими военными наших вооружений и военных сил; выше уже сказано, что нам инспектировать по китайскую сторону границы в полосе 100 км было практически незачем, да у нас и не было такого желания; это было не наше предложение.

Соглашение о сокращении военных сил вдоль границы с КНР — это несправедливое и неравноправное для РФ, Казахстана, Киргизии, Таджикистана соглашение. Президенты этих государств, с одной стороны, были вынуждены подписать это соглашение, но, с другой стороны, взяли на себя в различных долях, причем преимущественно ответственным тут оказался Президент РФ, ответственность за подписание соглашения, несправедливого и неравноправного в отношении собственных стран и народов.

В ходе пребывания Цзян Цзэминя в Москве в апреле 1997 г. было объявлено о создании российско-китайского общественного Комитета мира, дружбы и развития XXI в., он был официально охарактеризован, как механизм активного подключения широких слоев российской и китайской общественности и деловых кругов к укреплению связей между двумя странами. Первое заседание комитета было намечено провести во второй половине 1997 г.

В принципе такой орган может содействовать, главным образом, развитию экономических связей, а также обмену мнениями и подготовке соответствующих решений правительств двух государств. Комитету предстояло искать взаимопонимание по вопросам культуры, морали, нравственности, развития дружеских связей. Непростое согласование экономических интересов обеих стран — тоже важная составная часть работы комитета. Руководителем комитета с российской стороны был назван А.И.Вольский.

В свое время, в середине 1950-х гг., Цзян Цзэминь стажировался на Московском автомобильном заводе имени Лихачева, выступая одновременно в качестве инженера и секретаря партийной организации китайских стажеров в Москве. А.И.Вольский был тогда инженером на том же заводе; говорили, что они познакомились в то время.

В ходе визита состоялась встреча Цзян Цзэминя с Председателем правительства РФ В.С. Черномырдиным. Отмечалось, что стороны вели подготовку ко второй регулярной встрече премьеров, намеченной на второй квартал 1997 г. в Пекине.

В двустороннем информационном сообщении о визите говорилось также о том, что при встречах Цзян Цзэминя с Председателем Совета Федерации Е.С.Строевым и Председателем Государственной Думы Г.Н.Селезневым состоялся конструктивный обмен мнениями по всему спектру российско-китайских отношений. Была высоко оценена роль парламентов двух стран в укреплении и развитии российско-китайского партнерства.

Находясь в Москве, Цзян Цзэминь выступил перед депутатами Государственной Думы. Текст его выступления был распространен в Думе под заголовком: «Совместными усилиями строить справедливый и рациональный новый международный порядок». При этом оратор исходил из деления мира на «богатый север» и «бедный юг».

Председатель КНР напомнил российским депутатам, что, с его точки зрения, «Китай в период Новой истории более ста лет был объектом агрессии и оскорбления со стороны ряда держав». Следовательно, интерпретация истории наших двусторонних отношений Цзян Цзэминем оставалась такой же, как и при Мао Цзэдуне и Дэн Сяопине, он исходил из того, что Россия — исторический, территориальный должник Китая, выступала в роли агрессора и угнетателя. Цзян Цзэминь ни словом не упомянул о взаимодействии, союзе, сотрудничестве наших двух стран в XX веке, не говоря уже о проявлениях боевой дружбы и оказании реальной экономической и иной помощи с нашей стороны континентальному Китаю.

Разъясняя свое отношение к тезису о развитии «отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в двадцать первом веке», Цзян Цзэминь подчеркнул, что связи Москвы и Пекина — это «не союзнические отношения», что они «не направлены против какой бы то ни было третьей страны и тем более не создают угрозу никакой другой стране». Вполне очевидно, что каждая

из сторон будет совершенно самостоятельно и отдельно решать проблемы в своих отношениях к третьими странами.

Что касается российско-китайской границы, то Цзян Цзэминь отметил, что «абсолютно большая часть ее участков зафиксирована в юридической форме, шаг за шагом получили и получают решение оставшиеся от истории вопросы о границе». Иными словами, Пекин добивается скорейшего завершения демаркации границы в соответствии с соглашениями 1991 и 1994 гг. В то же время, по мнению руководителей КНР, остаются от истории вопросы, которые ждут и требуют решения. Предстоит также договориться о фиксации в юридической форме всей линии границы, чего стороны в настоящее время еще не достигли. В этом, в частности, разница в толковании ситуации в Москве и в Пекине.

Кроме Москвы, Цзян Цзэминь побывал в Тульской области. Председатель КНР провел фактически целый день в сопровождении ее губернатора В. Стародубцева. Цзян Цзэминь посетил также музей-усадьбу Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Цзян Цзэминь поблагодарил за прием и гостеприимство. Президенту РФ Б.Н. Ельцину было передано приглашение посетить КНР с государственным визитом, которое было с благодарностью принято, — говорилось в совместном информационном сообщении о визите Цзян Цзэминя в нашу страну. Президент РФ и Председатель КНР встречались при подписании упомянутых декларации и соглашения 23 и 24 апреля; беседа между ними продолжалась около двух часов.

В ходе этого визита дипломатия КНР играла роль «ведущего», развивающего наступление, а дипломатия РФ оказалась в роли «ведомого», подчиняющегося чужой воле. Пекин подчинил встречу на высшем уровне в Москве в апреле 1997 г. продвижению к своим историческим и стратегическим целям.

Кстати, вслед за Б.Н. Ельциным примерно такой же документ с Цзян Цзэминем о многополярном мире подписал и Президент Франции Жак Ширак. Одновременно Париж и Пекин подписали соглашения, согласно которым Франция получала от КНР от полутора до двух миллиардов долларов, продавая континентальному Китаю свою авиационную технику. Таким образом цена подписи Президента Франции под упомянутым политическим документом составляла до двух миллиардов долларов. В связи с этим возникал вопрос: как же вели дело МИД РФ, ведомства внешней торговли и внешнеэкономических связей, посольство РФ в КНР и служба внешней разведки нашей страны, если подписание Президентом РФ с Председателем КНР договоренности об общей позиции по вопросу о многополярном мире и новом мировом порядке, в чем особенно был заинтересован Пекин, не сопровождалось подписанием экономических соглашений и контрактов, которые принесли бы нашей стране соответствующую экономическую выгоду? К сожалению, политические расчеты совершенно исключили из поля зрения Москвы в этот момент экономические соображения, экономические интересы РФ.

Визит Председателя КНР в РФ в апреле 1997 г. — это сигнал, который Москва и Пекин подали внешнему миру, демонстрируя свое обращение к мировым проблемам самого общего характера. В то же время встреча на высшем уровне в Москве показала, что РФ и КНР не могли найти пути решения сложных проблем на пути дальнейшего развития двусторонних, особенно экономических, отношений, и эти двусторонние отношения топтались на месте.

Представляется необходимым отдельно высказать некоторые соображения в связи с подписанной Президентом РФ Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэминем декларацией о многополюсном мире и о новом мировом порядке.

Суть документа состояла в утверждении, что обе стороны исходят из того, что в мире существует не один, а несколько полюсов, в частности одним из них является Россия, другим КНР; стороны также не желают мириться с попытками создавать однополюсный мир, т.е. считать, что в мире только одна страна, а именно США, служит единственным полюсом. Новый международный порядок или новый межгосударственный порядок, если точнее передать смысл этого термина в переводе его с китайского языка, предполагает

общность противодействия предполагаемым устремлениям США навязывать свое господство всем остальным нациям на земле.

Пекин был заинтересован в такого рода декларации по нескольким причинам. Он претендовал и со временем будет во все большей степени претендовать (если развитие внутривосточных и внутривосточных процессов в континентальном Китае не лишит его такой возможности) на роль главного противовеса США в сообществе наций (или — главного партнера США на Земле). Пекин добивался и будет продолжать добиваться равенства или, для начала, по крайней мере равенства с США при решении проблем мировой политики. Пекин нуждался в реальных и номинальных союзниках. Одним из них он хотел бы видеть Россию.

Далее, Пекин стремился к тому, чтобы сохранялись и усиливались противоречия между Москвой и Вашингтоном по политическим и экономическим вопросам. Такие осложнения отвечали бы его интересам. Пекин также стремился показать большинству государств мира, что он практически желал выйти на место представителя этих государств в их спорах с США. При этом Пекин будет подчеркивать, что даже Россия вынуждена пойти тут за Пекином.

Пекин продолжал проводить линию на своеобразную борьбу интернационального масштаба под лозунгом и на принципах нового интернационализма — против гегемонизма и однополюсности. Пекин выдвигал тезисы о многополюсности и о новом мировом порядке в качестве новой идеологии в сфере межгосударственных отношений, которые он хотел бы противопоставить сложившимся нормам международного права и представляющемуся разумным тезису о едином и неделимом мире, об общих интересах человечества, а также о равноправии и своеобразии всех членов мирового сообщества, всех Объединенных Наций, каждая из которых и представляет собой составную часть нашего единого и неделимого мира.

Москва пошла на принятие инициатив Пекина — на принятие тезиса о многополюсности в противовес однополюсности, о новом мировом порядке и о борьбе против гегемонизма — под воздействием различных обстоятельств. Прежде всего, здесь нашло свое отражение внутривосточное положение в нашей стране, а точнее, его понимание президентом Б.Н.Ельциным. Во второй половине 1990-х гг. Б.Н.Ельцин взял курс на принятие такой внешней политики, за которую ратовали оппозиционные силы, прежде всего КПРФ. Б.Н.Ельцин был заинтересован в том, чтобы в области внешней политики его позиция была неуязвима для критики со стороны упомянутых политических сил. Отсюда и курс на практическую конфронтацию с США и практический квазисоюз с Пекином.

По сути дела, КПК-КНР представляют собой после исчезновения такого государства, каким был СССР, идеологического противника США. В этом смысле продолжается то, что именовалось «холодной войной». Практически в мире существует идейное, политическое и своеобразное военное противостояние КНР и США.

Пекин в 1997 г. воспользовался ситуацией и подвел Москву к решению подписать документ, согласно которому в новой (или в продолжающейся) «холодной войне» между КНР и США Россия встала на сторону одного из противников — на сторону Пекина. При этом важно видеть, что на самом деле у России нет серьезных противоречий с США. Имеющиеся вопросы можно решать, не входя в конфронтацию с США и не вступая в союз с КНР, не следуя за КНР в их противостоянии с США.

Важно также, что КНР не окажет никакой помощи нашей стране. Она будет только подзуживать нас, толкать на обострение наших отношений с США, сама оставаясь от этого обострения в стороне.

В то же время ясно, что КНР и США в обозримом будущем не будут доводить свои отношения до степени реального столкновения.

Важно и то, что Москве и Пекину в апреле 1997 г. оказалось не о чем больше говорить. В двусторонних отношениях пока невозможно существенно продвинуться.

Обращение к вопросам мировой политики не сопровождалось экономической и финансовой помощью России со стороны КНР. Никаких капиталовложений ожидать со стороны КНР не приходилось.

Так Москва, уступая Пекину, ничего не получала, да еще и ухудшала свое положение по отношению и к Пекину и Вашингтону. Кстати сказать, в Вашингтоне еще больше утвердились в своем решении увеличить число членов военной организации НАТО после подписания Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэминем соглашения о новом мировом порядке и о многополюсности мира....

Поездка Цзян Цзэминя в США и визит Б.Н.Ельцина в КНР в 1997 г.

В конце 1997 г. состоялись один за другим государственные визиты Председателя КНР Цзян Цзэминя в США и Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР.

Лидеры России, Америки и Китая, исходя из понимания каждым из них международного положения, национальных интересов соответствующих стран и своих политических интересов в каждом из трех упомянутых государств, сочли необходимым сделать эти важные шаги по развитию связей между тремя державами. Собственно говоря, эти встречи «попарно» лидеров России и Китая, Америки и Китая отражали процесс формирования новой структуры международных отношений после исчезновения с политической карты мира такого государства, каким был СССР. Происходило упорядочение межгосударственных отношений; народы требовали стабильности на мировой арене, во всяком случае в отношениях между Москвой, Пекином и Вашингтоном. Лидеры откликались на эти требования народов.

В ходе визитов прозвучали слова о конструктивном стратегическом американо-китайском партнерстве, а также о доверительном характере российско-китайских отношений, в которых нет серьезных проблем. Были сделаны очередные шаги в области двусторонних связей, отвечавшие тенденциям мирового развития. Этого же требовали и национальные интересы каждой из трех стран.

Главный итог визитов состоял в том, что таким образом был продолжен процесс нормализации международных отношений, постепенного формирования их новой архитектуры, налаживания связей между государствами, каждое из которых играет важную роль на мировой арене и закрепляется на своем реальном месте в сообществе наций.

Все это также показывало необходимость признания приоритета согласования двусторонних и многосторонних интересов над умозрительными схемами борьбы, в частности против «гегемонизма». Пекин, выдвинувший этот лозунг, на практике стремился прежде всего к конструктивным отношениям стратегического партнерства с США, исходя, по всей вероятности, из того, что именно Китай и Америка могут играть в нашем и будущем мире особую, ведущую роль. Вашингтон, со своей стороны, выступил за диалог с Пекином, в том числе и на высшем уровне, полагая, что налаживание межгосударственных отношений с КНР отвечает долгосрочным национальным интересам США. Москва же предпринимала усилия с тем, чтобы в максимально возможной степени сохранить уровень и характер своих отношений и с Вашингтоном и с Пекином.

Развитие событий свидетельствовало и о том, что все четыре страны, составляющие «большую четверку стран Востока», или «Восточную четверку», т.е. США, Япония, КНР и РФ, испытывали необходимость в постоянных связях на уровне глав государств. Можно было ожидать активизации контактов между каждыми двумя из этих партнеров. Стороны имели намерения попарно согласовывать свои интересы, не вступая при этом в формальные и прямые союзы против любой из третьей страны. При этом возникала вероятность, что сложившиеся отношения, в том числе и договорного характера, продолжая играть свою роль, могут, учитывая новые реалии, отходить на второй план.

В нынешней ситуации РФ заинтересована в том, чтобы одновременно и параллельно развивать связи и с США, и с Японией, и с КНР, действуя при этом на основе неразрывно связанных между собой основных принципов своей внешней политики: мир, самостоятельность, равноправие. Для России важно не допускать противостояния с другими державами. Нашей стране не нужно противоборство ни с США, ни с Японией, ни с КНР.

Нам целесообразно также согласовывать с КНР наши позиции по вопросам двусторонних отношений в регионе и на мировой арене. При этом нельзя допускать нанесения ущерба нашим отношениям с третьими странами. Главным для России, если говорить о ее действиях на мировой арене, остается обеспечение мирных и стабильных условий для решения своих внутренних проблем. В том числе России необходимо добиться экономического процветания, которое и составит прочную основу для проведения внешней политики, отвечающей нашим национальным интересам.

Подводя итоги обмена визитами между Председателем КНР и Президентом США в 1997—1998 гг. (в 1998 г. в КНР приезжал У. Клинтон), необходимо, прежде всего, попытаться охарактеризовать внешнюю политику «новой эры» Цзян Цзэминя.

В Пекине все чаще начинает звучать обозначение времени правления Цзян Цзэминя как «новой эры». Словосочетание «новая эра» становится как бы девизом «царствования» нынешнего первого лица в континентальном Китае. Понятие «новой эры» включает в себя намерения добиться возрождения китайской нации, укрепления мощи и богатства китайского государства и обеспечения счастливой жизни для китайского народа. И все же главным синонимом «новой эры» выступает при этом понятие «возрождения Китая» или «возрождения нации чжунхуа».

Внешняя политика континентального Китая на рубеже XXI в. носит чрезвычайно персонифицированный характер. Она связывается с именем нынешнего Председателя КНР Цзян Цзэминя. Кстати сказать, первого из лидеров великих держав, который может говорить на всех трех языках — китайском, английском и русском. Дипломатия Пекина сегодня — это активная личная дипломатия на высшем уровне.

Она приобрела в настоящее время относительно устойчивый характер, сформировавшись на протяжении практически двух десятилетий реформ в современном Китае.

При этом произошел отход от внешнеполитической доктрины периода Мао Цзэдуна в ряде важных аспектов. Внешнюю политику в Пекине отделили от идеологии. Уже в середине 1980-х годов тогдашний глава правительства КНР Чжао Цзянь заявлял, что внешняя политика государства будет определяться, исходя не из идеологических соображений, а руководствуясь только национальными интересами страны. И сегодня внешней политике Пекина присущ упор на понятия нации и государства. Ушли в прошлое применительно к международным отношениям такие термины, как «пролетарский интернационализм», «классовая солидарность», «революция», «национально-освободительная борьба», «социализм и капитализм». (Случайно или не случайно, но во время XV съезда КПК в 1997 г. в центральной пекинской печати промелькнул термин «социал-империализм» в качестве характеристики политики бывшего СССР.) Ныне Пекин согласен быть в составе мирового сообщества и действовать как его полноправный член. Но при этом лидеры КНР подчеркивают свое недовольство существующим «мировым порядком» и предлагают изменить его.

Дипломатии Пекина, во всяком случае на протяжении последних десятилетий, всегда был присущ и присущ сегодня такой подход ко многим вопросам, чтобы неизменно оставлять себе пути отхода на запасные позиции в случае необходимости или неблагоприятного поворота событий.

На состоявшемся в сентябре 1997 г. XV съезде КПК генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь представил ряд положений, которые должны составлять основу внешней политики КНР. Остановимся на этих установках.

Тезисы Пекина о необходимости «нового мирового порядка» и о «многополярном мире» направлены на то, чтобы подчеркивать самостоятельность и независимость его внешней политики. Одновременно они демонстрируют поиск Пекином общей основы для взаимоотношений с другими странами. Эти тезисы выглядят как некое противодействие политике США. В то же время они, по сути дела, никак не сказываются на реальных отношениях с Вашингтоном, хотя и провоцируют своего рода противостояние с США тех партнеров Пекина на мировой арене, которые разделяют эти его установки, по крайней мере в совместных заявлениях.

Уместно отметить попутно, что Пекин продолжает придерживаться мнения о необходимости решения вопросов межгосударственных отношений не только исходя из норм международного права, но и по принципу «справедливости и рациональности». Это подразумевает, что некоторые, вполне определенные, проблемы должны в конечном счете решаться с учетом настроений нации. Можно вспомнить в связи с этим, что в связи с превращением Сянган (Гонконга) в часть КНР в Пекине звучали утверждения о приоритете воли китайского народа над несправедливыми и навязанными ему межгосударственными юридическими актами или договорами. Проще говоря, договоры, называемые в КНР «несправедливыми» и «неравноправными», могут и должны быть отменены под давлением воли китайской нации тогда, когда эта нация в достаточной степени усилится и когда для того или иного шага созреют условия.

Внешняя политика Пекина имеет сегодня глобально-стратегический характер. Вопросы регионального и двустороннего характера подчиняются глобально-стратегическим соображениям и планам. Основная цель этой политики — обеспечение условий для роста военного, политического и экономического потенциала КНР. Первой важнейшей особенностью этой внешней политики представляется оценка Пекином расстановки сил на планете и содействие их перегруппировке в интересах КНР.

При этом, по крайней мере на нынешнем этапе, выдвигается тезис о предпочтительности двусторонней дипломатии перед многосторонней, пусть даже лишь трехсторонней, т.е. о желании Пекина в известной степени обособлять свои двусторонние отношения с каждым из его партнеров от отношений того же Пекина с любым другим партнером. В Пекине ссылаются на богатый опыт в области двусторонних отношений и на отсутствие такого же опыта в многосторонней дипломатии. Представляется, однако, что в дальнейшем деятельность Пекина в сфере двусторонних отношений будет сопровождаться все более активными шагами в многосторонних межгосударственных отношениях.

В заявлениях лидеров КНР все большее хождение приобретает формулировка о стратегическом партнерстве. В понимании Пекина это, прежде всего, придание двусторонним отношениям со своими, по крайней мере, главными партнерами устойчивого, относительно долговременного, характера; упор на предпочтительность долгосрочных национальных интересов перед краткосрочными или менее долгосрочными интересами.

Пекин выдвигает также тезис о «важном и имеющем глубокий смысл урегулировании отношений между великими странами». Речь идет не только и не столько о подстраивании Пекина к существующей системе межгосударственных отношений или о встраивании КНР в эту систему, но и о вполне определенной перестройке всей этой структуры. Особенно там, где это касается главных мировых держав. Т.е. о реконструкции в перспективе ныне существующего порядка, включая так называемые «семерку», «восьмерку» и т.п.

В качестве своего главного партнера на мировой арене в континентальном Китае видят сегодня США. На рубеже XXI в. Пекин отвергает предположения о намерениях вести в той или иной форме «холодную войну» против США, продолжать линию на противостояние с ними. Вместо этого континентальный Китай говорит о поэтапном развитии отношений с США, о необходимости постоянного диалога в отношениях Пекина и

Вашингтона, об исключении противостояния между ними. А далее — конструктивных отношениях стратегического партнерства с Америкой. При этом упор делается на поиск точек соприкосновения по международным проблемам и на развитие важных областей экономического, а также военного сотрудничества.

Речь идет о здоровых стабильных отношениях с США при понимании общей ответственности за положение дел в мире. Сегодня Пекин явно удовлетворен тем, что он получает возможность впервые в истории выступить на равных с США, по крайней мере в заявлениях по ряду важных мировых проблем. И в этом заметно желание Пекина создать новую международную архитектуру, которая предполагала бы все-таки выделение новой «большой двойки»: Пекин—Вашингтон.

Одновременно Пекин, особенно в расчете на третьи страны, повторяет свой известный тезис о том, что его отношения с Вашингтоном имеют объективные ограничения, что они сдерживаются позицией США, которые никогда не пойдут на равноправные отношения с КНР. Пекин заявляет и о своей позиции по вопросам, которые вызывают разногласия между сторонами. В частности, по вопросу о «расширении военных блоков», что, несомненно, имеет в виду развитие отношений между США и Японией в военной области.

Сохраняется и установка Пекина на его противодействие «гегемонизму». Этот термин применяют в КНР, имея в виду исключительно политику США, которые, по мнению пекинских представителей, заявляющих это в беседах с партнерами из третьих стран, а также использующих этот термин внутри континентального Китая, не имеют разумных оснований претендовать на роль единственного лидера в современном мире.

Государственный визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в США состоялся 26 октября — 3 ноября 1997 г.

Предыдущий визит в США главы китайского государства, в то время Ли Сяньняня был за 12 лет до этого (1985 г.), т.е. в «золотые годы» реформ в КНР. Затем, после событий 1989 г., американцы резко осудили действия Пекина. В американо-китайских отношениях возникла напряженность. Однако с течением времени и в условиях по крайней мере внешней стабильности ситуации в КНР стратегические, да и тактические, практические интересы требовали развития двусторонних отношений; в мировой политике приходится иметь дело с тем государством, которое реально действует на мировой арене в тот или иной период истории.

Наконец в США было принято решение восстановить прямые связи с руководством КНР, исходя из представления о том, что вовлечение КНР в мировую политику в качестве активно участвующего в ней государства заставит Пекин ответственно относиться к своей политике и на мировой арене и внутри страны, считаться с нормами международного права и с мнением мирового сообщества наций. Американцы, очевидно, пришли и к выводу о том, что они смогут оказывать большее влияние и на ход событий внутри КНР при нормальных межгосударственных отношениях. Со своей стороны Пекин полагал, что без определенного взаимопонимания с Вашингтоном он не может сегодня играть нужную ему роль в мировой политике. К этому добавлялись надежды КНР на решение с помощью США ряда проблем экономического развития страны.

В итоге поездки Цзян Цзэминя, которая заняла больше недели, в результате переговоров между Председателем КНР и Президентом США, появилось совместное американо-китайское заявление, датированное 29 октября 1997 г. В этом документе отмечалось: «Между двумя руководителями состоялся глубокий и полезный обмен мнениями о международном положении, американо-китайских отношениях, а также о крупных возможностях и задачах, которые стоят перед двумя государствами. Они согласились с тем, что прочные и стабильные отношения между Соединенными Штатами и Китаем служат основным интересам как американского, так и китайского народа, и имеют важное значение для реализации их общей ответственности за мир и процветание в двадцать первом веке». Заявление демонстрировало, что Пекин и Вашингтон придают самое большое

значение именно своей глобальной роли, выделяя мировые проблемы как важнейшую часть их общей заинтересованности в поддержании и развитии двусторонних отношений.

Стороны подчеркнули, что между ними имеется только одно крупное разногласие: толкование вопроса о правах человека. Но более важной оказывалась общая заинтересованность США и КНР в решении многих глобальных проблем, начиная с поддержания мира и стабильности и кончая борьбой с наркобизнесом, международной организованной преступностью и терроризмом. При этом они выразили готовность сотрудничать практически во всех областях двусторонних отношений от экономики до развития обменов в военной области, что вызвало пристальное внимание наблюдателей, в частности в нашей стране.

По разным причинам внутреннего и международного характера и Президенту США У.Клинтону, и Председателю КНР Цзян Цзэминю представлялось необходимым вписать в свой актив новое значительное достижение в развитии американо-китайских отношений, показать, что именно они лично совершили новый прорыв в отношениях, причем прорыв, имеющий долговременное стратегическое значение. В связи с этим центральным положением совместного заявления и важнейшей договоренностью У.Клинтон и Цзян Цзэминя явилось выражение «стремления к созданию конструктивного стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Китаем», согласие «рассматривать американо-китайские отношения с точки зрения долговременной перспективы». И тому и другому лидеру хотелось, вероятно, чтобы в сознании людей в их странах осталось понятие «эпоха Клинтон — Цзян Цзэминя» в американо-китайских отношениях.

На фоне явного приоритета долговременных глобальных интересов выглядела уже как подчиненная этим стратегическим целям и проблема Тайваня, хотя стороны, возможно «в дежурном порядке», подчеркнули, что «от правильного решения этого вопроса» «будет зависеть прочность и стабильность китайско-американских отношений».

Тем не менее представляется, что во время визита Цзян Цзэминя в США в октябре—ноябре 1997 года стороны пришли к взаимопониманию, которое выражалось в заверениях Пекина не нарушать статус-кво применительно к положению в Тайваньском проливе и по обеим его берегам при том условии, что США не будут способствовать провозглашению на острове Тайвань нового независимого государства. Пекин и Вашингтон стремились в одно и то же время и сохранить эффективно действующий механизм ООН, особенно Совет Безопасности, и пойти навстречу своим важным партнерам по международным отношениям, допуская возможность расширения Совета Безопасности. Они не возражали и против перемен в формировании шкалы пропорциональных взносов в бюджет ООН, хотя при этом США хотели бы облегчить свое финансовое бремя и в то же время побудить КНР увеличить ее взносы в этот бюджет.

В последние годы сформировался общий подход Вашингтона и Пекина к решению проблем Корейского полуострова; во всяком случае, они согласились с тем, что здесь должен действовать механизм четырехсторонних переговоров (США, КНР, два корейских государства). При этом и Россия и Япония оставались за бортом.

Примечательно, что начинал просматриваться своего рода новый принцип подхода к региональным проблемам, при котором в решении вопросов участвовали непосредственно заинтересованные страны или участники регионального конфликта при третьей или арбитражной роли США и КНР; нельзя было исключать распространения такого принципа и на другие регионы планеты. Не случайно в совместном коммюнике непосредственно за упоминанием о Корейском полуострове говорилось о Ближнем Востоке, районе Персидского залива и Южной Азии. Именно участие в решении возникающих там проблем, в том числе имеющих «ядерный привкус», и отвечало, как было сказано в коммюнике, интересам обеих сторон.

Было сделано заявление о том, что отныне регулярные встречи на высшем уровне между лидерами США и КНР станут традиционными. Будет работать линия горячей связи, связывающая столицы обоих государств. КНР и США будут проводить консультации по

политическим и военным вопросам, а также по вопросам безопасности и контроля над вооружениями. Вашингтон и Пекин выразили также намерение сотрудничать в области энергетики и охраны окружающей среды.

В ходе американо-китайской встречи на высшем уровне прозвучали также декларации о намерениях предпринять позитивные и эффективные меры по расширению двусторонней торговли и экономических связей. Здесь, в частности, обе столицы были намерены вести дело к тому, чтобы КНР в кратчайшие сроки стала участником Соглашения по информационным технологиям. Вполне очевидно, что у каждой из сторон имелись свои цели, которые частично совпадали, но во многом расходились. Точно таким же образом, т.е. путем взаимных уступок и продвижения к компромиссу, стороны были намерены решать вопрос о вступлении КНР во Всемирную торговую организацию «на коммерчески разумной основе» и при условии значительного снижения тарифов.

США открыли возможности предоставления КНР технологии в области мирного использования ядерной энергии. Это — важная часть американо-китайской договоренности, которая могла сказаться и на состоянии и развитии связей КНР в этой области с другими странами, в том числе с РФ.

США и КНР договорились о некоторых совместных шагах, направленных на скорейшее введение в действие Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. При этом Пекин дал заверения, что к середине 1998 г. он введет «дальнейшие меры по укреплению контроля над экспортом материалов и технологий, которые могут быть использованы в военных целях». Пекин также обещал осуществлять государственный надзор над экспортом химической продукции. США и КНР подтвердили намерения не распространять ракетные технологии и осуществлять режим контроля над этими технологиями.

В целом в обмен на открытие возможностей для сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии, в чем, прежде всего, заинтересован Пекин, Вашингтон настоял на уступках со стороны КНР, которая согласилась связать себя рядом ограничений в области производства расщепляющихся материалов, применяемых в ядерных вооружениях. Обе стороны подтвердили свой «отказ от оказания любой помощи в создании ядерных объектов, не обеспеченных международными гарантиями, равно как и в осуществлении программ по созданию ядерных устройств». Сюда же можно отнести и упомянутые договоренности о надзоре за экспортом химической продукции и о нераспространении ракетных технологий.

В совместном заявлении стороны подтвердили свои намерения поддерживать и защищать права человека и основополагающие свободы. Несмотря на то что имеющиеся между двумя сторонами разногласия по вопросам прав человека до сих пор не разрешены, США и КНР согласились обсуждать их в рамках диалога; при этом предполагалось, что вопрос о правах человека будет обсужден на особом неправительственном форуме.

Вскоре после возвращения Цзян Цзэминя из США китайские власти предоставили возможность известному стороннику демократии в Китае Вэй Цзиншэну, который к тому времени провел в тюремном заключении 18 лет, выехать для лечения в Америку. Очевидно, Президент США ставил такого рода вопросы перед Председателем КНР; по некоторым из этих вопросов были найдены решения, которые по разным причинам устраивали и ту и другую сторону.

Важным и заслуживающим самого серьезного внимания представлялось решение возобновить контакты и связи между военными ведомствами обеих стран, предпринять шаги для укрепления связей и решения вопросов, которые «позволят морским и воздушным силам обоих государств избегать столкновений и происшествий».

Судя по тексту совместного заявления, можно было предполагать, что США и КНР планировали осуществление «имеющих практическое значение совместных проектов на основе изучения Земли из космоса». Сотрудничество в этой сфере могло начаться в скором времени.

Было найдено согласие и по вопросу о налаживании контактов между людьми обеих стран, которые могли помочь развитию долговременных двусторонних отношений. После этого можно было ожидать расширения обменов в области образования и культуры.

Очередным шагом в новой китайской политике У.Клинтон и в новой американской политике Цзян Цзэминя стал визит в КНР Президента США (25 июня — 3 июля 1998 года).

Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы придать этому событию как можно более громкое звучание в мире. Президент США провел в КНР девять дней. Он побывал в «обеих столицах», т.е. в Пекине и в Шанхае, посетил Сянган (Гонконг), вошедший в состав КНР в 1997 г., а также города Сиань на северо-западе и Гуйлинь на юго-западе Китая. Обмен мнениями между Цзян Цзэмином и У.Клинтоном транслировался по центральному телевидению КНР. Президент США получил возможность в прямом эфире ответить на вопросы жителей Шанхая.

Оба партнера, Цзян Цзэминь и У.Клинтон, нуждались в этом визите с точки зрения ближайшей перспективы прежде всего по внутривнутриполитическим соображениям, в то же время они стремились к выигрышу на мировой арене в долгосрочном плане. Подспудно и Вашингтон и Пекин проявляли желание продемонстрировать всему мировому сообществу особый характер своих нынешних и особенно будущих отношений. Был подписан ряд двусторонних документов. Весь мир мог убедиться в том, что обмен мнениями между главами двух государств стал регулярным.

Развитие американо-китайских отношений показывало, что нации и их лидеры отдавали приоритет перспективным стратегическим, если говорить об их временных рамках, отношениям друг с другом. Это означало, что обе столицы настроены в пользу сохранения и развития в будущем столетии отношений между американцами и китайцами как между двумя великими нациями, одна из которых обладает самым многочисленным населением, а другая — самым мощным в мире экономическим, военным и научно-техническим потенциалом. На этом фоне все остальные проблемы выглядели как более или менее второстепенные. Вполне очевидно, что межгосударственные отношения оказывались при этом в значительной степени отделены от вопросов нравственности, морали, тех или иных аспектов идеологии.

Стороны пришли к пониманию предпочтительности взаимного согласия в том, что между ними нет единства, скажем, в вопросе о правах человека. Это предполагало некоторые шаги или заявления с фиксацией или повторением принципиальных позиций, но не доводя дело до торможения процесса двусторонних отношений. Ныне каждая из наций защищена броней национального самосознания, каждая видит себя первой на Земле.

Пекин и Вашингтон сделали шаги, позволяющие уменьшить взаимные опасения: они подписали соглашение о ненацеливании друг на друга ракет с ядерными боеголовками. По словам Цзян Цзэминя, это показывало, что отныне КНР и США партнеры, а не противники.

КНР и США подтвердили, что они считают самым главным из своих противоречий вопрос о Тайване. Позиция Вашингтона отличалась при этом желанием угодить и Пекину и Тайбэю. У.Клинтон заявил, что США не поддерживают идею независимости Тайваня. Вместе с тем Вашингтон подтвердил свои обязательства защищать Тайвань в случае нападения на него, подтвердил верность Акту о взаимоотношениях с Тайванем. Вряд ли такая двойственность содействовала укреплению авторитета Клинтона в самих США. Она не сыграла положительной роли и в отношениях с Пекином. Свой протест заявил и Тайбэй. Тем не менее вполне очевидно, что даже вопрос о Тайване, по сути дела, не препятствует развитию китайско-американских связей.

Впервые в истории Америка и Китай сделали совместное заявление, касающееся третьих стран, причем без какой-либо просьбы о посредничестве со стороны этих стран: появилось совместное заявление по вопросу о положении в Южной Азии, в котором США и КНР подтвердили намерение тесно координировать свои действия с целью предупреждения нестабильности в этом регионе и в ответ на проведение Индией и Пакистаном ядерных испытаний. (Правительство Индии расценило это заявление как отражение гегемонистской

ментальности, присущее уходящей эпохе.) Пекин и Вашингтон выразили пожелание, чтобы Индия и Пакистан больше не проводили испытания ядерного оружия и подключились к уже существующей системе международных договоренностей об этом. Вполне очевидно, что и американцы и китайцы столкнулись здесь с новыми и очень серьезными вопросами, так как речь шла о согласовании интересов, по крайней мере, «четырёх миров»: американского, китайского, индийского и мусульманского (пакистанского). До взаимопонимания здесь еще очень далеко. Скорее всего, продвижение вперед возможно на основе признания новых реалий, а не при попытке вернуться во вчерашний день.

Цзян Цзэминь и У.Клинтон проявили заинтересованность в стабилизации финансового положения в Азии. При этом они выразили совместное пожелание, чтобы больше усилий предприняла Япония. Вряд ли такая позиция вызвала восторг в Токио. Скорее, это могло восприниматься как возникновение контуров неких новых отношений Вашингтона и Пекина, относящихся к Токио.

В ходе визита Президент США указывал на то, что главные расхождения между США и КНР — это разногласия в области торговли. Здесь ситуация характеризовалась, с одной стороны, взаимной заинтересованностью и, с другой стороны, жесткой конкурентной борьбой и выдвиганием взаимных претензий.

В общем и целом можно отметить, что развитие американо-китайских связей вызывало смешанные чувства в третьих странах. Безусловно одобряя стабильность в отношениях США и КНР, они испытывают опасения в связи с вероятностью появления «двойного гегемона».

На пути развития китайско-американских отношений есть, помимо прочих, и такая трудность, как весьма значительное расхождение между настроениями населения в обеих странах. В США это касается вопроса о правах человека, а в КНР находит свое выражение в новом или современном китайском национализме; молодые представители этого направления выступили, в частности, с книгой, которая носила весьма многозначительное название: «А все-таки Китай способен сказать (Соединенным Штатам. — Ю.Г.) свое решительное: «Нет!»

Внешняя политика «новой эры» или «эры процветания», «эры возрождения китайской нации» при Цзян Цзэмине представляет собой как бы некую театральную сцену, на которой в сложном сочетании и взаимодействии расположены декорации или элементы этой политики. С одной стороны, то, что имеет прочные основания в виде экономических, политических, военных интересов, причем во взаимодействии с подобными же интересами в зарубежных для КНР странах. С другой стороны, все то, что как бы подвешено, как бы парит в воздухе без всякой реальной основы, но в то же время производит сильное впечатление «на зрителей» — коллег или партнеров по внешнеполитической деятельности на мировой арене.

Система международных отношений в настоящее время, а в равной степени и предлагаемый Пекином новый мировой политический порядок на нашей планете, с точки зрения руководителей КПК-КНР, предполагает создание ряда сдерживающих факторов по отношению к политике США. В Пекине весьма важное значение придается взаимодействию с державами, которые способны создавать некий противовес действиям США, в первую очередь с Японией и с Россией, а далее с ведущими странами Западной Европы и с мусульманскими странами. Очевидно, что именно поэтому в континентальном Китае выдвигается тезис о «новых расслоениях и объединениях различных сил на мировой арене».

Пекин уделяет большое внимание идеологическому обеспечению своего внешнеполитического курса на основе, в частности, тезисам о национальном возрождении Китая как первостепенной по всем и прежде всего по своим военно-политическим параметрам мировой державы, и о патриотизме как проявлении уверенности в мощи потенциала китайской нации.

Во внешней политике Пекин делает расчет на сохранение мира для себя на десятилетия. В Пекине выдвинут тезис о «возможности избежать новой мировой войны на протяжении относительно длительного времени». Такая формулировка трактуется китайскими специалистами в сфере внешней политики как «более солидная и осторожная», нежели просто отрицание самой возможности мировой войны.

В то же время в Пекине не исключают полностью возможности войн, в том числе при маловероятных, но неблагоприятных обстоятельствах, и даже возможности мировой войны. Теоретически допускается и начало военных действий в качестве реакции КНР на те шаги, которые в Пекине могут быть приняты за провокационные и затрагивающие внутренние интересы китайской нации, имея при этом в виду прежде всего Тайвань.

Внешняя политика Пекина, если говорить о широковещательных заявлениях китайских лидеров, ныне полностью лишена какого бы то ни было классового содержания. Пекин предлагает вести диалог на мировой арене, в частности с США, на основе тезиса о необходимости согласовывать интересы наций, а не только государств, в том числе и по правам человека. При этом критику из-за рубежа в адрес руководства КНР в вопросе о правах человека и в вопросе об отношении к инакомыслящим в Пекине трактуют как выступления «антикитайских сил», т.е. как выступление не только против нынешней политической системы в КНР, но против китайской нации в целом. Китайские руководители отождествляют себя с китайской нацией и претендуют на то, чтобы их внешняя политика воспринималась как единственное и верное отражение и выражение интересов нации.

Весьма характерен в связи с этим ответ Председателя КНР Цзян Цзэминя во время его визита в США на заявление Президента США Уильяма Клинтона о том, что не только в США, но во многих странах мира существует общепринятый взгляд на вопрос о правах человека и что при подходе к событиям 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине правительство КНР оказалось «не на стороне тех, кто прав». В своем ответе Цзян Цзэминь повернул эту тему таким образом, что у каждой нации в соответствии с ее историей, традициями, реальной ситуацией в стране существует «свой взгляд» на вопрос о правах человека. По Цзян Цзэминю, оказывалось, что взгляды, о которых говорил Клинтон, были взглядами американской нации, а взгляды, которые выражал Цзян Цзэминь, были взглядами китайской нации, китайцев как нации. Следовательно, Пекин представляет столкновение взглядов на права человека как столкновение взглядов наций, а не взглядов различных политических сил, которые признают некую общность фундаментальной основы подхода к этому вопросу.

Такая позиция Пекина просматривается и в тезисе о «все еще сохраняющемся мышлении периода «холодной войны». В Пекине подчеркивают, что в свое время и в известном регионе, т.е. на Востоке азиатского континента, США видели своего главного противника не в СССР, а в КНР; иными словами, «холодная война» была в этом смысле противостоянием на мировой арене двух наций — китайской и американской. Следовательно, США издавна обращали, и в определенной степени, продолжают обращать свои главные усилия на борьбу против китайской нации....

Собственно говоря, Пекин все настойчивее ставит перед Вашингтоном свое условие: согласовывать государственные интересы США и КНР, видя их как интересы двух главных мировых наций. Именно согласование интересов китайцев и американцев, как двух ведущих наций на Земле, и видится в Пекине как только начинающийся проявляться, но в будущем становящийся все более реальным фон мировой политики, к которому придется приспособливаться всем остальным государствам и нациям.

Внешняя политика КПК-КНР остается при этом в известном смысле противоречивой или двойственной, «диалектической», позволяющей толковать ее при необходимости самым различным образом, т.е. позволяющей Пекину действовать на мировой арене с максимальной возможной гибкостью.

На внешней политике КНР, в ближайшие годы в особенности, будет во все большей степени сказываться противодействие применению военной силы во взаимоотношениях с внешним миром со стороны нескольких регионов самого континентального Китая, особенно прибрежных и приграничных провинций и автономных районов. В то же время политике КНР будет по-прежнему присуще постоянное наращивание военной мощи и даже демонстрация этой мощи при условиях, которые в Пекине сочтут подходящими. Во внешней политике Пекина в настоящее время политические соображения преобладают над чисто военными; вооруженные силы КНР будут выполнять решения политического руководства страны.

Свою внешнюю политику Пекин намерен и впредь проводить, отдавая внутри страны приоритет укреплению военной мощи, обеспечению своих вооруженных сил самыми современными видами вооружений, в том числе и за счет привлечения новейшей военной технологии из других стран. Пекин будет, очевидно, продолжать демонстративно и громогласно настаивать на внутреннем для китайской нации и для китайского государства на азиатском континенте характере так называемого тайваньского вопроса. В то же время он вряд ли пойдет на применение военной силы против Тайваня, учитывая как позиции США и других стран, так и само внутреннее положение в КНР и на Тайване.

Если обратиться к взаимоотношениям КНР с США, Японией и Россией, то можно выделить некоторые их особенности.

Пекин стремится иметь на мировой арене равный голос с США, хотя сегодня в столице КНР постоянно подчеркивают, что до этого еще очень далеко, что США — «это единственный хозяин в современном мире», что КНР очень сильно отстает от них по совокупной мощи и что для наращивания соответствующего потенциала понадобится несколько десятилетий, если не столетие.

Пекин заинтересован в разобщении трех своих упомянутых партнеров, сохраняя при этом приемлемые для него и выгодные, с его точки зрения, отношения с каждым из них. Вряд ли можно ожидать появления реального военного или даже политического союза КНР с любым из его главных партнеров на мировой арене. Не случайно Пекин официально заявляет о «невступлении в союзы с любой великой державой или с блоками государств». Можно ожидать, что Пекин будет, с одной стороны, демонстрировать последовательное улучшение отношений с Москвой. В то же время эти отношения не будут выходить за рамки благожелательно-нормальных. Они будут испытывать ограничения, как бы неподвластные воле политического руководства. Они не приобретут нового существенного оборонного или союзнического содержания. В сфере экономики дело тоже ограничивается заявлениями о намерениях.

Москва и Пекин будут демонстрировать полное доверие друг к другу, все возрастающую степень взаимной доверительности в отношениях, особенно первых лиц двух государств. Они будут эксплуатировать тезис о том, что их нынешние отношения являются наилучшими в XX в. Они будут заявлять о решении «вопросов демаркации границы» или «вопросов пограничного характера», будут подчеркивать отсутствие серьезных проблем и противоречий в своих двусторонних отношениях. Россия и Китай, учитывая нынешнюю международную обстановку, заинтересованы в том, чтобы на относительно длительное время совместно утверждать на мировой арене тезис об отсутствии каких-либо причин для возникновения серьезных осложнений в двусторонних отношениях.

Первые руководители России и континентального Китая лично заинтересованы в том, чтобы доказывать прежде всего населению своих собственных стран, что при их правлении двусторонние отношения складываются не просто удачно, а лучше, чем когда бы то ни было в прошлом. На то имеются в каждой стране свои причины.

Пекин подчеркивает особую важность для него позиции России (на мировой арене, в международных организациях) по вопросу о правах человека в континентальном Китае. В КНР удовлетворены в принципе и позицией РФ по вопросу о продаже оружия в континентальный Китай. В то же время Пекин выражает желание приобрести в России

новейшую военную технологию, а также налаживать производство некоторых видов вооружений у себя в стране по заимствованной технологии.

Пекин предпочитает пока не браться за решение проблем, для решения которых, с его точки зрения, еще не настало время или для решения которых у него пока не хватает сил. Именно в связи с этим он и ввел следующую формулировку в свои основополагающие документы по внешней политике: «Те вопросы, которые пока решить не удастся, можно временно отложить в сторону, а тем временем искать общие подходы, сохраняя свои особые позиции».

Пекин по-прежнему, по крайней мере теоретически или стратегически, сохраняет деление государств мира на две группы: развитые и развивающиеся страны, или государства «третьего мира». Себя Пекин относит именно в этому «третьему миру». Очевидно, имеется в виду, что еще придет время «третьего мира» играть особую и существенную роль в международной политике.

Говоря о внешней политике Пекина, представляется необходимым упомянуть и о современных настроениях народонаселения в континентальном Китае по отношению к таким трем государствам, как США, Япония и Россия. Отношение к США можно характеризовать как уважительно-настороженное. Отношение к Японии — как прежде всего требовательно-осуждающее, особенно за поведение во время Второй мировой войны. Отношение к России является сегодня преимущественно снисходительно-приветливым.

Внешняя политика КНР, которая переняла многие традиции внешней политики из истории китайской нации, в первую очередь ориентирована на сегодняшний день или на решение актуальных задач, хотя всему этому и придается серьезное значение в Пекине. Особенность внешней политики континентального Китая состоит в том, что ей присущ стратегический характер. Визит Председателя КНР Цзян Цзэмина в США видится поэтому как осуществление одного из шагов общей стратегии внешней политики. Эта стратегия учитывает реальную ситуацию на мировой арене и выделяет, в частности, главного партнера на Земле. Таким партнером предстают сейчас США. Пекин будет всемерно налаживать отношения с США и в то же время исподволь, постепенно и долговременно наращивать свой потенциал с тем, чтобы в конечном счете получить не только равный с США, но даже еще более мощный, чем у них, голос в мировых делах на нашей планете.

В США тоже формулируются основы стратегического подхода к перспективам отношений с Китаем. «Стратегия национальной безопасности США» (1997 г.) предусматривает следующее: «Одним из наивысших интересов Соединенных Штатов является Китай, представляющий собой стабильное, открытое, безопасное и миролюбивое государство. Перспективы достижения мира и процветания в Азии в значительной степени зависят от роли Китая, как члена мирового сообщества, осознающего свою ответственность. Интеграция Китая в мировую систему норм и правил скажется на политическом и экономическом развитии самого этого государства, а также на его отношениях с остальным миром».

Совершенно очевидно, что США полагают необходимым и отвечающим их интересам вовлечение КНР в мировое сообщество наций в максимально возможной степени. Они готовы способствовать этому. Отсюда возникает и возможность определенного материального взаимодействия США и КНР, своего рода экономической помощи и поддержки континентального Китая со стороны США.

В то же время Вашингтон открыто провозглашает свои цели, которые никак не согласуются с целями нынешней правящей в КНР партии. Речь идет о преобразовании КНР, континентального Китая в «открытое, безопасное и миролюбивое государство», принимающее на себя ответственность и следующее нормам и правилам существующей мировой системы. США хотели бы вовлечь Китай в ныне существующую мировую систему, растворить его в ней, тогда как КНР, наоборот, открыто предлагает изменить эту систему

или, как говорят в Пекине, изменить нынешний мировой порядок, как политический, так и экономический.

Вашингтон тоже открыто выражает надежду на изменение экономического и политического строя в КНР. Собственно говоря, свою стратегию США ориентируют именно на достижение упомянутой цели, с чем в Пекине согласиться никак не могут.

Американцев и китайцев продолжает разделять глубокое взаимное недоверие. Оно имеет культурно-исторические корни. Речь идет о сосуществовании как бы двух разных миров. Дело усугубляется политико-идеологическими расхождениями, будучи отягощенных позициями обоих государств и столкновением государственных интересов по ряду важных вопросов внутренней и внешней политики, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В США и в КНР продолжается в различных формах борьба между частями общества и политическими силами по вопросу о характере отношений с партнером и о пределах, рамках таких отношений. Вместе с тем Пекин и Вашингтон ощущают заинтересованность обеих наций в обеспечении мира и стабильности как в двусторонних отношениях, так и на мировой арене. Обе стороны нащупывают пути к точкам соприкосновения и областям взаимопонимания. Это проявляется, прежде всего, в подходе к ряду глобальных проблем. Вообще выстраивается некий порядок, своего рода последовательность в продвижении к взаимопониманию или взаимодействию: сначала глобальные проблемы, затем региональные и лишь потом двусторонние вопросы, особенно затрагивающие внутреннюю жизнь каждой из наций. Важно также, что китайско-американские отношения сегодня, на рубеже XXI в., строятся на основе вполне определенного совпадения экономических интересов обеих сторон.

Согласование интересов американского и китайского миров — дело сложное, трудное, требующее длительного времени. На этом пути можно ожидать любых, самых неожиданных, поворотов. В грубо материальной области стороны, кажется, быстрее находят взаимопонимание и налаживают сотрудничество. При этом в Китае считают, что только США способны больше, чем любая другая страна, помочь КНР решить ее экономические проблемы; в КНР сегодня более всего полагаются на американскую технику и науку. Американцы, со своей стороны, также утверждают, что американо-китайские отношения отличаются от отношений КНР, скажем, с РФ, тем, что США способны наполнить отношения конкретным экономическим, материальным содержанием. Но в сфере духовной подлинного взаимопонимания и согласия между Вашингтоном и Пекином нет: его заменяет видимость.

И тем не менее взаимосвязь национальных интересов Китая и Америки начинает преобладать над прошлым взаимоотношением, по крайней мере, в сфере реальной политики. Проявлениями этого процесса и стали визит Цзян Цзэминя в США в октябре—ноябре 1997 г. и визит У.Клинтон в КНР в июне—июле 1998 г. Необходимо повторить, что перспективы продвижения по пути взаимопонимания еще не совсем ясны. Здесь возможны и новые столкновения интересов, и новые прорывы, договоренности по важным, с точки зрения обеих сторон, вопросам. Эти договоренности могут оказаться неожиданными для нашей страны и для других государств.

В ситуации, когда между Америкой и Китаем складываются новые отношения, России, очевидно, целесообразно исходить из своих интересов, не приспособиваясь к интересам своих соседей, не ища улучшения отношений с кем бы то ни было за счет ущемления своих интересов. Только оставаясь самостоятельными, только будучи уверенными в народе России, обоснованно гордясь своей культурой и историей, можно отстаивать право на достойное существование в нынешнем и будущем мире.

России необходимы нормальные добрососедские отношения с каждым из своих партнеров на мировой арене, в данном случае — с США и с КНР. Она не должна идти в фарватере внешней политики ни одного из этих государств.

Все это предполагает активное участие России наряду с США и с КНР, наряду с другими странами в многосторонней дипломатии.

* * *

Переходя к рассмотрению итогов визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР в ноябре 1997 г., представляется необходимым сосредоточить внимание на соотношении желаний и возможностей партнеров, их заявлений и реалий.

Государственный визит в КНР Президента России Б.Н.Ельцина состоялся 9—11 ноября 1997 г. Знакомство Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя началось в 1992 г., рассматриваемая встреча была пятой по счету и второй за 1997 год. Беседы лидеров России и континентального Китая стали регулярными, что положительно характеризовало двусторонние отношения и отвечало интересам наших двух стран и народов.

Ноябрьская поездка была предельно краткой: по сути дела, всего сутки в Пекине и полдня в Харбине. Чувствуя необходимость объяснить это, Б.Н.Ельцин говорил, что надо было ехать в Пекин хотя бы только для того, чтобы подписать документ об окончании демаркации восточной части российско-китайской границы. Кратковременность пребывания в Пекине повлекла за собой насыщенность визита протокольными мероприятиями, которых было тринадцать. В последний момент Председатель КНР внес в повестку дня четырнадцатый пункт: неформальная встреча в резиденции главы китайского государства. При этом первоначально даже предполагалось, что в дом Цзян Цзэминя придут только Б.Н.Ельцин и члены его семьи: жена Наина Иосифовна и дочь Татьяна Борисовна. Затем желания пришлось соразмерять с реалиями — согласиться с присутствием переводчиков, без которых семье общаться между собой не смогли бы.

Обычно в Пекине на самом высоком уровне тщательно продумываются детали общения с иностранными лидерами, особенно когда речь идет о нашей стране. При этом исходят из того, что на иностранного гостя производят неизгладимое впечатление именно некие мелочи, касающиеся либо его лично, либо членов его семьи, либо близких к нему лиц. Они «западают в душу» и формируют общее представление и о состоянии отношений и о руководителях Китая. И на сей раз приглашение Цзян Цзэминя побывать у него в резиденции, причем провести время в семейном кругу, подчеркивало, что именно и только Президент РФ и Председатель КНР — главные и единственные партнеры в современных взаимоотношениях Китая и России. Отношения между главами правительств и тем более министрами, в том числе и министрами иностранных дел, отходят при этом на второй план, имеют только вспомогательное значение. Цзян Цзэминь придавал большое значение индивидуальной работе с Б.Н.Ельциным, членами его семьи, его ближайшим окружением. Здесь каждая деталь наполнялась в Пекине особым смыслом.

Само по себе общение глав наших двух государств в семейном кругу может благотворно влиять на атмосферу в двусторонних отношениях. Такого рода встречи можно только приветствовать. В то же время желательно, чтобы личным встречам руководителей России и Китая отводились долгие часы, может быть, дни, чтобы обсуждение вопросов мирового развития и двусторонних отношений было обстоятельным. До сей поры ощущается недостаток в такого рода встречах. Особенно важно, глядя на все это с нашей, российской точки зрения, чтобы высший руководитель нашей страны был целиком и полностью в курсе всей истории двусторонних отношений, включая и «белые пятна» и «болевы точки», и деталей сегодняшней картины. Не менее важным представляется обстоятельный и постоянный обмен мнениями между высшими руководителями России и Китая по проблемам мирового развития с целью согласования национальных интересов во все усложняющейся картине межгосударственных отношений на мировой арене и все более ясно вырисовывающемся будущем мире, в котором выдающуюся роль будут играть по меньшей мере три мира: христианский, мусульманский и китайский. В этой обстановке настоятельно необходимо согласование позиций Москвы и Пекина.

В Москве общая оценка визита исходила, прежде всего, из того, что российско-китайское партнерство становится важной органической частью безопасности, стабильности и экономического прогресса на Евразийском континенте и на Тихом океане. Далее подчеркивалось, что Москва и Пекин не преследуют каких-либо гегемонистских или экспансионистских целей. В обеих столицах считают: времена направленных против третьих стран союзов и стратегических «многоугольников» ушли в прошлое, необходимы коллективные усилия для создания обращенной в XXI век структуры глобальной, региональной и субрегиональной безопасности. Отмечалось также, что в ходе государственного визита в КНР была достигнута договоренность об укреплении взаимодействия России и Китая на международной арене. Москва и Пекин сформулировали единый подход, в частности, по Ираку.

В Москве особо подчеркивалась мысль о том, что важная составная часть российско-китайских отношений — взаимное уважение к усилиям друг друга, направленным на отстаивание единства, суверенитета и территориальной целостности. Китай решительно отвергает попытки Чечни направить в Пекин своих эмиссаров. А Россия твердо стоит на позиции признания одного Китая.

Итак, Москва считала необходимым совместно с Пекином подтвердить общность интересов на мировой арене в сфере укрепления безопасности. Кроме того, Москва нуждалась в поддержке Пекином ее позиции по вопросу о Чечне; в свою очередь она еще раз подтвердила признание одного Китая. Упоминание об этих обстоятельствах было важно, так как таким образом обе стороны лишней раз подтверждали обещание не вмешиваться во внутренние дела друг друга.

Дипломаты КНР, выступая в Москве, назвали визит Президента РФ в КНР в ноябре 1997 г. крупнейшим событием в мировой дипломатии, отметив важность того, что он проходил на фоне серьезных изменений мировой ситуации, когда преобладает стремление к миру и развитию и выработывается концепция мироустройства; визит проходил в обстановке небывалой активности мировой дипломатии.

В Пекине полагали, что этот визит подтверждает достигнутые в отношениях КНР и РФ совместные договоренности (имелись в виду документы: соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил, декларация о многополярном мире и о формировании нового международного порядка и т.д.). Таким образом, было очевидно, что КНР последовательно проводила свою стратегическую линию на формирование необходимых ей условий на мировой арене, отводя России в этом процессе значительную, но вспомогательную роль.

Обращало на себя внимание, каким образом пекинские дипломаты в Москве толковали термин «партнерство». Это, прежде всего, обязательство сторон быть партнерами, а не противниками. Это, во-вторых, преобладание долговременных интересов над конъюнктурными или сиюминутными интересами. Наконец, в-третьих, это обязательство сторон не направлять партнерские отношения против третьих стран и не обращать партнерские отношения в пользу гегемонии одной страны или группы государств.

Применительно к России это означало: в КНР заинтересованы в том, чтобы наша страна не выступала в качестве противника континентального Китая. Следовательно, речь шла о таких взаимоотношениях, которые еще только выходили из стадии противостояния и эту новую ситуацию необходимо было закрепить. Далее, это было напоминание Пекина Москве о том, что в будущем континентальный Китай станет более мощной державой, что и должно было формировать представления Москвы о ее стратегических интересах во взаимоотношениях с КНР. Наконец, в Пекине видели партнерские отношения с нашей страной как обещание Москвы не поддерживать никаких «гегемонов» на мировой арене.

Наша страна была также заинтересована в том, чтобы КНР не была ее противником, чтобы в долгосрочном плане наши отношения являли собой всестороннее сотрудничество, а также в том, чтобы никакие «гегемонисты» не диктовали свою волю нашей стране и на мировой арене. Иначе говоря, у Москвы и Пекина в определенном смысле имелся общий подход к вопросу о характере двусторонних отношений, что, однако, не исключало

особенностей в позиции каждой из сторон и существования иных, кроме указанных выше, национальных интересов и у РФ и у КНР. Партнерские отношения между Москвой и Пекином — это максимально возможная в нынешней реальной ситуации форма двусторонних отношений, отражающая совпадение многих национальных интересов сторон.

Важно иметь в виду, что такая форма, как партнерские отношения, становится популярной и приемлемой и для других государств. После того как РФ и КНР объявили об установлении между собой отношений стратегического партнерства, направленного в XXI век, Пекин и Вашингтон также поставили перед собой такую цель, как создание взаимных отношений стратегического партнерства.

Пекинские дипломаты в Москве давали свое толкование вопроса о соотношении характера двусторонних отношений Пекина с Москвой и с Вашингтоном. По их мнению, в современном мире нормальной представляется разница в уровнях отношений между различными странами. У КНР с РФ и у КНР с США разные уровни отношений. Если китайско-российские отношения представляют собой партнерские отношения, которые уже сегодня стали реальностью, то для нынешних китайско-американских отношений характерно лишь стремление к достижению такой цели, как стратегическое партнерство. Между США и КНР существует еще много нерешенных проблем: отношение к таким вопросам, как права человека, Тайвань, Тибет. С Россией у Китая таких проблем нет. Между РФ и КНР уровень доверия выше, чем в отношениях КНР и США. Более того, между Россией и Китаем «существует дружба, которой нет в отношениях КНР и США».

В то же время пекинские дипломаты подчеркивали, что союзнические отношения — это пройденный этап; в настоящее время необходимо избавляться от прошлых стереотипов.

Одним словом, из этих рассуждений следовало, что Москве необходимо было учитывать стремление Пекина и Вашингтона установить между собой отношения стратегического партнерства и самой не остаться по достижении ими этой цели на более низком уровне отношений с каждым из этих двух своих, пожалуй, основных партнеров на мировой арене.

Но как бы там ни было, а в ноябре 1997 г. Цзян Цзэминь сумел создать в Пекине обстановку визита Президента РФ Б.Н.Ельцина, которую в МИД РФ характеризовали, как «небывало теплую». В какой-то степени это выглядело как реакция на неформальную встречу Президента РФ и премьер-министра Японии, состоявшуюся как раз перед приездом Б.Н.Ельцина в КНР; в Пекине постарались не допустить, чтобы укоренилось впечатление о вдруг возникших «близких» отношениях Москвы и Токио, по сравнению с характером отношений Москвы и Пекина. С другой стороны, и Пекин и Москва были склонны как-то, хотя бы демонстрацией необычной «семейной теплоты» взаимоотношений, близости и взаимопонимания на уровне личных отношений лидеров России и Китая, несколько уравновесить обоюдное стремление КНР и США построить конструктивные отношения стратегического партнерства между собой.

Это также отвечало настроениям Президента РФ, который был чрезвычайно заинтересован в утверждении в России мысли о том, что именно ему удастся наилучшим образом наладить двусторонние отношения с континентальным Китаем. Мы не говорим уже о значении всего этого для внешней политики РФ. Цзян Цзэминь действовал таким же образом, отражая ситуацию в своей стране, которая требовала определенного баланса в отношениях с США и с Россией, особенно учитывая то, что всего за несколько дней до приезда Б.Н.Ельцина в КНР завершился вояж Председателя КНР в США.

Этот визит положил начало стадии конструктивного стратегического партнерства в китайско-американских отношениях, в связи с чем в мире могло складываться впечатление, что Москва так или иначе, но оказалась как бы позади сдвоенного американо-китайского локомотива. Вполне очевидно, что, имея в виду именно эту ситуацию, Б.Н.Ельцин, находясь в Пекине, заявил, что ныне двусторонние отношения РФ и КНР на всех уровнях, начиная с отношений первых лиц и народов обеих стран, характеризуются высоким взаимным доверием.

Такого рода заявление диктовалось интересами народов обеих стран. Взаимное доверие создает благотворную атмосферу в международных отношениях, хотя соответствующие заявления требуют материального подкрепления и могут висеть в воздухе. Во всяком случае, именно реалии международной жизни и интересы народов наших двух стран потребовали выдвижения в нынешней ситуации тезиса о высоком уровне взаимного доверия, как первоэлемента в состоявшейся российско-китайской встрече на высшем уровне в конце 1997 г.

В 1997 г. Б.Н.Ельцин и Цзян Цзэминь уже встречались. Впервые в истории отношений наших двух государств их руководители решили встретиться дважды за один год. Такое решение было принято весной 1997 г. Тогда для этого были свои основания у каждой из сторон. Вполне вероятно, что главное тогда, во всяком случае для российской стороны, было в том, чтобы при второй встрече, осенью 1997 г., объявить о прорыве в области экономических и торговых отношений в дополнение к довольно полному обмену политическими заявлениями по большинству вопросов мировой политики, отношений в регионе и двусторонних связей, сделанными во время предыдущих российско-китайских встреч на высшем уровне.

После весенней встречи Президента РФ и Председателя КНР, особенно после появления их совместного заявления о «многополярности» современного мира и о «новом мировом порядке», что отразило принятие Москвой терминологии Пекина, могло сложиться впечатление, что, с одной стороны, и КНР и РФ совместно противостоят намерениям США «незаконно властвовать в мире», быть «мировым гегемоном», а с другой — обе столицы вознамерились создать такие двусторонние политические отношения, названные отношениями стратегического партнерства, что это будет отличать их от отношений каждого из партнеров с любой другой страной. Иными словами, складывалось впечатление, что между Москвой и Пекином возникли особые близкие и доверительные связи, которые, в случае чего, могут перерасти даже в союзные отношения. При этом Москва, очевидно, шла на поводу своих пожеланий, своей мечты, а Пекин, вероятно, намеренно создавал на мировой арене такого рода дымовую завесу.

Складывалось также впечатление, что отношения Москвы и Вашингтона, Москвы и Пекина, Пекина и Вашингтона будут всерьез и надолго оставаться в состоянии неподвижности, что в обозримом будущем нет необходимости снова корректировать политические российско-китайские отношения, что можно и нужно сосредоточиться на экономических вопросах в двусторонних отношениях.

Итоги визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в США показали, что это не так, что китайско-российские отношения, само совместное заявление о «новом мировом порядке», о «многополярности», о стратегическом партнерстве Китая и России либо случайно, либо в соответствии с планом Пекина были использованы руководителями Китайской Народной Республики в качестве одного из рычагов, с помощью которых Пекин создавал нужную ему атмосферу для встречи лидеров континентального Китая и Америки.

Одним словом, политическая картина отношений между тремя столицами изменилась. Наибольшей активности возникшая ситуация требовала от Москвы. В связи с этим и возникла необходимость внести коррективы в подготовку встречи Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя в ноябре 1997 г. Если ранее полагали, что это могла быть встреча стабильных политических партнеров, направленная, главным образом, на решение экономических вопросов, то теперь и политические отношения потребовали нового осмысления и развития. Иными, нежели это представлялось весной и даже летом 1997 г., выглядели перед ноябрьской встречей лидеров РФ и КНР и их экономические отношения. В середине 1997 г. в КНР побывал Председатель правительства РФ В.С.Черно-мырдин в сопровождении своего первого заместителя Б.Е.Немцова, ответственного за развитие экономических связей с КНР. В ходе этого визита усилиями руководителей обеих стран создалось впечатление, что Россия получит от КНР заказ на производство оборудования для строительства на реке Янцзы в районе Санься крупнейшей гидроэлектростанции. Речь могла идти о сотнях миллионов

долларов. Глава правительства КНР Ли Пэн даже предоставил Б.Е.Немцову и специально прилетевшему из Москвы для этой цели крупному предпринимателю, а в то время и заместителю секретаря Совета Безопасности РФ Б.А.Березовскому свой личный самолет для полета в район упомянутого строительства.

Иначе говоря, Пекин предпринял усилия, чтобы в то время создать и укрепить у руководителей российского правительства уверенность в том, что и сам характер российско-китайских отношений — доверительные отношения стратегического партнерства, скрепленные дружбой, добрососедством, и намерения лидеров КНР не оставляют сомнений в том, что именно Россия получит крупный заказ на строительство оборудования для гидроэлектростанции в «Трех ущельях».

Тем не менее буквально через несколько недель после этих маневров выяснилось, что Россия этого заказа не получит. Таким образом, предстоявшая тогда вторая за год встреча высших руководителей наших двух государств лишилась существенной части своей экономической основы. Стало вполне очевидно, что для руководителей КНР главное, во всяком случае на данном этапе, — это развитие всесторонних, в том числе и в первую очередь, экономических отношений с США, Японией, странами Западной Европы, не говоря уже о китайской диаспоре.

Вероятно, именно по этой причине в Пекине циркулировали слухи о том, что в 1998 г. предполагалось выдвинуть на посты главы правительства КНР и министра иностранных дел КНР деятелей, которые по опыту своей предыдущей работы были связаны главным образом с Америкой, а не с Россией. В этой ситуации обе столицы, Москва и Пекин, руководствуясь своими соображениями, предпринимали усилия для сохранения хотя бы видимости баланса сил.

Обеим сторонам, исходя даже из политических соображений, была необходима встреча лидеров наших двух стран, особенно после визита Председателя КНР в США.

Однако российско-китайский осенний саммит 1997 года помимо демонстрации сохранения обеими сторонами желания поддерживать сложившиеся отношения нужно было наполнить неким содержанием.

Вполне естественно, что было решено сделать упор, прежде всего, на окончании демаркации восточной части российско-китайской границы.

Действительно, событие это само по себе является важным. Придать ему звучание и подчеркнуть его значимость было, конечно, необходимо. Ведь речь шла о том, что два высших руководителя наших государств, РФ и КНР, лично подтвердили свое согласие с тем, чтобы подавляющее большинство пограничных столбов на нашей границе стояло именно там, где они должны стоять в соответствии с нынешней договоренностью. Это в определенной степени может успокоить наше население и произвести выгодное для России впечатление в мире.

Вместе с тем нельзя не высказать по этому поводу некоторых дополнительных соображений, даже повторяя в определенной степени отмеченное ранее.

Дело в том, что между нашими странами продолжает в известном смысле существовать сложная проблема, связанная с вопросом о границах и территориях. Сказать, что стороны по-разному оценивают и характеризуют существующую в настоящее время единственную юридическую основу для установления границы между двумя государствами — русско-китайские договоры и другие документы договорного характера о границе, подписанные до начала XX века.

В России исходят из того, что нынешняя граница определена этими документами, они и составляют ее юридическую основу. Старые договоры рассматриваются как юридические акты, в равной степени признанные обеими сторонами и обязательные для обеих сторон. В КНР все эти договоры, за исключением Нерчинского договора (XVII века), который был подписан в условиях военного давления на нашу сторону и удовлетворял территориальные притязания партнера, но затем был заменен последующими договорами, считают «несправедливыми» и «неравноправными». При этом предлагают решать вопросы,

вытекающие из содержания «несправедливых» и «неравноправных» договоров не только в соответствии с нормами международного права, но и на основе «справедливости» и «рациональности» (или «разума»).

Иначе говоря, речь идет о том, чтобы Россия либо признала, что договоры о границе являются «несправедливыми» и «неравноправными», либо чтобы в будущем новом договоре о границе между Россией и Китаем было зафиксировано, что он составлен на основе прежних договоров, которые обе стороны признают «несправедливыми» и «неравноправными». Китайская сторона настаивает во всяком случае на том, чтобы современные договорные акты содержали тезис о согласии обеих сторон «справедливо и рационально» решать оставшиеся от истории нерешенные вопросы.

Все это предполагает постановку нашей страны в положение вечного территориального должника Китая. Получается, что если даже Китай снисходительно согласится на некую границу или даже на демаркацию некой линии прохождения границы, то в умах современных и будущих поколений китайцев все равно будет оставаться мысль о том, что исторически нынешняя граница или ныне демаркированная линия прохождения границы основана на «неравноправных» договорах, а потому является «несправедливой» и что в будущем, при подходящих условиях, Китай всегда вправе вновь поставить вопрос о «восстановлении справедливости» о «выполнении воли китайского народа, которая по своей значимости выше неравноправных и несправедливых, навязанных Китаю договоров», и о «возвращении» Китаю «незаконно» и «несправедливо» «отторгнутых» у него земель. Именно это означает тезис Пекина о «справедливом и рациональном» решении оставшихся от истории вопросов о границе между Россией и Китаем. Фактически современная постановка в КНР вопроса о характере действующих договоров о границе между Россией и Китаем направлена на то, чтобы надолго сохранить тезис о «территориальном долге» нашей страны Китаю.

Россия не может спокойно жить при такой постановке вопроса. Тем более невозможно ни взаимное понимание между нашими странами и народами, ни взаимное доверие между ними в этих условиях. Единственный путь к тому, чтобы между нашими народами и странами возникло прочное взаимное доверие и взаимное понимание, состоит в том, чтобы обе стороны согласились подписать вместо ныне существующих договоров о границе новый договор о границе, в котором было бы сказано, что только этот договор является единственной, признанной обеими сторонами, юридической основой для границы между ними, что он целиком и полностью заменяет все прежние договоры о границе, которые больше не действуют, что новый договор о границе обе стороны рассматривают в качестве справедливого и равноправного и что обе стороны навечно устанавливают между собой границу, не имеют друг к другу никаких территориальных претензий и дают слово никогда не предъявлять друг к другу территориальных претензий, полагая, что именно новый договор о границе и является единственным юридическим документом, составляющим основу для установления российско-китайской границы на всем ее протяжении и на все времена.

Тезис о «неравноправных» и «несправедливых» договорах о границе между Россией и Китаем неприемлем для нашего народа. До той поры, пока не будет подписан новый договор о границе взамен нынешних договоров, а речь, повторим, идет о новом договоре, который был бы всеобъемлющим, т.е. снимающим все вопросы о «несправедливости» или «неравноправности» юридической основы для установления границы между двумя странами, — до тех пор не будет и прочной, а главное, юридической основы для взаимного понимания и взаимного доверия сторон друг другу.

Таковы позиции сторон и их принципиальные разногласия по вопросу о юридической основе пограничного размежевания между нашими двумя странами.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание не только эти принципиальные позиции, но и реалии самой международной жизни, которая требует от обеих сторон, учитывая жизненно важные национальные интересы каждого из двух наших народов,

поддерживать мир в двусторонних отношениях. Это, в свою очередь, предполагает поиски путей если не разрешения всех существующих вопросов, то, по крайней мере, отделения принципиальных позиций от практического решения соответствующих вопросов.

В нашей стране всегда были готовы отложить в сторону вопрос о принципиальных разногласиях по этим проблемам и искать пути решения конкретных вопросов. В КНР также время от времени происходила борьба между теми, кто выпячивал принципиальные расхождения, и теми, кто хотел бы, пусть временно, не говорить о них, сосредоточивая внимание на решении конкретных вопросов.

Еще в 1964 г. возникла возможность отделить проблему территорий и границы от вопроса о согласовании линии прохождения границы и утверждения ее в реальной жизни, на местности. Тогда Н.С.Хрущев и Лю Шаоци взяли было курс на то, чтобы решить этот вопрос в двусторонних отношениях. К сожалению, Мао Цзэдун не допустил этого. Его заявление о еще не предъявленном Китаем счете Советскому Союзу за «отторгнутые территории» площадью в полтора миллиона квадратных километров имело своим следствием то, что договоренность о прохождении линии границы пришлось отложить почти на три десятилетия.

Нынешние китайские руководители, прежде всего Цзян Цзэминь, как бы вернулись на прежние позиции, т.е. согласились разделить вопрос о проблеме границ и территорий и вопрос о согласии с вполне определенной и демаркированной линией прохождения границы. Именно благодаря этому обеим сторонам и удалось вернуться к принципиальной договоренности 1964 года и выработать соглашения о прохождении линии границы в ее восточной и ее западной частях.

Принимая все это во внимание, необходимо подчеркнуть, что в реальной политике возможным оказывается лишь то, что приемлемо для партнеров на практике в тот или иной период времени. Очевидно, что в настоящее время приходится довольствоваться тем, на что согласилась китайская сторона, а именно договоренностью об определении прохождения линии границы на картах и на местности, о ее демаркации, об установке пограничных столбов на всей более чем четырехтысячекилометровой границе, за исключением двух участков общей протяженностью около шестидесяти километров. Очевидно, что это и есть тот максимум, который сегодня возможен в отношениях между РФ и КНР. То, что демаркация проведена и что первые лица обеих стран поставили свои подписи под документом о демаркации границы, должно считать положительным явлением.

Однако это не означает, что нынешние соглашения о границе, точнее, об уточнении и определении линии ее прохождения на согласованных участках восточной части и на ее западной части, подписанные соответственно 16 мая 1991 г. и 3 сентября 1994 г., снимают все вопросы о границе и о территориях, а также и вопрос о практическом прохождении линии границы на всем ее протяжении.

Два упомянутых соглашения представляют собой необходимые обеим сторонам документы, которые могут носить не постоянный, а лишь временный характер. Полное решение вопроса о территориальном размежевании, о территориях, о границе возможно только с подписанием нового договора о границе, составной частью основы которого могут служить, наряду с существующими договорами о границе, и упомянутые соглашения о линии прохождения границы. Только с подписанием договора можно будет считать, что между партнерами больше нет принципиальных разногласий по вопросу о границе; пока же принципиальные разногласия остаются, хотя и не выпячиваются; нынешнее решение вопроса о прохождении линии границы, повторим, представляется важным, необходимым, его следует приветствовать — но оно выступает в качестве временного решения основного вопроса.

Вопросы такого характера существуют до той поры, пока хотя бы один из партнеров полагает, что принципиальные разногласия имеются. В Китае считают, что это именно так. Россия заинтересована в том, чтобы рано или поздно, но вопрос о территориальном

размежевании между нашими странами, о границе между ними был решен целиком и полностью с международно-правовой, с юридической точки зрения, причем решен таким образом, чтобы с этим были согласны и в нашей стране и в Китае.

Если же говорить о двух нынешних соглашениях, то и в том и в другом из них речь идет об уточнении и определении линии прохождения нашей границы на согласованных участках ее восточной части и на ее западной части. При этом подчеркивается, что договаривающиеся стороны, в частности, согласились «справедливо и рационально разрешить оставшиеся от истории» вопросы о границе между нашими двумя странами. Вполне очевидно, что такая постановка вопроса предполагает, что сторонам предстоит решить еще не решенные вопросы на принципах «справедливости» и «рациональности», т.е. с учетом позиции китайской стороны. В соответствии с этой позицией еще может быть предъявлен счет по известному территориальному реестру, включая остров Сахалин и всю прилегающую к нему часть нашего Дальнего Востока. Не говоря уже о том, что России теперь формально не касается, т.е. о землях вплоть до озера Балхаш (а это территория Казахстана) и о значительной части Памира (это территория Таджикистана).

В соглашениях и в пограничной линии, которая ими предусмотрена, есть два «пропуска». Стороны не смогли пока решить вопрос о прохождении линии границы в районе острова Большой на реке Аргунь и в районе островов Большого Уссурийского и Тарабарова у города Хабаровска. Это не простые вопросы. Каждая из сторон считает эти острова своей территорией, и пока компромисс здесь не найден.

В конце 1997 г., буквально за десять дней до приезда в Пекин Президента РФ Б.Н.Ельцина, приходилось слышать от китайских ученых — специалистов по этому вопросу мнение о том, что при демаркации линии границы в Приморском крае в 1997 г. Россия, дескать, как и раньше, в истории, действовала по принципу: «что мое, то мое, а что твое, то тоже мое». Россия, дескать, сегодня тоже только берет, ничего не отдавая. Предлагалось также обменять остров Большой на реке Аргунь на несколько тысяч квадратных километров «китайской территории»; имелись в виду «64 деревни», которые, как подчеркивали китайские специалисты, представляют собой, в соответствии с положениями соответствующего русско-китайского договора о границе, землю, которая ныне представляет собой некий «остров» или анклав на нашей территории, но принадлежит Китаю «на вечные времена». Вероятно, эти высказывания отражали расхождения сторон и в процессе переговоров, которые велись уже в 1997 г.

Работники МИД РФ, выступая на семинаре, проводившемся в Москве фондом Карнеги и давая оценку пятой российско-китайской встречи на высшем уровне, подчеркивали, что «стержневой темой пекинского саммита стала демаркация границы двух стран. На предыдущей встрече в Москве в апреле высшими руководителями России и Китая была поставлена задача до конца года найти развязки по всем вопросам демаркации и на этой основе завершить обозначение границы на местности на восточном участке протяженностью 4200 километров (от Кореи до Монголии), чтобы тем самым снять с политической повестки дня российско-китайского диалога тему пограничного урегулирования (на западном участке протяженностью 55 километров — от Монголии до Казахстана — между Россией и Китаем никогда никаких проблем не возникало, демаркационные работы там планируется осуществить в течение следующего лета)».

Таким образом, очевидно, что Москва продолжала саму себя уговаривать, будто существует только одна, ее собственная, постановка этого вопроса, продолжала исходить из своих односторонних пожеланий, подменяя воображаемым действительную картину, не желая замечать подлинную позицию партнера или выбирая из этой позиции лишь то, что Москва принимала за «снятие с повестки дня российско-китайского диалога темы пограничного урегулирования».

Москва трактовала этот вопрос как «пограничное урегулирование». На самом же деле стороны соглашались решать конкретные вопросы, оставаясь на своих принципиальных позициях тогда, когда речь шла о юридической основе границы, да и вообще о проблеме

границ и территорий. Важно, однако, и это следует повторить, что Москва и Пекин взяли в это время курс на то, чтобы получить возможность не говорить об этих проблемах, ограничившись разрешением вопроса о демаркации границы. Это действительно позволяло, по крайней мере временно и при доброй воле обеих сторон, особенно китайской стороны, снять с политической повестки дня острые вопросы границ и территорий.

Сотрудники МИД РФ подчеркивали далее следующее:

«Новая встреча Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя должна была ответить, сумеют ли Москва и Пекин найти такие решения, которые позволили бы окончательно избавить их взаимоотношения от потенциальных пограничных трений (в ходе апрельской встречи в Москве лидеры двух стран вместе с президентами Казахстана, Киргизии и Таджикистана уже подвели черту под эпохой советско-китайского военного противостояния, договорившись о создании вдоль общей границы полосы доверия и военной транспарентности шириной в 200 километров), или же проблемы демаркации будут и дальше омрачать атмосферу на границе.

Протяженность российско-китайской границы составляет 4259 километров, в том числе сухопутной — 705 километров, речной — 3484 километра, озерной — 70 километров. Прохождение линии границы определено двумя соглашениями: о восточной части (от 16 мая 1991 г.) и о западной части (от 3 сентября 1994 г.). По двум речным участкам — в районе островов Большой Уссурийский и Тарабаров у Хабаровска (протяженность 30 км, площадь 350 кв. км) и острова Большой на реке Аргунь (протяженность 28 км, площадь 58 кв. км) соглашением от 16 мая 1991 г. закреплено, что обе стороны продолжают по ним переговоры. Они не подлежат демаркации. Юрисдикция за ними остается за Россией. Демаркация восточной части границы российско-китайской границы началась в 1992 г.

Напряженный поиск развязок велся в течение всех шести месяцев, разделивших московскую и пекинскую встречи на высшем уровне. Ключевым стал вопрос о сухопутной границе на двух участках на левом берегу реки Туманная (Хасанский район Приморского края), примерно в 30 км вверх по течению от места впадения реки в Японское море. При обозначении границы на местности удалось найти оптимальный вариант, который в полной мере учитывал особенности рельефа (здесь в основном болотистая местность), обеспечивал удобство охраны границы, гарантировал сохранность экологической обстановки (в этом районе находится водозабор озера Хасан).

Успешно согласована линия границы на пограничных реках, найдены взаимоприемлемые решения и о прохождении границы по водной поверхности озера Ханка. Стороны впервые в двустороннем порядке распределили острова на Амуре и Уссури (старыми договорами они не распределялись). Стремясь сохранить за приграничным населением возможность продолжения традиционной хозяйственной деятельности, Россия и Китай достигли договоренности о ее возможных рамках на переходящих друг к другу островах и акваториях рек (соглашение об этом подписано в Пекине).

Накануне приезда в Пекин российского президента на всех 4200 км были поставлены пограничные столбы (свыше тысячи), на реках — створные знаки, на озере Ханка — буи.

Таким образом, впервые в истории отношений двух стран демаркируемая российско-китайская граница на ее восточной части четко обозначена на местности. Россия и Китай внесли важный вклад в содействие спокойствию приграничных регионов, существенно упрочили стабильность в Северо-Восточной Азии и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Москва и Пекин дали пример успешного разрешения таких чрезвычайно деликатных и чувствительных вопросов, какими являются вопросы границы. Нахождение решений, не ущемляющих интересы ни одной из сторон, стало возможным благодаря уникальной атмосфере взаимного доверия».

Пекинские дипломаты в Москве также подчеркивали значение завершения демаркации российско-китайской границы на ее восточной части. При этом они говорили об установлении «границы мира на все времена» и утверждали, что завершение демаркации

границы на ее восточной части трудно переоценить, ибо в результате стороны будут иметь юридически оформленную линию границы протяженностью в 4200 км.

В Пекине подчеркивали высокую оценку жеста Президента РФ Б.Н.Ельцина, который, как уже упоминалось, по прибытии в Пекин сразу же в аэропорту сказал журналистам, что только ради одного этого (т.е. ради завершения демаркации российско-китайской границы на ее восточной части) стоило ехать в Пекин. Пекинские дипломаты также подчеркивали, что речь идет о факторе, который будет действовать долговременно, будет оставаться значимым для грядущих поколений, будет вкладом в добрососедство. В Пекине также упоминали о том, что западная часть границы протяженностью в 55 км будет демаркирована в согласованные сроки. Подчеркивалось также, что решение пограничных вопросов потребовало многолетних усилий. Пекинские дипломаты в Москве говорили, что эти вопросы решены в духе взаимного доверия и уступчивости, и видели в этом проявление стратегического взаимодействия.

Особое внимание в Пекине обращали на то обстоятельство, что лидеры двух государств, Президент РФ Б.Н.Ельцин и Председатель КНР Цзян Цзэминь, решили самую сложную проблему в отношениях двух стран и сделали границу линией дружбы.

Сотрудники МИД РФ, оценивая этот процесс в упомянутом выше выступлении на семинаре в Москве, также подчеркивали, что за шесть месяцев 1997 г., с апреля по октябрь, были найдены решения всех вопросов, что вызвало удовлетворение в Москве. Это были, в частности, вопросы, касавшиеся демаркации трех участков границы в Приморском крае (в районах озера Хасан, литера «П», а также левого берега реки Туманной). Китайская сторона передала российской стороне 130 из 290 гектаров, которые по соглашению 1991 года должны были отойти к КНР. С точки зрения сотрудников МИД РФ, китайская сторона в данном случае сделала необычные шаги, пошла на уступку ею своих территорий, чего ранее не наблюдалось.

Однако ведь в Пекине можно было услышать и иную оценку ситуации. Кроме того, из изложенного следует, что в свое время китайской стороне было передано столько нашей земли и такие ее участки, что, учитывая протесты местного населения, и в Москве и в Пекине пришлось пересматривать договоренности 1991 г., которые явно ущемляли интересы России. Одним словом, с одной стороны, деятельность Президента РФ и его правительства заслуживает одобрения. Благодаря ей в соглашениях и на местности закрепляется линия границы между нашими странами на большей ее части. Это то, чего можно добиться в настоящее время. Это — максимально возможное достижение при нынешних условиях. Более того, благодаря завершению демаркации границы на большей ее части стороны получают возможность на протяжении неопределенно длительного времени действовать в дальнейшем так, будто пограничного вопроса или вопроса о границе и территориях в их отношениях больше не существует. На практике это помогает развитию двусторонних отношений, содействует внешней политике каждой из сторон в регионе и на мировой арене.

С другой стороны, нельзя не принимать во внимание и расхождения в позициях сторон относительно юридической основы границы. Эти расхождения продолжают существовать.

Обращает на себя внимание толкование нынешней ситуации в Москве и в Пекине. Б.Н.Ельцин утверждает, что теперь больше нет вопроса о границе и о территориях, что этот вопрос решен окончательно. Цзян Цзэминь, со своей стороны, говорит, что в отношениях двух стран нет серьезных проблем. Вполне очевидна разница между этими оценками ситуации. В Москве на первый план, как обычно, выставляют желаемое. В Пекине — тоже, так же как обычно — оставляют себе поле для маневров в любом направлении. В целом, однако, самое главное в настоящее время состоит в том, что окончание демаркации российско-китайской границы создает реальные условия для продолжения налаживания и развития наших двусторонних отношений.

В дополнение к сказанному остановимся еще на некоторых вопросах.

Прежде всего, на вопросе об островах на пограничных реках. Иногда, в том числе и в нашей печати, можно прочитать заявления о том, что острова на пограничных с Китаем реках никогда не разграничивались или не распределялись между сторонами, что их территориальная принадлежность ныне определяется впервые в истории российско-китайских отношений, в связи с чем не существует и вопроса о том, что одна из сторон при этом поступает своей территорией, а другая сторона приобретает территорию.

Все это представляет собой пересказ позиции наших партнеров по переговорам и смешение нескольких вопросов.

На самом деле в соответствии с существующим договором 1860 г. острова на пограничных реках (прежде всего, на Амуре и Уссури) были все отнесены к России, считались российской территорией, так как граница проходила в соответствии с красной линией, нанесенной на географических картах, составлявших неотъемлемую часть договора о границе, а эта линия была проведена по китайскому берегу упомянутых рек; следовательно, все речное пространство, вся акватория со всеми островами на ней принадлежала России, была ее территорией. Таким образом, юридически изначально острова на пограничных реках были территорией России.

Иной раз в нашей печати можно также прочитать утверждения о том, что в 1930-х гг. СССР незаконно захватил острова на пограничных реках. Однако и это противоречит договорным документам.

Тридцатые годы были временем, когда японские захватчики хозяйничали на китайской территории, прилегавшей к упомянутой границе, создавая непосредственную военную угрозу нашей стране. Наше государство предпринимало меры по укреплению обороны от вероятной агрессии со стороны японцев. Все это, однако, не означало, что оно тогда нарушало договорную основу границы — оно охраняло линию, которая соответствовала договорам о границе между нашими двумя странами, между Россией и Китаем.

Другое дело, что еще в 1964 г. Н.С.Хрущев, идя навстречу позиции Пекина, согласился внести изменения в новые, разрабатывавшиеся тогда, соглашения о прохождении линии границы, практически заново провести границу на пограничных реках, исходя из того принципа, что она будет проходить по середине главного фарватера на судоходных реках и по середине реки на несудоходных реках. Тогда и возникла возможность определить принадлежность островов в зависимости от их положения относительно главного фарватера или середины реки.

Итак, договорная основа для разграничения территорий двух наших стран существует. В соответствии с этой договорной основой вплоть до того момента, пока обе стороны по взаимному согласию не изменили некоторые положения прошлых договоров, граница проходила по китайскому берегу и все острова на пограничных реках были юридически территорией нашей страны. Вопрос о разграничении островов на пограничных реках возник только после того, как наша страна пошла навстречу предложениям китайской стороны, т.е. начиная с 1964 года.

Далее, в связи с пребыванием Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР в ноябре 1997 г. поднимался вопрос о хозяйственной деятельности на островах, расположенных на пограничных реках. При этом в нашей печати также утверждалось, что этот вопрос ранее не обсуждался. Однако его обсуждали, в частности, во время консультаций и переговоров между двумя сторонами в 1964 г. и в 1969—1970 гг.

Ныне обе стороны обсуждают вопрос о закреплении права хозяйствования на этих островах, права вести определенные (сезонные) хозяйственные работы на островах, которые юридически принадлежат соседней стране. Здесь имеет место вопрос о юридическом оформлении такого рода договоренности. Такой подход к вопросу может способствовать установлению согласованного сторонами порядка на границе, а следовательно, и поддержанию нормальных взаимоотношений между двумя государствами. Очевидно, что такое решение вопроса, в случае если обе стороны придут к конкретным взаимоприемлемым

и не ущемляющим интересы ни одной из сторон решениям, будет представлять собой движение в позитивном направлении.

В то же время очень важно так оформить соответствующие договоренности и юридические документы, чтобы они никому не давали никаких оснований предъявлять территориальные претензии на те острова, на которых предполагается хозяйственная деятельность граждан соседнего государства. В соответствующих юридических документах должно быть указано и подчеркнуто, что острова, на которых допускается хозяйственная деятельность сезонного характера по обусловленным правилам, являются территорией России, и договоренность о хозяйственной деятельности на этих островах не может служить основанием для постановки вопроса об их территориальной принадлежности или ее изменении.

Работники МИД РФ на уже упоминавшемся семинаре в Москве также дали оценку обмена мнениями в Пекине по экономическим вопросам:

«Констатируя, что в политике сейчас между двумя странами нет сколько-нибудь значимых проблем, Б.Н.Ельцин и Цзян Цзэминь уделили беспрецедентно большое внимание обсуждению экономического блока вопросов.

В нынешнем году после прошлогоднего подъема наметились тенденции к падению оборота.

Москва и Пекин были вынуждены в соответствии с требованиями ВТО сокращать долю бартера в своей внешней торговле. Переход на почти полную торговлю в СКВ оказался явно не подготовленным с точки зрения инфраструктуры: в Китае до сих пор ни один из российских коммерческих банков не сумел открыть своего отделения, в России практически полностью отсутствуют китайские банки. Не развивается взаимная инвестиционная деятельность. В целом неплохо идут дела в военно-техническом сотрудничестве, но в Москве и в Пекине прекрасно осознают: на одной «оборонке» далеко не уедешь. Победить в конкурентной борьбе на китайском рынке сможет только сильнейший. Конкурировать есть за что. Потребности Китая только в зарубежной авиатехнике на ближайшие годы оцениваются в 140 млрд долларов. По прогнозам зарубежных специалистов, китайские закупки гражданских самолетов будут увеличиваться на 14% в год. Между тем за последние два года Россия не смогла продать Китаю ни одного самолета. США же только в ходе октябрьской поездки в эту страну Цзян Цзэминя заручились контрактом на поставку 50 самолетов фирмы «Боинг» на сумму 3 млрд долларов. США намерены вступить в борьбу и за заказы на строительство АЭС в Китае, общий портфель которых оценивается в 60 млрд долларов.

Тревожный звонок для России прозвенел в августе, когда в Китае были объявлены результаты тендера на поставку первых четырнадцати гидроагрегатов для крупнейшей в мире ГЭС «Три ущелья». Российский консорциум, претендовавший на часть заказов, не получил из общей суммы контракта в 740 млн долларов ничего.

Разговор в Пекине оказался достаточно откровенным и конкретным. Даны поручения соответствующим российским и китайским структурам ускорить согласование и до конца года подписать генеральный контракт на сооружение первой российской атомной электростанции в Китае. Намечена программа совместной работы по основным направлениям торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

В качестве приоритетной сферы выделена энергетика.

Основное внимание будет уделено реализации двух газовых проектов: строительство газопроводов в Китай от Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области (так называемый Восточный проект) и газопровод в Китай из Западной Сибири (так называемый Западный проект).

Еще один перспективный проект — переброска электроэнергии из Иркутской области в Китай, предполагающий китайское участие в строительстве электростанций в Сибири.

Россия и Китай приступают к сотрудничеству в такой новой области, как развитие алмазно-бриллиантовых комплексов двух стран. Оно предусматривает взаимодействие в

области геологической разведки, добычи, оценки, обработки и реализации алмазного сырья и бриллиантов. На этот счет в Пекине подписано специальное соглашение.

Неплохо идет сотрудничество в области мирного космоса.

Значительные резервы взаимодействия кроются в межрегиональных и приграничных связях. В ближайшее время завершится создание на российской территории в районе Забайкальска торгового комплекса, обслуживающего нужды приграничного населения. Аналогичный комплекс на китайской стороне функционирует уже 8 месяцев.

Расширению приграничного общения будет способствовать введение в строй в декабре крупнейшего на российско-китайской границе шестнадцатиполосного автомобильного пограничного перехода Забайкальск—Маньчжурия. Намечено ускорить строительство первого моста через реку Амур между Россией и Китаем в районе г. Благовещенска.

По инициативе лидеров двух стран в прошлом году принято решение о создании российско-китайского общественного Комитета дружбы, мира и развития. Его первое заседание было приурочено к нынешнему визиту в Китай Президента России.

Важный результат пекинского саммита — установление еще более тесных личных отношений между руководителями России и Китая.

Б.Н.Ельцин пригласил Цзян Цзэминя провести следующий саммит в неофициальной обстановке, «без галстуков». Договорились, что такая встреча состоится на российской территории через несколько месяцев».

Со своей стороны, в Пекине утверждали, что экономическое сотрудничество вступает в новый этап. Эти вопросы были одной из ведущих тем саммита в Пекине.

Дипломаты КНР в Москве говорили, что некоторые российские газеты критически отзывались о состоянии двустороннего экономического сотрудничества, подавая информацию об этом в духе тезиса о том, что отношения Пекина и Вашингтона — это «сотрудничество без сантиментов», а отношения Пекина и Москвы — это одни лишь «сантименты без сотрудничества». В Пекине отмечали, что обе стороны действительно не удовлетворены состоянием экономических отношений и намерены предпринимать меры для того, чтобы выправить положение. Однако это требует времени и терпения. Здесь нужны правила игры и взаимная адаптация.

По мнению пекинских дипломатов, нужно исходить из реального экономического положения в РФ и в КНР, избавиться от стереотипов экономического сотрудничества в прошлом и создать совершенно новые условия, обеспечивающие сотрудничество. Вместе с тем в Пекине утверждали, что экономическое сотрудничество КНР и РФ вступило в новый этап.

Во время ноябрьского саммита были определены направления сотрудничества: торгово-экономические связи, финансы, энергетика, транспорт, космос, наука и техника. Стороны договорились, что до конца 1997 г. будет подписан генеральный контракт на строительство АЭС в КНР. Существуют проекты газопроводов: Восточный проект и Западный проект. К участию в Восточном проекте приглашены Япония и Южная Корея. Имеются перспективы сотрудничества в сфере поставок энергетического оборудования. Здесь Россия может принять участие в соответствующем тендере. Отмечалось существование первых совместных предприятий; говорилось о возможном строительстве судов на подводных крыльях для КНР.

Пекинские дипломаты отмечали также, что существует вопрос о плохом качестве товаров из КНР, которые поступают в РФ благодаря усилиям «челноков». В КНР стремятся исправить ситуацию, и с этой целью предполагается построить в Москве супермаркет и создать торговый центр. В целом пекинские дипломаты в Москве утверждали, что в настоящее время наступил новый этап торгово-экономических отношений.

Они не соглашались с мнением о том, что политические отношения Москвы и Пекина ушли вперед от торгово-экономических и подчеркивали, что нынешние отношения в области экономического сотрудничества и внешней торговли отвечают состоянию и

соотношению двух экономик, экономики КНР и экономики РФ. Уровень экономического сотрудничества сегодня примерно соответствует уровню экономик обеих стран или соотношению экономик обеих стран. Потенциал развития этих связей представляется большим, но трудности имеются, причины их — и субъективные и объективные.

По мнению пекинских дипломатов, российскому бизнесу не хватает стратегического взгляда на состояние и перспективы развития двусторонних отношений. Россия должна бороться за китайский рынок. Кроме того, слишком много посредников, которые мешают прямо договариваться между собой производителям. Необходимо также участие государства в этих операциях, подчеркивали представители Пекина.

В целом в том, что касается торговых и экономических связей между нашими двумя странами, вполне очевидно, что дела обстояли не блестяще. Более того, процесс взаимного приспособления в этой сфере затянулся, если не сказать, застыл. Стороны выражали намерения или пожелания довести годичный объем товарооборота до 20 млрд долларов в ближайшие годы. Практически не было реальных оснований считать, что такие планы могут осуществиться.

Вероятно, главное, чего пока не хватает в этих отношениях, это твердой политической воли обеих сторон не только налаживать такие отношения, но и осуществлять их под непосредственным патронажем, контролем и наблюдением двух государств, при соответствующих гарантиях двух правительств.

При этом в РФ пока нет реальной возможности наладить дело именно таким образом, а в КНР пока нет желания действовать в этом духе. Следовательно, придется дать поработать времени, пока жизнь заставит оба государства, отвечая интересам обоих народов, заново серьезно взяться за налаживание и развитие двусторонних торгово-экономических отношений, а до той поры эти отношения будут буксовать и топтаться практически почти на одном месте. Документы, которые подписываются представителями обеих сторон, в том числе и во время ноябрьского (1997 г.) визита Президента РФ в КНР, будут до той поры оставаться в лучшем случае планами на будущее или протоколами о намерениях.

Во время этого визита Президент РФ Б.Н.Ельцин посетил город Харбин.

Пекинские дипломаты в Москве подчеркивали, что Харбин — это столица провинции Хэйлунцзян, граница которой с РФ составляет три тысячи километров. В Харбине состоялись встречи с представителями деловых кругов, с руководителями приграничных регионов РФ и КНР. За день до приезда Президента РФ они встречались и выработали общие предложения.

Известно, что китайская сторона предлагала Б.Н.Ельцину вместо Харбина побывать в одной из специальных экономических зон в КНР. Президент РФ предпочел поехать в Харбин. Возможно, что тем самым он хотел подчеркнуть, что он не забыл ни о современном Дальнем Востоке, ни об истории Дальнего Востока. Не забыл, в частности, что основанный русскими город Харбин в 1998 году мог бы отмечать свой вековой юбилей.

Поездка Б.Н.Ельцина в Харбин диктовалась, вероятно, и желанием Президента РФ сделать что-то конкретное, идя навстречу пожеланиям губернаторов и населения приграничных с КНР краев и областей России. В то же время в средствах массовой информации получил распространение тезис, исходивший из президентского окружения, что до сих пор ни один из высших руководителей нашей страны не посещал город Харбин.

Если же говорить о том, как эта поездка могла отозваться в КНР, то следует признать саму мысль о посещении президентом нашей страны Харбина крайне неудачной. В КНР полагают, что нет русского или даже бывшего русского Харбина, что вся история пребывания русских в этих провинциях Китая, в Маньчжурии в целом, это крайне неприятный эпизод в истории двусторонних отношений, пример попытки России колонизировать северо-восток Китая. В КНР видят свое достижение в том, что русских практически больше не осталось в Харбине. Более того, все, что связано с Харбином и Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), в КНР толкуется главным образом как

история борьбы китайцев против российской экспансии и эксплуатации китайцев русскими, Россией.

Необходимо также отметить, что история города Харбина по-разному толкуется в нашей стране и в КНР. Если у нас полагают, что Харбин — это город, основанный русскими, и что ему сто лет, то в КНР считают, что это — китайское поселение, насчитывающее восьмисотлетнюю историю. Понимание исторических событий, в том числе и особенно связанных с Северо-Восточным Китаем, у нас и у китайцев далеко не одинаковое. До взаимопонимания по этому вопросу пока очень далеко. Представляется, что лучше всего было бы дать времени поработать и пока не беречь такого рода раны в душе и того и другого народа.

Что же касается вообще вопроса о том, что именно целесообразно Президенту РФ посетить в КНР, то при всей сложности этого вопроса и необходимости учета мнения китайских партнеров, все-таки можно высказать некоторые предложения. А также поскольку Президент РФ и Председатель КНР пришли к согласию относительно проведения следующей встречи «без галстуков», в неформальной обстановке, то можно было бы предложить провести такую встречу в родных местах Б.Н.Ельцина, скажем в Екатеринбурге. Тогда следующую встречу можно было предложить устроить в КНР в родных местах Цзян Цзэминя, в городе Янчжоу, что в провинции Цзянси. Это зажиточная провинция, а город Янчжоу богат историческими памятниками; он был столицей Китая, там проходит и Великий китайский канал. Со временем Б.Н.Ельцин мог бы побывать и на родине Дэн Сяопина в провинции Сычуань.

В целом наши рекомендации могли бы сводиться к предложению посещать китайскую глубинку, собственно Китай, а не появляться в точках, которые либо являются «болевыми» в историческом плане, либо представляют собой своего рода «витрины», рассчитанные на показной эффект (то, что именуется специальными экономическими зонами).

Во время пребывания в Харбине 11 ноября 1997 г. Б.Н.Ельцин провел, как уже упоминалось, встречу с руководителями администраций некоторых российских и некоторых китайских приграничных регионов. Выслушав пожелания местных руководителей, Президент РФ дал указания об ускорении строительства моста через реку Амур в районе города Благовещенска. Б.Н.Ельцину также рассказали о том, что на территории КНР в районе станции Маньчжурия уже действует торговая зона. За восемь месяцев 1997 г. российские коммерсанты получили 10 млрд рублей прибыли от торговых операций в этой зоне. (Правда, осталось неизвестным, какую выгоду получила при этом китайская сторона.) Представитель Читинской области просил разрешить открыть такого рода зону и на территории РФ в районе Забайкальска. Не исключено, что в отсутствие законов, четко регламентирующих деятельность таких зон, Президент РФ может издать такой указ.

Здесь необходимо сказать, что вопрос о создании на территории России так называемых специальных зон, открытых для торговли и экономических взаимоотношений, желательно рассматривать всесторонне, имея в виду и выгоду каждой из сторон как в тактическом, так и в стратегическом плане. Во всяком случае, весь этот вопрос должен находиться под строгим государственным контролем, который гарантировал бы нашу сторону от материального и иного ущерба.

Важным также представляется необходимость принять во внимание исторический аспект этого вопроса. По сути дела, речь может пойти о допущении к участию в делах хозяйственного управления на нашей территории, пусть на их первом этапе, учреждений или даже отдельных граждан КНР (которые, впрочем, в таких случаях всегда действуют с ведома органов власти своего государства).

В свое время в беседе с М.С.Горбачевым в мае 1989 г. Дэн Сяопин не случайно остановился на истории двусторонних отношений, сделав особый упор на том, что именно Россия совершила экспансию, вторглась в Китай, отторгла на основании так называемых «неравноправных договоров» китайские земли. Дэн Сяопин объяснил также, как бы он

полагал правильным решать вопрос о возвращении Китаю территорий, которые, по его мнению, принадлежали и должны принадлежать Китаю, но пока по тем или иным причинам еще не возвращены, т.е. о территориях, ожидающих возвращения в состав Китая. Дэн Сяопин полагал, что если страна не желает или не может сразу же вернуть такие территории Китаю (Дэн Сяопин как бы делал снисхождение такой стране), то ей следовало бы совместно с Китаем, т.е. передав ему право распоряжаться на этих территориях, осваивать, эксплуатировать и развивать такие регионы и территории.

Иначе говоря, завет Дэн Сяопина состоял в том, чтобы добиваться от соответствующих соседних государств принятия ими принципа совместного освоения таких земель. Оно может происходить в форме совместного административного управления спорными районами или совместного хозяйственного управления на этих территориях, участия в хозяйственном управлении делами на этих землях.

В конце 1996 г. глава правительства КНР Ли Пэн сделал главе правительства России В.С.Черномырдину предложение о хозяйственном освоении территорий или зон на территории нашей страны. Представляется, что это было предложение в русле выполнения заветов Дэн Сяопина. Думается также, что ни в коем случае нельзя допускать и мысли о каком бы то ни было административном или хозяйственном участии КНР или ее граждан в управлении теми или иными участками нашей земли, равно как и в хозяйственном управлении предприятиями на нашей территории, кроме как в соответствии с действующими в РФ законами о деятельности иностранцев на нашей территории. Коммерческие проекты не должны увязываться с вопросом об административном или хозяйственном управлении любыми участками земли на нашей территории. Ведь дело в том, что эти земли пока еще рассматриваются в КНР в принципе как временно утраченные китайские территории, как земли, которые представляют собой спорные районы и лишь временно входят в состав России.

Еще одной особенностью государственного визита в КНР Президента РФ стало первое заседание новообразованного в соответствии с договоренностью между Президентом РФ и Председателем КНР российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития.

Создание такого органа в то время можно было объяснять потребностью обеих сторон не ограничивать отношения только встречами между представителями органов государственной власти, прежде всего, исполнительной власти, а также учитывая и состояние отношений и традиции потребностью создать мост, соединяющий общественность обеих стран.

Возобновление в широких масштабах деятельности «обществ дружбы» представлялось, очевидно, руководителям в Москве и в Пекине недостаточным и в связи с тем, что эти общества (Общество советско-китайской или российско-китайской дружбы в Москве и Общество китайско-советской или китайско-российской дружбы в Пекине) в какой-то мере принадлежали прошлому, главным образом периоду советско-китайских отношений. А также в связи с тем, что новый характер отношений требовал контактов и связей не только в сфере дружбы между народами, но и в области экономического сотрудничества, — а ранее, при советской власти, оно отграничивалось в нашей стране от общения людей на уровне общественных организаций.

Ныне связи в области торговли, экономики, науки и техники и т.д. развиваются между нашими двумя странами и по линии государственных учреждений и путем контактов между негосударственными организациями или даже частными лицами. Во всяком случае, они не ограничиваются ведением дел между государственными учреждениями; бывает и так, что с одной стороны действуют государственные учреждения, а с другой — негосударственные предприятия или отдельные граждане. Таким образом, возникла необходимость иметь некий форум или орган, где стороны или их представители могли бы обмениваться мнениями и даже предпринимать определенные шаги как в сфере

поддержания дружественных связей между народами, так и в области развития экономических отношений.

В этих целях весной 1997 г. и было объявлено о намерении создать упомянутый двусторонний Комитет дружбы, мира и развития. Руководителем комитета с российской стороны был назначен председатель Ассоциации промышленников и предпринимателей А.И.Вольский, а руководителем с китайской стороны — заместитель председателя постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Хуан Ичэн, в прошлом заместитель председателя госплана КНР.

Как уже упоминалось выше, А.И.Вольский работал на Московском автомобильном заводе в то время, когда там стажировался Цзян Цзэминь. Хуан Ичэн близок к Цзян Цзэминю и даже сменил его в свое время на посту министра электронной промышленности КНР.

С каждой стороны в комитет вошли по 35 человек. Во время визита Б.Н.Ельцина в КНР в ноябре 1997 г. было проведено первое заседание комитета и был подписан документ, в котором определялись основные принципы его работы. Других реальных результатов работа комитета пока не дала. Б.Н.Ельцин и Цзян Цзэминь сфотографировались на память с членами комитета, подчеркнув тем самым значение, которое они в принципе придают его работе. Создание этого комитета также подчеркивало намерение глав двух государств определять все главные направления развития двусторонних отношений, быть патронами и межгосударственных и общественных связей.

Выступая на заседании комитета Хуан Ичэн сосредоточился на проблемах экономического сотрудничества. При этом он бросил в адрес нашей стороны упреки в невыполнении вовремя соответствующих обязательств. Речь шла о поставке в КНР промышленного оборудования. Представители нашей стороны промолчали, стремясь, как обычно, делать все возможное, чтобы не омрачать атмосферу двусторонних отношений. Хотя компетентные специалисты знали, что задержки в поставке оборудования были вызваны тем, что китайская сторона не заплатила вовремя за поставку соответствующего оборудования, т.е. не выполнила условий контракта.

Этот эпизод весьма характерен. Наша сторона предпочитает молчать, дабы сохранять хорошую общую атмосферу в отношениях. Китайская сторона предпочитает вести себя сегодня (впрочем, как обычно в истории наших двусторонних отношений) наступательно и требовательно, даже грубовато, особенно когда речь идет о материальной заинтересованности.

Следует также сказать, что кратковременный визит Президента РФ в КНР потребовал больших затрат. С президентом в Пекин прилетели многочисленные сопровождающие лица (в том числе и члены упомянутого комитета), которые в общей сложности разместились на девяти самолетах и провели в КНР всего-навсего одни сутки или двое суток, принимая участие лишь в протокольных мероприятиях.

Представляется, в частности, что само заседание Комитета дружбы, мира и развития могло быть проведено в малом формате, его председатели могли подписать соответствующие документы и договориться о дальнейшей работе. Не обязательно было возить из Москвы в Пекин такую большую группу людей, которым, по сути дела, нечего было делать в Пекине.

Есть и более серьезные вопросы, связанные с работой упомянутого комитета. Пока не ясно, что предстоит делать этому комитету, в частности, как разграничиваются функции комитета и правительственной двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству. Далее, нет пока и ответа на вопрос о том, как будут разграничиваться функции комитета и общества российско-китайской дружбы. Вероятно, общество могло бы работать в качестве одного из подкомитетов или секций упомянутого комитета. Тем более что комитет и общество дружбы практически не имеют финансовой основы; государство не выделило средства на работу комитета. (В то же время не исключено, что с его созданием Общество российско-китайской дружбы может постепенно потерять свое значение. Представляется,

что это общество необходимо сохранить; желательно, чтобы государство помогло активизировать эту структуру, имеющую свои традиции, партнеров в Китае, являющуюся старейшим и единственным в нашей стране общественным объединением, которое на практике старается поддерживать и развивать дружественные связи с представителями Китая.)

Единственное, что сделало государство в этом плане, это назначение ответственным секретарем комитета заместителя министра иностранных дел РФ. Иначе говоря, за зарплату, получаемую в МИД РФ, несколько чиновников министерства будут выполнять конкретную работу секретариата комитета. Одного этого крайне недостаточно, чтобы комитет полнокровно работал и стал центром, соединяющим общественность и государственные учреждения в деле развития связей с КНР.

Изменения в руководстве в РФ и в КНР

В 1998 г. произошли события, которые отразились на состоянии и развитии двусторонних отношений России и Китая. Прежде всего, имели место определенные изменения в руководстве обеих стран.

В нашей стране президент Б.Н.Ельцин сначала, в марте 1998 г., отстранил правительство В.С.Черномырдина, сохранив Е.М.Примакова на посту министра иностранных дел, а затем, в августе того же года, отправил в отставку правительство С.В.Кириенко, опять-таки сохранив Е.М.Примакова на посту министра иностранных дел. В сентябре того же года Е.М.Примаков стал Председателем правительства РФ, а на пост министра иностранных дел был назначен И.С.Иванов. За год в стране дважды сменились председатели правительства, в то же время внешняя политика продолжала находиться в руках президента страны Б.Н.Ельцина и министра иностранных дел, а затем главы правительства Е.М.Примакова. Таким образом, основное направление политики в отношении, в частности, КНР не претерпело изменений, хотя замена правительства сказалась на стабильности практических связей на всех уровнях и по всем линиям.

В КНР весной 1998 г. произошла смена правительства. Вместо Ли Пэна главой правительства стал Чжу Жунци, а вместо Цянь Цичэня министром иностранных дел был назначен Тан Цзяюань. Был заменен и посол в нашей стране: вместо Ли Фэнлиня на этом посту появился У Тао. Все упомянутые новые официальные лица ранее не занимались российскими делами. Персональные изменения в правительстве КНР также сказались на устойчивости связей между нашими странами по целому ряду направлений.

В связи с этим возникали определенные заминки при визитах на высшем и высоком уровне. Хотя в конечном счете состоялись и встреча на высшем уровне и обмен визитами на высоком уровне (поездки глав правительств С.В.Кириенко и Ли Пэна), однако система отлаженных в 1992—1997 гг. отношений дала некоторый сбой; потребовалось приложить новые усилия для того, чтобы отрегулировать отношения и снова направить их на накатанный путь. Обе стороны многое сделали в этих целях.

В феврале 1998 г. состоялся визит в РФ главы правительства КНР Ли Пэна. В совместном заявлении для печати Б.Н.Ельцина и Ли Пэна говорилось, что Россия и Китай, постоянные члены Совета Безопасности ООН, не приемлют силового решения ситуации вокруг Ирака. Газеты также сообщали, что удалось достичь компромисса в нашу пользу об оплате российского энергооборудования для двух теплоэлектростанций, которые строятся уже пять лет. Эта проблема была головной болью для Москвы долгие месяцы. Договорились также о принципах оплаты двух китайских кредитов, предоставленных в свое время Советскому Союзу. Утверждают, что забрезжил свет в конце туннеля по трудной проблеме появления на китайском рынке российских самолетов.

Ли Пэн отметил, что нынешний уровень торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, конечно, не соответствует их потенциалу. Оборот в шесть миллиардов долларов значительно уступает уровню китайского товарообмена с другими странами. На взгляд Ли Пэна, нельзя полагаться лишь на контракты между частными лицами (так он назвал «челноков», о которых, впрочем, не забыли, предоставив им возможность по упрощенной схеме посещать торговые комплексы по ту сторону китайской границы). Необходимо развивать прямые связи между наиболее развитыми провинциями КНР и российскими регионами [12].

Визит главы правительства КНР Ли Пэна в нашу страну в начале 1998 г. по сути дела был прощальным. Ли Пэн вскоре после этого оставил пост премьера Государственного Совета КНР и перешел на должность председателя Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей. Это было серьезное изменение или перемещение в составе руководства КНР. Окончилось целое десятилетие деятельности Ли Пэна в качестве руководителя правительства страны. На то имелись важные внутрикитайские причины.

Это сказалось и на состоянии наших двусторонних отношений. Уход Ли Пэна с его поста означал, что вместо него появлялся другой глава правительства со своими взглядами и опытом, в том числе и в отношении нашей страны, а на руководящие посты в новом правительстве выдвигались новые люди. В этих условиях, так или иначе, но всегда приходилось заново налаживать уже сложившуюся систему контактов.

Поэтому во время визита Ли Пэна удалось сделать лишь минимум возможного и необходимого для поддержания двусторонних связей. В частности, от имени двух государств было сделано заявление по ситуации вокруг Ирака; при этом партнерами выступили формально руководители разного уровня: с нашей стороны президент страны, а со стороны КНР глава ее правительства. Обе стороны сочли важным, не обращая внимания на формальные моменты, подчеркнуть общность позиций по одному из актуальных в то время вопросов мировой политики.

Требовавшие решения многочисленные проблемы торгово-экономических отношений, которые, собственно говоря, и должны составлять главное содержание контактов на уровне глав правительств, во время визита Ли Пэна решить не удалось; пришлось ограничиться лишь некоторыми заявлениями. При этом известную роль сыграло то, что Ли Пэн уже не был в состоянии на стабильной основе заниматься этими вопросами.

И в РФ и в КНР весной 1998 г. произошла смена правительства. Во главе появились новые премьер-министры: С.В.Кириенко и Чжу Жунцзи.

По сообщениям печати, российский дипломат в Пекине не исключал в связи с этим определенных изменений в тональности общения: «Будет меньше эмоций, больше жесткого прагматизма». По мнению наших торговых работников и представителей крупных объединений, они уже ощущали последствия перетряски в Пекине в связи со сменой главы правительства КНР. «Когда столоничальник не знает, что с ним будет завтра, его уже не интересует судьба контракта на поставку трансформаторов из Барнаула», — считал один из российских бизнесменов. Другие не скрывали опасений, что с приходом новой команды, исповедующей новую идеологию и методы управления, российским товаропроизводителям на китайском рынке придется туго.

Китайскую сторону не устраивал растущий дефицит в торговле с Россией. Представительство Авто-ВАЗа, например, было вынуждено практически свернуть свою деятельность на главном рынке — на северо-востоке Китая — из-за введенного запрета на ввоз российских малолитражек. Кроме того, как считали наши бизнесмены, новые ведомства и новые люди будут отбирать партнеров на тендерах с жесткими условиями, и российским компаниям рассчитывать на выигрыш практически бесполезно.

В связи со всем этим российская дипломатия предпринимала усилия для организации неофициального краткого визита главы правительства КНР Чжу Жунцзи в Москву, проездом из Европы [13]. Визит этот тогда не состоялся. Это свидетельствовало о том, что новый

глава правительства КНР решил заново рассмотреть характер, состояние и перспективы развития двусторонних, прежде всего торгово-экономических, отношений. При этом его не смущало то, что такое решение на практике имело своим следствием фактическую паузу в этих отношениях или в их значительной части. Чжу Жунци сменил Ли Пэна весной 1998 г., а его первая встреча с главой правительства РФ, нацеленная на детальное и серьезное рассмотрение ситуации в области экономических и торговых связей, была назначена на начало 1999 г.

В то же время было объявлено, что неформальная встреча «без галстуков» Президента России Б.Н.Ельцина и Председателя КНР Цзян Цзэминя должна состояться, как и ожидалось, 3—6 сентября 1998 г. в Подмосковье [14].

В мае 1998 г. Б.Н.Ельцин встретился с руководством МИД РФ. При этом он сформулировал четыре главные задачи, стоящие перед отечественной дипломатией: «сохранение территориальной целостности, обеспечение национальной безопасности, демократизация общества, проведение реформ и интеграция нашей экономики в мировое рыночное хозяйство».

В этом выступлении Президент РФ призвал дипломатов «не ложиться под Америку». (Возможно, в этом нашли свое отражение и события первой половины 1990-х гг. Тогдашний вице-президент РФ А.В.Рудкой, по его словам в интервью на российском телевидении в программе «Итоги» 4 апреля 1999 г., утверждал, что он в свое время убеждал тогдашнего министра иностранных дел А.В.Козырева «не стелиться под США».)

Реакция Б.Н.Ельцина на ядерные испытания, проведенные накануне на индийском полигоне, была следующей: «Индия подвела нас своим взрывом, но думаю, что, работая дипломатическим путем, визитом, мы должны добиться поворота в их позиции». Коснувшись российско-американских отношений, президент повторил, как писал журналист, «любимую мысль (министра иностранных дел РФ) Примакова» о недопустимости «однополярной системы мироустройства» и «диктата одного государства, даже самого мощного» [15].

Из высказываний Президента РФ Б.Н.Ельцина следовало, что он находился под впечатлением мыслей о том, что США навязывают свое мнение нашей стране, а потому в противостоянии нажиму со стороны США необходимо демонстрировать общность наших взглядов с позициями, в частности и в особенности, Пекина, в том числе принимая и его тезис о «многополярности» современного мира или о необходимости добиваться такой «многополярности».

Так возникала атмосфера, в которой внешнеполитическое ведомство нашей страны искало общее с Пекином, исходя из того, что представлялось в руководящих кругах РФ высшими интересами, т.е. необходимостью противодействия США, отстаивания своих позиций в отношениях с США, в том числе с помощью демонстрации «постоянно улучшающихся» отношений с Пекином.

В июне 1998 г. высокопоставленный российский дипломат в Пекине говорил, что в российско-китайских отношениях наступил «мертвый сезон», который угрожает затянуться. Практически застопорился механизм премьерских встреч. Смена правительственных команд в КНР и в РФ оголила руководящие посты в межправительственных комиссиях и подкомиссиях, а торгово-экономическое сотрудничество в результате лишилось направляющих импульсов.

В то же время в июне ожидался визит главы правительства РФ С.В.Кириенко в Пекин [16].

Встреча в Алма-Ате

Третьего июля 1998 г. в Алма-Ате состоялась встреча президентов Казахстана, КНР, Таджикистана, Киргизии. В ней должен был принимать участие и Президент РФ, однако российскую сторону представлял министр иностранных дел России Е.М.Примаков.

В российской печати сообщалось, что Б.Н.Ельцин не поехал в Алма-Ату на встречу «шанхайской пятерки», сославшись на необходимость своего присутствия в Москве именно в эти дни, когда готовилась к выполнению программа по стабилизации финансового и социально-экономического положения в России. Все остальные участники с пониманием и сочувствием отнеслись к объяснениям российского президента. Китайский лидер Цзян Цзэминь выразил надежду, что алма-атинский раунд пройдет успешно, а вопросы двусторонних отношений он планирует обсудить с Б.Н.Ельциным в сентябре на неформальной встрече, которая состоится в Москве.

Что касается программы совещания в Алма-Ате, то в нее были включены вопросы региональной безопасности и экономического сотрудничества пяти названных стран, имеющих общие границы. Были обсуждены и такие крупные международные проблемы, как ситуация в Афганистане и Южной Азии в связи с проведением Индией и Пакистаном ядерных испытаний. (Предыдущая встреча проходила в Москве в 1997 г., и стороны, как сообщалось в печати, были намерены придать консультациям «пятерки», начатым в 1996 г. в Шанхае, регулярный характер [17].)

В отсутствие Б.Н.Ельцина китайская сторона в Алма-Ате добилась согласия остальных участников встречи со своей оценкой развития событий в Юной Азии, в частности с жестким осуждением позиции и действий Индии. По сути дела, наша страна заинтересована в сохранении добрых отношений и с Индией и с КНР, поэтому для нас было бы предпочтительнее не выступать на чьей-либо стороне в том случае, когда одна из упомянутых стран осуждает политику другой страны. К сожалению, нашему министру иностранных дел не удалось добиться этого в Алма-Ате; возможно, в силу того, что остальные участники встречи, прежде всего КНР, были представлены не на «высоком уровне» (глав правительств), а на высшем уровне — глав государств. Хотя, скорее всего, решение министра иностранных дел РФ было согласовано с Президентом РФ.

Кстати, для министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова проведение ядерных испытаний в странах Южной Азии было неожиданностью; как он сам заявил по телевидению, он даже не поверил в свое время предупреждению о возникновении напряженности между Индией и Пакистаном, в том числе в ядерной области, прозвучавшему в беседе с ним президента США У.Клинтон по крайней мере за полгода до проведения ядерных испытаний.

Что касается отсутствия Президента РФ Б.Н.Ельцина в Алма-Ате, то это можно попытаться объяснить комплексом причин. Прежде всего, сам формат встречи, создание упомянутой «пятерки», которая занималась оформлением соглашений о мерах безопасности на границе, в приграничной полосе и о сокращении вооружений в приграничной зоне, — это идея, имеющая, как представляется, для одних стран плюсы, а для других стран — минусы. Во всяком случае, согласие России на предложение КНР сокращать свои вооруженные силы в районах, прилегающих к российско-китайской границе, это, по крайней мере, спорный вопрос. Вряд ли есть практическая необходимость соглашаться на предложения соседней страны сокращать наши вооруженные силы на нашей территории. Россия и в настоящее время и в обозримом будущем, на десятилетия, никак не может быть отнесена к государствам, со стороны которых исходит угроза Китайской Народной Республике. Далее, судя по заявлению Цзян Цзэминя, он предполагал обменяться в Алма-Ате мнениями с Б.Н.Ельциным по вопросам двусторонних отношений. Возможно, в Пекине предполагали заменить встречу на высшем уровне на территории России встречей на территории третьего государства. Представляется, что чем чаще встречаются лидеры наших двух государств, тем лучше; в то же время необходимо соблюдать принцип равноправия, паритетность,

проводить встречи глав государств поочередно в той и в другой стране, наряду со встречами на международных форумах.

Как бы там ни было, а Президент РФ в результате того, то случилось, оказался лично непричастен к жесткому осуждению Индии Пекином за проведение ею ядерных испытаний. Остается не совсем ясным, почему с этим согласился министр иностранных дел РФ Е.М.Примаков.

Визит С.В.Кириенко в Пекин

В июле 1998 г. состоялся визит в КНР главы правительства РФ С.В.Кириенко. Он провел переговоры со своим партнером Чжу Жунцзи. В течение 15 минут с ним беседовал и Цзян Цзэминь.

Судя по сообщениям печати, С.В.Кириенко сказал, что стороны согласны в том, что политика не должна вмешиваться в экономику. Он также сообщил, что на переговорах был снят круг вопросов, сдерживающих сотрудничество по крупным проектам. Прежде всего, это касается сооружения газопровода из России в Китай. Ранее переговоры велись на уровне заместителей глав правительств. Теперь было решено перевести их на министерский уровень.

С.В.Кириенко выступил инициатором новой формы сотрудничества, пригласив китайских инвесторов вкладывать капиталы в развитие производства в России. Предпочтение будет отдаваться тем вложениям, которые пойдут в социально взрывоопасные районы России, прежде всего в шахтерские города и регионы. Речь может идти, как пояснил премьер, о производстве китайского ширпотреба и изделий бытовой электроники [18].

Визит главы правительства РФ С.В.Кириенко в Пекин оказался во многом примечательным. Прежде всего, это было первое проявление стиля работы нового поколения российских политиков. С.В.Кириенко сосредоточился на постановке перед своим китайским партнером практически всей совокупности сложных проблем, тормозивших развитие наших двусторонних торгово-экономических отношений. Чжу Жунцзи не ожидал этого и смог лишь сказать, что вопросы будут тщательно и серьезно рассмотрены в последующем. Вероятно также, что позиция Чжу Жунцзи отражала общий подход руководства КНР к отношениям с нашей страной в то время; ощущалось, что в Пекине предпочитали не торопиться и не форсировать развитие конкретных экономических связей.

Впервые встретились, можно сказать, государственные деятели, руководители правительств двух стран, которые находились на современном для обеих стран уровне понимания вопросов экономики. При этом оказалось, что с российской стороны есть желание и намерения действительно энергично взяться за развязывание узлов и налаживание реального развития двусторонних торговых и экономических отношений, которое фактически замедлилось, если не остановилось на многих направлениях. С китайской стороны, как оказалось, такой готовности не было. Скорее всего, Чжу Жунцзи, придя к руководству правительством в должности полноправного хозяина положения, обнаружил столь сложные вопросы внутри страны, а также был ориентирован своим прежним опытом на поддержание и развитие связей с партнерами на Западе и в Японии, что вся сфера отношений с нашей страной представлялась ему не первостепенной. Он, очевидно, исходил из того, что «время здесь терпит», что следует заново во всем разобраться и заниматься только тем, что будет приносить Китаю ощутимые экономические результаты; пока у него ясного представления о том, что именно следовало делать, не было. Поэтому он и не смог вступить в заинтересованный и имеющий реальные результаты диалог с С.В.Кириенко.

Поразительным был подход С.В.Кириенко к вопросу об инвестициях. Впервые, с российской стороны, дело было поставлено на паритетную основу, исходя прежде всего из экономических соображений и интересов экономики, социальных нужд своей страны, но

также и учитывая настроения в нашей стране. Ведь на протяжении многих лет наши люди слышали уверения и своих и зарубежных, прежде всего китайских, экономистов, политиков и дипломатов о том, что в КНР вот уже много лет подряд дела идут прекрасно, экономика страны растет год от года высокими темпами... Так почему бы китайцам, у которых такие большие экономические достижения, не вкладывать свои огромные капиталы, запасы валюты в нашу экономику? Глава правительства России С.В.Кириенко и поставил вопрос об инвестициях из КНР в российскую экономику, причем имея в виду не только крупные проекты.

Но Чжу Жунцзи не мог дать ответа и на такую постановку вопроса.

Цзян Цзэминь о внешней политике

Цзян Цзэминь выступил 28 августа 1998 г. на 9-м совещании послов КНР в зарубежных странах (предыдущее 8-е совещание проводилось в 1993 г.).

Он подчеркнул необходимость следовать внешнеполитическим идеям Дэн Сяопина, которого он назвал великим политиком и стратегом, а также выдающимся дипломатом.

Он отметил, что с 1993 г. продолжалось сохранение благоприятной среды и по соседству и в международном масштабе; произошел важный поворот в китайско-американских отношениях; усилились сплоченность и сотрудничество с развивающимися странами; успешно восстановлен суверенитет над Сянганом. Достигнуты новые победы в борьбе, касающейся Тайваня; непрерывно активизируется многосторонняя дипломатия.

Цзян Цзэминь подчеркнул, что развитие структуры мира в сторону многополюсности началось в условиях завершения «холодной войны», смятения международной напряженности и непрерывного роста сил мира. В этом отразились глубокие изменения в международных отношениях и прогресс эпохи. Дальнейшее развитие тенденции к многополюсности вглубь и вширь отвечает интересам ослабления и обуздания гегемонизма и политики с позиции силы, интересам создания справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. Это, в свою очередь, способствует тому, чтобы мир вступил в новый век мирным, стабильным и процветающим. Для завершения формирования новой структуры мира еще потребуются весьма длительный процесс перемен.

В сфере экономики, продолжал Цзян Цзэминь, всеобщее внимание привлекает к себе тенденция ее глобализации. Это — объективная тенденция в развитии мировой экономики, она не зависит от воли людей, от нее не может уклониться ни одна страна. Современный мир — это открытый мир, и никто не может развивать свою экономику в изоляции. Мы должны твердо и непоколебимо проводить политику открытости внешнему миру и с учетом тенденции глобализации экономики активно участвовать в международном экономическом сотрудничестве и в конкуренции, максимально использовать благоприятные условия и шансы, которые дает глобализация. Вместе с тем мы должны всегда четко осознавать и тот риск, который несет в себе глобализация. Отстаивать независимость и самостоятельность, усиливать меры подстраховки, наращивать потенциал противодействия и нейтрализации в ответ на риски, имея целью всемерную защиту экономической безопасности страны, обеспечение ее дальнейшего развития и усиления...

Оценивая международное положение на рубеже веков, Цзян Цзэминь подчеркнул, что в целом благоприятные моменты превалируют над вызовами, надежды — над трудностями; благоприятные условия преобладают над неблагоприятными факторами.

Касаясь внешнеполитической работы, Цзян Цзэминь указал, что первейшая задача Китая — это социалистическая модернизация. Для этого внутри страны нужна обстановка стабильности и сплоченности, а во внешнем мире — мирная среда. Необходимо на основе пяти принципов мирного сосуществования строить отношения с большими странами и всемерно развивать тенденции многополюсности; строить отношения с соседними странами,

придерживаясь добрососедства и дружбы; усиливать сплоченность и сотрудничество с многочисленными развивающимися странами, совместно защищать их права и интересы [19].

Итак, Цзян Цзэминь представлял себя в качестве преемника внешней политики и дипломатии Дэн Сяопина. Подчеркивалась преемственность в области внешней политики страны. Для нас это означало, что можно было находить общее с Пекином на основе всего позитивного в идеях и практической деятельности Дэн Сяопина. В то же время необходимо было уметь обходить то негативное, что содержали его внешнеполитические высказывания и заветы.

Цзян Цзэминь делал упор на двух идеях: многополюсности и глобализации. Это было главным содержанием его бесед с иностранными лидерами. Он использовал эти приемлемые для многих идей с той целью, чтобы обеспечить мирные условия для решения внутренних проблем КНР. А также для того, чтобы создавать на мировой арене противовес действиям США, чтобы в области экономики раскрывать для Китая как можно более широкие возможности участия в мировом хозяйстве, не допуская в то же время ущемления его экономических интересов. Позиция Цзян Цзэминя учитывала также необходимость придавать первостепенное значение развитию связей с США, используя связи с другими странами как «подпорки» в отношениях с Америкой.

Из всего этого следовало, что есть немало обстоятельств, которые мы можем использовать при развитии отношений с Пекином. Прежде всего, поддержка тезиса о многополюсности создавала условия для поддержания благоприятной атмосферы в двусторонних отношениях. Правда, нужно было внимательно следить за тем, чтобы такая наша позиция не портила нам отношений с другими странами, прежде всего с США и с Японией, да и с Индией.

В области торгово-экономических отношений перспектива могла быть только при развитии взаимовыгодных связей, минимальное условие — это паритет в области экономической выгоды. В то же время необходимо было внимательно следить за тем, чтобы эти связи не наносили нам никакого ущерба, ибо позиция Пекина была здесь абсолютно прагматичной и эгоистичной.

Наконец, возникала и существовала возможность развивать дальнейшие отношения с Пекином под знаменем мира и дружбы, а также находить общее при защите интересов большинства или всех стран мира. При этом, с нашей точки зрения, важно было действовать на основе мысли о первенствующей роли ООН в нынешних международных отношениях, когда речь идет о решении конфликтных ситуаций между государствами. Однако при этом нужно было внимательно следить за тем, чтобы выступление на стороне одной группы стран или одной какой-либо страны (например, США или КНР) не вредило нашим отношениям с другими группами стран или отдельными государствами.

Отсрочка визита Цзян Цзэминя в Россию

В конце августа 1998 г. появилось сообщение о том, что Цзян Цзэминь отложил свой визит в Москву. Причиной была названа необходимость вести оперативное руководство по ликвидации последствий наводнения. Некоторые наблюдатели полагали, что между Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином «пробежала кошка», когда российский президент отказался участвовать во встрече «азиатской пятерки» в Алма-Ате, хотя китайское руководство очень уговаривало его не делать этого.

Журналисты обращали внимание на примечательное совпадение. Сообщение об отсрочке визита прошло по каналам Синьхуа почти сразу же после того, как Государственная Дума РФ высказалась за отставку Б.Н.Ельцина. Существовало и другое объяснение этого тактического маневра, предназначенное для оправдания позиции Пекина:

утверждали, что в Пекине серьезно обеспокоены нестабильностью в России, возможностью развития событий по «индонезийскому варианту», что могло бы иметь для Китая далеко идущие последствия [20].

В это время и руководство в нашей стране понимало настроения в Пекине и соответственно реагировало на них.

В августе 1998 г. помощник президента РФ по международным делам С.Э.Приходько говорил: «Мы ведем диалог с Пекином, исходя из долгосрочной перспективы. Но КНР — далеко не единственное направление нашей работы на Дальнем Востоке. Например, отношения с Токио, заметно скованные до последнего времени, сейчас вступают в новый этап. Да и с Индией сотрудничество развивается весьма неплохо».

Отвечая на вопрос журналистов о том, не кажется ли ему чересчур идеологизированной концепция так называемого «многополярного мира», направленная против Запада, С.Э.Приходько подчеркнул: «Наверное, определенные основания так думать есть. Впрочем, судьбу подобных идей решает время. Вместе с тем нельзя забывать, — это реакция на попытку навязать однополярное видение мира» [21].

Нам представляется, что решение руководства КНР отсрочить визит Председателя КНР в РФ было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в начале сентября Цзян Цзэминь не был заинтересован в поездке в Москву; с его точки зрения, положение КНР на мировой арене не только не требовало тогда этого, но, более того, отсрочка визита могла представляться в Пекине как приносящая политические дивиденды. Если визит в Россию Президента США У.Клинтона был демонстрацией поддержки со стороны Вашингтона позиций Президента РФ Б.Н.Ельцина, то отсрочка визита Председателя КНР Цзян Цзэминя примерно в то же время должна была показать и Вашингтону и всему миру, что Пекин воздерживается от выражения поддержки Президенту РФ в создавшейся в России ситуации.

Во-вторых, в августе в Пекине могло сложиться впечатление, что политическая борьба в Москве достигла такого накала, что возможен любой поворот событий, в том числе и отстранение или добровольный уход Б.Н.Ельцина со своего поста. Пекин не желал оказаться в положении, которое выглядело бы на мировой арене как поддержка Б.Н.Ельцина и тех политических сил в нашей стране, которые, по крайней мере формально, возобладали в России после провала путча 1991 г.

Наконец, сама ситуация в двусторонних российско-китайских отношениях как бы и не требовала с точки зрения Пекина никаких существенных изменений или развития. В области политики обе стороны уже сделали заявления, которые устраивали Пекин. В сфере экономических отношений Пекин предпочитал пока оставлять их в заторможенном состоянии, вырабатывая новые подходы к их развитию.

Время шло, ситуация изменялась. Стало ясно, что Президент Б.Н.Ельцин в обозримом будущем останется на своем посту. Главой правительства РФ стал Е.М.Примаков, отмежевавшийся от правительств, которые возглавляли до него Е.Т.Гайдар, В.С.Черномырдин и С.В.Кириенко. Он назвал себя государственным и намеревался сотрудничать с парламентом и, в первую очередь, с фракцией КПРФ в Госдуме.

Очевидно, учитывая и эти обстоятельства, в Пекине было принято решение о необходимости провести новую встречу на высшем уровне. Тем более что в связи с нездоровьем Б.Н.Ельцина основные беседы в Москве могли состояться у Цзян Цзэминя с Е.М.Примаковым.

Во всяком случае, визит Цзян Цзэминя в Москву осенью 1998 г. имел явный политический привкус.

Поездка Цзян Цзэминя в РФ в 1998 г.

В октябре было объявлено, что Цзян Цзэминь будет находиться с визитом в Москве 22—25 ноября 1998 г. При этом в средства массовой информации просочились сообщения о том, что он предложит России кредиты и продовольствие (в частности, 100 тыс. тонн мяса).

Председатель правительства РФ Е.М.Примаков в ноябре 1998 г., накануне визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя, дал интервью, в котором, в частности, резко обрушился на «так называемых реформаторов»:

«Это они подкосили банковскую систему России, наплевали на свои международные обязательства и ввели мораторий в одностороннем порядке. Это они, а не мы выстраивали всевозможные финансовые пирамиды с привлечением спекулятивного капитала, имевшего короткое дыхание и склонность к бегству из страны. На социальные аспекты экономики не обращалось никакого внимания...

Когда цены на энергоносители резко упали, вся гибельность призрачной стабилизации немедленно дала о себе знать. Разразился кризис, и мы с головой рухнули в его пропасть. Потеряв равновесие и запаниковав, реформаторы не нашли ничего более мудрого, чем ввести в одностороннем порядке мораторий на долги.

Это был спазм страха, а не адекватная реакция...

Реформаторство, которое не ведет к укреплению государства, не является подлинным реформаторством. Наши горе-реформаторы говорят: давайте бросим все в рынок, и экономика сама выплывет. Но в подобных случаях выплывает или всплывает не экономика, а кое-что еще. Для наших горе-реформаторов любое вмешательство государства в экономические процессы равносильно откату к коммунизму. Это по меньшей мере просто неумно.

...Проблем хоть отбавляй. И большинство из них унаследовано нами даже не от коммунистических времен, а от совсем недавнего периода правления «реформаторов», перекавалифицировавшихся ныне в оракулов» [22].

Тогда же, в ноябре 1998 г., Е.М.Примаков, беседуя с вице-президентом США А.Гором, обрисовал ситуацию примерно следующим образом: Россия находится на краю обрыва [23].

Таким образом, характеристики ситуации в нашей стране, которые давали лидер фракции КПРФ в Государственной Думе Г.Н.Зюганов (например, во время своего визита в КНР, когда он утверждал, что Россия находится над пропастью), и Председатель правительства РФ Е.М.Примаков, — по сути дела совпадали. При этом создавалась общая почва для осуждения деятельности демократических сил в нашей стране и прославления деятельности КПК в КНР, а также тех политических групп в нашей стране, которые ставили нам в пример развитие КНР за последние два десятилетия. Таким образом, оценивая общую политическую атмосферу в руководстве правительства нашей страны, в Пекине могли надеяться на успех визита Цзян Цзэминя.

Председатель КНР Цзян Цзэминь находился в России по приглашению Президента РФ Б.Н.Ельцина 22—25 ноября 1998 г.

Двадцать третьего ноября главы двух государств провели российско-китайскую встречу на высшем уровне. Эта встреча называлась неформальной. В то же время обе стороны повели общий счет таких контактов и заявили, что эта встреча — шестая по счету. Цзян Цзэминь дважды — в 1994 и 1997 годах посещал Россию с визитами. В свою очередь, российский президент Б.Н.Ельцин побывал с визитами в КНР в 1992, 1996 и 1997 гг. (Правда, для точности можно упомянуть, что в 1992 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин побывал в КНР по приглашению Председателя КНР Ян Шанкуня; Цзян Цзэминь был в то время Генеральным секретарем ЦК КПК и не занимал еще поста Председателя КНР.) По мнению обеих сторон, их встреча подтвердила, что благодаря регулярным контактам между

руководителями двух стран взаимопонимание и доверие сторон вышли на качественно новый уровень.

Состоялись также встречи Председателя КНР с главой правительства РФ Е.М.Примаковым, Председателем Совета Федерации Е.С.Строевым и Председателем Государственной Думы Г.Н.Селезевым. 24—25 ноября Цзян Цзэминь находился в Новосибирске, откуда вылетел с визитом в Токио.

В результате этой встречи Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя появились Совместное заявление о российско-китайских отношениях на пороге XXI в., в котором стороны подтвердили намерения поддерживать и развивать партнерские отношения и в отдаленной перспективе, а также российско-китайское Заявление по пограничным вопросам в связи с окончанием демаркации не только восточной, но и западной части границы. При этом было отмечено, что граница между РФ и КНР впервые в истории двух стран получила четкое обозначение на местности. Два государства создали на Азиатском континенте уникальную модель пограничной безопасности, которая предусматривает не только фиксацию линии границы, но и осуществление вдоль нее сокращения вооруженных сил, системы мер доверия и военной транспарентности.

Стороны обменялись мнениями по вопросам двусторонних отношений и международным проблемам.

Они отметили сложности и препятствия в двусторонних торгово-экономических отношениях, выдвигая тезис о том, что политические отношения находятся на более высоком уровне, чем торгово-экономические отношения. Стороны договорились искать пути решения этих проблем. Весной 1999 г. в Москве планировалась встреча глав правительств РФ и КНР, во время которой предполагалось найти решения упомянутых проблем в сфере торговли и экономических связей.

На 1999 год была также намечена очередная встреча на высшем уровне, теперь уже в Пекине. Председатель Цзян Цзэминь пригласил президента Б.Н.Ельцина посетить КНР в 1999 г. для проведения седьмой встречи в верхах. Президент Б.Н.Ельцин с благодарностью принял это приглашение. Сообщалось, что конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Президент РФ Б.Н.Ельцин и Председатель КНР Цзян Цзэминь по итогам встречи приняли Совместное заявление о российско-китайских пограничных вопросах.

Полный текст этого заявления гласил:

Главы России и Китая с удовлетворением констатируют, что завершены полевые работы по демаркации западной части российско-китайской государственной границы, осуществлявшиеся в соответствии с Соглашением о российско-китайской государственной границе на ее западной части от 3 сентября 1994 г. Таким образом, демаркируемая государственная граница России и Китая как на ее восточной, так и на ее западной части впервые в истории отношений двух стран получила четкое обозначение на местности. Стороны завершат все демаркационные работы в согласованные сроки.

Стороны едины в том, что успешное решение вопросов демаркации российско-китайской границы на основе равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступчивости благоприятствуют сохранению мира и спокойствия в приграничных районах, способствуют дальнейшему развитию отношений добрососедства и дружбы между Россией и Китаем и вносит важный вклад в дело укрепления безопасности и стабильности в регионе.

Стороны согласились на основе договоров о нынешней границе между двумя странами в соответствии с общепринятыми нормами международного права, в духе равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступчивости продолжить переговоры по вопросам о прохождении линии границы на отдельных несогласованных участках, добиваясь их справедливого и рационального решения [24].

Президент РФ Б.Н.Ельцин и Председатель КНР Цзян Цзэминь по итогам встречи приняли Совместное заявление о российско-китайских отношениях на пороге XXI века.

Полный текст этого документа гласил:

Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин и Председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь в ходе состоявшейся в Москве шестой российско-китайской встречи на высшем уровне выработали согласованные подходы к основным тенденциям развития мирового сообщества на пороге нового века, пришли к единому пониманию долгосрочных стратегических перспектив дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества.

В нынешнем столетии человечество добилось огромных достижений в развитии духовной и материальной культуры, науки и техники, однако при этом потрясения и конфликты повлекли за собой беспрецедентные бедствия.

По мнению глав двух государств, исходя из уроков истории, важно способствовать утверждению в мировом сообществе понимания того, что мир и всестороннее гармоничное развитие являются основными принципами, которым должно следовать человечество в новом столетии. Формирование нового международного экономического и политического порядка, способного на деле обеспечить социальную стабильность всех государств, справедливое и рациональное соблюдение интересов народов всех стран, может стать результатом только совместных усилий и коллективного творчества всех государств мира.

В этом контексте главы двух государств отмечают, что установление между Россией и Китаем в апреле 1996 г. равноправных и доверительных партнерских отношений, направленных на стратегическое взаимодействие в XXI веке, базировалось как на глубоком осмыслении истории двусторонних связей и реалий современного мира, так и на совпадающем понимании перспектив развития международной обстановки и сотрудничества между двумя странами. Формирующееся российско-китайское стратегическое взаимодействие не является союзом и не направлено против какой-либо из третьих стран. Оно исключает появление во взаимоотношениях элементов конфронтационности и создает условия для максимально широкого равноправного и взаимовыгодного сотрудничества во всех областях.

Главы двух государств единодушно считают, что непрерывное укрепление и наполнение практическим содержанием партнерских отношений между Россией и Китаем должно основываться на следующих важных принципах:

1. Имеющая конструктивный характер эволюция международных отношений в направлении многополярности благоприятствует созданию сбалансированного, стабильного, демократичного и лишенного конфронтационности нового миропорядка. Такая тенденция объективно отвечает коренным интересам всех государств.

2. Богатство и многообразие современного мира, сосуществование и взаимообогащение различных культур — одна из основных движущих сил поступательного развития человечества. Признание и уважение плюрализма мировой цивилизации — необходимое условие и непреложное требование формирования нового международного экономического и политического порядка. Различия в истории, культуре, экономическом и социально-политическом устройстве не должны служить источником конфликтов или поводом для отчуждения, но призваны стать стимулом для взаимного интереса и взаимного совершенствования. XXI век не должен и не может стать исключительно «американским», «европейским» или «азиатско-тихоокеанским» веком, пройти под знаком доминирования какой-либо религиозной или идеологической системы взглядов и ценностей. Он должен и может стать периодом сосуществования и взаимообогащения культур и традиций различных государств и регионов. Россия и Китай, придерживаясь такого подхода как в отношениях друг с другом, так и в контактах с третьими странами, будут вносить свой вклад в утверждение подобной тенденции.

3. На рубеже веков глобализация и регионализация мировой экономики становятся важнейшими факторами, определяющими ее состояние. Россия и Китай поддерживают эти

процессы и готовы принимать в них самое активное участие. Вместе с тем рост взаимозависимости национальных экономик уже достиг такой стадии, когда в разряд наиболее актуальных выдвигается вопрос обеспечения экономической безопасности суверенных государств. В этой связи особое значение приобретают неукоснительное соблюдение равноправия и взаимной выгоды в торгово-экономических связях, принципов открытого регионализма, устранение всех форм дискриминации в международной торговле, исключение попыток использования валютно-финансовых рычагов для навязывания ущемляющих законные национальные интересы той или иной страны политических и экономических условий. Уроки охватывающего целый ряд регионов и государств финансового кризиса свидетельствуют о том, что в периоды трудностей целесообразно поддерживать друг друга, преодолевая их совместными усилиями, а не использовать их в своекорыстных целях.

4. Центральная роль в мировых делах принадлежит ООН. Через ее деятельность наиболее полно и наглядно воплощается в жизнь укрепляющийся потенциал многополярного миропорядка, постепенно оттесняются на обочину истории односторонние или узконациональные подходы к решению мировых дел. Поэтому курс на поддержку ООН, на ее всестороннее укрепление является для России и Китая одним из важнейших компонентов внешнеполитической стратегии.

Укреплению авторитета и роли ООН в мире будет способствовать тщательно подготовленная и рациональная реформа Организации, позволяющая сохранить все уже доказавшие на практике свою действенность механизмы ее функционирования и одновременно обеспечивающая повышение эффективности ее деятельности и учет реалий современного мира. Особое место в процессе реформы ООН занимает совершенствование деятельности Совета Безопасности. Ни при каких обстоятельствах не должна ставиться под сомнение главная уставная ответственность Совета за поддержание международного мира и безопасности. Любые попытки обхода Совета чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира, возникновением хаоса в международных делах, установлением примата силы над международным правом. Возможное расширение Совета должно основываться на строгом соблюдении принципа справедливого географического представительства и опираться на широкое согласие, а в идеале — консенсус стран-членов ООН.

5. Заметное улучшение отношений между крупными державами после завершения «холодной войны» и особенно в последние годы стало важным позитивным фактором развития международной обстановки. Для становления нового мирового экономического и политического порядка необходимо не только сохранение и закрепление этой тенденции, но и обеспечение условий для того, чтобы крупные державы не предпринимали усилий, направленных на расширение существующих или создание новых военно-политических альянсов, не скатывались к конфронтации или различным формам сдерживания друг друга, не допускали борьбы за раздел сфер влияния в различных регионах. В современном мире между крупными державами не существует таких принципиальных проблем, которые не могут быть урегулированы путем равноправного диалога, проводимого в духе партнерства и сотрудничества.

6. Главы двух государств высказались за продолжение процесса сокращения ядерных вооружений, подчеркнув при этом исключительную важность сохранения и укрепления Договора по ограничению систем противоракетной обороны, который был и остается одним из краеугольных камней в деле поддержания стратегической стабильности в мире.

7. Возрождение экономики развивающихся стран и усиление их конструктивной роли в мировых делах имеют важнейшее значение для продвижения человечества по пути мира и процветания. Россия и Китай подтверждают готовность укреплять сотрудничество с развивающимися государствами и призывают развитые страны еще более активно способствовать постоянному прогрессу государств Азии, Африки и Латинской Америки.

8. На сложном пути формирования справедливого и надежного миропорядка предстоит преодолеть целый ряд серьезных вызовов, способных подорвать этот процесс. В

этой связи Россия и Китай считают необходимым высказать свое принципиальное отношение к некоторым из наиболее острых конфликтных ситуаций, эскалация которых может привести к возникновению реальных угроз для мирового сообщества.

Тревогу продолжает вызывать ситуация в Косово. Крайне важно срочно найти политическое решение этой проблемы. Применение любых силовых вариантов может лишь углубить противостояние в крае. Взаимоприемлемое урегулирование в Косово должно быть основано на уважении суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия, соблюдении Устава ООН и общепризнанных принципов международного права, законных прав лиц всех национальностей, проживающих в Косово.

Применительно к ситуации в Южной Азии Россия и Китай подтверждают позиции, зафиксированные ими в рамках ООН и других многосторонних встреч, и подчеркивают исключительно важное значение для глобальных усилий по достижению нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения, Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Россия и Китай призывают все государства, которые еще не сделали этого, безотлагательно и безоговорочно присоединиться к этим договорам. Они также приветствуют возобновившийся в Южной Азии политический диалог и выражают надежду на то, что он будет способствовать урегулированию нерешенных вопросов, укреплению безопасности и стабильности в регионе.

Разрешение кризиса в Афганистане не может быть достигнуто силой оружия. Путь к установлению мира в этой многострадальной стране лежит только через создание такого представительного правительства, которое в полной мере будет учитывать законные права и интересы всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества. ООН и все государства, заинтересованные в стабилизации обстановки в Афганистане, призваны оказать воздействие на участников конфликта с целью прекращения боевых действий, налаживания переговорного процесса и нахождения политических развязок существующих проблем.

Решение проблем Корейского полуострова имеет важное значение для обеспечения стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этому способствовало бы продолжение межкорейского диалога в любом приемлемом для обеих сторон формате.

Укрепление диалога, доверия и сотрудничества в рамках Ассановского регионального форума будет содействовать упрочению мира, стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

9. Важнейшее значение для развития стратегического взаимодействия между Россией и Китаем имеет совершенствование существующего механизма диалога на различных уровнях, прежде всего на высшем и высоком. С этой целью главы России и Китая в полной мере задействуют возможности обмена мнениями по важнейшим вопросам с использованием закрытой линии телефонной связи, а также путем переписки. Главы двух государств договорились о том, что седьмая российско-китайская встреча на высшем уровне состоится в 1999 году в Китае.

Будут приняты совместные меры по повышению практической отдачи от функционирования механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. Главы правительств двух стран проведут четвертую регулярную встречу весной 1999 года в Москве. Стороны осуществят тщательную подготовку к данной встрече с целью достижения на ней конструктивных результатов, для этого будут предприняты шаги по действенной реализации уже достигнутых договоренностей в области торгово-экономического сотрудничества, а также усилия по его диверсификации, внедрению новых форм, приведению его в соответствие с общепринятой международной практикой. Приоритетное внимание будет уделяться средним и крупным проектам, активизации экономических связей между российскими и китайскими регионами.

Будут продолжены усилия по интенсификации консультаций по актуальным международным проблемам и координации позиций по ним.

Компетентные государственные ведомства двух стран продолжают работу по совместному противодействию всем формам организованной противоправной деятельности, включая незаконный оборот наркотических и психотропных средств, контрабанду и нелегальную миграцию. Будут активизированы усилия, направленные на пресечение национального сепаратизма и религиозного экстремизма.

Оба государства намерены практически реализовать соглашения об укреплении доверия в военной области и сокращения вооруженных сил в районе границы. Будет продолжена практика проведения углубленных консультаций на высоком уровне по различным аспектам обеспечения безопасности. Стороны считают, что состоявшаяся 3 июля пятисторонняя встреча в Алма-Ате и принятое по ее итогам Заявление открывают хорошие перспективы для укрепления безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

Россия и Китай будут уделять большое внимание расширению и упорядочению контактов и обменов между народами двух стран, удовлетворению их взаимной тяги к ознакомлению с историей, культурой, традициями, обычаями и реалиями друг друга. Будет поддерживаться и поощряться деятельность общественных организаций и средств массовой информации, направленная на создание в обеих странах правдивого и доброжелательного образа друг друга. Все возрастающую роль в этих усилиях призван играть российско-китайский Комитет дружбы, мира и развития.

На рубеже веков главы Российской Федерации и Китайской Народной Республики торжественно заявляют о приверженности своих стран идеалам мира, справедливости и сотрудничества, а также о своем стремлении сделать все от них зависящее для того, чтобы в XXI в. обеспечить прочные материальные, политические, правовые и иные гарантии для утверждения такого миропорядка, который создаст условия всестороннему развитию человечества, избавит его от войн, угнетения, разрушений и насилия [25].

Принятые сторонами документы, приведенные выше, были одобрены главами двух государств, но не подписывались ими.

Помощник президента РФ по международным вопросам С.Э.Приходько дал официальную оценку визита Цзян Цзэминя в нашу страну. В связи с итогами встречи глав двух государств он подчеркнул, что по пограничным вопросам сторонам удалось найти компромиссное решение, при этом победил здравый смысл. Речь не шла об уступках с чьей-либо стороны; уступками нельзя считать корректировку линии прохождения границы на небольших ее участках. Более того, соглашение между нашими странами по пограничным вопросам — это модель нахождения решения по проблемам укрепления безопасности, ибо стороны одновременно снизили уровень вооруженных сил в районе границы. Два государства создали на Азиатском континенте уникальную модель пограничной безопасности, которая предусматривает не только фиксацию линии границы, но и осуществление вдоль нее сокращения вооруженных сил, системы мер доверия и военной транспарентности.

С.Э.Приходько также говорил, что в ходе беседы между Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином вопрос о миграции граждан КНР в Россию не затрагивался.

Помощник президента РФ утверждал, что неверно говорить о китайской экспансии в РФ. Скорее речь идет о необходимости отрегулировать с обеих сторон порядок пересечения границы гражданами обеих стран, а также внести соответствующие изменения в законодательство РФ. По словам С.Э.Приходько, президент Б.Н.Ельцин сказал Цзян Цзэминю, что 1998 год — это не самый простой год для России и не самый простой год для Китая (если иметь в виду громадное наводнение на реке Янцзы). Поэтому обеим сторонам предстоит преодолевать беды внутреннего характера [26].

Интуиция Б.Н.Ельцина вывела его на представляющееся важным заявление о том, что, по сути дела, не только наша страна, но и наш сосед, переживают очень трудные времена, особенно в связи с положением внутри каждой из стран. Тем самым Президент РФ привлек внимание к необходимости сохранять и по возможности улучшать двусторонние

отношения, исходя из необходимости, диктуемой интересами обеих стран и народов, которые должны сосредоточиться на решении внутренних проблем. Это, в свою очередь, требовало поддержания равновесия и стабильности на мировой арене, а также сохранения максимально возможных дружественных двусторонних отношений, отказа от участия в международных акциях, которые могли бы серьезно осложнить обстановку в мире, да и положение каждой из наших двух стран, что, конечно же, не исключает известной дипломатической активности.

В целом мысль Б.Н.Ельцина, как представляется, была в том, что обе стороны должны подчинять свою внешнюю политику своим же внутренним интересам, а потому не проявлять никакой нервозности из-за того, что пока нет практической возможности «делать прорывы» в двусторонних, скажем экономических, отношениях.

Совершив поездку в Новосибирск, Цзян Цзэминь посетил предприятие атомной промышленности и Академгородок. В ходе его пребывания в Новосибирске китайской стороной было подписано с руководством Института ядерной физики лицензионное соглашение об организации производства в Китае малодозных рентгеновских установок. Китайская сторона приобретала за 260 тыс. долларов в качестве образца одну рентгеновскую установку и документацию на нее, а затем должна перечислять новосибирским разработчикам по 10 процентов от стоимости каждой такой установки, изготовленной в Китае. Это соглашение — пример договоренности сторон, одна из которых (китайская) предпочитала тем или иным путем получать новейшие научно-технические разработки в России, а другая (российская) шла на продажу своих достижений по той цене, которую ей предлагали в создавшихся условиях.

Из Новосибирска Председатель КНР вылетел в Японию.

По сообщениям средств массовой информации, Г.Н.Селезнев предлагал Цзян Цзэминю увеличить закупки российских вооружений, а Е.С.Строев и другие губернаторы хвалили деятельность совместных российско-китайских предприятий на территории РФ. Просьбы о займах и помощи не выдвигались.

Рандеву Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя 23 ноября 1998 г. стало первой неформальной встречей лидеров двух стран.

Такая форма была придана встрече по инициативе российской стороны. В Москве считали, что пора отходить от формальностей, не тратить значительную часть времени на протокольные процедуры.

Больше времени было, таким образом, отведено на переговоры между сторонами, включая беседу с Цзян Цзэминем Б.Н.Ельцина и переговоры с ним главы правительства РФ Е.М.Примакова. Не исключалось, что и следующая встреча лидеров могла также носить неформальный характер.

В результате встречи все-таки было решено опубликовать совместные документы — два заявления и коммюнике, — чтобы продемонстрировать всему миру прогресс в двусторонних отношениях. Документы были подготовлены обеими сторонами заранее. В ходе встречи оставалось только расставить акценты в случае необходимости. Документы получились, по мнению российской стороны, хорошие. Однако их, как указано выше, не подписывали. Два документа были приняты президентами. Коммюнике о встрече включало в себя существенные договоренности между сторонами. Этот документ рассматривался российскими дипломатами как очень важный.

Итак, прежде всего, лидеры двух государств приняли совместное заявление об отношениях России и Китая на пороге XXI века. В этом документе содержалась оценка сделанного за два с половиной года — с начала 1996 г., когда стороны договорились о стратегическом партнерстве, а также с того момента, когда министром иностранных дел РФ

стал Е.М.Примаков, а Президент РФ Б.Н.Ельцин перешел к новой линии в области внешней политики, в частности, имея в виду отношения с политическими силами внутри страны.

Стороны решили рассмотреть вопрос о том, как развиваются взгляды и той и другой стороны, в частности, на идею о миропорядке. Большая часть документа посвящена видению мира; другая часть — двусторонним отношениям. Наибольший интерес в мире вызвала международная часть этого заявления.

Российские дипломаты полагали, что 1998 год был в известном плане «поворотным» в отношениях с КНР; этот год показал, что у сторон есть резервы в сотрудничестве на мировой арене. В 1997 г. во время визита Б.Н.Ельцина в КНР министр иностранных дел РФ Е.М.Примаков сделал первый шаг, стремясь выступить на мировой арене с единой или согласованной с Китаем позицией. Он предложил Цзян Цзэминю сделать совместное заявление по Ираку. Цзян Цзэминь направил Е.М.Примакова к министру иностранных дел КНР Цянь Цичэню. Состоялась встреча министров иностранных дел, в результате которой на уровне министров было сделано информационное сообщение относительно озабоченности обеих стран ситуацией вокруг Ирака.

В конце 1998 г. появился документ, какого, по мнению китайской стороны, у нее не было ни с одной страной. В этом документе содержалась согласованная позиция по ООН. Это большая тема в настоящее время. Дело в том, что США, Англия, Франция, три постоянных члена Совета Безопасности ООН, иначе говоря, Запад, хотели бы решать вопросы без России и без Китая. Россию и Китай объединило третирование их со стороны стран Запада. Запад, например, хотел бы решить вопрос о принятии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН Японии уже в этом году, причем не советуясь с Россией и с КНР. Россия и Китай не приемлют в принципе не какую-то конкретную позицию Запада, но саму попытку поставить Россию и Китай в положение второразрядных постоянных членов Совета Безопасности. Пока это объединяет Москву и Пекин, которые не хотят быть странами второго порядка в Совете Безопасности ООН.

Комментируя этот тезис российских дипломатов, хотелось бы подчеркнуть, что и наша страна и КНР имеют свои соображения и позиции по вопросу, например, о постоянном членстве Японии в Совете Безопасности ООН; каждая из наших двух стран желает, чтобы этот вопрос был предметом обсуждения, прежде всего, на двустороннем уровне: между РФ и Японией, между КНР и Японией; Москва и Пекин не хотят допустить ситуации, при которой Япония могла бы с меньшим уважением относиться к позициям и РФ и КНР.

Далее в документе была зафиксирована позиция по Косово. Здесь московские дипломаты отмечали, что до сих пор КНР «никогда не ангажировалась» по проблемам, которые далеки от ее границ. Сейчас она активно работает по Косово и с РФ и с Советом Безопасности ООН.

Е.М.Примаков в связи с этим сказал Цзян Цзэминю, что благодаря усилиям России и Китая удалось отвести дамоклов меч, который угрожал Косово. Стороны затронули также вопрос об Ираке. Здесь они действовали в унисон.

С точки зрения работников МИД РФ, важный вопрос — о Южной Азии. КНР занимает жесткую позицию по отношению к Индии, ее ядерной программе, и Цзян Цзэминь добился во время встречи в Алма-Ате 3 июля 1998 г. включения в совместный документ «пятерки» осуждения позиции Индии и Пакистана. На сей раз российская сторона стремилась затушевать антииндийскую направленность формулировок документа по вопросу о Южной Азии. В согласованном в Москве документе содержалась зафиксированная общая позиция России и КНР по Договору о нераспространении ядерного оружия.

Одним словом, 1998 год оказался годом все более активного взаимодействия и сотрудничества во внешнеполитических делах. Российская сторона хотела бы не параллельной работы каждой из сторон по какому-либо международному вопросу, а совместной разработки схем.

С точки зрения дипломатов обеих стран, ключевая фраза в совместном документе — утверждение о том, что многополярный мир не должен быть ни евро-американским, ни азиатско-тихоокеанским. У китайцев в термине четыре иероглифа. Там не говорилось отдельно об антиамериканской направленности, как в русском тексте. В русском тексте сказано, что XXI век не должен и не может стать исключительно «американским» или «европейским» веком; в китайском тексте говорится, что он не должен и не может стать «американо-европейским».

Представляется, что у России и КНР разные интересы в такого рода вопросах. Россия, конечно же, нуждается в развитии политических отношений с КНР, в углублении с ней двустороннего сотрудничества, а следовательно, и в разработке тех тезисов, которые предлагают обе стороны, в том числе и внешнеполитических оценок Пекина. В то же время Россия стремится сохранять и свое положение в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и самостоятельного и независимого субъекта на мировой арене. Однако это не диктует России выделения тезиса об опасности превращения всего мира в «американский» или в «европейский», «евро-американский», «американо-европейский» мир или в «азиатско-тихоокеанский» мир. Такая игра со столь великими силами на планете вряд ли сегодня (да и вообще) в интересах России.

Нам нужны хорошие отношения со всеми странами. Любые намеки на противопоставление России, скажем, «американскому» или какому-то «евро-американскому» миру будут в той или иной степени, при тех или иных обстоятельствах лишь создавать осложнения для нашей дипломатии. Кстати, в документе ничего не говорится ни о «китайском», ни о «российском», ни о «мусульманском», ни о других мирах.

В принципе постановка вопроса о делении «мира на миры», т.е. в данном случае не на сообщества людей той или иной культуры, а на некие группировки государств, вряд ли необходима сегодня России. Мир един и многообразен — такая постановка вопроса приемлема для России и не ущемляет ничьих интересов. Вряд ли в наших интересах и выделение среди мировых держав каких-то врагов, против которых мы как бы сплываемся с Пекином. Хотя в этом случае Пекин не берет на себя никаких обязательств, но наши отношения с США или другими странами могли бы осложняться.

По мнению работников МИД РФ, когда готовился визит У.Клин-тона в КНР в 1998 г., тогда даже в КНР были люди, которые думали, что окажется возможным выступление КНР и США в качестве «двух сверхдержав». Жизнь, однако, показала, что американцы будут продолжать смотреть на КНР не как на равного себе партнера. Теперь КНР активно играет с нами в многополярность.

В связи с этим тезисом необходимо сказать, что для нашей страны важно видеть, что Вашингтон и Пекин перешли на новую стадию в своих двусторонних отношениях; с какими бы заминками эти отношения не развивались, в далекой перспективе их должны будут учитывать все государства, в том числе и наша страна. В настоящее время Пекину в тактических целях важно, чтобы мы поддерживали мысль о противодействии желанию кого бы то ни было, прежде всего США, играть роль «главного хозяина», и выступали за признание в мире множества центров силы. В той мере, в какой это отвечает нашим интересам, мы можем разделять и общие с КНР позиции. Вряд ли можно, однако, обольщаться мыслью о том, что китайцы уже поняли, что им никогда не сравняться с США, что американцы никогда не будут относиться к ним, как к равным себе. И Пекин и Вашингтон будут продолжать свою игру, и трудно пока предсказать, как это будет сказываться на других странах, в том числе на нашей стране. Во всяком случае, вполне очевидно, что ни для Вашингтона, ни для Пекина Россия не представляется тем партнером, из-за которого они будут портить отношения между собой.

Президентский документ по пограничным вопросам также появился в результате московской встречи. Стороны завершили полевые работы по восточному речному участку границы в ноябре 1998 г. С каждой стороны в работе по демаркации границы

протяженностью в 4200 км участвовало по полторы тысячи человек. За год до этого закончили установку буев. Теперь, в 1998 г., были установлены пограничные столбы на Алтае. Погодные и высокогорные условия отводили на эту работу всего полтора месяца. Тяжело было достать дизельное топливо. Даже у военных его не было. Китайцам не очень нравились условия высокогорья. Но все-таки все было сделано. Исторически по этому участку границы никогда не было проблем. Трудности были лишь с ориентировкой на местности. Сомнения вызывало, например, направление движения одного из ледников. В МИД РФ полагали, что в результате появился исторический документ, появилась ясная граница.

Действительно, и для той и для другой стороны в то время было важно завершить демаркацию границы на согласованных ее участках. Тем самым закладывалась основа и для нормальных практических отношений на границе, и для подготовки будущего договора о границе.

Совместное коммюнике позволило поставить несколько важных вопросов.

Во-первых, вопрос о Тайване. Цзян Цзэминь летел после Москвы и Новосибирска с пятидневным визитом в Японию. Еще перед планировавшейся встречей 4—5 сентября 1998 г. китайская сторона просила российскую сторону высказать «четыре нет» по вопросу о Тайване, ссылаясь на то, что это помогло бы Цзян Цзэминю в его предствоящих беседах в Японии.

Дело в том, что в 1998 г. китайцы вынудили У.Клинтон сказать «три нет» по вопросу о Тайване: (1) США не поддерживают идею о независимости Тайваня, (2) отвергают мысль о существовании «одного Китая, одного Тайваня» или «двух Китаев», (3) выступают против принятия Тайваня в международные организации в качестве государства. Президент США У.Клинтон не хотел соглашаться на это. Демонстрируя свои сомнения, он перенес заявление об этом на пребывание в Шанхае. После возвращения в США Клинтон дал задний ход, особенно по вопросу о месте Тайваня в международных организациях.

Китайская сторона, по ее словам, хотела оказать нажим на Японию. Поэтому она просила российскую сторону выступить с «четырьмя нет», т.е. к пунктам, о которых заявлял У.Клинтон, добавить отказ продавать оружие Тайваню.

Мнение МИД РФ по этому вопросу было таково: с 1949 года наша сторона неизменно придерживается одной и той же позиции — мы имеем отношения только с одним Китаем, т.е. с КНР. Так было и при СССР и при РФ.

В чем смысл просьбы Пекина? Там боялись, что на Тайване в результате выборов в декабре 1998 г. к власти могут прийти политические силы, которые объявят о создании нового независимого тайваньского государства, провозгласят независимость Тайваня. (Как нам кажется, на основе объективной оценки расстановки политических сил на Тайване ситуации на острове и в регионе, упомянутой угрозы не существовало.)

Наша сторона также всегда четко выдерживала позицию относительно приема Тайваня в международные организации. Тайвань ежегодно ставит вопрос о «возвращении в ООН». Мы всегда выступаем против этого. Так было и при СССР и при РФ.

Что касается запрета на поставку вооружений на Тайвань, то это президентская политика, и, таким образом, у России нет препятствий к тому, чтобы заявить о «четырех нет», как просила китайская сторона. В ответ мы попросили китайскую сторону ввести в документ положение о том, что Россия будет поддерживать с Тайванем неофициальные экономические, культурные, торговые, научно-технические, спортивные и другие связи. При этом было разъяснено, что под «другими связями» не имеются в виду политические. Эти положения и были вписаны в совместный документ; был соблюден паритет.

В целом включение этих положений в совместное коммюнике рассматривалось в МИД РФ, как нам представляется, в качестве закрепления взаимопонимания между Москвой и Пекином по вопросу о Тайване и по вопросу об отношениях между Москвой и Тайбэем. Такая позиция МИД РФ порождает сомнения и вопросы.

Прежде всего, конечно, необходимо всемерно стремиться к сохранению добрососедских отношений с континентальным Китаем. При этом, однако, важно принимать во внимание изменение позиции Москвы после событий 1991 г. и появление на мировой арене другого государства — Российской Федерации. Президент РФ, отражая мнение большинства российских граждан, отвергнувших прежнюю идеологию, исправил продиктованное прежде всего идеологическими соображениями решение властей СССР, принятое в 1949 г., о разрыве всех отношений с Китайской Республикой (с Тайванем) и установлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой. Президент РФ решил, что нынешняя Россия, наше нынешнее государство должно иметь отношения с обеими частями китайской нации: дипломатические отношения с КНР, а также не дипломатические, а торговые, экономические, научно-технические, культурные и другие — но все же иметь отношения с Тайванем.

Это было одно из самых существенных изменений внешней политики нашей страны, вытекавшее из сущности нашего нынешнего государства. В этом состоит одно из отличий между внешней политикой СССР и Российской Федерации. Поддержание отношений различного характера и с Пекином и с Тайбэем открыло перед Россией новые возможности на мировой арене, отвечало нашим разнообразным национальным интересам.

В то же время Москва была обязана заботиться о том, чтобы такое принципиальное изменение внешней политики не нанесло ущерба нашим дипломатическим отношениям с КНР. Поэтому Москва и Пекин пришли к соглашению о том, что новые отношения Москвы с Тайбэем не будут носить характера официальных дипломатических. Так вместо прежнего появилось новое статус-кво в отношениях россиян как нации с китайцами как нацией, которая ныне представлена на мировой арене двумя государствами.

Предложенное МИД РФ толкование ситуации не убедительно. МИД начинает с утверждения о том, что всегда, начиная с 1949 г., у нашей страны, т.е. и у СССР и у РФ, были дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. При этом ничего не говорится о том, что было до 1949 года, не ясно, почему за точку отсчета в отношениях наших двух наций берется только установление дипломатических отношений с КНР. Не говорится также, что дипломатические отношения у СССР и КНР появились в 1949 г. именно в силу того, что это решение было продиктовано, прежде всего, идеологическими, а не только чисто государственными соображениями. Далее, работники МИД РФ ничего не говорят о решении Президента РФ установить в 1992 г. новые отношения с Тайбэем (столицей Тайваня). А ведь это решение отразило именно признание нами объективной реальности — существования на мировой арене двух частей одной китайской нации, двух государств этой нации. (Конечно, с учетом реальных условий и используя возможные формы отношений с тем и с другим государствами.) Не упоминается и о том, что до 1949 г. у СССР были дипломатические отношения именно с Китайской Республикой, что СССР и Китайская Республика были союзниками во Второй мировой войне, в нашей Отечественной войне 1941—1945 гг. и в антияпонской войне в Китае; что между СССР и Китайской Республикой имелся договор 1945 г., которым определялся союзный и дружественный характер межгосударственных отношений.

Более того, наше тогдашнее государство играло важную роль при принятии решения о том, что Китайская Республика стала не просто членом ООН, но одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Одним словом, извлечение из истории двусторонних отношений только части фактов, непринятие во внимание всей истории двусторонних отношений наших двух наций — России и Китая — на протяжении всего, скажем, XX в. не создает прочной основы для приведенных утверждений о характере рассматриваемого вопроса.

Что касается заявлений по вопросу о Тайване в документах, которые РФ принимает вместе с КНР, то это вынужденная дань ситуации. Вообще говоря, вопрос о Тайване — внутреннее дело самих китайцев. В него не следует вмешиваться посторонним. В то же время в отношениях на мировой арене уже сложилось положение, при котором большинство

государств мира поддерживают дипотношения с Пекином, имея в то же время неофициальные, торгово-экономические прежде всего, отношения с Тайбэем. Это — нормальное на сегодня положение вещей.

Что касается того факта, что Пекин вынуждает российскую сторону идти дальше США в заявлениях относительно Тайваня, то это также сегодня вынужденные шаги Москвы. Однако при этом в России может возрасть недовольство нажимом со стороны Пекина, протест против обращения Пекина с нами как с неравноправным и зависимым партнером. Одним словом, вся позиция Пекина по вопросу о Тайване, навязанная России в 1998 г., оказывалась возможной в условиях, когда в нашей стране у власти находились силы, идеологически симпатизирующие Пекину.

Во время встречи на высшем уровне в ноябре 1998 г. для российской стороны, с точки зрения МИД РФ, было важно решить на практике два вопроса.

Во-первых, вопрос о наведении порядка при взаимных поездках граждан в РФ или в КНР и о китайских гражданах в нашей стране. Российская сторона предлагала, чтобы обе стороны предприняли совместные меры. Дело в том, что существует довольно большие потоки людей, следующих в обе стороны. Ежегодно от 350 тысяч до 500 тысяч человек пересекают границу и в ту и в другую сторону. Надо упорядочить все это. Сначала китайская сторона отказывалась, но теперь согласилась и, по заявлениям сотрудников МИД РФ, стала действовать столь энергично, что российским ведомствам сейчас приходится поспешать.

Здесь также важно рассмотреть этот вопрос в его развитии. Все началось в отношениях наших государств, РФ и КНР, с того, что на границе существовал безвизовый порядок пересечения границы. В начале 1990-х гг. ситуация с потоком частных торговцев, или «челноков», стала столь серьезной и наносила такой большой ущерб, прежде всего, интересам нашей стороны, что оба государства были вынуждены ввести визовый порядок пересечения границы.

В дальнейшем с китайской стороны были найдены различные способы для обхода строгостей при этом порядке. Стали выдавать слишком много служебных паспортов, которые позволяли пересекать границу без визы; неупорядоченным оказалось также пересечение границы так называемыми туристами (а фактически теми же «челноками») по групповым визам; иначе говоря, необходимость возвращения к этому вопросу была вызвана односторонними действиями китайской стороны. Российская сторона была вынуждена в конечном счете защищать свои интересы. В результате стороны снова стали искать пути упорядочения этого движения через границу. На предыдущей стадии китайская сторона сопротивлялась ужесточению пропускного режима на границе. Следовательно, экономическая заинтересованность для китайской стороны была в данном случае очень большой, а ущерб нашей стороне наносился в результате этих операций тоже немалый.

Во-вторых, имеется также вопрос о перерегистрации нашей собственности в Китае, ранее принадлежавшей посольству или одиннадцати консульствам. Это никак не было оформлено. Теперь российская сторона хотела открыть консульство в Гуанчжоу в помещении, где было консульство СССР, но официальных документов о принадлежности собственности не было. Договорились провести переговоры для решения этих вопросов, начиная с посольств.

Имелись и вопросы, касавшиеся экономики. Накопилось 30—40 позиций, по которым обе стороны ведут диалог. Но визит в Москву был кратким; эти вопросы обычно решаются на уровне глав правительств. Цзян Цзэминь приехал с уже подготовленной позицией. Он сказал, что в феврале 1999 г. в Москву приедет глава правительства КНР Чжу Жунци. Таким образом стороны соблюдают график встреч премьеров.

Сообщалось также, что стороны будут готовиться к переговорам в феврале 1999 г. Пройдут заседания всех пяти подкомиссий: по торговле, научно-техническому сотрудничеству, энергетике, ядерному сотрудничеству, транспорту. Сотрудничество на

энергетическом рынке складывалось тогда не очень удачно. По АЭС в КНР существуют разные мнения. Во время встречи Е.М.Примаков сказал, что российская сторона выполняет все обязательства по АЭС в срок, что в бюджет на 1999 г. это заложено.

Был поставлен ряд практических вопросов. В сентябре 1998 г. в Москве проходила конференция на тему «Конверсия: Россия — Китай». Она была полезной. Предстояло провести форум по высоким технологиям. Важен был и вопрос о нашем проникновении на рынок гражданской авиации в КНР. Мы предлагали самолеты средней дальности на сто пассажирских мест. В ноябре 1998 г. российская сторона внесла предложение совместно выпускать два типа таких самолетов в Новосибирске. Это предложение находится на рассмотрении китайской стороны. России трудно пробиться со своими гражданскими самолетами в КНР — «Боинг» просто подкупает китайцев различными способами.

На протяжении последних пяти лет МИД РФ разъяснял российским авиационным предприятиям, как можно и нужно вести дела с китайскими партнерами. Руководители упомянутых авиапредприятий хотели, чтобы вопросы решались только чисто политически, т.е. чтобы китайская сторона покупала наши гражданские самолеты на основе договоренности между правительствами. МИД убеждал директоров заводов, что надо предоставлять представителям китайской стороны технические условия, схемы финансирования и т.п. Три года мы не могли продать ни одного самолета. Наконец было условлено, что в январе 1999 г. китайцы приедут посмотреть наши Ил-96 и Ту-204.

Цзян Цзэминь сказал, что он все передаст Чжу Жунцзи, который и приедет специально решать такие вопросы.

Это было главное, чего добивалась российская сторона.

В МИД РФ полагали, что, несмотря на сложности, визит Цзян Цзэминя был очень удачным по настрою. Цзян Цзэминь тепло выступил в Новосибирске, произнес речь на русском языке. Эта речь планировалась как обращение к российским ученым, к науке в России, как обращение к нашему народу.

Все три документа (два заявления, согласованные президентами и коммюнике) китайцы опубликовали в «Жэньминь жибао» полностью и были очень довольны визитом. Это хорошо, особенно на фоне визита Цзян Цзэминя в Японию.

Сразу же по прибытии в Москву Цзян Цзэминь 22 ноября поехал в посольство КНР, где выступил перед дипломатами и другими китайцами. Присутствовавшие там при выступлении Цзян Цзэминя китайцы, находившиеся в нашей стране по своим делам, отмечали в беседах, что они были поражены тем, как жестко Цзян Цзэминь говорил о Японии, ставя вопрос таким образом, что Япония должна извиниться за прошлое и изменить свою позицию по Тайваню.

Но в то же время известно, что экономические связи КНР с японцами очень хорошо развиваются. Японцы дали китайцам кредит в сумме 3,2 млрд долларов. Однако политические отношения КНР и Японии не улучшились, а обострились.

Визит к нам выглядел по своим результатам выигрышно и контрастировал с визитом Председателя КНР в Японию, полагали российские дипломаты.

На самом деле, необходимо отметить, что Цзян Цзэминь на первое место ставит развитие китайско-американских отношений. Далее, на первый план выходит и развитие китайско-японских отношений. Впервые в истории глава китайского государства посетил Японию. Японская сторона предоставила Китаю в ходе этого визита кредит более чем на три миллиарда долларов, таким образом, визит Цзян Цзэминя в Японию имел реальную отдачу.

Что же касается политических вопросов (извинения за преступления в ходе Второй мировой войны и изменение позиции по Тайваню), то на данном этапе, как и можно было ожидать, Пекин продемонстрировал свою жесткость, а японцы сохранили лицо. Одним словом, пока имеет место нормальный, реальный и максимально возможный прогресс в китайско-японских отношениях.

Цзян Цзэминь, как намекали в Пекине, готовился до визита сделать дружеский жест с учетом сложности положения в России. Неофициально сообщали, что речь может идти о ста тысячах тонн свинины и ста тысячах тонн растительного масла, но, как оказалось, на условиях коммерческого кредита.

Российская сторона не стала проявлять инициативу и просить о таком кредите. Одним словом, сама постановка вопроса об «оплачиваемом подарке» с китайской стороны, о желании «предоставить» нам опять-таки товары быстрого проедания, да еще имея в виду, прежде всего, свою выгоду, рассчитывая впоследствии получить за них валюту, валюту с процентами, свидетельствует о подлинном отношении к нам в Пекине.

Может возникнуть вопрос о том, как следует относиться к тому факту, что ранее при встречах на высшем уровне совместные документы — заявления, декларации — подписывались главами наших двух стран, а на сей раз появились два заявления и одно коммюнике, но они не были подписаны Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином.

Известно, что у США и КНР имеются три совместных коммюнике. Они не подписаны Президентом США и Председателем КНР. В США считают, что юридической силы коммюнике такого рода не имеют, а в Китае полагают — наоборот. Споры между сторонами по этому вопросу продолжаются.

Сотрудники МИД РФ исходят из того, что в «президентских» документах нет положений, которые представляли бы собой какие бы то ни было обязательства нашей стороны.

Действительно, на самом деле создается своеобразная ситуация. Наши отношения с КНР определяются не двусторонними документами, составленными по всей форме, т.е. в виде договоров или соглашений, и подписанных президентами или главами правительств от имени соответствующих государств. (Конечно, такие соглашения по отдельным вопросам есть, однако общие принципы наших отношений зафиксированы в заявлениях или декларациях, которые не подписываются — хотя и согласовываются — главами государств.) Существует и такая форма согласования позиций или планов действий на ближайшее время, как выпуск коммюнике о поездках главы государства и о его встречах с партнером по переговорам.

Вполне очевидно, что такие формы договоренностей устраивают обе стороны на данном этапе развития отношений.

Такого рода документы имеют персонифицированный характер. Они обладают реальной силой тогда, когда живы и находятся на своих постах руководители обеих стран, которые подписали (или согласовали) эти документы. После ухода из жизни или с поста главы государства хотя бы одного из партнеров возникает необходимость подтверждения или разработки заново договоренностей такого рода. Это создает определенную свободу рук и, очевидно, приемлемо для обеих сторон в настоящее время.

Итоги 1998 года в двусторонних отношениях

В целом 1998 год был очень непростым в наших двусторонних отношениях. Конечно, это можно объяснять прежде всего состоянием и развитием внутривнутриполитического и внутривнутриэкономического положения в каждой из наших стран, а также сложностями, которые возникали в отношениях партнеров с третьими странами. Настоятельной и первостепенной необходимостью заниматься либо внутренними проблемами, либо достижением соглашений с третьими странами и международными организациями; сюда можно добавить и непростое развитие ситуации во всем том, что касалось положения высших руководителей обеих государств.

Так или иначе, а в 1998 г. появились заминки при осуществлении регулярных и, казалось бы, налажившихся контактов на высшем и на высоком уровне, возникли сбои во вроде бы устоявшейся системе.

Политические заявления, которые делались сторонами совместно, содержали ряд положений, которые были инициированы главным образом Пекином. Россия шла здесь за своим партнером, что не отвечает принципу самостоятельности и равноправия. Можно заметить, что договоренности, вырабатываемые таким образом, «долго не живут». Не случайно помощник президента РФ по международным делам С.Э.Приходько заметил, что даже тезис о многополюсности (или многополярности) мира требует проверки временем [27].

Пекин сочувствовал всем изменениям на политической сцене в России, которые, как ему представлялось, выводили к рычагам власти коммунистов или близкие к ним силы либо усиливали их позиции во властных структурах. В экономической области были сделаны некоторые шаги. Однако по большому счету все, что могло бы рассматриваться как существенное и приносящее реальный эффект развитие двусторонних торгово-экономических связей, находящихся в цивилизованных рамках и под контролем за соблюдением законов со стороны обоих государств, оставалось в подвешенном, неподвижном состоянии. Появлялись декларации о намерениях, но реального движения не было. При этом китайская сторона продолжала выжимать миллиарды долларов прибыли из того, что именуется «челночной» торговлей.

Отсутствовал культурный обмен между сторонами.

Одним словом, отношения поддерживались внешне на приемлемом уровне, но, по сути дела, развития не получали. Недаром в Китае говорили, что российско-китайские отношения «являются горячими на высоком уровне и холодными на низовом уровне».

По сути дела, в этой формуле отражалась действительность. Руководители обеих стран и обслуживающее их чиновничество, начиная с глав правительств и министров иностранных дел, стремились сохранять внешнюю дружественную атмосферу в отношениях. Нет и основы для того, чтобы существенным образом изменился характер отношений между нашими народами. И хотя серьезных поводов для конфликтов и столкновений нет, эти отношения по многим искусственно создаваемым причинам таят в себе глубокое взаимное недоверие. Оно связано, прежде всего, с нерешенностью вопроса о границе, о территориях, о договоре о границе. А также с тем, что торгово-экономические отношения не ведутся на цивилизованной основе, на базе законов, соглашений, под совместным строгим контролем двух государств. Причем в широких масштабах; в них преобладают криминальные операции, в которые вовлечены и правительственные чиновники, если не целые структуры обеих сторон.

Одним словом, наши отношения необходимо поставить на здоровую основу. Пока до этого еще далеко, хотя внешне они выглядят более чем удовлетворительными.

Е.М.Примаков о России, Китае, Индии

В самом конце 1998 г. произошло событие, на котором необходимо остановиться особо. 20 декабря 1998 г. Председатель правительства РФ Е.М.Примаков, находясь с визитом в Индии, с сочувствием отнесся к идее создания «стратегического треугольника»: Россия — Китай — Индия [28].

Накануне этой поездки Е.М.Примакова США и Великобритания нанесли ракетные удары по военным объектам Ирака, полагая, что руководители этой страны не выполняют решения Организации Объединенных Наций о ликвидации на территории Ирака оружия массового уничтожения (ядерного, химического, бактериологического), ракетных и других средств его производства и доставки, ибо наличие такого оружия или потенциальная вероятность его применения, в первую очередь против некоторых соседних с Ираком государств, обеспокоила мировое сообщество, что нашло свое отражение в документе ООН.

В Москве Президент РФ Б.Н.Ельцин и глава правительства Е.М.Примаков сочли метод, который использовали США и Великобритания, неприемлемым, полагая, что

применение вооруженных сил, в том числе в данном конкретном случае, должно было осуществляться после принятия соответствующего решения Советом Безопасности ООН, а этого сделано не было. Более того, Президент РФ Б.Н.Ельцин был недоволен тем, что Президент США Б.Клинтон не поставил его в известность о предполагавшемся нанесении ракетных и бомбовых ударов по Ираку.

Упомянутое высказывание Е.М.Примакова в Индии стало одним из компонентов реакции Москвы на действия США, ее попыток объединить возможных единомышленников в целях оказания отпора действиям Вашингтона и Лондона. Индия также осудила военные действия США. Поэтому в той части, которая касалась Ирака, Москва могла рассчитывать на понимание в Индии. В то же время в целом в Индии сдержанно отнеслись к высказыванию Председателя правительства РФ, практически не дав ему прямой оценки.

В КНР, которая также в принципе осудила действия США и Великобритании в отношении Ирака, по следам высказываний Е.М.Примакова было сделано заявление дипломатического характера, из которого следовало, что КНР проводит самостоятельную политику и считает необходимым развивать хорошие отношения со всеми государствами.

Одним словом, ни Дели, ни Пекин не отозвались на призыв создавать «стратегический треугольник» с Москвой для противодействия политике США. Этот призыв остался демаршем, возникшим, главным образом, в связи с внутривластной борьбой в нашей стране. (Председатель правительства РФ Е.М.Примаков сделал это заявление буквально накануне голосования в Государственной Думе РФ по вопросу о принятии бюджета на 1999 год; он был заинтересован в том, чтобы решение по бюджету носило «политический характер», характер поддержки его лично как председателя правительства, а одним из оснований для принятия такого решения многими фракциями в Государственной Думе и, прежде всего фракции КПРФ, был тезис о том, что во главе правительства стоит политический и государственный деятель, который осуждает политику США и призывает к объединению усилий на мировой арене таких стран, как Россия, Китай, Индия, к превращению их в стратегических партнеров, что напоминает даже известное высказывание В.И.Ленина в первые годы Советской власти.)

Необходимо в связи с этим заметить, что представителям нашей страны целесообразно всегда соблюдать некое правило, следующее из уроков истории наших двусторонних отношений с Китаем. А именно, никогда не говорить за китайских партнеров, от их имени или подразумевая, что они как бы должны позитивно воспринять какие бы то ни было наши мысли и одобрительно отнестись к ним. Здесь работает упоминавшийся принцип полной независимости каждой из наших двух сторон в их отношениях между собой и на мировой арене. Соблюдение этого принципа благотворно сказывается на наших отношениях, а всякое отступление от него потенциально может наносить им ущерб (даже если по крайней мере временно, одномоментно негативной роли не сыграет, ибо рассчитано на «внутреннее потребление», в нашей стране, да и на понимание со стороны руководителей КНР).

В то же время, необходимо подчеркнуть, что заявление Е.М.Примакова носило не только тактический, одномоментный и частный характер. Ему было присуще стратегическое, долгосрочное геополитическое содержание: речь шла о важной позиции Москвы по вопросу о формировании новой конфигурации в расстановке сил на мировой арене в XXI в. или, во всяком случае, о пожеланиях Москвы в тот момент.

По сути дела, Председатель правительства РФ Е.М.Примаков выдвинул идею о создании долговременного и мощного противовеса политике США и их союзников, в первую очередь Великобритании. И не только ее, но и Японии и некоторых западноевропейских стран во всяком случае. Эта идея была приемлема для таких политических сил внутри нашей страны, как, прежде всего, КПРФ и «национально-патриотические» организации. Думая об известной идее соединения усилий России, Китая и Индии на мировой арене, о чем в свое время говорил еще В.И.Ленин, необходимо принимать во внимание не только то, как эту мысль воспринимают в нашей стране различные

политические силы, но и, в первую очередь, учитывать особенности современных отношений всех тех государств, чьи интересы оказываются затронуты в данном случае в первую очередь: России, Индии, Китая и США.

Например, у Пекина имелись разногласия с Индией по ряду вопросов. В 1998 г. КНР и США во время встречи Президента США Б.Клинтона и Председателя КНР Цзян Цзэминя сделали совместное заявление относительно ядерных испытаний в Индии и в Пакистане, что вызвало резкий отпор правительства Индии, которое назвало эту акцию Пекина и Вашингтона «гегемонистской». Министр обороны Индии видел в КНР главную военную угрозу своей стране. С другой стороны, Индия, осуждая США за некоторые их шаги в области внешней политики, в то же время стремилась к налаживанию отношений с Вашингтоном. В частности, Индия была заинтересована в том, чтобы стать одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН, а это предполагало необходимость поддержки со стороны по крайней мере всех постоянных членов Совета Безопасности. Возникал также вопрос о том, удастся ли усадить за один стол в целях формирования упомянутого «треугольника» Россию, Китай и Индию, ибо ни одна из этих стран не хотела ни прямой конфронтации с США, ни выступления в квазисоюзе с кем бы то ни было против США. Каждая из этих трех стран была заинтересована в поддержании и развитии нормальных и даже стратегических партнерских отношений и с США и попарно между собой. РФ и КНР заявили именно о таком характере своих двусторонних отношений. США и КНР тоже сделали подобное заявление. Москва собиралась подписать с Дели документ о таких же отношениях.

Одним словом, до того момента, когда глава правительства России Е.М.Примаков выразил свое отношение к идее о создании «стратегического треугольника» Россия — Китай — Индия, эти три государства находились в процессе установления долгосрочных и нормальных отношений со всеми государствами, и, прежде всего, с ведущими странами мира; следовательно, преобладала мысль о постепенном формировании системы попарных отношений стратегического партнерства в XXI в.

Так что в связи с высказываниями Е.М.Примакова возникало много вопросов, на которые трудно было дать ответы.

Здесь присутствовало еще одно обстоятельство, которое одновременно было и внутренним для нашей страны, и внешнеполитическим. Шаг Е.М.Примакова показывал, что развитие курса, начатого президентом Б.Н.Ельциным, когда он пошел на компромисс с коммунистическо-националистическими силами в нашей стране и стал проводить угодную им внешнюю политику, дошло до известного предела. В год вступления во второй срок пребывания на посту Президента РФ (1996 г.), Б.Н.Ельцин заменил на посту министра иностранных дел А.В.Козырева Е.М.Примаковым. Козырев был по своим убеждениям демократом и не устраивал коммунистическо-националистические силы. Примаков же говорил о себе как о государственнике и был угоден коммунистам. Эти силы критиковали внешнюю политику нашей страны при Козыреве и хвалили ее при Примакове. Козырев выступал за всемерное развитие отношений между Россией и демократическими странами Западной Европы и США, доказывая им, что РФ является такой же нормальной демократической страной, как и эти западные страны, и полагая, что всех нас объединяют общие демократические принципы, в частности, такие понятия, как гуманизм, а также обязанности и права человеческой личности. Новый министр Е.М.Примаков всячески осуждал «демократов» и «реформаторов»; судя по его практической деятельности в понятие «государственник» он при этом вкладывал, прежде всего, мысль о том, что государство важнее человеческой личности, что интересы человека должны быть подчинены интересам государства. Тем самым Примаков создавал, в частности, основу для взаимопонимания с Пекином, так как там не желали даже говорить о правах человека и о человечности, предпочитая выносить на первый план интересы государства.

Так создавалась новая идеологическая общность между лидерами КПК-КНР и Е.М.Примаковым, ставшим позже главой правительства России.

Принимая решение о замене одного министра иностранных дел другим, Президент РФ исходил, вероятно, из того, что он должен учитывать расстановку политических сил внутри страны, в ветвях власти. В то же время требовалось, чтобы внутривластные и идеологические соображения не наносили ущерба интересам нашей страны и народа на мировой арене.

Выступление Е.М.Примакова с упомянутым предложением о «стратегическом треугольнике» свидетельствовало также о проявлении контуров некоего нового механизма управления внешней политикой в нашей стране. До осени 1998 г. существовало четкое разграничение высшего (Президент РФ) и высокого (Председатель правительства РФ) уровней руководства внешней политикой. С появлением в сентябре 1998 г. на посту Председателя правительства РФ Е.М.Примакова это четкое разграничение функций начало в какой-то степени размываться.

Вообще говоря, необходимо рассматривать одновременно и отношения на высшем уровне и отношения на высоком уровне, настолько эти отношения взаимосвязаны. Однако при этом в конечном счете в нашей стране (да и в континентальном Китае) все-таки решение главных вопросов внешней политики — это дело, прежде всего, даже исключительно, первого руководителя страны, главы государства — т.е. Президента РФ (и Председателя КНР). Отступления от такого положения, как показывает практика, возможны на некоторое время и при некоторых обстоятельствах; но они могут быть только временными.

Президент продолжал держать в своих руках главный рычаг управления внешней политикой. В то же время он многое доверил в свое время министру иностранных дел Е.М.Примакову в надежде на то, что тем самым снимается вопрос о критике внешней политики со стороны коммунистическо-националистических сил. Когда Е.М.Примаков по решению президента и при поддержке большинства Государственной Думы (в том числе и фракции «Яблоко») стал в сентябре 1998 г. Председателем правительства нашей страны, он не отошел от вопросов внешней политики. Более того, появилось нечто вроде «двуумвирата» во главе нашей внешней политики: Б.Н.Ельцин и Е.М.Примаков.

Назначенный вместо Е.М.Примакова министром иностранных дел И.С.Иванов в своих заявлениях начал говорить об одобрении тех или иных внешнеполитических решений и президентом и главой правительства, хотя согласно Конституции РФ это прерогатива только Президента России. Можно также отметить, что в связи с нездоровьем Президента РФ в декабре 1988 г. в Индию направился глава правительства Е.М.Примаков. Вообще, в это время было много разговоров на различных уровнях о том, что у нас в стране появился практически вице-президент, который замещает президента при решении внешнеполитических задач, и что таким вице-президентом является Е.М.Примаков.

Первоначально его визит в Индию и виделся многим как визит государственного руководителя, представляющего или замещающего президента страны со всеми соответствующими полномочиями главы государства. Однако во время самого визита в Индию, очевидно учитывая и позицию индийской стороны, которая не могла допустить никакого неравенства в самой форме отношений, не говоря уже об их существовании, были сделаны заявления о том, что данный визит главы правительства является именно визитом главы правительства и никак не заменяет встречу на высшем уровне, встречу глав двух государств. Было также сказано, что такая встреча может состояться позднее в Москве. Предполагалось подписать на ней документ, в соответствии с которым Россия и Индия объявили бы об установлении между собой отношений стратегического партнерства (попутно можно отметить, что с подписанием такого заявления Россия обретала бы комплекс стратегических партнерских отношений с ведущими странами: с США, с КНР, с Индией; при этом она как бы опережала всех своих партнеров на пути долговременного упрочения и двусторонних отношений и стабильности в международных отношениях в целом).

Иначе говоря, Президент РФ Б.Н.Ельцин не уполномочил Е.М.Примакова подписывать вместо себя или согласовывать такого рода документ в ходе поездки в Индию. Он не передал Е.М.Примакову всех своих полномочий.

Следовательно, оставался открытым вопрос и о том, разделяет ли Б.Н.Ельцин позицию Е.М.Примакова относительно создания «стратегического треугольника» Россия — Китай — Индия.

А 20 апреля 1999 г. Председатель правительства РФ Е.М.Примаков заявил, что отношения России, Индии, Пакистана и Китая имеют большое значение для стабилизации и безопасности на юге Азии.

Е.М.Примаков заявил об этом после переговоров с главой правительства Пакистана [29].

Поездка Чжу Жунци в Москву

В феврале 1999 г. в нашей стране впервые побывал с официальным визитом новый премьер Государственного Совета КНР Чжу Жунци. Предполагалось, что после политического визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в конце 1998 г. поездка Чжу Жунци будет носить экономический характер, т.е. в ходе этого визита будут устранены завалы на пути развития двусторонних торгово-экономических отношений.

Перед поездкой Чжу Жунци встречался с делегацией российских журналистов во главе с генеральным директором ИТАР-ТАСС В.Игнатенко. В ходе этой встречи Чжу Жунци сказал, что предстоящему визиту придают в КНР большое значение. Во время встречи в ноябре 1998 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь и Президент РФ Б.Н.Ельцин договорились всемерно развивать отношения между двумя странами и особое внимание уделить приграничной торговле, напомнил Чжу Жунци. Он продолжал: «14 июля (1998 г.) в Пекине состоялась моя встреча с премьер-министром России Сергеем Кириенко. Мы многое обсуждали и нашли ряд решений, которые призваны оживить торговые связи между нашими государствами». Тогда два премьера подняли бокалы за «челноков». Для челночной торговли, которой занимаются граждане Китая и России, необходимо создать самые благоприятные условия. Ее объемы превышает оборот торговли, осуществляемой в соответствии с межправительственными соглашениями. Вклад «челноков» в двусторонние экономические связи огромен.

Такую оценку деятельности китайских и российских «челноков» дал премьер Госсовета КНР Чжу Жунци. Из его слов наши журналисты сделали вывод о том, что, с точки зрения главы правительства КНР, «челноки» — это двигатель китайско-российской торговли [30].

Эти высказывания Чжу Жунци сразу же показали, что у сторон существуют расхождения по вопросу о том, как именно, в каких направлениях развивать торгово-экономические отношения, что для главы правительства КНР на первом месте стоят внутриэкономические проблемы Китая.

Ранее в России постепенно формировался следующий взгляд на состояние и перспективы развития торгово-экономических отношений с КНР. Эти отношения желательно расширять и углублять в стратегическом плане, ориентируясь на огромную по масштабам торговлю и серьезные экономические проекты. Налаживание такого рода отношений отвечает интересам и России, и, как у нас думали, Китая.

В то же время было очевидно, что искать пути к большим реальным проектам — дело длительное и сложное. Здесь нужна политическая воля, особенно с китайской стороны, где такого рода вопросы решаются главным образом на уровне высшего руководства КПК-КНР. С нашей стороны было желание всемерно содействовать установлению и развитию таких отношений, разработке и осуществлению крупных соглашений, проектов и контрактов.

Одновременно нам становилось ясно, что торговля в форме бартера и челночная торговля с каждым годом наносят России все больший ущерб и приносят все большую прибыль китайской стороне. Мы предпочли бы отказ от бартера и перевод челночной торговли на такую основу, которая, по крайней мере, не наносила бы нам экономического ущерба.

Оказалось, что Чжу Жунцзи смотрел на эти вопросы совсем не так, как мы. Он исходил из того, что следовало сохранять и развивать именно те формы торгово-экономических отношений, которые приносили ощутимую одностороннюю выгоду китайской стороне. Именно поэтому в своих высказываниях Чжу Жунцзи делал первостепенный упор на значении челночной и бартерной торговли. Это же означало, что все остальные формы развития отношений Чжу Жунцзи пока не рассматривает как первостепенные, требующие немедленного осуществления. Становилось ясно, что рассчитывать на прорыв в области торгово-экономических отношений с КНР Москве в начале деятельности нового китайского премьера не приходилось.

Накануне поездки, отвечая на вопросы корреспондента «Известий», Чжу Жунцзи заявил, что в ходе его визита в РФ состоится четвертая регулярная встреча премьеров РФ и КНР. По словам Чжу Жунцзи, механизм подобных встреч глав правительств призван сыграть важную роль в продвижении взаимовыгодного китайско-российского сотрудничества во всех областях. Мы проанализируем ситуацию в двустороннем взаимодействии за год, истекший со времени прошлой встречи премьеров, обсудим предложения по следующему этапу развития, выработаем планы, а также проведем углубленный обмен мнениями по расширению наших деловых связей, по усилению сотрудничества в области инвестиций, науки и техники, стимулирования межрегионального сотрудничества.

Чжу Жунцзи выразил надежду, что его визит поможет углубить китайско-российское взаимопонимание, стимулировать сотрудничество и придать практическое развитие отношениям стратегического партнерства между нашими странами. Мы должны, говорил он, прежде всего придерживаться принципов взаимовыгодности и равноправия, вести дела в соответствии с рыночными законами, создавать возможности для сотрудничества предприятий — и уровень торгово-экономического обмена сможет подняться на новую высоту. Китай и Россия прилагают усилия к совершенствованию механизма двусторонней торговли. Баланс нашей торговли постепенно начинает соответствовать международным нормам и стандартам.

Также наблюдается движение и в области взаимных инвестиций. В настоящее время успешно продвигается строительство самого крупного объекта нашего сотрудничества Ляньюньганской АЭС. В октябре 1999 г. в ее основание будет залит первый бетон. Китай в России ведут деловое сотрудничество в таком крупном проекте, как освоение газо-конденсатного месторождения. В области науки и техники также имеются широкие перспективы сотрудничества. В декабре 1997 г. в Пекине сторонами проведен симпозиум по проблемам освоения высоких технологий, что усилило дальнейшее сотрудничество в этой области в том числе в сфере продвижения новых технологических достижений на рынок. В настоящее время мы готовимся подписать Протокол о защите и разделении прав интеллектуальной собственности. Уверен, что этот протокол сыграет позитивную роль в китайско-российском научно-техническом сотрудничестве.

Чжу Жунцзи также сказал, что вопросы о границе между Китаем и Россией уже в основном урегулированы, работы по демаркации границы полностью завершены. Впервые пограничная линия между двумя странами практически получила четкое обозначение. Это является важным событием в истории отношений двух стран, конкретным воплощением постоянно углубляющегося стратегического партнерства и имеет далеко идущее значение для сохранения спокойной обстановки в районе границы между государствами. Стороны также решили продолжать переговоры по еще остающимся проблемам относительно отдельных участков границы.

В ходе урегулирования пограничных проблем Китая с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном в духе равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимных уступок пять стран, проведя активные консультации по выработке мер доверия в военной области и сокращения вооруженных сил в районе границы, подписали соответствующие военно-политические документы. Это заложило прочную правовую основу для эффективного развития двусторонних и многосторонних отношений между пятью государствами. Подобное впервые имеет место в мировой практике.

В июле 1998 г. во время встречи пяти государств в Алма-Ате стороны достигли понимания необходимости дальнейшего усиления сотрудничества в таких сферах, как региональная безопасность, торговля и экономика, освоение энергоресурсов и транспортировка, совместная борьба с сепаратизмом, транснациональной преступностью и ряде других областей. Правительство КНР выражает готовность и стремление в соответствии с духом и принципами подписанного в Алма-Ате заявления общими усилиями продвигаться в деле сотрудничества пяти стран.

Наконец, Чжу Жунци отметил, что Китай и Россия как великие державы, оказывающие значительное влияние на международную жизнь и являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, несут особую ответственность за обеспечение мира во всем мире и содействие всеобщему экономическому развитию. По многим наиболее важным международным проблемам у сторон сходные позиции. Во время недавнего визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя обе стороны опубликовали совместное заявление о китайско-российских отношениях на пороге нового столетия, в котором выразили совместную позицию по наиболее важным проблемам международной жизни. В частности, по таким вопросам, как многополярность мира, многообразие мирового развития, экономическая глобализация, реформирование ООН и т.д.

В последнее время Китай и Россия поддерживают тесное сотрудничество и ведут консультации по наиболее важным международным проблемам. В результате совместных усилий мы сумели урегулировать и решить ряд вопросов. Такого рода китайско-российское сотрудничество отвечает интересам не только наших стран, но имеет чрезвычайно важное значение в деле создания нового международного политического и экономического порядка, обеспечения мира, стабильности и развития на планете [31].

Визит главы правительства КНР в Россию проходил на фоне снижения объемов двусторонней торговли. В 1998 г. эти объемы снизились на 10 процентов и составили 5,5 млрд долларов — 1,7 процента от всей внешней торговли КНР. Китайская доля в российской торговле была чуть больше — 5 процентов.

Чжу Жунци приехал в Москву 24 февраля 1999 г. Судя по сообщениям печати, во время переговоров лидеры России и Китая особое внимание уделяли поиску направлений взаимодействия, способных вывести экономические отношения на новый уровень. По мнению вице-премьера Ю.Д.Маслюкова, среди главных направлений приоритетными являлись сотрудничество в области нефти и газа, строительство и оснащение оборудованием энергетических комплексов. Речь шла не только о поставке газа, но и о создании инфраструктуры добычи, хранения, транспортировки и переработки природного газа. Самый крупный объект нашего сотрудничества — сооружение Ляньюньганской АЭС в провинции Цзянсу. Там будут установлены два российских ядерных реактора на легкой воде ВВЭР-1000. В ходе визита с китайской стороны высказывалось беспокойство: сможет ли Россия после финансового кризиса 17 августа 1998 г. выполнить обязательства? В Минатоме были убеждены: все идет нормально.

Значение участия РФ в строительстве АЭС в КНР огромно. Обе стороны весьма заинтересованы в этом. Выполнение российской стороной своих обязательств в установленные сроки выбьет почву из-под утверждений, имеющих место в КНР, о том, что с нашей страной сегодня лучше не иметь дел.

В свою очередь, улучшению репутации китайских товаров может помочь открытие в Москве бизнес-центра в Доме туриста на Ленинском проспекте и двух супермаркетов китайских товаров — на Новом Арбате и Новослободской улице. Документы о купле-продаже этих объектов были подписаны во время визита.

Среди других любопытных проектов совместное производство в России телевизоров по китайским технологиям, а также идея, родившаяся в Хабаровском крае, — предложить китайцам рубку пораженной пожарами 1998 г. тайги на площади около 1,5 млн гектаров. Китайцы готовы направить в Хабаровский край шесть тысяч лесорубов и более тысячи единиц техники. Затем лесоматериалы будут поступать на российский и китайский рынки в рамках соглашения о разделе продукции. Кстати, китайские лесорубы обязались затем заняться восстановлением леса. В ходе визита было также подписано крайне важное соглашение об охране интеллектуальной собственности [32].

В ходе переговоров в Москве Чжу Жунцзи в принципе подчеркивал, что он уверен в том, что у сторон имеются резервы для развития двусторонних отношений. Однако он не выдвинул предложений, которые создавали бы новые реальные возможности для значительного или существенного изменения состояния двусторонних торгово-экономических отношений.

Чжу Жунцзи, вероятно, исходил при этом из того, что следует продвигать те предложения и проекты, которые прежде всего будут выгодны для КНР. Вполне очевидно, что экономическое положение в КНР было настолько серьезным и трудным, что премьер был озабочен внутрикитайскими проблемами, полагая, что из отношений с нашей страной следует извлекать выгоду, возможную в сложившейся ситуации. При этом Чжу Жунцзи стремился наладить канал извлечения из нашей страны высоких технологий; причем, как это очевидно, при небольших затратах с китайской стороны и при большой отдаче от применения этих технологий в континентальном Китае.

Далее Чжу Жунцзи выступил за то, чтобы на территории нашей страны было налажено производство древесины и продукции лесного хозяйства. Он был согласен даже на полный цикл обработки древесины в РФ, и в этом пошел дальше по сравнению с тем, что предлагала китайская сторона ранее. Возможно, что эти предложения Чжу Жунцзи, помимо учета экономических интересов обеих сторон, основывались также на расчетах, связанных с появлением на территории нашей страны стационарных баз, на которых будут работать много китайцев, причем на протяжении длительного времени. Это также требовало учета всех обстоятельств с нашей стороны. (Правда, тут важно, в какой именно пропорции китайская сторона предполагала делить продукцию обработки древесины.)

Наконец, Чжу Жунцзи настойчиво предлагал нам согласиться на развертывание сети учреждений по продаже в РФ потребительских товаров из КНР, т.е. речь шла о сбыте товаров, которые в Китае некуда девать и которые другие страны не берут.

Чжу Жунцзи занимал в ходе бесед в Москве наступательные позиции. Он критиковал прежние торгово-экономические связи, считая их мертвыми и требующими оживления, напоминая на то, что наши министерства плохо работали и не выполняли свои обязательства. При этом он не желал принимать во внимание, что вина за состояние отношений лежит на обеих сторонах; что китайская сторона тоже далеко не всегда выполняет свои обязательства. Конечно, наши практические работники никак не могли согласиться с утверждениями, будто китайская сторона работает безукоризненно, а наша сторона виновата во всех недостатках. Более того, по сути дела, у нас гораздо больше претензий к качеству работы китайской стороны.

Чжу Жунцзи также пытался создать впечатление, что наши министерства не способны наладить торгово-экономические отношения, поэтому нужно пробовать иную форму работы — сотрудничество непосредственно между регионами наших стран. Здесь у китайской стороны явно имелся расчет на то, что при такой форме торговли она сможет

сохранить выгодный для нее бартер и сумеет сделать контакты и проекты более выгодными для себя.

Наконец, позиция Чжу Жунцзи отражала новые растущие интересы КНР в источниках энергии, прежде всего в нефти. Не случайным представляется при этом тот факт, что нашей компании «ЮКОС» удалось впервые подписать контракт на поставку нефти в КНР. Китайская сторона также проявила заинтересованность в соглашениях, которые сулили поставку газа в КНР из России. Появились возможности переговоров и в области разработки и использования энергетических ресурсов, в чем заинтересованы обе стороны. Хотя здесь многое будет зависеть от того, согласится ли китайская сторона реально вкладывать деньги в осуществление строительства гидросооружений в нашей стране.

Президент РФ Б.Н.Ельцин, встречаясь в Кремле с премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи, предложил в целях решения на месте важнейших проблем, мешающих развитию двусторонних торгово-экономических отношений, провести в рамках его будущего официального визита в КНР российско-китайскую встречу в широком составе с участием ключевых министров. (Сроки визита Б.Н.Ельцина еще не были согласованы.) Чжу Жунцзи вручил Б.Н.Ельцину фотографию, на которой запечатлены Президент России и Председатель КНР Цзян Цзэминь во время их неформальной встречи в ноябре 1998 г. в Москве. Российский президент попросил передать своему другу Цзян Цзэминю, что он «высочайшего мнения о нем». Президент отметил также, что КНР выполняет все наши договоренности, хотя проблемы возникают и над ними надо работать на всех уровнях.

Встреча Б.Н.Ельцина и Чжу Жунцзи была важной для обеих сторон. Президент РФ стремился продемонстрировать, прежде всего, неизменность своего курса на развитие с Пекином не только тесных политических отношений, но и наличие под этими отношениями, по крайней мере с нашей стороны, искренних дружеских чувств.

В самом начале встречи Б.Н.Ельцин притянул руку Чжу Жунцзи к своей груди, желая продемонстрировать сердечность своего отношения к лидерам Китая. Чжу Жунцзи вслед за Б.Н.Ельциным повторил его жест, хотя и замедленно.

Ощущалось, что в ходе беседы Б.Н.Ельцин стремился, в первую очередь, показать, что трудности на пути развития двусторонних отношений, особенно в области наполнения их конкретным торгово-экономическим содержанием, носят временный характер. Более того, Президент РФ сделал еще один важный, с его точки зрения, жест. Он сказал, что во всех недостатках в области двусторонних отношений следует винить только нашу сторону. Это заявление Б.Н.Ельцина, конечно, не является частью документа или письменной оценкой состояния отношений. В то же время оно направлено на создание и сохранение хорошей атмосферы в двусторонних отношениях.

Думается, однако, что здесь присутствуют и отрицательные моменты. Прежде всего, такая позиция ставит в трудное положение всех наших чиновников любого уровня при ведении дел с представителями китайской стороны. И до сих пор чиновники в нашей стране так или иначе, но приходили к мысли о том, что надо все делать в двусторонних отношениях так, как того желает китайская сторона, в противном случае свои же вышестоящие начальники тебя осудят и накажут. Теперь, после такого заявления Президента РФ, положение стало еще более нетерпимым для конкретных исполнителей с нашей стороны. Тем более что на самом деле трудности в развитии двусторонних торгово-экономических отношений возникают из-за позиции как той, так и другой стороны; более того, только проявляя дипломатическое искусство и необходимую принципиальность и жесткость при отстаивании наших позиций, нашим представителям удается находить баланс интересов при решении вопросов в двусторонних отношениях, ибо представители китайской стороны всегда занимают чрезвычайно жесткие позиции, защищая свои интересы.

Встречаясь с Чжу Жунцзи непосредственно после его беседы с Б.Н.Ельциным глава нашего правительства сказал, что не согласен с вышеупомянутым мнением Президента РФ. Тем самым Е.М.Примаков подчеркнул, что не принимает такого рода упреков на свой счет. Однако положение всех остальных российских чиновников гораздо хуже, чем положение

главы правительства (который, кстати сказать, может использовать мнение главы государства при оценке работы нижестоящих чиновников). Так что высказывание Президента РФ можно считать крайне неудачным.

Если предположить, что Б.Н.Ельцин полагал, что он как бы учитывал «китайские правила приличия», намеренно льстил китайской стороне, стремясь сгладить шероховатости в отношениях на низовом уровне, то и в этом случае означенное высказывание не представляется удачным, так как в Китае косо смотрят на такого рода попытки иностранцев уйти от разговора на серьезные темы. Те, кто высказывают такого рода мысли, в Китае видятся людьми неискренними и не заслуживающими уважения.

В данной ситуации предпочтительнее было бы со стороны главы нашего государства обстоятельно и аргументированно показать на конкретных примерах, что наша сторона выполняет свои обязательства, допуская, возможно, иногда небольшие и непреднамеренные ошибки, а китайская сторона в гораздо большем числе случаев не выполняет свои обязательства, предъявляя нам необоснованные обвинения. Такая позиция наконец заставила бы китайскую сторону понять, что мы выступаем за равноправное и базирующееся на конкретных фактах обсуждение в полном объеме всех возникающих проблем, защищаем и будем всегда твердо защищать свои интересы на всех уровнях, начиная с президента страны, и не будем допускать ситуации, когда в наш адрес бросаются необоснованные упреки, тем более чиновником, который по положению ниже рангом, чем наш представитель. Нашим же чиновникам, которые занимаются конкретными вопросами двусторонних отношений, да и нашим предпринимателям это также помогло бы занимать достойные позиции и на равных обсуждать деловые вопросы с представителями китайской стороны.

К этому можно также добавить, что даже с точки зрения «китайских церемоний» или правил дипломатического протокола глава правительства КНР не должен был высказывать критических замечаний в адрес членов нашего правительства при встрече с Президентом России. Здесь китайская сторона не только повела себя в известном смысле невежливо, но и намеренно попыталась поставить Президента РФ в неудобное положение. Нужно также видеть, что такова и принципиальная позиция китайской стороны — Пекин стремится поставить дело таким образом, как будто бы в недостатках виноваты только представители нашей стороны. Совершенно очевидно, что Президент РФ всегда при встречах с главой китайского государства и с главой китайского правительства должен быть готов аргументированно и развернуто дать достойный ответ в случае выдвижения собеседником односторонних обвинений в адрес наших министров и предпринимателей, защищая наши позиции со всей решительностью.

Что же касается китайской стороны, то в данном случае было бы разумно и достойно, если бы Чжу Жунцзи обсудил все вопросы такого рода с Е.М.Примаковым.

Встреча Президента РФ Б.Н.Ельцина с главой правительства КНР Чжу Жунцзи заслуживает подробного анализа и взгляда на нее со всех возможных точек зрения. Поэтому мы позволим себе продолжить размышления о ней.

Это была встреча двух высокопоставленных представителей государств и наций. Причем первого лица в нашей стране со вторым лицом континентального Китая. Отсюда, как нам представляется, вытекала необходимость соблюдения вполне определенных правил уважения собеседников друг к другу. Было бы вполне нормально, если бы стороны обменялись церемониальными приветствиями, закреплявшими и развивавшими двусторонние отношения, обменялись любезностями между Б.Н.Ельциным, с одной стороны, и, опосредованно, Цзян Цзэминем, с другой стороны, что, собственно говоря, и имело место.

Стороны, конечно, должны были высказать свои главные и принципиальные соображения о состоянии и перспективах развития двусторонних отношений. В то же время было вполне очевидно, что Чжу Жунцзи предстояли переговоры с равным ему по рангу

партнером — главой правительства России Е.М.Примаковым. Поэтому было бы разумно ограничиться в беседе с Б.Н.Ельциным общими соображениями, оставив обсуждение конкретных, в том числе и еще не решенных, вопросов для беседы с Е.М.Примаковым.

Чжу Жунци повел себя по-иному. И это, пожалуй, самый важный момент и его пребывания в нашей стране, и для оценки тогдашнего состояния двусторонних отношений.

Дело в том, что второй человек в КНР (или, возможно, одна из «вершин» «двухпикового» руководства) счел необходимым прервать традицию, которая сложилась до тех пор. Мы имеем в виду то, что китайская сторона с 1992 г. по 1999 г. полагала целесообразным с особой осторожностью относиться к беседам с Б.Н.Ельциным и к его характеру, а потому всегда «гладить его по шерстке», не создавая трудностей в беседах с ним.

На сей раз Чжу Жунци повел себя агрессивно, в наступательном духе. Он впервые атаковал Президента России. При обсуждении состояния российско-китайских отношений Чжу Жунци начал во всем винить нашу сторону. Причем эта позиция была столь же необоснованной, сколь и намеренной, нарочитой. Собственно говоря, в первый момент могло показаться, что тем самым Чжу Жунци сразу же поставил в неудобное положение и Б.Н.Ельцина и Е.М.Примакова. Ведь Чжу Жунци, по сути дела, не только обвинял нашу сторону, но и как бы жаловался президенту на главу его правительства или на правительство — не поговорив с самим Председателем правительства РФ.

Однако возможно и иное толкование ситуации: Чжу Жунци тем самым возлагал ответственность за неблагоприятное или «мертвое» состояние двусторонних торгово-экономических отношений не на правительство Е.М.Примакова, а на самого Президента РФ и на те правительства России, которые действовали до правительства Е.М.Примакова (вспомним, что Чжу Жунци говорил о необходимости «оживить» отношения). Нельзя исключать и того, что китайская сторона не упускала возможности воздействовать на внутривластные дела в нашей стране. Вероятно, в Пекине понимали, что в отношениях Президента России, человека либеральных убеждений, и главы правительства, человека критически настроенного по отношению к реформаторам, растет напряженность. При этом Пекин, вполне естественно, поддерживал «социально близкого» ему по взглядам Е.Н.Примакова.

Что же касается сути двусторонних отношений между нашими двумя нациями, то главное, конечно, не в этом, а в том, что китайская сторона позволила себе перейти к требовательно-осуждающему тону в беседах теперь уже на высшем уровне (ранее этот тон позволил себе в 1997 г. в ходе обмена мнениями в Пекине руководитель китайской части двустороннего Комитета мира, дружбы и развития). В этом проявилось общее отношение в Пекине к Москве, к нашей стране.

Чжу Жунци, по сути дела, исходил из того, а скорее всего, его позиция была согласована с Цзян Цзэмином, что дело в двусторонних отношениях обстоит плохо и пока из этого положения нет выхода. В Пекине решили возложить ответственность за это на нас, требуя от нас односторонних уступок по вопросам, которые ставила китайская сторона. При этом явственно проступало мнение Пекина, который полагал, что в нынешних условиях Россия никакой не помощник при разрешении экономических проблем Китая.

Б.Н.Ельцин впервые попал в такую ситуацию при общении с китайскими партнерами. Тем более что своим жестом в начале встречи, прижав руку гостя к сердцу, Б.Н.Ельцин хотел показать, что в данный момент важнее всего было бы продемонстрировать миру особую сердечность двусторонних отношений. (Можно вспомнить, что именно Е.М.Примаков делал особый упор на том, что в Пекине Цзян Цзэминь назвал наши двусторонние отношения сердечными.)

Вероятно, что Б.Н.Ельцин никак не ожидал таких нападков. Он и не представлял себе, что китайская сторона давно и все чаще разговаривает с нашими представителями на всех уровнях именно в таком духе и стиле. Реакция Б.Н.Ельцина была спонтанной. Он руководствовался интуицией. Прежде всего, Президент РФ заявил, что если у нас в

двусторонних отношениях что-то не так, то виновата наша сторона. Тем самым Б.Н.Ельцин попытался смягчить остроту ситуации, успокоить собеседника, сделав, как ему это, очевидно, представлялось, уступку в области вежливости, соблюдения приличий по отношению к гостю.

Президент РФ оказался в данном случае в обороне. Он не был готов к такого рода атаке. Не был вооружен фактами для того, чтобы ответить должным образом, аргументируя нашу позицию и защищая со всей твердостью наши интересы.

Б.Н.Ельцин не предполагал, конечно, что с ним будут так говорить. Да еще представитель КНР! И он сам, и глава правительства, и министр иностранных дел ответственны в первую очередь за неподготовленность с нашей стороны (во всяком случае, на уровне Президента России), к отражению таких наскоков со стороны китайского лидера. Здесь сказался общий настрой всего высшего руководства РФ на благостность в двусторонних отношениях. Можно сказать, что в Москве перед визитом Чжу Жунцзи не отнеслись с должной серьезностью к вопросу о состоянии двусторонних отношений, во всяком случае, не предполагали, что китайская сторона на самом высоком уровне предъявит нашей стороне необоснованные претензии. Следовательно, ни Е.М.Примаков, ни И.С.Иванов такого варианта развития беседы Президента РФ с главой правительства КНР не предусматривали.

Таким образом, произошли два важных события. Во-первых, китайский представитель впервые позволил себе наступательно вести беседу с Президентом России, предъявляя необоснованные обвинения в наш адрес. Во-вторых, китайский представитель своими наскоками фактически спровоцировал Президента РФ и главу правительства РФ на открытый и имевший место впервые в истории их взаимоотношений обмен репликами, сутью которого было выражение несогласия с точкой зрения партнера, т.е. несогласие между президентом и главой правительства РФ. Нельзя исключать и того, что и это было просчитано в Пекине, учитывая внутривнутриполитическое положение в нашей стране и в высшем руководстве России.

Далее, реакция Б.Н.Ельцина была в том, чтобы перевести разговор на поиск путей конкретного решения поставленной проблемы. Б.Н.Ельцин заявил примерно следующее: а вот я привезу в Пекин, когда к вам в следующий раз приеду, всех наших главных министров, и давайте их посадим за один стол; пусть они тут же и решат существующие проблемы. Иначе говоря, Б.Н.Ельцин быстро сориентировался и фактически указал Чжу Жунцзи на неадекватность постановки таких вопросов на уровне беседы с главой государства; по мнению Б.Н.Ельцина, его китайский собеседник должен был бы понимать, что поставленные им вопросы нужно было бы сначала обсуждать в ходе переговоров между министрами.

Здесь явно высветились разногласия между сторонами: если в Москве считали, что переговоры между министрами возможны и целесообразны, то в Пекине исходили из того, что российские министры и их министерства — это своего рода пустое место, что нужно поднимать вопрос на уровень глав государств и что лучше попытаться налаживать торгово-экономические отношения не через контакты между министерствами, а путем кооперации или сотрудничества регионов России и КНР.

Вся эта ситуация свидетельствовала о том, что либо президент не знал или неверно оценивал суть дела, состояние двусторонних торгово-экономических отношений и позицию китайской стороны, либо он просто не представлял себе, насколько коварны и хитры его партнеры с китайской стороны.

В данном случае президент должен был бы четко представлять себе, что у наших министров есть свои позиции, что отношения с Пекином — это не легкая забава, а труднейшие переговоры и конкуренция, а потому президенту важно защищать наши национальные интересы, защищать представителей своей страны, в частности министров, а

не бросать их на съедение китайским партнерам, которые, конечно же, не преминут использовать высказывание Президента РФ о том, что во всем виновата наша сторона.

Когда после беседы с Б.Н.Ельциным состоялась встреча глав двух правительств, разногласия между президентом и главой нашего правительства стали открытыми. Глава правительства был вынужден защищаться. В то же время оказывалось, что ответственность за нелады в отношениях несут те, кто ниже глав правительств, по мнению Е.М.Примакова, с обеих сторон, а по мнению Чжу Жунцзи — только с нашей стороны; китайские лидеры всегда, по крайней мере до сих пор, защищали своих в беседах с нашими лидерами. Кроме того, из того факта, что именно Е.М.Примаков открыто заявил, что он не согласен в данном случае с Президентом РФ, следовало, что ответственность, по крайней мере за правильную оценку сложившейся ситуации, Е.М.Примаков возлагал на Б.Н.Ельцина. Одним словом, Чжу Жунцзи удалось своим маневром вызвать публичные разногласия между президентом и главой правительства нашей страны.

Поведение Чжу Жунцзи, когда он во всем старался поставить нашу сторону в оборонительное положение, свидетельствовало об обострении не только экономических, но и политических взаимоотношений сторон. В частности, китайский премьер заговорил о том, что он увидел на Ижорском заводе в Петербурге (внешний вид завода был неприглядным). Оправдываться и давать заверения, что китайские заказы будут выполнены, несмотря на нынешний плачевный вид предприятия, вынуждены были и глава правительства РФ и губернатор Санкт-Петербурга. Фактически новое отношение китайских лидеров к нашей стране, выраженное в 1999 г. поведением Чжу Жунцзи накануне визита в США, давало американцам понять, что особых или сердечных отношений между РФ и КНР при Чжу Жунцзи не будет.

Поведение и высказывания Б.Н.Ельцина в ходе встречи с Чжу Жунцзи наводили на мысль о необходимости сопоставления высказываний руководителей нашей страны об отношениях с Пекином и пекинскими лидерами за последние пятьдесят лет.

В оценках нашими лидерами партнеров из КПК-КНР находили выражение их представления о двусторонних отношениях. Это сказывалось на политике нашей страны в отношении Китая. Конечно, это — далеко не все, что можно и нужно сказать о двусторонних отношениях, но это — важный элемент этих отношений.

И.В.Сталин в 1949 г. при первой же встрече с Мао Цзэдуном сказал ему: «Победителей не судят». Здесь проявилось и собственное отношение к партнеру, к истории взаимоотношений, и в то же время признание необходимости взаимного уважения и равноправия в отношениях при сохранении известной осторожности, если не настороженности.

Н.С.Хрущев в 1954 г. после встреч с Мао Цзэдуном был поражен одержимостью, с которой его собеседник говорил о неизбежности ассимиляции ханьцами всех, кто «приходил в Китай», а в 1957 г. — тем, что Мао Цзэдун не видел ужаса и неприемлемости гибели сотен миллионов людей и деградации человечества, в возможной и допустимой, с его точки зрения, мировой ядерной войне. Н.С.Хрущев расхотелся с Мао Цзэдуном по вопросу об отношении к мировой войне, которую наш руководитель считал немислимой и недопустимой; он также с осторожностью и настороженностью относился к ассимиляционным и историко-территориальным идеям Мао Цзэдуна.

Л.И.Брежнев в 1965 г. в частных разговорах со своими единомышленниками полагал, что Мао Цзэдун — «маньяк». Л.И.Брежнев исходил из опасности и непредсказуемости, нерациональности и опасности возможных действий Мао Цзэдуна, в частности в сфере внешней политики.

По свидетельству посла СССР в КНР О.А.Трояновского, в 1989 г. М.С.Горбачев «к тому времени, возможно, уже решил для себя играть роль более молодого деятеля, прибывшего, чтобы отдать долг уважения патриарху. Уже в Пекине, непосредственно перед встречей с Дэн Сяопином, он сказал нам, сопровождавшим его: «Мы будем вести себя как

более молодые деятели в присутствии старшего. Это производит хорошее впечатление на Востоке» [33]. М.С.Горбачев пришел к выводу о том, что лишь такое поведение может дать возможность иметь нормальные отношения с Китаем.

Б.Н.Ельцин в 1999 г. при встрече с главой правительства КНР Чжу Жунци говорил, что если в наших двусторонних отношениях что-то не так, то это по вине нашей стороны. Здесь, во всяком случае внешне, Б.Н.Ельцин согласился с упреками в наш адрес в связи с конкретными недостатками в торгово-экономических связях и, по сути дела, отступил от принципа равноправия, от соблюдения достоинства и выдвижения и с нашей стороны своего мнения о состоянии отношений, об ответственности за это обеих сторон. Эти слова Б.Н.Ельцина отражали, вероятно, не суть его позиции, но были важной уступкой в области церемониальной, которая иной раз играет весьма важную роль.

Итак, во второй половине XX в. в Москве был пройден путь от утверждения достоинства нашей стороны в отношениях с партнерами из Пекина, от осмотрительности и бдительности при защите наших национальных интересов к публичному признанию себя младшим партнером. Такой перекокс требовал выправления. Двусторонние отношения могли развиваться нормально лишь при соблюдении главных принципов: мир, равноправие, самостоятельность (независимость) в отношениях России и Китая.

Полномасштабные переговоры между главами правительств России и КНР состоялись вечером 25 февраля 1999 г. в Доме правительства. Вполне очевидно, что в ходе этого обмена мнениями речь шла, главным образом, о вопросах экономики и торговли. Обе стороны ощущали необходимость улучшить ситуацию в этой области. Вместе с тем стороны желали подтвердить взаимопонимание и по важным внешнеполитическим вопросам.

Накануне визита Председатель правительства РФ Е.М.Примаков в интервью китайской газете «Цзинцзи жибао» отметил, что становление многополюсного мира «идет непросто, сталкивается с противодействующими тенденциями, в том числе скрытыми». По его мнению, в Азии «огромное значение имело бы параллельное развитие и упрочение отношений между Россией и Китаем, Россией и Индией, Китаем и Индией». Так, очевидно, он уточнил идею стратегического треугольника Москва — Пекин — Дели, высказанную ранее [34].

В свое время это высказывание Е.М.Примакова вызвало недоуменные вопросы в Пекине. Понадобилось сделать новое заявление, чтобы ввести в обращение формулу, приемлемую для обеих сторон: наша сторона подчеркивала, что об объединении усилий и даже о координации действий между Москвой, Пекином и Дели речь не идет. Имелось также в виду, что в предложении Е.М.Примакова присутствовал определенный антиамериканский подтекст. Нужно также учитывать, что это предложение помогало Е.М.Примакову укреплять отношения с фракцией КПРФ в Государственной Думе РФ.

Наша сторона в период визита Чжу Жунци в нашу страну толковала высказывания главы правительства РФ в том духе, что в настоящее время в современном мире только три страны — Россия, КНР и Индия способны влиять на ситуацию в мире в сторону стабилизации, не позволяя США создавать неравновесие. При этом, конечно, они не могут иметь плохих отношений друг с другом.

Во время встречи Е.М.Примакова и Чжу Жунци они договорились установить между собой прямую «горячую» линию связи. Находясь в Москве, Чжу Жунци заявил: «Я не буду изменять нашу политику в отношении России». И продолжил: «Тот факт, что я не обучался в России, никак не повлияет на политику Китая». В ходе визита были подписаны 11 соглашений. При этом явно выделялись два блока — энергетический и региональный. Башкирия заключила соглашения с провинцией Ляонин, Приморский край — с провинцией Цзилинь, Амурская область — с Шанхаем, Алтайский край — с Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Чжу Жунци предположил, что эти соглашения будут более реальными, чем договоренности между министрами.

Вести из многих регионов России подтверждали мысль китайского лидера. Вот лишь несколько примеров. Во внешнеторговом обороте Хабаровского края доля КНР составляет почти половину. По масштабам сотрудничества с Новосибирским Академгородком Китай, очевидно, выйдет на первое место, опередив США и другие западные страны. Экспорт пяти вертолетов авиационным заводом в Улан-Удэ (одна из самых крупных сделок за последнее время) позволил предприятию погасить задолженность по зарплате за четыре месяца [35].

Наши газеты писали в связи с визитом китайского премьера, что «богатство Китая будет прирастать Сибирью», «а богатство Сибири — Китаем». И далее: «Теперь все значимые проекты Восточной Сибири и Дальнего Востока будут осуществляться с участием китайцев и — во многом — для китайцев. В результате КНР через несколько лет победит свой огромный дефицит энергий и энергоносителей.

Москва тоже осталась довольна визитом китайской делегации. Теперь у правительства Е.М.Примакова появилось экономическое обоснование «переориентации российской экономики на Восток». Из-за Великой стены в Россию вот-вот пойдут реальные, притом большие, деньги» [36].

Оставалось ждать подтверждений этих оценок, которые появились в нашей печати, вероятно, как отражение мнения МИД и правительства РФ. Кроме того, газеты сообщали о целом ряде договоренностей по конкретным вопросам.

Представители КНР и РФ подписали наконец соглашение о технико-экономическом обосновании разработки гигантского Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области и строительства газопровода в КНР. Компания «СИДАНКО», которой принадлежит право на разработку месторождения, после постройки трубопровода сможет экспортировать в Северный Китай около 20 млрд кубометров газа в год (всего будет добываться 35 млрд). Продажа газа КНР будет приносить «СИДАНКО», Иркутской области и России до полутора миллиардов долларов ежегодно.

Извлекаемые запасы Ковыктинского месторождения оцениваются в 870 млрд кубометров. Нетрудно подсчитать, что проект по экспорту газа в Китай рассчитан на десятилетия. К проекту собирается присоединиться «Газпром», который готов тащить трубопровод в Иркутск из Западной Сибири (тоже не без помощи китайцев). Газового монополиста можно понять: почти все европейские рынки уже поделены, на Западе российский газ в больших, нежели сейчас, объемах попросту не нужен. А гигантский китайский рынок далек от заполнения. Мало того, вслед за китайцами в очереди за российским газом стоят японцы и корейцы.

Но Китаю и его соседям нужен не только газ. Они заинтересованы в импорте нефти и электроэнергии. А тут какое совпадение! — на востоке России оказалось в избытке и то и другое.

Отечественным энергетикам, чтобы удовлетворить потребности соседей, нужно только достроить две гидроэлектростанции — Богучанскую и Бурейскую — и построить энергомот из Сибири в Китай. На это требуются деньги, и к кому, как не к Китаю, обращаться за финансовой помощью. Председатель правления энергетической монополии — РАО «ЕЭС России» — А.Б.Чубайс и вице-президент государственной энергетической корпорации КНР Лу Яньчан подписали соглашение о сотрудничестве их компаний. Нетрудно догадаться, что одной из главных целей этого документа является именно строительство электростанций на территории Сибири и экспорт российской энергии в КНР.

Потребность Поднебесной в нефти (ее дефицит уже в ближайшее десятилетие будет достигать, по некоторым оценкам, 50 млн тонн в год) взялась удовлетворить компания «ЮКОС». Она готова совместно с китайской стороной и монополистом в области строительства и эксплуатации нефтепроводов компанией «Транснефть» построить трубопровод из города Ангарска, Иркутская область, в Северный Китай. До Ангарска нефть будет доставляться по железной дороге. Россия через эту трубу собирается поставлять 25—30 млн тонн в год. К этому же трубопроводу в обозримом будущем присоединятся огромные нефтяные месторождения в Красноярском крае (Юрубчено-Тахомское) и Якутии (Верхне-

Чонское). Правда, для того, чтобы оттуда пошла нефть, опять же требуется китайская помощь. Например, до Юрубчено-Тахомского месторождения, которое расположено недалеко от места падения Тунгусского метеорита, добраться можно пока лишь на вертолете...

Кроме очевидной обоюдной экономической выгоды, российско-китайские соглашения преследуют и геополитические цели. Причем обе стороны понимают эту геополитику совершенно по-разному. Пекин не прочь освоить богатства Сибири и очень рад, что Россия наконец допустила китайцев к своей сокровищнице. Москва, как обычно, преследует куда более возвышенные цели — российское правительство своим сотрудничеством с КНР доказывает правильность теории многополярного мира [37].

Все такого рода оценки, появившиеся в средствах массовой информации в нашей стране, основывались на информации, которую намеренно распространяли наши правительственные учреждения. Они же, в свою очередь, исходили прежде всего из необходимости сохранять и поддерживать благоприятную атмосферу в наших двусторонних отношениях, их приличный вид для всего мира, а также из того, что лучше говорить о перспективах, о планах, не вдаваясь ни в реальную ситуацию в настоящее время, ни в исследование вопроса о том, в какой степени все эти проекты реальны, а в какой иллюзорны. Не говоря уже о том, чтобы скрупулезно разобраться в том, кто и какую именно материальную выгоду будет иметь в случае (совсем не обязательном) реализации этих планов и проектов. Одним словом, речь шла в общем и целом не о реальных вещах, а о виртуальном мире, намеренно создаваемом людьми, которые были заинтересованы в этом по различным причинам.

Реальное же состояние российско-китайских экономических отношений оставалось практически неподвижным, и пока не видно было путей к развитию этих связей в существенной степени. Китайская сторона продолжала исходить из того, что пока у нее нет необходимости действительно широко и глубоко заниматься развитием экономических отношений с нашей страной. Наша сторона могла в данном случае лишь содействовать усилиям китайской стороны, если бы такие усилия прикладывались. Объективно обе стороны, по разным причинам, не были готовы к значительному расширению торгово-экономических отношений.

В целом сложилось также впечатление, что в Пекине в настоящее время озабочены крайне тяжелым положением внутри КНР, в том числе и особенно, в сфере экономики. Внешнеполитические проблемы в Пекине решают только тогда, когда решение их откладывать больше нельзя, либо тогда, когда это приносит явную экономическую выгоду Китаю, причем немедленную (либо если это ничего не стоит Китаю). Кроме того, очевидно, что в Пекине решили занять выжидательную позицию, т.е. дождаться результатов выборов в Государственную Думу РФ и выборов Президента Российской Федерации, чтобы тогда, в определенной политической обстановке, делать какие-либо важные или значительные шаги в развитии двусторонних отношений.

Позиции РФ и КНР в связи с событиями на Балканах

Вскоре после визита Чжу Жунцзи в нашу страну начались события на Балканах — бомбардировки Югославии войсками НАТО. Позиция Пекина по этой проблеме косвенным образом сказывалась и на наших двусторонних отношениях.

Московские газеты, радио и телевидение, вполне очевидно отражая позицию МИД РФ, делали упор на том, что действия НАТО против Югославии осуждает вместе с нашей страной большая часть человечества, прежде всего Китай и Индия. Подчеркивалось также, что при голосовании в Совете Безопасности ООН по внесенному нашей страной (а не КНР и

не совместно с КНР) проекту резолюции по югославскому вопросу за этот проект голосовал и представитель КНР.

Казалось бы, балканские события еще более объединяли РФ и КНР. Однако более внимательное отношение к фактам свидетельствовало о важных особенностях позиции Пекина.

Прежде всего всплывал вопрос о том, почему именно в разгар военных действий авиации НАТО против Югославии второе лицо в руководстве КНР, глава ее правительства Чжу Жунцзи счел необходимым в соответствии с ранее достигнутой договоренностью совершить визит в США, встретиться с президентом У.Клинтоном и, наряду с прочими вопросами двусторонних отношений, вести переговоры о возможности предоставления Америкой Китаю высоких технологий двойного (т.е. и военного) назначения. В то же время, судя по сообщениям печати, министр обороны КНР и начальник генерального штаба НОАК отложили согласованные ранее в принципе визиты в нашу страну. В то же время, судя по сообщениям пекинских средств массовой информации, в КНР упор делался на осуждении действий НАТО, на нарушении сложившегося порядка, при подчеркивании значения грубой военной силы в нынешнем мире.

В связи с этим можно высказать следующие предварительные соображения. Одновременно с сохранением тезиса о необходимости создания и введения нового мирового порядка Пекин заинтересован и в сохранении сложившегося — нынешнего мирового порядка, во всяком случае при тех обстоятельствах, когда речь идет о применении оружия в обход или без решения СБ ООН. За плечами Пекина сложная история участия в балканских делах, история взаимоотношений и с христианами и с мусульманами в этом районе, в том числе с соответствующими государствами; отсюда вытекает сугубая осторожность Пекина при определении им своих позиций по конкретным вопросам.

В ходе балканских событий 1999 г. Македония установила дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване и одновременно заявила о своем желании присоединиться к НАТО; первое решение Македонии вызвало раздражение в Пекине и даже реакцию на него в ООН, где КНР воспрепятствовала принятию резолюции о миротворческих силах ООН в Македонии. Кстати сказать, на Тайване в основном ограничивались созерцанием событий на Балканах издалека, делая конкретные шаги только по развитию отношений с Македонией.

Пекин не портил отношений ни с США, ни с Западной Европой. В Пекине предпочитали вести речь о безмянных бомбардировках или о НАТО в целом, не говоря о конкретных странах, которые участвуют в этих акциях, не называя ни конкретных виновников, ни вообще каких бы то ни было имен. В КНР предпочитали исходить из того, что время и сила и поддержка большинства стран мира были тогда на стороне США и НАТО, а из этого делали вывод о том, что с этим ничего поделать нельзя, следовательно, нужно приспособляться к обстоятельствам, искать выгоды для КНР, наращивать свой военный потенциал.

В Москве в ходе пресс-конференции в МИД РФ корреспондент из КНР задавал, по сути дела, провокационный вопрос о том, какую конкретную помощь (подразумевалось — военного характера) собирается оказать народ нашей страны братскому народу (здесь содержался также намек на то, что и в вопросе о войне по отдельности существуют, с одной стороны, народ нашей страны и его «подлинные представители», и, с другой стороны, Президент России).

Пекинские эксперты в связи с этими сообщениями подчеркивали, прежде всего, значение военной силы в современном мире; утверждали, что если бы существовал прежний СССР (или, очевидно, в наше время появилась некая сила, равная по мощи хотя бы прежнему СССР, вероятно, имея в виду будущую КНР), тогда США не прибегли бы к таким методам, как бомбардировка какого-либо государства даже без санкции Совета Безопасности ООН; отсюда делался также вывод о том, что, наверное, и сама ООН ныне теряет свое значение. Главный вывод экспертов состоял в том, что КНР необходимо быть

сильной в военном отношении державой. Судя по некоторым сообщениям печати, такую же позицию занимали и некоторые китайские военачальники.

В целом в связи с балканскими событиями Пекин делал акцент на необходимости для КНР сосредоточиться на изыскании всевозможных путей и средств с тем, чтобы укреплять свою государственную военную мощь; Пекин, далее, лишь минимально касался вопроса о ситуации на Балканах; он делал жесты, показывающие, что, несмотря на все происходящее, он намерен развивать нормальные, в том числе и торгово-экономические, отношения с США. Пекин также стремился никоим образом не портить свои отношения ни с США, ни со странами Западной Европы, ни с мусульманскими государствами, ни вообще с развивающимися странами, даже если они поддерживают акцию НАТО.

В определенном смысле Пекин провоцировал Россию на обострение отношений с США и Западной Европой.

События 1999 — 2000 гг., или От эпохи Б.Н.Ельцина к эре В.В.Путина

Седьмого июля 1999 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин направил приветствие участникам конференции Всемирного совета бывших министров иностранных дел, в котором, в частности, заявил: «Сегодня, на рубеже тысячелетий, закладываются основы архитектуры будущего многополюсного мироустройства. Мы должны сделать все, чтобы навсегда оставить в прошлом грубое попрание международного права, одностороннее применение силы, политический шантаж и диктат» [38]. А 24 августа 1999 г. в столице Киргизии Бишкеке открылся саммит «Шанхайской пятерки» — встреча глав пяти государств: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, КНР и России. До этого на протяжении почти полутора лет Президент РФ Б.Н.Ельцин не выезжал за пределы своей страны. В 1998 г. во время встречи той же «шанхайской пятерки» в Алма-Ате российскую сторону представлял глава правительства РФ Е.М.Примаков.

Из сообщений печати стало известно, что к этому времени Пекин уже предлагал Бишкеку помощь в охране границ. Министр иностранных дел Киргизии Муратбек Иманалиев заявил: «Шанхайская пятерка» не намерена создавать какой-либо блок, форум или союз». На встрече в Бишкеке Москва выступила с предложением о необходимости регулярно обмениваться мнениями по международной обстановке и особенно по вопросам стратегической безопасности в Азии [39]. По прибытии в Бишкек Президент России Б.Н.Ельцин заявил: «Я в своей боевой форме, готов в бой, особенно с западниками» [40].

Президент Б.Н.Ельцин в Бишкеке осудил попытки некоторых государств построить удобный только для себя миропорядок, заметив, что они не считают с объективной тенденцией к многополюсности. Поддержал предложение ряда стран Центральной Азии о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия, и выразил надежду, что она «не будет ослаблять безопасность центральноазиатских государств». Отметив, что «Шанхайская пятерка» становится одним из важных факторов обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии, предложил серию организационных мер: назначить точные сроки проведения встречи министров обороны, совещания глав правоохранительных органов, создать совместные рабочие группы на уровне экспертов, до 2000 года провести встречу глав правительств для решения актуальных проблем.

Во время встречи Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя обсуждались вопросы стратегического партнерства двух стран. Лидеры говорили и о повестке дня очередной «встречи без галстуков», которая будет проходить в КНР.

Итогом встречи в Бишкеке стала декларация, в которой «Шанхайская пятерка» объявила многополюсность общей тенденцией развития современного мира, которая способствует долговременной стабильности международной обстановки. Партнеры заявили: форум носит открытый характер и не направлен против других стран. Они сделали акцент на борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств,

контрабандой оружия, нелегальной иммиграцией и другими формами преступной деятельности [41]. На пресс-конференции по итогам встречи в Бишкеке президент Киргизии А.Акаев заявил, что целью бандформирований является создание на территории Киргизии перевалочной базы для дальнейшего ведения боевых действий в соседних государствах [42].

Таким образом, в целом члены «Шанхайской пятерки» начинали все острее ощущать необходимость перехода на новый этап взаимоотношений между собой с целью выработки и осуществления мер, которые помогали бы им сообща решать новые и общие для них проблемы в этом регионе. Иначе говоря, речь шла теперь уже не о принятии мер по устранению взаимных угроз на границах между РФ и странами Средней Азии с КНР, а об угрозе со стороны международного терроризма, экстремизма, сепаратизма и т.д. Пока пять государств лишь обозначили свои опасения. Однако становилось очевидным, что в будущем им придется принимать конкретные решения по этим вопросам.

В конце 1999 г. бывший Председатель правительства РФ В.С.Черномырдин говорил, что в начале 1990-х гг. в Россию бурным потоком хлынул низкопробный китайско-турецко-сирийский ширпотреб. Он также сказал, что необходимо серьезно подумать о создании новых казачьих поселений по границе РФ, особенно на Дальнем Востоке, в Забайкалье, на Кавказе [43]. Таким образом, в конце пребывания Б.Н.Ельцина на посту Президента РФ, с одной стороны, возникали новые проблемы, которые требовали от соседних государств на Дальнем Востоке и в Центральной Азии новых подходов к взаимоотношениям между собой, и, с другой стороны, внутри нашей страны существовало реальное недовольство как наплывом неприемлемых для нас товаров из КНР, так и положением на наших границах, в частности с КНР. И то и другое требовало раздумий и принятия конкретных решений.

В связи с этим Москва предприняла некоторые важные шаги. В начале декабря 1999 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин, находясь с визитом в Пекине, заявил, что президент США У.Клинтон «на секунду забыл, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, и поэтому решил поиграть мускулами». Б.Н.Ельцин не напрасно упомянул в Пекине о «полном арсенале ядерного оружия». Запланированное обновление национальных сил стратегического сдерживания действительно охватывает всю российскую ядерную «триаду», а не только ее сухопутный компонент — РВСН (ракетные войска стратегического назначения). Кремль только что утвердил программу модернизации морских ядерных сил РФ. Резко возростали и ударные возможности российской стратегической авиации. Президент РФ дал однозначно понять, что Россию нельзя, опасно, загонять в угол [44]. И уже 8 января 2000 г. исполняющий обязанности президента РФ В.В.Путин встретился с министром обороны КНР Чи Хаотянем. После этой встречи заместитель руководителя администрации Президента РФ С.Э.Приходько сообщил, что одной из первых зарубежных поездок нового президента России будет визит в КНР [45].

КНР между тем продолжала вести свою линию. 26 января СМИ сообщили, что в Вашингтон прибыла делегация во главе с заместителем начальника генштаба НОАК Сюн Гуанкаем. Намечены встречи в Пентагоне, Конгрессе и Госдепартаменте. Это означало, что военные связи между КНР и США, прерванные после бомбардировки посольства КНР в Белграде, возобновились [46].

В конце марта 2000 г. в столице Казахстана Астане состоялась встреча министров обороны стран «Шанхайской пятерки» — РФ, КНР, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Открывая заседание президент Казахстана Н.Назарбаев заявил, что и для бывших советских республик и для Китая главную угрозу представляют сегодня терроризм, экстремизм и сепаратизм. «Вот почему крайне важно координировать деятельность наших министерств обороны и вооруженных сил», отметил казахстанский лидер. Встреча министров обороны в Астане — один из этапов подготовки к саммиту «Шанхайской пятерки», который планировался на май 2000 г. в Душанбе. В апреле в Москве должно было состояться

совещание министров внутренних дел и руководителей служб безопасности пяти государств [47].

В марте 2000 г. В.В.Путин был избран Президентом Российской Федерации. На июль были намечены его первые встречи с Цзян Цзэмином: сначала в Душанбе во время форума «Шанхайской пятёрки», а затем и в ходе первого визита в КНР. Становилось очевидным, что обе стороны стремились к тому, чтобы диалог высших руководителей РФ и КНР был постоянным. Планировалось также проведение регулярных встреч глав правительств обеих стран.

При этом с самого начала при обмене мнениями между В.В.Путиным и Цзян Цзэмином по телефону тема противоракетной обороны (ПРО) занимала ведущее место. Москва выступала за сохранение политической стабильности в мире. В этом вопросе Россия и Китай находили взаимопонимание, ощущая, что в мире действовали силы, стремившиеся подорвать и понимание и взаимодействие двух сторон в этих вопросах.

До конца 1999 г. в западных государствах скептически относились к возможности достижения Россией и КНР взаимопонимания и взаимодействия на международной арене, особенно в том, что касалось сохранения стратегической стабильности. Однако после того, как в 1999 г. РФ, КНР и Белоруссия совместно выступили в ООН с проектом резолюции в поддержку сохранения договора 1972 г. о ПРО, а также после того, как в декабре того же года РФ и КНР во время встречи на высшем уровне в Пекине согласовали очень сильное заявление, в США и других странах Запада стали проявлять озабоченность и тревогу.

Американские политики и журналисты пытались доказывать, что Москва и Пекин с разных позиций выступали по вопросам противоракетной обороны. В частности, предложение В.В.Путина о создании общеевропейской системы ПРО они стремились толковать как направленное против Китая. Появились многочисленные комментарии на тему о том, будто бы Россия отошла от своей прежней позиции, когда она сопротивлялась намерениям США, и пошла на соглашение с США, выступая против Китая.

Тем не менее Москва и Пекин стремились углублять и развивать взаимопонимание и сотрудничество в этой области. Стороны создали специальный канал обмена мнениями по вопросам стратегической стабильности и обороны с участием представителей МИД и МО. Обсуждались различные варианты взаимодействия РФ и КНР в случае, если США пойдут на развертывание национальной ПРО. Эта тема должна была стать одним из предметов обсуждения во время первых встреч В.В.Путина и Цзян Цзэмина. Российская сторона предлагала Пекину обмениваться мнениями и по корейской проблематике. Она ждала ответа китайской стороны.

Двусторонние отношения также находились в сфере внимания обеих сторон. В 2000 г. имел место рост объемов товарооборота. В то же время было очевидно, что работа на этом направлении велась не активно. КНР уделяла основное внимание обсуждению проектов сотрудничества со странами Запада, возможно, в связи с вступлением КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО). РФ на протяжении нескольких лет в 1990-х гг. поднимала вопрос о закупке Пекином российских гражданских самолетов. В частности, вносились предложения о замене используемых в КНР старых моделей самолетов новыми моделями. Решение этого вопроса тормозилось китайской стороной. В то же время на самом высоком политическом уровне КНР быстро решала такие вопросы и с США и с Францией.

Российская сторона возлагала надежды на серьезное продвижение вперед в разработке и осуществлении проектов поставки в КНР природного газа, нефти из России, а также на поставку из нашей страны в Китай оборудования для ядерных электростанций. Еще одним предложением российской стороны было предложение об увеличении сотрудничества в области машиностроения. В 1999 г. российская сторона завершила строительство нескольких тепловых электростанций в КНР. Были получены хорошие отзывы китайской стороны о качестве этой работы. Например, новейшее экологически чистое оборудование было установлено на одной из тепловых электростанций недалеко от

Пекина. И в то же время китайская сторона не проявляла желания делать новые заказы на поставку оборудования для строительства электростанций.

Наша сторона отмечала в качестве достижения после визита главы правительства КНР Чжу Жунци в РФ в феврале 1999 г. создание двух китайских супермаркетов в Москве, хотя на практике это не принесло ожидавшихся результатов. Имелись хорошие примеры сотрудничества и на уровне регионов (например, Башкортостана и провинции Хэйлунцзян). С китайской стороны было высказано пожелание, чтобы Россия активно подключалась к развитию западной части Китая. Наша сторона положительно отнеслась к этой идее. Однако конкретных предложений в Москву не поступало.

Одним словом, выражаясь дипломатично, в области экономического сотрудничества имелись большие резервы и можно было работать более энергично. Таково было мнение российской стороны.

В двусторонних отношениях назревшим был и вопрос о необходимости упорядочения взаимных поездок граждан двух государств. За 1990-е гг. произошел гигантский количественный скачок. Ежегодно в обе стороны перемещалось свыше миллиона человек. Таких объемов поездок не было никогда в истории взаимоотношений двух наших стран, в том числе и в советский период. У этого явления были свои положительные и отрицательные стороны. В принципе увеличение обменов можно только приветствовать. В то же время в 1999 г. в РФ за нарушение правил проживания иностранных граждан были задержаны 60 тысяч граждан КНР; около шести тысяч было выдворены из нашей страны за грубые нарушения. Имели место и случаи нарушения российскими гражданами правил пребывания в КНР.

В феврале 2000 г. были подписаны новые соглашения о порядке поездок граждан. Российская сторона подчеркивала, что о необходимости наведения порядка в этой области говорил еще во время своего визита в КНР в 1997 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин. Российская сторона выражала надежду на то, что подписанные в 2000 г. соглашения как можно скорее воплотятся в жизнь. Существовала также проблема наведения порядка на границе. Соглашения о поведении приграничного населения и охране природной среды не выполнялись, и это негативно сказывалось на настроениях приграничного населения.

Российскую сторону беспокоило и то, что на географических картах, издававшихся официально в КНР, южно-курильские острова показывались как «оккупированные Россией»; по сравнению с временами СССР здесь произошло лишь одно изменение: раньше в КНР на этих географических картах была надпись: «Оккупированы СССР», применительно к южно-курильским островам, а теперь написано: «Оккупированы Россией». В Москве продавались детские игрушки — сделанные в КНР пластмассовые прозрачные глобусы, на которых надписи были сделаны на русском языке; на этих глобусах даже половина острова Сахалин была показана как часть территории Японии. Ничего подобного в нашей стране в отношении Китая никогда не допускалось.

Оценивая состояние и перспективы развития российско-китайских отношений в первой половине 2000 г., российская сторона исходила из того, что за десять лет со времени нормализации был достигнут колоссальный прогресс.

В Москве подчеркивали, что стороны за этот короткий срок смогли практически полностью урегулировать проблему границы. Очевидно, имелось в виду подписание двух соглашений о прохождении линии границы на ее западной и восточной частях, а также демаркация границы. Москва также выдвигала тезис о достижении огромных успехов в области формирования взаимного доверия. Считалось, что ситуация по сравнению с началом 1990-х гг. изменилась кардинальным образом. Тогда военные с обеих сторон совершенно не доверяли друг другу. В 2000 г. предполагалось, что начнутся взаимные инспекции вооруженных сил в пограничной полосе. Россия при этом оказывалась единственной страной в мире, которой КНР разрешает инспектировать свои воинские части в районе границы, — так трактовали этот вопрос официальные представители российской стороны.

Они также особо подчеркивали, что это следует расценивать как исторический прогресс за очень короткий срок.

Наконец, еще одним достижением в Москве считали очень тесную координацию действий на международной арене, доверительные отношения между представителями РФ и КНР в Совете Безопасности ООН. Стороны уже подали хороший пример, когда в декабре 1999 г. во время визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР согласовали развернутое заявление по всем важным международным вопросам.

Что касается перспектив развития отношений, то в Москве также исходили из того, что и в XXI в. отношения будут развиваться по упомянутым трем основным направлениям: граница, доверие, сотрудничество по мировым проблемам.

В Москве считали, что мы должны полностью закрыть вопрос о границе. Благодаря еще большему взаимопониманию считалось также необходимым сформировать систему мер доверия, которая распространялась бы не только на границу и пограничную область, но и на политические и военно-политические отношения двух стран. Частью продвижения в этом направлении в Москве видели верность уже сделанным двусторонним заявлениям о взаимном ненацеливании ракет и о неприменении первыми ядерного оружия. Хотя военная доктрина РФ в 2000 г. позволяла применение первыми ядерного оружия, но в отношении КНР здесь делалось исключение. Российская сторона предлагала идти дальше, отталкиваясь от тех крупных обязательств, которые стороны уже взяли на себя. Возможным при этом представлялся более откровенный обмен мнениями о военных доктринах сторон.

Наша сторона также считала, что РФ и КНР могут еще более тесно сотрудничать на международной арене. С точки зрения представителей российской стороны, Россия и Китай сталкивались на международной арене с одними и теми же вызовами боеготовности и той и другой страны, причем эти вызовы в последние годы усиливались. Взаимодействие между РФ и КНР могло бы способствовать укреплению позиций каждой из сторон на мировой арене. В Москве также полагали, что благодаря взаимопониманию и взаимодействию России и Китая за последние годы ситуация в мире ухудшилась не столь значительно, как это могло бы произойти, если бы такого взаимодействия не существовало.

Еще одной задачей в перспективе в Москве видели усиление и расширение сотрудничества в области экономики, учитывая протяженную границу между нами; причем это сотрудничество могло быть и двусторонним и многосторонним, например с привлечением других стран в Центральной Азии.

Что касается «Шанхайской пятерки», то с 1999 г. она стала ориентироваться на новые задачи. До той поры в основном занимались выполнением соглашений о мерах доверия и о сокращении вооруженных сил в районе границы. Новые направления: сотрудничество правоохранительных органов, борьба с преступностью, сотрудничество по линии министерств обороны. Что же касается мер доверия, то дополнительно к имеющемуся можно было бы обмениваться информацией относительно оценки ситуации в регионе. Россия поддерживала предложение Казахстана о созыве в 2001 г. встречи глав правительств стран «пятерки» для обсуждения проектов экономического сотрудничества. Могут рассматриваться предложения о приглашении к участию в этой региональной работе и других стран: Узбекистана, Ирана.

Что же касается отношений с США и с Западной Европой, то российская сторона разъясняла китайским партнерам, что эти отношения будут продолжать оставаться в ряду приоритетных во внешней политике России, ибо с США необходимо вести диалог по проблемам военно-стратегического характера, а страны Западной Европы являются главными партнерами России, в том числе и инвесторами, в сфере экономического сотрудничества.

Пятого июля 2000 года в столице Таджикистана Душанбе состоялась встреча участников «Шанхайской пятерки»: Президента РФ В.В.Путина, Председателя КНР Цзян Цзэминя, президента Казахстана Н.Назарбаева, президента Киргизии А.Акаева, президента

Таджикистана Э.Рахмонова. В качестве «гостя» во встрече принял участие также президент Узбекистана И.Каримов.

В ходе встречи в Москве утверждали, что отныне «Шанхайская пятерка» преобразуется в «Шанхайский форум». Таким образом была заложена основа широкой организации, открытой для всех стран, особенно государств Азии. Стал вырисовываться прообраз своеобразного Азиатского союза, который мог возникнуть параллельно Европейскому союзу. Появились сообщения о том, что в число участников такого форума со временем могут войти Монголия, Иран, Индия и т.д.

Главным вопросом, который обсуждали участники «Шанхайского форума», естественно стала проблема безопасности прежде всего для каждой из этих стран, а также в регионе, где каждая страна имела свои интересы. Участники форума были озабочены международным терроризмом и религиозным экстремизмом. Каждый из них либо уже непосредственно ощущал затрагивавшую его интересы угрозу со стороны этих экстремистских и террористических сил либо приближение такого рода опасности. Было решено создать в Киргизии центр по разработке мер совместной борьбы против международного терроризма.

Участники встречи в Душанбе заявили, что «выступают против вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе под предлогом «гуманитарной интервенции» и «защиты прав человека». Они также выразили поддержку «позиции России по урегулированию ситуации в Чечне». При этом по инициативе узбекского лидера И.Каримова в итоговую декларацию саммита было включено предложение к ООН начать разрабатывать глобальные механизмы противодействия международному терроризму [48].

В ходе душанбинской встречи состоялось первое знакомство Президента РФ В.В.Путина и Председателя КНР Цзян Цзэминя. Таким образом, их первая встреча состоялась на нейтральной почве. Не было вопроса о хозяине и госте; партнеры выступали на равных. Кроме того, Таджикистан — это тот пункт, где угрозы со стороны экстремистских и террористических сил и России и КНР ощущались весьма остро. Очевидно, что такая обстановка способствовала установлению взаимопонимания.

И все же «шероховатости» имели место; причем они были искусственно созданы. При встрече Цзян Цзэминь практически «начал партию» домашней заготовкой, которая представляла собой копию или почти копию «дебюта», разыгранного в свое время И.В.Сталиным при первом знакомстве с Мао Цзэдуном в 1949 г. в Москве. Сталин был старше Мао Цзэдуна почти на полтора десятка лет и начал встречу словами: «Вот уж не ожидал, что вы такой молодой и здоровый», а далее добавил: «Победителей не судят». Таким образом он с ходу расставил все точки над «i», показав, что себя видит «старшим» по возрасту и положению, а Мао Цзэдуна мог бы и осудить за ошибки в политике, но не будет этого делать, поскольку тому удалось победить во «внутренней войне» в Китае.

Нельзя исключать, что и в 2000 г. кто-то в Пекине увидел ситуацию в зеркальном отражении произошедшего в 1949 г., полагая при этом, что теперь КПК-КНР и Цзян Цзэминь находятся в положении тех, кто имеет основания давать оценки России и ее национальному лидеру.

Цзян Цзэминь на четверть века старше В.В.Путина. Очевидно, поэтому, а также исходя из иных соображений, он начал разговор с заявления о том, что Президент России — молодой человек.

В.В.Путин мгновенно парировал, ответив, что это — его единственный недостаток, который, кстати, имеет обыкновение быстро улетучиваться.

Итак, Цзян Цзэминь сразу же попытался испытать Президента РФ. Он пошел при этом даже на нарушение принципа равноправия сторон, который, в частности, требует избегать сравнений, которые могут выглядеть неуважительными с позиции партнера. Ведь Цзян Цзэминь попытался намекнуть, что существует некое старшинство, по крайней мере в

возрасте и положении, но представитель России показал, что его никому заклевать не удастся и что речь может идти лишь о временной ситуации; он настаивал на равенстве сторон. К сожалению, Цзян Цзэминь продолжил, сказав, что не всякий, избавляясь от молодости, обретает мудрость [49].

Думаю, что и этот пассаж в рассуждениях Цзян Цзэминя нельзя назвать удачным. Его можно толковать и как намек на то, что в нашей стране и в ее руководстве пока для Пекина не все ясно, и Россия и ее лидер еще должны «доказывать» своим партнерам из КНР, что они обладают мудростью. Одним словом, начало беседы предстало как обмен ударами при фехтовании, а не как демонстрация предрасположенности к внимательному восприятию позиции партнера.

Возможно, что в Пекине, заранее изучив характер В.В.Путина, сразу же попытались «взвинтить» его, заставить допускать неточности в дальнейшей беседе. Осталось неизвестным, удалось ли пекинским политическим технологам достичь своих целей. Вряд ли у них это получилось. Вообще же обмен мнениями в Душанбе не мог быть обстоятельным из-за краткости встречи и особых условий ее проведения в тревожной в то время столице Таджикистана, да и потому, что она была многосторонней. Практически состоялось лишь первое знакомство лидеров России и КНР. После него В.В.Путин заявил, что Россия рассматривает КНР как своего действительно стратегического партнера, распространяя это понятие и на вопросы международной безопасности и на двусторонние отношения.

Лидеры Москвы и Пекина попытались найти общую почву главным образом на основе общего или сходного отношения к тому, что называется проблемой сохранения стратегической стабильности в мире, а практически в связи с намерениями США создавать систему национальной ПРО и выйти из договора по ПРО, подписанного в 1972 г. При этом В.В.Путин говорил об общей угрозе для всех, в том числе для нашей страны и для КНР, со стороны «дуги» опасности или международного терроризма, которая тянется от Филиппин и вплоть до Югославии. При этом США не фигурировали в качестве противника и тем более основного и общего противника. Цзян Цзэминь, со своей стороны, был озабочен, прежде всего, проблемами, которые, как он полагал, могли у него возникнуть в связи с возможным, с его точки зрения, вхождением Тайваня в систему ПРО в Тихоокеанском регионе. Стороны обменялись взаимными заверениями о поддержке по интересующим каждую из сторон вопросам. Это было своего рода устное согласие по частным или общим вопросам.

Одним словом, это был своего рода пробный шар для каждой из сторон перед официальным визитом Президента РФ В.В.Путина в КНР, который состоялся через две недели после встречи в Душанбе.

Первый визит Президента РФ В.В.Путина в КНР

В.В.Путин впервые побывал в КНР в качестве Президента РФ 17—19 июля 2000 г.

Перед этой поездкой он дал интервью агентству Синьхуа и центральному телевидению КНР. В этом интервью В.В.Путин призвал ведущие государства выработать общую концепцию реагирования на международные угрозы. «Россия — это и европейское, и азиатское государство. Мы отдаем должное и европейскому прагматизму, и восточной мудрости, и поэтому внешняя политика России будет сбалансированной. В этом смысле отношения с КНР безусловно будут являться одним из наших основных приоритетов», — заявил Президент РФ.

«Основная задача России в сфере международной политики, — отметил глава российского государства, — сохранение баланса сил и интересов на международной арене. Сегодня мы время от времени сталкиваемся с новыми угрозами, с новыми, на наш взгляд, очень опасными концепциями. Такими, например, как вмешательство, исходя из так

называемых «гуманитарных соображений», во внутренние дела других государств. Мы сталкиваемся с такими угрозами, как международный терроризм, сталкиваемся с такими проблемами, как религиозный экстремизм и сепаратизм. Все это — предмет серьезного обсуждения на международной арене, предмет, по которому мы вместе с ведущими государствами мира должны выработать общие подходы и общую концепцию реагирования на все эти угрозы».

Российский президент подчеркнул, что Китай является одним из самых основных партнеров России в преодолении этих проблем, в устранении их возможных негативных последствий. По его словам, Россия намерена и в будущем активно развивать сотрудничество с Китаем не только в экономике и культуре, но и по решению международных проблем.

В.В.Путин высоко оценил российско-китайское партнерство. Он заявил, что предстоящий визит в Китай позволит продвинуть отношения между Россией и КНР по всем направлениям, отношения стратегического партнерства между двумя странами сохранятся и в наступившем веке.

Российский президент отметил, что не первый раз встречается с Председателем КНР Цзян Цзэмином, с которым часто созванивается и разговаривает по телефону. Он выразил надежду, что в ходе встреч в Пекине стороны продвигнутся в решении вопросов, которые обсуждались с Цзян Цзэмином на недавней встрече в Душанбе. «Китай действительно является нашим стратегическим партнером, и я абсолютно уверен, что такое состояние, такое качество отношений между нашими странами сохранится и в наступившем веке. Китай и Российская Федерация разделяют ряд позиций на международной арене и придерживаются одних и тех же установок», — сказал президент, уточнив, что имеет в виду прежде всего общее стремление к поддержанию и укреплению многополярного мира, совместные усилия в области сохранения стратегического равновесия и баланса в мире и создания условий для мирного, поступательного и эффективного развития обоих государств.

Говоря о торгово-экономических связях, глава российского государства констатировал, что «здесь еще далеко не все сделано, и у нас есть реальные конкретные планы, реальные конкретные перспективы улучшения отношений и в этой сфере, где у нас еще много неиспользованных возможностей». В.В.Путин подчеркнул непреходящую ценность российско-китайских отношений, сказав, что Россия опиралась и будет всегда опираться как бы на два крыла — на европейское и азиатское. Тем более когда речь идет о такой мощной стране, как КНР. «Мы очень рассчитываем на то, что взаимный интерес в развитии отношений между Китаем и Российской Федерацией будет одним из важнейших элементов в достижении или в сохранении глобальной безопасности и мира во всем мире. В этом смысле значение российско-китайских отношений носит непреходящую ценность не только для двух наших государств, но и для всего мира. Поэтому, когда мы определяем приоритеты во внешней политике сегодняшней России, мы всегда говорим, что Россия в развитии своей внешнеполитической концепции обязательно будет опираться на позитивное сотрудничество и позитивное развитие отношений с нашими восточными соседями. Разумеется, в первом ряду стоит Китай», — сказал В.В.Путин.

Русский и китайский народ, подчеркнул Президент России, «столетиями жили рядом. У нас огромная общая граница. Те периоды нашей истории, когда мы были вместе и решали общие задачи, всегда были абсолютно продуктивными для обоих наших государств. Китай — интенсивно развивающееся государство. Россия — огромная держава со своими преимуществами, причем с такими, которых мало у других государств мира. В этом смысле китайский и русский народ — естественные партнеры».

«Мы с огромной симпатией относимся к китайскому народу. На протяжении длительного периода времени, практически всегда, мы не просто с симпатией, а с особым теплым чувством относились к Китаю. И лишний раз думаю об этом, когда слышу, как председатель КНР говорит по-русски и поет русские песни», — резюмировал российский президент.

В.В.Путин особо подчеркнул, что считает приоритетом своей деятельности на посту президента решение внутрироссийских задач, в особенности проблем государственного строительства и экономики. «Первое, что нужно делать и чем Россия сейчас занимается, — сказал Президент РФ, — это укрепление государственных основ России, совершенствование федеративных отношений и укрепление государственного аппарата». В.В. Путин подчеркнул, что без эффективного решения внутренних проблем не может быть и активной внешнеполитической деятельности государства. По его словам, в этом ряду «важнейшей задачей является создание хорошего инвестиционного климата, но без эффективно функционирующего государства невозможно такой климат создать. Государство не просто должно прокламировать определенные правила поведения в экономике, но и быть в состоянии гарантировать исполнение этих правил». Отметив, что этому в Китае уделяется очень много внимания, В.В.Путин высказал мнение, что «это абсолютно верно». В России, продолжил президент, будет решаться задача создания благоприятных инвестиционных условий и для внутренних инвесторов, и для иностранных партнеров.

«Определенные элементы китайского опыта вполне могли бы использоваться и у нас в России, — заявил глава российского государства. — Я имею в виду настойчивое движение наших китайских друзей в сфере понижения налогового бремени на экономику. И в этом смысле мы действуем достаточно энергично. Если нам удастся выйти на те решения, которые запланированы, то уже в следующем году нагрузка на экономику Российской Федерации в целом будет значительно снижена». В.В.Путин отметил, что Россия может также использовать опыт Китая с точки зрения «разбюрокрачивания» экономики. «Я имею в виду, допустим, такую сферу, как регистрация предприятий», — уточнил он.

Президент России также сказал, что любит китайскую кухню и регулярно пробует ее блюда. «И в японской, и в китайской кухне есть пельмени. Но у китайцев это связано с определенным своеобразием вкусовых качеств», — отметил В.В.Путин. «Мне просто нравится, в конце концов, это вкусно». «Это ведь тоже часть культуры народа. Обычай, духовная жизнь, нравственные устои, язык, кухня — это все, что складывается веками, тысячелетиями. Наши народы на протяжении веков живут рядом, поэтому взаимопроникновение культур объяснимо, очевидно и естественно», — сказал В.В.Путин.

«Наверное, — резюмировал президент, — специалисты в области культуры могли бы сказать нечто о каких-то общих элементах для мировой культуры, которые делают эту мировую культуру при всем национальном своеобразии некоей единой системой». Россия — большое сложное государство, которое расположено и в Азии, и в Европе. Взаимопроникновение культур, особенно для России, является чрезвычайно важным. Но и взаимные интересы чрезвычайно важны, подчеркнул глава российского государства.

Перед визитом в Москве подчеркивали, что переговоры Путина в Китае направлены на укрепление стратегического партнерства Москвы и Пекина по всем направлениям. При этом отмечалось, что Москва и Пекин намерены серьезно укрепить двустороннее партнерство и выступить с рядом важных совместных документов по итогам переговоров, которые проведут 18 июля в Пекине Президент РФ и Председатель КНР. На встрече, которая пройдет в два раунда — в узком и расширенном составах, — будут в первую очередь обсуждаться геополитические проблемы и вопросы безопасности. По словам заместителя главы кремлевской администрации С.Э.Приходько, лидеры должны были обсудить «роль России и Китая в мире, что мы вместе можем сделать для укрепления стабильности во всех ее проявлениях — применительно и к ПРО, и к региональным конфликтам».

Пойдет речь и о том, «как мы готовы взаимодействовать на международной арене с учетом курса на стратегическое доверительное партнерство». По многим международным и региональным проблемам взгляды России и Китая совпадают, отметил С.Приходько. Ожидалось, что стороны обсудят и корейскую проблематику, тем более что из Пекина В.В.Путин направлялся в КНДР, где 19 июля встретился с Ким Чен Ир.

Второй крупный блок вопросов — торгово-экономические отношения. Хотя впервые в 2000 г. товарооборот между РФ и КНР вырос на 20 процентов, Россия занимает меньше 10 процентов в торговле Китая с зарубежными странами. При этом наблюдается определенный дисбаланс: с начала года китайский экспорт в РФ вырос на 60 процентов. По оценке экспертов, с обеих сторон сохраняется неудовлетворенность общим состоянием торговли. Обсуждались и конкретные экономические проекты, которые есть, например, в атомной энергетике, металлургии, в области транспортировки топлива и энергоносителей, в газовой и нефтяной сфере. В состав российской делегации входили министры по атомной энергии — Е.Адамов, энергетики — А.Гаврин, образования — В.Филиппов, а также глава Внешэкономбанка А.Костин и президент «Транснефти» С.Вайншток.

Готовились к подписанию межправительственные соглашения о продолжении сотрудничества в энергетической сфере, о сотрудничестве в области образования. Минэнерго России и Госкомитет КНР по планированию развития подготовили меморандум о взаимопонимании по вопросу участия южнокорейской компании в разработке ТЭО проекта строительства газопровода с Ковыктинского газоконденсатного месторождения (Иркутская область) в Китай. Ожидалось и крупное соглашение о сотрудничестве между Внешэкономбанком РФ и Банком Китая.

Важной темой было и приграничное сотрудничество в широком смысле слова. Перед визитом президента Москва дала понять, что так называемая проблема «избыточного китайского населения» на российском Дальнем Востоке «не довлеет» над нашими отношениями и имеет, скорее, эмоциональный оттенок, поэтому вряд ли стоит ожидать разговора на эту тему. Для обсуждения насущных вопросов сотрудничества на региональном уровне в Пекине Путина сопровождали руководители пограничных с Китаем регионов — А.Белоногов (Амурская область), Р.Гениатулин (Читинская область), Е.Наздратенко (Приморье), А.Су-риков (Алтайский край).

Речь в Пекине шла и о военно-техническом сотрудничестве. Эти переговоры предполагалось вести не на высшем уровне. В состав российской делегации входил, в частности, вице-премьер И.И.Клебанов, министр обороны И.Д.Сергеев, руководитель «Росвооружения» А.Огарев и гендиректор «Промэкспорта» С.Чемезов.

Кремль продолжил практику включения в состав президентских делегаций депутатов Госдумы и членов Совета Федерации. В Пекине главу государства сопровождали президент Башкирии М.Рахимов, а также депутаты Госдумы Б.Грызлов, С.Глазьев и Ю.Тэн. Они, в частности, должны были принимать участие в диалоге по межпарламентским связям.

Накануне визита Президента РФ в КНР интервью дал со своей стороны и Председатель КНР Цзян Цзэминь. Он назвал «правильным выбором» стратегическое партнерство России и Китая. Он заявил, что отношения стратегического партнерства между Китаем и Россией — это правильный выбор, сделанный двумя странами на основе обобщения уроков и опыта истории в соответствии с изменениями, происшедшими в международной обстановке после окончания «холодной войны». «Это, — продолжал китайский лидер, — нормальные межгосударственные отношения, принципами которых являются отказ от создания союза, от конфронтации, от направленности против третьих стран. Такие отношения не только отвечают коренным интересам двух стран и их народам, но и благоприятствуют укреплению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом.

В новом тысячелетии, в новом столетии мы готовы продолжать углублять и расширять с российской стороны отношения стратегического партнерства, развивая наше всестороннее сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, военно-технической и международной областях, — сказал Цзян Цзэминь. — Мы преисполнены уверенности, что в новом столетии отношения между двумя странами получат еще большее развитие», — подчеркнул глава китайского государства.

Цзян Цзэминь высказался за развитие российско-китайских торгово-экономических отношений и призвал к углублению российско-китайского делового сотрудничества. Сотрудничество в сфере экономики и техники, заявил он, «является важной составной частью отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем», обе стороны придают этому огромное значение и возлагают на него большие надежды. Если смотреть в общем, полагает председатель КНР, то последние несколько лет сотрудничество двух сторон в торгово-экономической, научно-технической, военно-технической и энергетической областях «шло довольно успешно». Китай и Россия соседствуют друг с другом, в плане ресурсов, техники, товаров и кадров они имеют большую взаимодополняемость, потенциал сотрудничества также огромен.

«Для того чтобы поднять экономическое и техническое сотрудничество на еще более высокий уровень, — продолжал Цзян Цзэминь, — на мой взгляд, в первую очередь, необходимо углублять взаимопонимание, постоянно выявлять скрытые резервы, усердно расширять и развивать каналы и способы сотрудничества, определять его объекты. Во-вторых, необходимо вести дела в соответствии с законами рыночной экономики, еще больше применять экономические средства для продвижения двустороннего торгово-экономического сотрудничества. В-третьих, необходимо расширять количество товаров сторон на рынках, способствовать сбалансированности торговли. В-четвертых, принимать меры для создания благоприятной обстановки в интересах двустороннего сотрудничества, защищать легальное предпринимательство».

«Я уверен, что нужно только, чтобы две стороны, основываясь на принципах преимущества, взаимодополняемости, взаимного доверия и взаимной выгоды, решительно разрешали вопросы, возникающие в процессе сотрудничества, и в нашем сотрудничестве в области экономики и техники обязательно будут достигнуты успехи, значительно увеличится объем двусторонней торговли», — резюмировал Цзян Цзэминь.

Председатель КНР приветствовал предстоящий визит Президента России Владимира Путина в КНДР. «В настоящее время ситуация на Корейском полуострове продолжает смягчаться, там появились позитивные изменения», — заявил глава китайского государства. — Не так давно был успешно проведен саммит лидеров КНДР и Республики Корея, что вызвало на международной арене огромный отклик, — продолжал китайский лидер. — Мы считаем, что успех встречи является результатом совместных усилий Севера и Юга Кореи. Вместе с тем окружающие Корейский полуостров государства также сыграли позитивную роль. КНДР и РК, проведя межкорейскую встречу на высшем уровне, углубили взаимопонимание, продвинулись к тому, чтобы Север и Юг Кореи жили в мире и согласии, совершили еще один важный шаг в направлении объединения страны». Это, заявил он, «имеет важное значение для сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове, отвечает интересам обеих сторон». «Китайская сторона надеется, что эта тенденция будет сохранена и укреплена совместными усилиями соответствующих сторон», — резюмировал Цзян Цзэминь.

В последнее время, отметил глава китайского государства, отношения между Россией и КНДР обрели новое развитие, туда с визитом направится президент Путин. «Мы выражаем радость по этому поводу. Между Пекином и Москвой существует очень много общего в понимании необходимости защиты мира и стабильности на Корейском полуострове. Уверен, что наши страны будут продолжать прилагать усилия для продвижения процесса мирного разрешения проблемы Корейского полуострова и объединения Кореи».

Россия и Китай будут развивать отношения стратегического партнерства, заявил Цзян Цзэминь. Первый визит Владимира Путина в Китай после его избрания президентом России сыграет важную роль в развитии российско-китайских отношений, позволяя «унаследовать хорошее и создать новое, продолжить прежнее и открыть будущее». Об этом заявил Председатель КНР в интервью «Российской газете» и ИТАР-ТАСС накануне начала переговоров в Пекине с главой российского государства. «Пятого июля, в ходе саммита

«Шанхайской пятерки» в Душанбе, я встретился с президентом Путиным и провел с ним предварительный обмен мнениями по двусторонним вопросам и важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Поговорили мы очень хорошо», — отметил Председатель КНР. «Теперь мы продолжим обсуждение тематики, поднятой на душанбинской встрече, а также вместе наметим, как продвигать дальше китайско-российские отношения стратегического партнерства», — резюмировал Цзян Цзэминь.

Международные дела должны решаться путем переговоров, заявил Цзян Цзэминь. По его мнению, многообразному миру требуется многополярная структура, поскольку решение сложных и запутанных проблем в мире не может брать на себя ни одна отдельная страна.

«Суверенитет каждого государства не допускает вмешательства, международные дела должны решаться путем совместных переговоров между различными странами мира», — сказал Цзян Цзэминь, отметив, что движение к многополярности является «социальным прогрессом человечества, объективной тенденцией эволюции международной политической структуры». «Мы рады видеть, что, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, несущими особую ответственность за развитие мира, Китай и Россия имеют по этой проблеме общую позицию, — подчеркнул Председатель КНР. — Китай готов сотрудничать с Россией, а также другими странами, вносить должный вклад в продвижение дела создания многополярного мира, рационального и справедливого нового международного политического и экономического порядка», — сказал он.

Цзян Цзэминь высоко отозвался о деятельности «Шанхайской пятерки»: «Шанхайская пятерка», действующая уже более четырех лет, сыграла важную роль в урегулировании пограничных вопросов, укреплении добрососедства, взаимного доверия и дружественного сотрудничества между пятью странами, в защите региональной безопасности и стабильности.

По словам председателя КНР, работа «Шанхайской пятерки» помогает международному сообществу отказаться от мышления времен «холодной войны», созидать государственные отношения нового типа, вырабатывать новые взгляды на безопасность и модели регионального сотрудничества. «Можно предвидеть, что по мере непрерывного углубления механизма сотрудничества «Шанхайской пятерки» и расширения областей сотрудничества между пятью государствами роль «Шанхайской пятерки», которая является одним из факторов стабильности на евразийском континенте, будет проявляться и дальше», — резюмировал Цзян Цзэминь.

Представители МИД КНР накануне визита Президента РФ В.В.Путина в КНР отмечали, что этот визит в Пекин имеет большое значение для обеих стран. Директор департамента Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Ли Хой заявил, что в последнее десятилетие отношения между РФ и КНР «развивались по восходящей». Новый президент России неоднократно высказывался за углубление и развитие российско-китайских связей, он унаследовал курс стратегического партнерства Москвы и Пекина, провозглашенный в 1996 году.

Высокопоставленный китайский дипломат отверг утверждения «некоторых средств массовой информации» о китайской экспансии на Дальнем Востоке и в Сибири. Взаимные обмены, торговля — совершенно нормальные явления, сказал он, добавив, что «иные печатные органы» раздувают слухи, не соответствующие действительности.

Дипломаты посольства КНР в РФ накануне визита подчеркивали, что позиции Москвы и Пекина по договору ПРО 1972 г. полностью совпадают. По их словам, в документе, который будет подписан в Пекине, предусматривается «достаточно жесткая позиция России и Китая» относительно договора, являющегося, по мнению сторон, «основой ныне существующего баланса сил и стабильности в мире». Подписание подобного заявления, отмечали эти источники, является «конкретным воплощением и наполнением отношений стратегического партнерства между странами». Полное совпадение позиций Москвы и Пекина имеет «исключительно важное значение для судеб мира, недопущения

подрыва мировой безопасности». Поэтому в Китае уделяют огромное внимание официальному визиту Президента РФ Владимира Путина, являющемуся «важнейшим событием в двусторонних отношениях на рубеже столетий».

Тринадцатого июля 2000 г. МИД КНР заявил, что планы США по созданию национальной противоракетной обороны спланированы в ущерб России и Китаю в их стратегическом союзе по защите общих интересов безопасности. При этом было подчеркнуто, что «Китай не будет сидеть сложа руки и смотреть, как покушаются на его безопасность».

Таким образом, перед началом визита Президента РФ В.В.Путина в КНР было вполне очевидно, что обе стороны намерены подтвердить курс на развитие двусторонних доверительных отношений между стратегическими партнерами, на общность позиций по международным вопросам и прежде всего — по вопросу о сохранении баланса сил в мире и недопустимости развертывания США национальной противоракетной обороны. Стороны также выразили намерение не придавать значения шероховатостям в отношениях, сосредоточившись на поисках областей, где возможно реальное развитие двусторонних отношений.

Итогом переговоров, состоявшихся 18 июля 2000 г. в Пекине, явилось подписание главами государств двух документов, полный текст которых приводится ниже.

Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя Президент Российской Федерации В.В. Путин 17—19 июля 2000 г. совершил официальный визит в Китайскую Народную Республику. В Пекине состоялись официальные переговоры между главами государств России и Китая. Во время визита В.В.Путин провел встречи с Председателем Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей Ли Пэнгом, Премьером Государственного Совета Китайской Народной Республики Чжу Жунцзи и Председателем Всекитайского Комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая Ли Жуйхуанем.

Главы двух государств, всесторонне рассмотрев развитие связей между Россией и Китаем на протяжении последнего десятилетия, с удовлетворением отметили, что провозглашенное в 1996 г. установление отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, полностью отвечает коренным интересам народов двух стран. Подчеркнуто, что развитие отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия имеет важное значение для укрепления всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, упрочения дружбы народов России и Китая, способствует формированию многополярного мира и нового справедливого и рационального международного порядка.

Главы двух государств считают, что с наступлением XXI в. откроются еще более широкие перспективы для развития российско-китайских отношений. Российская Федерация и Китайская Народная Республика на основе стратегического взаимодействия намерены и дальше углублять добрососедство и дружбу, расширять взаимовыгодное сотрудничество, стремиться к совместному развитию и процветанию. Оба государства будут укреплять взаимодействие в международных делах, способствовать миру и стабильности во всем мире. Исходя из вышеизложенного, главы государств России и Китая заявляют о следующем:

I

Все подписанные и принятые Россией и Китаем совместные политические документы служат прочной основой для благоприятного развития двусторонних отношений. Будучи приверженными духу и принципам этих документов, Россия и Китай преисполнены

решимости прилагать неустанные усилия для вывода своих взаимоотношений на новый уровень.

II

Россия и Китай будут и впредь поддерживать постоянные и тесные контакты между высшими руководителями двух стран, используя различные каналы, вести обмен мнениями по важнейшим вопросам двусторонних отношений и международной обстановки. Внешнеполитические, оборонные, правоохранительные, экономические и научно-технические ведомства двух стран будут поддерживать регулярные и тесные контакты, усиливать координацию и укреплять сотрудничество. Это способствует дальнейшему углублению взаимопонимания и доверия между двумя странами и укреплению всестороннего российско-китайского стратегического взаимодействия.

III

На международной арене Россия и Китай выступают в поддержку сил мира, стабильности, развития и сотрудничества, против гегемонизма, силовой и блоковой политики, попыток пересмотра основополагающих норм международного права, против силового давления либо вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН должны предпринимать совместные усилия по поддержанию ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах, прежде всего в вопросах поддержания мира и безопасности, тем самым способствуя продвижению мира к многополярности.

Главы двух государств выразили удовлетворение итогами встречи руководителей стран «Шанхайской пятерки» в Душанбе 5 июля 2000 года с участием Президента Республики Узбекистан и считают, что сотрудничество пяти государств выходит на новый уровень. Россия и Китай готовы всесторонне содействовать укреплению взаимодействия в рамках «Шанхайской пятерки». Между Россией и Китаем существует взаимопонимание по вопросу обеспечения безопасности и стабильности в регионах, сопредельных с их территориями.

IV

Целью подписанного в ходе настоящей встречи на высшем уровне Совместного заявления Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны является укрепление глобальной и региональной стратегической стабильности, сохранение существующей системы договоров в области контроля за вооружениями и разоружения, продвижение процесса нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, гарантирование интересов безопасности всех без исключения государств.

Анализ нынешних международных реалий показывает полную несостоятельность использования так называемой ракетной угрозы со стороны некоторых государств в качестве предлога для обоснования требований об изменении Договора по ПРО.

V

Россия и Китай, исходя из уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности друг друга, решительно выступают против любых замыслов и действий внешних и внутренних сил, направленных на раскол государства, выражают понимание и поддержку всех усилий друг друга по защите государственного единства, суверенитета и территориальной целостности.

Национальный сепаратизм, международный терроризм, религиозный экстремизм и трансграничная преступность представляют серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности во всем мире. Россия и Китай полны решимости на двусторонней и многосторонней основе предпринять активные и эффективные конкретные шаги по борьбе с вышеуказанными явлениями.

VI

Россия подтверждает свою неизменную принципиальную позицию по тайваньскому вопросу, состоящую в том, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая, а Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Российская Федерация не поддерживает концепцию «независимости Тайваня» в какой бы то ни было форме, поддерживает неприятие Китайской Народной Республикой «двух Китаев», «одного Китая, одного Тайваня». Россия против принятия Тайваня в ООН и другие международные организации, членами которых являются лишь суверенные государства. Россия не намерена поставлять вооружения Тайваню.

Китайская Народная Республика выразила Российской Федерации искреннюю признательность за то, что по тайваньскому вопросу Россия последовательно придерживается принципа «одного Китая».

Россия и Китай считают недопустимым вмешательство внешних сил в решение тайваньской проблемы, являющейся сугубо внутренним делом Китая, и подчеркивают, что подобные попытки способны привести лишь к усилению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

VII

Дальнейшее развитие всестороннего комплексного сотрудничества между Россией и Китаем в торгово-экономической, научно-технической и военно-технической областях является одним из главных направлений углубления и расширения российско-китайских отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

Главы двух государств выразили удовлетворение работой механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая и считают, что он играет важную роль для продвижения вперед сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, оборонной, энергетической (включая нефтегазовую) сферах, в области транспорта, а также в ядерной промышленности, авиации и космосе, банковском деле.

Россия и Китай будут прилагать усилия для наращивания двустороннего сотрудничества в конкретных областях в целях дальнейшего укрепления материальной базы стратегического взаимодействия между двумя странами. Россия и Китай изучат возможности российского участия в освоении западных районов КНР, включая разработку нефтегазовых месторождений и строительство газопроводов.

Подчеркнута необходимость укрепления и расширения двустороннего сотрудничества в науке и технике, образовании, культуре и спорте.

VIII

Успешная реализация не имеющего прецедента в истории Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек от 9 декабря 1999 года является еще одним важным шагом, направленным на превращение российско-китайской границы в полосу добрососедства и дружбы.

Россия и Китай намерены в конструктивном и деловом духе продолжать переговоры с целью ускорения выработки вариантов решений по несогласованным участкам границы между двумя государствами. До этого будет сохраняться статус-кво на несогласованных участках границы между двумя государствами.

IX

Россия и Китай выразили удовлетворение в связи с началом практической реализации соглашений между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Четкое выполнение положений указанных соглашений будет способствовать миру, спокойствию, стабильности и процветанию в районе границы, развитию добрососедских отношений между всеми государствами-участниками соглашений. Признано целесообразным провести дальнейшее изучение возможности укрепления мер доверия в военной области.

X

Дружба народов двух стран, передающаяся из поколения в поколение, отвечает общим чаяниям народов России и Китая. Ее упрочение требует широкого участия и неустанных усилий как органов власти, так и народов двух стран. В этих целях будут активно поддерживаться деятельность российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, поощряться общественные контакты в различных формах.

XI

Для утверждения долгосрочных и стабильных отношений между двумя государствами на основе добрососедства и дружбы, взаимного доверия и взаимной выгоды главы двух государств договорились о начале переговоров по разработке российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

XII

Президент Российской Федерации В.В.Путин пригласил Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя посетить Российскую Федерацию с официальным визитом в удобное время в 2001 году. Приглашение было с благодарностью принято. Сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Президент
Российской Федерации
В.В.Путин

Председатель
Китайской Народной Республики
Цзян Цзэминь

Совместное заявление
Президента РФ В.В.Путина и Председателя КНР Цзян Цзэминя
по вопросам противоракетной обороны

Президент Российской Федерации и Председатель Китайской Народной Республики заявляют:

Развитие международной обстановки в полной мере доказало правильность выводов и оценок в отношении вопросов противоракетной обороны, содержащихся в принятом на

высшем уровне 23 ноября 1998 года Совместном заявлении «Российско-китайские отношения на пороге XXI века», в «Российско-китайском информационном коммюнике о консультациях по вопросам, относящимся к Договору по ПРО» от 14 апреля 1999 года, а также в принятом на высшем уровне «Российско-китайском совместном заявлении» от 10 декабря 1999 года.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года, далее именуемый Договором по ПРО, остается краеугольным камнем глобальной стратегической стабильности и международной безопасности, лежит в основе структуры ключевых международных договоренностей о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений и нераспространении оружия массового уничтожения. Сохранение и строгое соблюдение Договора по ПРО имеют крайне важное значение.

В этой связи вызывает глубокую озабоченность план США создать запрещенную Договором по ПРО систему национальной противоракетной обороны на территории страны. Россия и Китай полагают, что сущность такого плана заключается в стремлении к одностороннему превосходству в военной сфере и вопросах безопасности. Реализация такого плана имела бы самые серьезные негативные последствия для безопасности не только России, Китая, других государств, но и для безопасности самих США, для глобальной стратегической стабильности в мире в целом. Поэтому Россия и Китай решительно выступают против такого плана.

Разрушение Договора по ПРО привело бы к раскручиванию нового витка гонки вооружений, повороту вспять позитивных тенденций в мировой политике, появившихся после окончания «холодной войны». Это, безусловно, не соответствует коренным интересам ни одного из государств мира. Государства, выступающие за пересмотр этого основополагающего договора в области сокращения вооружений, понесут всю ответственность за подрыв международной стабильности и безопасности, а также за все вызванные этим последствия.

Анализ нынешних международных реалий показывает полную несостоятельность использования так называемой ракетной угрозы со стороны некоторых государств в качестве предлога для обоснования требований об изменении Договора по ПРО. Предложения по так называемой «адаптации» этого Договора призваны прикрыть стремление действовать вопреки его положениям. Изменение содержания текста Договора по ПРО равнозначно разрушению этого Договора со всеми вытекающими негативными последствиями. В нынешней стратегической ситуации сохранение целостности и действенности Договора по ПРО имеет крайне важное реальное значение.

Правильный путь реагирования на новые вызовы в сфере международной безопасности, сохранения мира во всем мире и защиты законных интересов безопасности любого государства заключается не в разрушении Договора по ПРО, а в содействии формированию справедливого и рационального нового международного политического порядка, в отказе от методов силовой политики и чрезмерного использования вооруженной силы в международных делах, в дальнейшем укреплении региональной и глобальной безопасности. Одновременно важно, чтобы Россия и США, на основе строгого соблюдения Договора по ПРО, продолжали и углубляли процесс сокращения стратегических наступательных вооружений, в дальнейшем привлекая к этому процессу в надлежащее время другие ядерные державы. Необходимо, используя политические, юридические и дипломатические методы, наращивать международные усилия по предотвращению распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, изучать возможность поэтапного формирования глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, а также развивать широкий и недискриминационный диалог и сотрудничество в данной сфере.

Нестратегическая противоракетная оборона и международное сотрудничество в этой области, не запрещенные Договором по ПРО, не должны наносить ущерба интересам безопасности других стран, приводить к созданию и усилению замкнутых военных и

политических блоков, подрывать глобальную и региональную стабильность и безопасность. Исходя из этой позиции, Россия и Китай выражают серьезную озабоченность и решительный протест в связи с планами некоторых государств по развертыванию в Азиатско-Тихоокеанском регионе такой системы нестратегической противоракетной обороны, которая приведет к вышеуказанным негативным последствиям. Подключение Тайваня в любой форме к системам ПРО, создаваемым иностранными государствами, является неприемлемым и серьезно подорвет стабильность в регионе.

Принятая на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюция «Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны» имеет важное значение. Россия и Китай призывают мировое сообщество продолжать уделять серьезное внимание действиям соответствующих государств по форсированному развитию систем противоракетной обороны, которые могут привести к разрушению глобального стратегического равновесия и стабильности в мире, а также предпринимать необходимые меры для предотвращения такого опасного развития событий.

Вызывает удовлетворение ход сотрудничества России и Китая, осуществлявшегося до настоящего времени в вопросах сохранения глобального стратегического равновесия и стабильности. Исходя из отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами, Россия и Китай продолжают тесное взаимодействие по вышеупомянутым вопросам, а также будут в рамках принятых каждым из государств международных обязательств усиливать сотрудничество в других связанных с этими вопросами областях, во имя обеспечения собственной, региональной и глобальной безопасности.

Президент
Российской Федерации
В.В.Путин

Председатель
Китайской Народной Республики
Цзян Цзэминь

Итак, 19 июля 2000 г. Президент России В.В.Путин завершил визит в Пекин, отбыв в Пхеньян.

В ходе двухдневного пребывания в китайской столице глава российского государства провел переговоры с Председателем КНР Цзян Цзэмином, встретился с премьером Госсовета КНР Чжу Жунци, председателем Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая Ли Жуйхуанем и председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Пэном.

В.В.Путин и Цзян Цзэминь подписали Пекинскую декларацию РФ и КНР и Совместное заявление по вопросам противоракетной обороны.

«Это была очень эмоционально насыщенная встреча. Должен сказать, что самые лучшие, самые смелые ожидания подтвердились. Китайские коллеги, партнеры, друзья создали нам очень доброжелательную атмосферу», — заявил журналистам в Пекине Президент РФ В.В.Путин, подводя итог завершившейся официальной части своего визита в Китай. «Впечатления очень положительные», — подчеркнул президент. Говоря о встрече с Председателем КНР, В.В.Путин заметил, что Цзян Цзэминь свободно говорит по-русски и даже поет русские песни. «Он меня просто поразил. Он не только декламировал стихи, но и проявил глубокое знание русской классики, истории России».

«Это поколение китайских политиков, которое глубоко знает, любит Россию, сейчас возглавляет страну, и нам бы очень хотелось, чтобы так сохранилось на долгие годы и времена, — сказал глава российского государства. — Именно поэтому мы и восприняли так позитивно инициативу председателя КНР о заключении договора о дружбе и сотрудничестве». Этот документ, по словам Президента РФ, должен лечь в основу отношений между КНР и РФ на длительную перспективу, «может быть, на многие десятилетия вперед». «Очень бы хотелось, чтобы этот договор не ограничивался такими

сферами деятельности, как экономика, товарооборот, военное сотрудничество, а чтобы он касался культуры, языка, развития межчеловеческих отношений. На мой взгляд, это крайне важно для создания базы развития межгосударственных отношений», — сказал В.В.Путин.

Китайская сторона придает большое значение первому визиту Владимира Путина в Китай в качестве главы российского государства. Переговоры между лидерами двух стран и принятые документы определяют основные направления взаимодействия между РФ и КНР. Об этом заявил на брифинге директор департамента информации и печати МИД КНР Чжу Банцзао, прокомментировавший основные итоги визита Президента РФ в КНР. Дипломат дал высокую оценку подписанным в Пекине документам — Совместному заявлению по вопросам противоракетной обороны, Пекинской декларации РФ и КНР, межправительственному соглашению о продолжении сотрудничества в энергетической сфере, соглашению о сотрудничестве в сооружении реактора на быстрых нейтронах, соглашению о сотрудничестве между Внешэкономбанком и Банком Китая. «Принятие данных документов способствует переходу двусторонних отношений на новый уровень», — подчеркнул официальный представитель МИД КНР.

Лидеры двух государств провели углубленный обмен мнениями по важнейшим международным проблемам и двусторонним вопросам. Визит будет играть активную роль для наращивания российско-китайского взаимодействия, стимулирования процесса установления многополярного мира.

Президент России В.В.Путин подчеркнул важнейшее значение Договора по ПРО для сохранения стабильности и предупредил, что в случае его слома Россия и Китай не останутся безучастными. Выступая в Пекине перед журналистами, глава российского государства отметил, что в целом Договор по ПРО регулировал отношения между бывшим Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, сегодня — между Россией и США. «Смысл этого договора, — сказал президент, — в целом заключался в том, что он определял баланс отношений в мире, определял равновесие. Мы полагаем, что если этот договор будет сломан кем-либо в одностороннем порядке, то этот баланс будет нарушен. В таком случае последует реакция».

«Я полагаю, что Россия и такая мощная держава, как Китай, не останутся в стороне от этого и будут стремиться к тому, чтобы восстановить этот баланс», — сказал президент. «Мы и сегодня работаем с Китаем в военно-технической области. Насколько далеко может зайти это сотрудничество, зависит от обстоятельств. Ясно, что реакция последует», — подчеркнул В.В.Путин.

Одновременно российский президент отметил, что сегодня у России развиваются отношения и с американскими партнерами, что дает основания полагать, что наиболее острые вопросы будут решены вместе. «К такому выводу меня подводят личные встречи с президентом Соединенных Штатов Клинтон», — сказал он. — Когда мы говорили о проблемах противоракетной обороны, я вспомнил, что, по словам Клинтона, мы не можем решить эти вопросы без участия Китая. Дискуссии должны проходить с участием Китая».

Документы, подписанные по итогам завершившихся в Пекине переговоров между Президентом РФ В.В.Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином «существенно продвинули доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» двух стран. Такое мнение высказали информированные источники в МИД РФ, оценивая результаты первого дня визита главы российского государства в Китай. По их мнению, наиболее «весомым и важным» документом является совместное заявление по ПРО. Четкость и полное совпадение позиций Москвы и Пекина по проблеме ПРО является еще «одним ярким примером повышения уровня доверительности, политического взаимодействия между странами, высшими руководителями России и Китая». Как считают в МИД РФ, данное

заявление имеет исключительно важное значение не только для двух соседних государств, но и для интересов безопасности и стратегической стабильности на планете.

Переговоры президента России с китайским руководством могут придать качественно новый импульс развитию военно-технического сотрудничества между двумя странами в ближайшее десятилетие. Об этом заявил Б.Кузык, генеральный директор компании «Новые программы и концепции», действующей в военно-технической области.

По его словам, в настоящее время сформирован пакет предложений по поставкам Китаю современных образцов российской военной техники и вооружений. «Если по ним будут приняты политические решения, то многие крупнейшие российские предприятия получают заказы на ближайшие 5—7 лет. Это — сотни тысяч рабочих мест, а главное — сохранение научного и производственного потенциалов отечественного ВПК», — считает Б.Кузык.

Для Китая — это в том числе и возможность оснастить свои вооруженные силы современной боевой техникой, отметил Б. Кузык, что позволит стране не только адекватно реагировать на возникающие угрозы, но и поддерживать баланс сил в регионе.

Министр обороны КНР Чи Хаотянь высоко оценил сотрудничество между Россией и Китаем в вопросах противоракетной обороны. В ходе встречи со своим российским коллегой И.Д.Сергеевым глава китайского оборонного ведомства выразил благодарность в связи с последовательной позицией РФ, направленной на укрепление стратегической стабильности и Договора по ПРО 1972 года.

Министр обороны РФ высказал уверенность в том, что прошедшие переговоры между главами государств России и Китая будут способствовать углублению сотрудничества между двумя странами в политической, экономической и других областях. Развитие военных связей между РФ и КНР, по словам И.Д.Сергеева, содействует укреплению всего спектра российско-китайских отношений, благоприятствует международной безопасности.

Встречи между министрами обороны России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана в рамках деятельности «Шанхайской пятерки» имеют чрезвычайно важное значение для укрепления доверия и сотрудничества в сфере обороны и безопасности между пятью государствами, признали И.Д.Сергеев и Чи Хаотянь. «Россия предпримет совместные с четырьмя странами усилия для искоренения терроризма, сепаратизма, экстремизма, достижения стабильности в регионе», — подчеркнул министр обороны РФ.

Российское государство должно поддержать крупные инвестиционные проекты российско-китайской торговли. Об этом заявил в пекинском Доме народных собраний в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС председатель Комитета по экономической политике и предпринимательству Госдумы РФ С.Глазьев.

В отличие от Китая, сказал он, который может предложить российскому рынку огромное разнообразие продуктов, для России все направления сотрудничества связаны так или иначе с базовыми инвестициями, которые возможны только при поддержке государства. Речь идет об энергетической, атомной промышленности, военно-техническом сотрудничестве, т.е. тех сферах, в которых Россия конкурентоспособна и где для нее Китай предоставляет практически неограниченный рынок сбыта, сказал С.Глазьев.

Он призвал создать нормальное банковское обеспечение российско-китайской торговли, запустить механизм государственных гарантий по экспорту. Эти меры, по его словам, позволят увеличить двустороннюю торговлю по меньшей мере вдвое.

В 1999 г. объем торговли между РФ и КНР составил 5,72 млрд долларов. Внешэкономбанк России и Банк Китая заключили в Пекине соглашение о сотрудничестве. Подписание документа прошло в рамках проходящего в эти дни визита в Китай Президента РФ В.В.Путина. Реализация соглашения будет способствовать совершенствованию банковского обслуживания внешнеторговых связей между Россией и Китаем и расширению круга участников российско-китайских экономических отношений. В рамках документа

предусматривается возможность поддержки банками инвестиционных проектов двух стран и сотрудничества в кредитной сфере. Будет развиваться взаимодействие банков в расчетных операциях со свободно конвертируемой валютой и расчетном обслуживании российско-китайской приграничной торговли.

Итак, Президент РФ В.В.Путин прилетел в Пекин вечером 17 июля 2000 г. Его официальный государственный визит состоялся 18—19 июля. Основные темы дискуссии Президента РФ В.В.Путина и Председателя КНР Цзян Цзэминя: геополитическая, военно-техническое сотрудничество и экономические отношения.

Наши журналисты, давая оценку этому визиту, отмечали, в частности, следующее. Взгляды РФ и КНР совпадают в отношении развертывания американцами системы своей национальной ракетной обороны. Обе страны — против, что было зафиксировано в подписанном совместном заявлении. То же и по отношению к Тайваню — никаких «двух Китаев». Китайцы отвечают пониманием наших действий в Чечне. Понимание подкрепляется контрактами на поставку в КНР российской военной техники, суммы которых ежегодно оцениваются почти в два миллиарда долларов — около четверти всего торгового оборота РФ и КНР. Особый интерес вызывают боевые самолеты Су-30, подлодки и эсминцы. По сведениям журналистов, один из последних контрактов на поставку самолетов был подписан буквально за две недели перед визитом.

В целом же, и все это признают, за последние четыре года предшественник В.В.Путина Б.Н.Ельцин проделал весьма серьезную работу, и теперь отношения РФ с КНР очень неплохи. Несколько «прихрамывает» экономика: по объему торговли с КНР Россия занимает десятое место — после Японии, США и стран ЕС, да и поставляет все больше сырьевую продукцию. Явно «просели» крупные энергетические проекты. Поэтому был таким гордым в Пекине, отмечалось в корреспонденциях, глава Минатома Е.Адамов, подписавший соглашение о сотрудничестве в сооружении реактора на быстрых нейтронах. Подписали соглашение и банкиры — Внешэкономбанк зафиксировал сотрудничество с Банком Китая. Это даст возможность ВЭБу обслуживать российско-китайские контракты.

Журналисты также полагали, что с позиций китайской философии суть отношений выразил Цзян Цзэминь, заметив, что «близкий сосед лучше дальнего родственника» [50].

В средствах массовой информации нашей страны имели место и другие оценки встречи на высшем уровне в Пекине в июле 2000 г. Например, отмечалось, что текст совместного заявления КНР и РФ по ПРО, подписанного В.В.Путиным и Цзян Цзэминем, составлен так, что там укрыто сразу несколько компромиссов. Некоторые российские комментаторы уже поспешили подать его как победу Москвы в деле отстаивания Договора по ПРО между СССР и США от 1972 г. и в области критики планов США развернуть свою стратегическую ПРО.

Но в тексте документов США вовсе не упомянуты. Да и начинается документ с предупреждения насчет нестратегической ПРО, по которой на сегодня у России и США внешне куда меньше разногласий, чем у КНР и Тайваня (ввиду планов последнего создать оборону от китайских ракет, подключившись, например, к американо-японской системе). И Тайвань как раз упомянут...

Лишь во второй части в предельно обтекаемых выражениях дана оценка договора 1972 г. как «важного». Создается впечатление, что китайцы по максимуму использовали озабоченность Москвы планами США по поводу стратегической ПРО, еще раз добившись поддержки по тайваньскому вопросу, но при этом не раздражая своего главного экономического партнера — Америку « [51].

В ходе встречи Цзян Цзэминь выступил с инициативой, предложив, чтобы обе стороны приступили к разработке договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Выдвижение этого предложения вызвано рядом причин. Очевидно, что в обеих столицах ощущалось, что двусторонние отношения дошли до некоего предела, почти даже замерли или теряют «жизненную силу». Им нужно придать новый импульс, вдохнуть в них новую жизнь.

Весь вопрос в том, как видят ситуацию в Москве и в Пекине, каким содержанием хотели бы наполнить двусторонние отношения, принимают ли во внимание исключительно торгово-экономические, «сугубо материальные» соображения, или понимают необходимость наполнения новым содержанием духовной близости двух народов, устранения всего того, что отдаляет и разделяет наши народы, создает недоверие у одной стороны к другой стороне.

Немалую роль играет переосмысление ситуации: сегодня мир не тот, каким он был в 1950 г. и даже на рубеже 1980—1990-х гг., сегодня наша страна — это не СССР 1950 года и не Россия начала 1990-х гг.; сегодня и КНР — не то государство, каким оно было в 1950 г. и в начале 1990-х гг. И поэтому обе стороны ныне пришли к выводу о необходимости вернуться в новых условиях к вопросу о разработке договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между ними.

После визита в КНР Президент РФ В.В.Путин побывал в городе Благовещенске. Он выразил там озабоченность ситуацией на нашем Дальнем Востоке, особенно сокращением там численности населения, а также вероятностью того, что через несколько десятилетий, если не предпринимать меры, люди в этих местах начнут говорить не по-русски, а на китайском или японском языках.

Президент РФ затронул очень важную проблему. Действительно, давно ясно, что необходимо принимать на государственном уровне все меры с той целью, чтобы создать возможности для людей жить свободной экономической жизнью в этом регионе.

Во время своего визита в Благовещенск Президент РФ посетил там пограничную заставу и совершил поездку на пограничном катере по Амуру. Спустя несколько дней представитель президента на Дальнем Востоке К.Пуликовский заявил, что острова у Хабаровска останутся нашей территорией. В эти же дни министр иностранных дел РФ И.С.Иванов впервые побывал на островах у Хабаровска, где пограничники наглядно ознакомили его с методами, с помощью которых китайские власти стремятся превратить один из этих островов в полуостров — часть нынешней территории КНР.

Представляется, что руководители страны понимают обеспокоенность населения в этих краях. Остается надеяться, что они, с одной стороны, предпримут меры для того, чтобы дать возможность Дальнему Востоку быть экономически развитым и богатым регионом, и, с другой стороны, будут занимать такие позиции, которые будут вселять в наших людей, живущих на Дальнем Востоке, уверенность в том, что Москва будет со всей твердостью защищать нашу территорию.

Позиция МИД КНР

Представить себе всю картину двусторонних отношений РФ и КНР можно более полно, ознакомившись с официальной позицией МИД КНР по главным проблемам внешней политики.

Прежде всего нужно сказать, что период конца 1980-х — начала 1990-х гг. оказался для Пекина сложным и трудным. С одной стороны, внутри страны руководителям КПК-КНР пришлось в борьбе, в том числе и с применением вооруженных сил в столице КНР, защищать, как полагал Дэн Сяопин, само существование КНР и КПК. Подавление демократических демонстраций в Пекине, сопровождавшееся человеческими жертвами, имело отрицательные последствия для руководства КНР на мировой арене. Многие государства осуждали Пекин за нарушение прав человека и даже прибегали к различным

санкциям против КНР. С другой стороны, в мире произошли большие перемены, прежде всего связанные с исчезновением с политической карты мира Советского Союза, что изменило всю картину соотношения и расстановки сил на мировой арене. Все это потребовало от руководителей КНР переосмысления ситуации и выработки внешнеполитического курса, отвечавшего их интересам.

В Пекине развитие событий характеризовали следующим образом: «Период конца 80-х и начала 90-х гг. изобиловал сильнейшими потрясениями. В социалистических странах произошли политические перевороты и изменение курса; изменила ориентацию Восточная Европа, распался СССР. Все это имело сильнейший резонанс в странах Третьего мира. Распад Советского Союза в 1991 г. фактически означал завершение периода «холодной войны» и конец существования мировой системы, заложенной около полувека назад Ялтинскими соглашениями. Мир вступил в беспокойный переходный период, когда старое «устройство» отошло в историю, а новая система еще окончательно не оформилась. Правительства срочно приступили к пересмотру своей внешней политики, наметилась тенденция новой организации (дифференциации и консолидации) политических сил на мировой арене. Соединенные Штаты, оказавшись в положении единственной сохранившейся сверхдержавы, стали усиленно проталкивать так называемый «новый мировой порядок», подразумевающий руководящую роль США. Собрав вокруг себя некоторые западные страны, США стали оказывать все большее давление на развивающиеся страны, побуждая их ввести у себя многопартийную систему и рыночную экономику по образу и подобию тех, что приняты на Западе. При этом США и их партнеры выступали под знаменем демократии и защиты человеческих прав. Эти их действия привели в ряде развивающихся стран к обострению внутривнутриполитической борьбы, мятежам и региональным военным столкновениям. Какое-то время на международной арене участились случаи проявления гегемонизма и политики с позиции силы, когда сильные обижали слабых, большие притесняли малых, богатые оказывали нажим на бедных» [52].

Итак, в Пекине, прежде всего, назвали изменения в нашей стране, в других государствах, расположенных в Восточной Европе, «политическими переворотами» и «изменением курса». В мире эти характеристики воспринимались по-разному. Были те, кто соглашался с ними в основном или даже целиком и полностью. Кто-то видел в этом объективную или нейтральную оценку происшедшего. Иные могли, исходя из опыта, накопившегося за годы изучения политики КПК-КНР, увидеть, что в этих оценках содержалось негативное отношение к тому, что произошло в нашей стране, в странах Восточной Европы. Причем заявления в Пекине о необходимости уважать выбор народа не исключали видения произошедшего как отхода от верного курса, как политического переворота, следствием которого стало крушение социалистического строя или поражение его на некоторое время; при этом заявление о необходимости уважать выбор народа подразумевало надежду на возвращение к социалистическому строю, причем это возвращение заранее поддерживалось как выбор народа.

Вопрос о социалистическом строе в Пекине отделяли от вопроса о государстве, в частности и прежде всего — применительно к Советскому Союзу. Пекин не предвидел, да и не желал, восстановления такого государства, каким был СССР. Пекин видел в нем один из столпов прежней мировой системы, сложившейся в результате победы над державами оси во Второй мировой войне. Пекин всегда занимал особую, негативную позицию в отношении и всей этой системы и всего того, что СССР делал, поддерживая ее. Пекин особенно осуждал Ялтинские соглашения, подчеркивая, что они ущемили суверенитет, престиж, территориальную целостность континентального Китая. Мало того, они положили начало существованию такой системы, в которой выделялись два главных мировых центра — Москва и Вашингтон, а континентальный Китай был вынужден либо следовать за одним из этих центров, либо оставаться где-то в стороне, почти на обочине.

Одним словом, уход в небытие нашего прежнего государства — Союза Советских Социалистических Республик — вызвал радость и удовлетворение в Пекине. Руководители

КНР полагали, что благодаря этому возникла возможность создать вместо прежней, так сказать Ялтинской, системы, новую систему, в которой Пекин занял бы совсем иное положение. Наша страна должна была при этом, по мысли Пекина, тоже оказаться в новой ситуации, и отнюдь не в числе двух первых держав мира. Именно поэтому в Пекине и подчеркивали, как ощущалось, с большим удовлетворением, что «старое «устройство» отошло в историю, а новая система еще не окончательно оформилась».

В КНР всегда стремились разрабатывать некие модели мирового устройства, создавать схемы стратегического расположения мировых сил. При этом имела тенденция делить весь мир на зоны и выделять в нем центры. Эти зоны иной раз называли мирами, говорили о первом, втором, третьем мире. Кстати, нашей стране, в то время СССР, не отводили места ни в первом, ни во втором, ни в третьем мире. Наше государство оказывалась в этой схеме то ли «лишним», то ли инородным телом, какой-то костью в горле.

Пекин всегда был склонен говорить об организации сил на мировой арене. При этом постоянно повторялся тезис о мировых потрясениях, смуте, а также о том, что вся мировая система время от времени, в тот или иной момент находилась в состоянии дифференциации и консолидации, расслоения и перегруппировки. Именно такой видели в Пекине ситуацию в мире и в 1990-х гг.

При этом выделялись все те же миры или зоны: первый мир (промышленно развитые страны, включая США); второй мир, куда также входили промышленно развитые страны Европы и Япония, но без США; и третий мир, куда Пекин относил государства, которые он не включал в первый и второй «миры» и которые именовались развивающимися странами. Присутствовала и некая рыхлая зона, состоявшая из государств Восточной Европы, Центральной Азии, да и нашей страны, которые находились в неопределенности, в процессе трансформаций, перехода, беспокойства.

Кстати, наша страна, Россия или Российская Федерация, и тут оказывалась в странном положении; она существовала и как бы отдельно от всех, сама по себе, и в то же время находилась в числе то ли стран Восточной Европы, то ли стран Центральной Азии; в Пекине в 1990-х гг. прежний Институт СССР и стран Восточной Европы Академии общественных наук КНР переименовали в Институт стран Восточной Европы и Центральной Азии, а соответствующий отдел в МИД КНР тоже назвали отделом стран Восточной Европы и Центральной Азии; одним словом, нам или нигде не находилось места, или нас хотели вытеснить отовсюду. В этом тоже находило свое отражение отношение к нашей стране в КПК-КНР.

Возвращаясь к предлагавшейся Пекином схеме расстановки мировых сил, далее отметим, что в современном мире Пекин выделял один особый центр силы — США, называя их единственной сохранившейся сверхдержавой на мировой арене. При этом как бы подразумевалось, что и эта сверхдержава со временем исчезнет. Пока же Пекин усиленно использовал термин «сверхдержава», демонстрируя желание, чтобы это понятие было признано другими государствами.

При этом предполагалось, что речь шла о сильной, вероятно, самой сильной в военном отношении державе мира, которая пыталась, не имея на то морального права, т.е. не обладая ни моральным авторитетом, ни правильными представлениями о том, какими должны быть отношения государств в мире, командовать всеми остальными государствами. Несколько лет тому назад Пекин утверждал, что таких сверхдержав в мире было две: США и СССР. При всей значимости в то время США и СССР на мировой арене, ни та, ни другая из этих двух стран, не могла командовать ни половиной мира, ни всем миром, да и не управляла им. Картина мира была гораздо более сложной, чем это представлял и представляет себе Пекин, во всяком случае в его официальной и публичной трактовке. Тенденция говорить о сверхдержавках и о гегемонизме свидетельствовала лишь о том, что в Пекине все еще лелеяли мечту возглавить мировое сообщество наций или выступить в

качестве основной силы, противодействующей США и изолирующей их, привлекая на свою сторону или заставляя быть нейтральными остальные страны.

Конечно, это утопия, но она существует и составляет основу предлагаемой Пекином конструкции новой организации политических сил на мировой арене. Именно в этом свете и можно представлять себе тезис Пекина о том, что в наше время США «стали усиленно проталкивать так называемый «новый мировой порядок», подразумевающий руководящую роль США».

Итак, Пекин предлагал мировому сообществу наций следующее видение ситуации на планете, в межгосударственных отношениях: США незаконно присваивают себе право создавать новый мировой порядок, навязывая всем остальным государствам себя в качестве главы новой мировой системы.

Это, пожалуй, надуманная схема, которая никак не отвечает реальной ситуации в мире. Конечно, США действуют со всей решительностью, когда речь идет о том, что они полагают своими национальными интересами. Однако до заорганизованности государств мира, до мирового порядка, построенного по правилам, навязанным одной страной, не только очень далеко, но просто, очевидно, дело никогда не дойдет. Это не удалось осуществить в XX в., особенно в первой его половине; вряд ли это окажется возможным в настоящем и будущем, учитывая, в частности, уровень и качество вооружений.

В настоящее время мир представляется, прежде всего, единым целым, огромным и небольшим одновременно, с чем приходится и придется все больше считаться всем. Это означает, что мировая война сегодня и в будущем невозможна по той причине, что она означала бы самоуничтожение всего живого на Земле. Это в мире поняли почти все, во всяком случае это понимают и в Москве и в Вашингтоне.

Далее, мир представляется скоплением множества частиц-государств, которые в настоящее время ставят на первый план два своих главных интереса: выживание и независимость. Сегодня всем, в том числе и США, приходится считаться с невозможностью ущемить независимость подавляющего большинства стран на земле. К этому, пожалуй, необходимо добавить, что наряду с независимостью практически все государства стремятся к равноправию. Эта тенденция также возрастает. Мир сегодня, с одной стороны, един, с другой стороны, многообразен, ибо каждое государство, каждая нация своеобразны. Что же касается утверждения о том, что США сегодня навязывают «новый мировой порядок, подразумевающий их руководящую роль», то навязать его просто невозможно. Время, когда кто-либо мог претендовать на установление власти в мире людей одной расы или одного государства, безвозвратно ушло.

Далее, в Пекине, разъясняя этот свой тезис, делали упор на тезисе о вмешательстве США во внутренние дела других государств. Говорили о том, что Вашингтон «оказывает все большее давление на развивающиеся страны, побуждая их ввести у себя многопартийную систему и рыночную экономику, по образу и подобию тех, что приняты на Западе». Это утверждение выглядело даже на первый взгляд странным и неубедительным. Прежде всего потому, что во многих, в том числе в весьма заметных на мировой арене государствах, которые в Пекине именуют развивающимися, давно уже существует рыночная экономика и многопартийная система.

Пожалуй, здесь можно говорить не о развивающихся странах, а о России, о других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, и о государствах Восточной Европы. Это у них не было до последнего времени ни рыночной экономики, ни многопартийной системы. Никак нельзя согласиться с тем, что им такого рода экономику и систему навязывают США. Прежде всего, это следствие протеста их народов против прежней экономической и политической ситуации в своих странах, что и привело к известным событиям конца 1980-х — начала 1990-х гг.

В схеме, предлагаемой Пекином, именно нашей стране и другим упомянутым государствам отводилась роль тех, кто испытывает на себе все большее давление со стороны

США, вмешивающихся в их политическую и экономическую жизнь. Пекин побуждал нас видеть в США главную угрозу нашей независимости, ставить дело защиты независимости выше налаживания нормальной политической и экономической жизни в наших странах. У Пекина также получалось, что многопартийная система и рыночная экономика западного плана — это однозначно плохо, это чужое, американское, против чего нужно бороться самостоятельно, рассчитывая на некое внешнее сочувствие и похвалу со стороны Пекина.

Далее пекинская трактовка подразумевала, что именно политика США, а также такие понятия, как демократия, права человека, — это и есть корни обострения внутривластной борьбы, мятежей и региональных военных столкновений, в частности, в нашей стране. Одним словом, Пекин внушал нам мысль о том, что в России мы теряем национальную независимость и самостоятельность, у нас продолжается и обостряется внутривластная борьба, вспыхивают мятежи, возникают региональные вооруженные столкновения; и все это происходит из-за того, что мы принимаем руководящую роль США, многопартийную систему, рыночную экономику, демократию и тезис о необходимости защищать права человека. Нам предлагалось выступить против всего этого, пойти за Пекином в глобальном противостоянии с США, в борьбе против одного, нового, американского, мирового порядка и за другой, предлагаемый Пекином, новый мировой порядок.

Пекин снова предлагал нам видеть мир поделенным на сильных и слабых, больших и малых, богатых и бедных. На самом же деле нашу страну, Россию, невозможно отнести либо к сильным, либо к слабым, либо к большим, либо к малым, либо к богатым, либо к бедным. И в целом исходный пункт схемы расстановки мировых сил, предлагавшейся Пекином, представлялся не убедительным, не обоснованным, умозрительным — рассчитанным на то, чтобы заставить нас утратить свой патриотизм, подчиниться воле Пекина, следовать за ним, причем в одиночку выступать против США, обостряя наши отношения с Вашингтоном.

Продолжая изложение своего видения ситуации в мире и переходя к трактовке положения КНР, в МИД КНР рисовали следующую картину:

«Китай не был исключением. Одно время перед лицом серьезного вызова оказались его социалистический строй, реформа, открытость и модернизация; более того, возникла угроза его суверенитету и безопасности. После событий 1989 г. в Пекине США и другие западные страны прибегли по отношению к Китаю к политическим и экономическим санкциям; они использовали самые разные предлоги для вмешательства во внутренние дела Китая: права человека, распространение ядерного оружия, торговлю, ведущуюся якобы не по правилам, тибетскую проблему, вопрос Сянган, Тайваня и т.п. Устраивая инциденты, они пытались изолировать Китай и покончить с правящим положением Китайской компартии в стране. В этой обстановке внешнеполитическая деятельность Китая подверглась серьезному «испытанию на прочность». Это испытание касалось трех аспектов. Во-первых, встал вопрос, каким образом выстоять под давлением со стороны гегемонизма и политики с позиции силы, прорвать возводимую Западом преграду в виде разных санкций и продолжать работу по созданию международного окружения, благоприятствующего китайской модернизации и объединению Китая. Во-вторых, встал вопрос, каким образом в обстановке, когда социалистический лагерь в лице СССР и стран Восточной Европы перестал существовать и в мире громче других зазвучали голоса, провозглашавшие «окончательную победу западной демократии», суметь продолжать проводить внешнеполитический курс, присущий «социализму с китайской спецификой», и каким образом строить отношения с претерпевшими радикальные изменения Советским Союзом и восточноевропейскими странами. В-третьих, встал вопрос, какое место в мировом сообществе периода после завершения «холодной войны» предстоит занять Китаю, сумеет ли он, следуя политическому курсу, разработанному в 80-х гг., по-прежнему играть в международных делах подобающую ему роль.

По этому поводу Дэн Сяопин сделал следующие указания:

«Как бы ни изменялась международная ситуация, нам следует продолжать по-прежнему развивать со всеми странами дружественные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования; следует сохранять бдительность, никого не бояться и никого не обижать; надо продолжать дружить, отлично представляя себе, что представляют собой наши друзья; надо действительно по-деловому взяться за экономическое строительство, не упуская ни толику времени; положение Китая на международной арене достаточно весомо, он сможет, да ему и следует играть подобающую роль.

Углубленный анализ обстановки выявил и благоприятные для Китая моменты.

1. Перемены, произошедшие в СССР и странах Восточной Европы, сильно дестабилизировали там обстановку, так что западным странам, помимо выражения ликования, пришлось также мобилизовать политические и экономические средства для оказания им помощи, таким образом у западных стран прибавилось забот и увеличилось бремя по предоставлению экономической помощи. Кроме того, ситуация в Китае кардинально отличалась от ситуации в СССР и в восточноевропейских странах. Курс китайского правительства на реформу и открытость встретил искреннюю поддержку широких слоев населения. По этому поводу Дэн Сяопин говорил: Вы думаете, такую страну (как Китай) так уж легко опрокинуть? Ни в коем случае. Ни внутри страны, ни во всем мире не найдется человека, способного на такое. Таким образом, для Китая существовала возможность, устранив препятствия, продолжать свой курс на реформу и открытость.

2. В результате длительной «холодной войны» произошло определенное истощение мощи Соединенных Штатов. Война в Персидском заливе 1991 года дала почувствовать Америке, что ей уже не очень-то под силу вести войну, опираясь лишь на свой потенциал. В то же время усилились трения США с ведущими западноевропейскими странами, которые стали оспаривать право на руководящую роль в новом мировом порядке в глобальном и региональном масштабе, а прежде всего в Европе. Об этих трениях хорошо свидетельствуют разногласия между США и другими западными странами в решении сомалийского, боснийского конфликтов и конфликтов в Африке. По мере обострения противоречий между США, Японией и Европой все четче стали вырисовываться контуры многополярного мира. Это создало обстановку, когда Китаю в качестве одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН стало возможно выявить более важную роль в разрешении международных споров и региональных конфликтов и в поддержании международного мира. Таким образом, появились шансы повышения международного престижа Китая.

3. Оказавшиеся в трудном положении в условиях изменившейся международной ситуации развивающиеся страны активизировали усилия в плане объединения действий по усилению своего международного положения и государственной мощи. Эта тенденция отвечала интересам консолидации сил, противостоящих гегемонизму и политике с позиции силы, а также интересам сохранения независимости и самостоятельности развивающихся стран» [53].

Итак, события, происходившие в мире в конце 1980-х начале 1990-х гг. затронули и КПК-КНР, поставив под угрозу, как утверждали в Пекине, и социалистический строй в КНР и «правлящее положение Китайской компартии в стране». При этом утверждалось, что упомянутая угроза проявилась в континентальном Китае, но пришла из-за рубежа, в чем сказалось проявление гегемонизма и политики силы со стороны США.

Для нас важно обратить внимание на те аспекты ситуации, которые затрагивали нашу страну. Дело в том, что Пекин расценивал положение в конце 1980-х — начале 1990-х гг. как «испытание на прочность», как попытку Запада, прежде всего США, изолировать КНР, вмешаться в ее внутренние дела. Россия в этой изоляции не участвовала, во внутренние дела континентального Китая не вмешивалась. Объективно, политика России была не только полезна для КНР, но и создавала ситуацию, при которой изоляция КНР становилась далеко

не полной; сохранение и развитие нормальных и улучшавшихся, развивавшихся отношений между нашей страной и КНР было подарком, отрадным явлением для Пекина.

Конечно, ситуация была далеко не простой, если смотреть на нее с этой стороны. КНР была вынуждена в отсутствие социалистического лагеря во главе с СССР практически в одиночестве продолжать идти по социалистическому пути. Отношения КНР и РФ оказались в одно и то же время и новыми и необходимыми и Москве и Пекину. Национальные интересы диктовали сохранение и развитие нормальных добрососедских отношений.

КНР проводила курс на развитие дружественных отношений. Дружественные отношения тоже не были простыми. Дэн Сяопин призывал «никого не бояться и никого не обижать». Этот тезис относился, очевидно, и к нашей стране. Действительно, Пекин, неожиданно для себя, оказался в ситуации, когда прежний тезис об угрозе со стороны СССР нуждался в корректировке; не боясь нас, Пекину, с точки зрения Дэн Сяопина, следовало, очевидно, думать о том, как продолжать последовательно проводить в отношении нашей страны внешнюю политику, которая диктовалась известным взглядом на историю наших двусторонних взаимоотношений, непременно включавшим позицию по вопросам, касавшимся границ и территорий. В то же время Дэн Сяопин, вероятно, ощутил, что внешняя политика Пекина по отношению к нашей стране должна быть чрезвычайно осторожной, учитывая возросшую ранимость национальных чувств нашего народа в тот период, когда он вдруг оказался уже не в положении народа одной из двух самых могущественных военных держав мира.

Дэн Сяопин пояснял, что «надо продолжать дружить, отлично представляя себе, что представляют собой наши друзья». Это относилось и к нашей стране, с которой Пекин был вынужден дружить, одновременно и продолжая придерживаться известного взгляда на историю наших двусторонних отношений, отношений России и Китая, на протяжении всех почти четырех столетий, продолжая исходить из концепции существования и конкуренции двух строев — социалистического и капиталистического — в современном мире, а также соответственно относясь с симпатией и антипатией к каждому из этих строев и к ситуации в тех странах, где социалистический строй терпел поражения.

Итак, дружба между Москвой и Пекином в это время продолжалась, представляя собой продиктованные национальными интересами двусторонние мирные равноправные отношения соседних стран, которых никакие третьи страны не могли заставить выступать друг против друга на мировой арене.

Благоприятной для КНР оказалась не только позиция Москвы в области двусторонних отношений, но и то, что страны Запада были вынуждены уделять внимание ситуации в России, оказывать нам экономическую помощь, а это отвлекало Запад от давления на континентальный Китай. Таким образом, Пекин, видя негативные стороны положения, сложившегося в мире, усмотрел в нем нечто положительное с точки зрения своих интересов. Сюда относилась и ситуация, при которой больше не было такого государства, как СССР, и необходимость для США и других стран Запада отвлекаться на оказание экономической помощи ряду стран, возникших на территории бывшего Советского Союза.

Дэн Сяопин увидел, что поддержание силой прежних порядков внутри КНР не грозило открытым вмешательством в дела континентального Китая из-за рубежа. Это дало ему возможность предстать в качестве политика, выразившего интересы китайской нации (а не, главным образом, КПК и КНР, как это было в разгар событий 1989 г. в Пекине), заявлявшего, что никому в мире не удастся «опрокинуть» ее. Таким образом, применительно к вопросам межгосударственных отношений Дэн Сяопин считал нужным выпятить понятия китайской нации и ее государства на мировой арене. Это, в частности, означало, что и нам, России, предстояло иметь дело прежде всего с китайской нацией и ее государством.

Далее МИД КНР вводил тезис о многополярном мире. Этот тезис обосновывался рассуждениями на тему о том, что США, претендующие на мировое лидерство, оказались в

результате развития мировой ситуации на рубеже 1990-х гг. под бременем многочисленных забот, что привело даже к «истощению мощи США». Оказалось, что на сцену выходили иные центры, с которыми США приходилось считаться. В лагере США у них были союзники, которые в то же время оказывались и центрами силы, оспаривавшими право США на «руководящую роль в новом мировом порядке в глобальном и региональном масштабе, прежде всего в Европе». Отсюда в Пекине делали вывод о том, что «все четче стали вырисовываться контуры многополярного мира», в котором появились шансы «повышения международного престижа Китая».

Термины многополярность и мировой порядок приемлемы лишь для некоторых стран, причем временно и при определенных оговорках или условиях. Многополярность в трактовке Пекина — это появление центров противостояния или соперничества с США. При этом именно Пекин хотел бы взять на себя со временем все большую роль в продвижении в язык межгосударственного общения этого термина, хотя КНР весьма осторожна тогда, когда речь идет о защите интересов других стран в их противостоянии или несогласиях с Вашингтоном.

Представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что утверждение об одной державе, которая способна в современном мире диктовать остальным странам свою волю, нереально. Возможности Вашингтона в этом плане ограничены, хотя США — безусловно самая мощная держава и в военном и в экономическом плане. Но США — это не то государство, которое действительно способно стать мировым жандармом, хотя оно и предпринимает попытки выступить то тут, то там в этой роли.

В Пекине указывали на несколько центров силы, т.е. на несколько полюсов в современном мире. Наряду с США такими полюсами в КНР считали Европу, Японию, Россию и континентальный Китай. Можно, конечно, выделять и эти страны или районы мира в качестве «держав первой категории» по их совокупной мощи. Но можно и по-иному видеть ситуацию на нашей планете.

Прежде всего, Европа — это не одно государство. Тут весьма самостоятельными и крупными силами выступают, по крайней мере, Германия, Англия, Франция. Если говорить о Северной Америке, то никак нельзя сбрасывать со счетов ни Мексику, ни Канаду. В Южной Америке огромную роль играют Бразилия и Аргентина. В Африке это, прежде всего, ЮАР, Нигерия, да и Египет. В Азии — Индия, Индонезия, Иран, Турция, Пакистан. Нельзя не упомянуть в этом ряду стран и об Австралии.

Таким образом, центров силы сегодня гораздо больше, чем в перечислении Пекина. Ныне трудно выделить державы глобального или всего лишь регионального значения. Зачастую непросто различить, где кончается региональный и где начинается глобальный характер той или иной проблемы.

Термин «многополярность» или «многополюсность» представляется в принципе столь же неприемлемым и не отвечающим реальному положению вещей, как и термин «мировой порядок». Тем более что в Пекине, очевидно, полагают, что их трактовка содержания этих терминов является единственно возможной и правильной.

Термины многополярность и мировой порядок далеко не однозначны, их смысл не является четким и понятным. Вряд ли они могут претендовать на включение в общепринятый вокабуляр международного права и международных отношений, ибо они несут в себе мощный конфронтационный заряд. В области, так сказать, практической внешней политики учет желания Пекина употреблять эти термины в двусторонних документах с другими государствами, стремление поддерживать добрые отношения с КНР, находить компромисс с ней, могут побуждать те или иные столицы принимать эти термины и включать их в те или иные документы. В принципе же употребление этих терминов, вероятно, останется в виде исключений, вынужденных обстоятельствами, ошибками или заблуждениями.

Сегодня в мире и на практике и в теории не может быть мирового порядка, особенно под патронажем США или КНР. В мире нельзя также выделить лишь пять центров силы, о которых говорил Пекин.

Иметь в виду трактовку расстановки сил в мире, о которой говорил Пекин, в общем и целом нам необходимо для того, чтобы искать возможные пути и методы развития отношений с КНР на мировой арене, отвечающих национальным интересам России. Из теоретических построений МИД КНР можно принимать то, что отвечает нашим интересам и избегать того, что может повредить им.

Совершенно очевидно, что РФ выступает за нормальные равноправные отношения между всеми странами, полагая их совершенно самостоятельными государствами. Конечно, Москва против того, чтобы кто бы то ни было навязывал свою волю другим государствам. В то же время Россия выступает за поиск путей к согласованию интересов различных государств мира, а не за предвзятый подход, при котором априори нужно исходить из того, что кто-то навязывает свою волю, а кто-то призывает к объединению усилий или к борьбе каждого и всех вместе против какой-то одной страны, навязывающей свое господство.

Примечательно, что когда в Пекине переходили от общих рассуждений к конкретным вещам, то позиция руководителей КНР оказывалась гораздо более реалистичной. В МИД КНР утверждали:

«Под руководством ЦК КПК, ядром которого является Цзян Цзэминь, основные установки китайской внешней политики получили дальнейшее укомплектование и усиление. Китай продолжал следовать курсу независимой, самостоятельной, мирной внешней политики, способствуя миру и развитию на Земле; с точки зрения интересов Китая этот курс преследовал цель создания окружения, благоприятного для реформы, открытости и экономического развития; с точки зрения интересов мира этот курс преследовал цель поддержания международного и регионального мира, развития отношений со всеми странами во имя совместного развития. Основными аспектами этого внешнеполитического курса являются:

- 1) защита государственной независимости и суверенитета, отпор внешней агрессии;
- 2) мирное разрешение международных споров, решительное противодействие любым проявлениям гегемонизма и политики с позиции силы;
- 3) на основе пяти принципов мирного сосуществования налаживать и развивать дружественное сотрудничество со всеми странами;
- 4) активно развивать отношения дружбы и добрососедства с соседними странами, укреплять сплочение и сотрудничество с развивающимися странами;
- 5) проводить политику внешней открытости во всеобъемлющем плане.

В ходе внешнеполитической практики Китай придерживается следующих конкретных стратегических установок:

1. Проводит независимую, самостоятельную внешнюю политику и политику неприсоединения. Китай не участвует ни в каких блоках или в подведомственных блоках организациях, со всеми странами вступает в контакт и устанавливает дружественные отношения; не разыгрывает «карты» любого государства и не допускает, чтобы другие разыгрывали «китайскую карту». В международных делах Китай исходит из коренных интересов китайского народа и народов мира, строго придерживается справедливости в своих заявлениях и в улаживании любых дел; рассматривает в качестве единственного критерия правоты интересы международного мира, развития дружественных межгосударственных отношений и экономического процветания во всем мире. Свою позицию и подход в международных делах Китай определяет, исходя из характера самого дела.

2. Китай высоко держит знамя мира и развития. Социализму с китайской спецификой присуще миролюбие, именно этот его атрибут определил мирный характер китайской внешней политики. Китай не занимается «экспортом революции», а желает на основе пяти принципов мирного сосуществования развивать со всеми странами отношения дружбы и

сотрудничества и проводит курс открытости в отношении всех стран и районов мира. Сократив в 80-е годы свои вооруженные силы на один миллион, Китай продолжает активно участвовать в международных мероприятиях по разоружению, выступает за всеобщее запрещение и полную ликвидацию ядерного оружия, неоднократно заявлял, что никогда, ни при каких обстоятельствах не применит первым ядерное оружие и заявлял о безоговорочном предоставлении гарантий безопасности в отношении безъядерных стран. Все это сыграло позитивную, стимулирующую роль в деле сохранения глобальной безопасности, укрепления международного мира и стабильности. При разрешении международных споров и региональных конфликтов Китай активно выступает за решение существующих проблем на основе пяти принципов мирного сосуществования, путем мирного диалога, консультаций и переговоров, но не с помощью оружия или угрозы его применения.

3. Китай усиливает солидарность с развивающимися странами, прежде всего с развивающимися странами ближнего окружения с тем, чтобы совместно противостоять гегемонизму. После завершения «холодной войны» западные страны обратили свою политику, во-первых, против всего Юга, т.е. развивающихся стран; во-вторых, против социализма. Под нажимом политики с позиции силы в развивающихся странах усилились тенденции соглашательства и дифференциации. Однако многие развивающиеся страны по-прежнему продолжают борьбу против гегемонизма и в этом деле поддержка, которую оказывает этой борьбе Китай, несомненно сыграла немалую воодушевляющую роль. Китай придает большое значение солидарности и сотрудничеству со странами Третьего мира, прежде всего с развивающимися странами ближнего окружения; выступает за создание нового международного политического и экономического порядка, при котором основные интересы развивающихся стран находились бы под надежной защитой; усиливает сотрудничество с ними в международной борьбе за права человека, против политики с позиции силы и вмешательства во внутренние дела, в вопросах развития национальной экономики и поддержания внутривнутриполитической стабильности и пр. В этом плане Китай выдвинул принципы: «Допущение разногласий при достижении единства по главным вопросам, терпеливые переговоры, взаимное понимание и взаимные уступки» в разрешении разногласий с целью поддержания сплочения во имя совместного развития. Следуя этим принципам, Китай предпринял шаги по усилению взаимного понимания и доверия, развития дружбы и сотрудничества с развивающимися странами, ставя целью установление долговременной дружбы и взаимовыгодного экономического сотрудничества, совместную защиту интересов развивающихся стран и максимально возможное противодействие давлению на них со стороны Запада.

4. В развитии отношении с другими странами Китай не руководствуется соображениями общности или различия в социальном устройстве и идеологии, а ставит нормальные дипломатические отношения выше этих различий. Строя свои отношения со странами бывшего СССР и с восточноевропейскими странами, Китай придерживается пяти принципов мирного сосуществования и на их основе развивает с этими странами отношения дружбы и сотрудничества, не касаясь идеологических вопросов и отказываясь от идеологических дискуссий. Китай заявляет, что уважает выбор каждого народа в деле социального устройства.

5. Китай сочетает твердую принципиальность с большой гибкостью. В отношениях с западными странами придерживается стратегии «сочетания борьбы с сотрудничеством». Выступая за мирное сосуществование в политике и мирную конкуренцию в экономике двух социальных систем, Китай готов наладить отношения с западными странами на основе взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды; при этом Китай никогда не поступает своим государственным суверенитетом и престижем; в таких вопросах, как «охрана прав человека», «мирная эволюция», вопросах, затрагивающих его суверенные территориальные права, и других принципиальных вопросах он не идет ни на какие уступки. Для того чтобы привлечь на свою сторону промежуточные силы, Китай активно поддерживает усилия западноевропейских стран по объединению и

усилению Европы, так как это отвечает интересам максимального сдерживания единственной сохранившейся после «холодной войны» сверхдержавы и интересам многополярной ориентации мирового развития.

6. Китай продолжает усилия по мирному воссоединению родины, придерживаясь курса «одно государство, два строя»; придерживается курса «отложить разногласия, а сначала приступить к совместному освоению» в решении территориальных споров.

7. Китай развивает многообразную внешнеполитическую деятельность. По мере расширения открытости активизировались такие формы внешнеполитической деятельности, как парламентская дипломатия, дипломатия на уровне политических партий, народная дипломатия. Парламентская дипломатия и дипломатия на уровне политических партий являются хорошим дополнением к правительственной дипломатии; народная дипломатия — хорошее дополнение к официальной дипломатии. Политические контакты стимулируют экономическое сотрудничество, а экономическое сотрудничество делает вклад в укрепление политических связей» [54].

Собственно говоря, Пекин характеризовал таким образом основы внешней политики в период руководства Цзян Цзэминя.

Основы этой внешней политики составляли тезисы о защите независимости страны, что предполагало оказание отпора внешней агрессии. Далее речь шла о призыве к мирному разрешению споров с другими государствами. Наконец, сюда входил тезис о сосуществовании и дружественном сотрудничестве со всеми странами, дружбе и добрососедстве с соседними государствами, сплочении и сотрудничестве с развивающимися странами, а также о продолжении политики открытости.

В связи с этим представлялось, что шаги Цзян Цзэминя в отношении с Москвой, особенно подписание соглашений о мерах доверия и о взаимном сокращении войск вдоль границы, были продиктованы заботой Цзян Цзэминя о том, чтобы, с одной стороны, свести на нет существующую, с его точки зрения, возможность внешней агрессии против КНР с нашей стороны, в том числе и в отдаленном будущем, и, с другой стороны, его же намерением создавать постепенно такую ситуацию по нашу сторону границы с КНР, при которой Пекин имел бы возможность в конечном счете вынудить нас мирно, не прибегая к использованию вооруженных сил, пойти на удовлетворение своих «разумных и справедливых» предложений относительно границы и территорий. Неслучайным, а, напротив, имеющим отношение к нашей стране, представляется и упоминание о намерениях проводить пока такую политику, при которой придерживаются курса «отложить разногласия, а сначала приступить к совместному освоению» в решении территориальных споров.

МИД КНР также особо подчеркивал неучастие КНР в блоках; это исключало союз между Москвой и Пекином против третьих стран. Пекин делал также заявления о том, что КНР не занимается «экспортом революции». В КНР также провозглашали приверженность мирному сосуществованию в отношениях между государствами и мирной конкуренции в экономике.

МИД КНР применил термин «развивающиеся или азиатские страны ближнего окружения». Очевидно, что при этом имелись в виду страны-соседи КНР и географически близко расположенные к континентальному Китаю государства. Эта группа стран специально выделялась в Пекине как «пояс», с членами которого необходимо работать особо, обеспечивая мир на границах КНР. В число этих стран входили, очевидно, Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, да и Узбекистан. Наша страна и здесь оказывалась в «особом» положении, т.е. оставалась вне круга «развивающихся стран ближнего окружения», на развитие особых отношений с которыми делали упор в Пекине. Кстати, в Пекине в одних случаях относили нашу страну вместе с Казахстаном, Киргизией и т.д. к государствам, переживающим «переходный период», а в других случаях, не объясняя причин, Россию не включали в категорию развивающихся стран, в то же время относя к их числу, например, Казахстан.

Нашей стране Пекин предлагал, судя по установкам МИД КНР, отношения дружбы и сотрудничества при полном отделении межгосударственных отношений от вопросов идеологии.

Странам Запада предлагалось «сочетание борьбы с сотрудничеством». Возможно, вне всякой связи с этим вспоминается, что в свое время, сразу же после образования КНР и установления дипломатических отношений между СССР и КНР, в Пекине полагали, что двусторонние отношения между нашими двумя тогдашними государствами стали отношениями «сотрудничества и борьбы». В то же время, вполне вероятно, что для Пекина и тогда при образовании КНР, когда политику определял Мао Цзэдун, на первом плане оказывалась идея о том, что в нашем государстве того времени, в СССР, необходимо видеть прежде всего не идейного единомышленника, не такую же социалистическую страну, как и сама КНР, но нечто более важное и более опасное, чем просто некая «политически-социалистическая реальность». Иначе говоря, предполагалось, что наша страна — это все та же Россия, все то же государство, с которым необходимо прежде всего продолжать вести борьбу; в то же время там, где это выгодно, извлекать для Китая пользу, прибегая к неким проявлениям того, что по форме именуется сотрудничеством.

В установках МИД КНР также подчеркивалось, что Пекин в вопросах, затрагивающих его суверенные территориальные права, не идет ни на какие уступки. Очевидно, это целесообразно иметь в виду всем соседям континентального Китая, у которых имеются с КНР нерешенные вопросы относительно границ и территорий.

В Пекине полагали, что можно отметить три вехи в развитии внешней политики КНР в рассматриваемый период:

«За пять лет, с 1992 по 1995 г., китайская внешнеполитическая деятельность под руководством ЦК КПК и Госсовета КНР прошла три важных этапа развития.

1. 1991—1992 гг. Этот этап ознаменовался появлением новой обстановки на внешнеполитическом фронте. Был совершен прорыв в укреплении добрососедских отношений с соседними странами; укрепились сплочение и сотрудничество с развивающимися странами; были сохранены нормальные дипломатические отношения с восточно-европейскими странами и странами — бывшими республиками СССР, многие из которых переживали сильнейшие потрясения. Наметился явный сдвиг в отношении к Китаю со стороны западных стран. Антикитайский лагерь стал давать трещины. К концу 1992 года Китай установил дипломатические отношения с 145 странами мира. Все говорило о наступлении весны для китайской дипломатии» [55].

Итак, осмысление ситуации на основе своего исторического опыта и общепринятых для них теоретических положений привело руководителей внешнеполитического фронта в Пекине к выводу о том, что события второй половины 1980-х гг. на мировой арене, да и внутри КНР, имели своим следствием создание в мире огромного антикитайского фронта. Главной задачей внешней политики КНР на этом этапе стал прорыв этого фронта, его размывание; надо было вырваться из окружения враждебных, антикитайских сил.

Весьма характерно, что и в эти годы Пекин продолжал использовать прием, к которому прибегал Мао Цзэдун, а именно — называть действия и заявления всех иностранцев, не согласных с политикой КПК и действиями ее лидеров, «антикитайскими», т.е. враждебными китайской нации, нации чжунхуа. Обращение к чувствам нации, а не к чувствам марксистов или коммунистов, неимущих или пролетариата напрямую — это характерная черта особенно пропагандистской стороны деятельности руководителей КПК-КНР в области внешней политики, в частности в трудные для них периоды истории.

В Пекине подчеркнули и значение развития связей с Москвой в этот период:

«В плане поддержания и развития отношений с СССР и восточно-европейскими странами, которые в указанный период переживали большие перемены, Генеральный

секретарь ЦК КПК, Председатель Центрального Военного совета КНР Цзян Цзэминь в мае 1991 г. посетил Москву. В ходе его визита было опубликовано Китайско-советское совместное заявление; министры иностранных дел двух стран подписали Соглашение о восточном участке китайско-советской государственной границы. После событий 19 августа в СССР Китайское правительство заявило, что внутренние дела СССР должны решаться народами СССР, что касается Китая, то он уважает выбор советского народа. Китайское правительство выразило уверенность в том, что на основе принципов, зафиксированных в Совместных заявлениях двух стран от 1989 и 1991 гг., китайско-советские отношения добрососедства и дружбы получают дальнейшее развитие. После того, как СССР признал независимость Эстонии, Латвии и Литвы, Китайское правительство 7 сентября официально признало эти три государства и установило с ними дипломатические отношения. В декабре 1991 г. было создано Содружество независимых государств, СНГ, Советский Союз перестал существовать. 27 декабря Китайское правительство направило министрам иностранных дел 12 бывших республик СССР телеграммы, в которых заявляло о признании их независимости. Вслед за тем Китай установил с государствами-членами СНГ дипломатические отношения.

... Сегодня Китай с абсолютным большинством этих стран сохраняет нормальные межгосударственные отношения, причем со многими государствами Китай значительно укрепил отношения дружбы и сотрудничества, для дальнейшего их развития открылись широкие перспективы» [56].

Пекин был заинтересован в том, чтобы подчеркнуть не только неизменную правильность своей политики в отношении, в частности, нашей страны, но и последовательность и преемственность своего курса, благодаря чему, как он полагал, и открылись широкие перспективы развития этих отношений.

Существенным моментом в наших двусторонних отношениях в рассматриваемый период на самом деле явилось то, что одновременно оба государства, СССР, а затем РФ, с одной стороны, и КНР, с другой стороны, каждое по своим причинам оказались заинтересованы в сохранении и развитии добрососедских отношений между ними. При этом важно отметить, что Пекин даже в большей степени, чем Москва, нуждался в таком именно характере отношений; ведь КНР оказалась в своего рода «антикитайском окружении», Москва же в эти годы наоборот получила возможность развития самых широких и новых связей на мировой арене.

Косвенно подтверждая такую оценку ситуации, в Пекине специально отмечали тот факт, что «в декабре 1992 г. Бундестаг ФРГ принял резолюцию о нормализации германо-китайских отношений и отмене санкций по отношению к КНР. ФРГ стала первой из стран Западной Европы, вынесшей подобное решение. К этому времени большинство западных стран возобновили помощь Китаю на экономическое развитие, кредиты на оплату экспорта и коммерческие кредиты, стали расти инвестиции западных фирм в КНР» [57].

Далее в КНР выделяли специально в качестве самостоятельного периода 1993—1994 гг.:

«2. 1993—1994 гг. Этот период характеризовался дальнейшим повышением престижа Китая в международных делах, дальнейшим укреплением его связей с азиатскими странами ближнего окружения. Придерживаясь принципиальной позиции невмешательства во внутренние дела других стран и уважительного отношения к выбору других народов пути и модели развития, Китай установил дружественные и сотруднические отношения нового типа со странами Восточной Европы и Средней Азии. В ноябре 1993 г. канцлер ФРГ Г.Коль совершил визит в Китай, который оказался чрезвычайно плодотворным. Соединенные Штаты провели корректировку своей политики в отношении Китая. В ноябре Председатель КНР Цзян Цзэминь, принявший участие в неофициальной встрече глав Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, проходившей в Сиэттле, имел встречу с Президентом У.Клинтоном. Эта встреча, первая встреча глав КНР и США после 1989 года, ознаменовала важный прорыв в отношениях Китая с США и Западной Европой.

Политические отношения между ними стали «оттаивать», также частично или полностью были устранены санкции в отношении Китая. К концу 1994 года число стран, с которыми Китай установил дипломатические отношения, составило 159. Китай не прекращал борьбу с проявлениями гегемонизма и политики с позиции силы, потерпели фиаско попытки некоторых стран оказать на Китай нажим, используя так называемые проблему Тайваня, проблему Тибета, проблему Сянгана, проблему прав человека, проблему восстановления членства Китая в ГАТТ. Китай отстаивал свой государственный суверенитет, независимость и престиж» [58].

Главным достижением этого периода для Пекина было установление практически заново (после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, где были силой подавлены выступления студентов и интеллигенции под демократическими лозунгами) контактов на высшем уровне с Вашингтоном. В Пекине при этом, очевидно, полагали, что Москва будет вынуждена так или иначе продолжать сохранять с Пекином добрососедские отношения. Иначе говоря, в КНР в эти годы не видели необходимости проявлять особую активность в отношении России. Не случайно именно в эти годы практически было пущено на самотек развитие экономических связей между нами; при этом Пекин не проявлял заботы о том, чтобы их характер не вредил состоянию и перспективам двусторонних отношений.

Итак, главное внимание Пекин сосредоточил в те годы на отношениях с США, на восстановлении нормальных и благоприятных для Пекина отношений с Вашингтоном и в сфере политики и в сфере экономики. В тот период речь ни в коем случае не шла о конфронтации с США.

Примечательно, что тогда же КНР пошла на демонстрацию намерения урегулировать некоторые вопросы, касающиеся границ и территорий, с Индией. В МИД КНР характеризовали ситуацию следующим образом:

«В сентябре (1993 г. — Ю.Г.) премьер Индии Н.Рао находился с официальным визитом в Китае, между правительствами Китая и Индии было подписано Соглашение о мерах поддержания мира и спокойствия в военной области на линии действия действительного контроля на китайско-индийской границе. Таким образом были не только созданы благоприятная обстановка и условия для окончательного разрешения пограничного вопроса (вопроса о границе. — Ю.Г.) между двумя странами, но и сделан шаг вперед в развитии продолжительных и стабильных отношений добрососедства и дружбы» [59].

Это свидетельствовало о том, что в сложной для него ситуации на мировой арене, когда обострились отношения с Вашингтоном и его союзниками, Пекин искал пути к некоторому смягчению остроты в отношениях со своими соседями, в том числе с Индией. При этом Пекин согласился с сохранением ситуации в районе границы с этим соседом в том виде, какой она приобрела в свое время; он не настаивал на решении вопросов, касавшихся прохождения линии границы; Пекин не выдвигал и вопроса о территориях соседней страны, в данном случае Индии, не предлагал создать вдоль линии действительного контроля между КНР и Индией двухсоткилометровую или стокилометровую зону, в которой и Индия должна была бы сократить свои вооруженные силы, а также согласиться на взаимные инспекции. Индия, разумеется, тоже не торопилась соглашаться на то, чтобы ее суверенитет и территория в какой бы то ни было степени затрагивались двусторонними соглашениями с КНР, не говоря уже об ущемлении своего суверенитета.

МИД КНР постоянно подчеркивает первостепенное значение, с его точки зрения, отношений Пекина с развивающимися странами: «Будучи развивающимся государством, Китай рассматривает усиление сплоченности и сотрудничества с развивающимися странами в качестве одного из столпов своей внешней политики» [60].

Собственно говоря, КНР продолжает претендовать на то, что она сама является развивающимся государством. При этом, с точки зрения Пекина, такое утверждение необходимо, ибо, согласно установившейся практике международных отношений, развивающиеся страны имеют определенные экономические льготы или преимущества в

сфере мировой экономики. Далее, Пекин таким образом претендует на то, чтобы всегда сохранять для себя возможность либо оказаться в многочисленной группе развивающихся государств, когда те выдвигают общие требования на мировой арене, либо возглавить развивающиеся страны, выступать от их имени при соответствующих обстоятельствах.

КНР стремится быть допущенной в клуб самых сильных государств мира — и в то же время оставаться как бы развивающимся государством или главным представителем чайний развивающихся стран при обсуждении и решении вопросов ведущими мировыми державами. Можно также отметить, что это традиционная позиция Пекина, исходя из которой он в свое время предлагал себя в качестве силы, совершенно отдельной и независимой от СССР и других социалистических стран, связанных с СССР определенными отношениями. Пекин был тогда не против того, чтобы страны — союзники СССР выходили из социалистического лагеря и переходили в ряды развивающихся стран, признавая в той или иной степени главенство Пекина. Возможно, логическим продолжением этой линии является и желание Пекина называть Казахстан и другие государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, но не Россию, развивающимися странами уже в 1990-х гг.; с точки зрения Пекина, наша страна никогда не имела отношения к развивающимся странам и в настоящее время также не может быть отнесена к их числу ни с политической, ни с экономической точки зрения.

В МИД КНР подробно перечисляли основные вехи в развитии отношений между нашими странами в 1994 г.:

«В 1994 г. были достигнуты большие сдвиги в развитии отношений Китая со странами СНГ. В январе Китай посетил министр иностранных дел России А.Козырев, в мае китайские руководители встречали в Пекине Председателя Российского правительства В.Черномырдина. В июне министр иностранных дел Цянь Цичэнь посетил Россию. В сентябре Россию посетил Председатель Цзян Цзэминь, то был первый его визит в эту страну в качестве Председателя КНР. Были подписаны Китайско-Российская совместная декларация об основах двусторонних отношений, Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ, в котором стороны обязались принять меры по ненаправлению друг против друга стратегических вооружений, а также Соглашение о западном участке границы между РФ и КНР. Отношения Китая с Россией вступили на путь стабильного развития.

В том же году Председатель Цзян Цзэминь впервые посетил Украину. В мае премьер Ли Пэн совершил поездку в четыре среднеазиатские страны: Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан и Казахстан и в Монголию. В июле он посетил Румынию. В конце июня — начале июля министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь посетил Беларусь, Литву и Эстонию, в ходе этой поездки он дал разъяснение относительно основ политики КНР в отношении стран СНГ и Прибалтики. В Китае с визитами побывали Президенты Азербайджана, Эстонии, Венгрии, Узбекистана и главы правительств Польши, Чехии, Словакии и других стран» [61].

Примечательно, что в первую очередь в Пекине решили вопрос о некотором налаживании отношений с Вашингтоном. Лидер континентального Китая сначала встретился с президентом США, а затем и с президентом РФ. Таким образом были четко обозначены приоритеты и их очередность в политике Пекина.

Добиваясь своих целей в политике в отношении нашей страны, решая некоторые вопросы, где национальные интересы наших двух стран совпадали, Пекин в то же время использовал развитие отношений с Москвой в качестве части благоприятного для него фона, на котором он добивался тогда улучшения отношений со странами Запада:

«Важный прорыв произошел в отношениях Китая с западными странами. ...В январе (1994 г.— Ю.Г.) было опубликовано межправительственное Китайско-Французское совместное заявление, в котором Французское правительство обязалось впредь не давать санкций на участие французских предприятий в вооружении Тайваня, тем самым было

устранено препятствие на пути нормальных отношений КНР и Франции, двусторонние отношения были нормализованы.

...В конце концов Европейский Совет аннулировал две последние меры из серии санкций в отношении КНР: отказ от проведения встреч на высшем уровне и отказ от сношений в военной области.

Постепенно изменили позицию сдерживания Китая и Соединенные Штаты. В конце 1994 г. администрация У.Клинтон разработала стратегию, предусматривающую установление контактов с КНР.

...В ноябре (1994 г. — Ю.Г.) в Джакарте состоялась официальная встреча Председателя Цзян Цзэминя с Президентом У.Клинтоном. Это была их вторая встреча после встречи в Сиэттле в ноябре 1993 г. В мае Президент У.Клинтон объявил о продлении для КНР режима страны наибольшего благоприятствования, причем указал, что продление такого режима не ставится в зависимость от состояния с правами человека в КНР. Торгово-экономические отношения двух стран после периода, изобиловавшего зигзагами, стали развиваться в благоприятном для обеих стран направлении. Был восстановлен диалог в военной области между Китаем и США. Однако Соединенные Штаты отнюдь не отказались от своей ошибочной позиции, продолжали использовать вопрос о правах человека для вмешательства во внутренние дела Китая, выступая инициатором выдвижения западными странами антикитайских резолюций. Кроме того, позиция США в тайваньском вопросе означала большой шаг назад. Американская администрация предприняла меры для того, чтобы повысить значение американо-тайваньских отношений и продолжала продавать Тайваню большие партии современного оружия. Американская администрация открыто пошла на контакт с Далай-ламой. Все эти акции Соединенных Штатов встретили решительный отпор со стороны Китая» [62].

Вполне очевидно, что с течением времени, когда стало ясно, что до нового подъема демократического движения в КНР еще далеко (во всяком случае, до этого могло пройти несколько лет), национальные интересы континентального Китая и США, других стран Запада потребовали урегулирования кризиса, снятия обострения в отношениях, нормализации связей в ряде областей. Это и произошло. В то же время продолжали играть роль существенные расхождения тех же национальных интересов между континентальным Китаем с одной стороны и США и многими другими странами, в том числе в регионе, прилегающем к границам КНР, с другой стороны.

Очевидно, что и в этой связи в МИД КНР видели ситуацию, сложившуюся в 1995 г., в следующем свете:

«В 1995 г. Китай продолжал вести борьбу против попыток внешнего вмешательства, за сохранение государственного суверенитета, престижа и целостности территории. Правда, в отношениях с США произошли немалые осложнения, причиной которых было разрешение американской администрации, данное главе тайваньской администрации Ли Дэнхою на въезд в США. Зато отношения с другими странами развивались весьма динамично, причем каналы и формы их были очень многообразными. Плодотворными были важные визиты китайских руководителей, в ходе которых было углублено взаимопонимание и укреплена дружба. Эти визиты стимулировали сотрудничество и обмен Китая с внешним миром в области политики, экономики и культуры. Китайская внешнеполитическая деятельность вступила в новый этап, характеризующийся многополярностью, всеобъемлющей направленностью и динамизмом» [63].

Лидеры КНР ощутили, что период изоляции КНР закончился, что «антикитайская волна» выдохлась естественным путем, что все уже ощутили, что трансформация на мировой арене, выразившаяся в исчезновении СССР и в изменениях в ряде других стран, по крайней мере на время, в обозримом будущем, не будет продолжаться. В этой обстановке перед Пекином, как там полагали, открывались новые возможности активизации своей дипломатии. Именно активная внешняя политика и представлялась руководителям континентального Китая рычагом, с помощью которого они получали возможность

противодействовать попыткам Вашингтона оказывать какое бы то ни было воздействие на Пекин, а далее открывалась перспектива признания Вашингтоном Пекина в качестве единственного, отныне равного себе, партнера на мировой арене. Тут-то в Пекине и появилась и стала развиваться идея о многополярности современного мира и о возможности для КНР играть активную роль на мировой арене, выступая в поддержку стремлений к независимости и самостоятельности многих государств мира, а также представляя в качестве знаменосца нового политического и экономического порядка на земном шаре.

В Пекине с радостью отмечали:

«К концу 1995 г. число стран, установивших дипломатические отношения с КНР, составило 160» [64]. Отдельно подчеркивали в МИД КНР значение происходившего в двусторонних отношениях с РФ: «В мае 1995 г. по приглашению Президента Б.Ельцина Председатель КНР Цзян Цзэминь принял участие в мероприятиях по поводу празднования 50-летней годовщины победы в Мировой антифашистской войне, проходивших в Москве, и выступил с важной речью. Китай и Россия установили отношения стратегического партнерства» [65].

Президент РФ Б.Н.Ельцин предложил Пекину установить отношения стратегического партнерства еще в начале 1994 г. В 1995 г. в КНР пришли к выводу о том, что вести игру на мировой арене только с Западом — недостаточно; Россия представляла государством, с которым тоже приходилось считаться. Внешнеполитические расчеты Пекина требовали демонстрации перед всем миром стратегических и партнерских отношений с нашей страной.

В этом смысле политика Москвы, политика Президента РФ Б.Н.Ельцина полностью отвечала нашим национальным интересам. Что же касается визита Цзян Цзэминя в Москву в мае 1995 г., то, помимо положительных его сторон, в бочке меда оказалась и ложка дегтя. С точки зрения Москвы, с точки зрения народа России, отмечавшего пятидесятилетие Победы, речь шла о победе в Отечественной войне, в войне за выживание нашего народа и нашей страны. Причем в войне, которая была действительно мировой, всемирной, именно наш народ сыграл решающую роль в военном разгроме «держав оси». Он сломал их военную машину, он же заплатил самую высокую и дорогую цену за эту победу — жизнями десятков миллионов своих сыновей и дочерей. Для людей России все это было не только болью, но и фактом национальной гордости.

В выступлении руководителя КНР в Москве во время торжеств по случаю пятидесятилетия Победы действительно прозвучало заявление о том, что Китай понес наибольшие жертвы во Второй мировой войне. Это было утверждение, оказавшееся неожиданным и разочаровывающим для нашего народа.

В таком вопросе, как гибель миллионов людей, требуется чрезвычайная осторожность. Сопоставление числа жертв, понесенных в войне той или иной нацией, — дело неимоверно деликатное. Во всяком случае, в национальном самосознании нашего народа до сих пор бесспорно то, что именно нам, по разным причинам, пришлось заплатить самую дорогую цену в мире, отдать больше всего человеческих жизней за победу над фашизмом. Наш народ принимает как проявление справедливости уважение другими нациями этого факта. Когда такой факт ставится под сомнение, то в нашей стране это воспринимается как проявление неуважения к чувствам людей России. Все народы, воевавшие против держав оси, внесли свой бесценный вклад в победу, но все-таки мы никогда не согласимся с тем, чтобы наш вклад принижался, наша роль искажалась; особенно если это делается в столице нашей страны и в день пятидесятой годовщины Победы в Великой Отечественной войне нашего народа. (Кстати, необходимо упомянуть о том, что для россиян был особенно ошутим резкий контраст между высказываниями Цзян Цзэминя, которые наносили ущерб чувству нашей национальной гордости, и речью главы правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии г-на Джона Мейджора, который подчеркнул, что во время Великой Отечественной войны в одном только Ленинграде людей, граждан нашей страны, погибло больше, чем англичан за всю Вторую мировую войну.)

Далее, в МИД КНР именовали ту войну антифашистской. Конечно, Пекин имеет возможность и право называть ее так, как он считает нужным, однако лучше было бы, особенно выступая в столице нашей страны по случаю пятидесятилетия Победы во Второй мировой войне, уважать наши национальные чувства и не навязывать нам новую характеристику той войны, как бы не признавая ее войной отечественной и фактически подменяя национальную характеристику (Отечественная война или война в защиту Родины) идеологической («война, в ходе которой был дан отпор фашизму»). Можно, кстати, отметить, что часть Второй мировой войны, войну в Китае КПК именуется войной сопротивления Японии, т.е. подчеркивает национальный элемент.

Одним словом, интерпретация в Пекине характера Отечественной войны нашего народа, а также подчеркивание тезиса о том, что именно Китай понес наибольшие потери во Второй мировой войне, — все это задевало чувства нашего народа. Мы упоминаем об этом еще и потому, что в континентальном Китае очень внимательно следят за тем, каким образом высказываются, например, в Японии относительно Войны сопротивления Японии.

По мнению МИД КНР в 1995 г. начался период активной и успешной внешнеполитической деятельности КНР:

«1995 г. ознаменовался важными сдвигами в отношениях Китая с западноевропейскими странами... Европейский Совет выдвинул доклад «О долговременной политике в отношении Европы с КНР», в котором содержится рекомендация по развитию с Китаем долговременных отношений сотрудничества в областях политики, экономики, торговли и других сферах. Что касается китайско-американских отношений, то в них произошли серьезные осложнения. В июне администрация США, несмотря на серьезное предупреждение китайской стороны, дала разрешение на посещение США главе тайваньской администрации Ли Дэнхюю, тем самым подорвав основы китайско-американских отношений. Китайское правительство в ответ на эту акцию американских властей отозвало своего посла, аккредитованного в Вашингтоне, объявило о прекращении политического диалога с США и визитов на высшем уровне. Американская сторона была вынуждена дать соответствующие обещания. Только после этого стала возможной встреча Председателя Цзян Цзэминя с Президентом У.Клинтон в Нью-Йорке 24 октября 1995 г. В ноябре принимавший участие в неофициальной встрече глав Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Осаке Председатель КНР Цзян Цзэминь имел встречу с вице-президентом США А.Гором. Постепенно наступало улучшение в китайско-американских отношениях. В некоторых аспектах были возобновлены контакты и диалог» [66].

В 1996 г. политика Пекина была весьма активной, причем на всех ее главных направлениях:

«В 1996 г. Китай продолжал проводить независимую, самостоятельную мирную внешнюю политику, прилагая усилия к созданию мирной, стабильной международной обстановки...

Китайские руководители... посетили с официальными визитами в общей сложности 36 стран. <...>

Китай успешно вел борьбу во имя защиты государственного суверенитета, целостности территории и национальной чести, в частности борьбу с разного рода вмешательством в свои внутренние дела и попытками протолкнуть идею «двух Китаев», «одного Китая и одного Тайваня» [67].

В Пекине следующим образом характеризовали развитие отношений с нашей страной в 1996 г.:

«Значительный прогресс был достигнут в отношениях с Россией. В апреле президент Б.Ельцин посетил с официальным визитом Китай, то был его второй визит в Пекин. Между ним и Председателем Цзян Цзэминем было подписано третье Совместное китайско-российское заявление; в нем указано, что КНР и РФ устанавливают «отношения

равноправного, доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Создание таких отношений нового типа исторический — выбор руководителей Китая и России, отвечающий коренным интересам народов обеих стран. Подписание руководителями Китая, России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана пятистороннего Соглашения о мерах по укреплению доверия в военной области в районе границы имело широкий позитивный резонанс в мире. Китай и Россия решили усилить консультации и сотрудничество по международным делам; достигнув принципиальной договоренности касательно создания механизма регулярных встреч на высшем уровне, налаживания «горячей» телефонной связи и создания двустороннего Комитета по вопросам дружбы, мира и развития. Благодаря поддержке правительственных ведомств объем пограничной торговли двух стран возрос в 1996 году почти на 50 процентов» [68].

Каждая из сторон имела основания считать удовлетворительным развитие двусторонних отношений. Для Москвы самым важным в них было согласие Пекина на партнерские отношения стратегического характера. Для Пекина важно было продвигаться по пути создания вдоль границы того, что именовалось полосой доверия. Обе столицы были заинтересованы в демонстрации Вашингтону, другим странам прекрасного состояния двусторонних отношений.

В Пекине с удовлетворением подчеркивали продвижение в сфере двусторонних отношений с Вашингтоном в 1996 г.:

«Китайско-американские отношения, пережив период временных осложнений, стали постепенно налаживаться. В мае президент США У.Клинтон и госсекретарь У.Кристофер, выступая по вопросам политики, подтвердили, что китайско-американские отношения представляют собой одни из важнейших двусторонних отношений; американская сторона высказалась за установление с Китаем «конструктивных контактов». В правящих и оппозиционных кругах США постепенно выявляется тенденция, ратующая за серьезный подход к отношениям с КНР. Президент У.Клинтон объявил решение о безоговорочном продлении на 1996—1997 год статуса КНР как страны наибольшего благоприятствования, это решение было принято в Конгрессе США. Китай и США достигли договоренности и по вопросу об охране интеллектуальной собственности. Участились взаимные контакты между ними на уровне министров. Постепенно оживилось торгово-экономическое сотрудничество. 24 ноября Председатель Цзян Цзэминь и Президент У.Клинтон, участвовавшие в неофициальной встрече глав (государств-участников организации. — Ю.Г.) Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, встретились в Маниле; между ними в дружеской, позитивной и конструктивной атмосфере состоялись переговоры, в ходе которых были затронуты вопросы двусторонних отношений, по некоторым вопросам была достигнута договоренность. В том числе стороны согласились в ближайшие 1—2 года обменяться официальными визитами. Словом, эта встреча оказалась очень важной для дальнейшего развития китайско-американских отношений.

В настоящее время в китайско-американских отношениях наметились отличные шансы для улучшения и дальнейшего развития. Политическую платформу этих отношений составляют три совместных коммюнике, подписанных в свое время обеими сторонами. Ключевым вопросом этих документов является проблема Тайваня. Если обе стороны будут действовать в духе «усиления доверия, уменьшения трений, развития сотрудничества и отказа от конфронтации», со всей ответственностью следовать принципам, изложенным в трех китайско-американских совместных коммюнике, надлежащим образом разрешать существующие между сторонами вопросы, прежде всего вопрос Тайваня, то отношения между ними получат здоровое и стабильное развитие» [69].

Отношения с Японией тоже оставались всегда предметом озабоченности в Пекине:

«В 1996 г. китайско-японские отношения подверглись серьезному испытанию по причине многочисленных выступлений японских деятелей, с ошибочной позиции комментировавших исторические события, в том числе военную агрессию японской

военщины в Китае, кроме того, активизировали свою деятельность правые группировки Японии, предприняв серию актов, направленных на захват острова Дяоюй.

В результате усилий, приложенных обеими сторонами, японские официальные лица выразили, что они вполне сознают всю серьезность ущерба, причиненного китайско-японским отношениям вышеуказанными действиями, и выразили намерение, придерживаясь принципов, зафиксированных в «Китайско-Японском совместном заявлении» и «Китайско-Японском договоре о мире и дружбе», приложить усилия к преодолению трудностей, возникших в отношениях двух стран, и продолжать поддерживать и развивать двусторонние отношения. Во время встречи с Председателем КНР Цзян Цзэмином в Маниле 24 ноября 1996 г. японский премьер Рютаро Хасимото сказал, что в прошлом колониальное господство и военная агрессия Японии принесли Китаю и другим азиатским странам большие бедствия, и выразил за это глубокое извинение.

По вопросу об острове Дяоюй японское правительство пообещало провести дальнейшее изучение вопроса и принять меры во избежание повторения инцидентов, грозящих осложнениями для двусторонних отношений. Цзян Цзэминь с одобрением отнесся к словам Рютаро Хасимото и выразил пожелание, чтобы у японской стороны дела не расходились со словами и чтобы Япония продолжала усилия в нужном направлении.

Хорошая тенденция развития сохранялась в отношениях Китая с западноевропейскими, североамериканскими и другими промышленно развитыми странами» [70].

Совершенно очевидно, что в Пекине ревниво относятся ко всему тому в действиях и в выступлениях партнеров на мировой арене, что может восприниматься как нечто, задевающее национальные чувства жителей континентального Китая.

В целом в Пекине делали вывод о том, что «указанные выше успехи во внешнеполитической деятельности дались Китаю нелегко. В прошедшие несколько лет Китай неоднократно подвергался серьезным испытаниям, из которых он вышел с честью благодаря тому, что непреклонно следовал правильному внешнеполитическому курсу. <...> В наступившем десятом десятилетии XX века Китайская Народная Республика добилась значительных успехов во внешнеполитической деятельности. Надо сказать, что эти успехи дались ценой больших усилий в обстановке сложной борьбы на мировой арене. <...> Китайская внешняя политика выдержала «испытание на прочность» [71].

Перспективы рисовали в Пекине таким образом:

«Для Китая 1997 год обещает стать необычным годом. В этом году Китай восстановит свой суверенитет над Сянганом. В этом году состоится XV Всекитайский съезд КПК. Динамичной останется и внешнеполитическая деятельность Китая. Намечается визит Председателя Цзян Цзэминя в Россию. Вице-президент США посетит Пекин. Будут установлены дипломатические отношения КНР с ЮАР... Китай обретает все больше друзей. Его внешняя политика добьется новых блистательных успехов» [72].

Представляется необходимым высказать, в частности, некоторые соображения в связи с трактовкой в КНР такого события, как переход Сянгана (Гонконга) под юрисдикцию КНР.

Безусловно, Сянган должен принадлежать людям китайской нации. Осуществление этого на практике вполне естественно вызывало радость у жителей континентального Китая. В то же время при интерпретации этого события пропаганда Пекина делала упор на ряд моментов, которые могут вызывать беспокойство у людей в нашей стране.

Например, в документально-видовом кинофильме, выпущенном на экран в Пекине в марте 1997 г. под названием «Китайский Сянган», говорилось о том, что каждая травинка и каждый камень в Сянгане — плод крови и пота китайского народа, что все успехи Сянгана, сам тот факт, что Сянган сегодня стал таким, какой он есть, если иметь в виду достижения в его развитии, — это результат усилий всего китайского народа.

Далее отмечалось, что Сянган попал под власть Великобритании в результате применения ею силы, а потому все дипломатические или международно-юридические

документы, договоры между Великой Цинской империей и Великобританией нельзя считать действительными; здесь все решается волей народа континентального Китая; воля этого народа выше такого рода документов. Возвращение Сянгана в состав КНР — это только первый шаг на этом пути. При просмотре фильма у жителей КНР складывалось впечатление, что возвращение Сянгана — это одновременно и победа континентального Китая и его реванш над Англией, что доставляло особое чувство радости и удовлетворения. Все это побуждало нас в России глубоко задумываться над вопросом о территориальных претензиях, которые предъявили нашей стране Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи.

Трактовка внешней политики КНР с разъяснением некоторых ее сторон дополнительно к тому, о чем уже говорилось ранее, содержалась и в официальном издании МИД КНР. В начале 1997 г. реально вышел в свет и поступил к читателям изданный в 1996 г. справочник «Внешняя политика Китая» (ежегодник за 1995 г.). Книга представляла собой общий обзор внешней политики КНР за 1995 г. Она являлась официальным справочно-пропагандистским изданием, рассчитанным и на свою страну и на границу, подготовленным к изданию Кабинетом (Управлением) политических исследований МИД КНР на основе материалов, представленных соответствующими подразделениями того же министерства [73].

При характеристике международной обстановки в целом, помимо общеизвестных положений, привлекал внимание, в частности, тезис о том, что в условиях, когда процесс образования многополярного мира ускорялся, на мировой арене начала вырисовываться ситуация, при которой выделялась одна сверхдержава, наряду с которой существовали множество «сильных держав». При этом отмечалось, что в странах Запада обострялись национальные, расовые, социальные противоречия. Говорилось о рецидивах «холодной войны» и о гегемонистских действиях. Авторы справочника подчеркивали, что в Поднебесной по-прежнему неспокойно, время от времени вспыхивают вооруженные конфликты и локальные войны, множатся национальные противоречия, столкновения на религиозной почве, территориальные споры.

Составители ежегодника выделяли пять центров силы в современном мире: США, Европа, Япония, Россия, Китай. Отношения между ними — это отношения конкуренции, борьбы. Особенно острой представлялась авторам борьба между США, с одной стороны, и каждой из четырех мировых сил, с другой стороны. Подчеркивалась также мысль о том, что стремление США «руководить всем миром» натолкнулось на повсеместное сопротивление.

В ежегоднике указывалось на то, что множилось число явных столкновений между США и РФ по тем вопросам, которые затрагивали стратегические интересы обеих сторон: расширение НАТО на восток, война в Боснии и Герцоговине, сотрудничество РФ и Ирана в ядерной сфере, война в Чечне.

Отмечалось, что росли и множились противоречия между США и Японией, США и Европой. Европа и Япония находили взаимопонимание, требуя от США отношений равноправных партнеров.

Подчеркивалось, что связям США и КНР «был нанесен ущерб серьезного характера» в связи с тем, что Вашингтон позволил Ли Дэнхою совершить вояж в США. Было вполне очевидно, что речь тут не шла о столкновении стратегических интересов Пекина и Вашингтона.

Авторы сборника приходили к выводу о том, что в общем и целом отношения между США и другими центрами силы в мире явно складывались не в пользу Америки, у которой не было надежд на осуществление американской мечты единолично распорядиться в мире. США приходилось признавать, что будущий мир — это мир «существования множества центров силы».

Что касается России, то в ежегоднике она была отнесена к числу стран Восточной Европы и Центральной Азии. Но не к странам Азии.

Авторы ежегодника также указывали на следующее обстоятельство: в 1995 г. в регионе, к которому они относили РФ, произошли важные изменения в политической ситуации, а именно: прежние компартии, преобразовавшиеся в силы центра и левые силы, путем парламентских выборов заняли в большинстве восточноевропейских стран ведущее положение на политической сцене; это само по себе не могло изменить уже оформившуюся, сформировавшуюся многопартийную систему, парламентскую демократию, рыночную экономику, однако это могло ускорить процессы ведения дел в соответствии с условиями каждой данной страны, благоприятствовало смягчению ситуации и стабильности в регионе.

В книге отмечалось, что отношения РФ и КНР в 1995 г. были хорошими и стабильными. Авторы сборника подчеркивали нарастание противоречий между РФ и США. Характеризуя главное направление политики США в отношении России, они утверждали, что тут основным был лозунг: «Помогать России, сохранять Ельцина». Что США выступали против утраты контроля внутри нашей страны над ее ядерным потенциалом, что Вашингтон — за относительную стабильность в России и за продолжение изменений в нашей стране. Однако США против того, чтобы Россия «шла вверх». В политике США в отношении России имело место сочетание нажима и соглашений.

В ежегоднике отмечалось следующее: в конце 1995 г. в результате выборов в Государственную Думу РФ выросло влияние КПрФ, Ельцин оказался в больнице в связи с болезнью сердца, обстановка в стране осложнилась. И в этот момент США продемонстрировали поддержку Ельцина в качестве кандидата на пост президента страны, но одновременно Вашингтон расширял контакты с КПрФ и с другими политическими силами в России.

В целом содержание соответствующих разделов ежегодника МИД КНР показывало, что там, где дело касалось нашей страны, авторы выпячивали противоречия между Россией и Америкой, а также подчеркивали свои симпатии к усилению влияния КПрФ в нашей стране.

Дипломаты

Положение работников нашего внешнеполитического ведомства, которые в начале 1990-х гг. в одночасье, неожиданно для себя, превратились из членов КПСС в беспартийных и из советских дипломатов в дипломатов российских в ситуации, сложившейся на пороге XXI века и на мировой арене, и в наших двусторонних отношениях с КНР, было сложным.

Наша страна вдруг предстала на мировой арене в качестве, прежде всего, государства, а не идеологического монстра, в качестве нации со своими национальными интересами (конечно, приправленными идеологическим наследством). Идеологические противоречия, как бы оставшись в прошлом, виделись теперь как нечто второстепенное, когда речь шла об интересах и взаимоотношениях наций на мировой арене. Национальные интересы России требовали защищать ее, создавать и крепить добрые отношения со всеми соседними странами и другими государствами, в том числе и в первую очередь с КНР.

В то же время Россия получила трудное наследие советско-кит-айских отношений, всей их истории. Здесь было много неразвязанных узлов, подвешенных и ожидающих решения проблем. Российские дипломаты испытывали трудности и в связи с тем, что в качестве их партнеров в Пекине действовали специалисты очень жесткие и весьма искусные, применявшие изощренные методы; достичь с ними соглашений всегда было делом весьма непростым. На российской дипломатии сказывалась и нестабильность, неустойчивость политической обстановки в нашей стране, а также тактические или стратегические (что подчас было трудно различить) изменения во внешнеполитической линии президента Б.Н.Ельцина.

Следует подчеркнуть, что политика России в отношении КНР оставалась главным образом личной политикой первого лица государства, главы государства, т.е. в то время — президента Б.Н.Ельцина. В

1990-х гг. у РФ были три последовательно сменившихся министра иностранных дел. Сначала, в первое президентство Б.Н.Ельцина, Андрей Владимирович Козырев. А затем, во время второго срока пребывания Б.Н.Ельцина на посту президента страны, Евгений Максимович Примаков и Игорь Сергеевич Иванов.

Первая смена министра иностранных дел была связана с рядом обстоятельств, и в первую очередь с оценкой президентом Б.Н.Ельциным политической ситуации в стране и на мировой арене. Ни А.В.Козырев, ни Е.М.Примаков не были специалистами по Китаю. Это, конечно, вовсе не обязательно для министра иностранных дел; однако отметить это обстоятельство необходимо. В своей деятельности на посту министра иностранных дел каждый из них руководствовался своими убеждениями, своим жизненным и политическим опытом, политической линией президента Б.Н.Ельцина и, в некоторой степени, расстановкой политических сил в РФ.

В политике в отношении континентального Китая А.В.Козырев и Е.М.Примаков исходили, прежде всего, из национальных интересов нашей страны. Оба полагали, что нашей стране необходимы добрососедские отношения с КНР, видели, что в этом заинтересованы, исходя из своих национальных интересов, обе стороны. Оба стремились обеспечить мирные, добрососедские отношения с Пекином не только в настоящем, но и в будущем. Поэтому оба вели речь о партнерстве с КНР. Развитие двусторонних отношений наших двух государств, особенно принимая во внимание, что у нас возникло новое государство, а также имея в виду историю отношений наших государств и наций, требовало длительного времени.

А.В.Козырев делал первые шаги на этом пути, поведя речь о партнерстве, а затем о конструктивном партнерстве РФ и КНР. Он считал необходимым и принципиальным сохранять сложившуюся ситуацию, при которой обе стороны оставались во внутривнутриполитическом и идеологическом плане совершенно независимы одна от другой. Именно это послужило при министре Козыреве основой отделения межгосударственных отношений от вопросов идеологии.

Е.М.Примаков действовал в другое время, когда Президент РФ Б.Н.Ельцин стал руководствоваться мыслью о том, что США пытаются навязать свои правила России. Отсюда вытекали и намерения президента всемерно сблизиться с Пекином. Вероятно, Б.Н.Ельцин принимал при этом во внимание и то обстоятельство, что такой поворот в его курсе заставит оппозицию в Государственной Думе выступать с ним практически единым фронтом в области внешней политики.

Президент РФ и его министр иностранных дел считали свою линию единственно возможной, ибо они исходили из необходимости обеспечить мир на наших границах с КНР в ситуации, когда в российско-американских отношениях, как полагал в мае 1997 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин, сложилась столь же опасная ситуация, как и во время Кубинского кризиса, и перед Москвой стоял выбор: или «голый зад подставлять» при «расширении НАТО на восток», или «как-то обеспечить себе на Востоке хорошее прикрытие». Е.М.Примаков несколько ранее, говоря об отношениях в треугольнике НАТО-РФ-КНР, задавал риторический вопрос: «Что же, нам с НАТО в союз против Китая вступать, что ли?»

Обратимся теперь к некоторым высказываниям российских дипломатов во второй половине первого срока пребывания Б.Н.Ельцина на посту Президента РФ и во времена его второго президентства.

27 января 1994 г. министр иностранных дел России А.В.Козырев во время своего очередного визита в КНР выступил в Китайской ассоциации народной дипломатии.

Прежде всего, А.В. Козырев заявил, что, «развернув поиск путей реализации национальных интересов России не через конфронтацию и идеологизированную дружбу, а

через нормальное сотрудничество с внешним миром, мы буквально заново открыли для себя партнеров в лице многих государств, в том числе и в Азии. Это в полной мере относится и к Китаю — нашему великому восточному соседу. Есть все основания полагать, что сегодня Россия и Китай прочно вступили на путь добрососедства и сотрудничества». И далее: «Мы исходим из того, что добрососедство с Китаем носит не конъюнктурный, а неизменный, стратегический и долговременный характер во внешней политике России».

Отрицательными сторонами, если не основами внешней политики СССР, с точки зрения А.В.Козырева, были, очевидно прежде всего, идеологизированная дружба и конфронтация.

Применительно к континентальному Китаю такой изначальный подход нес в себе и плюсы и минусы. Плюс был в демонстрации желания отказаться от идеологии, которая диктовала и идеологизированную дружбу и конфронтацию, и устанавливать нормальное сотрудничество, в частности, в области двусторонних межгосударственных российско-китайских отношений.

Минусом такого подхода к развитию отношений было то, что выдвигавшийся тезис не был основан на достаточном знании и анализе исторической основы, самой истории и существа отношений нашей страны с континентальным Китаем. Объявление дружбы идеологизированной представлялось весьма облегченным подходом, так как в истории национальные интересы обеих стран в определенные периоды на протяжении, по крайней мере, всего последнего столетия, и особенно при отражении внешней агрессии, — накрепко соединяли наши государства даже в военные союзы. Дружба носила двойственный характер. Она, с одной стороны, отвечала национальным интересам, а с другой — действительно строилась на основе общности идеологии двух правивших в наших тогдашних государствах политических партий. Т.е. на основе тезисов о классовой солидарности и пролетарском интернационализме. К сожалению, и то и другое было в значительной степени внешним проявлением борьбы за верховенство, за власть обеих сторон между собой, навязыванием партнеру своего главенства. Что же касается народов, то они зачастую оставались оторванными от подлинных взаимоотношений лидеров и их политических партий.

Не простым представлялся и вопрос о конфронтации. Она в случае с континентальным Китаем не сводилась только к действиям, проистекавшим из идейной платформы, но была связана глубокими корнями с историей взаимоотношений обеих наций и с устойчивыми, хотя и весьма различными у обеих наций, представлениями об истории двусторонних отношений, а конкретнее — с характером договоров о границе и с вопросом о принадлежности территорий. Нациям еще предстояло на протяжении, вероятно, длительного времени осознать ошибочность самой постановки вопроса о несправедливости решения в истории вопроса о границе и территориях.

Таким образом, двусторонние российско-китайские отношения предстояло развивать на существующей исторической основе, сохраняя то доброе и полезное для национальных интересов, что в ней, безусловно, было, и в то же время, стараясь не допускать разрушения существующих отношений из-за ненужного обострения разногласий, которые действительно имели место между сторонами, притом — по весьма существенным вопросам. Одним словом, приступая к развитию отношений между РФ и КНР, недостаточно было лишь осуждать идеологию во внешней политике СССР и ограничиваться обращением только к истории последних десятилетий XX века перед возникновением Российской Федерации как нового самостоятельного государства.

Далее министр изложил свое понимание основ российской внешней политики в азиатско-тихоокеанском регионе.

Во-первых, по словам А.В.Козырева, «значение региона для будущего России возрастает прежде всего потому, что возрастает экономическая роль азиатской части самой нашей страны... Возрастает и значение наших связей с азиатскими соседями. На их долю

приходится треть нашего внешнеторгового оборота, а Китай в этом числе является ведущим партнером России».

Во-вторых, министр сказал, что, по его мнению, «система межгосударственных отношений в регионе, как и в мире в целом, формируется не как однополярная, не биполярная, а многополюсная. Всякие отголоски сверхдержавности, в том числе любые претензии на роль одной-единственной сверхдержавы и идеология различного рода противостоящих друг другу альянсов уходят в прошлое. Будущее региона — не в силовой конкуренции, а в сотрудничестве и взаимодействии ведущих держав.

Россия стремится налаживать и поддерживать стабильные, сбалансированные отношения со всеми государствами АТР. Этот принцип заложен в наши договоренности с Китаем, Индией, США, Республикой Корея и с КНДР. На этих же принципах мы строим отношения с Японией и государствами АСЕАН. При этом мы считаем, что в АТР у нас нет неразрешимых противоречий ни с одним государством. Мы стремимся, чтобы созданное совместно с нашими партнерами Содружество Независимых Государств выступало фактором стабильности на евразийском пространстве». Представляется важным подчеркнуть, что для А.В.Козырева многополюсность исключает и претензии кого-либо на роль единственной державы, диктующей свои правила всем остальным государствам, и создание противостоящих один другому альянсов или союзов.

В-третьих, по мнению А.В.Козырева, «опасность возникновения в регионе крупных военных конфликтов сейчас наименьшая со времен Второй мировой войны. Значение военного фактора заметно сократилось.

В то же время сохраняется немалый потенциал напряженности, унаследованный от «холодной войны», а также порождаемый новыми проблемами. Здесь и вопрос доступа к ресурсам Тихого океана, в том числе морского дна, ряд пограничных споров. Подъем религиозного и националистического экстремизма с драматической остротой проявился в Афганистане, грозит Таджикистану. Если в Азии мы сообща не займемся решением этих проблем, то рискуем получить весьма «гремучую смесь» в районе, в котором расположены и Россия, и Китай.

Вопрос вопросов в этих условиях — угроза распространения ядерного оружия и ракетных технологий. Убежден, что не в интересах безопасности всего региона, в том числе России, Китая, Индии и других государств, допустить такой поворот событий».

В-четвертых, А.В.Козырев сказал, что в связи с ростом промышленной продукции, которую вырабатывает АТР, «XXI век, несомненно, будет «веком Тихого океана». А.В.Козырев поддержал участие КНР во встрече государств-членов АТЭС в Сиэттле и отметил, что «в свою очередь Россия рассчитывает, что соседний Китай окажет ей содействие во вступлении и интеграции в ключевые экономические объединения нашего региона».

В-пятых, министр иностранных дел России подчеркнул, что «в Азии, как и в других регионах мира, экономический прогресс содействует прогрессу в обеспечении основных прав и свобод человека. «Уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желаем, чтобы с нами поступали». Этот закон нравственности, сформулированный Конфуцием, стал, по сути, прообразом универсальных современных прав человека. К их повсеместному соблюдению призвала Всемирная конференция по правам человека в октябре 1993 года. Россия всецело поддерживает этот призыв, обращенный к государствам Запада и Востока, Севера и Юга».

Далее А.В.Козырев говорил о поэтапном формировании системы совместной безопасности, своего рода «сообщества безопасности». Министр подчеркнул, что «мы не помышляем об экспансионизме, не вынашиваем каких-то «неоимпериалистических» планов. Мы действительно заинтересованы в безопасности и стабильности и на Ближнем Востоке, и в Юго-Восточной Азии, и на Востоке, и на Западе».

«Отличие нашего нынешнего подхода от бывшего в том, что мы делаем больший акцент на постепенность, многовариантность, т.е. не пытаемся выдать готовую схему, а

стремимся привлечь государства региона к совместному обсуждению проблем безопасности и стабильности в регионе.

В наших нынешних предложениях отсутствует то «двойное дно», которое было свойственно политике СССР. Политика советских времен носила отпечаток классовой идеологии и мессианских претензий, которые мы ныне не разделяем. СССР сочетал мирные инициативы с наращиванием мощи и с участием в конфликтах. Россия же сокращает свою военную мощь до минимума, необходимого лишь для защиты своих национальных интересов.

Мы хотим сохранить преемственность во всем том позитивном, что имелось в политике СССР, и освободиться от всего чуждого нам».

Затем он сказал: «В целом наши страны создали все необходимые предпосылки для того, чтобы мы могли перейти к новому этапу взаимоотношений между Россией и КНР — к этапу конструктивного партнерства. Какой смысл мы вкладываем в понятие партнерства? Прежде всего, мы предлагаем сделать новые шаги на пути углубления взаимного доверия, укрепления взаимной безопасности. Руководствуясь линией на добрососедство с КНР, Россия остается приверженной принципам Декларации об основах взаимоотношений, подписанной в прошлом году на высшем уровне. Это включает весь комплекс обязательств, включая принцип неприменения ядерного оружия первыми, неприменения ни в какой форме вооруженной силы в отношении друг друга. Это полностью соответствует оборонительному духу российской военной доктрины. Мы заинтересованы в быстром продвижении на первых в Азии российско-китайских переговорах по военной разрядке и мерах доверия в районе границы».

Министр также сказал, что «мы за качественное наращивание торгово-экономического сотрудничества. Россия готова к участию в крупных проектах экономического развития Китая, таких, как строительство ГЭС «Три ущелья». Большой интерес в нашей стране вызывают проекты российского участия в модернизации китайских промышленных предприятий, построенных в прошлом с помощью СССР».

По мнению А.В.Козырева, «самостоятельным направлением развития деловых связей должно стать приграничное и региональное сотрудничество. Это один из наиболее эффективных и быстрых путей развития экономического взаимодействия, если, конечно, оно идет при координирующей роли правительств с обеих сторон».

Закончил свое выступление министр иностранных дел РФ следующим замечанием: «...Абсурдно думать, что Россия может противопоставлять западное «европейское» и восточное «азиатское» направления своей внешней политики... Китай занимает и будет занимать место в числе первейших приоритетов нынешней политики России, и мы рассчитываем, что он есть и будет для России надежным, добрым партнером».

А.В.Козырев, единственный раз коснувшись внутренних проблем России в своем выступлении, сказал: «Отход от политики реформ, поворот к командной экономике был бы губителен для России и ее экономических связей с внешним миром, в том числе и с Китаем».

Итак, первый по времени министр иностранных дел РФ А.В.Козырев предлагал Пекину добрососедство на века без конфронтации и идеологизированной дружбы в двусторонних отношениях. Он принимал идею многополярности, но без создания альянсов, направленных против кого бы то ни было. При этом А.В.Козырев утверждал, что опасность возникновения крупных военных конфликтов ныне наименьшая. Отсюда вытекала ориентация на вечный мир. Думается, что далеко не случайно министр не упомянул о сокращении военных сил на границе, но лишь о военной разрядке и о мерах взаимного доверия. А.В.Козырев громко и публично выступил за обеспечение основных прав и свобод человека. Он поддержал идею сообщества безопасности в регионе. Очевидно, отводя нападки на тогдашнюю внешнюю политику России, А.В.Козырев выступил против противопоставления западного «европейского» и восточного «азиатского» направлений в

политике. Вместе с тем А.В.Козырев предупредил, что изменения внутри России, в частности поворот к командной экономике, губительно сказались бы и на экономических связях нашей страны и континентального Китая.

Представляется, что позиция тогдашнего российского министра иностранных дел была близка к утверждению о том, что в своей внешней политике нашей стране, Российской Федерации, целесообразно исходить из того, что мир един и целостен, что в то же время он разнообразен, состоит из своеобразных неотъемлемых составных частей, из наций, каждая из которых прежде всего ценит свою независимость и самостоятельность, будучи заинтересована при этом в мире на планете в целом и в равноправных отношениях всех наций. Было вполне очевидно, что найти общий язык при таком подходе сторонам будет не просто, что здесь потребуется время для того, чтобы согласовать необходимые компромиссные решения, однако предложения А.В.Козырева давали все основания для того, чтобы построить добрососедские мирные равноправные связи двух независимых государств, сотрудничающих и в сфере двусторонних отношений и в регионе, и на мировой арене в целом.

В ноябре 1996 г. новый министр иностранных дел РФ Е.М.Примаков тоже совершил поездку в КНР. Газета «Известия» сообщила, что при осмотре нового района Шанхая Е.М.Примаков испытал потрясение от масштабов строительства.

Во время визита министр иностранных дел РФ встретился с Председателем КНР Цзян Цзэмином и с главой правительства КНР Ли Пэнном. По словам Е.М.Примакова, Цзян Цзэминь в наиболее концентрированном виде попытался сформулировать наши отношения. «И впервые выразил это русским словом «сердечные», — сказал министр. — На встрече с Ли Пэнном я передал ему примерные сроки, в которые могла бы состояться его поездка в Москву. Это конец декабря, 27—28-го».

По словам Примакова, обе стороны заинтересованы в том, чтобы отношения развивались динамично. Ли Пэн считал, что во время его пребывания нужно подписать и кое-какие конкретные документы. Этому визиту будет предшествовать поездка в Пекин от 10 до 14 декабря первого вице-премьера А.А.Большакова. Примаков видел добрый знак в том, что Ли Пэн «нарисовал международное положение в тех же красках, которыми пользуемся и мы. — Он сказал, что мир идет к многополярности и что только многополярность может придать ему стабильность — в том случае, если в отношениях между полюсами будут найдены соответствующие балансы и контрбалансы, без новых разделительных линий, без каких-либо коалиций, направленных друг против друга...»

В этой системе, которая создает базу для мировой стабильности, очень большое значение имеет развитие отношений между двумя такими полюсами, как Китай и Россия. Китайские лидеры исходят из того, что не только Китай будет в XXI веке экономическим гигантом (а он будет гигантом), но и Россия...».

Есть ли экономические предпосылки для таких оптимистических прогнозов? Этот вопрос особо интересовал корреспондента «Известий» в беседе с Е.М.Примаковым. По мнению корреспондента газеты, пока вместо долгосрочной стратегии экономического роста (в Китае) и уже достигнутых результатов (у нас) есть лишь упования на то, что хаос сменится стабилизацией, а стабилизация — развитием. Между тем пекинские многоэтажные универмаги, построенные по западному образцу, забиты не западным, а преимущественно китайским товаром, и новый район Шанхая Пудун — далеко не единственный, хотя и самый крупный. На подходе также финансовая цитадель Гонконга, возвращающегося в лоно Китая.

Объем торговли России с Китаем — мизерный. В российском экспорте главная, хотя и не раскрываемая в процентах, статья — военная техника. Китайская сторона запрашивает, например, новейшие марки самолетов «Су». Трудно избавиться от сильного ощущения, что остающиеся атрибуты своей бывшей сверхдержавы мы как бы «сливаем» в другую сверхдержаву, вырастающую на наших глазах.

Евгений Примаков, впрочем, не согласен с этим. По его мнению, если Китай заинтересован в военно-техническом сотрудничестве с нами, стало быть, с военными атрибутами сверхдержавы у нас все в порядке...

Что касается «неадекватности» российского Дальнего Востока китайским и японским соседям, то Примаков готов публично ратовать за стратегию его экономического развития. «Я готов ратовать за это даже вне зависимости от того, что Дальний Восток граничит с Китаем. Ведь в прошлом была обратная картина — Китай был несопоставим с нами по своему экономическому развитию. И тем не менее мы не представляли угрозу для Китая. И сейчас выводить эту угрозу из разницы экономических уровней я бы не стал. Но я готов публично высказаться: если мы не разовьем свой Дальний Восток и всю территорию за Уралом, мы никогда не сможем занять адекватное своей исторической роли место на международной арене. За Уралом у нас катастрофически мало населения. И дело не только в том, что рядом перенаселенные страны, хотя и в этом тоже. Там надо создавать мощный потенциал. США стали по-настоящему великими, только когда освоили свой запад, Тихоокеанское побережье...» [74].

Инакомыслящие, или государственные преступники

С 10 января 1997 г. вступил в силу договор между РФ и КНР о взаимной выдаче преступников. Это единственный договор такого рода, который КНР удалось заключить с какой-либо страной. По сведениям правозащитных организаций, в том числе «Эмнести интернэшнл», правоохранительные органы КНР добиваются выдачи у других государств «опасных преступников», чьи деяния не выходят за рамки инакомыслия [75].

Во второй половине 1990-х гг. КНР начали именовать «государственными преступниками» тех людей, которых ранее обвиняли в «контрреволюционной» деятельности. Из уголовного кодекса КНР было исключено понятие «контрреволюционная деятельность». Вместо него было введено понятие «антигосударственная деятельность» [76].

В марте 1997 г. на 5-й сессии ВСНП 8-го созыва были внесены поправки в «Уголовный кодекс КНР». В частности, прежняя формулировка: «контрреволюционное преступление» заменена в новом кодексе на формулировку: «посягательство на государственную безопасность». Власти КНР также уведомили о том, что «те действия, которые носят характер обычного преступления, но в старом кодексе были отнесены к категории «контрреволюции», в новом кодексе определены как обычные уголовные преступления» [77].

Из всего этого следовало, что на территории РФ ни один китайский демократ не может свободно высказать свои мысли, заявить о поддержке прав человека, демократических свобод, ибо если он решится на это, то власти КНР имеют основания потребовать от властей РФ выдать им такого человека, так как в Пекине его относят к «государственным преступникам» или к «уголовным преступникам». Так наши власти «избавились» от возможных сложностей в отношениях с руководством Коммунистической партии Китая, «освободили территорию» Российской Федерации от потенциальной возможности доведения китайскими демократами до граждан Российской Федерации своих демократических взглядов. Китайским демократам невозможно не только найти политическое убежище в РФ, но и публично высказывать на территории России взгляды, которые не совпадают с официальным мнением Коммунистической партии Китая, руководства Китайской Народной Республики. В результате китайские демократы, которые появились было на территории нашей страны после событий 1989 г. в Пекине, были вынуждены свернуть всю свою деятельность и перебраться в США, Японию, Европу. (Кстати, были случаи убийства этих людей, естественно, не найденными преступниками, вероятно, из другой части китайской общины на нашей территории.)

В июле 1997 г. Президент РФ Б.Н.Ельцин подписал «Положение о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища». До некоторых пор в России действовали нормы, существовавшие еще во времена советской власти, по которым право политического убежища предоставлялось главным образом по идеологическим соображениям.

Сейчас мы знаем, что такой привилегии будут удостаиваться иностранные граждане и лица без гражданства только с учетом «государственных интересов» России на основании общепризнанных норм международного права, в соответствии с Конституцией РФ и утвержденным положением. На политическое убежище могут рассчитывать те, кто ищет защиту от преследований или от реальной угрозы стать в своей стране жертвой расправы за общественно-политическую деятельность и убеждения. Эти убеждения и эта деятельность не должны противоречить демократическим принципам, которые исповедует мировое сообщество. Окончательное слово при рассмотрении ходатайства того или иного претендента на убежище в России остается за нашим президентом. Только он своим указом может разрешить иностранцу получить статус политэмигранта [78].

Из всего этого следует, что китайским политэмигрантам, людям демократических и особенно антикоммунистических убеждений, вряд ли придется рассчитывать на предоставление им политического убежища в нашем государстве.

Взгляды мининдел РФ И.С.Иванова

В октябре 1998 г. министр иностранных дел РФ И.С.Иванов высказал свои соображения, касаясь внешнеполитической стратегии России в обозримом будущем. При этом он, в частности, сказал: «Я думаю, радикальных перемен не предвидится. Стратегические цели, которые Россия преследует на пороге XXI века, не конъюнктурные, а долгосрочные. Я не говорю сейчас об отдельных государствах, отдельных проблемах. Естественно, здесь возможны какие-то колебания в силу тех или иных обстоятельств. Я говорю о стратегии.

По общему признанию, следующее столетие будет веком глобализации, в том числе и глобализации проблем. Соответственно и решения могут быть только коллективными, совместными. Нераспространение оружия массового уничтожения, разоружение, борьба с организованной преступностью, международным терроризмом, наркобизнесом, экология, сепаратизм — все эти проблемы после завершения «холодной войны» вышли на первый план. Готовых рецептов для их решения нет.

Поэтому первая наша задача — активно участвовать в создании такого демократического многополюсного миропорядка, который позволял бы искать эти решения и находить. Для этого необходимо, чтобы не было диктата одного государства или группы государств, чтобы учитывались мнения стран, независимо от их размеров и военной мощи, чтобы создавалась надежная правовая основа развития отношений между государствами и появлялись механизмы взаимодействия и коллективного отпора вызовам, которые бросает нам грядущий век».

Корреспондент «Известий» в связи с этим заметил, что концепция, изложенная И.С.Ивановым, в сознании значительного числа людей в России и на Западе воспринимается как завуалированный антиамериканизм. Не свидетельствует ли об этом и часто возникающие острые разногласия с теми же США и вообще с западными партнерами?

Отвечая на этот вопрос, И.С.Иванов сказал: «Такая оценка имеет место в отдельных случаях. Но если объективно посмотреть, то за последние несколько лет российско-американские отношения серьезно продвинулись вперед. И в области разоружения, и в сфере нераспространения, и в том, что касается торгово-экономических связей. Однако партнерские, а иногда и союзнические отношения не исключают противоречий — история

знает тому немало примеров. Главное, чтобы разногласия разрешались в рамках политического диалога, взаимоуважения и международного права.

У нас с США часто общие стратегические цели при наличии тактических разногласий. Например, в косовском вопросе мы едины: должны быть созданы нормальные правовые условия для мирного сосуществования различных этнических групп. Россия считает, что добиваться этого следует прежде всего политическими средствами, в то время как наши западные партнеры, например США, склоняются к силовым методам. Но использование силы без санкции Совета Безопасности ООН создаст определенный прецедент, а как вы знаете, в дипломатии прецедент имеет очень большое значение. Создавая прецедент, мы закладываем основы будущего мироустройства. А нам оно, как я уже сказал, небезразлично.

Перед российской дипломатией стоят две практические задачи. Первая — создание благоприятных внешних условий для решения внутренних проблем. Я объясняю своим западным партнерам, что России невыгодно каким-то образом обострять конфликты или играть на конфликтах для достижения своих локальных интересов, нам нужна концентрация усилий для решения внутренних проблем. Нужно создать такую благоприятную внешнюю атмосферу, чтобы в мире Россию не воспринимали как непредсказуемую ядерную державу, которая в силу каких-то неурядиц может представлять угрозу международной безопасности.

Вторая задача — не допустить ущемления позиций России на международной арене, сделать так, чтобы Россию не оттеснили от участия в решении тех проблем, которые затрагивают ее стратегические интересы. Нельзя закрывать глаза на то, что желающие использовать наши временные трудности имеются».

Далее корреспондент «Известий» поставил перед министром следующий вопрос. Существует некий общепринятый взгляд, будто внешняя политика начала 90-х гг. была периодом романтизма, безответственности, небрежения национальными интересами. Ваш предшественник на посту министра Евгений Примаков, похоже, разделял эту точку зрения. Как вы полагаете, сохранилась ли преемственность постсоветской российской дипломатии и существовал ли тот самый «романтический» период?

И.С.Иванов ответил так: «Я думаю, что существовал не столько период романтизма, сколько период становления и поиска. Многие события происходили не потому, что мы к ним шли осознанно, а стихийно и независимо от нас. Потребовалось время, чтобы точно определить место России в международных отношениях, ее приоритеты, интересы, задачи. В последние два-три года этот процесс приобрел совершенно конкретные очертания. Мы добились, чтобы внешняя политика опиралась если не на всеобщую поддержку, то на поддержку максимально широкого спектра политических сил и общественного мнения».

Министру был также задан такой вопрос: создается впечатление, что в последние годы проблематика политических свобод, прав человека меньше беспокоит российскую дипломатию. Особенно это касается тех стран, которые мы считаем дружественными, — Белоруссии или той же Югославии, где под предлогом обострения международной обстановки идет подавление политической оппозиции.

И.С.Иванов дал следующий ответ: «Это не совсем правильно. У нас в МИД есть специальное управление, которое этим занимается. Здесь не должно быть двойных стандартов, спекулятивных или демагогических заявлений.

Мы начали с самих себя. Последние два года усилия нашей дипломатии были сконцентрированы на том, чтобы добиться одобрения в Государственной Думе очень важных документов: Европейской конвенции о правах человека, конвенции против пыток, конвенции о правах национальных меньшинств.

Теперь Россия, имея полное моральное право, начинает добиваться этого и за рубежом. ...Имея моральное право, мы стали пользоваться международными инструментами для защиты прав человека» [79].

Итак, И.С.Иванов употребил термин «демократический многополюсный миропорядок». Оставалось подождать и посмотреть, войдет ли такой термин в совместные документы, принимаемые обеими сторонами при встречах представителей РФ и КНР.

В конце 1999 г. И.С.Иванов говорил: «Если США фактически выйдут из Договора о противоракетной обороне, реанимируют программу «звездных войн», то на каком-то этапе Штаты почувствуют себя неуязвимыми — тогда они могут попытаться диктовать России, Китаю свои условия. Каким должен быть ответ России и Китая? Очень просто: либо развертывать собственную систему противоракетной обороны, что крайне тяжело и дорого, либо создать такие средства, которые обесценят американский «зонтик». Это гораздо дешевле».

Далее, отвечая на вопрос о том, насколько реально, что китайцы и американцы однажды вступят в вооруженное противоборство, И.С.Иванов сказал: «В принципе нельзя исключать и такого сценария. Дипломаты всегда руководствуются многовариантностью, а подсознательно надо готовиться и к такому, наихудшему развитию событий» [80].

В апреле 2000 г. И.С.Иванов заявлял, касаясь Концепции внешней политики РФ: «Новизна Концепции 2000-го года (по сравнению с Концепцией 1993 г.) — прежде всего в ее реализме. Наши внешнеполитические приоритеты теснее, чем прежде, увязываются с долгосрочными задачами внутреннего развития и соизмеряются с реальными возможностями и ресурсами страны.

Высшим приоритетом внешней политики России является защита личности, общества, государства Российского. А отсюда — необходимость всеми средствами обеспечить надежную безопасность страны, создавать благоприятные внешние условия для ее поступательного развития, воздействовать на общемировые процессы в направлении формирования стабильного, справедливого и демократического мироустройства.

В концепции больше внимания, чем прежде, уделяется защите прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, защите интересов отечественного предпринимательства в иностранных государствах» [81].

Таким образом, к концу деятельности Б.Н.Ельцина в качестве Президента России в МИД предприняли попытки предложить более взвешенный и рациональный подход к внешнеполитической стратегии.

Граница

Вплоть до конца XX века вопрос о границе продолжал существовать в наших двусторонних отношениях с Китаем. По словам директора Федеральной погранслужбы РФ генерала К.Тоцкого, «из всех наших соседей каких-либо территориальных претензий официальных или неофициальных — не предъявляет, кажется, только Белоруссия» [82]. По словам начальника Главного штаба Федеральной пограничной службы России генерал-лейтенанта Николая Резниченко, границы России «все в большей степени становятся объектом геополитических устремлений ряда сопредельных стран, а также международных преступных группировок». Практически везде, указал Н.Резниченко, это связано с контрабандой наркотиков, оружия, средств диверсий и террора, расхищением природных, особенно морских, биоресурсов и с незаконной миграцией [83].

Нам уже приходилось неоднократно упоминать о том, что в 1991 г. и в 1994 г. были подписаны два соглашения о прохождении линии российско-китайской границы на ее восточной и западной части. Наименования соглашений не вполне соответствовали их содержанию. В наименованиях речь шла о «российско-китайской (советско-китайской) государственной границе», а в содержании соглашений об «уточнении и определении

прохождения линии российско-китайской государственной границы» на той или иной ее части.

По сути дела, на основе этих соглашений решался вопрос только о прохождении линии государственной границы. Формулировка названия соглашений могла создавать впечатление, что в них шла речь о решении вопроса о границе, который шире вопроса о прохождении линии границы. Вопрос о прохождении линии государственной границы, являясь неотъемлемой частью вопроса о границе, тем не менее представлял собой лишь составную часть вопроса о границе.

Для удобства изложения мы будем говорить только об одном из этих двух соглашений, имея в виду, что за исключением описания линии прохождения границы оба документа, по сути, идентичны. Практически, все сказанное применительно к одному из них относится и к другому.

Итак, мы будем говорить о «Соглашении между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Западной части», так как оно последнее по времени и, кроме того, в нем речь идет о РФ и КНР, а не об СССР и КНР, как в соглашении по Восточной части границы.

Точнее было бы именовать данный документ «Соглашением между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой об уточнении и определении прохождения линии российско-китайской государственной границы на ее Западной части».

В Статье 1 этого Соглашения обращает на себя внимание следующая формулировка: «Договаривающиеся стороны согласились... на основе договоренностей, достигнутых в ходе переговоров по пограничным вопросам...». Во второй половине XX века между двумя странами проводились консультации и переговоры. В 1964 г. и в 1969 г., начиная эти консультации и переговоры, стороны фактически не смогли договориться о едином понимании предмета переговоров и консультаций. Дело в том, что затрагивались принципиальные расхождения в позициях сторон. Советская сторона полагала, что речь идет о пограничных вопросах, а представители КНР — о «вопросе о границе» или «о проблеме границы». Советская сторона исходила из того, что между нашими странами вопрос о границе был решен на основании прежних договоров и соглашений. Она не желала давать повод полагать, что границы, а следовательно, и территории нашего государства находятся под вопросом или что вопрос о том, где проходят границы и кому принадлежат наши территории, еще не решен, и мы сами соглашаемся с тем, что часть нашей территории либо является спорной, либо незаконно находится под нашим контролем.

Представители же КНР считали, что речь идет о проблеме границы, которая еще не решена. Они исходили из того, что некоторые китайские территории временно и незаконно удерживаются силой советской стороной, в связи с чем и имеется необходимость обсуждать вопрос о границе, а следовательно, и о принадлежности этих территорий.

Оставаясь на своих принципиальных позициях, стороны в то же время соглашались с тем, что на практике необходим обмен мнениями, проведение консультаций или переговоров, поэтому они оставили в стороне вопрос о согласовании наименования предмета переговоров и перешли к делу.

В данном документе, как нам представляется, стороны продолжали по-разному трактовать предмет переговоров. В русском тексте Соглашения речь шла о «пограничных вопросах», а в китайском тексте, которого у нас в руках не было, скорее всего, говорилось все-таки о «вопросе о границе», так как вряд ли Пекин отступил в данном случае от своей принципиальной позиции.

В результате в нашей стране у тех, кто знакомился только с русским текстом Соглашения, создавалось впечатление, что китайская сторона, так же, как и мы, толковала лишь о пограничных вопросах. Отсюда люди в РФ могли делать вывод о том, что в данном случае вообще нет вопроса в двусторонних отношениях относительно границы и

территорий, что Пекин не предъявляет территориальных претензий к нашей стороне. На самом деле это не так.

Наша сторона говорила лишь о пограничных вопросах, т.е. исходила из того, что вопрос о границе решен в соответствии с договорами о границе, и речь шла лишь о прохождении линии границы, о ее уточнении и определении на отдельных участках местности. Наши партнеры, однако, полагали, что речь шла о прохождении линии границы, о ее уточнении и определении на всей линии ее прохождения, как о части вопроса о границе в целом. При этом наши партнеры исходили из того, что вопрос о границе в целом оставлен обеим сторонам историей и еще ждет своего «справедливого и рационального», т.е. устраивающего Пекин, решения.

Формулировка «договоренности, достигнутые в ходе переговоров по пограничным вопросам», включенная в текст Соглашения, но в китайском тексте говорившая о «вопросах о границе», а не о «пограничных вопросах», открывала перед китайской стороной возможность в ходе предстоящих в будущем, скорее всего, переговоров о подготовке нового договора о границе взамен считающихся Пекином «неравноправными» ныне существующих или «старых» договоров, выдвигать любые положения, которые КНР сочтет отвечающими договоренностям, достигнутым ранее (начиная с 1964 г., а возможно, и с 1924 г.). Так что четко зафиксированных в форме двусторонних юридических документов «договоренностей, достигнутых в ходе переговоров по пограничным вопросам» на самом деле — не существует.

Тем более, что в тексте Статьи 1 рассматриваемого Соглашения имеется такая формулировка: «Договаривающиеся стороны согласились... справедливо и рационально разрешить оставшиеся от истории пограничные вопросы между Россией и Китаем». Здесь следует, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что наши партнеры имеют в виду не «пограничные вопросы», а «вопрос о границе».

И вообще вызывает недоумение согласие наших дипломатов на включение в текст Соглашения приведенной формулировки, разработанной в КНР в 1950-х гг. Она основана на том, что в китайском обществе существуют, по крайней мере в XX в., устойчивое представление, что «все договоры, заключенные в прошлом Китаем с европейскими державами, носят неравноправный характер». В их число включались и те, которые касались правового оформления границ Китая, в том числе и российско-китайские договорные документы. Такая характеристика документов по вопросам, касающимся границы, по мнению КНР, означает, что оформленная ими государственная граница является незаконной и установленной противозаконно.

Использование в тексте Соглашения указанной формулы, по существу, означает согласие российской стороны с оценкой российско-китайских пограничных документов прошлого как неравноправных, что вызывает возражения. Все это создает для наших партнеров возможность, в случае если они сочтут это необходимым, по своему усмотрению в любой момент вновь вернуться к вопросу о пересмотре ныне существующей границы между нашими странами. В данное Соглашение внесена формулировка, которая подрывает юридическую обоснованность самого этого документа, ибо договоренность о прохождении линии границы оказывается поставленной в зависимость от произвольного толкования исторических договорных документов нашими партнерами.

В Соглашении говорится об «оставшихся от истории» пограничных вопросах или вопросах о границе. Речь при этом идет о согласии обеих сторон «справедливо и рационально» разрешить эти вопросы. Сам термин «справедливо» выпадает из правового подхода к межгосударственным отношениям. Скорее он из арсенала маоцзэдуновской трактовки характера тех или иных войн и их последствий. Каждый из партнеров может по-своему толковать понятие исторической справедливости или требовать ее восстановления, скажем путем возвращения несправедливо отторгнутых территорий. Эта формулировка оставляет нас в неопределенности относительно дальнейшей судьбы двусторонних

отношений в том, что касается государственной границы между нашими странами, да и возможного выдвижения нашими партнерами претензий территориального характера.

В связи с этим необходимо также отметить, что содержащееся в письме Президента РФ председателю Государственной Думы утверждение, будто указанное Соглашение «завершает юридическое оформление российско-китайской границы на всем ее протяжении», не соответствует действительности. Не случайно в «Соглашении между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части» речь идет об уточнении и определении линии советско-китайской государственной границы «на согласованных участках», т.е. не на всей Восточной части. Иначе говоря, подчеркивается существование не согласованных участков границы. КНР отказалась согласиться с фиксацией прохождения границы в районах Уссурийской дельты и при слиянии рек Шилки и Аргуни на основе подтверждения статус-кво. Эти два сектора Восточной части границы оставлены не оформленными; их оформление окажется возможным после того, как стороны проведут переговоры и найдут решение этих вопросов. Пока не ясно, когда это может произойти. Таким образом, оба нынешних «Соглашения» о прохождении линии государственной границы между РФ и КНР (1991 г. и 1994 г.) не решают вопрос о прохождении линии государственной границы между РФ и КНР на всем ее протяжении.

В настоящее время стороны подписали Соглашения о прохождении линии границы с известными изъянами или перерывами. Переговоры по этим вопросам продолжаются. Пока обе стороны стоят каждая на своем и решения вопросов не видно. Следовательно, в обозримом будущем РФ и КНР не удастся юридически оформить линию прохождения двусторонней границы на всем ее протяжении.

Можно также допустить, что наши партнеры оставили за собой возможность постановки вопроса о новом договоре о границе и о проведении переговоров о новом договоре. Причем в ходе соответствующих переговоров наши партнеры из КНР могут выдвинуть ряд вопросов, касающихся принадлежности территорий, входящих в состав Российской Федерации. Нельзя исключать того, что власти КНР, сочтя некий момент подходящим для оказания сильного давления на Москву, снова предъявят как бы тихо дремлющие сегодня в КНР территориальные претензии к России. Не случайно в 1990-х гг., уже после подписания упомянутых Соглашений, впервые за последние 20 лет в Пекине вновь начали официально заявлять, что «царская Россия навязала Китаю неравноправные договоры и силой захватила свыше 1,5 млн. кв. км. китайской территории».

Предлогом для такого рода заявлений в КНР избрали протесты в Приморье против демаркации границы в соответствии с упомянутым Соглашением. Вполне возможно, что связь тут можно обнаружить, но заявления такого характера имеют гораздо более глубокий смысл и гораздо более важное значение. Они свидетельствуют о том, что территориальные претензии к России со стороны властей континентального Китая, лидеров КПК-КНР, выдвинутые Мао Цзэдуном в 1964 г. и повторенные Дэн Сяопином в 1989 г., остаются на вооружении преемников Дэн Сяопина — нынешних руководителей КПК-КНР.

На самом деле КПК-КНР никогда не отказывалась от этих утверждений. Повторим и напомним, что они были сделаны Мао Цзэдуном в 1964 г., никогда не дезавуировались и постоянно при удобном случае подтверждались и повторялись. В частности, эта мысль была высказана Дэн Сяопином М.С.Горбачеву в беседе в 1989 г.

В сущности, подписав Соглашения о прохождении линии границы на ее Восточной и Западной частях в 1991 г. и в 1994 г., нам удалось договориться с КНР лишь о прохождении линии границы на большей ее части, а не на всей российско-китайской границе. И не более того. Вопрос о границе, как его трактуют в КНР, вопрос о договоре о границе с обсуждением в ходе его подготовки всех поставленных КНР в свое время вопросов территориального и иного характера, остается подвешенным, и, с точки зрения наших партнеров, он не решен. Поэтому нет оснований создавать у граждан РФ обманчивое впечатление, будто Соглашения

о прохождении линии границы на ее Восточной и Западной частях «завершают юридическое оформление российско-китайской границы на всем ее протяжении».

Речь идет о юридическом оформлении линии границы на большей ее части, о завершении юридического оформления делимитации российско-китайской границы (делимитация границ — это определение положения и направления государственной границы по соглашению между сопредельными государствами, зафиксированное в договоре и графически изображенное на прилагаемых к договору картах).

До завершения юридического оформления российско-китайской границы, вероятно, еще далеко. Нельзя себя успокаивать тем, что этот вопрос решен подписанием и ратификацией названных Соглашений. Это шаг в верном и необходимом, отвечающем интересам России, направлении — но не завершающий шаг.

К сожалению, в свое время население приграничных районов не было должным образом информировано о Соглашении по прохождению линии границы. Это вызвало непонимание населения. Необходимо найти понимание и не делать ничего во вред интересам своего народа.

Представляется также целесообразным, чтобы Москва по своей инициативе предложила Пекину начать переговоры о подготовке и подписании нового договора о границе. При этом позиция нашей стороны на этих переговорах должна быть известна общественности в нашей стране; МИД РФ, власти нашей страны не должны продолжать практику тайной от своего народа дипломатии в отношении Пекина, как это привыкли делать во времена советской власти, в частности при М.С.Горбачеве. Да и в годы РФ, как мы уже видели хотя бы по текстам Соглашений о прохождении линии границы и по толкованию, которое дали и Президент, и МИД РФ, и некоторые органы нашей печати, — это страусиная политика, когда желаемое выдают за действительное, пытаются похвалиться успехами в развитии отношений с Китаем и предлагают народу для чтения такие формулировки, которые выдаются за двусторонние соглашения с Пекином, а на самом деле являются лишь односторонним и не точным толкованием ситуации и реалий.

Так или иначе, а этот вопрос остается подвешенным, и пока он находится в этом состоянии, не будет и прочной и надежной основы ни для доверия между нашими нациями, ни для налаживания и развития двусторонних отношений.

В октябре 1995 г. в Пекине состоялся обмен ратификационными грамотами о вступлении в силу соглашения о западном участке границы длиной в 54 км. Соглашение об участке к востоку от Монголии было ратифицировано еще в 1992 г. Таким образом, казалось, что можно было бы сказать, что две соседние державы окончательно урегулировали пограничные споры, которые омрачали двусторонние отношения на протяжении длительного времени.

Однако нельзя не учитывать, что, во-первых, в этих соглашениях не определена судьба островов — Тарабарова и Большого Уссурийского на Амуре под Хабаровском, а также острова Большой на Аргуни. КНР претендует на эти острова, а Россия считает их своими и оставляет за собой. Что же дальше? Пока этот вопрос не решен. Москва и Пекин согласились продолжать переговоры.

Во-вторых, демаркация границы на местности была в то время еще не завершена; более того, проведение демаркационных работ проходило не без трудностей, вызванных тем, что губернатор Приморского края и ряд местных политиков заявляли, что Москва пошла на неоправданные территориальные уступки Пекину. Да и в китайской прессе публиковались высказывания историков и литераторов, напоминающие о том, что царская Россия, а затем и СССР отторгли часть земель, входивших когда-то в состав Китая.

Вместе с тем некоторые чиновники МИД РФ, извращая исторические факты и упорно толкуя и историю, и современное состояние вопроса о границе и территориях с точки зрения защиты позиций Пекина, современных руководителей КПК-КНР, повторяли и повторяли известные уже тезисы. Например, заведующий отделом государственных границ и

картографии МИД РФ В.Постнов высказывал следующее мнение. Документы, подписанные в XIX веке, носили общий характер. В них, например, не была установлена принадлежность островов на Амуре. А в советское время у нас трактовали эти договоры в том смысле, что надо охранять фактически существующую границу. Т.е. Советский Союз слегка «продвинул» границу в свою пользу. Поэтому во время переговоров 90-х годов пришлось пойти на восстановление справедливости и привести границу в соответствие с международными нормами. В частности, такой нормой считается прохождение границы по середине главного фарватера. В то же время следует иметь в виду, что речь идет об участках в 2—4 км на границе протяженностью более 4000 километров [84].

Каждый квадратный километр своей территории дорог народу, но не этому чиновнику дипломатического ведомства РФ, который считает нужным для себя защищать позицию не своей, а другой страны простой ссылкой на то, что ныне, дескать, лишь «восстанавливается справедливость». Иначе говоря, он принимает термин Пекина, не разбираясь ни в истории, ни в сути дела и не защищая национальные интересы России.

На Дальнем Востоке позиция некоторых чиновников МИД РФ вызывала осуждение. Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока В.Л.Ларин в связи с этим, в частности, писал следующее: «Было бы несправедливо утверждать, что центр не замечал или игнорировал тревоги дальневосточников. В отличие от МИДа, чьи представители, прежде всего в лице главного действующего лица в этой драме Генриха Киреева, всеми способами стремились сохранить честь мундира, обосновывая содеянное разговорами о высоких материях, важности улучшения российско-китайских отношений, глобальных последствиях нарушения договоренностей и мастерски укрывая полную правду от непосвященных. Администрация президента РФ, Госдума и Совет Федерации пытались разобраться в сути проблемы и найти выход из возникшего противостояния» [85].

Российские ученые рассматривали вопрос о прохождении границы между Россией и КНР по протоке Казакевича в районе Хабаровска. Например, Б.И.Ткаченко из Института истории Дальневосточного отделения РАН отмечал, что до начала 1990-х гг. граница на этом отрезке длиной 30 км (от истока протоки Казакевича из реки Амур до устья реки Усури) регулировалась Пекинским договором 1860 г., а точнее, картой с красной чертой, приложенной к нему; Ханкайским протоколом от 4 (16) июня 1861 г. (дополнительной статьей к Пекинскому договору) и приложением к нему — «Описанием государственной границы между империями Российской и Дайцинской от реки Усури до моря» от 4 (16) июня 1861 г., а также Хабаровским протоколом от 2 (14) июля 1886 г.

Однако советско-китайским Соглашением 1991 г. о границе вопрос о линии прохождения государственной границы в районе Хабаровска, где река Усури впадает в Амур, был оставлен нерешенным. Его вынесли за рамки Соглашения. Обсуждение этого вопроса продолжается в специальной комиссии до настоящего времени, писал Б.И.Ткаченко в 1999 г. Соглашением 1991 г. предусмотрено, что государственная граница между двумя странами — СССР (Россией) и КНР — должна пройти по главным фарватерам пограничных рек. В связи с этим возник вопрос о государственной принадлежности двух крупных островов в районе Хабаровска — Большом Усурийском и Тарабарове и примыкающей к ним группе мелких островов общей площадью около 350 кв. км.

Дело в том, что в ходе переговорного процесса китайская сторона выдвинула свою версию о том, что река Усури впадает в реку Амур непосредственно близ города Хабаровска. Согласно Пекинскому дополнительному договору, «Восточная граница между двумя Государствами <...> пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекою Усури», причем «земли, лежащая по левому берегу (на Север) реки Амура, принадлежат Российскому Государству, а земли, лежащая на правом берегу (на Юг), до устья реки Усури, принадлежат Китайскому Государству», а «земли, лежащая по Восточному (правому) берегу сих рек [Усури и Сунгача], принадлежат Российскому

Государству, а по западному (левому), Китайскому Государству». Следовательно, по версии китайской стороны, земли, лежащие в треугольнике: «главное русло реки Амур от района современного китайского города Фуюань близ мыса Марта, на западе, до города Хабаровска, на востоке, в качестве его северной стороны — протока Казакевичева (Амурская) в качестве его юго-западной и юго-восточной сторон», должны принадлежать Китаю, а государственная граница между Россией и КНР должна быть передвинута в глубь российской территории на несколько десятков километров.

С точки зрения Б.И.Ткаченко, документальное оформление в третьей статье Соглашения 1991 г. некоей «территориальной проблемы» в районе Хабаровска является опасным на всю обозримую перспективу двусторонних отношений между Россией и Китаем. Дело в том, что в самом тексте Пекинского договора прохождение государственной границы именно по протоке Казакевичева конкретно не обозначено. Это было сделано на прилагавшейся к договору карте. Левый (северный) рукав Амура является основным. Согласно гидрологическим данным, 60 процентов водотока идет по основному руслу, а 40 процентов — по правому (южному) боковому рукаву Амура, именуемому как протока Амурская либо как протока Казакевичева.

При определенной уступчивости российской стороны китайским дипломатам, полагал Б.И.Ткаченко, в ходе дальнейших переговоров без особого труда удастся доказать, что река Уссури впадает в Амур близ города Хабаровска. Видимо, для этой цели китайской стороной в последние годы и предприняты определенные усилия для искусственного обмеления протоки Казакевичева путем изменения ее водного режима. Китайская сторона затопила баржи с песком на протоке Казакевичева вблизи ее истока из Амура. Вследствие этого происходит заиливание и обмеление протоки Казакевичева от истока до устья Уссури. По свидетельству очевидцев, продолжал Б.И.Ткаченко, уже сейчас в водном режиме протоки Казакевичева произошли необратимые природные изменения.

Рано или поздно наступит время, когда протока Казакевичева окончательно обмелеет и ее правый (китайский) берег сольется с левым (российским). Между китайской территорией и островом Тарабаров, принадлежащим России, не будет никакой водной преграды. Вот тогда китайская сторона на переговорах по прохождению линии государственной границы в районе острова Тарабаров и Большой Уссурийский будет ссылаться на то, что устье реки Уссури находится в районе города Хабаровска, а следовательно, будет утверждать, что эти острова должны принадлежать Китаю, согласно Пекинскому договору.

Б.И.Ткаченко полагал, что «нахождение» устья Уссури в районе города Хабаровска, т.е. в месте слияния Амурской протоки с рекой Амур, чревато в будущем опаснейшими стратегическими и международно-политическими последствиями. Граница будет передвинута по направлению к Хабаровску в глубь российской территории на 40—50 км. Практически в районе Хабаровска она пройдет по его амурской набережной. Острова Большой Уссурийский, Тарабаров и множество мелких островов, образовавшихся от встречи течений двух рек в этом районе, станут китайской территорией. Над этими островами самолеты гражданской и военной авиации до сих пор осуществляли воздушные маневры при заходе на посадку. Через Большой Уссурийский остров проходит резервная понтонно-железнодорожная линия, которая должна использоваться при чрезвычайных обстоятельствах — в случае выхода из строя большого железнодорожного моста через Амур. Под возможным военным прицелом сопредельной стороны окажется большой стратегический железнодорожный мост через Амур, линия стратегической Транссибирской железнодорожной магистрали в этом районе и сам город Хабаровск со всеми вытекающими из этого последствиями.

Процесс образования и последующего изменения конфигурации островов в этом районе происходит постоянно. Водоток реки Амур в районе Хабаровска, по данным специалистов, непрерывно изменяется, и происходит процесс намыва песчаной косы на левом берегу Амурской протоки с последующим возможным превращением ее в остров.

Если процесс намыва этой косы будет продолжаться, то она, возможно, будет перемещаться в направлении большого железнодорожного моста через Амур с последующим островообразованием.

Гидрологический режим реки Амур и Амурской протоки крайне неустойчив и изменяется постоянно или циклически. Не исключено, что устье Уссури, установленное в результате переговоров с китайской стороной во исполнение ст. 3 Соглашения 1991 г. как находящееся в месте слияния Амурской протоки с рекой Амур, лет через 50 будет находиться под стратегическим железнодорожным мостом через Амур или даже за ним, севернее этого моста. В этом гипотетическом случае стратегический железнодорожный мост через Амур и проходящая по нему Транссибирская железнодорожная магистраль будут находиться на территории Китая со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Однако на самом деле прохождение государственной границы между Россией и Китаем в районе, примыкающем к городу Хабаровску, было определено в 1860 г. при подписании Пекинского договора в его первой статье и в 1861 г. при подписании приложенной к этому договору карты.

Положение и направление этой граничной линии в районе города Хабаровска от реки Амур до устья реки Уссури зафиксировано на ней четко и однозначно: она идет от мыса Карма на Амуре (близ китайского города Фуюань) по протоке Казакевича до устья реки Уссури (близ села Казакевичево). Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к упомянутой карте, на русском и маньчжурском языках, находящейся на хранении в Архиве внешней политики Российской империи МИД Российской Федерации (фонд «Трактаты»).

Вопрос об устье реки Уссури и о месте впадения Уссури в Амур представляет, прежде всего, практический интерес для дипломатических целей в ходе переговорного процесса. Устье Уссури было четко зафиксировано на этой карте точкой с буквой «Е», причем в 1861 г. на левом (китайском) берегу Уссури, напротив казачьей станицы Казакевичево, где в процессе демаркационных работ был установлен деревянный пограничный столб с литерой «Е».

Установка столба с литерой «Е» возле устья реки Уссури, причем на ее левом, китайском, берегу, о чем была сделана соответствующая запись в «Описании государственной границы между империями Российскою и Дайцинскою от реки Уссури до моря», имела принципиальное значение, поскольку таким образом определялось местонахождение устья реки Уссури, как оно понималось при подписании Пекинского договора, т.е. у места соединения Уссури с протокой Казакевича, которая является правым (южным) рукавом реки Амур.

В 1886 г. при редемаркации границы Хабаровским протоколом от 14 июля 1886 г. была зафиксирована замена деревянного пограничного столба с литерой «Е», стоявшего «на месте в совершенно исправном виде» на левом берегу реки Уссури, выше станицы Казакевичево, новым каменным столбом.

Именно прохождением красной черты граничной линии, проведенной на карте, приложенной к Пекинскому договору 1860 г., по протоке Казакевича (от мыса Карма, или от китайского города Фуюань, до устья Уссури, возле которого был установлен пограничный столб с литерой «Е») определяется прохождение государственной границы на местности. Соответственно именно этим определяется государственная принадлежность островов Большой Уссурийский и Тарабаров и примыкающих к ним других, более мелких, островов — России, а не Китаю.

Следовательно, в соответствии с Пекинским договором 1860 г. и приложенной к нему картой острова Большой Уссурийский и Тарабаров, а также множество примыкающих к ним мелких островов, находящихся в районе Хабаровска в треугольнике «протока Казакевича от ее истока из Амура до устья Уссури близ села Казакевичево — протока Амурская от устья Уссури до Хабаровска — река Амур от истока из нее протоки Казакевича до впадения в

нем протоки Амурской близ Хабаровска», принадлежат России, подводил итог Б.И.Ткаченко [86].

В 1996 г. в КНР побывал директор Федеральной пограничной службы (ФПС) А.И.Николаев. Его поездка была вызвана, как было ясно для каждого из должностных лиц, соприкасавшихся на практике с действиями партнеров по ту сторону российско-китайской границы, серьезными беспокоящими нас явлениями, нарушением безопасности и интересов нашей страны и, что самое главное, гибелью наших пограничников от руки нарушителей границы.

Работникам ФПС приходится отслеживать и выявлять каналы проникновения из КНР контрабандных товаров, оружия, боеприпасов, наркотических препаратов, а заодно устанавливать личность и выдворять восвосяи непрошенных гостей из КНР, нарушивших режим государственной границы.

За первую половину 1996 г. были задержаны 242 гражданина КНР — нарушителя границы. В том числе на Дальневосточном участке российско-китайской границы — 124. Продолжался нелегальный вывоз ценного сырья: в декабре 1995 — январе 1996 г. в Дальневосточном и Тихоокеанском погранокругах был предотвращен вывоз в Китай более 15 тонн медного лома. Уже в 1996 г. у визитеров из КНР было изъято 22 килограмма эфедрина (на вопросе о ввозе в нашу страну наркотиков из КНР мы еще остановимся ниже особо). На участке Тихоокеанского погранокруга обнаружен контрабандный груз наркотиков весом 125 килограммов.

Пресс-секретарь директора ФПС отмечал, что в последнее время изменилась структура правонарушений на нашей самой протяженной границе — российско-китайской. С одной стороны, и это отраднo, уменьшилось число незваных гостей, которых приходилось выпроваживать (в 1995 г. ежемесячно из РФ в КНР депортировали около 400 граждан КНР), с другой стороны, заметно вырос нелегальный экспорт в КНР цветных металлов, в частности меди, и одновременно ввоз из КНР наркотической отравы.

Настораживало и более агрессивное поведение злоумышленников. В 1995 г. на Тихоокеанском участке было зарегистрировано 10 случаев, когда задержанные оказывали сопротивление российским пограничникам, в том числе с применением огнестрельного и холодного оружия. 12 апреля 1995 г. при попытке задержания трех нарушителей границы из КНР на участке шестой заставы 59-го пограничного отряда (Посъет) был смертельно ранен начальник заставы. (Это привело к усилению напряженности на границе. Командующий Тихоокеанским пограничным округом В.Седых отдал приказ применять по отношению к нарушителям оружие на поражение [87].)

Не всегда понятна, как аккуратно выражался представитель ФПС, и позиция властей КНР в приграничных областях, которые закрывают глаза на то, что местные жители, не дожидаясь межправительственного соглашения о передаче КНР ряда российских островов, что должно произойти после демаркации границы, уже осваивают явочным порядком эти отходящие к ним территории.

По мнению представителя ФПС, стоило отметить, что пограничники КНР и служба безопасности КНР все эффективнее контролируют ситуацию в целом и в целом усилили войсковую охрану границы. Несмотря на спорные вопросы и взаимные претензии, считал представитель ФПС, с коллегами из КНР налаживается регулярное деловое сотрудничество, в перспективе проведение совместных учений и тренировок, а также оперативное взаимодействие, обмен опытом и даже появление должности постоянного представителя ФПС при российском посольстве в Пекине. Все это было включено в повестку дня переговоров, которые проводил в июле 1996 г. в Пекине директор ФПС А.И.Николаев [88]. Кстати, необходимость в постоянном представителе ФПС при посольстве РФ в КНР — показатель сложности наших двусторонних отношений в этой области и трудностей, с которыми сталкивается именно наша пограничная служба. В нормальных условиях не было бы и необходимости ставить вопрос об этом.

Встречные претензии пограничной службы КНР состояли в том, что из РФ в КНР перегоняли подержанные автомобили американского, японского и южнокорейского производства. За пять лет, т.е. за первую половину 1990-х гг., было задержано 1414 гастролеров с российской стороны, конфисковано «почти 500 ствол» и 11 автомобилей, предназначенных для черного рынка [89].

В апреле 1999 г. газеты сообщали, что за время проведения операции «Рубеж-99» на участках Акташского и Кызылского отрядов Забайкальского регионального управления Федеральной пограничной службы России уже задержано более 75 нарушителей режима границы и пунктов пропуска. В отношении трех преступных групп, выявленных в ходе операции, проведенной во взаимодействии с органами МВД и ФСБ, возбуждены уголовные дела, обнаружена контрабанда на сумму 38 тысяч рублей [90].

Шестого июля 1999 г. Председатель Правительства РФ С.В.Степашин провел совещание по вопросу о проблемах, которые стояли перед Федеральной пограничной службой (ФПС). Об этом совещании писала корреспондент газеты «Известия» С.Бабаева.

Участники совещания называли приграничные регионы фасадом и лицом России. Совещание касалось трети территории страны: 36 российских регионов считаются приграничными, поэтому, по мнению С.В.Степашина, регионы России надо объединять не по географическому принципу (Урал, Сибирь), а по схожести проблем.

Первая проблема — «приватизация» участков границы. «Как в анекдоте, — заметил премьер. — Что человеку надо для благополучной жизни? — Метр государственной границы». Анекдот стал реальностью. В докладе С.В.Степашина прозвучало несколько названий «приватизированных» КПП, выявленных приморскими таможенниками. Пункт «Полтавка» оказался собственностью ЗАО «Импульс», «Турий Рог» — филиала Промстройбанка, «Махалино» принадлежало акционерному обществу с симптоматичным названием «Золотое звено». Причем документы о «приватизации» в администрации Приморского края, естественно, отсутствовали.

Вторая проблема — экономическая. Через излишне прозрачную границу со странами СНГ в Россию поступают товары из третьих стран, которые не облагаются налогами и пошлинами. Дальний Восток теряет ежегодно 1,5 миллиарда долларов на контрабанде морепродуктов и «черной» их продаже соседним государствам.

Третья проблема — социальная. Выступавший на совещании губернатор Хабаровского края В.Ишаев рисовал просто апокалипсическую картину постепенного вхождения российского Дальнего Востока в границы Китая. Китайцы уже пришли и живут: по данным Министерства по делам национальностей, ежегодно в Россию приезжает полмиллиона граждан КНР и многие из них на родину уже не возвращаются. Они открывают свой бизнес на Дальнем Востоке, покупают в Хабаровске квартиры. Теперь В.Ишаев с ужасом ждет принятия федерального законодательства о земле, которое разрешит всем желающим ее покупать. Тогда, говорит губернатор, они все скупят. И вообще, по данным правительства, на территории России находится свыше одного миллиона иностранцев-нелегалов.

Наконец, прозрачные границы рожают криминальные проблемы. Из 20 тонн наркотиков, задержанных российскими службами в первом полугодии 1999 г., половина шла из-за рубежа через условные границы со странами СНГ [91].

Корреспондент «Известий» Ю.Голотюк писал о том, что Федеральная пограничная служба в 1999 г. направила письмо С.В.Степашину и руководству Генпрокуратуры. Документ подготовлен по итогам проведенной совместно с ГТК проверки пунктов пропуска на российско-китайской границе. Результаты этого совместного «рейда» оказались обескураживающими как для пограничников, так и для таможенников. Оба ведомства обнаружили, что они уже вовсе не являются полноправными хозяевами «нерушимых рубежей Отечества».

Как заявил «Известиям» замдиректора ФПС генерал-полковник А.Еремин, на границе с КНР сейчас вполне легально существуют «негосударственные» пункты пропуска, подчиняющиеся администрациям приграничных районов и даже находящиеся на балансе коммерческих структур. Есть примеры и вовсе детективных сюжетов: по данным пограничников, «Полтавка» (Приморский край) «принадлежит коммерсанту, имеющему неладу с законом, — если и не он сам, то по крайней мере члены его группировки уже проходили по уголовным делам». Хотя российским законодательством предусматриваются лишь два варианта подчиненности «ворот за границу» — либо федеральному ведомству, либо субъекту федерации, — на деле практически все они сейчас принадлежат местным властям.

Составленный по итогам проверки ФПС и ГТК реестр «негосударственных пограничных поборов» демонстрирует недюжинную фантазию их авторов — сборы «экологические», «за услуги автоперехода», «за содержание пункта пропуска», «за право проезда», наконец, даже сборы без всякого названия, введенные просто потому, что «надо делиться». Да и вводят их, похоже, все, кому не лень: не только районные администрации, но и, скажем, «местная городская дума муниципального образования Лесозаводск» и даже ОАО «Приморавтотранс», которому, по данным таможни, принадлежит пункт «Пограничный-автомобильный».

По поводу того, куда идут эти средства и кто их собирает с пересекающих границу, генерал Еремин лишь пожмает плечами: «Нам самим непонятно, кто они такие...» Хотя сама по себе история возникновения столь экзотических новшеств, как «негосударственные пункты пропуска» через госграницу, в принципе, проста и понятна. Когда рухнул «железный занавес» и поток перемещающихся через границу людей и грузов возрос на порядок, России срочно потребовалось увеличить количество «ворот» во внешний мир. Денег на строительство и содержание пунктов пропуска у государства, как водится, не оказалось. Зато они были у коммерческих структур. Как признает генерал Еремин, «интересы государства и коммерческих структур не совпадают, так что эти пункты пропуска работают «в режиме пылесоса», выкачивая все что можно из приграничных регионов». Однако Федеральная погранслужба теперь, похоже, бессильна что-либо сделать, поскольку для того, чтобы вернуть пункты пропуска под государственное крыло, их сначала нужно выкупить у коммерсантов [92].

Претензии к положению, существующему на границе, продолжали высказывать руководители приграничных районов нашей страны. Например, губернатор Приморского края Е.И.Наздратенко, говоря о положении на границе, утверждал, что «имеющиеся разногласия надо урегулировать в момент демаркации, потом будет поздно. Вспомните по островам на Амуре, в Еврейской автономной области, договорились о совместном их использовании с Китаем. Так там что произошло? Весной (1998 г.) наши сена накосили, потом демаркация прошла, а по холодам пошли сено вывозить. И чем кончилось? Ударили китайские пограничники поперх голов из автоматов, правда, никого не убили, но и ничего не отдали. Граница — грань, она встала, и изменить что-нибудь уже невозможно, это война...» [93].

Возвращаясь к вопросу о проведении обеими сторонами совместно работы по демаркации границы, можно отметить, что, стремясь выполнить двусторонние соглашения о прохождении линии границы, к концу 1996 г. из 603 погранстолбов, которые установлены российской стороной (всего их 1118), осталось определиться с размещением десяти столбов на двух участках в Приморье.

В то время оставался спорный участок площадью в 300 гектаров у озера Хасан. Опасения, что на передаваемых КНР участках будут возведены военные объекты, которые нарушат экологию вокруг озера Хасан, были сняты китайской стороной. Посол КНР в РФ Ли Фэнлинь заявил, что обнаруженные здесь захоронения советских воинов должны остаться на российской территории.

В апреле 1999 г. закончилась последняя сессия российско-китайской демаркационной комиссии. Главы делегаций — Генрих Киреев и Инь Юйбяо — парафировали протоколы-описания и карты границы между РФ и КНР [94]. Стороны остались каждая при своем мнении относительно принадлежности островов Тарабаров и Большой Уссурийский у города Хабаровска и острова Большой на реке Аргунь.

По итогам демаркации на Восточной части обозначена граница протяженностью 4195,22 километра, на Западной — 54,57 километра. В соответствии с договоренностью определена принадлежность 2444 островов и отмелей на пограничных реках. 1163 теперь принадлежат России, 1281 — относятся к КНР.

После десяти раундов переговоров Москва и Пекин разработали соглашение о совместном хозяйственном использовании ряда островов на пограничных реках. Они почти полностью согласованы, дорабатываются правила упрощенного пропуска через границу жителей, участвующих в хозяйственной деятельности [95].

В это же время в Москве состоялось рабочее совещание представителей КНР и четверки стран СНГ — Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана, подписавших в свое время соглашения об укреплении доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Сейчас впервые партнеры обменялись информацией о численности личного состава и количестве основных видов вооружений и военной техники, дислоцированных в стокилометровой зоне по обе стороны от бывшей советско-китайской границы [96].

Как считает директор Первого департамента Азии МИД РФ Л.П.Моисеев, «четверка СНГ и Китай подают пример Азии: не только в Европе может действовать механизм взаимного доверия в самой чувствительной сфере межгосударственных отношений — военной» [97].

В то же время МИД РФ предпочитал не замечать того, что граждане КНР, по словам прокурора из города Уссурийска, постепенно скупают в закрытых (!) военных городках квартиры, а молодые офицеры обречены жить в казармах. Прокуратура не бездействует, но нередко закон не на ее стороне [98].

В 1997 г. Президент РФ подписал указ о передаче функций рыбоохраны Федеральной пограничной службе. В нашей печати отмечалось, что тем самым был нанесен чувствительный удар по интересам тех, кто беззастенчиво и нагло привык хозяйничать в морских просторах страны. Причем с иностранцами тут бороться легче. Задача на сегодня — победить очень сильного российского браконьера (речь шла о российских браконьерах, которые действовали в сговоре с иностранцами, сбывая им незаконно выловленную в наших водах рыбу и другую морскую продукцию; иначе говоря, речь шла о пресечении незаконной совместной деятельности иностранных и российских криминальных структур).

Командующий Тихоокеанским пограничным округом генерал-полковник В.Седых в связи с этим, в частности, сказал: уровень криминального промысла (российских судов) уже угрожает экономическим интересам России на Дальнем Востоке. Ежегодно безучетно экспортируется на 12—18 триллионов рублей рыбопродукции, выловленной в наших водах. Причем эти цифры не оценочные, а выведенные на основе данных японского импорта и российского экспорта. Разница в этих статистических данных — более чем в 9 раз. То же самое и с Южной Кореей, Китаем и другими странами. Я верю, что подсчет объективен. Хочу еще раз заявить, продолжил В.Седых, что мы не станем чикаться с любыми нарушителями, когда дело касается интересов страны. Преступники не имеют национальности. Мы в соответствии с российскими законами обладаем всеми правами по защите биоресурсов, вплоть до применения оружия. Это касается и российских правонарушителей [99]. Указом президента пограничникам поручена охрана российских морских запасов. Но на поражение пограничники вели огонь лишь однажды. В 1996 г. расстреляли быстроходный японский катер и легко ранили одного браконьера.

В ночь на 25 мая 1998 г. у Северных Курил российские пограничники задержали китайское браконьерское судно. В результате инцидента два рыбака, в том числе капитан судна, погибли, еще двое ранены. Это первый случай в 1998 г., когда российским морским пограничникам пришлось открыть огонь на поражение.

Китайские суда нарушили границу. Увидев пограничников, три шхуны под китайскими флагами сразу застопорили ход. Но один сейнер стал уходить в открытое море. Пограничники несколько раз сигналили прожектором. Потом сторожевик сделал 12 предупредительных выстрелов. Беглецы набирали ход. Капитан сторожевика оперативно связался с командующим Северо-Восточным пограничным округом и получил санкцию вести огонь на поражение. После залпа по носовой части судна китайцы застопорили ход. Смотровая команда готовилась к высадке на судно-нарушитель, когда браконьеры вновь запустили двигатель. Пограничники дали еще один залп — уже по командирской рубке.

На сейнере пограничники обнаружили 50 тонн свежеморозового лосося и 100 километров дрейфтерных сетей. Эти снасти запрещены во всем мире. В море браконьеры бросили еще 200 километров таких сетей.

Как сообщили «Известиям» в Федеральной пограничной службе, экипаж сторожевика «Держинский» действовал строго по уставу. У китайцев было достаточно времени, чтобы остановиться и сдаться. Китайская сторона пока не выдвигала никаких претензий к российским пограничникам. Российский МИД выразил сожаление по поводу человеческих жертв. Арестованное судно направили в Петропавловск (Камчатский); раненым рыбакам была оказана медицинская помощь, сообщила газета «Известия» [100].

В районе острова Шикотан 2 сентября 1999 г. пограничный сторожевик РФ обнаружил китайскую шхуну «Ян-10», находящуюся в экономической зоне России. Судно на сигналы пограничников не отвечало и при виде их поспешило выйти из зоны. После открытия предупредительной стрельбы, а потом и стрельбы на поражение судно вынуждено было застопорить ход. На шхуну высадились осмотровая группа пограничников.

Это был уже второй случай незаконного вторжения браконьеров за двое суток — 1 сентября пограничным сторожевиком было обнаружено тайваньское рыболовное судно «Чан Лун-1». Нарушители игнорировали требования российских моряков остановиться даже после предупредительной стрельбы. Остановились они лишь после выстрелов на поражение, в результате чего два тайваньских моряка получили ранения [101].

Была и другая сторона вопроса о разграблении наших морских богатств. В конце 1990-х гг. ситуация на Дальнем Востоке была такова, что отечественного рыбопромышленника подпускали к запасам рыбы только после того, как выделялись квоты для иностранных рыбаков. Иностранцы, в частности китайцы, а также японцы, поляки и т.д., оснащены лучше — им и достается большая часть рыбы.

Член комиссии Главного контрольного управления при президенте РФ, эксперт-океанолог Э.Черный считает, что только в России такое возможно, чтобы интересы наших рыбаков в российской экономической зоне чиновники рыбохозяйственного ведомства учитывали лишь «во вторую очередь», после соглашений с иностранными моряками. Прямо ведомство иностранного рыболовства в российских водах! Это отметила и недавно окончившая работу наша комиссия. Приоритеты иностранных рыбопромышленников пытались втиснуть даже в проект закона о рыболовстве, обсуждавшийся в Думе...

Газета, опубликовавшая это сообщение, подчеркивала необходимость решительного вмешательства власти, чтобы спасти наши рыболовные богатства от разграбления [102].

Происходили изменения и в положении дел на границах с КНР, совместно охранявшихся в 1990-х гг. пограничниками РФ и стран СНГ.

В марте 1999 г. верхняя палата казахстанского парламента ратифицировала соглашение с КНР о демаркации границы, подписанное главами обоих государств в ходе визита Нурсултана Назарбаева в Пекин в 1998 г. Представляя документ о ратификации на рассмотрение палаты, министр иностранных дел Казахстана К.Токаев подчеркнул, что достигнутое соглашение навсегда закрывает территориальный спор с Китаем, устраняет источник возможного конфликта. Речь идет о двух спорных территориях общей площадью 944 кв. км. Согласованная граница закрепляет за Казахстаном 537 кв. км, а КНР отводит 407 кв. км [103].

В апреле 1994 г. во время визита главы правительства КНР Ли Пэна в Казахстан было подписано соглашение о казахско-китайской государственной границе, а во время визита в сентябре 1997 г. — дополнительное соглашение, поставившее последнюю точку в пограничном вопросе. Дело в том, что оставался спорным одиннадцатикилометровый участок в районе горы Хан-Тенгри (бывший Пик Победы). В 1999 г. появилось сообщение, что стороны решили и этот вопрос; к сожалению, нам неизвестно, каким именно было это решение. Теперь демаркация будет произведена и там. На казахско-китайской границе открыты семь дополнительных контрольно-пропускных пунктов.

Ли Пэн также заявил, что разработка проекта нефтепровода из Западного Казахстана в КНР начнется немедленно. Он отметил: казахстанская нефть для КНР ближе и, следовательно, привлекательнее, чем месторождения российского Дальнего Востока [104].

Однако в реальной жизни все это выглядело не столь оптимистично. В Астане отмечали, что многомиллиардные экономические соглашения, подписанные в последние годы между Казахстаном и КНР, реализуются слишком медленно. Простаивает, в частности, амбициозный проект строительства нефтепровода протяженностью 3000 километров. В июле 1999 г. министр иностранных дел Казахстана К.Токаев во время своего пребывания в Пекине был намерен поднять эту проблему перед правительством КНР [105].

К 1999 г. выяснилось, что проект транспортировки нефти из Казахстана в КНР, за который ратовали и председатель КНР Цзян Цзэминь и премьер Госсовета КНР Ли Пэн, оказался экономически не проработанным. Возникла возможность включения в эту операцию российских партнеров, благодаря чему все три стороны пришли к новому соглашению и удовлетворили свои интересы.

В апреле 1999 г. министерство иностранных дел Казахстана сообщило, что 5 мая начнется первый раунд переговоров с КНР относительно использования вод реки Иртыш. В Казахстане испытывают определенное беспокойство в связи с китайскими проектами строительства канала, который отведет часть вод Иртыша к городу Карамай, где она будет использована для закачки в нефтяные скважины. По мнению казахских специалистов, этот проект связан с огромным расходом воды и может создать серьезные экологические проблемы для Казахстана. Река Иртыш, которая берет свои истоки в Китае, протекает через Казахстан и Россию и имеет важное народнохозяйственное значение для этих двух стран [106].

В российской печати продолжали появляться сообщения, которые показывали, что Россию и Казахстан зачастую волновали одни и те же вопросы во взаимоотношениях с КНР. Например, в публикации под заголовком «Китай — Казахстан: пограничный спор продолжается» можно было прочитать, что на страницах казахских газет развернулась горячая дискуссия о перспективах отношений с «великим восточным соседом» — Китаем. Главный предмет критики — соглашение о государственной границе, которое парламент Казахстана ратифицировал весной 1999 г.

В стенах парламента дискуссии о содержании документа не получилось, дебаты прошли формально. Это не помешало прессе подвергнуть текст придирчивому анализу и сделать удручающие выводы. Больше всего вопросов вызвала так называемая «проблема спорных территорий». Существует она уже не одно десятилетие. КНР претендовала почти на миллион квадратных километров территории Казахстана еще во времена СССР. В последние

же годы спор шел вокруг 944 кв. км; президент Казахстана Нурсултан Назарбаев назвал договоренности о них «историческими». Однако многие эксперты опасаются, что в вопросе о территориальных претензиях поставлена не точка, а многоточие.

Дело в том, что начиная с 1993 г. между двумя странами регулярно подписывались документы, в которых фиксировалось отсутствие территориальных споров, — в 1994, 1995, 1996 годах... Но вскоре после очередного подписания Пекин вновь объявлял, что проблема все-таки существует. Где гарантия, что история не повторится и на сей раз?

Текст последнего соглашения общественность так и не видела. Он не был опубликован, хотя это должны были сделать в десятидневный срок после подписания соглашения президентом. Особые опасения местных аналитиков вызывает то, что Китай получает часть угодий в верховьях реки Черный Иртыш. Китайцы не скрывают, что намерены построить канал и повернуть реку (которая впадает в Иртыш, протекающий по российской территории). Экологических последствий этого шага никто толком не просчитывал.

Есть у Астаны и другие причины для беспокойства. Например, Шанхайский договор о демилитаризации стокилометровой пограничной зоны. Все укрепления в советский период строились вблизи границы. Создать новую линию обороны Казахстан не может по экономическим соображениям. Следовательно, граница останется оголенной. Тревожит казахов и поощряемое Пекином переселение китайцев в Казахстан. Статистика на эту тему засекречена, но, по мнению экспертов, счет переселенцам идет уже на сотни тысяч.

Пекин шаг за шагом целенаправленно добивается своих целей, а Астана раз за разом уступает. Складывается впечатление, что ослабление позиций Казахстана лишь разжигает аппетиты соседа. Правда, восточные дипломаты умеют подсластить пилюлю. Каждая уступка сопровождается договором об инвестициях в казахскую экономику. Последний пример — проект строительства нефтепровода из Казахстана через Синьцзян в Центральный Китай, а также договоренности о капиталовложениях в эксплуатацию месторождений в Актюбинской области. Но какова цена этих денег? Оппозиционная пресса не исключает, что у некоторых чиновников есть и личная заинтересованность в умиротворении соседей, напоминая при этом, что многие коррупционные скандалы, сотрясавшие в последнее время страну, были связаны с незаконным вывозом в КНР сырья и других товаров по демпинговым ценам [107].

Корреспондент «Известий» С.Новопрудский писал, что в августе 1999 г. высокопоставленный чиновник правительства Казахстана признал, что кабинет министров «может не одобрить технико-экономическое обоснование проекта строительства нефтепровода в Китай». Этот документ казахское правительство собиралось рассмотреть в конце августа. По мнению чиновника, «проект, скорее всего, будет свернут по причине экономической нецелесообразности и высоких затрат, ибо нефтепровод в Китай имеет слишком большую протяженность». Это признают и китайские эксперты.

До сих пор ничто не предвещало осложнений в реализации проекта. Генеральное соглашение о строительстве нефтепровода Западный Казахстан — Китай было подписано в 1997 г. Строительство нефтепровода предполагается по маршруту Атырау — Кенкияк — Кумколь — Атасу — Дружба до казахстанско-китайской границы. По предварительным оценкам протяженность нефтепровода должна составить 2,9 тыс. км, минимально гарантированная пропускная способность — 20 млн тонн нефти в год, ориентировочная стоимость проекта — 2,7 млрд американских долларов. О проблемах с финансированием проекта стороны тоже пока не говорили. Китайское правительство заявляло о готовности взять значительную часть расходов на себя.

Если казахстано-китайский нефтепровод все же не будет построен, это может серьезно отразиться на России. Россия на ближайшую перспективу останется главным транзитным экспортером казахской нефти. Казахстан собирается в течение десяти лет довести добычу нефти до 200—220 млн тонн в год. По крайней мере 80 млн тонн (против 7 млн тонн в 1999 г.) Казахстан намеревается в перспективе ежегодно перекачивать через

российскую территорию по двум трубопроводам — действующему Атырау — Самара и строящемуся Тенгиз — Новороссийск. Причем каждый год Казахстану приходится вести трудные межправительственные переговоры с Россией о предоставлении ему квот на перекачку нефти. Российские нефтяные компании от этого, естественно, не в восторге — Казахстан невольно отбирает у них часть экспортных объемов — ведь пропускная способность нефтепроводов ограничена.

Китайский проект рассматривался Казахстаном как возможность прямого экспорта нефти в дальнее зарубежье. Однако в последнее время представители казахстанского правительства стали говорить о возможности строительства трубопровода через Иран в Персидский залив. Это действительно самый дешевый и прибыльный вариант транспортировки местной нефти на мировые рынки. Правда, пока он невозможен из-за крайне скверных отношений между Ираном и США — именно американские компании являются основными зарубежными инвесторами в нефтегазовый комплекс Казахстана и в случае отсутствия политических осложнений обязательно финансировали бы строительство трансиранского нефтепровода.

Похоже, не все в Казахстане разделяют пессимизм пожелавшего остаться неназванным чиновника относительно перспектив строительства нефтепровода в Китай. В частности, президент ЗАО «Национальная компания по транспортировке нефти «КазТрансОйл» Т.Кулибаев недавно заявил, что «китайский маршрут является наиболее конкурентоспособным по сравнению с другими проектами».

В конце августа 1999 г. правительство Казахстана должно было окончательно определиться по ТЭО нефтепровода в КНР. России объективно выгоднее, чтобы этот нефтепровод был построен. Иначе проблема предоставления партнеру по СНГ ежегодных квот на перекачку нефти может еще больше обостриться. Правда, есть и обратная проблема: китайский рынок очень привлекателен и для российских нефтяных компаний, которые хотели бы экспортировать туда свою нефть [108].

В конце 1998 г. РФ и Киргизия договорились о том, что российские пограничники больше не будут охранять границу между Киргизией и КНР. Сообщалось, что этому обрадовались криминальные структуры в Киргизии, ибо российские пограничники поставили заслон на путях переброски через границу наркотиков и другой контрабанды. Снятие российских пограничников с охраны киргизско-китайской границы, с одной стороны, выдвигало на повестку дня вопрос о непрерывности линии охраны границ РФ, а с другой стороны, создало новую ситуацию на границе между Киргизией и КНР.

Наша печать в мае 1999 г. сообщала о том, что Россия и Киргизия приняли принципиальное решение о выводе из Киргизии российских «зеленых фуражек». Вместо почти двухтысячной оперативной группы в республике оставались чуть более ста офицеров-советников. Таким образом, Российская Федерация оставляла еще один рубеж в крайне нестабильном регионе. При этом вывод группировки больше напоминал отступление [109].

В корреспонденции, озаглавленной: «Уходим. Российские пограничники покидают Киргизию в чем мать родила», — корреспондент «Известий» А.Чуйков писал о том, что решение о выводе погранвойск было принято, но никаких приказов или директив из Москвы в Бишкек не поступало. Между тем близилось 15 мая 1999 г. — предельный, по мнению специалистов, срок начала подготовки застав к зиме. Россиянам денег на это не перевели, киргизы тоже особенно не беспокоились. Однако основная проблема, которая в то время тревожила руководство опергруппы, — резко, до крайности обострившиеся отношения с местной властью.

Из письма вр.и.о. начальника Оперативной группы ФПС России в Киргизии генерал-майора А.Сусова директору Государственной таможенной инспекции при Министерстве финансов Киргизии: «В последнее время отдельными лицами из числа сотрудников Ошской железнодорожной таможни «Юг», линейного отделения милиции железнодорожной станции Ош и работниками железнодорожной станции (крановщики, пломбировщики) вымогаются

деньги у выезжающих к новому месту службы военнослужащих ОГ ФПС России. Деньги берутся за выполнение той работы, которую эти работники должны выполнять, исходя из своих служебных обязанностей... При этом существуют негласные нормы от 500 до 2500 сомов для различных категорий сотрудников в зависимости от занимаемых ими должностей».

Офицеры горько шутят: «Больного льва может укусить даже шакал». При этом многие из них признавались корреспонденту «Известий», что «проще дать — все равно не отстанут: весь контейнер перевернут». На той же железнодорожной станции Ош, через которую будут выходить в Россию несколько пограничных частей, требуют сертификаты качества на домашние консервы, справки из части, что разбитые и латанные-перелатанные ящики, в которых перевозятся вещи, не были украдены.

В проекте соглашения о передаче охраны границы киргизским пограничникам практически не оговорены условия имущественного характера. Речь идет, конечно, не о недвижимости, которая в любом случае будет передана киргизской стороне. Но вот мебель, аппаратуру, а главное, автотранспорт и оружие россияне намерены забрать с собой. Тем более что выходят пограничники практически в чистое поле. Во многих новых местах дислокации для них не были выделены даже здания.

Однако новоиспеченные киргизские коллеги выставили неожиданное требование: россиянам разрешено забрать только личные вещи, да и то самые необходимые, вроде пары трусов и «гражданских ботинок». А все остальное оставить на месте. Именно для этого, по мнению многих офицеров, местные таможенники проводили практически тотальные обыски контейнеров пограничников.

Министр обороны Киргизии М.Субанов, которому подчинены местная погранвойска, на встрече с военнослужащими Ошского погранотряда заявил, что «ни при каких обстоятельствах не допустит вывоза имущества погранотрядов». А в отношении тех, кто рискнет нарушить это требование и прихватит с собой на родину, допустим, телевизор из казармы, будут возбуждены «уголовные дела со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Но самым вопиющим фактом стало задержание старшего лейтенанта Рустама Курсанова, о котором «Известия» писали 27 апреля 1999 г.

В заметке, помещенной в «Известиях» 27 апреля 1999 г. и озаглавленной: «Спасти лейтенанта Курсанова. Начальник российской погранзаставы двое суток провел в киргизском плену», говорилось о том, что 31 января был обычным днем. Пограничная рутинная — проверка контролируемой территории и боеспособности подчиненных. Около девяти часов вечера на заставе «Сары-Таш» залаяла сторожевая собака. На место выехала тревожная группа во главе с начальником заставы старшим лейтенантом Рустамом Курсановым. Около заставы пограничники увидели неизвестных в форме таможенной службы Киргизии. Курсанов попытался объяснить им, что они находятся в зоне пограничного контроля, но в ответ услышал лишь оскорбления. М.Юсупов, глава местных таможенников, предложил убираться прочь из независимой и суверенной республики и ударил пограничника.

Это было 31 января. А в начале апреля следователь военной прокуратуры Ошского гарнизона г-н Таштанов вызвал Курсанова в качестве свидетеля. И прямо в кабинете с помощью местных милиционеров надел на него наручники. При этом дал четкое указание: не кормить, не давать спальных принадлежностей, главное — не разрешать связываться со своим командованием. К счастью, Курсанову удалось дозвониться до оперативного дежурного отряда и рассказать, что произошло. Уже на следующее утро к следователю приехали представители командования и потребовали освободить офицера, гражданина другого государства. В ответ отказ. В то же время на другом конце города Ош адвокат объяснял, что за освобождение надо платить. Суммы назывались приличные. В переводе на рубли за изменение меры пресечения на подписку о невыезде — три с половиной тысячи

рублей, за прекращение дела — до пятнадцати тысяч. (Конечно, разговор шел один на один, доказать вымогательство никто не может. Однако, как смог убедиться корреспондент «Известий», именно из-за денег зачастую неправомочно возбуждаются уголовные дела, и за приличные суммы их прекращают. Об этом говорится в письме командующего Оперативной группировкой ФПС России, направленном секретарю Совета безопасности Киргизии.) Двое суток, в нарушение всех соглашений и международных норм, российский пограничник Курсанов провел в камере и был отпущен только после публикации в «Известиях». После чего оказался в госпитале — с обострением пиелонефрита после пребывания в сырой камере [110].

Существенное обстоятельство: как только в Киргизии было объявлено об уходе российских пограничников, многочисленное русско-язычное население, испокон веков проживающее в этом регионе, тоже оказалось перед выбором — уезжать или оставаться. В Бишкеке, бывшем Фрунзе, в советское время было более 90 процентов славянского населения. Сейчас здесь живут в основном киргизы и узбеки. Сразу после первой массовой миграции в начале 90-х годов они заселили освобождающиеся квартиры и дома. Русской речи на улицах практически не слышно. На базарах «русаки» продают последние ношенные вещи. Потомки первых казаков, основавших в Киргизии города и поселения еще в начале прошлого века, настойчиво ищут родственников среди казаков в России. Но почти все, кому было куда уехать, уже уехали. Остаются старики, родившиеся и выросшие здесь. Буквально через несколько лет русских в Киргизии практически не останется. Их не надо выдавливать, они умрут сами.

Между тем США уже объявили бывший «советско-азиатский» регион зоной своих стратегических интересов. Первым на призыв американцев откликнулся Узбекистан. Задумался Казахстан. Киргизии тоже требуется поддержка — у Бишкека есть территориальные разногласия с Ташкентом. В Фергане, недалеко от киргизской границы, сейчас развернута мощная узбекская воздушно-десантная бригада. Конечно, на словах стороны заверяют друг друга в невозможности применения военной силы для решения территориальных споров. Но экономические рычаги уже задействованы в полную силу. Узбекистан на несколько дней перекрывал поставки природного газа в Киргизию и отказался пропускать поезда через свою территорию, требуя уплаты долгов. Фактически республика в любой момент может оказаться в блокаде. И тогда социальные последствия непредсказуемы. Стабилизирующий фактор в виде российских пограничников исчез — России грубо указали на дверь.

К слову, недавно внешнеполитическое ведомство США решило расширить здание своего посольства в Киргизии. Новый участок был отведен практически на территории старого аэродрома, который, по свидетельству специалистов, после небольшой реконструкции будет способен принимать любые военные и транспортные самолеты.

...На тихой улочке Бишкека гордо реет российский флаг. За забором, в уютном особняке, — резиденция чрезвычайного и полномочного посла РФ Г.Рудова. Как говорит сам посол, он в Киргизии представляет всех: и президента, и правительство, и Россию в целом. Посол, конечно, в курсе всех проблем — его регулярно информируют. И он был возмущен действиями местных властей в отношении пограничников. По этому поводу в киргизский МИД даже была направлена нота протеста.

Однако, по мнению Рудова, все это «мелкие и частные факты», и они никак не влияют на российско-киргизские отношения. Поэтому, когда в Оше решалась судьба старшего лейтенанта Курсанова, никто из российских дипломатов там так и не появился. «Маленькие люди с маленькими проблемами не должны портить общего дружеского фона отношений великих держав» — так заканчивалась корреспонденция А.Чуйкова в «Известиях» [111].

В августе 1999 г. в Бишкеке президент Киргизии А.Акаев и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали соглашение о государственной границе между обеими странами. А.Акаев высоко оценил этот документ, касающийся одного из «самых деликатных вопросов» киргизско-китайских отношений. По словам министра иностранных дел Киргизии М.Иманалиева, соглашение решает назревшие правовые проблемы, касающиеся общей границы. Однако он не уточнил характер этих проблем. Вместе с тем министр сообщил, что работа по демаркации пограничной линии еще не завершена [112]. В печати были сообщения и о том, что Пекин уже предлагал Бишкеку помощь в охране границы [113]. Все это происходило в условиях, когда на территорию Киргизии вторгались банды террористов....

В целом помимо непосредственной границы с КНР у РФ есть и еще задачи охраны границы, в той или иной степени связанные с нашими взаимоотношениями с Китаем. В полном объеме встала задача создания полноценной оборудованной линии границы между РФ и Казахстаном. На казахстано-китайской и киргизско-китайской границе к началу XXI века больше нет пограничников РФ; в 2000 г. было принято решение о выводе российских пограничников и из Таджикистана (там остались только российские военные базы).

Приграничные и региональные отношения

Во второй половине 1990-х гг. продолжали развиваться приграничные и региональные связи между нашими странами. В частности, можно отметить, что в 1997 г. Еврейская автономная область передала гражданам КНР в сезонное пользование около 350 гектаров земель. Согласно контрактам, половиной выращенного урожая вправе распоряжаться по своему усмотрению китайские арендаторы, а остальная принадлежит хозяевам земли. В областном управлении сельского хозяйства сообщили о переговорах с тремя крупными компаниями городов Тунцзяна и Хэгана о передаче китайским земледельцам в краткосрочную аренду на три—пять лет 10—12 тыс. гектаров земель [114].

Появилось сообщение о том, что заработал кабель, проложенный под землей между Харбином (административным центром провинции Хэйлунцзян) и Хабаровском. Длина кабеля около тысячи километров [115]. А 18 августа 1999 г. открылась международная контейнерная линия, которая связала японский порт Акита через российский приморский порт Посьет с портами в Северо-Восточном Китае [116].

В сентябре 1999 г. в китайском городе Суйфэньхэ состоялось торжественное открытие свободной приграничной торговой зоны для россиян. Теперь российские граждане имеют право без оформления каких-либо бумаг съездить в КНР, беспошлинно и без всяких ограничений привозить с собой любой товар на продажу. Китайские власти разрешают на территории торговой зоны, в которую вошел фактически весь Суйфэньхэ, заниматься предпринимательской деятельностью, которой государство гарантирует свою защиту.

Подобных торговых отношений нет у России ни с кем. В соответствии с межправительственным договором таких зон должно быть на нашей общей границе три: в районе Читы, Благовещенска и около поселка Пограничный в Приморском крае, т.е. китайцы тоже должны были получить право на упрощенное пересечение границы и торговлю в этих зонах на российской территории.

Дело это, однако, сильно затянулось. И заместитель директора Федеральной пограничной службы генерал-полковник А.Еремин в конце 1999 г. не мог назвать срок выполнения этого даже предварительно: местные власти объясняют задержку перегруженностью пограничных переходов.

Абсолютно не заинтересованными в новой форме межгосударственного экономического сотрудничества оказались туристические фирмы. Это нововведение грозит им убытками. Только в Приморье в сфере организации поездок в КНР работают более 20 фирм. На погранпереходе в поселке Пограничный границу ежедневно пересекают примерно 300 «челноков», направляющихся в Суйфэньхэ. Каждый из них платит турфирмам около 2

тысяч рублей за оформление путевки. Простая арифметика показывает, что потери турфирм на этом погранпереходе составят более полумиллиона рублей за каждый день.

Беспошлинный и безлимитный провоз товаров безусловно привлечет коммерсантов из России и Китая, а значит, образующиеся зоны свободной торговли перетянут на себя значительную часть российско-китайского «серого» товарооборота. Но это в перспективе. Сейчас же деньги на обустройство погранпереходов не перечисляются, и создание торговых зон с российской стороны откладывается на неопределенную перспективу. Местные власти, в чей бюджет поступает плата за лицензии турфирм, явно не торопятся. Китаю же остается только недоумевать. Активности китайским торговцам не занимать, так что задержка с открытием российских зон свободной торговли явно не станет препятствием для «челноков» из Поднебесной, писали газеты [117].

В апреле 1999 г. губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев заявил на пресс-конференции, что краевые власти будут увеличивать участие иностранных рабочих в различных экономических проектах. По его словам, это в первую очередь касается сельского хозяйства и лесной промышленности. Китайские фермеры активно осваивают дальневосточные земли и выращивают урожай в 10 раз больше, чем российские крестьяне. Граждане КНДР будут заниматься также ликвидацией последствий лесных пожаров 1998 г. в крае [118].

В июне 1999 г. во Владивостоке состоялось четвертое заседание инициативной рабочей группы «Российский Дальний Восток — Западное побережье США». В ее работе кроме специалистов России, США и КНР принимали участие в качестве наблюдателей представители Японии, Республики Корея и Монголии. Обсуждаемый проект предусматривает создание транспортного коридора между США и КНР через Приморье. В 1997 г. эта идея была предложена губернатором края Е.Наздратенко и получила поддержку на федеральном уровне.

За прошедшее время в рамках подготовки проекта сокращены сроки прохождения грузов, упрощена процедура таможенного оформления. Окончательное создание транспортного коридора должно подтвердить межправительственное соглашение между РФ, США и КНР, подписание которого ожидалось в конце 1999 г. [119].

Первого июля 1999 г. прошел первый поезд по новой железнодорожной ветке, соединившей приморскую станцию Махалино и китайский город Хунчунь. Прокладка 40-километровой ветки началась в обеих странах в 1993 г. Ее планировалось закончить в 1998 г., однако строительство задержалось. Новая магистраль открыла самый короткий путь из северо-восточных провинций КНР к российским портам на Тихом океане. Возникла возможность для китайских предпринимателей и их партнеров по всему миру существенно экономить на транспортных расходах; в перспективе приморцы могут получить дополнительные рабочие места, загрузку портов и стабильные отчисления в бюджет [120].

Однако в целом такого рода связи развивались довольно медленно. Представляется, что на состоянии этих отношений сказывалась внутренняя обстановка в нашей стране, которую в КНР не считали подходящей для установления серьезных стабильных и крупномасштабных связей. В то же время китайская сторона, не проявляя желания вкладывать капиталы в развитие нашей экономики, предпочитала ставить, в частности, вопрос о совместном освоении неких зон на территории РФ. Таким образом оказывалось, что в обозримом будущем не просматривалось перспектив значительного расширения сложившихся и существовавших, довольно ограниченных по своим масштабам, двусторонних связей приграничного и регионального характера.

Состояние приграничных связей можно еще более предметно представить себе, внимательно вчитываясь в высказывания руководителей соответствующих субъектов федерации. Тут было много проблем и нашего внутреннего, и двустороннего характера.

Весьма непросто было, в частности, вопрос о функционировании различных видов вооруженных сил и родов войск на приграничных с КНР территориях.

В середине 1997 г. губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев отмечал, что «нынче только на территории Хабаровского края насчитываются 12 отдельных формирований. Три округа: военный, пограничный и внутренних войск. Во времена острого противостояния на российско-китайской границе в конце 60-х гг. и позже у нас в погранокруге при наличии войск, почти в три раза больше, чем нынче, был один генерал-майор. Должность его называлась начальник войск. Потом, если изобразить положение дел графически, то количество различных ЧП на заставах и на границе увеличивалось, и при этом со скоростью верхового таежного пожара росло количество генералов и прочих начальствующих чинов в ведомстве. Сейчас округ возглавляет генерал-полковник, у него в подчинении семь (!) генерал-лейтенантов и генерал-майоров. И таких погранокругов на Дальнем Востоке теперь три! При каждом свой генерал-полковник с выводком прочих генералов. ... Дальневосточный военный округ дислоцируется на территории в 3 млн. кв. километров. Его людской потенциал в пять раз больше, чем у пограничников всех трех округов, не говоря уже о степени и уровне вооруженности. Там — один штаб, один командующий — генерал-полковник. ...Кстати, количество военнослужащих в военном округе сократилось по сравнению с прежними временами в шесть раз! А вся инфраструктура осталась прежней». (21 октября 1998 г. московское телевидение сообщило о ликвидации Забайкальского военного округа, который включается в Сибирский военный округ. Это означало сокращение вооруженных сил РФ в районе границы с КНР. — Ю.Г.)

Таким образом, судя по словам В.И.Ишаева, вполне очевидно, что на практике происходило сокращение вооруженных сил нашей страны в районах, прилегающих к российско-китайской границе. Этот процесс был вызван главным образом состоянием дел внутри нашей страны и появлением Российской Федерации вместо СССР. Одним словом, думается, что для выдвижения требований о сокращении наших вооруженных сил китайской стороной и для принятия такого требования нашими соответствующими властными структурами не было реальных оснований. Повторим, что такие требования вытекали из принципиального отношения китайской стороны к нам как к потенциальному военному противнику, которого в создавшейся ситуации можно заставить даже подписывать документы о сокращении наших вооруженных сил на территории, прилегающей к российско-китайской границе (вспомним, что по форме это было соглашение о сокращении вооруженных сил обеих сторон, но, по сути дела, сокращение, в силу исторически сложившейся ситуации, затрагивало, главным образом, нашу сторону). В свою очередь, наши властные структуры, особенно МИД РФ, настаивали на том, что, только идя навстречу пожеланиям и предложениям такого рода с китайской стороны, мы можем обеспечивать благожелательное отношение к нам, нашему президенту, нашему Министерству иностранных дел с китайской стороны.

Губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев продолжал: «У нас очень серьезные претензии к пограничной и таможенной службам. Страна и ее восточные территории подвергаются бесовестному разграблению, к нам безнаказанно завозят контрабанду и наркотики. Кто несет за это главную ответственность? Помпезно шумные операции типа «Путина» рассчитаны на людей несведущих: во время их изымается самая малость браконьерской рыбы и морепродуктов. Остальное — свыше 80—85 процентов — беспрепятственно уходит за границу».

Мнение В.И.Ишаева представляется серьезным и заслуживающим реакции на него во властных структурах в Москве. Ведь дело в том, что люди, находившиеся на местах, люди, имевшие непосредственно и на практике дело с действиями, с политикой китайской стороны, стремились оградить нашу страну от разграбления, от организованного ввоза к нам наркотиков. При этом они обращали внимание на недостатки в деятельности пограничной и таможенной службы. В связи с этим возникал и вопрос о замене на посту руководителя

Федеральной пограничной службы А.И.Николаева Н.Н.Бордюжей. Известно, что генерал Николаев стремился и старался закрыть границу для нелегальной хозяйственной деятельности, обращал внимание на применение оружия против наших пограничников нарушителями границы со стороны КНР, занимал твердые позиции при переговорах с китайской стороной. В то же время Н.Н.Бордюжа, как сообщали средства массовой информации, ориентировался на мнение тогдашнего министра иностранных дел Е.М.Примакова, а в этом мнении приоритетной была мысль о необходимости делать все, в том числе идя на ущемление наших интересов, чтобы удовлетворять желания китайских партнеров, а уж потом, «по остаточному принципу» вспоминать об интересах своей страны.

Далее губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев говорил: «Посмотрите, что продает на нескончаемых салонах за рубежом странная организация с названием «Росвооружение». На самом деле они вооружают самыми современными видами оружия не Россию, а другие страны. Например, продают Китаю самые последние модели самолетов КБ Сухого, в то время как российская армия ни единого такого самолета приобрести не может. Почему бы им не продавать накопившиеся у нас в огромном количестве истребители, штурмовики устаревших моделей, а нашу сокращенную армию оснащать меньшим количеством суперсамолетов новых поколений?»

Государству нашему давно пора определить ту минимальную оборонную необходимость, которая бы на нынешнем этапе надежно обеспечивала его безопасность. А уж на решении этой задачи мы бы все сконцентрировали усилия» [121].

Следовательно, с точки зрения одного из руководителей регионов, прилегающих к российско-китайской границе, важно было прежде всего исходить из интересов нашей страны при продаже нашего оружия в КНР, а не действовать так, как это делалось в 1990-х гг., когда новейшее вооружение продавалось или за бесценок, или в существенной части на основе бартера, т.е. в ущерб интересам нашей страны и нашего народа, когда наша сторона получала товары быстрого проедания и изнашивания; при этом не исключено, что конкретные люди, в руках которых была эта торговля, получали деньги в собственное распоряжение, в том числе и от китайских партнеров; при этом государственная власть в РФ не считала нужным занимать принципиальную позицию при подходе к вопросу о том, что именно и по каким ценам, на каких принципах продавать в КНР.

Радио «Маяк» 9 ноября 1998 г. сообщало, что из России в Китай вывозят тонны кедровых орехов. Таможня берет при этом всего 0,15% от их стоимости. В КНР из них изготавливают ценное масло. В результате варварски уничтожается наш кедровник. Ради прибыли, получаемой из КНР, наши граждане опустошают свои же леса. Думается, что и в данном случае имел место симбиоз личной наживы частных лиц и представителей властей, от которых зависело решение вопроса о том, что именно и с взиманием таможенных пошлин в каком размере разрешается вывозить в КНР.

В 1999 г. печать сообщала, что кражи металла стали бедой всего Дальнего Востока. Корреспондент «Известий» Б.Резник писал, что в крупных дальневосточных городах, селах, рабочих поселках повсюду и в большом количестве открыты так называемые «пункты приема цветных металлов». Чаще всего они расположены прямо во дворах жилых домов, в старых сараях, гаражах. В любое время суток несут сюда алюминиевый и медный провод, бронзовые болванки, кабельную продукцию всех видов и сечений. Где берут? Воруют. Масштабы этих краж огромны. За год только с линий центральных электрических сетей Хабаровска сняли свыше 150 километров алюминиевых проводов.

Приемщики лома, как правило, не задают продавцам вопросов, где они взяли свой товар. Скупают, вполне догадываясь, как добыто это добро, за сущие копейки. Скупив краденое, приемщики через посредников или напрямую продают российские цветные металлы китайским коммерсантам, коих нынче на наших дальневосточных просторах великое множество. Как утверждают сотрудники регионального управления по борьбе с

организованной преступностью, бизнес этот для приемщиков металла весьма выгоден: ведь китайцы дают за килограмм алюминия два доллара.

Власти Хабаровского, Приморского краев и многих других территорий российского Дальнего Востока запретили своими постановлениями «деятельность, связанную с приобретением и реализацией лома и отходов цветных металлов». Однако, как и прежде, в каждом населенном пункте на фанерных дощечках красуются надписи: «Куплю лом цветных металлов» [122]. Проблема продолжала оставаться острой и в 2000 г.

В 2000 г. появились сообщения о том, что Госкомэкологии готовил запрет на сбор целебного корня, т.е. женьшеня, в течение года.

Корреспондент газеты «Известия» О.Жунусов писал об этом: «Тревогу забили ученые. Исследования свидетельствуют о крайнем истощении генетического потенциала дикого женьшеня», — утверждали сотрудники Биолого-почвенного института Дальневосточного отделения РАН. Бесконтрольный сбор ценного растения приводит к тому, что оно вырождается, теряет свои уникальные целебные свойства, за которые так ценится. Более того, подобная практика может привести к полному исчезновению этого растения, утверждает заместитель председателя комитета по экологии Приморского края К.Кученко.

Уссурийский женьшень считается самым ценным среди всех видов женьшеня. В нем больше, чем в других, биологически активных веществ. Но за последние годы ареал распространения корня в Приморье сократился более чем в десять раз.

— Раньше мы копали корень, как и положено, начиная с августа. Сейчас же охота начинается с мая. Идут целыми деревнями. Не оставляют ничего, даже мелочь подбирают, — печально рассказывает бывалый корневищик Иван Дубов.

Скупают женьшень в основном китайцы. Платят они довольно большие для сельчан деньги. Цена одного грамма женьшеня составляет около 8 долларов. Один корень в среднем весит 25—30 граммов. Старые корни достигают двухсот. Раньше попадались экземпляры в полкило, но до таких размеров женьшень должен расти не менее 350 лет. Даже один корешок способен надолго обеспечить нашедшего, потому и идут за ним в тайгу все кому не лень.

Однако разбогатеть на женьшене не так легко, как может показаться. «Это неприметное растение с мелкими красными ягодками в лесной чаще не сразу и углядишь, — усмехается Дубов. — Он же не растет на открытых местах. Да и просто отыскать мало. Надо уметь взять».

Действительно, процесс выкапывания очень трудоемкий и длительный. Нарушение правил ведет к порче корня, и тогда за него ничего не выручишь. Копают специальными костяными палочками, чтобы ни один из многочисленных нитевидных отростков не повредить. На всю процедуру уходит два-три часа. Раньше опыт корневищика передавался из поколения в поколение, но сейчас китайцы проводят ускоренные курсы обучения.

Именно они как посредники получают львиную долю дохода от добычи уссурийского женьшеня. По оперативным данным, их выручка более чем в 10 раз превышает ту сумму, которую они платят российским сборщикам. В самом Китае дикого женьшеня, по косвенным данным, практически не осталось. Культурный же корень пока не может сравниться с лесным собратом по полезным свойствам. Биологически активных веществ в нем на треть меньше. Между тем история использования «корня жизни» на Востоке насчитывает тысячелетия, что и определяет высокий спрос и цену на женьшень.

По оценке специалистов Госкомэкологии, ежегодно из Приморья вывозится контрабандой полтонны женьшеня. Хотя официально в предыдущие годы разрешалось собирать не более 50 килограммов».

Только полный запрет на копку корня, считают специалисты, может дать надежду на сохранение уникального дара уссурийской тайги, заканчивает свою корреспонденцию О.Жунусов [123].

Проблема перемещения значительного числа граждан из соседней страны на нашу территорию стала очень важной для наших приграничных с КНР районов.

Губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев издал постановление о принятии миграционной программы этой крупнейшей в России территории на 1999—2000 гг. В наших средствах массовой информации, в частности в статье корреспондента «Известий» Б.Резника, в связи с этим констатировалась печальная данность новейшей постперестроечной истории: восточные районы страны, и доселе не славившиеся плотной заселенностью обширнейших земель, катастрофически теряют своих жителей. Только за последние пять лет и только население Хабаровского края уменьшилось более чем на сто тысяч человек, или почти на шесть процентов. Закрываются, а если и работают, то в режиме выживания, доминирующие здесь предприятия добывающих отраслей промышленности. Без госзаказа стоят заводы военно-промышленного комплекса, чья продукция еще недавно занимала около 60 процентов в общем объеме производства...

Обезлюдели целые поселки, брошены военные городки. Недавние дальневосточники, любившие эту землю, стойко переносившие суровость местного климата, неустроенность жизни, устремились на «неверный дальний Запад». К родственникам, а кто и в никуда, в надежде найти там работу и обрести кров. А что же здесь, как будет складываться демографическая обстановка на Дальнем Востоке России?

Администрацию Хабаровского края не без основания весьма тревожит нелегальная миграция сюда граждан ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно из сопредельной КНР. Тысячи китайцев устремляются в край по так называемому «безвизовому туризму». На самом деле ни для кого уже не секрет, что, за редким исключением, наши соседи устремляются к нам вовсе не для того, чтобы любоваться красотами российской земли, — они занимаются коммерческой деятельностью. Например, только за первые шесть месяцев 1998 г. и только через два хабаровских поста миграционного контроля в край въехало 6173 безвизовых китайских туриста. Многие из них долго не дождутся на родине, потому что они проследовали транзитом в другие регионы России, нелегально осели в городах и районах Хабаровского края.

Чем же занимаются у нас китайские «туристы»? Все чаще они становятся «героями» милицейских криминальных сводок: ограбления, торговля наркотиками, убийства... Но чаще всего правоохранительные органы обнаруживают китайские подпольные цеха по производству «паленой» водки-отравы, сырье для которой в огромном количестве контрабандно переправляется в Россию из КНР.

Известны факты, когда китайские граждане, незаконно находящиеся на нашей территории, через подставных лиц приобретают в России собственность. Китайские власти не скрывают, что многие тамошние преступники и уголовные «авторитеты», отбыв в КНР наказание, уезжают в Россию по поддельным паспортам. Только за один год пост пограничного контроля в аэропорту Хабаровска изъял у китайских граждан, прибывших к нам, 94 подложных паспорта.

Похвально стремление администрации края навести порядок в регулировании миграционных потоков. Принятая губернатором миграционная программа на ближайшие два года обширна (в ней 52 страницы) и детально проработана при участии сотрудников многих заинтересованных ведомств. Она надежно перекрывает каналы нелегальной миграции. Например, для иностранных граждан, въезжающих на территорию края, теперь вводятся иммиграционные карточки, которые независимо от цели въезда должны быть зарегистрированы в органах внутренних дел [124].

В августе 1997 г. начальник миграционной службы Приморья С.Пушкарев подписал распоряжение, в соответствии с которым на территорию края не пропускаются граждане КНР, въезжающие по служебным паспортам, цель приезда которых не подтверждается необходимыми документами. По словам С.Пушкарева, такое решение продиктовано тем, что в край по служебным паспортам из КНР приезжает большое количество водителей, переводчиков, экспедиторов, которые затем занимаются личным бизнесом [125].

Иначе говоря, положение в КНР таково, что многочисленные китайские организации, в том числе, вероятно, имеющие криминальный характер (возможно, не по форме, но по существу), имели возможность получать от властей в КНР документы, т.е. служебные паспорта, на основании которых в Россию попадали люди, которые на нашей территории занимались обыкновенным бизнесом. При этом вполне очевидно, что это вовсе не безобидный бизнес, а такая деятельность, на пути которой местные российские власти стремились ставить заслон в пределах своих возможностей.

Известно, что МИД РФ медленно размышлял над этими вопросами. Там постоянно выдвигался тезис о том, что в разных приграничных районах в России местная администрация по-разному относится к деятельности китайцев на нашей территории. И все же положение стало настолько серьезным, что МИД РФ, в конечном итоге и как бы через силу, пришлось поставить вопрос перед китайской стороной о дальнейшем упорядочении процедуры пересечения границы. Весьма характерно, что китайские власти не сразу пошли навстречу желанию российской стороны. Вероятно, и ранее, когда существовал безвизовый порядок пересечения границы, и затем, когда были введены некоторые ограничения при пересечении границы, существовавшее положение устраивало и китайские деловые круги, и китайские власти, ибо прибыль для китайской стороны была столь велика, что отказаться от нее или допустить ограничение ее размеров было очень трудно. Через силу китайской стороне постепенно приходилось соглашаться на предложения нашей стороны. Все это свидетельствовало о принципиальной выгоде положения, существовавшего в 1990-х гг., для китайской стороны и об ущемлении интересов нашей стороны, прежде всего материальных.

Известинец А.Привалов высказал заслуживающие раздумий и государственных решений соображения о проблеме численности населения на Дальнем Востоке.

Он привлек внимание к тому факту, что в июне 2000 г. губернатор Приморского края Е.И.Наздратенко заявил, что считает необходимым переселить на Дальний Восток пять миллионов человек из центральных регионов страны. По его мнению, переселенцы должны быть размещены в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях «с целью создания паритета с северо-западными провинциями Китая» (вероятно, имелись в виду провинции северо-восточного Китая, т.е. Маньчжурии. —Ю.Г.). Подробности: как именно Е.И.Наздратенко хотел бы стимулировать эти миллионы к переселению, в каких помещениях их поселять, чем занимать — не сообщались. Да оно и к лучшему — более чем вероятно, что ответов на эти вопросы Е.И.Наздратенко не знает, поскольку не знает их вообще никто. Но постановка этих вопросов предельно актуальна, пишет А.Привалов.

И продолжает: в частности — по указанной губернатором причине. Естественный прирост населения на граничащих с Россией территориях Китая вместе с не слишком естественной депопуляцией нашего Дальнего Востока создает огромную и с каждым месяцем нарастающую проблему: растущий разрыв в населенности сопредельных территорий не может не приводить к мощному демографическому давлению на наши земли. Это давление не обязательно сопровождается какими-либо политическими замыслами наших соседей и уж наверняка не может быть остановлено никакими политическими мерами, поскольку имеет более глубокую природу. В сущности, речь идет об очень близком аналоге осмотических процессов, которые нам растолковывали на школьных уроках биологии: концентрация растворов разной насыщенности, разделенных полупроницаемой мембраной, постепенно выравнивается по обе стороны. Уговорами осмос не предотвратишь. Выходов же из положения всего два. Один из них — сделать мембрану (т.е. границу) непроницаемой. Это значит предельно ужесточить визовой режим, жестко отслеживать его соблюдение, без колебаний депортировать нарушителей. Действенность такой политики, впрочем, может быть только краткосрочной. Не говоря уже о дороговизне подобных мероприятий, они требуют и весьма заметных людских ресурсов. Поскольку население региона уменьшается, в пределе проведение описанной политики кончится тем,

что охраной границы будут заниматься все жители до единого. А потом и этого станет мало...

Дело за малым: осталось придумать, как стимулировать такую миграцию, за чей счет перевозить и обустраивать переселенцев. Я полагаю, продолжает А.Привалов, что попытки это придумать окажутся совершенно безнадежными, если решать именно поставленную проблему — диспаритета населенности. Но эта проблема может быть решена попутно, если избрать более значительную цель. И цель-то известна: модернизация России.

Добиться модернизации (или даже более узко — экономического роста) фронтально мы заведомо не сможем. Да и не нужно этого добиваться: преимущества концентрации усилий на нескольких тщательно отобранных «прорывных» направлениях слишком хорошо известны. Однако если полезность концентрации «в отраслевом разрезе» — общее место, то ровно такой же вывод в разрезе «географическом» не только не слишком популярен, но и кажется подозрительным по части политкорректности. А зря, все аргументы в пользу отраслей-локомо-тивов вполне справедливы и для лидирующих регионов. Ну а регион, оказавшийся лидером в модернизации своей экономики, неизбежно станет неудержимо привлекательным для мигрантов: только не мешай им приезжать. И очень важно, что в этом случае трудоустройство прибывающих не станет ничьей головной болью: в быстро растущей экономике растет и число рабочих мест.

Какие регионы имеют наибольшие шансы стать лидерами? Полагаю, в первую очередь те, которым проще активизировать международное сотрудничество: Северо-Запад, Юг — и уж конечно Дальний Восток. Прекрасный климат, великолепная природа, близость к огромному и предельно динамичному азиатско-тихоокеанскому рынку, пусть не вполне адекватная, но уже имеющаяся инфраструктура — в частности, что очень важно, инфраструктура научная — что еще нужно региону, чтобы стать всероссийски (а там, глядишь, и всемирно) притягательным?

Понятно, что нужно. Нужна внятная, ответственная и предельно дружественная к бизнесу политика региональных властей. Пока в Приморье не прекращаются скандалы, связанные с отъемом собственности, пока власть чиновничества там настолько всеобъемлюща и беспардонна, что даже выборы мэра проваливаются десятками, пока приморским губернатором инвесторы пугают непослушных детей, ни о каком лидерстве региона и говорить не стоит. А население пополнять — прямо уж не знаю как. Разве что привозить в столыпинских вагонах, заканчивает свою статью, озаглавленную им «О восточных делах», А.Привалов [126].

Представляется, однако, что в нашей стране может возрасть понимание необходимости решать эту действительно существующую проблему. О том свидетельствует и появление таких выступлений, как статья А.Привалова. В этом смысле ее можно лишь приветствовать.

В то же время необходимо подчеркнуть, что заявление Е.И.Наздратенко вызвано преобладающими в приграничных с КНР регионах нашей страны ощущениями. Люди там стремятся жить в условиях, когда на их землях нет компактных масс иностранцев. Более того, практика (последнего десятилетия — в особенности) показала, что пока невозможно двум нашим народам жить бок о бок на нашей земле как бы в качестве двух ее «равноправных хозяев». Граждане КНР, которые живут в последнее десятилетие XX века в нашей стране, как правило, не становятся законопослушными гражданами России, не считают себя китайцами по национальности, но гражданами РФ. Участие капиталов из КНР в экономическом развитии этого региона возможно и допустимо, даже желательно. Вопрос же о проживании китайцев на этих землях и сегодня, и в обозримом будущем вызывает возражения у местного населения, у той части граждан нашей страны, которая живет в этих районах, да и у большей части остальных россиян.

Поэтому люди требуют, чтобы наше государство прежде всего ввело строгий визовый режим и чтобы пребывание китайских граждан на нашей земле было оформлено по всем уже существующим (а возможно, еще не принятым, но необходимым) законам нашей страны. Иными словами, наши граждане требуют от своего государства обеспечить им положение хозяина в своем доме, на своей земле. Граждане других государств, в том числе и граждане КНР, должны понимать, что они здесь только в гостях.

Что же касается вопроса о решении всей проблемы нашего Дальнего Востока, то вся история этих мест и опыт XX века в особенности свидетельствуют о необходимости предоставления этим краям такой экономической самостоятельности и действия там таких законов, которые сделали бы эти места всерьез привлекательными для деловых людей, как наших, так и иностранцев.

Наконец, последнее замечание: людям, которые живут в Москве или далеко от Дальнего Востока, зачастую очень непросто почувствовать себя «в шкуре» наших собратьев, живущих там. Отсюда и наивные рассуждения в важной статье А.Привалова о том, что демографическое давление «не обязательно сопровождается какими-либо политическими замыслами наших соседей». На самом же деле жители нашей страны, а Дальнего Востока в особенности, глубоко обеспокоены именно такого рода замыслами. Ведь пока еще нет нового договора о границе между нашими странами, который снял бы вероятность предъявления нам территориальных претензий. Далее, пока еще действует и соглашение о стокилометровой зоне вдоль российско-китайской границы, согласно которому мы фактически в одностороннем порядке сокращаем наши вооруженные силы и вооружения, а китайские военнослужащие имеют право инспектировать наши военные склады, сооружения и т.д. и пользуются этим правом. В КНР и сегодня выдвигают тезис о неравномерности заселения районов по нашу и по китайскую сторону российско-китайской границы. Жаль, что и у нас находятся люди, которые, возможно исходя из неких, как им кажется, добрых побуждений, повторяют за китайскими коллегами этот тезис, наносящий ущерб нашим национальным интересам. Это пока теоретический, но потенциально опасный тезис. На самом же деле в международных отношениях вопрос о территории не решается в зависимости от численности населения той или иной страны, если страна стремится защищаться. Одним словом, все это, вместе взятое, вызывает сомнения относительно намерений наших соседей. Дело тут и не в политических мерах, о которых также пишет А.Привалов, а в том, что русские люди живут на этих землях уже сотни лет и хотят оставаться их единственными хозяевами; так было, и так должно быть дальше. Две наши нации в этом регионе должны уважать принцип: каждая нация — хозяин в своем доме. Думается, что разум тут будет по-прежнему преобладать.

Средства массовой информации сообщали, что в городе Муданьцзян в китайской провинции Хэйлунцзян сдана в эксплуатацию зона переработки товаров, предназначенных для экспорта в Россию, созданная совместными усилиями администрации этого города и российского Уссурийска [127].

Известно, что такого рода зоны созданы практически везде, где российские граждане обычно пересекают границу, т.е. на всем восточном участке российско-китайской границы (в частности, в Маньчжурии, в Хэйхэ, в Суйфэньхэ, в Муданьцзяне). Китайская сторона, очевидно соединив усилия властей и деловых кругов КНР, создала эти зоны для российских «челноков», т.е. граждан РФ, физических лиц, которые на свой страх и риск занимались регулярно покупкой товаров в КНР и продажей их на нашей территории. Создание таких специальных торговых зон — одна из характерных примет нового механизма торгово-экономических связей между РФ и КНР в 1990-х гг.

В российской печати появилось сообщение о том, что Ассоциация финансово-промышленных групп России (АФПГ) открыла свое официальное представительство в КНР.

Вместе с правительством Бурятии они в 1998 г. реализовали программу по совместному с китайскими компаниями использованию лесных ресурсов Бурятии и организации экспорта древесины через сеть складов в китайской свободной таможенной зоне Тангу.

АФПГ способствует также заключению соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Бурятией и китайской провинцией Хэйлунцзян. Представительство АФПГ в Пекине активно включилось и в работу по реализации программы развития скоростного флота в КНР, управляющей компанией которой с российской стороны выступает ФПГ «Скоростной флот» [128]. Это еще один пример развития приграничных связей, который, на наш взгляд, свидетельствует о настоятельной необходимости поставить такого рода деятельность под государственный контроль на основе соответствующих законов.

В апреле 1998 г. в российской печати появилось сообщение о том, что во Владивостоке представитель китайской фирмы организовал «поставку» в КНР молодых русских девушек для развлечения игроков в казино. Они должны, как гейши, — улыбаться, строить глазки и разжигать азарт у клиентов. Оплата — 800 долларов плюс чаевые.

Никакого контракта, разумеется, не подписывали. Девушкам, которые бедствовали без работы на родине, предложение показалось выходом из положения, возможностью заработать. Оказалось, что их отдали в рабство. Они получили трехдневную визу в КНР, какую дают «челнокам». После пересечения границы уже в КНР их посадили в автобус и четверо суток везли в провинцию Хунань.

В городе, куда их доставили, им пришлось работать в увеселительном заведении, которое пользуется большой популярностью среди чиновников государственных и партийных учреждений. У девушек отобрали паспорта и заставили подписать «Инструкцию о правилах поведения иностранного персонала». Прочитав инструкцию, они тут же поняли, что их обманули. Заработная плата — не 800 долларов, а 600 юаней, т.е. около 80 долларов в месяц, т.е. меньше, чем средняя зарплата в городах КНР. Чтобы отличать работниц, им выдается нагрудный номер (номером заменяется имя и фамилия человека). В здании казино работницы проживают в «зоне отдыха». «За исключением руководства компании и вышеупомянутых чиновников партийного и государственного аппарата посторонним лицам запрещено входить в зону. На время отдыха вводится режим блокирования зоны», — гласила «Инструкция». Охрана режима труда и отдыха персонала осуществляется дежурными надсмотрщиками и переводчицей — «госпожей Сун». Запрещен самовольный выход в город. Для приема пищи работницы ходят в столовую строем в сопровождении охранника. Двадцать русских девушек объявили забастовку — не выходили на работу и требовали обещанной зарплаты [129].

Через два года эта деятельность — доставка и использование «женского мяса» из России для удовлетворения низменных инстинктов ханьских самцов и для удовлетворения чувства превосходства особой желтой расы над людьми белой расы, в особенности над людьми из России, над русскими женщинами, — приобрела в КНР громадные масштабы.

В июне 2000 г. в Москве по телевидению был показан репортаж из Пекина. В нем отмечалось, что девушки и молодые женщины из нашей страны в поисках работы, не найдя ее дома и надеясь заработать деньги на жизнь себе и своим родным, устремляются за рубеж, туда, где, как им кажется, такие возможности есть. При этом они не имеют ни малейшего представления ни о тех странах, куда они попадают, ни о жителях этих стран, ни об истории отношений нашей страны с той или иной страной, а особенно об отношении в той или иной стране, по крайней мере среди части ее жителей, к нам как к россиянам в целом.

И вот таким образом настроенные, наши девушки и женщины сталкиваются с предложениями работать официантками в кафе и ресторанах КНР. Многие соглашались на

это. Причем сеть заброшена по всей России. Речь идет о поставленной на поток торговле живым товаром, констатировал корреспондент нашего телевидения в Пекине.

Известны случаи, когда такие предложения делались и в Москве, а также в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР.

Конечно, каждый человек сам отвечает за себя. Согласие наших женщин ехать на «работу» в Китай — это их личное решение, за которое они сами прежде всего и несут ответственность. К ним можно по-разному относиться: жалеть или осуждать. Но это — лишь одна сторона дела. Это несчастье того или иного конкретного человека, личное дело каждого. Однако у этой проблемы есть и иная сторона. Она складывается из преступной деятельности целой сети «ловцов человек» в нашей стране — нарушителей законов, которые заманивают жертву в сети. При этом сети оказываются иностранными, китайскими.

В нашей стране агентами и партнерами китайских преступных группировок выступают российские преступные группировки. Преступники нашли общий язык — это деньги. Одни продавали женщин, своих соотечественниц, как товар; другие покупали чужестранок тоже как товар. Наши преступники выступали в данном случае в качестве новых российских комрадоров, работая на своих китайских хозяев. Преступные российско-китайские сообщества плясали в данном случае «под китайскую дудочку».

Весьма характерно при этом, что китайские преступные группировки не занимаются импортом в КНР «живого товара», например, из Эфиопии или откуда-нибудь еще. Важным представляется также и то, что во всем этом процессе инициативной, «агрессивной» стороной выступают китайские партнеры, представители китайского преступного мира. Еще более важным представляется то, что все это приобрело столь широкие масштабы (в КНР только за последнее время въехали около пятидесяти тысяч женщин из России), что об этом не могут не знать власти КНР. Более того, трудно отделаться от мысли о том, что китайский криминал в данном случае зачастую спаялся с китайскими же властными структурами.

Внешне для наших обездоленных и потерявших ориентировку молодых женщин все это выглядит как предложение выехать в КНР формально как бы в туристическую поездку, но при этом подразумевалось, что им будет предоставлена работа в кафе или ресторане в качестве официанток. (Известно также, что бывали случаи, когда собирались группы артисток — и из РФ, и из стран СНГ — для ресторанных представлений; артисты действительно давали концерты, например в Шэньчжэне). Но это единичные и не типичные случаи. Таких богатых ресторанов с вечерними представлениями не так много в Китае. В преобладающем большинстве случаев речь шла о примитивном, так сказать, массовом и довольно дешевом публичном доме для обычных жителей китайской глубинки. Женщин там просто использовали, обращаясь с ними, если иметь в виду наши представления об этом, хуже, чем с животными.

Молодая женщина из нашей страны должна была перед такого рода поездкой заплатить тому, кто ей такую «туристическую» поездку предлагал и брал на себя оформление соответствующих документов, от 400 до 500 долларов. Таким образом, женщина, очевидно не подозревая или не задумываясь об этом, сразу же попадала в кабалу к китайским хозяевам. По сути дела, наши сутенеры оказывались агентами китайских преступных организаций, которые выступали под видом китайских туристических фирм.

Московский телевизионный корреспондент П.Спирин начал свой репортаж от ворот посольства РФ в КНР с фразы, которая, вероятно, отражала позицию посольства. Он говорил, что перед российскими дипломатами в Пекине стоит главная задача — укрепление стратегического партнерства. Но в последнее время им с трудом удается выполнять эту задачу, так как посольство РФ в КНР буквально осаждают — весьма неудачно и оскорбительно для женщин выразился корреспондент — «проститутки» или девушки, которым удается вырваться из цепких лап китайских хозяев.

В связи с этим необходимо заметить, что главная задача наших дипломатов в любой стране, в том числе, а может быть, особенно, в КНР, состоит в том, чтобы защищать

человека нашей страны, который попадает в трудное положение за границей. Особенно когда то или иное явление приобретает массовый характер и когда вполне очевидно, что против наших людей действует широко разветвленная цепь преступных группировок. Необходимо потребовать от властей страны пребывания, чтобы они прекратили этот произвол, и твердо выступать на стороне граждан России. В проскочившей у корреспондента фразе о главенстве стратегического партнерства очень хорошо видна ошибочность принципиального представления некоторых сотрудников наших государственных организаций о том, что такое Россия сегодня и что такое сегодня понятие человеческой личности и ее прав в России, а также каковы главные интересы нашей страны. Только при условии, что права наших людей не ущемляются партнером, можно говорить о каких бы то ни было других отношениях с этим партнером.

Далее корреспондент привел пример с теми женщинами, которым повезло и которые в конце концов оказались на территории посольства. Оказалось, что хабаровская турфирма номинально отправила их на работу в Сянган (Гонконг). На самом деле у этой хабаровской фирмы в КНР был партнер, и уже этот фактический хозяин «живого товара» перепродал девушек другому хозяину, и они оказались не в Сянгане, а в соседней с нашей страной китайской провинции Ляонин, где их заставили быть проститутками.

Процедура обращения с несчастными женщинами была во всех случаях одинаковой. По прибытии в КНР их помещали в изолированные дома или квартиры. И прежде всего — отбирали документы; они оказывались людьми без российских паспортов. Более того, их лишали и фамилии и имени; они становились «номером таким-то», т.е. оказывались в положении заключенных. Затем их помещали в то, что именуется «саунами», т.е. в публичные дома. Оттуда они никуда не могли выйти. Они были буквально заперты в четырех стенах. Они теряли все права человека. У них не было никаких свобод, прежде всего свободы действий и передвижения. Если они не подчинялись приказам своих китайских хозяев, их связывали, ночами не выпускали даже в туалет, жестоко, до крови избивали. В них подавляли человеческую личность. Собственную одежду отнимали; они оставались голыми, «готовыми к употреблению»; им выдавали только нечто вроде «спецодежды», т.е. простого халата на голое тело. Так их держали в этих «саунах». Там им было приказано ежедневно принимать установленное хозяевами произвольно число китайских мужиков, которые удовлетворяли свою похоть, обращаясь с несчастными женщинами как со скотом, причем скотом бессловесным, ибо наши женщины не знали китайского языка.

Если женщина выполняла дневную или суточную «норму» изнасилований, ее кормили. Это означало, что раз в день ей давали миску риса с подорожником. И это была вся ее еда. Вырвавшиеся из этого китайского плена или ада женщины обращались с экрана телевизора к тем, кто все еще стремится поехать «на работу» в КНР, призывая их предпочесть «кислую капусту и картошку дома» китайской рисовой каше с подорожником.

Основной поток таких женщин следует в КНР через город Харбин. Там есть люди, если их можно так назвать, хотя, по сути дела, это самые настоящие нелюди, владеющие русским языком, так сказать, специалисты по России, имеющие помещения, где они осуществляют первичную обработку наших женщин и определяют пункты, зоны или «крутые маршруты» их дальнейшего мыкания по этому своеобразному современному китайскому ГУЛАГу для молодых русских женщин. В репортаже упоминались имена двух китайских хозяев из Харбина: «Леня» и «Лиля». Складывается впечатление, что весь этот «бизнес» в КНР централизован. Однако нет сведений о том, чтобы власти препятствовали этой «деятельности». Скорее всего, все это творится в сотрудничестве с властями или при их попустительстве.

Из Харбина женщины попадают на пересылку: их рассылают или развозят по провинциям. Там их помещают в те места, которые именуются «домами отдыха» (можно вспомнить «счастливую жизнь при социализме») или «саунами». В каждом таком доме,

обслуживающем китайских чиновников и богатых людей, да и вообще тех, у кого на эту «экзотику» найдутся деньги и наглость, в небольших китайских городках женщин держат, как правило, две недели. Таких городков в КНР сотни, если не тысячи. Пребывание в сети торговцев живым товаром может затягиваться до смерти или до полного истощения женщины. Собственно говоря, их перевозят как животных в передвижном зоопарке или бродячем цирке; они все время находятся «на колесах». Корреспондент отмечал, что существует система «ротации кадров», т.е. все время в города Китая поставляют «свежатинку из России».

Сами несчастные женщины говорят, что «никакого города они не видят», их никуда не выпускают, содержат раздетых, только в халатах, иной раз в наручниках; китайские садисты-хозяева жестоко избивают, хватают за волосы, бьют лицом о колено, могут разбить посуду о голову несчастной девушки, и тогда прислуга или официанты замывают кровь на полу и на стенах.

Сколько же таких несчастных, попавших в ловушку женщин из России находилось в КНР в 2000 году?

Сотрудник консульского отдела посольства РФ в КНР С.Трепачев в цитируемом здесь репортаже сказал, что в КНР таким образом въехали 50 000 российских женщин. Формально они приезжают, чтобы заработать деньги. На самом деле в современном Китае они могут это сделать, только занимаясь проституцией. Сотрудник консульского отдела также говорил, что пограничные органы на российско-китайской границе допускают «странную халатность», пропуская этих женщин по документам, утратившим силу. При этом он показал документ, по которому женщины пересекли границу в марте 2000 г. и были задержаны китайской полицией.

На документе можно прочитать, что он выдан китайской туристической фирмой. Выезд оформлен печатью в одном из субъектов РФ, на документе имеется и печать китайской пограничной службы. Таким образом задержали этих девушек не за то, что они незаконно пересекли границу, а, скорее всего, за то, что они не сидят смиренно в «сауне» и не слушаются беспрекословно своих китайских хозяев.

Корреспондент московского телевидения заканчивал свой репортаж из Пекина словами о «бездонном китайском рынке сексуальных услуг» [130].

Сообщения на эту тему продолжали появляться в нашей печати. О.Жунусов из Владивостока 4 июля 2000 г. писал в «Известиях» о том, что «живой товар» «приносит огромные доходы криминальным структурам по обе стороны границы». Далее он сообщал, что в 1999 г., по данным пограничников, через Приморье в Россию вернулись 162 «наложницы». Разумеется, это только «верхушка айсберга». Этим молодым женщинам все-таки повезло. А большинство тех, кого в КНР использовали как проституток, уже не надеются когда-либо вернуться на родину.

Вот только один из типичных случаев.

Лена Л. поехала с подругами работать официанткой в ресторане. Но, как только они оказались в китайской гостинице, начались «приключения».

— Вечером к нам в номер зашли китайцы и сказали, что мы будем работать у них проститутками, что они купили нас на три месяца. Сбежать было невозможно, так как у этих китайцев связи с полицией и таможней. Документов у нас не было, — сквозь слезы рассказывает девушка.

Схема стандартная: как только девушки попадают к «работодателю», у них забирают документы. Хозяин говорит, что он должен отчитываться перед властями, поэтому паспорта «пока полежат» у него. С этого момента иностранки становятся полностью бесправными. Их держат взаперти, иногда перепродают. Сбежать удастся единицам. Оксане М. повезло больше, чем ее подругам:

— Нас держали под замком, морили голодом, а когда мы отказались выйти на работу и обслуживать мужчин, стали избивать. Две девушки пытались убежать, их поймали, избили и куда-то увезли, дальнейшей их судьбы я не знаю. Я же ушла ночью, когда мой сторож уснул.

Оксана сумела добраться до границы.

— Китайские пограничники требовали заплатить штраф пять тысяч юаней (более шестисот долларов. — Ю.Г.), но денег у меня не было. Меня обыскали и депортировали из страны.

Корреспондент упоминал и о том, что полицейские в КНР «не церемонятся» с нашими женщинами. Их могут забрать в участок, допрашивать, отвезти в тюрьму, предварительно «сняв все золото». Потом из тюрьмы могут отправить на родину.

Зачастую продают в притон в качестве проституток и тех, кто едет в КНР в группах танцоров. О.Жунусов приходит к выводу о том, что торговля «живым товаром» приносит колоссальные доходы и на этой и на той стороне границы; «российские же власти пока этой проблемой не озабочены, на официальном уровне она даже не поднимается». А ведь речь идет о десятках тысяч наших граждан в КНР. При этом вполне очевидно, что в КНР «работорговцы» действуют зачастую вместе с властями, во всяком случае на низком уровне.

Итак, предметами вывоза из России в КНР наряду с товарами стратегического назначения, сырьевыми ресурсами, новейшими военными технологиями, а также собранной на территории РФ выручкой в «живых деньгах», в сотнях миллионов, если не в миллиардах американских долларов, стал и «живой товар» — очевидно, привлекательные для покупателей, принадлежащих к желтой расе, девушки белой расы, русские молодые женщины, закупаемые по контракту или на основе устной договоренности. Возможно, на время, а может быть, и до естественного конца, после «выработки ресурса» для создания приятного настроения у чиновников партийно-государственного аппарата КПК-КНР и, вероятно, новых богатых китайцев. Бесчеловечность покупателей такого товара ужасает и вызывает гнев. На ум приходят мысли о том, что в душах «заказчиков», т.е. чиновников партийно-государственного аппарата КНР, все еще сохраняются воспоминания о том, что русские женщины в XX веке уже оказывались в таком положении, что были вынуждены в Китае (в 20—40-х гг.) идти в проститутки, скажем, на улицах Шанхая. Стереотип представления о русских женщинах как о проститутках всегда тлел в умах известной части людей при власти КПК-КНР.

Мало того, тут присутствовали и своеобразные исторические реминисценции. В печати можно было прочитать рассказ одного из китайцев, оказавшихся в нашей стране, в котором, в частности, говорилось: «У меня был один знакомый китаец, который любил (думаю, и сейчас любит) спать с русскими женщинами. Объяснял он это следующим образом: «В 1900 г. войска восьми государств вошли в Пекин (в том числе и солдаты российской армии. — Ю.Г.). Сейчас я мщу за предков». Он и его приятели не позволяли своим китайским однокурсникам (в одном из московских вузов. — Ю.Г.) иметь дело с русскими парнями. Когда соотечественницы выражали неудовольствие такой постановкой вопроса, то слышали следующее: «Когда мы спим с русскими девчонками, то мы тем самым мстим за предков. А вы не должны позволять иностранцам пользоваться собой» [131].

В августе 1999 г. на территории Приморского края был введен карантин: приостановлены контакты с КНР.

В Уссурийске врачи обнаружили вспышку холеры. Госпитализирован один из местных водителей. Он совершал регулярные поездки на грузовике в соседний китайский город Дунин. Обычно шоферы берут питье из дома, однако он, будучи в Китае в конце июля, пил воду из бутылки, предложенной ему китайцем, и купался в местном водоеме. По мнению эпидемиологов, это наиболее вероятная причина заражения. Тем более что по

информации, поступившей от военных, в соседних провинциях КНР зарегистрирована вспышка кишечной инфекции, которая привела к смерти нескольких больных.

Администрация Приморья приостановила обмен с КНР туристами, а также другими организованными группами. Был послан официальный запрос властям КНР. Жителям края было адресовано обращение с просьбой воздержаться от покупки китайских овощей и фруктов [132].

Двенадцатого августа 1999 г. глава администрации Хабаровского края В.Ишаев, начальник Дальневосточного регионального управления ФПС РФ генерал-полковник А.Гольбах, епископ Хабаровский и Приамурский Марк посетили Большой Уссурийский остров и определили там место, где в ближайшее время будет построена православная часовня. Большой Уссурийский — один из двух островов близ Хабаровска, судьба которых не решена в документах о демаркации российско-китайской государственной границы.

— Часовню возведем в память обо всех российских воинах, погибших при защите священных рубежей нашего Отечества, — сказал В.Ишаев. — Она будет воплощать идею незыблемости и неприкосновенности наших границ [133].

Хабаровский епископ Марк говорил, что «без него (губернатора Хабаровского края В.И.Ишаева. — Ю.Г.) ни за что не удалось бы соорудить часовню на Большом Уссурийском острове. Это целиком его заслуга». В.И.Ишаев — человек неверующий, а часовню на острове построил «из геополитических соображений, чтобы за столбить российский приоритет на этой спорной (с китайцами) территории», — писал корреспондент одной из наших газет [134].

В мае 2000 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II побывал на Большом Уссурийском острове, вдоль которого по рекам Амур и Уссури проходит граница России с Китаем. Он пожелал воинам Дальневосточного пограничного округа стойкости и мужества в деле защиты священных рубежей Отечества и совершил краткую заупокойную службу в часовне, воздвигнутой в память о пограничниках, погибших при исполнении долга [135].

В конце 1999 г. КНР дала согласие на полеты российских самолетов через Маньчжурию. Договоренность зафиксирована в итоговом документе, подписанном по окончании 4-го заседания российско-китайской рабочей группы. Трасса Владивосток — Москва стала на 700 километров короче. Время полета сократится на один час, что позволит сэкономить горючее и снизить цены на билеты. Короткий маршрут не использовался более 35 лет, со времени охлаждения отношений между СССР и КНР в начале 1960-х гг. [136].

В августе 1999 г. в Приморье сначала на пять, а затем и еще на десять дней был закрыт пункт пропуска туристов из КНР в связи с необходимостью не допустить вспышки холеры.

Граждане РФ, вернувшиеся из КНР, заболели холерой.

Российские медики обратились к властям КНР с предложением совместно бороться с холерой. Китайские власти не отвечали на запросы медиков РФ. Также отмечалось, что они также скрывают сведения об эпидемиях и от международных организаций [137].

В ноябре 1999 г. на Сахалине было обнаружено подпольное предприятие по лову и производству сушеных трепангов. Во главе подпольного предприятия были два гражданина КНР. Ловили трепангов русские, которым китайцы платили в несколько раз меньше, чем стоит эта работа в КНР. Все это происходило втайне от властей РФ [138].

В апреле 2000 г. в Иркутске была арестована преступная группировка из граждан КНР. На ее счету ограбления, шантаж против китайцев на территории РФ. Обнаружено оружие, большое количество боеприпасов. Банда занималась также захватом заложников с целью получения выкупа [139].

К 2000 г. обстановка в российско-китайских отношениях на Дальнем Востоке, а точнее, применительно к дальневосточным краям России характеризовалась рядом особенностей.

Во-первых, связи между прилегающими к границе районами РФ и КНР продолжали развиваться, расширяться и углубляться. Складывалась довольно устойчивая, по крайней мере на ближайшие годы, система отношений. Иными словами, население обеих стран не было отгорожено друг от друга, а постепенно втягивалось в некое взаимодействие, некоторым образом приспособлялось друг к другу. Но при этом оседание было односторонним: только китайцы оседали в России; наши люди не оставались в Китае, власти КНР этого просто не допускали.

Во-вторых, продолжала сохраняться система «челночной» торговли, которая составлялась из усилий индивидуальных и организованных в небольшие группы российских людей, которые продолжали ездить в КНР за товарами, но, по сути дела, стали работать на китайцев. С нашей стороны крупный или средний бизнес был вынужден признать свое полное поражение в конкурентной борьбе с китайцами и отказался от участия в том, что именовалось «челночной» торговлей. Иными словами, к 2000 г. россияне в этой сфере стали служащими китайцев, китайских организаций. С китайской стороны торжествовала общая национальная или государственная политика, суть которой сводилась к извлечению выгоды из создавшегося положения и использования стихийно возникшей формы торгово-денежных двусторонних отношений на внешне стихийном уровне — «челночной» торговли. В КНР, вполне очевидно с ведома и при участии властей, была постепенно создана целая сеть специальных приграничных торговых зон, торговых центров, рынков, магазинов, гостиниц. Все это создавалось единым, действующим под контролем китайского государства механизмом. В него включалась в качестве интегрированной части сеть российских распространителей товаров.

Эта система была рассчитана на определенные бедные слои населения РФ. Китайцы готовили для этой части населения самые дешевые товары, причем самого низкого качества. В обмен на эти товары, в которых эта часть нашего населения продолжала нуждаться (хотя спрос все уменьшался) и которые в то же время оставались товарами быстрого проедания и изнашивания, китайская сторона получала прибыль, причем, по сути дела, в долларах, ибо всю рублевую выручку она обменивала на доллары, не платя при этом налога России. А далее доллары вывозились за пределы РФ, в том числе в КНР, и также без прибыли для нашей страны.

В-третьих, продолжался процесс перемещения и оседания на территории РФ граждан КНР. Они, по сути дела, образовывали на нашей территории свои колонии в городах и в деревнях. Эти «вкрапления» или колонии были «мирками в себе»; они не смешивались с местным российским населением; в них царили свои законы и нравы, свои порядки, были и свои преступные банды. Это можно назвать периодом мирного сожительства русских и китайцев на нашей земле. Сожительство пока не вызывало острых столкновений, но опасения русского населения накапливались, неприязнь к пришельцам из КНР росла. Такое положение не могло сохраняться вечно.

В-четвертых, складывалась система поездок на короткое время в КНР на отдых или на экскурсии, что совмещалось с закупкой товаров «челноками». В КНР создавались специальные места отдыха для русских, с их дальнейшим использованием и ограничением их передвижения, оставлением их под контролем со стороны КНР.

Китайцы к нам на отдых не ездили. То, что называлось китайскими туристическими группами, было почти на сто процентов поездками бизнесменов, которые занимались торговыми и экономическими операциями, причем в подавляющем большинстве не на индивидуальной основе, а по заданиям своих организаций и всегда под контролем государства.

В-пятых, продолжалось поддержание и развитие приграничных связей, т.е. связей, осуществляемых между фирмами, организациями, государственными или частными, связей

и контактов с целью обеспечения поставок прежде всего сырья, но и ряда товаров из РФ в КНР. В обмен китайская сторона стремилась по-прежнему малую часть выплачивать в валюте, а большей частью расплачиваться товарами быстрого проедания и изнашивания, т.е. продовольственными и потребительскими товарами. Здесь экономическая выгода опять-таки доставалась китайцам.

В-шестых, продолжалось ослабление нашего оборонного щита на Дальнем Востоке. Конечно, из-за экономических трудностей и ошибок в политике наша армия сокращалась, и это, с одной стороны, наше внутреннее дело, но, с другой стороны, она должна оставаться достаточно мощной для того, чтобы защищать страну. На Дальнем Востоке военные оставляли военные городки в стокилометровой зоне, которая должна быть демилитаризована по соглашению с Пекином. Иначе говоря, мы выполняли ультимативное требование Пекина и разоружались. Наша земля оставалась без защиты.

К этому надо добавить, что с Дальнего Востока продолжался отток и нашего гражданского населения.

Военные

Непременным компонентом двусторонних отношений нашей страны и континентального Китая, когда эти отношения находились в приемлемом для обеих сторон состоянии и считались нормальными, всегда были связи по военной линии, и, в частности, взгляды и действия военачальников той и другой стороны.

Что касается двух первых по счету министров обороны РФ в 1990-х гг., то тут они не стали исключением. Скорее наоборот, ибо ситуация внутри нашей страны, да и на мировой арене, в отношениях Москвы и Пекина в частности, развивалась столь динамично, что это в еще большей степени, чем когда бы то ни было, подталкивало и первого и второго министров обороны РФ — Павла Сергеевича Грачева и Игоря Николаевича Родионова — к проявлению каждым из них своей индивидуальности.

Вспомним, кстати, что даже при предельной концентрации партийно-государственного механизма власти в центре, существовавшем в годы власти КПСС в нашей стране, все-таки создавались как бы сами собой такие ситуации, когда, например, министр обороны СССР маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский в ноябре 1964 г., немедленно после отстранения в Москве от власти Никиты Сергеевича Хрущева, мог себе позволить, возможно при молчаливом сочувствии или, так сказать, при попустительстве Л.И.Брежневца и других в руководстве СССР, предложить своему китайскому коллеге маршалу КНР Хэ Луну поступить в Пекине так же, как «мы это сделали» в Москве — отстранив от власти «своего старика», Н.С.Хрущева.

В поступке Р.Я.Малиновского, помимо всего прочего, просвечивала забота военачальника об устранении излишних сложностей для военных при выполнении ими своих задач по обороне отечества. При этом маршал Малиновский искренне полагал, что перед Москвой и Пекином был только один главный и общий военный противник — США. И потому, с его точки зрения, было просто необходимо «решить проблему Н.С.Хрущева и Мао Цзэдуна» и таким образом наладить нормальные союзные военные отношения между нашими тогдашними государствами.

Дело оказалось, однако, гораздо более сложным, чем это представлялось тогда Малиновскому. Своим высказыванием он создал неприятный инцидент в двусторонних отношениях. И тем не менее маршал Малиновский даже не лишился тогда своего поста министра обороны СССР (маршал Хэ Лун был погублен во время «культурной революции» Мао Цзэдуна в КНР).

В 1990-х гг. министры обороны Российской Федерации также попадали в весьма непростое положение, когда дело касалось связей с Пекином. С одной стороны, они как

военные должны были прежде всего заботиться о защите интересов безопасности нового российского государства, крепить его оборону, искать ему союзников и друзей. С другой стороны, они были вынуждены и самой обстановкой, да и своим внутренним состоянием и политическими убеждениями как-то применяться к новой жизни, что оказалось для них весьма затруднительно.

В первом десятилетии Российской Федерации у нее было несколько министров обороны: П.С.Грачев в течение первого срока президентства Б.Н.Ельцина, И.Н.Родионов, пришедший на этот пост фактически с началом второго срока президентства Ельцина и удержавшийся в этой должности до 22 мая 1997 г., когда его сменил Игорь Дмитриевич Сергеев. Министры декларировали свою верность Президенту и Конституции РФ.

Президент Б.Н.Ельцин в какой-то степени по-разному видел свою внутреннюю и внешнюю политику, в том числе и ее военные аспекты, в первые годы пребывания у власти и во время своего второго президентства.

В самом начале он был настроен подчеркнуто в пользу рыночных отношений, демократии, отвергал идеологию и действия оппозиционных ему сил, «красно-коричневых», как их тогда именовали, причем из этого вытекал курс на всемерное развитие отношений со странами Запада, уделяя, конечно, внимание и Востоку, прежде всего континентальному Китаю. Затем президент Б.Н.Ельцин так расценил ситуацию внутри страны, что это подвигло его на фактический компромисс, если не на квазисоюз, с теми политическими силами внутри страны, которые в Государственной Думе именовали себя оппозицией правительству и президенту, по сути дела будучи уже составной частью общего механизма власти, существовавшего при Б.Н.Ельцине — во всяком случае во время второго срока его президентства, хотя, конечно, такое положение складывалось и несколько ранее.

Очевидно, что президент Б.Н.Ельцин полагал, что социально-экономическая обстановка в стране такова, что для него целесообразно учитывать мнение оппозиции. Это относилось не только к политике внутри страны, но и к курсу на мировой арене. Здесь Ельцин со всей решительностью взялся осуществлять такую внешнюю политику, которая полностью или почти полностью устраивала бы оппозицию или, во всяком случае, лишала бы ее необходимости и возможности критиковать действия президента и на Западе и на Востоке.

Такой курс Б.Н.Ельцина привел его к конфронтации с значительной частью общества в России, с теми людьми, которые были настроены в пользу уважения человеческой личности, соблюдения прав человека, демократических принципов, свобод, а также к обострению отношений РФ с США, с другими странами, с Западом в целом, и в то же время толкнул его на изменение характера отношений с КНР. И тогда оппозиция перестала критиковать внешнеполитический курс президента, полагая, что этот курс ее вполне устраивал.

В этой ситуации приходилось иной раз делать резкие повороты в политике и министрам обороны РФ.

В 1995 г. министр обороны П.С.Грачев, очевидно, отражая первые движения президента Б.Н.Ельцина в сторону ужесточения курса в отношении Запада и тяготения к налаживанию отношений с КНР, как-то по-простецки, будучи в Пекине, предложил военачальникам КНР создать совместно с Россией некий оборонительный союз на Дальнем Востоке.

Прямого ответа со стороны Пекина, естественно, не последовало. В то же время весьма вероятно, что в КНР началась разработка возможных вариантов использования подобных настроений в Москве. Это потребовало длительного времени и совпало с дрейфом внешней политики Москвы в связи с вопросом о присоединении к военной организации НАТО ряда стран Восточной Европы.

Тем временем генерала Грачева одолевали реальные проблемы, связанные, в частности, с Дальним Востоком и с взаимоотношениями с Пекином. В начале 1996 г., когда

в правительстве РФ шла борьба за денежные средства в бюджете на те или иные нужды, П.С.Грачев, стремившийся «выколотить» больше денег для Вооруженных Сил, дошел до того, что на заседании правительства (в присутствии журналистов, т.е. на всю страну) поставил перед главой правительства, а по сути дела и перед президентом, риторический вопрос. Он заявил, что на территории нашей страны, на Дальнем Востоке и в Сибири, имеются компактные скопления граждан КНР, которые осуществляют подготовку людей для совершения таких действий, которые в будущем грозят захватом территории России гражданами Китайской Народной Республики. И спросил, будет ли правительство обращать на это внимание и предоставит ли оно соответствующие материальные возможности министерству обороны, чтобы исправить положение.

Вопрос остался гласом вопиющего в пустыне, прямого ответа от Председателя правительства В.С.Черномырдина не последовало.

Однако можно полагать, что министру обороны был дан совет, как следует себя вести, когда речь касается вопросов «большой политики», тем более связанных с отношениями нашей страны с КНР.

Практические вопросы такого характера должно видеть как в свете стратегических расчетов внутрироссийского характера, так и исходя из долгосрочных внешнеполитических планов. Вопросы, поставленные П.С.Грачевым, выглядели, с одной стороны, как бы «мелкими», лишь усложняющими решение крупных проблем; их следовало решать тихо, в закрытом порядке, не привлекая к ним внимания общественности. Более того, предпочтительно было подчеркивать (по крайней мере публично) лишь положительные стороны в отношениях с Пекином. Вполне вероятно, что именно такого рода разъяснения и были даны министру обороны.

Вскоре Президент РФ Б.Н.Ельцин назначил вместо П.С.Грачева новым министром обороны И.Н.Родионова. Это было сделано, главным образом, по внутривнутриполитическим соображениям. Вполне очевидно, что И.Н.Родионов в большей степени устраивал оппозицию, которая исходила из того, что в свое время он командовал частями Советской Армии, которые подавляли демонстрантов в Тбилиси, и это сопровождалось человеческими жертвами. И.Н.Родионову присуще отрицательное отношение к «демократии». Уже будучи министром обороны, он в 1997 г. публично говорил о «так называемых демократах», вкладывая в эти слова свое неприятие приверженцев принципов демократии.

Иначе говоря, политически генерал И.Н.Родионов устраивал в это время и президента Б.Н.Ельцина, и оппозицию в Государственной Думе. Однако реальные проблемы, с которыми столкнулся И.Н.Родионов, этот «элитный генерал», как его в свое время рекомендовал другой известный военный, кандидат на пост президента РФ в 1996 г. А.И.Лебедь, требовали от военачальника, занимавшего пост министра обороны в России, с одной стороны, такой направленности политического мышления, которая устраивала бы Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами, и, во-вторых, таких поступков, которые точно отражали бы политический курс президента РФ.

Когда речь шла о связях с Пекином, требовалось вникнуть в расчеты президента, касавшиеся будущего взаимоотношений на мировой арене, прежде всего, между нашей страной, США и КНР. Здесь, по мнению президента, нужно было сохранять выгодное для России положение, а потому и поддерживать создававшееся в мире мнение о том, что Москва и Пекин в общем и целом нашли между собой общий язык, несмотря на то или, может быть, благодаря тому, что наша страна из СССР превратилась в Российскую Федерацию.

Что же касается И.Н.Родионова, то он, как и его предшественник на посту министра обороны РФ, был весьма озабочен проблемой обеспечения нужд армии из государственного бюджета. В начале 1997 г. на научно-практической конференции, посвященной вопросам военно-политической интеграции СНГ, И.Н.Родионов говорил о возможных внешних угрозах России и перечислил страны, чьи попытки резко увеличить наступательные

возможности своих вооруженных сил вызывают серьезную озабоченность его министерства. Наряду с Турцией, Ираном, Пакистаном и Японией он назвал КНР [140].

Так совершенно неожиданно для многих россиян Пекин был представлен министром обороны России как одна из потенциальных военных угроз для нашей страны.

По сути дела, генерала Родионова можно было понять. Как военный, он был обязан заботиться об обороне отечества, думать о всевозможных вариантах развития событий на мировой арене, принимать во внимание конкретную ситуацию, объективные факты, а они, безусловно, приводили к сделанным им выводам. Другой вопрос, нужно ли было говорить об этом публично, учитывая позицию президента Ельцина. Хотя и тут был свой резон. Заявления сначала одного министра обороны (П.С.Грачева), а затем другого министра обороны относительно потенциальных угроз безопасности и обороне нашей страны со стороны континентального Китая, с одной стороны, снимали камень с души и облегчали совесть обоих военачальников, а с другой стороны, создавали внутри России определенное общественное мнение, с чем, так или иначе, должны были бы считаться в Пекине.

Президент РФ, председатель правительства, министр иностранных дел, руководители оппозиции в Государственной Думе были весьма недовольны заявлением И.Н.Родионова. Министру пришлось исправлять положение. В этом ему, очевидно, помогли и в Пекине. Там сочли нужным пригласить его в Китай, чтобы «урегулировать вопрос», именно в это время, т.е. накануне приезда в Москву председателя КНР Цзян Цзэминя.

15 апреля 1997 г., находясь с визитом в КНР и выступая в Пекине перед слушателями Академии военных наук КНР, И.Н.Родионов, в частности, говорил о том, что Москва признает Тайвань и Тибет неотъемлемыми частями Китая, а также выступает против попыток Запада использовать в качестве орудия давления на КНР «так называемые проблемы прав человека, Тибета и Тайваня». Было ясно, что нападки на «демократов», применительно к положению в нашей стране и на позицию стран Запада по вопросу о соблюдении прав человека в КНР создавали приятную атмосферу общности при встрече министра обороны РФ с его коллегами в КНР.

И.Н.Родионов также намекал, что после прояснения ситуации с продвижением военных структур НАТО на восток, к рубежам РФ, будут рассматриваться и соответствующие вопросы. В этом можно было усмотреть намеки на перспективы развития более тесных отношений Москвы и Пекина по военной линии.

Можно также отметить, что позиция министра обороны Родионова во время его пребывания в КНР не выглядела последовательной. С одной стороны, по прилете в Пекин он сразу же сделал заявление о том, что его визит никак не связан с проблемами, которые Россия решает на Западе, пытаясь замедлить продвижение НАТО к российским границам [141].

С другой стороны, при встречах со своими коллегами в Пекине И.Н.Родионов неоднократно возвращался к вопросу о расширении НАТО на восток. Министр обороны КНР Чи Хаотянь в ответ назвал НАТО «продуктом холодной войны». По поводу озабоченности, которую российский министр передал ему в связи с надвигающимся расширением этой структуры, он выразил «полное понимание». В интерпретации российского министра обороны, содержащейся в его выступлении перед слушателями Академии военных наук КНР, эта дипломатическая фраза получила несколько иной оттенок: вместо «понимают» он употребил глагол «разделяют». В таком толковании есть существенный смысловой нюанс: понимать — это вовсе не разделять.

По мнению российского журналиста, работавшего тогда в КНР, в Пекине полагали, что Москва в вопросе о расширении НАТО на восток проигрывала и сдавала позиции. Главный вопрос для китайских стратегов заключался в том, как далеко дело пойдет и не придется ли давать отпор «продукту холодной войны» у границ Китая. Вопрос не риторический — натовцы, как подозревали в Пекине, устраивали Москву «китайской угрозой» и пытались склонить ее к взаимодействию — сначала в форме обмена развединформацией, а затем и к более углубленному сотрудничеству.

В то время российские политики были готовы обороняться «до последнего патрона». Однако в Пекине не без оснований считали, что Москва щедрa на сюрпризы и смена действующих лиц на ее сцене может повлечь смену приоритетов. И.Н.Родионов, очевидно, чутко уловил подспудные настроения и постарался максимально — насколько позволяли возможности — развеять сомнения своих партнеров. Он пошел гораздо дальше призывов к совместному противодействию «гегемонии одних стран над другими». Министр обороны пообещал не только поддержку против «попыток Запада использовать в качестве давления на Китай так называемые проблемы прав человека, Тибета и Тайваня». Впервые китайские генералы услышали из уст российского военачальника заверения в готовности поддержать Китай в случае возникновения вооруженного конфликта на Корейском полуострове. По словам И.Н.Родионова, в этот конфликт могут быть втянуты в силу существующих союзнических отношений КНР и США, «не сможет остаться в стороне и Россия».

Министр не сообщил, в чем будет выражаться поддержка Китая, защищающего Северную Корею в обозначенной гипотетической, но не такой уж невероятной ситуации. Будут ли предприняты военные меры, или дело ограничится политическими акциями — об этом китайские военные могли только гадать. Но жест впечатлял — стратегическое партнерство, о котором громко говорили в Москве и Пекине, приобретало новые очертания и краски — так комментировал визит И.Н.Родионова в Пекин корреспондент газеты «Известия» [142].

В мае 1997 г. президент РФ Б.Н.Ельцин поставил свою подпись под «Основополагающим актом Россия — НАТО». Пекин вежливо, но сдержанно приветствовал подписание этого соглашения. Представитель МИД КНР выразил надежду на то, что документ поможет укрепить мир и стабильность в Европе. Иначе говоря, Пекин демонстрировал свою отстраненность от европейских дел и от позиции Москвы в этих вопросах.

Тогда же, в мае 1997 г., президент РФ Ельцин заменил И.Н.Родионова на посту министра обороны генералом (получившим затем звание маршала) И.Д.Сергеевым.

В связи со всеми этими событиями, по сообщению печатных агентств, из Пекина начали распространяться слухи о том, что руководство НОАК якобы недовольно курсом на сближение с Россией. В частности, речь шла о расхождении позиций между Цзян Цзэмином и его заместителем по Центральному военному совету, членом постоянного комитета политбюро ЦК КПК генералом Лю Хуацином. Утверждали, что, по мнению этого военачальника, партнерство с континентальным Китаем нужно Москве для противовеса давлению НАТО и даст мало пользы самой КНР. Подписание соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил вдоль границы между Россией и КНР, с точки зрения некоторых военачальников НОАК, «не имеет реального значения, поскольку Россия не будет источником военной угрозы в ближайшие 10 или 20 лет». «Китай никогда не станет картой в чьих-либо руках» — так характеризовались настроения ряда руководителей НОАК в Пекине, и это было доведено до сведения западных журналистов в КНР.

Средства массовой информации сообщали также о том, что китайские генералы были раздражены выступлениями министра обороны РФ Родионова. Он то называл КНР потенциальным врагом, то призывал к братству по оружию, то сообщал о планах укреплять военное сотрудничество с США и Японией на Дальнем Востоке, наращивание военного потенциала которых стратеги в Пекине рассматривают как угрозу безопасности КНР. Отставка И.Н.Родионова с поста министра вряд ли избавит китайский генералитет от «комплекса подозрительности» по поводу метаний и суеты в московских верхах — так считал корреспондент «Известий» в Пекине [143].

Одним словом, немедленно после визита Председателя КНР Цзян Цзэмина в Москву и подписания им вместе с Президентом России Б.Н.Ельциным в конце апреля 1997 г. совместного заявления о многополярном мире и новом мировом порядке, а также пятистороннего (вместе с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном) соглашения о сокращении военных сил в стокилометровой полосе по обе стороны границы Пекин счел

необходимым успокоить Вашингтон, дав ему понять: все это, с точки зрения руководителей КНР, не отразится негативно на перспективах развития китайско-американских отношений. И, в известной мере, отвечает интересам Москвы в ее игре со странами Запада, прежде всего с США.

Со стороны НАТО тоже делались заявления, успокаивавшие Пекин и исключавшие вхождение России в этот военный блок. Например, в июле 1997 г. немецкий генерал Карстенс, начальник штаба верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе, разделяя точку зрения своего соотечественника, министра обороны ФРГ Фолькера Рюэ, сказал, что Россия — «это не просто страна, это континент. НАТО его при всем желании «не переварит». Ваши восточные рубежи далеки в прямом и переносном смысле. Никто из натовцев охранять границу с Китаем не пойдет. Сами охраняйте» [144].

В целом вполне очевидно, что оба министра обороны РФ, и П.С.Грачев и И.Н.Родионов, разрывались между необходимостью решать конкретные проблемы в целях обеспечения надежности нашей обороны на востоке страны и требованиями президента РФ никоим образом не «осложнять» отношений с КНР, так как Москва взяла курс на «подкрепление своих позиций» внешнеполитического характера на Востоке в противовес «нажиму», который, как она полагала, на нее оказывали США и их союзники на Западе.

Сообщения российских средств массовой информации показывали, что министры обороны и командующие военными округами и военно-морскими силами на востоке России, да и директор Федеральной пограничной службы докладывали президенту о неблагополучии на границе. Касаясь отношений с Пекином в военной и военно-технической области, позиции руководства КНР и реальной ситуации, на местах генералы запрашивали средства, необходимые для обеспечения безопасности страны на Дальнем Востоке. Президент же побуждал военных развивать отношения с Пекином, помогая тем самым правительству, как полагала Москва, занимать более прочные позиции в отношениях с Вашингтоном.

О настроениях части российских военачальников говорил, в частности, тот факт, что в марте 1999 г. командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковник В.Чечеватов заявил, что готов возглавить любое формирование российских добровольцев или регулярных войск для помощи Югославии. В письме, направленном им Президенту РФ, в частности, говорилось: «Бомбардировки Югославии могут оказаться в недалеком будущем всего лишь репетицией аналогичных ударов по России» [145]. Полагаю, что генерал Чечеватов в общем и целом отражал и настроения самого Б.Н.Ельцина В связи с бомбардировками Югославии авиацией НАТО в 1999 г. Ельцин говорил: «Мы не все можем. Т.е. можем, но нам совесть не позволяет» [146].

В Пекине учитывали эти настроения и стремились использовать их в своих интересах. На экстренном заседании Совета Безопасности ООН по ситуации в Косово в марте 1999 г. антинатовскую позицию России поддержал только Китай [147]. Председательствовавший тогда в Совете безопасности ООН Цинь Хуасунь (КНР) заявил: «Любое грубое вмешательство извне, любая военная акция против Социалистической Республики Югославии без санкции на это СБ ООН, по мнению правительства Китая, будут грубым и очевидным нарушением Устава ООН и существующих международных норм» [148].

В связи с событиями в Югославии, в частности, да и вообще в связи с оценкой обстановки в мире для России, высшее военно-политическое руководство РФ приняло решение резко ускорить темпы реформирования национальных стратегических ядерных сил (СЯС). Как заявил в марте 1999 г. в ходе своего визита в Дели министр обороны РФ маршал И.Д.Сергеев, не в мае, как планировалось прежде, а «уже в ближайшее время» российскому президенту будет представлен согласованный доклад о путях повышения их боевой эффективности. Все три элемента национальной «ядерной триады»: ракетные войска стратегического назначения (РВСН), атомный подводный ракетный флот ВМФ и

стратегические бомбардировщики из состава ВВС, вместе с главным управлением Министерства обороны, в ведении которого находятся все ядерные заряды, войдут в состав Объединенного главного командования стратегических сил сдерживания (ССС). Спешить с этим военных вынуждает стремительное изменение внешнеполитической ситуации.

Президент РФ Б.Н.Ельцин подписал тогда «Основные положения политики РФ в области ядерного сдерживания», которыми допускается использование ядерного оружия «в качестве вынужденной крайней меры пресечения критических угроз национальной безопасности России и ее союзников». (Впрочем, не исключено, что может последовать и более жесткая редакция этого документа: как заявил председатель думского комитета по обороне Р.Попкович, «в новую военную доктрину России должно быть включено положение о том, что если угроза применения сил общего назначения какого-либо государства против РФ значительно превышает возможности обороны ее силами общего назначения, то она имеет право на нанесение превентивного ядерного удара, а не только ответного или ответно-встречного» [149].)

В начале июня 1999 г. в Пекине прошли переговоры между начальником Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Фу Цюанью и заместителем начальника Генштаба ВС РФ В.Корабельниковым, возглавляющим Главное разведывательное управление (ГРУ). О содержании их беседы известно лишь то, что в ее ходе обсуждалась ситуация на Балканах. По сведениям агентства Синьхуа, стороны сошлись во взглядах на действия США, заявив, что попытка Америки установить однополярный мир в интересах своего господства «столкнется с резким протестом со стороны миролюбивых сил» [150].

В июне 1999 г. в России побывала с визитом китайская военная делегация во главе с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Чжан Ваньнянем. С ней встречались министр обороны И.Д.Сергеев, тогдашний Председатель правительства РФ С.В.Степашин и секретарь Совета безопасности В.В.Путин. В те дни генерал-полковник Л.Ивашов заявлял: «Мы предупреждали наших североатлантических коллег, что одним из глобальных последствий расширения НАТО и операции в Югославии станет стремительный возврат мира к биполярной системе» [151].

Военно-техническое сотрудничество

Вопрос о военно-технических связях приобрел в 1990-х гг. большое значение. Очевидно, это в какой-то степени объяснялось тем, что и та и другая сторона были заинтересованы: Россия в том, чтобы продавать свою военную технику, а КНР в том, чтобы ее приобретать. Сложности в этой ситуации возникали, главным образом, потому, что каждая из сторон желала получить выгоду. Реальная ситуация сложилась так, что с самого начала китайским партнерам удалось навязать нам такой порядок расчетов, при котором значительная часть военной продукции оплачивалась по принципу бартера. Это было экономически выгодно Пекину. Нельзя исключать того, что при этом некоторые продажные российские чиновники и деловые люди сами обогащались, позволяя тем самым грабить население своей страны.

Схема расчетов с КНР по контрактам в области военно-технического сотрудничества не является простой. Как писали «Известия», лишь часть оговоренной в контракте суммы предприятия получают непосредственно в долларах. Значительную часть КНР выплачивает деньгами, которые можно потратить лишь на покупку товаров китайского производства, — так называемой клиринговой валютой А50. Причем эти средства предприятия не могли перевести из Внешэкономбанка без уплаты довольно высокой по меркам российской банковской системы комиссии в 5%.

В 1996 г. в КНР было поставлено в 20 раз больше по стоимости «летательных аппаратов», чем в 1995 г. За них получено 677 млн долларов, в том числе бартерные поставки. Всего РФ отгрузила уже 46 самолетов Су-27. Лицензию на их производство КНР также закупила и строит в Шэньяне завод. Такие заказы помогают выжить нашим оборонным предприятиям, утверждала газета «Известия» [152].

В КНР этими вопросами занимались люди, очень близкие к руководству партии и государства. Хэ Пин, зять Дэн Сяопина, занимает пост начальника управления вооружений генштаба НОАК и одновременно является вице-президентом корпорации «Чайна полигрупп», которая пропускает через себя миллиардные валютные потоки, идущие из госбюджета на закупку вооружений и спецтехники. Хэ Пин — ключевая фигура в неуклонном росте российско-китайского военно-технического сотрудничества. Россия поставляет в Китай истребители, подводные лодки, эсминцы, оптические прицелы и т.д. [153]. По мнению экспертов Лондонского института международных стратегических исследований, Россия — основной для КНР источник приобретения современных систем вооружений и военных технологий. По данным иностранной печати, КНР подписала с РФ соглашения о покупке 24 истребителей СУ-27, а также перехватчиков МИГ-31, с учетом возможности сборки самолетов в Китае. Российская сторона предложила КНР сверхзвуковой бомбардировщик ТУ-22М с дальностью действия более 4 тыс. км и возможностью дозаправки в воздухе. КНР также приобрела российские комплексы ПВО С-300 и, возможно, приобретет несколько подводных лодок класса «Кило». Общий объем закупок уже в 1993 г. достиг 1 млрд долларов, сделав КНР крупнейшим импортером российского оружия [154].

Заключались сделки на поставку в КНР систем вооружения, которых у НОАК до того не было: дизельных подводных лодок класса «Кило» и зенитных ракетных комплексов С-300 ПМУ-1 дальнего радиуса действия, а также систем залпового огня «Смерч». По официальным данным, выполнен контракт на поставку 26 истребителей СУ-27 и СУ-27УБ. Стоимость сделки составила 1,4 млрд долларов, включая вооружение самолетов (управляемые ракеты класса «воздух — воздух» и пр.) и обучение персонала [155]. КНР намерена произвести по российской лицензии до 150 перехватчиков СУ-27. Более 400 российских ученых-оборонщиков работали по контракту в военных организациях в Пекине и более 2000 — в КНР в целом [156]. В 1996 г. РФ продала в КНР товаров по графе «специмушество» на сумму в 728 млн долларов. Прирост, по официальным данным, составил более 14 процентов. (За год до этого соответствующий показатель был около одного процента.)

В 1996 г. суммарный объем российского экспорта в Китай увеличился более чем на треть, в основном за счет продажи черных металлов и удобрений, составив рекордную цифру в 5,15 млрд долларов. Вооружения составляют лишь восьмую часть того, что удалось продать в КНР. Вместе с тем именно благодаря поставкам специмушества удается «наращивать тенденцию облагораживания российского экспорта». Продукция наших оборонных заводов направляется в КНР по статье «машины и оборудование». Среди них доля вооружений составила в 1996 г. почти 90 процентов.

КНР частично проплачивала бартерную часть военных закупок «морожеными свиными блоками в четвертинах». Это мясо не пропускал в РФ департамент ветеринарного контроля. Он заподозрил сокрытие различных заболеваний у китайских свиней и наложил запрет на ввоз из КНР мясной продукции, превратившейся в стратегический компонент оружейного бизнеса. Тогда «Росвооружение» нажало на нужные «рычаги» и протолкнуло в обход запрета несколько составов со свининой, застрявших на железнодорожном погранпереходе Маньчжурия—Забайкальск. Другие эшелоны были отправлены обратно; счет пришлось оплачивать «Росвооружению»....

Российские ветеринарные претензии обоснованны и тревожны. А представители Пекина озабочены поисками путей воздействия на санитарную службу РФ. Пекин намекал

на попытки ставить палки в колеса российско-китайского военно-технического сотрудничества. В частности, в Пекине намекали, что, дескать, тут просматриваются усилия определенных кругов Запада [157].

Так замыкается круг. В КНР масштабными связями с нашей страной, в первую очередь в сфере военно-технического сотрудничества, занимаются организации либо государственного характера, либо тесно связанные с государственным аппаратом. Иначе говоря, за то, что делается в этой области, ответственность несут власти КПК-КНР.

С нашей же стороны большую роль играют такие организации, как «Росвооружение»; вносят свой вклад и другие министерства и ведомства, в частности МИД РФ.

Если говорить о сути этих операций, то они, принося известную выгоду нашей стороне, все таки экономически гораздо выгоднее Пекину. Мало того, Пекин стремится сбывать нам свои мясные продукты, которые содержат вредные для здоровья компоненты. Когда же ветеринарный надзор РФ пытается поставить заслон на пути ввоза таких продуктов, то на стороне Пекина (и против своего народа) выступает «Росвооружение», которому содействуют МИД РФ и пограничная служба.

Пекин при этом спекулирует на страхе Москвы перед США и НАТО и подбрасывает мысль о том, что в нашей стране мясoproдукты из КНР не желают пускать к нам агенты ЦРУ США. МИД РФ, очевидно, боится оказаться к числу этих «агентов» и предпочитает числиться в самых надежных друзьях КПК-КНР.

Вот еще несколько сообщений о развитии двусторонних военно-технических связей.

В сентябре 1998 г. Россия и Китай в ходе шестого заседания смешанной межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству обсудили проблемы поставок в КНР комплектующих для самолетов Су-30, а также ход реализации соглашения по передаче Россией лицензионных документов на производство Су-27. Кроме того, в ходе переговоров обсуждены вопросы строительства в России эсминца для китайской стороны, а также погашения внешнеторговой задолженности России перед КНР поставками вооружения. Китайская сторона выразила пожелание, чтобы Россия улучшила послепродажное обслуживание поставляемой техники [158].

Подписанный Россией контракт на поставки в КНР вооружений на сумму более 1 млрд долларов включает и два эскадренных миноносца класса «Современный», сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС представитель военно-промышленного комплекса, не пожелавший назвать свое имя. Скорее всего, эсминцы будут вооружены сверхзвуковыми противокорабельными ракетами ЗМ-80Е «Москит», получившими на Западе название «солнечный ожог» за свою уникальную боевую эффективность. Каждый эсминец может нести боекомплект из 24 таких ракет. Как сообщил эксперт, для поражения крейсера достаточно трех «Москитов», эскадренного миноносца — двух, фрегата — одного [159].

Первый экспортный эсминец, построенный по заказу КНР, передан китайской стороне 25 декабря 1999 г. Церемония передачи состоялась на судостроительном заводе «Северная верфь» в Санкт-Петербурге. На корабле был поднят флаг КНР, у трапа были установлены пограничный и таможенный посты, так как корабль сразу же перешел под юрисдикцию КНР. 27 декабря он начал переход к месту назначения. При этом на его борту не было главного ударного оружия — сверхзвуковых противокорабельных ракет ЗМ-80Е «Москит». Согласно графику выполнения контракта, эти ракеты будут поставлены в КНР в 2000 г. «Москиты» для двух других заказанных эсминцев должны были поступить в КНР двумя партиями — в апреле и в октябре 2000 г. [160,161].

В июне 1998 г. в Пекине была проведена российско-китайская конференция «Проблемы и перспективы развития авиации в XXI веке». Там же была достигнута принципиальная договоренность о разработке программы двустороннего сотрудничества в 2000—2015 гг. в области развития авиатехники. Стороны могут сотрудничать в создании новых пассажирских самолетов. Пекин добивается разрешения на проведение модернизации истребителя Су-27. Ведутся закрытые переговоры с «МАПО» о проведении совместных

научно-исследовательских работ по созданию легкого фронтового истребителя [162]. Улан-удинский авиационный завод должен был до конца 1998 г. поставить в КНР пять гражданских вертолетов Ми-171. Базовая стоимость вертолета составляет 3,6 млн долларов [163].

По заявлениям специалистов «Росвооружения», сделанным в июне 1999 г., в контракты на поставку Пекину «спецоборудования» традиционно включается по требованию китайской стороны пункт о строгой их секретности. Тем не менее известно, что за последние годы КНР импортировала ряд новейших российских систем вооружения и лицензии на их самостоятельное производство. По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, в 1991—1997 гг. КНР израсходовала около 6 млрд долларов на закупку российского оружия. Наиболее известными контрактами стали закупка четырех дизельных подлодок класса «Варшавянка», дивизиона зенитно-ракетных комплексов С-300, 48 истребителей Су-27 вместе с лицензией на производство еще 200 таких самолетов, а также выполнявшийся в 1999 г. заказ на строительство двух эсминцев класса «Современный», на которые будут установлены сверхзвуковые противокорабельные ракеты «Москит».

И в нашей печати отмечалось, что речь идет о сделках с КНР, основанных в большинстве случаев на бартере, а не на живой валюте [164].

В конце 1999 г. сообщалось о том, что Россия продала КНР 40 самолетов Су-30МКК. Сумма контракта составила 2 млрд долларов [165]. Оставалось неясным, на каких условиях эта сделка была заключена: должна ли китайская сторона заплатить всю сумму валютой и в какие сроки, или же часть денег (причем значительная, как это обычно было ранее) будет представлять собой поставки в нашу страну по бартеру продукции китайской легкой и пищевой промышленности.

В январе 2000 г. в Москве побывал министр обороны КНР Чи Хаотянь, которого, в частности, принял заместитель председателя правительства РФ И.И.Клебанов. После этой беседы И.И.Клебанов заявил, что Россия предложила КНР стать партнером в совместном использовании навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС.

Предполагалось, что обмен мнениями на эту тему будет продолжен во время визита И.И.Клебанова в КНР в феврале 2000 г. В нашей печати отмечалось, что речь идет не о заурядном предложении коммерческих «услуг пользователя» космической навигационной системой, а именно о возможности совместного использования ГЛОНАСС в интересах военных ведомств двух стран.

Необходимо пояснить, что сама по себе спутниковая навигационная систем ГЛОНАСС — отнюдь не оружие. Когда российская армия принимала ее на вооружение в сентябре 1993 г., о возможности коммерческого использования этой глобальной спутниковой сети речь не шла. Однако с учетом зарубежного опыта (аналогичная американская система НАВСТАР используется в коммерческих целях) и наш ГЛОНАСС был признан «системой двойного назначения»: указом президента и специальным распоряжением правительства РФ было разрешено коммерческое его использование. Российское предложение КНР стать полноправным «совладельцем» ГЛОНАСС (и, как следствие, получать не адаптированную для коммерческих целей, а по-военному точную информацию) для Пекина куда важнее возможности купить у американцев сотню-другую американских гражданских приемников GPS, работающих от НАВСТАР. Применение глобальной навигационной системы неизмеримо повышает эффективность любого из уже имеющихся видов вооружения [166].

В нашей печати сообщалось, что в феврале 2000 г. УралАЗ (гор. Миасс Челябинской области) отправит в КНР 17 автомобильных комплектов. На месте сборки они будут доукомплектованы топливными баками, светотехническими и резинотехническими изделиями китайского производства. Так начнется жизнь российско-китайского грузовика. В июне 1999 г. УралАЗ подписал контракт с партнерами из КНР на поставку комплектующих

и организацию совместной сборки автомобилей «Урал-43206» на заводе большегрузных автомобилей в китайском городе Баотоу.

Вклад китайских партнеров в совместное производство составит около 10%. Сборка уральских автомобилей в Баотоу позволит значительно снизить их цену для китайских потребителей, а УралАЗ сможет продвинуть свою продукцию на автомобильном рынке КНР и Азии в целом. Ежегодно планируется производить до 500 автомобилей «Урал».

Предполагается, что основным покупателем этих машин станет Министерство обороны КНР [167].

Военный шпионаж

Необходимо отдельно остановиться на некоторых обстоятельствах, сопутствующих военно-техническим связям между нашими странами.

2 февраля 1999 г. в военном суде Дальневосточного военного округа начался процесс над группой российских и китайских граждан, обвиняемых в хищениях и нелегальной переправке через государственную границу в КНР запасных частей и агрегатов к боевым истребителям Су-27. Несмотря на закрытость уголовного дела и противодействие заинтересованных ведомств, корреспонденту «Известий» Б.Резнику удалось узнать подробности случившегося.

Эта шпионская история была засекречена до чрезвычайности. Когда корреспондент позвонил в пресс-службу УФСБ по Хабаровскому краю и попросил дать хотя бы самые общие сведения по делу, руководитель подразделения съехидничал:

— У вас разве появился допуск к совершенно секретным документам? Даже сотрудники нашего управления, за редким исключением, не имеют доступа к этой информации.

Завершала следствие военная прокуратура Дальневосточного военного округа. Корреспондент поехал туда. Сказали: дело передано в военный суд, никаких документов по нему не осталось. В суде тоже сослались на совершенную секретность материалов, которые будут рассматривать в закрытом заседании, и посоветовали обратиться в ФСБ. Корреспондент комментировал это следующим образом. Лет десять назад, натолкнувшись на столь плотный запрет столь серьезных ведомств, журналист и не помышлял, чтобы каким-то обходным путем заполучить засекреченную информацию. Теперь же после каждого «нельзя», в полном соответствии с законом о средствах массовой информации, имеем право на четкий вопрос: почему? В большинстве случаев оказывается, что ни государственные тайны, ни национальные интересы Отечества за подобными запретами не стоят. Зато часто сквозит желание прикрыть чье-то разгильдяйство, вывести из-под общественного пригляда проштрафившихся коллег, соблюсти ведомственные интересы. Вот и в нашем случае ни в одном причастном к делу ведомстве не удалось получить вразумительного ответа: какие тайны сокрыты за банальной шпионской историей, почему ее нельзя предавать огласке?

Что касается существа дела и абсолютной достоверности добытых фактов, то пусть извинят чекисты, но газетчикам, продолжал корреспондент, тоже не возбраняется иметь свои надежные источники, о которых, предвидя возможные и уже возникающие вопросы, «я никому не намерен сообщать». Далее корреспондент рассказал о том, как воруют секретные агрегаты на режимном заводе.

Начало истории можно отнести к 1991 г., когда государственная унитарная компания «Росвооружение» продала в КНР 46 истребителей Су-27. Этот контракт сулил России заказы на долгосрочное обеспечение уникальной авиатехники запасными частями, приборами — естественно, за отдельную и немалую плату. Будем верить: вовсе не правительство дружественной сопредельной страны, а некие китайские юридические или, того краше,

физические лица, весьма неразборчивые в методах работы, решили, что комплектующие можно у нас добывать нелегально и во много раз дешевле их истинной стоимости.

Пуще всего поразило, что в «добывание» приборов и запчастей к боевым российским истребителям было вовлечено около двух десятков наших соотечественников. О патриотизме и не говорю, писал корреспондент, ни один из них не проявил даже элементарной чистоплотности — все согласилось заниматься изменническим делом с великим энтузиазмом. За весьма умеренную плату.

Основных фигурантов в деле двое: 63-летний отставной майор погранвойск Юрий Николаев — отменный знаток китайского языка, недавний офицер службы разведки Дальневосточного погранокруга, и сотрудник китайской спецслужбы, гражданин КНР Ван Хунлян. Он успел скрыться, и, насколько мне известно, писал корреспондент, уголовное дело в отношении него выделено в отдельное производство.

Познакомились Николаев и Ван Хунлян в Хабаровске в 1992 г. Оба участвовали в качестве переводчиков в важных коммерческих переговорах. В феврале следующего года Ван Хунлян пригласил Николаева работать переводчиком в созданную им в Находке Приморского края торговую фирму. Еще через год фирма распалась. Ван Хунлян уехал в Китай, а Ю.Николаев в Хабаровск. Вновь они встретились лишь в начале 1997 г. В материалах уголовного дела эта встреча описана в тонах более чем деликатных: «Ван Хунлян заранее сообщил Николаеву о своем приезде и при встрече с ним пояснил, что в настоящее время является сотрудником китайского государственного учреждения, которым ему поручено неофициальным порядком приобретать в России авиационное оборудование к военным самолетам Су-27. Николаев получил предложение работать на КНР под руководством Ван Хунльяна и добывать оборудование к Су-27, которое, как пояснил Ван Хунлян, он должен поставлять на одну из военно-воздушных баз КНР, расположенную в г.Сиань».

Вскоре Николаев вместе с Ван Хунляном отправился в Комсомольск-на-Амуре, где знаменитое авиационно-производственное объединение им. Гагарина (КНААПО) производит истребители Су-27. Там они познакомились с бывшим работником объединения А.Мартюшовым и почти напрямую предложили ему организовать кражу узлов и агрегатов. Мартюшов согласился, привлек в помощники работников объединения И.Кореля, В.Хахалкина, А.Баранова... Четверка жуликов «обманным путем организовала похищение и вывоз с территории объединения трех «изделий 705-6 — инерциальной курсовертикали и пилотажно-навигационного комплекса самолета Су-27», контрактная стоимость каждого из которых составляет 295 тысяч американских долларов. Эти изделия подлежат строжайшему учету, их прохождение от специального склада и до установки на собираемый самолет должно пристрасно контролироваться, на каждом этапе за них несут ответственность определенные сотрудники. В карман не спрячешь — объемная 25-килограммовая металлическая коробка.

Вынести ее из режимной зоны, пронести через проходную? Раз такое можно сотворить, значит, все строгости режимной и охранной служб секретного предприятия — блеф и показуха. Мартюшов и трое его подельников на автомашине вывозили «изделия 705-6» в Хабаровск, где передавали их Николаеву. Тот платил по двадцать тысяч долларов за каждое. Валюту делили поровну.

Ван Хунлян, как и положено разведчику-профессионалу, отработал систему надежной контрабандной перекидки российского военного имущества через госграницу. Для этого он задействовал двух своих соотечественников-связников, владеющих русским языком, — Лю Жобина и Ян Цзинькуя. Первый действовал на таможенных переходах в Приморье, второй в Амурской области. О Лю Жобине в уголовном деле сказано: «...в преступную группу он был вовлечен, потому как располагал возможностями нелегального вывоза предметов контрабанды с территории России».

Можно ли представить некоего российского гражданина, который, находясь в КНР, располагал бы подобными возможностями? Китайские пограничники и таможенники строги,

придирчивы ко всякому, кто пересекает их границу. А у мистера Лю — на российской стороне его звали Максимом — такие возможности были на самом деле. Китайские шпионы хорошо изучили порядки на наших таможах и мастерски использовали психологию стражей границы. Вот как это делали.

В конце ноября 1997 г. Николаеву по мобильному телефону китайской сотовой системы, которым снабдил его Ван Хунлян для ежедневных сеансов связи в определенное время, позвонил из КНР Лю Жобин. Он приказал, чтобы утром 28 ноября тот был на вокзале Уссурийска «вместе с товаром». Николаев прибыл и передал Лю два «изделия 705-6». Лю Жобин доставил их на автомашине в пос. Пограничный, где спокойно перегрузил в багажник машины, принадлежащей... администрации Пограничного района Приморского края.

Машина направлялась в КНР. На таможенном автопереходе «Сосновая падь» начальственный вездеход «Тойота-лэнд круизер» номер 00-98 ПКК встретили с неизменным почтением. Пропустили через границу без досмотра и прочих «формальностей». Водителю Милюченко ничего не стоило выполнить просьбу своего старого знакомого Лю Жобина: передать «какие-то штуковины» в соседней стране прямо на таможе. Милюченко ничуть не удивило, что китайские таможенники сами извлекли из его багажника сумки с аппаратурой и без оформления каких-либо документов тут же вручили их уже ожидавшему китайскому гражданину.

Как видим, извечное нашенское подбострастное исключение из общих правил и порядков «для райкома, для комсостава» порой оборачивается прямым пособничеством людям, наносящим ущерб экономической, военной безопасности России.

Далее корреспондент газеты «Известия» перешел к рассказу о ныне расформированных авиадивизии, а потом и полке ВВС в пос.Калинка под Хабаровском.

Недавно побывал, писал корреспондент, в некогда уютном военном городке, состоящем сплошь из многоэтажных зданий, тенистых аллей и парковых зон. Зрелище страшное. Многие здания порушены. Пустые глазницы окон в жилых домах. В бывшем штабе дивизии осталась только военная комендатура, охраняющая летное поле. Ни одного самолета на аэродроме нет. Несколько летчиков-истребителей бывшего полка, занявшего второе место в ВВС по итогам 1997 года, вместе с семьями ждут перевода в другие части либо увольнения.

Расформированию полка весьма способствовало случившееся здесь ЧП: при проверке оказалось, что многие истребители Су-27 утратили боеготовность и не могут подняться в небо, поскольку с них демонтированы и украдены важнейшие агрегаты. Вы, конечно, догадались, что здесь не обошлось без слуги двух разведок, Юрия Николаева, и его хозяина Ван Хунляна, писал корреспондент.

Они «инициативно привлекли к преступной деятельности» пять человек из гражданских служащих. Те в свою очередь в октябре 1997 г. вышли на военнослужащих-контрактников из авиаполка в пос. Калинка — старшего сержанта Евгения Румянцева и прапорщика Сергея Лихитченко. От возможности заполучить доллары за ворованные с боевых самолетов агрегаты младшие командиры просто обалдели и немедля взялись за дело. Им был «спущен» список того «что надо». Под покровом ночи в середине октября прихватившие с собой отвертку, фонарик и ключи от самолетов (!!) приятели отправились на территорию охраняемой круглосуточным нарядом стоянки боевых истребителей, как сказано в уголовном деле, «огражденной на местности рядом колючей проволоки». Лихитченко остался стоять «на стреме», а Румянцев, «преодолев проволочное ограждение, проник на летное поле».

Тут необходимо пояснение: я, писал корреспондент, побывал именно на том месте, где воры «проникали» на аэродром. Ведет туда проторенная тропа, в «колючке» — дыры, сквозь которые и поныне, дабы спрямить путь, лазают солдаты комендантского взвода. «Круглосуточный наряд» по охране боевых машин несли тогда офицеры. Летать из-за отсутствия горючего им приходилось мало, вот начальство и придумало работу. Офицеры

предпочитали нести караульную службу, не высовывая носа из домика, откуда истребители даже не просматривались. Так что Румянцев совершенно беспрепятственно и умело (он хорошо изучил авиационное оборудование во время службы в технико-эксплуатационной части) снимал с боевых машин заказанные все те же «изделия 705-6». В первую ходку он открутил два агрегата. Сильный Лихитченко помог притащить их в квартиру Румянцева, откуда через несколько дней загрузили похищенное в автомобиль старшего сержанта и доставили в условленное место — к автозаправке станции Хабаровск-2.

Там их ждал один из многочисленных посредников. Пройдя через руки шести наших сограждан, два «изделия», ценой почти в 600 тысяч долларов, были переданы китайцам, которые уже сбили цену и дали за ворованное лишь 30 тысяч долларов. Из этой суммы Румянцеву и Лихитченко досталось на двоих только восемь тысяч «зеленых». Воины-контрактники были очень довольны столь высокой оценкой их изменнического труда и вскоре вновь «проникли» на летное поле, чтобы корезить боевые машины. На сей раз они решили не мелочиться и сняли сразу четыре инерциальные курсовертикали пилотажно-навигационного комплекса «705-6».

Но не только эти уникальные и дорогостоящие «изделия» таскали из своего полка Румянцев и Лихитченко. Как утверждает в материалах уголовного дела, они «взяли у не установленных следствием лиц» в родном военном городке специализированное оборудование: вычислитель радиолокационного прицельного комплекса, вычислитель оптико-электронной системы, блоки питания, кабели, разъемы, без которых грозные истребители летать не могут.

Когда знакомишься с материалами уголовного дела, писал далее корреспондент, возникает ощущение полной потери в нашем отечестве не только моральных, но и правовых ориентиров. Что казалось невозможным и по праву сурово наказуемым — ныне являет собой череду вполне объяснимых, даже с точки зрения следствия, поступков. Например, человек продавал в КНР лом черных металлов. Бизнес не прошел. Он стал продавать секретное оборудование с боевых истребителей. Всего лишь поменял наименование реализуемого товара?

Отдадим должное сотрудникам УФСБ по Хабаровскому краю. Они умело «вели» бывшего своего коллегу Юрия Николаева, его китайских и российских подельников. И взяли красиво: с поличным, на перроне вок-зала в Благовещенске, куда бывший майор российской разведки доставил в трех огромных хозяйственных сумках украденное оборудование с истребителей Су-27, чтобы передать их связнику Ян Цзянькую для отправки через границу.

Вот только успешный финал этой шпионской истории как-то не настраивает на оптимистический лад, так заканчивал свое сообщение корреспондент «Известий» [168].

Через некоторое время корреспондент «Известий» Б.Резник продолжил рассказ об этом деле. Он писал о том, что военный суд Дальневосточного военного округа вынес приговор по нашумевшему уголовному делу. На скамье подсудимых оказалась группа российских и китайских граждан, обвиняемых в хищениях и нелегальной переправке в КНР запасных частей и агрегатов к боевым истребителям Су-27.

В 1991 г. для ВВС КНР было закуплено в нашей стране почти полсотни таких боевых машин. Естественно, за годы эксплуатации техника поизносилась, кое-что морально устарело. Китайская сторона в соответствии с заключенными контрактами могла модернизировать и обновить истребители за счет дополнительных поставок запчастей и электронного оборудования. Но за это надо было платить, и много — миллионы долларов. Спецслужбы соседнего государства решили добыть военное добро преступным путем, а именно — украсть его с завода-изготовителя и с военных аэродромов при помощи завербованных российских граждан.

То, что это именно так, подтверждается материалами, собранными в 18 томах уголовного дела, и результатами кропотливой оперативно-розыскной работы сотрудников УФСБ по Хабаровскому краю. В течение 225 суток они вели наружное наблюдение за

«фигурантами» дела, прослушивали их телефонные разговоры. У контрразведчиков нет ни малейшего сомнения, что им противостояли профессионалы из спецслужб КНР.

С нашей стороны в главные подручные к китайским шпионам пошел бывший старший офицер службы разведки, отменный знаток китайского языка Ю. Николаев. Во время службы в ДВО он работал «на китайском направлении» и, выйдя в отставку, быстро «навел мосты» с неким Ван Хунляном — сотрудником спецслужб КНР, действовавшим в нашей стране «под крышей» различных коммерческих структур своей страны. На предварительном следствии Николаев сообщил, что Ван Хунлян без обиняков предложил ему «неофициальным порядком приобретать в России авиационное оборудование к военным самолетам Су-27, которое потом должно поставляться на военно-воздушную базу КНР, расположенную в городе Сиань».

Около двадцати российских граждан вовлек Николаев в эту преступную деятельность. Одни крали для него комплектующие к «сушкам» прямо на авиационно-производственном объединении им. Гагарина в Комсомольске-на-Амуре, другие, например контрактники из авиаполка в поселке Калинка старший сержант Е. Румянцев и прапорщик С. Лихит-ченко, под покровом ночи проникали на родной аэродром, чтобы снять с боевых машин «изделия 705-6» — инерциальные курсовертикали пилотажно-навигационных комплексов.

Действия Ю. Николаева были расценены следствием как государственная измена. Обвинительное заключение утвердил военный прокурор ДВО генерал-майор юстиции И. Крылов. Суд не опроверг ни единого факта из обвинения, предъявленного Николаеву, не раскрыл новых обстоятельств, которые смягчали ли бы его вину. Тем не менее оправдал (!!) слугу двух разведок по самой тяжкой статье обвинения. И сделано это было по требованию государственного обвинителя — прокурора отдела военной прокуратуры ДВО подполковника юстиции Н. Качанова, к которому присоединился и председательствовавший на процессе полковник юстиции Гулевич! Военный суд отправил Николаева в места, не столь отдаленные, всего на три года вместе с орденами и медалями, посчитав их наличие в совокупности с «безупречным прохождением службы» обстоятельством исключительным, дающим основания «назначить наказание ниже низшего предела санкций вмененных статьей».

Да, все перевернуто с ног на голову на российских просторах! — восклицал Б. Резник и продолжал.

Во все времена считалось отягчающим вину то обстоятельство, что военный человек, тем более профессиональный разведчик, подрывал безопасность собственного государства, работая в интересах чужой страны, вовлекая в преступную деятельность десятки людей. И какая же после этого цена государственным наградам, которые будут украшать грудь зэка Юрия Николаева?

В процессе доказано, что по меньшей мере четыре самолета Су-27 вышеупомянутые Румянцев и Лихитченко «раскурочили» так, что они никогда не поднимутся в небо. Полк расформирован во многом из-за случившегося здесь ЧП. Но, по мнению военного суда ДВО, деятельность преступников не нанесла ущерба внешней безопасности России. В приговоре об этом сказано весьма витиевато: «Не опровергая выводов предварительного следствия о том, что деяниями... нанесен государству крупный ущерб, военный суд соглашается, что характер ущерба — экономический». Напомним, что контрактная стоимость каждого похищенного «изделия 705-6» — 295 тысяч долларов. Это сколько же надо изуродовать самолетов, чтобы суд признал наличие угрозы безопасности страны?

Румянцев и Лихитченко получили от китайских шпионов валюты во много раз больше, чем сумма ущерба, которую им предстоит выплатить по решению суда, — всего 50 тысяч рублей на двоих. При этом суд в качестве смягчающего обстоятельства называет «условия, способствовавшие хищениям, плохое имущественное положение виновных» и т.д. И вообще все они — классные ребята, включая китайских шпионов-связников, взятых с поличным при передаче им Николаевым военного оборудования к истребителям. Об этом

прямо написано в приговоре: «При назначении наказания Румянцеву, Лихитченко, Николаеву, Ян Цзянькую, Лю Жобину суд учитывает положительную характеристику их личности». Очень интересный аргумент. Может, суд запрашивал в военной разведке КНР характеристики на их шпионов? — спрашивал Б.Резник.

Корреспондент «Известий» завершал свою статью следующими высказываниями: «Сколько китайцы просидели у нас во время предварительного следствия, столько им и дали, учитывая их хорошее поведение в тюрьме, семейное положение и ходатайство консульства КНР. Прапорщик Лихитченко получил условный срок, а его «подельник» Румянцев — пять лет в колонии общего режима.

Адвокаты Румянцева с таким «суровым» приговором не согласны, считают, что он тоже достоин того, чтобы гулять на свободе. Воровать все и везде становится законом нашей жизни, охраняемым судом» [169].

Космос

В нашей печати появлялись сообщения о том, что было подписано секретное российско-китайское соглашение, в соответствии с которым два космонавта из КНР прошли базовую подготовку в России [170]. В программу обучения входили курс управления космическим кораблем, астрономия, физика, ознакомление с оборудованием на орбитальной станции «Мир» и уроки русского языка [171]. В печати появлялись сообщения и о том, что в КНР разрабатывается проект создания орбитальной станции. При этом, как говорил заместитель председателя правительства РФ И.И.Клебанов, «они сегодня только в начале пути»; «вообще же сейчас все страны понимают, что в одиночку орбитальную станцию не вытянуть» [172].

В начале марта 2000 г. состоялся визит И.И.Клебанова в КНР. В ходе визита была достигнута договоренность о том, что РФ поможет КНР создать орбитальную станцию.

В российском Центре подготовки космонавтов в 1996—1997 гг. прошли общекосмическую подготовку на коммерческой основе китайские космонавты-инструкторы У Цзе и Ли Цинлун. В 2000 г. группа китайских космонавтов, отобранных из числа лучших военных летчиков, проходила под руководством У Цзе и Ли Цинлуна подготовку в КНР.

В Китае заявляют, что всю космическую технику разработали сами. Многие эксперты отмечают, что китайский космический корабль «Шэнь чжоу» напоминает наш «Союз». Но генеральный конструктор Ци Фажэнь говорил, что китайский корабль «абсолютно» отличается от советского и лучше него. Тем не менее известно, что КНР приобрела у РКК «Энергия» макет спускаемого аппарата «Союз ТМ» и аппаратуру автоматического сближения и стыковки. Множество отделов головного в отрасли ЦНИИ машиностроения на протяжении ряда лет ведут тесное сотрудничество с КНР. Экономически оно оказалось выгоднее, чем с Западом.

Юридической основой для продажи Россией космических технологий в КНР является соглашение от 25 апреля 1996 г. Оно секретное. На Западе полагают, что самая мощная модификация китайской ракеты «Великий поход», используемая в пилотируемой программе, есть увеличенная копия советской УР-200, разработанной под руководством В.Н.Челомея, с вкраплениями французской «Ариан-4» [173].

Атомная энергетика

В нашей стране высказывались соображения критического характера по вопросу об «опасности мирного атома». В частности, председатель Центра экологической политики России, член-корреспондент РАН А.В.Яблоков в 1998 г. писал о том, что Минатом РФ расценивает свою деятельность как исключительно успешную и важную для страны. По

заявлению министра В.Михайлова, в 1996 г. продажа технологий, оборудования и услуг принесла Минатому 2,1 млрд долларов. По мнению А.В.Яблокова, похоже, что эта внешнеторговая победа — пиррова, поскольку России придется расплачиваться за доходы этого суперведомства гораздо большими затратами.

В частности, в 1993 г. Минатом РФ в соответствии с заключенным с КНР соглашением о сотрудничестве в области атомной энергии впервые продал за рубеж свою уникальную и крайне эффективную (газо-диффузную, или «вертушечную») технологию обогащения урана и постоянно посылает туда своих специалистов. Объем сделки — около 4 млрд долларов. Эта и другие сделки такого же характера приносят Минатому крупные доходы. Деньги позволяют ему поддерживать свою инфраструктуру в практически неизменном виде. Это хорошо для ведомства, но это — только одна сторона проблемы.

А.В.Яблоков продолжает: благодаря секретным российским технологиям и оборудованию КНР в обозримом будущем сможет резко ускорить накопление делящихся материалов, пригодных для создания ядерного оружия. На недоуменные вопросы обеспокоенных граждан, как это Минатом решился на продажу сверхсекретной «вертушечной» технологии, которой нет равных в мире по эффективности обогащения урана, Минатом отвечает, что разобрать и скопировать «вертушки» китайцы не смогут. Китайцы — не смогут? Если у нашего великого соседа, пишет А.В.Яблоков, вместо 350 ядерных зарядов через несколько лет с помощью Минатома появится тысяча, то Россию такое развитие событий вряд ли обрадует. И вряд ли облегчит положение оговоренная распоряжением правительства от 11 июля 1993 г. «конфиденциальность информации». Такого рода документ показывает, что Минатом хорошо понимает, насколько взрывоопасной является передаваемая им информация о ядерных технологиях. Несмотря на это, он в погоне за длинным рублем пошел на такую передачу.

Невозможно себе представить, чтобы внешнеполитическим специалистам Минатома не было уже тогда известно о тесных ракетно-ядерных связях КНР с Пакистаном и другими нестабильными режимами в Азии, писал академик А.В.Яблоков [174]. Мы привели его высказывания исключительно с той целью, чтобы показать, что в нашей стране существуют и такого рода оценки наших связей с КНР. Не вдаваясь в выяснение вопроса о правоте А.В.Яблокова, хотелось бы обратить внимание на то, что такого рода опасения среди части нашего населения имеют место. Одно это свидетельствует о необходимости гораздо более ясно и подробно разъяснять народу своей страны действия государственных руководителей. Особенно в тех случаях, когда речь идет о столь «деликатной» материи.

Во время визита Президента РФ В.В.Путина в КНР в июле 2000 г. было подписано соглашение о строительстве реактора на быстрых нейтронах.

Для КНР обладание такими реакторами — вопрос будущего атомной энергетики: при наличии АЭС, способных использовать в качестве ядерного топлива плутоний, на многие годы снимается проблема обеспечения топливом. До сих пор собственно китайские разработки даже экспериментальных реакторов на быстрых нейтронах не увенчались успехом. Теперь Россия построит КНР такой экспериментальный реактор мощностью 60 МВт близ Пекина. Сам этот факт сильно продвинет наш атомный экспорт — реактор в основном будет использоваться для первой половины замкнутого ядерного цикла — для наработки плутония. В дальнейшем логичным продолжением будет постройка Россией реакторов, уже сжигающих этот плутоний, — например, наших БН-600 или перспективных БН-800. А западные компании пока готовы поставлять Китаю только традиционные реакторы — при явном неодобрении со стороны США поставок в КНР российской технологии реакторов на быстрых нейтронах [175].

Торгово-экономические отношения

Мы уже упоминали о мизерном объеме торговли между РФ и КНР. В российском экспорте в КНР главная, хотя и не раскрываемая, статья — военная техника. Пекин запрашивает, например, новейшие марки военного самолета типа «Су». Так с печалью описывал состояние двусторонних торгово-экономических отношений побывавший в 1996 г. в КНР вместе с министром иностранных дел РФ Е.М.Примаковым корреспондент газеты «Известия» [176]. Имели место и иные трения. Например, в 1996 г. Пекин ввел квоты на ввоз в КНР металлов, и это привело к сокращению объемов торговли между РФ и КНР. В 1999 г. в Ухане китайская сторона обвиняла российскую сторону в демпинге, в ввозе в КНР стали по цене в 240 долларов за тонну, что ниже ее себестоимости в РФ [177].

Тем не менее, судя по сообщениям печати, в Москве подчеркивали, что существуют прекрасные перспективы развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

В декабре 1996 г. РФ и КНР решили создать комиссию по подготовке регулярных встреч между премьерами с целью более эффективного сотрудничества.

Средства массовой информации утверждали, что, кроме участия в «проекте века» — сооружении гидроузла на реке Янцзы, у россиян есть хорошие шансы участвовать в сооружении газопроводов и нефтепроводов, а также в переброске излишков электроэнергии не только в КНР, но и в другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В декабре 1996 г. был подписан протокол об основах контракта на сооружение АЭС с российскими реакторами в китайской провинции Цзянсу. Предполагалось, что сам контракт будет, очевидно, подписан в середине 1997 г. Специалисты согласовывали технические детали, условия и стоимость строительства. Было также подписано соглашение между Центральным банком РФ и Народным банком Китая. В средствах массовой информации оно трактовалось как шаг к обмену рублей на юани без пересчета в доллары. Однако по сути дела, это соглашение под нажимом Пекина, позволяло еще на неопределенное время сохранять ситуацию, при которой КНР имела возможность осуществлять выгодные ей бартерные сделки и не переходить пока полностью на расчеты в свободно конвертируемой валюте.

В Москве в декабре 1996 г. побывал глава правительства КНР Ли Пэн. Он привез предложение о создании совместных зон по освоению передовой технологии и природных ресурсов. Это предложение Ли Пэна видится нам шагом в осуществлении политического завета Дэн Сяопина, рекомендовавшего до возвращения в состав КНР территорий, на которые она претендует, предлагать совместное управление этими территориями или их совместное освоение.

Главы правительств РФ и КНР договорились довести российско-китайский товарооборот до 20 млрд долларов. В то время он только приблизился к 7 млрд долларов [178].

Необходимо остановиться на некоторых деталях торгово-экономического сотрудничества между нашими странами, чтобы лучше представить себе его картину.

Главные статьи экспорта РФ в КНР: вооружения, удобрения, черные металлы. Объем товарооборота в 1996 г. составил более 7 млрд долларов, в 1997 г. сохранился примерно на той же отметке, а в 1998 г. составил всего 5,5 млрд долларов. Примерно таким же он оставался и в 1999—2000 гг.

Существует межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Есть и комиссия по военно-техническому сотрудничеству. Однако бартер все еще заполняет до трети объема оплаты поставок из РФ в КНР оружия и военной техники.

Россия хотела бы покончить с практикой бартера. «Любой бартер — это уход от налогов, сокрытие доходов и коррупция», — говорил в свое время зам. председателя правительства РФ Большаков, имея в виду ситуацию в торговле с КНР [179].

А российские банки не заняли достойного места в этой области. Одна из причин состоит в том, что банки с капиталом менее 100 млн долларов не допускаются в КНР к международным валютным расчетам.

В апреле 1996 г. Народный банк Китая издал положение «О порядке регулирования деятельности дочерних структур зарубежных банков на территории Китая». РФ не попадает ни в одну из номинаций, позволяющих получить разрешение на открытие филиала или представительства банка РФ в КНР. Для налаживания нормальных межбанковских отношений с КНР требуется и специальное соглашение между Центральным банком РФ и Народным банком Китая. В рамках этого документа было бы целесообразно договориться об использовании в расчетах национальных валют.

В Москве работает филиал Банка Китая, зарегистрированный как резидент. В КНР действует представительство Внешторгбанка, которое выросло из представительства Внешэкономбанка. С 1996 г. — представительства «Российского кредита» и «Инкомбанка». В КНР настороженно относятся к нашим банкам [180].

Большие надежды в 1997 г. возлагались на участие российской стороны в строительстве гидроэлектростанции в Сычуани в районе «Трех ущелий». В Москве строились расчеты на получение стомиллионных, если не миллиардных заказов на оборудование для этой электростанции. Тем более что по техническому уровню промышленные предприятия России, на которых создаются такого рода турбины, вполне могли претендовать на законное место при рассмотрении этого вопроса. В Пекине на протяжении определенного времени делали знаки, которые должны были свидетельствовать о том, что Россия может рассчитывать на крупные заказы с китайской стороны.

Накануне проведения тендера на предоставление контрактов иностранным фирмам в июне 1997 г. глава правительства КНР Ли Пэн предложил заместителю главы правительства РФ Б.Е.Немцову, который в то время находился в Пекине, сопровождая главу правительства РФ В.С.Черномырдина, изменить программу пребывания и осмотреть район верхнего течения реки Янцзы — «Три ущелья», строительную площадку будущего самого большого в мире гидрокомплекса. Ли Пэн также сообщил, что у России есть серьезные шансы получить заказ на поставку гидротурбин и генераторов.

На деле все повернулось по-иному. Никаких заказов Россия не получила. (Попутно представляется уместным отметить, что тогда же, в июне 1997 г., во время визита председателя правительства РФ В.С.Черномырдина в КНР глава правительства России посетил специальную экономическую зону в Шэньчжэне, где заявил: «Вся Россия станет такой» [181].

Судя по этому высказыванию, В.С.Черномырдин, вероятно не имея ни времени, ни возможности детально разбираться в вопросах российско-китайских отношений и не претендуя на свой особый курс в отношениях с КНР, все-таки твердо придерживался принципа независимости и самостоятельности нашей страны в ее взаимоотношениях с КНР. Этот эпизод свидетельствовал также о желании китайской стороны произвести впечатление на руководителей нашей страны показом «витрины». Представляется, что было бы лучше, если бы наши руководители ездили не в специальные районы и зоны на территории КНР, а в глубинные районы собственно Китая и при этом главное внимание уделяли подробному обсуждению реальных возможностей развития наших внешнеэкономических и торговых связей.)

В нашей печати появлялись статьи под заголовками вроде: «Три ущелья на реке Янцзы ждут наших энергетиков». При этом утверждалось, что после визита В.С.Черномырдина в КНР в июне 1997 г. российская сторона надеялась получить примерно половину общего объема заказов на агрегаты для этого гидрокомплекса «Три ущелья». (Попутно отметим, что обсуждалось также возможное технологическое участие России в уничтожении японского химического оружия, оставшегося на территории Китая после Второй мировой войны.) После визита В.С.Черномырдина Россия рассчитывала на

активизацию военно-технического сотрудничества. Но в 1997 г. его темпы заметно снизились. Причина — расхождения между Москвой и Пекином по вопросу цен на российскую военную технику. Так, для эсминцев класса «Современный» разница составляет около 100 млн долларов за единицу [182].)

Российская печать отмечала, что в крупнейшем энергетическом проекте Пекин отдал предпочтение Западу. Самая большая неожиданность международных торгов на поставку в КНР электрооборудования для ГЭС «Три ущелья», проектная мощность которого 18,2 млн кВт, — поражение считавшегося фаворитом российского консорциума «Энергомашэкспорт» — «Ленинградский металлический завод» — «Электро-сила». Не помогла даже личная поддержка, которую оказал ему премьер-министр В.С.Черномырдин во время официального визита в июне. Цены российского консорциума оказались на 8% выше, чем у западных компаний [183].

Такова фактическая сторона дела. Можно только гадать о том, почему так получилось. Если исходить из заинтересованности нашей стороны в получении этого заказа, тогда можно задуматься над вопросом о том, почему высшие руководители РФ и КНР не сочли необходимым специально встретиться и обсудить столь важный вопрос и прийти к политической, а вслед за ней и к экономической, договоренности по этой проблеме. Мало того, думается, что с политической точки зрения можно было бы подумать и о том, чтобы строительство гидроэлектростанции в районе «Трех ущелий» было совместной стройкой КНР, РФ и Японии. Это была бы мощная демонстрация желания этих трех держав согласовывать свои экономические и политические интересы.

Если же не считать, что для России было желательно получить этот заказ, тогда можно, прежде всего, принять во внимание, что весь этот проект представляется многим специалистам и в Китае, и за его рубежами весьма спорным. Известно, какие отрицательные последствия имеет создание такого рода плотин. Так что, возможно, следует поблагодарить судьбу за то, что Россия никак не причастна к этому проекту и его воплощению в жизнь.

Наконец, можно также заметить, что при всей значимости экономических соображений представляется примечательным, что китайская сторона предоставила соответствующие заказы не России, не Японии, не США, а странам Западной Европы. Вполне может быть, что политические расчеты играли тут весьма определенную роль.

На пути экспорта электроэнергии из России в КНР существуют большие трудности. В частности, финансовые в случае с проектом строительства энергетического моста Россия — Китай. Представляется, что надежды на значительные в будущем поступления от экспорта в Китай — это химера, от которой российской стороне придется отказаться. Ведь значительная часть наших генерирующих мощностей расположена в Сибири, за многие тысячи километров от Китая, и потери при передаче на такие расстояния могут сделать ее неконкурентоспособной [184].

В 1999 г. много российских судов стояло в портах КНР [185]. Они были задержаны из-за финансовых претензий к судовладельцам. И в целом положение в торгово-экономических отношениях складывалось в 1997 г. неблагоприятно. На 30% снизился товарный импорт в Россию из КНР за девять месяцев 1997 г., сообщил источник в Государственном таможенном комитете. При этом отмечалось, что сокращение объемов импорта произошло не вследствие ограничения деятельности частных экспортеров, а за счет сокращения импорта продукции машиностроительного сектора и сельскохозяйственной продукции [186].

Пока все, вокруг чего идут переговоры, — дело не близкого будущего. И газопровод из Восточной Сибири, и экспорт избыточной электроэнергии из Иркутской области, и строительство АЭС, и продажа удобрений и черных металлов (которых, кстати, в Китае в избытке). Одна надежда на поставки вооружений, которые и составят позитивную динамику на ближайшие годы, сообщала наша печать [187].

В конце октября 1997 г. в Пекине планировалось окончательно согласовать технические и экономические обоснования строительства линии электропередачи мощностью 18 млрд квт/час в год от Братской ГЭС до приемного терминала в районе Пекина. По данным российско-китайской межправительственной комиссии, речь шла о валютных поступлениях порядка 400 млн долларов в год. Этот проект «не потянуть» по отдельности ни Иркутску, ни РАО «ЕЭС России». По сведениям газеты «Известия», перспективы экспорта электроэнергии в КНР были основной темой переговоров РАО «ЕЭС России» и «Иркутскэнерго». Стороны справедливо решили, что прежде, чем делить старое имущество, следует создать новое — совместное предприятие, которое построит линии электропередачи и начнет продавать электричество в Китай. Предполагалось, что российская и китайская стороны получают 30—40% в уставном капитале, остальная часть будет предоставлена на конкурсной основе иностранным инвесторам [188].

Но теперь, в 2000 г., компетентные лица в КНР заявляли, что переброска электроэнергии из РФ в КНР по ценам, которые предлагает российская сторона, для Китая неприемлема и на предложенных условиях проект осуществляться не будет.

Идея сооружения 3360-километрового газопровода от Ковыктинского месторождения в Китай попала в плоскость дипломатии еще в апреле 1996 г. А в ноябре 1997 г. в ходе визита Б.Н.Ельцина в КНР был подписан меморандум о подготовке технико-экономического обоснования строительства. Цена проекта — более десяти миллиардов долларов. Меморандум предусматривал поставки в течение 30 лет по 20 млрд кубометров газа в год. Доказанные запасы Ковыктинского месторождения — более 890 млрд кубометров. Однако в связи со сложными геологическими и эксплуатационными условиями освоение этого ценнейшего источника энергии может обернуться не только большими прибылями, но и большим риском [189].

Визиту Президента РФ Б.Н.Ельцина в Пекин в декабре 1999 г. предшествовал, по сообщениям печати, большой скандал, связанный с заявлением акционерной компании «Транснефть» — монополиста перекачки нефти на российской территории. Она заявила о недопустимости строительства трубопроводов частными компаниями без государственного участия. Речь идет о проекте строительства нефтепровода, который должен соединить перспективные месторождения Восточной Сибири и нефтеперерабатывающие предприятия КНР.

Договоренности о подготовке строительства нефтепровода в Китай протяженностью более 2300 км и предварительной стоимостью 1,7 млрд долларов были достигнуты в ходе визита в Москву премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи 25 февраля 1999 г. Еще в 1996 г. компания «Транснефть» разработала проект строительства трубопровода, но первые результаты расчетов показали специалистам невыгодными: тариф на прокачку нефти по новому трубопроводу получался около 30 долларов за тонну. При прочих равных условиях выгоднее было направлять экспортную нефть в европейские страны — получалось вдвое дешевле. В итоге пришлось отказаться от проекта. Прямые инвестиции в российскую экономику к тому времени значительно сократились, и находилось мало желающих вкладывать здесь средства на длительный срок.

Спустя три года, т.е. в 1999 г., о проекте строительства трубопровода в КНР пришлось вспомнить. Мировой топливный кризис сильно ударил по российским нефтяным компаниям и, как следствие, по всей экономике в целом. Появилась идея вывода России из-под давления западного рынка путем освоения восточного направления и заключения долгосрочных договоров о поставках нефтепродуктов по фиксированным ценам. Схожий интерес проявляла и КНР, попадавшая в зависимость от поставок нефти из стран Персидского залива.

В январе 1999 г. российская нефтяная компания «ЮКОС» и Китайская национальная нефтяная корпорация (КННК) подписали соглашение о сотрудничестве, определив условия поставок нефти по схеме замещения: КННК должна поставлять на самарские заводы компании «ЮКОС» нефть, добываемую на Актюбинском месторождении в Казахстане; «ЮКОС» же отправляет в КНР нефть Восточной нефтяной компании (ВНК) по нефтепроводу Томск—Ангарск и далее по железной дороге.

В течение 1999 г. «ЮКОС» носился с проектом трубопровода на Китай, всерьез рассчитывая на выход к новым рынкам сбыта. По предварительным расчетам, в первые 5—10 лет трубопровод сможет обеспечить перекачку 20 млн тонн западносибирской нефти. Впоследствии, по мере разработки месторождений Восточной Сибири, мощность магистрали может быть доведена до 30 млн тонн в год благодаря строительству дополнительных насосных станций.

До недавнего времени, а именно до визита главы «ЮКОСа» М.Ходорковского в 1999 г. в Пекин, государство и потенциальные конкуренты «ЮКОСа» относились к китайскому проекту снисходительно, не придавая ему особого значения. Та же «Транснефть» по собственной инициативе отказалась от участия в финансировании проекта, предложив «ЮКОСу» самостоятельно разбираться с денежными вопросами. Однако глава правительства РФ В.В.Путин не оставил без внимания усилия «ЮКОСа» и фактически благословил компанию на продолжение проекта, подкрепив это соответствующим письмом.

Демарш «Транснефти» вызвал у специалистов недоумение. Понятно, что государство должно подкреплять проекты такого уровня. Но «ЮКОС» никогда не вычеркивал «Транснефть» из списка участников и признавал ее ведущую роль. Так что восстановить статус-кво можно было, не поднимая большого шума. В любом случае проблемы «главенства» здесь нет, а раздувание скандала вряд ли выгодно обеим компаниям [190].

20 января 2000 г. был подписан меморандум российской нефтяной компанией «ЮКОС» и Министерством развития инфраструктуры Монголии в области транспортировки нефтепродуктов. В документе оговариваются возможности прокладки нефтепровода по территории Монголии в Китай, транзита российских нефтепродуктов в том же направлении, а также перспективы сотрудничества с самой Монголией в области развития рынка нефтепродуктов и его загрузки.

В то же время известно, что в КНР предпочтение отдается другому маршруту: Ангарск — Харбин. С экономической точки зрения вывод магистрали в район Харбина менее выгоден. Маршрут много длиннее, соответственно требуется больше средств для прокладки трубопровода. Кроме того, российская нефть попадает в этом случае в нефтедобывающий район Китая, а следовательно, потребуются дополнительная транспортировка до нефтеперерабатывающих заводов и портов, которые находятся довольно далеко. Тем не менее КНР рассматривает этот вариант, учитывая политические интересы, — в этом случае «китайская ветка» не будет зависеть от правительства Монголии.

Для России же наиболее удобным представляется маршрут, проходящий транзитом через Монголию. Дело в том, что недалеко от Пекина находятся многие нефтеперерабатывающие предприятия, так что в этом варианте «холостой пробег» нефти по трубе будет сведен к минимуму. Это позволит, сократив транспортные расходы, рассчитывать на более высокую цену продажи. Проект был в свое время внесен в межправительственные соглашения, и бросить его никто не позволит. МИД и Правительство РФ объяснили «Транснефти» в доходчивой форме, что не стоит мешать развитию отношений между двумя странами. Больше «Транснефть» этот вопрос не поднимала [191].

И во время визита в КНР в марте 2000 г. министра топлива и энергетики РФ В.Калюжного обе стороны высказались за ускорение работ по подготовке к строительству нефтепровода, чтобы в 2005 г. приступить к его эксплуатации. Реализация проекта поручена «Транснефти» и «ЮКОСу».

Российская и китайская стороны провели обмен мнениями по двум основным вариантам проекта. Китайская сторона считает, что целевым рынком для российской нефти

должен быть северо-восток и восточные прибрежные районы КНР, а также потенциальные потребители в третьих странах. Российская сторона считает оптимальным северный вариант — через Монголию на Пекин. Партнер «ЮКОС» по этому маршруту — китайская нефтяная компания «Синопек». В связи с этим принято решение — экспертам двух стран в кратчайшие сроки согласовать маршрут проекта, чтобы «Транснефть» и «ЮКОС» приступили к практической работе.

Также была отмечена позитивная реализация контрактов на поставку по железной дороге российской сырой нефти в Монголию между «ЮКОС» и компанией «Синопек». Было уделено внимание продолжающимся переговорам между «ЮКОС» и КННК по согласованию условий по поставкам в КНР нефти и нефтепродуктов по схемам замещения [192].

Столь же непросто продвигалось дело с участием нашей стороны в строительстве атомных электростанций в КНР. В конце октября 1997 г. газета «Известия» писала: «Миллиардных сделок в КНР не будет. Министр по атомной энергии Михайлов обнаружил в Пекине холодный прагматизм». Газета сообщала, что после рабочей встречи в Пекине в октябре 1997 г. представителей двух ведомств, отвечающих за сотрудничество в области ядерной энергетики, если не считать стандартного, ни к чему не обязывающего протокола о намерениях, стало очевидно, что российские атомщики избавились от остатков иллюзий. Миллиардных сделок из КНР не выжать.

Министр по атомной энергии В.Михайлов, покидая Пекин, говорил корреспондентам: «На мировом ядерном рынке идет настоящая война, война без правил, все пускают в ход — и ложь и подкуп». Министр имел в виду поведение американских конкурентов. «Американцы поняли, что мы стали обходить их в Китае, и теперь готовы навалиться всей своей мощью». В атмосфере явственно ощущался некий новый дух. Китайские партнеры поражали своей неуступчивостью и холодным прагматизмом.

С большими усилиями шло обсуждение проекта сооружения АЭС. Идея его родилась еще в горбачевские времена. С 1992 г. он фигурирует в межправительственных соглашениях как крупнейший объект двустороннего сотрудничества. Станцию сначала предполагали построить на северо-востоке, затем площадку перенесли южнее — в провинцию Цзянсу.

Китайцы выставляют очень жесткие условия по ценам и кредитованию проекта АЭС, которые, как считают эксперты, могут еще более затянуть сроки подписания генерального контракта. Министр В.Михайлов философски отметил, что на смену поколению китайских энергетиков, учившихся в Советском Союзе, пришло новое, которое смотрит на Запад. В России их интересуют прежде всего наработанные ядерные технологии. Чтобы сохранить позиции на рынке, Минатом готов продавать эти технологии по льготным ценам — на 5—7 процентов ниже мировых. Более того, готов даже идти на бартер — реакторы на быстрых нейтронах, например, в обмен на ширпотреб.

Динамика ядерного бизнеса с КНР выглядит скромно. За пять лет после 1992 г. российский экспорт в 1997 г. дотянет с нулевого уровня до 150 млн долларов, а к концу века, по расчетам министерства, должен был удвоиться — превысить 300 миллионов. Более дальние перспективы теряются в тумане.

Американские эксперты подсчитали, что для реализации поставленной в КНР задачи — в 10 раз увеличить мощности в атомной энергетике к 2020 г., Китаю потребуется ежегодно вводить в строй одну АЭС. Потенциал рынка оценивают сейчас в 40—50 млрд долларов. В борьбе за китайские заказы, с грустью заметил В.Михайлов, американцы не остановятся ни перед чем.

В этой ситуации у наших атомщиков остается лишь один шанс — поставлять высокие технологии, которые американцы никогда ни за какие деньги Китаю не продадут. А еще, как показали прошедшие переговоры, китайское атомное ведомство планирует широко привлекать на работу в свои лаборатории российских специалистов. Это ведь самый дешевый и эффективный способ получения «ноу-хау» [193].

И все же, несмотря на отмеченные трудности, заинтересованность обеих сторон в достижении соглашения по вопросу о строительстве в КНР атомной электростанции была столь велика, что в декабре 1997 г. в Пекине был подписан генеральный контракт на строительство атомной станции в провинции Цзянсу. Это означало, что мы не на словах, а на деле развиваем концепцию «стратегического партнерства» между Россией и Китаем. Минатом рассчитывает наращивать достигнутый успех. В планах поставка реактора на быстрых нейтронах, строительство завода по изготовлению тепловыделяющих сборок, завода по утилизации отработанного топлива.

В целом же объем торгово-экономических связей в 1997 г. стал опасно уменьшаться и угрожал спадом в 1998 г. На этом фоне важным представлялось сообщение о том, что заместитель главы правительства РФ Б.Е.Немцов подписал контракт на строительство Ляньюньганской атомной электростанции в провинции Цзянсу. Стоимость контракта составляет 3 миллиарда долларов [194]. И в апреле 1998 г. и. о. министра по атомной энергии Е.Адамов заявил, что в России успешно идет подготовка к выполнению контракта на строительство Ляньюньганской АЭС в КНР, который был подписан на правительственной основе в конце 1997 г. Е.Адамов считал, что Россия обладает на китайском рынке ядерной энергии преимуществом перед западными конкурентами прежде всего в ценах. Кроме того, у Минатома уже имеется готовый проектный комплект [195].

Осенью 1998 г. китайская сторона жаловалась, что российская сторона не успевает выполнять обязательства по контракту на строительство АЭС в КНР. Очевидно, между сторонами сохранялись либо противоречия, либо недопонимание [196]. В Москве глава правительства РФ Е.М.Примаков в конце 1998 г. заявлял, что Россия все свои обязательства по упомянутому контракту выполняет и будет выполнять в обусловленные сроки.

В июне 1998 г. в Пекине прошло первое заседание двусторонней рабочей группы по банковскому сотрудничеству. Договоренность о ее создании была ранее достигнута между Банком России и Народным Банком Китая. На заседании обсуждались вопросы совершенствования платежных расчетов в торговле, а также развития связей между коммерческими банками.

Заместитель председателя Центробанка России А.Потемкин считал вполне возможным удвоение за два-три года объема товарооборота с Китаем, который не выходит в последнее время за пределы 7 млрд долларов. По его мнению, рост сдерживают допотопные формы (клиринговые и полуклиринговые) платежных расчетов и неразвитый механизм краткосрочного финансирования торговых операций. Активное подключение потенциала коммерческих банков к обслуживанию торговли будет стимулировать интерес партнеров к развитию связей, инвестиционному сотрудничеству, реализации крупных проектов на основе долгосрочного кредитования. Китайская сторона, по словам А.Потемкина, позитивно отнеслась к проекту соглашения об использовании рубля и юаня в торговых расчетах между двумя странами. Он разработан российскими финансистами на основе опыта, накопленного в отношениях со странами СНГ.

Участие крупных коммерческих банков в обслуживании торговых операций, как считал зампред Центробанка, поможет также вытеснить из сферы торговли «полукриминальные фирмы», процветающие на почве «челночного» бизнеса. В 1997 г. по этому каналу из России в КНР нелегально вывезено около 3 млрд долларов [197].

В июне 1998 г. в Пекине открыл свой офис «ОНЭКСИМ-банк». Это уже третье представительство отечественных финансовых структур в КНР. Ранее здесь обосновались «Инкомбанк» и банк «Российский кредит».

В нашей печати можно было прочесть утверждения о том, что КНР энергично устремилась на российский рынок на фоне падающих объемов торговли с Японией и соседями по Юго-Восточной Азии. Экспорт за первые пять месяцев 1998 г. подскочил на 57% по сравнению с тем же периодом 1997 г. и обеспечил КНР впервые за последние годы

положительное торговое сальдо. Переживает бум приграничная торговля, которая выросла на 33% за первый квартал.

В рабочих планах «ОНЭКСИМ-банка» — кредитование продажи в КНР никеля и черных металлов, древесины и энергетического оборудования. Особой статьей значится обслуживание военно-технического сотрудничества. Крупной операцией банка будет финансирование поставки двух российских эсминцев в 2001 г. Прорабатываются также проекты финансирования совместных запусков спутников и сотрудничества в сфере телекоммуникационных сетей связи.

В портфеле банка лежит также проект, которому придается стратегическое значение. Речь идет о разработке Ковыктинского газового месторождения и сооружении нефтепровода отсюда в КНР. «ОНЭКСИМ-банк» уже финансирует технико-экономическое обоснование проекта и разведочные работы, которые находятся в стадии завершения. Стоимость всего проекта, по словам председателя правления банка М.Прохорова, составит 7 млрд долларов [198].

Постепенное налаживание кредитно-денежных отношений России и КНР натолкнулось на препятствия в связи с мировым финансовым кризисом, ухудшением экономического и финансового положения РФ, известными трудностями в КНР. В конце 1999 г. печать сообщала, что торговля РФ с КНР возвращается под крыло Внешэкономбанка (ВЭБ). Общий объем обслуживаемых им российско-китайских экспортных контрактов может превысить 7,5 млрд долларов. ВЭБ уже принял на обслуживание контракты по расчетам с КНР на сумму более 5,5 млрд долларов [199].

Во второй половине 1990-х гг. в отдельную сферу двусторонних торговых отношений превратилось то, что у нас обычно именуется «челночной торговлей». Происходили явления, свидетельствовавшие, что в этой сфере активно действовали не только физические лица, не только различного рода частные и государственные фирмы, но и, с китайской стороны, государственные учреждения. В результате этих операций, как уже упоминалось, вывоз валюты из нашей страны составил в одном 1997 г. около 3 млрд долларов.

Видный китайский коммерсант сообщил корреспонденту выходящей в Москве газеты на китайском языке «Мосыкэ ваньбао» (08.04.1998), что в марте 1998 г. на московских рынках было продано китайского ширпотреба на 30 млн долларов США. Конечно, такая выручка бывает не каждый месяц. Зимой она гораздо ниже, а в особенно холодные дни снижается до минимума. Пик торговли китайским товаром приходится на лето и осень. Кроме того, подобные рынки существуют, как известно, и в других городах России. Так что можно предположить, что истинный товарооборот между Россией и Китаем за счет этой «народной торговли» превышает официальную цифру, которая в 1997 г. едва достигла 6,12 млрд долларов [200].

Эту картину дополняют сведения о размахе закупок китайского ширпотреба русскими «челноками» непосредственно в Китае. «Независимая газета» сообщила 21.05.1998 г., что, согласно только официальным данным, в 1997 г. «челноки» вывезли из Китая товаров на сумму в 2 млрд долларов. Эта цифра, на которой, как пишет газета, «по чисто политическим соображениям настаивают российские чины, явно занижена». Далее газета сообщает, что до начала финансового кризиса в Юго-Восточной Азии (конец 1997 — начало 1998 г.) ежедневно в Россию вылетало от 10 до 20 (в зависимости от сезона) грузовых самолетов с товарами, закупленными русскими «челноками». Стоимость груза одного такого самолета «составляет, по самым скромным подсчетам, не меньше миллиона «зеленых». «Чтобы полнее представить значение этого факта, — говорится далее, — следует напомнить, что общая сумма официальных инвестиций со стороны России в КНР оценивается в 120 млн долларов» [201].

Возникают своего рода альянсы дельцов России и Китая, которые специализируются на коммерческой деятельности. Естественно, что участники таких альянсов получают известную выгоду, но терпит ущерб или подвергается опасности только население нашей

страны, но не КНР. В частности, в 1996—1997 гг. один такого рода альянс ввез в Россию из Китая 23 вагона пиротехники. Груз (600 тонн) был оформлен, как «елочные игрушки». Таможне еще предстоит выяснить, кто и за сколько поставил на все коробки с грузом штамп: «Не вскрывать!» Торговля пиротехникой в те времена приносила до 1500% прибыли, и нет сомнений, что услуги таможенников были должным образом оплачены. Военные только диву давались — 23 вагона ввезены на территорию России, и никто не поинтересовался их содержанием!

Стоимость ввезенной пиротехники оценивается в 5 млн долларов, хотя в поддельных документах значилась в два раза меньшая сумма. Из 600 тонн на складах «Мосинопторга» в 1999 г. было конфисковано 250 — то, что осталось нереализованным. Срок хранения пиротехники — максимум два года, значит, все эти горы взрывчатки заведомо опасны для применения. Приходит на память случай в Москве в Центральном парке в 1998 г.: в результате взрыва заряда был ранен милиционер. Салютный заряд не взлетел и разорвался в толпе. Может быть, и он был приобретен со склада «Мосинопторга», делал свои выводы журналист [202].

На Дальнем Востоке приобрела большие масштабы и контрабанда цветных металлов. Сбор их лома достиг в Приморском крае «в последнее время просто угрожающих масштабов». А заканчивается цепочка переплавкой и нелегальным вывозом в КНР [203].

Существует еще одна специфическая область бизнеса граждан КНР в РФ. Они исходят из того, что «собака — это деньги», и отправляются в нашу страну за собаками. По сообщениям печати, они приезжают только за большими собаками. По всей Сибири собирают мастифов, сенбернаров, афганских борзых и немецких овчарок — собак не просто любимых в России, а членов семьи в полном смысле слова. Автобусами везут через границу в КНР. Спрос на них там чрезвычайно высок. Тысячи животных уже вывезены из Сибири незаконно, насильно.

Местные российские «собачьи дельцы» либо скупают собак по дешевке, либо воруют. Часто хозяев запугивают и вынуждают продавать собак за бесценок или вырывают псов из рук детей во время прогулки. Торговцы легко находят помощников, готовых предоставить им поддельные справки от ветеринара, родословные и документы для прохождения через таможню. До отправки в КНР собаками набивают пустые квартиры, привязывают их к радиаторам.

Китайцы, приезжающие в Красноярск за этим живым товаром, рассказывают, что бум в КНР начался тогда, когда там отменили запрет на содержание крупных собак. Тут же у китайских нуворишей стало престижным иметь большую собаку. Говорят также, что собак из России используют для разведения, с тем чтобы снабжать китайский рынок собачьим мясом (треть собак погибает в дороге). Только через пограничный пункт Благовещенск в 1999 г. было вывезено 883 собаки, причем не только из местных краев. Животных привозили из Москвы, Петербурга и даже Литвы. Сами «собачьи дельцы» признают: «Жестокость к собакам и жадность — без этого бизнес не пошел бы. Китайцы тоже всем должны платить: нашим и своим пограничникам, милиции, таможне. И нас, бывает, обманывают, и китайцев. Могут даже убить».

Китайцы начали приезжать в Россию за собаками в 1997—1998 гг. Сначала они пошли по клубам собаководства, но цены показались им слишком высокими. Тогда они начали действовать через посредников. Вскоре образовалось очень много таких посреднических групп, а так как собак все меньше и меньше, конкуренция между группами все жестче. Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ приняли проект федерального закона «О защите животных от жестокого обращения» [204]. Остается надеяться на то, что в этой сфере будет со временем наведен порядок.

В октябре 1997 г. наши газеты сообщали, что блокирован воздушный мост между Россией и КНР; государства несут невосполнимые коммерческие потери.

Отлаженный механизм торговли между Россией и Китаем потерпел самую крупную за последние годы аварию. Тысячи тонн китайского ширпотреба не попали на российский рынок. Главное управление гражданской авиации Китая (ГУГАК) с 1 октября 1997 г. ввело ограничительные меры и вывело из строя ключевую систему обеспечения товарооборота — воздушные грузоперевозки. Грузопоток был обрушен. Вместо 10—12 ежедневных рейсов авиоперевозчики с трудом делали один, в лучшем случае — два рейса. Ситуация складывалась, по мнению экспертов, не просто чрезвычайная, а катастрофическая для всех участников двусторонней торговли, поскольку львиная доля товарных поставок до тех пор осуществлялась по воздуху.

Распоряжение ГУГАК устанавливало особые правила регистрации нерегулярных рейсов иностранных грузоперевозчиков. Им было разрешено использовать только собственные самолеты либо находящиеся в так называемом «сухом лизинге» — машина взята в аренду без экипажа. Ограничения затронули деятельность преимущественно авиакомпаний России и государств СНГ.

О таком нововведении узнали случайно — за несколько дней до его вступления в силу. Местные аэродромные власти просто отказались обслуживать российские самолеты, сославшись на внутриведомственное распоряжение. «Работая на китайском рынке, невольно привыкаешь к нештатным ситуациям, — признался управляющий одной из авиакомпаний. — На этот раз нас потрянуло так, что мы чуть не потеряли рулевое управление».

Все дело в том, что основной объем грузов перевозится нашими компаниями именно тем способом, на который введен запрет, — самолетами, находящимися в «мокром лизинге», т.е. арендованными вместе с экипажами. Отказаться от него и в одночасье перейти на «сухой лизинг» они просто не в состоянии — для этого нужно обзаводиться летным составом, перезаключать арендные договоры, менять сложившиеся отношения с владельцами самолетов. На эту работу могут уйти месяцы, а то и годы. Собственные самолеты компаний-перевозчиков можно было пересчитать по пальцам, с существовавшим объемом грузоперевозок справиться они не могли. И с вводом новых правил российские компании-перевозчики фактически вынуждены были остановить свою деятельность.

В международной практике, кстати говоря, две формы лизинга — «сухой» и «мокрый» — используются на равных правах. Введенный запрет — плод самобытного китайского творчества. Как считают эксперты, неожиданное изменение правил игры учинено в откровенно протекционистских целях. Китайские перевозчики в результате становятся монополистами на рынке грузоперевозок, а их конкурентов из России и других стран СНГ принуждают с него уйти.

Предпринятая попытка с помощью ведомственного распоряжения устранить иностранных соперников, однако, поражает не столько вероломством, сколько стремлением добиться своего любой ценой, даже ценой разрушения самого рынка. Под удар поставлены интересы китайских производителей. Тысячи фабрик по всей стране работают по российским заказам, их продукция ложится мертвым грузом на складах. Китай лишается притока наличной валюты — по прикидочным оценкам, оборот «челночной торговли» составлял в 1996 г. больше двух миллиардов долларов. Совершавшие многолетние набеги за китайским товаром коммерсанты всех стран СНГ стали сворачивать дела. Подскочившая в три раза цена на перевозки (с 3 до 8 долларов за килограмм) превратила их бизнес в убыточный. Некоторые закупщики сразу же отправились в Объединенные Арабские Эмираты: тамошний рынок предлагает товары, не уступающие по цене и качеству китайским, да и доставка обходится дешевле — 2 доллара за килограмм.

В сложившейся ситуации действия ГУГАК выглядели абсурдно. Во всяком случае, по воле одного из своих департаментов, уважаемое ведомство понесло немалые убытки — почти 3 млн долларов в месяц за обслуживание и проводку самолетов российских грузоперевозчиков.

Несмотря на такие разрушительные последствия запрета, пересматривать его ГУГАК, судя по всему, не собирается. А российская сторона в лице Федеральной авиационной

службы не бросилась на выручку пострадавшим грузоперевозчикам. Только посольство РФ в Пекине послало предупредительный сигнал: данное решение может стать ненужным раздражителем в канун очередной российско-китайской встречи в верхах [205].

Таким образом, в области «челночной торговли» китайская сторона предпринимала в 1997 г. меры с тем, чтобы лишить наших коммерсантов возможности зарабатывать на чартерных рейсах грузовых самолетов с китайскими товарами. Пекин, не стесняясь, употреблял государственную власть, чтобы обеспечить коммерческие интересы только китайских деловых людей. Чиновники же из МИД РФ были озабочены тем, чтобы не испортить настроение лидеров своей страны и КНР во время их очередной встречи.

В 1998 г. эта область наших двусторонних отношений вновь переживала встряску. 30 июня 1998 г. Государственный таможенный комитет России (ГТК) издал распоряжение о полном таможенном досмотре грузов, перевозимых авиатранспортом. Это распоряжение парализовало грузовые перевозки. На прикол встали более 100 из 200 работающих грузовых самолетов. Десятки «челноков», рассчитывавших по старинке ввезти и вольготно «растаможить» товары, бросили свое добро прямо в лайнерах. Оплата реальных пошлин оказалась им не по карману. Цены на барахолках взлетели на 20—30 процентов.

В августе того же года действие этого распоряжения было приостановлено «вплоть до особого указания». Это означало, что перед «челноками» снова открывается возможность торговать. ГТК пошел на попятную. Но на самом деле приостановленное распоряжение может возродиться в любой момент, так как полностью соответствует существующим правилам. Фактически ГТК под давлением обстоятельств принял решение — и дальше смотреть сквозь пальцы на полуконтрабандный «челночный» импорт.

Вводя полный таможенный досмотр авиатранспорта, в ГТК признали, что «начали скрести по сусекам» в поисках средств пополнения бюджета. Без полного досмотра таможня собирает с 40 тонн груза, привезенного самолетом Ил-76, 18—25 тыс. долларов. Полный досмотр позволял увеличить пошлины (с одного самолета) до 300—500 тыс. долларов.

Известны случаи, когда торговцы декларировали на китайской границе вывоз товаров на 2—3 млн долларов, а прибыли в российской аэропорт — на многократно меньшие суммы.

«Челночная» торговля прозрачна, навести порядок в сборе таможенных платежей не составляет труда.

Правительственная политика, направленная на усиленное налогообложение потребления, требует жесткого отношения к импорту ширпотреба. Поэтому отказ от полного таможенного досмотра авиатранспорта — явление временное [206]. И в октябре 1998 г. правительство РФ в очередной раз предприняло попытку поставить под контроль «челночный» бизнес, стремясь ужесточить контроль за его налогообложением.

По неофициальным данным, на сегодняшний день в России насчитывается от 18 до 30 млн человек, торговый бизнес которых не подпадает под налогообложение. При этом многие из «челноков» официально числятся безработными. Торговый оборот их деятельности оценивается в 15—20 млрд долларов. Большая его часть традиционно ориентирована на импорт потребительских товаров из Китая, Турции и Объединенных Арабских Эмиратов. Однако в последнее время появился и новый вид операций — нелегальный экспорт российских товаров. Общий объем подобного экспорта оценивается в 2 млрд долларов. В связи с финансовым кризисом осенью 1998 г. Госналогслужба предлагала ввести лицензирование предприятий, занимающихся нелегальной торговлей. «Челноков» пытались регистрировать в качестве предпринимателей. В результате они еще больше уходят в тень [207].

В 1998 г. в нашей печати сообщалось, что в Москве появился свой «чайна-таун»; причем его обитатели живут закрыто и на трудности не жалуются [208]. Можно сказать, что постепенно формируется некий уклад жизни граждан КНР во время их пребывания в нашей

стране. Речь идет о тех китайцах, которые в том или ином качестве принимают участие в торговле китайскими товарами на территории России.

Скорее всего, с годами, а эта деятельность продолжается уже почти десять лет, сложился механизм, состоящий из нескольких частей.

В Китае есть теперь специалисты по нашему рынку. Они часто бывают в России или практически постоянно находятся здесь, внимательно следят за ситуацией и вносят предложения о видах и качестве товаров, которые в тот или иной момент можно завезти из КНР и продать за «живые деньги» обычным русским покупателям. Очевидно, что существуют фирмы, специализирующиеся на производстве таких товаров. Это делается на предприятиях различного масштаба, но вполне организованно. Отработаны каналы переброски изготовленных товаров в нашу страну. Здесь используются различные пути, начиная от провоза товаров мелкими партиями в багаже частных лиц и кончая грузовыми самолетами, а также другие виды транспорта.

В 2000—2001 гг. получил распространение «метод муравьиной переправки». Наши граждане получают товар от китайцев, провозят его в индивидуальном порядке под видом «личных вещей» или «своего багажа» через границу (скажем, из Казахстана) и сдают товар кирайским торговцам на нашей территории.

Газета «Известия» писала, что пограничники на российско-казах-станской границе рассказывают:

— Знаете, что такое «муравьиная переправка»? Не знаете? «Челноки» — это уже вчерашний день. Этот метод они где-то с октября 2000 г. освоили. Крупные поставщики дробят партию товара на небольшие баулы, килограмм по пятьдесят, нанимают женщин, и те перевозят его по железной дороге. А уже в России товар снова собирают. В итоге получается колоссальная экономия. Официальным путем за одну фуру «китая» надо заплатить 18 тысяч долларов, а по-муравьиному со всеми взятками, пошлинами и билетами — тысячи 2—3. В каждом вагоне сидит сопровождающий груза: он следит за тем, чтобы курьер не попытался кинуть «фирму». Все продумано.

В России товар попадает на специально созданные базы. В ряде случаев это и есть то, что в упомянутой газетной корреспонденции названо «чайна-таунами» — «китайскими кварталами», «китайскими поселениями» на нашей территории. Иными словами, появились постоянно действующие товарные базы, которые обычно представляют собой арендованные или купленные, возможно подставными российскими фирмами, здания или даже несколько зданий, которые практически находятся в полном ведении китайцев. Это как бы «анклавы» китайцев на нашей территории. Там свой суд, своя власть, своя, если необходимо, расправа. Кстати, появлялись сведения и о том, что именно там работают «умельцы», изготавливающие фальшивые паспорта для тех, кто желает ими пользоваться в РФ или в других странах.

Обитатели такого рода «чайна-таунов» никак не смешиваются с нашим населением. Речь никоим образом не идет о включении таких довольно долго живущих на нашей территории граждан КНР в состав населения России в каком бы то ни было смысле. Для этой категории граждан КНР существуют даже свои средства массовой информации, начиная от газет и кончая радио- и телевизионными станциями.

Попутно можно отметить, что существует одно весьма специфическое обстоятельство. Практически одной из своеобразных торговых баз, через которые ведется торговля на территории нескольких регионов РФ, служит Чечня. Туда доставляются китайские товары, и уже с территории Чечни их перевозят в прилегающие к Чечне районы РФ, где и продают. Таким образом, между некими китайскими торговыми организациями и чеченскими соответствующими организациями установлена связь, созданы каналы, через которые товары из КНР попадают сначала в Чечню, а затем в различные регионы нашей страны. Вполне очевидно, что от перепродажи этих товаров имеют прибыль и китайские и чеченские продавцы. Кстати, при переброске таких товаров чеченцами через

административную границу Чечни с прилегающими к ней районами России никаких пошлин и таможенных сборов не взимается.

Вернемся к механизму реализации китайских товаров на территории РФ. Из упомянутых «чайна-таунов» они попадают в торговлю. Кое-что китайцы продают сами в индивидуальном порядке. Однако существует и сеть сбыта таких товаров через торговые фирмы, формально находящиеся во владении граждан РФ. Продавцы собирают выручку «живыми деньгами». Далее, существует отлаженный механизм сбора этих денег, российских рублей, и их перевода в американские доллары. Доллары же перебрасываются различными путями в КНР.

Вполне очевидно, что эта система работает уже несколько лет и приносит китайской стороне большие прибыли; ежегодно такой метод торговли дает миллиарды долларов.

К этому можно добавить, что существует и другая ветвь той же системы продажи китайских товаров на нашей территории. Речь идет о тех гражданах РФ, которых обычно называют «челноками». Они постоянно курсируют между местом своего проживания в РФ и базами приобретения китайского ширпотреба на территории КНР.

Во многих китайских городах в этих целях созданы специальные гостиницы, рестораны, рынки, целые кварталы, где все предназначено для того, чтобы как можно быстрее продать «челноку» китайские товары, получив за это рубли или доллары. Собственно говоря, «челноки» выполняют ту же задачу, что и сеть российских фирм, торгующих китайскими товарами на нашей территории и получающих товар из «чайна-таунов».

В целом можно констатировать, что в данном случае имеет место интерес к такого рода торговле с обеих сторон. Правда, в выигрыше оказывается главным образом китайская сторона. Возникают сомнения в том, что российское государство получает всё, что ему положено, и от перемещения этих товаров через границу, и от торговли ими на нашей территории.

Необходимо отметить, что функционирование упомянутого механизма, вполне вероятно, связано с работой внутри него неких криминальных структур, а также с коррупцией неких чиновников государственного аппарата. Возникает также вопрос о степени участия во всей этой деятельности органов власти КНР; во всяком случае, китайские власти всемерно способствуют существованию и налаженной работе этого механизма, стремясь содействовать получению прибыли именно соответствующими китайскими фирмами.

В ноябре 1998 г., в дни визита в Россию председателя КНР Цзян Цзэминя центральное телевидение показало репортаж с российско-китайской границы в Приморье [209]. Судя по этому материалу, поток китайских граждан, прибывающих в нашу страну легально или нелегально, довольно значителен. При этом пограничная и таможенная служба работают с перегрузкой.

В основном к нам прибывают китайские граждане, у каждого (или у каждой) из которых много объемистых сумок с товарами ширпотреба или продовольственными товарами. В репортаже пояснялось, что все это предназначено на продажу. Местные жители жалуются на поведение приезжих в общественных местах, сетуя на разницу в привычках и культуре. Подростки говорят, что их обижают и бьют, когда рядом нет взрослых россиян. Пограничники утверждали, что через границу постоянно и без документов тайком просачиваются граждане КНР. Некоторых из них задерживают на нашей территории. Показали несколько таких людей. Один из них на ломаном русском языке требовал «равноправия». Когда же пограничник попросил его предъявить паспорт и визу, гражданин КНР не сделал этого.

Первого декабря 1998 г. московская налоговая полиция, как сообщала телевизионная компания РТР в ночном выпуске «Вестей» (около часа ночи 3 декабря 1998 г.), провела рейд

по обменным пунктам города Москвы. На Новом Арбате в самом центре столицы России в одном из обменных пунктов были обнаружены 20 китайских граждан. Кроме них, других клиентов в помещении обменного пункта не было. У каждого из этих граждан КНР имелись большие сумки, битком набитые рублями. У каждого из 20 человек было при себе от 50 до 100 миллионов рублей для обмена на доллары. В общей сложности 20 китайцев (или стоящие за ними криминальные структуры?) предполагали получить за один день до 50 млн долларов.

Этот обменный пункт принадлежит коммерческому банку «Совинком». Объявление о существовании обменного пункта помещалось в газетах, которые организации граждан КНР издают в Москве на китайском языке. Налоговая полиция полагает, что это — один из каналов, по которым из страны ежемесячно уходят до полутора миллиардов долларов. (За год эта сумма может составить от 15 до 20 млрд долларов.)

В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что возникает вопрос о существовании организованной преступности и ее соответствующих структур (вероятно, при совместных действиях российских и китайских криминальных организаций), которые в громадных масштабах наносят колоссальный ущерб России. Они анализируют наш рынок, производят соответствующие товары на промышленных предприятиях КНР, специально работающих на эти структуры, забрасывают к нам эти товары по различным каналам (по воздуху, наземным транспортом, от имени организаций и через якобы частных лиц). Реализуют их различными способами, в том числе (а может быть, преимущественно) через сеть торговых российских фирм (своего рода новых российских компрадоров). Собирая выручку, дают взятки всем, от кого зависит существование таких структур и уклонение от уплаты налогов в РФ. Обменивают выручку на доллары в огромных количествах и вывозят сотни миллионов долларов из России по неизвестным, подпольным, а возможно, и иным каналам.

Вероятно, что такова сегодня основная схема того, что китайская сторона именует «торговлей, которую ведут частные лица», а у нас это видится как «челночный бизнес» с китайской стороны.

Осенью и зимой 1998 г., а также весной 1999 г. Федеральная служба налоговой полиции (ФСНП) провела ряд обысков в Москве в помещениях, которые использовали в качестве товарных складов сотни фирм, принадлежащих гражданам КНР. Были изъяты товары (кожаные куртки, плащи, дубленки) на 20 миллионов долларов. По утверждениям китайских торговцев, у них также изъяли миллион долларов наличными.

Сотрудник оперативного управления ФСНП утверждал, что китайцы попросту не хотят делиться доходами с российским государством: «ФСНП двумя руками за развитие «челночной» дипломатии, но увы, большинство китайских торговцев не платит в бюджет нашей страны и половины налогов». Налоговики основывали свои выводы на том, что бухгалтерия подавляющего большинства китайских фирм напоминает авгиевы конюшни или, что еще хуже, вообще отсутствует. Из документов, представленных фирмами в налоговые инспекции, следовало, что ни руководители, ни персонал по несколько лет не получали зарплаты, а прибыль предприятий равнялась нулю. При этом, по данным Государственного таможенного комитета России, поступившим в ФСНП, немалая часть валюты, вывезенной в 1998 г. из РФ, оказалась в КНР. Даже при беглом подсчете получается, что сумма превышает 100 млн долларов [210].

Беспокоит людей в нашей стране и вопрос о китайской миграции.

За 1990-е гг. численность граждан КНР, которые постоянно или относительно постоянно находятся в России, возросла, по некоторым данным, минимум в двадцать раз. В то же время ни одно из государственных учреждений не может назвать точные цифры. Оценки колеблются от сотен тысяч до двух-трех миллионов.

По сообщениям нашей печати, в сентябре 1999 г. заместитель министра внутренних дел России В.Федоров говорил, что ежегодно в РФ прибывает 500 тысяч граждан КНР. Ему вторил губернатор Хабаровского края В.Ишаев: в Китае есть программа освоения российского Дальнего Востока, «воевать они не собираются, а говорят, что придут и будут жить». Он обеспокоен тем, что в регионе возникают компактные поселения китайцев и они пытаются все больше влиять на экономическую и политическую ситуацию [211]. А в Москве по официальным данным в конце января 2000 г. работали — на легальных основаниях! — всего лишь 7387 китайцев [212].

В конце этого раздела представляется необходимым обратиться к оценке состояния двусторонних торговых и экономических связей, которую давала в 1998 г. китайская сторона.

При обмене мнениями с российскими коллегами китайские эксперты в июне 1998 г., в частности, заявляли, что в настоящее время, благодаря регулярным встречам глав РФ и КНР, а также отработанному механизму обменов мнениями между главами двух правительств, заложена прочная основа отношений, достигнута договоренность о равноправном стратегическом партнерстве, направленном в XXI век. Ныне главный вопрос, который требует решения, это развертывание экономического и торгового сотрудничества.

В свое время обе стороны, во всяком случае китайская сторона, исходили из тезиса о взаимодополняемости экономик двух стран. При этом полагали, что их взаимодействие совершается как бы само собой, автоматически. Представлялось также, что существуют некие объективные обстоятельства, которые обеспечивают быстрый рост объемов нашего экономического и торгового сотрудничества. При этом подразумевалось, что РФ обладает высокой технологией и огромными ресурсами, а КНР — резервами рабочей силы и огромным рынком. Все это сулило большие перспективы. Поэтому и появилась цифра будущего объема двусторонней торговли в 20 млрд долларов в год. Ее породили понятные настроения и убежденность лидеров обеих стран, которые опирались на представлявшиеся бесспорными соображения, приведенные выше.

Реальная жизнь оказалась, однако, иной. В 1997 г. объем товарооборота между РФ и КНР был всего 7 млрд долларов, а в 1998 г. происходило его снижение. В этих условиях может показаться, что упомянутая цель 20 млрд долларов — нереальна и недостижима. Анализ приводит, однако, к выводу о том, что это не так; нельзя однозначно толковать ситуацию таким образом. 20 млрд долларов — это не недостижимая цель. Ее можно достичь, если приложить соответствующие усилия.

Прежде всего, необходимы действительно крупные проекты двустороннего сотрудничества. Здесь все зависит от соединения усилий обоих государств, от решений на высшем и высоком уровне. Торговые связи, которые ведут «челноки», имеют и положительное значение, и негативные последствия. Особенно огорчает то, что из-за них был нанесен ущерб репутации качества товаров из КНР в России. Существует и то, что именуется приграничной торговлей. Эта торговля должна продолжаться, при большей, однако, роли правительств обеих стран.

В то же время очевидно, что на одних «малых формах» в развитии двусторонних российско-китайских отношений далеко не уедешь. Во-первых, будущее за крупными проектами, такими, как строительство атомных электростанций или нефтепроводов и газопроводов. Если такие и подобные проекты будут появляться и осуществляться, тогда пойдет и весь процесс значительного расширения объемов наших экономических и торговых связей. КНР, подчеркивали эксперты, намерена поправить положение в этой области.

Во-вторых, представляется, что существуют и перспективы научно-технического сотрудничества. Здесь необходимо сочетание сильных сторон России и Китая. Россия дальше, чем КНР, продвинулась в этой области. Это — ее преимущество, которое необходимо использовать. С другой стороны, в КНР сейчас практически в каждой провинции, да и в ряде средних городов, а иной раз и в уездах, существует то, что именуется

зонами промышленного и технического развития или зонами развития высокой технологии. Иначе говоря, на местах создаются условия для внедрения такой технологии в производство. Упомянутые зоны приносят КНР большие доходы. Когда эта работа только начиналась, доход от нее составлял всего несколько миллионов долларов, а в настоящее время он достигает уже 3 млрд долларов в год.

Китайская сторона полагает, что российские предприниматели должны вкладывать свои капиталы в предприятия, расположенные в таких «зонах высокого технологического развития». Пока там российских инвестиций очень мало. Следовательно, и здесь необходимо изучать вопрос и искать конкретных реальных возможностей.

В-третьих, представляется, что большие перспективы сулит сотрудничество между регионами КНР и РФ. Например, можно было бы оживить сотрудничество между городами-побратимами. Имеется хороший пример развития сотрудничества в торгово-экономической области между отдельными районами КНР и Югославии. В 1997 г. провинция Хунань развернула сотрудничество с югославской Воеводиной. Взаимный интерес представило выращивание кукурузы и пшеницы в КНР и производство мебели в Югославии.

На местах в КНР имеется большой интерес к развитию межрайонных или межрегиональных связей провинций КНР и субъектов РФ.

Следующее обстоятельство, которое нужно принимать во внимание, это банковская деятельность. Сегодня в КНР приветствуются иностранные банки. В России это обстоятельство не используется. Необходимо признать, что и в КНР и в РФ часть экономики действительно развернулась в сторону Запада. Это — ошибка. Но это и реальность. Запад уже проник в прибрежные (самые богатые и развитые) районы КНР и в созданные там специальные зоны экономического сотрудничества. РФ и страны Восточной Европы опоздали с приходом туда. Следовательно, представляется, что Россия и страны Восточной Европы могли бы развивать сотрудничество с упором на связи с центральными и западными провинциями КНР (менее богатыми и более отсталыми). России теперь трудно будет пробиться в прибрежные районы КНР.

Один из возможных примеров развития двустороннего сотрудничества между Россией и КНР — это разработка угля в провинции Шаньси. Там имеются залежи угля, который можно добывать открытым способом. Нужны капиталовложения, инфраструктура, дороги; в этом угле нуждаются многие районы КНР. Руководство КНР выступает за развитие указанного направления в двусторонних китайско-российских связях. При этом важно учитывать, что эту деятельность нельзя осуществлять в приказном, административном порядке. Следовательно, тут нужно использовать закономерности рыночного хозяйства.

Необходимо искать пути ликвидации неравномерности в развитии торговли с обеих сторон. Ситуация в отношениях РФ и КНР похожа на ситуацию в отношениях Польши и КНР. Поляки тоже ориентированы на Запад. В Польше есть довольно много китайских фирм, а в КНР почти нет (или совсем нет) польских фирм. Обеим сторонам, РФ и КНР, сейчас необходимо увеличить обмен делегациями деловых людей, а также объем исследования конкретных возможностей. В целом необходимо повторить уже сделанный вывод о том, что нельзя падать духом и полагать, что цель в 20 млрд долларов недостижима. Нужны конкретные усилия в борьбе за ее достижение.

Китайские эксперты также подчеркивали важность политической деятельности руководства обеих стран. Например, вопрос о контракте на строительство АЭС решался на высоком уровне. Руководители КНР принимают такого рода решения, исходя и из экономических и из политических интересов. При оценке того, что уже произошло в двусторонних отношениях, необходимо в каждом конкретном случае анализировать вопрос о совпадении интересов и о взаимодополняемости. Иной раз российская сторона ставит вопросы слишком обще, огульно. Например, в России бытует тезис о 156 предприятиях, которые, как говорят в России, были в свое время построены с помощью СССР, а потому, дескать, стоит вопрос о возможности их реконструкции.

Однако прежде, чем говорить об этом, необходимо в каждом конкретном случае поехать на место и познакомиться с тем или иным предприятием. Тогда можно будет увидеть, что можно сделать в том или ином случае. Сейчас уровень многих из этих предприятий совсем не тот, что раньше. Многие из них модернизированы, и не один раз...

Очень важный вопрос — это обмен информацией друг о друге. Необходимо также принимать во внимание то, что сегодня и КНР и РФ — страны с экономикой, где господствуют рыночные отношения и законы рынка. Поэтому, например, в случае с гидроэлектростанцией в районе «Трех ущелий» китайская сторона в конечном счете поступила так, как было экономически выгодно. Это справедливо, ибо отвечает закономерностям рыночного хозяйства. Рынок имеет свои законы, и с этим нужно считаться.

КНР нуждается в высокой технологии. Конечно, нужно брать верх над Западом, но только при условии превосходства в технологии.

Что касается связей между отдельными регионами КНР и РФ, то нужно сказать, что необходимы поездки делегаций для ознакомления с положением на местах. Конечно, есть районы, где сами настроения людей помогут налаживанию связей. Такую атмосферу нужно учитывать и использовать. Например, таково положение в городе Дальнем. Там хорошее отношение к России.

Китайские эксперты также подчеркнули, что дружба по отношению к РФ — это долгосрочная политика КНР. Она не зависит от изменений в персональном составе китайского руководства. Важно, конечно, иметь в виду, что сегодня у некоторых руководителей КНР недостаточно знаний о России (намек, очевидно, на главу правительства КНР Чжу Жунци).

В июле 1999 г. Правительство РФ утвердило Положение, предусматривающее упрощенный, льготный порядок перемещения физическими лицами через таможенную границу России товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности. Хотя формулировка «иная коммерческая деятельность» формально исключает возможность продажи ввезенных на льготной основе товаров, никто не проверит, продадите вы потом эти товары или нет. Нереальность подобной проверки подтвердили «Известиям» и в Государственном таможенном комитете. Так что правительственный документ можно смело считать подарком кабинета министров российским «челнокам». Постановление вступало в силу в середине сентября 1999 г.

По сообщению Управления правительственной информации, в новом положении «установлены правила полного или частичного освобождения физических лиц от уплаты таможенных пошлин и налогов». Без их уплаты гражданин России может ввозить через таможенную границу товары, стоимость которых в эквивалентном выражении не превышает 1 тысячи долларов, общим весом не более 50 кг. Эти параметры подтверждают, что «челноки» могут реально воспользоваться подобной льготой для последующей перепродажи ввезенных товаров, лишь путешествуя большой группой. Только в таком случае можно набрать относительно большую «товарную массу».

Тем не менее даже такие незначительные послабления могут серьезно помочь многим российским гражданам сводить концы с концами. В условиях резкого падения реальных доходов людей после кризиса в августе 1998 г. любая косвенная или прямая поддержка «челночного» бизнеса пойдет на пользу российской экономике. Для государства эти льготы вряд ли окажутся обременительными — объемы и стоимость товаров, которые подпадают под действие положения, крайне незначительны. Так что объем таможенных платежей в госказну от этого существенно не изменится [213]. (Кстати, именно этот порядок был использован китайскими коммерсантами и обрел вид «муравьиной переправки», о которой речь шла выше.)

В феврале 2000 г. во время визита в нашу страну премьер-министра Госсовета КНР Чжу Жунци было подписано межправительственное соглашение, в соответствии с которым в августе 2000 г. в Москве был открыт первый китайский супермаркет под названием «Тянь

Кэ Лун». Собственником супермаркета является китайское управление внутренней торговли. Большинство сотрудников — граждане РФ. Граждане КНР будут занимать руководящие должности. Этот супермаркет — первый объект инвестиций правительства КНР на территории РФ [214].

В начале марта 2000 г. состоялся визит в КНР заместителя председателя правительства РФ И.И.Клебанова. В средствах массовой информации появились сообщения о том, что, по данным таможи КНР, в 1999 г. российский экспорт в КНР вырос на 14,5% и достиг 4,2 млрд долларов. Суммарный товарооборот (официальные источники не учитывают в полном объеме «челночную» торговлю) составил 5,7 млрд долларов. В структуре торговли с российской стороны преобладают поставки сырья, древесины, проката и удобрений. И.И.Клебанов в Пекине обсуждал возможности продвижения на китайский рынок самолетов ИЛ-96, которые должны заменить используемые китайскими авиакомпаниями ИЛ-86, а также самолеты нового поколения — ТУ-234, ТУ-334, М-101. Растут поставки энергоносителей. Прорабатывается проект строительства нефтепровода (с возможностью экспортировать в КНР до 30 млн тонн нефти). Проект ценой в 3 млрд долларов можно заметно удешевить, если параллельно нефтепроводу строить газопровод с Ковыктинского месторождения (И.И.Клебанов обсуждал и этот проект). Россия участвует в строительстве Ляньюньганской АЭС [215].

В 2000 г. объем российско-китайской торговли составил 8 млрд долларов. За первые шесть месяцев 2001 г. он превысил 4,5 млрд долларов. При этом из нашей страны в КНР вывозятся алюминиевые слитки, химические удобрения, нефтепродукты, сырая древесина и бумажная масса. (Попутно следует отметить, что китайская сторона отказалась от импорта значительной части химических удобрений.) Из КНР в нашу страну поставляются одежда, обувь, пищевые продукты и бытовая электротехника. Специалисты отмечают, что нашей торговле присущи «однообразие структуры торговли, а также преобладание как в экспорте, так и в импорте сырья и изделий легкой промышленности».

В последнее время возникали проблемы, связанные с деятельностью в нашей стране китайских торговцев. Они предъявляли претензии сотрудникам различных российских учреждений, имея вполне определенные основания.

В Москве китайские торговцы и представители посольства КНР побудили Общество российско-китайской дружбы организовать обмен мнениями с представителями российских властных структур. Иными словами, через российскую общественную организацию оказать давление на силовые ведомства.

Во встрече, состоявшейся 27 февраля 2001 г., участвовали около 50 торговцев. Выступили руководители консульской службы и торгового отдела посольства КНР в РФ. Они утверждали, что с китайской стороны имеется много претензий в связи с паспортно-визовым режимом, проверкой документов, гарантией личной безопасности торговцев, их имущества и хозяйственной деятельности, чартерными рейсами с грузом китайских товаров и конфискацией товаров со складов. При этом один из китайских дипломатов утверждал, что «в последние два года трудности для китайских торговцев создаются исключительно незаконными и несправедливыми действиями российской стороны». Сообщая об этой встрече, издающаяся в Москве на китайском языке газета «Шицзи жибао» в номере за 1 марта 2001 г. подчеркивала, что «необходимо разрешить вопрос о законных правах и интересах китайцев в области народной торговли» и что «в последние два года китайцы, находящиеся в России, подвергаются оскорблениям, а их работа дезорганизуется».

В то же время известно, что китайские коммерсанты стремятся действовать вне сферы российских законов и правил, предпочитают улаживать возникающие конфликты неофициальными путями, не обращаются с жалобами в соответствующие российские учреждения.

Более того, официальные представители КНР фактически стремятся побудить органы власти РФ предоставить китайским коммерсантам и торговцам своего рода «свободу рук» в их теневой деятельности.

Наркотики

По данным Комитета ООН по контролю за наркотиками, Россия уже вошла в пятерку государств с наибольшим употреблением наркотических веществ. Международные эксперты полагают, что число наркоманов в России составляло в 1999 г. более 2 млн человек, а в 2000 г. могло достичь 5 млн. В России в 1999 г. находилось в обороте примерно 1,5 млрд наркодолларов, а на подходе из-за рубежа было еще более 8 млрд.

И наша печать сообщала, что Россия находилась в наркоосаде; при этом публиковалась карта, на которой стрелками были обозначены основные маршруты, по которым в страну поступал дурман. В частности, стрелки на территорию РФ тянулись из КНР, с ее Северо-Востока [216].

Еще в 1996 г. Государственный таможенный комитет заявлял, что в контрабанде наркотиков растет доля наиболее сильных препаратов. За первые месяцы 1996 г. кокаина, например, задержали в 15 раз больше, чем за весь 1995 г., — почти 1000 кг. Все больше случаев задержания синтетических препаратов в виде таблеток и ампул. И все чаще их пытаются ввезти в Россию из КНР через Дальний Восток. На этом направлении было задержано за первый квартал 1996 г. более миллиона таблеток и ампул с наркотическими препаратами [217]. В 1996 г. изъято у визитеров из КНР 22 килограмма эфедрина. На участке Тихоокеанского погранокруга обнаружен контрабандный груз наркотиков весом 15 килограммов [218].

В 1996 г. из КНР в РФ провезли сырье для производства 300 килограммов наркотиков, цена которых составила более 120 млн долларов.

Растения, содержащие эфедру, выращиваются в Автономном районе Внутренней Монголии, Нинся-Хойском автономном районе и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Эфедрин переправляется в РФ через границу на Дальнем Востоке или через Монголию и Казахстан [219]. Из тонны изготовленного в КНР зелья можно получить путем нехитрой переработки почти 300 килограммов «льда» — метамфетамина, обладающего сильными галлюциногенными свойствами. У него особо жуткие повадки — достаточно одной дозы (0,05 грамма) для того, чтобы сломать организм и практически пожизненно привязать к наркотику. В апреле 1997 г. в КНР побывал наш генеральный прокурор Ю.И.Скура-тов, который попросил своих партнеров в КНР в экстренном порядке пресечь контрабанду наркотиков в Россию.

Необходимо повторить и еще раз подчеркнуть, что эфедрин китайского производства контрабандными тропами доставляется в Россию и после переработки превращается в один из самых сильнодействующих наркотиков, прозванный в наркосреде «льдом». Он чудовищно быстро завоевал нелегальный рынок наркотических веществ на нашем Дальнем Востоке и расползается по стране.

В 1997 г. специалисты по борьбе с незаконным наркооборотом в самом Китае нанесли удар по крупной банде, специализирующейся на контрабанде из КНР эфедрина. В Урумчи — административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района — были арестованы одиннадцать лиц, подозреваемых в операциях с этим препаратом. У них изъяли почти 300 тысяч долларов, которые, как предполагают, были выручены при переправке эфедрина за кордон, т.е. через Казахстан в Россию. В КНР объявлено, что отныне за каждым предприятием, выпускающим по лицензии этот препарат, будет установлен жесткий контроль, а фабрики, действующие нелегально, будут закрыты. Также вводится жесткий контроль за экспортом эфедрина.

Министерство общественной безопасности КНР изучает предложение российской Генпрокуратуры о заключении межправительственного соглашения по борьбе с преступностью, аналогичного тому, что Россия имеет со странами СНГ [220]. В 1999 г. губернатор Хабаровского края В.Ишаев издал постановление «Об осуществлении контроля

за хранением и перевозкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на территории края».

Корреспондент газеты «Известия» Борис Резник отмечал, что наркомания стала сущей бедой на огромных территориях востока России. Коноплю и мак выращивают почти в каждой деревне, на приусадебных участках. Но доморощенные наркотики растворяются в море дурмана, завозимого из соседних стран, особенно из Китая и Северной Кореи. Китайские торговцы заполнили эфедрином, из которого кустарным способом здесь изготавливают сильнодействующий наркотик — эфедрон, не только подпольные, но и самые обычные рынки Дальнего Востока. Они без стеснения вывешивают на своих торговых местах объявления на русском языке: «Есть в продаже эфедрин». О масштабах контрабанды и распространения этого опасного зелья говорит такой факт: в 1999 г. сотрудники милиции изъяли 830 килограммов эфедрина, упакованного в ящики из-под бананов и в тюки, которые доставила в Хабаровск торговая компания «Лун Тхэ». Китайские наркодельцы все чаще привлекают к продаже небольших партий эфедрина российских граждан, оставшихся без средств к существованию. Чаще всего они находят таких среди одиноких женщин, имеющих малолетних детей.

За последние два года (в 1998—1999 гг.), писал Б.Резник, в Хабаровском крае вдвое увеличилось число детей и подростков с наркотической зависимостью. Все это вынуждает местные власти принимать экстренные, порой чрезвычайные меры по борьбе с распространением наркотиков. Администрация края привлекла к этой работе все силовые структуры, педагогов, медиков. Специально обученные собаки все чаще появляются в пограничных таможенных пунктах.

Социологический опрос, проведенный в крае, показал, что подавляющее большинство жителей поддерживают губернатора В.Ишаева в его убеждении, что победить наркотическую беду можно лишь всем миром. Хотя некоторые юристы и считают весьма спорным содержащийся в губернаторском постановлении пункт, дающий право правоохранителям производить досмотр граждан, транспортных средств и перевозимых грузов «при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконное хранение или перевозка наркотических средств, психотропных веществ» [221].

Фактическая суть дела состоит в том, что в КНР преступное производство и доставка в Россию наркотического сырья и препаратов приобрели такой размах, что генеральный прокурор РФ был вынужден во время своей поездки в КНР поставить вопрос о совместной борьбе с преступниками в этой области. К сожалению, власти КНР не поставили надежного заслона на пути производства и переброски наркотиков в нашу страну. Они не торопятся подписывать с нами соответствующее соглашение. (Не в пример своей настойчивости при подписании соглашения, в соответствии с которым власти РФ обязались передавать пекинским властям инакомыслящих граждан КНР, находящихся на нашей территории, если того потребуют власти КНР.)

Конечно, преступность — опасное и распространенное явление. Возможно, оно приобрело в КНР такие размеры, что власти просто не в состоянии эффективно бороться с наркопреступностью. В то же время, пусть даже без прямой связи с нынешней ситуацией, необходимо вспомнить о некоторых исторических событиях и фактах. Ведь руководители КПК, в свое время Мао Цзэдун и его приверженцы, с

1930-х гг. превратили производство и сбыт наркотиков в один из основных источников поступления валюты! А во времена Вьетнамской войны, в 1960 — 1970-х гг., Чжоу Эньлай ратовал за то, чтобы организовать переброску наркотиков из КНР, Вьетнама и стран Юго-Восточной Азии в США, да и для солдат американской армии во Вьетнаме и других странах этого региона, чтобы наносить ущерб как американской армии, так и американцам как нации.

Ныне, в 1990-х гг. с помощью наркотиков, произведенных из сырья, выращенного в КНР, отравляют и губят физически прежде всего молодежь России.

Это представляет собой одну из угроз выживанию россиян как нации.

Ветеринарный контроль

В марте 1997 г. газета «Известия» поместила сообщение под заголовком: «Авилов подверг Китай двойной проверке, но кто даст гарантии, что ящур из-за Великой стены не гуляет по Сибири и Дальнему Востоку?» Корреспонденты «Известий» В.Михеев и Г.Чародеев далее отмечали, что для ограждения россиян от иноземного ящура, свиной чумы, трихинеллеза, патогенного сальмонеллеза и прочей нечисти главный государственный ветеринарный инспектор России Вячеслав Авилов распорядился в декабре 1996 г. «закрыть» КНР. Что и произошло: незримая, но все равно Великая русская стена перекрыла границу для мясоэкспортирующих предприятий соседней державы.

Подозрения возникли давно, но не было доказательств, что по-явившиеся в России в 1995 г. очаги заболевания свиной чумой, спорадические вспышки ящура, в том числе даже в Подмоскowie, а заодно и трихинеллеза напрямую связаны с завезенной извне — из КНР — заразой. По косвенным уликам вышли на след. Проверили и ужаснулись: практически во всех китайских провинциях свирепствовали в это время ящур и чума.

КНР не значится среди 144 стран — членов Международного эпизоотического бюро (МЭБ) и формально не обязана информировать остальной мир о выявленном заболевании у домашних животных. Но существуют двусторонние соглашения, в том числе у КНР с Россией существует согласованный, подписанный и принятый к исполнению «Ветеринарный сертификат», который нарушали китайские экспортеры.

Эксперты департамента ветеринарии Министерства сельского хозяйства РФ изучили состояние ветеринарной экспертизы на мясокомбинатах КНР: из 8300 предприятий право экспортировать свою продукцию в Россию получили всего 164, рассказал «Известиям» В.Авилов. В декабре 1996 г. двусторонний экзамен на соответствие российским ветеринарно-санитарным требованиям прошли предприятия трех провинций — Шаньдун, Аньхой и Цзянсу. Для всех прочих доступ на наш потребительский рынок будет открыт не раньше, чем они пройдут повторную проверку на ветсанблагонадежность.

Первоначально в провинции Сычуань отобрали 50 комбинатов, находящихся под контролем администрации КНР по карантину животных и растений, и дали «зеленый свет» поставкам их продукции. Но проверка на месте, причем образцово-показательного предприятия, специально подготовившегося к приему ветеринаров из России, выявила душераздирающую картину: в наскоро сколоченной будке малоопытный работник выявлял трихинеллез с помощью микроскопа, хватая пробы мяса немытыми руками. А его напарник бросал часть «исследованного» материала в сосуд, стоящий у его ног, и проследить за дальнейшей судьбой этого мяса, которое вполне могло быть порченным, вряд ли было возможно.

Наши ветеринары отправили китайским партнерам в качестве жеста доброй воли 10 тысяч компрессорных стекол для микроскопов, послали специалиста, чтобы обучить местный персонал обращению с ними. К сожалению, писали «Известия», этот конструктивный подход не нашел полного понимания. В адрес торгпредства и посольства России в Пекине стали поступать жалобы на наших ветеринаров: мол, они и непрофессиональны, и не знают китайского языка, и даже на руку нечисты. В штыки поначалу встретили и предложение, чтобы каждая партия свинины перед отгрузкой была проверена российским ветврачом на соответствие требованиям согласованного «Ветеринарного сертификата».

В какой-то момент к кампании давления на департамент ветеринарии, целью которой было снять эмбарго на говядину и свинину из КНР, подключился, как писали «Известия»,

даже российский МИД. Однако возможности «найти управу» на ветеринарный контроль ограничены — по принятому в России Закону о ветеринарии любое давление на главных ветеринарных инспекторов недопустимо.

Поэтому вплоть до сегодняшнего дня (а «Известия» писали об этой истории еще 14 марта 1997 г. — Ю.Г.) «экспортный статус» 50 поставщиков свинины из Сычуани заморожен. Но выход есть. Москва предлагала начиная с 1998 г. проводить выборочные разовые проверки предприятий и уточнять список экспортеров, допущенных до российского рынка.

— Мы не настолько богаты, чтобы позволить себе либеральный режим ветеринарного контроля, — объяснял В.Авилов. — Наше колхозно-фермерское стадо сильно пострадало за годы реформ. В отличие от более состоятельных западноевропейцев мы не можем позволить себе, выявив хоть один случай заболевания, уничтожить с ходу все поголовье. Но, закрывая двери, мы проявляем допустимую гибкость: стоит нашим торговым партнерам навести порядок в собственном доме, как мы не замедлим сбить замок с нашей восточной калитки.

Представитель торговой миссии КНР в Москве подтвердил «Известиям», что компетентные работники изучают возможности договориться с нашим ветсаннадзором по-хорошему, заключали свое сообщение «Известия» [222].

Эти сообщения печати говорили сами за себя. Если исходить из фактов, то, по сути дела, речь шла о необходимости защищать население нашей страны от эпидемий, от страшных заболеваний, которые через пищевые продукты заносились к нам из КНР. При этом неблагоприятную роль играли некоторые наши государственные учреждения, в частности МИД РФ, защищая Пекин, чему, к счастью, воспрепятствовала служба ветеринарного и санитарного надзора РФ.

Одним словом, и в данном случае проявлялась все та же картина. Когда чиновники и профессионалы, отвечавшие за охрану здоровья народа, начинали выполнять свой долг, МИД РФ и другие учреждения мешали им в этом. В то же время было очевидно, что такое массовое явление не только говорило о неблагополучии в самой КНР в деле охраны своего населения от болезней скота, но и о том, что власти КНР намеренно или случайно, но не ставили заслон на пути экспорта в нашу страну фактически отравленных пищевых продуктов. Более того, когда в РФ протестовали против этого, власти КНР через МИД РФ и другие организации попытались добиться своего.

Из истории двусторонних отношений с КНР известно, что в конце 1950-х гг. во исполнение указаний ЦК КПК советских специалистов, которые работали тогда в КНР, обвиняли в тех же грехах: в непрофессионализме, в незнании китайского языка, в отвратительном моральном облике. При этом партнеры из КНР в ряде случаев не желали признавать ни совместно подписанных документов, ни технических инструкций, регулирующих чисто производственные процессы. Не случайно Н.С.Хрущев в своих воспоминаниях отмечал, что наших специалистов тогда в КНР стали называть «перестраховщиками».

Попутно упомянем о случае с другими мясопродуктами из КНР.

РФ поставляла в КНР продукцию для тепловых электростанций. КНР платила только треть стоимости оборудования в рублях (не в долларах. — Ю.Г.), а две трети тушенкой, ветчиной и иными продовольственными консервами. В частности, это касалось завода «Электропульт» в Санкт-Петербурге. Правительство РФ официально благословило этот бартер, предоставив «Электропульту» льготу при оплате таможенных сборов и пошлин. Расчеты с КНР велись в условной валюте — в так называемых клиринговых швейцарских франках, что значительно ниже «настоящей» валюты. Но в межправительственном российско-китайском Протоколе от 25 апреля 1996 г. о торгово-экономическом сотрудничестве говорится о взимании налогов и пошлин, но отсутствует указание на курс клиринговых валют по отношению к рублю. Так что в марте 1997 г. на заводе «Электропульт» лежали 225 тонн китайской ветчины. Ущерб завода исчислялся по ценам того времени суммой более чем в 3 млрд рублей [223]. И причина этого в том, что наше

правительство в ущерб экономическим интересам своей стороны допускало неразбериху в системе оплаты товаров, поступавших из КНР.

В июне 1999 г. в Приморском крае был запрещен ввоз любой продукции животноводства из 13 провинций КНР, а также из Тибетского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов. Там обнаружено опасное заболевание — ящур. Как сообщил главный ветеринарный инспектор Приморского края В.Семенов, по российскому законодательству ввоз продуктов разрешается только из тех стран, где как минимум 12 месяцев не выявлялся ящур. Карантин снимается через 21 день после смерти последнего заболевшего животного и проведения всех необходимых мероприятий.

По мнению специалистов, ящур настолько опасен, что при проникновении на территорию России может полностью уничтожить животноводство не только Приморского края, но и всего Дальнего Востока. Между тем введение запрета на импорт мяса из Китая, вероятно, негативно скажется на жизненном уровне населения. Только Приморье ввозит из соседней страны по 30 тысяч тонн мяса ежегодно, что составляет более трети всей потребности края [224].

С 13 апреля 2000 г. ветеринарная служба РФ ввела эмбарго на продукты животноводства из Восточной Азии. Эта вынужденная мера, по мнению специалистов, сможет оградить Россию от ящура. Вспышка этого страшного инфекционного заболевания среди животных зафиксирована в КНР. Несмотря на существующее между РФ и КНР межгосударственное соглашение о сотрудничестве в области ветеринарии, китайские власти упорно отказываются официально подтвердить этот факт. Более того, КНР продолжает экспортировать зараженные продукты. Как заявил «Известиям» начальник департамента ветеринарии Минсельхозпрома РФ В. Авилов, запрет будет действовать до тех пор, пока Россия не получит от ветслужб этих стран официального подтверждения о прекращении заболевания и полной безопасности животноводческой продукции [225].

Люди и власти

Связи между нашими странами приобрели в 1990-х гг. такой характер, что в них оказалось вовлечено довольно много людей. В связи с этим возникли проблемы как в общении граждан РФ и граждан КНР между собой, так и во взаимоотношениях людей и властей, граждан одного государства с властями другого государства. А также — граждан с властями своей страны по вопросам, которые касались другой страны. Здесь возникло много коллизий. Если говорить о ситуации на территории РФ, то имели место определенные процессы, связанные как с перемещением граждан КНР по территории России, так и с их деятельностью, обычно экономического характера.

Некоторые российские ученые, исследовавшие проблему миграционных перемещений, отмечали, в частности, что «большинство направлений совместной деятельности, используемых Россией и Китаем (РФ и КНР. — Ю.Г.) на нашей территории, не приносят пользу и не являются эффективным средством оздоровления экономики, а при ничтожно малых инвестициях перекачивают колоссальное количество как денежных средств, так и ресурсов в другие страны, нанося прямой экономической ущерб России» [226].

Газеты сообщали о том, что «Чита обеспокоена наплывом китайцев». В этой связи говорилось о необходимости «скорректировать» закон «О пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Читинской области». Так полагали читинские законодатели, исходя из того, что слишком много тут стало граждан из КНР — почти три процента от населения области. Эти приезжие в основном торговали с нарушением правил, воздействовали на ухудшение криминогенной ситуации. Штраф в 40 тысяч рублей за

нарушение правил пребывания в области вызывал у китайцев лишь улыбку. Общежития Читы были переполнены китайцами, превращены ими в товарные склады [227].

Однако, пожалуй, более серьезную озабоченность в 1990-х гг. вызывали ситуации, в которые попадали россияне на территории КНР, особенно в тех случаях, когда им приходилось одновременно испытывать на себе практически враждебное или недружественное отношение как со стороны своих китайских деловых партнеров, так и властей КНР и когда при этом они не могли получить существенной поддержки со стороны МИД РФ. Зачастую случалось так, что гражданин РФ оставался беззащитным перед властями КНР и китайским деловым и преступным миром, вероятнее всего, потому, что в МИД РФ преобладал настрой не заниматься правами человека, полагать, что беды граждан России, простых ее людей, как бы наносят ущерб тому, что именовалось государственными интересами Российской Федерации. Вмешательство со стороны МИД РФ было делом редким, только министр иностранных дел РФ Е.М.Примаков проявил в одном из случаев необходимый подход к решению такого рода вопросов.

В 1991 г. в городе Цицикаре (КНР) было создано совместное российско-китайское предприятие «Хэ чэн», которое занималось сборкой и обслуживанием поставлявшихся с Урала грузовых автомобилей. Сначала все было хорошо, но затем дело захирело. В Цицикаре работал по контракту мастер, приехавший из России. В 1995 г. ему перестали платить зарплату. Власти КНР заняли позицию внешне стороннего наблюдателя, заявляя: «Вопрос касается хозяйственных субъектов. Мы не вправе вмешиваться. Пусть сами выясняют отношения между собой». Консульство РФ в Шэньяне возлагало вину на своих, на российскую сторону. В то же время российская компания предъявляла документы, из которых следовало, что такому командированному в КНР мастеру платят дома часть его заработной платы, а его труд в КНР полностью оплачивает китайская сторона [228].

Этот пример приведен здесь потому, что он весьма типичен. Здесь видны и общий, еще далеко недостаточно цивилизованный характер двусторонних отношений, и позиция российских предпринимателей, которые основываются на соответствующем контракте, на документах. Что касается китайской хозяйственной организации, то она также в этом случае повела себя типично, не выполняя обязательства по контракту. Позиция властей КНР здесь также показательна: формально они говорили о невмешательстве в хозяйственные споры, хотя на самом деле занимали такую позицию по преимуществу тогда, когда явно не права была именно китайская хозяйственная организация. Наконец, позиция генерального консульства РФ в Шэньяне тоже весьма типична и для бюрократов прежнего советского государства, и для нынешних бюрократов, которые предпочитают не усложнять отношения с властями КНР, а потому всю вину возлагают на своих, на российскую хозяйственную организацию. Иными словами, продолжается все та же политика, когда российские власти не защищают своих людей, не защищают гражданина России.

Имелись примеры того, как бесчеловечно поступали в КНР со своими российскими партнерами. Газета «Известия» опубликовала материал под заголовком: «В заложниках у китайцев около четырех месяцев пробыл сахалинский бизнесмен». В заметке рассказывалось о том, что в сентябре 1995 г. владелец частного предприятия на Сахалине В.Силищев выступил посредником при продаже в КНР рыболовного траулера «Новоархангельск». Судно купила компания «Бэйлян» из провинции Хэйлунцзян. Она перевела в РФ предоплату — пятьдесят тысяч долларов. 3 ноября 1995 г. В.Силищев и его сын вылетели в Харбин, чтобы принять участие в оформлении покупки, а «Новоархангельск» отправили на буксире к новым хозяевам. 9 ноября в Японском море во время шторма порвало буксирный трос, и «Новоархангельск» унесло в море. Впоследствии его выбросило на скалы западного берега острова Хонсю.

Узнав об этом, вчерашние любезные партнеры по бизнесу из Харбина в жестких тонах потребовали немедленного возврата 50 тысяч долларов. Отец и сын были объявлены заложниками фирмы «Бэйлян». Через полмесяца отца отпустили на Сахалин, взяв с него

расписку, что он обязуется вернуть 50 тысяч долларов, и предупредили, что от этого зависит судьба и жизнь его сына.

Три месяца отец пытался собрать деньги. Тем временем бизнесмены из «Бэйляна» почти каждый день накаляли страсти. В начале февраля 1996 г. они сообщили родителям по телефону, что начиная с понедельника будут каждый день отрубать парню по одному пальцу. После десятого пальца ему отрубят голову... (Почерк и направление мыслей у такого рода преступников, занимающихся похищением людей и шантажом, одинаков и в нашей стране, и в КНР.)

Огромную сумму родители так и не смогли собрать.

Спасение пришло с официальной стороны. Губернатор Сахалинской области И.Фархутдинов обратился к министру иностранных дел РФ Е.М.Примакову с письмом, в котором просил принять участие в судьбе сына Силищева.

МИД РФ направил соответствующую ноту в посольство КНР в РФ. Китайские власти сообщили, что они нашли парня в глухой деревушке в 300 км от Харбина, где его держали под замком в голоде и холоде. Нет, его не били и не пытали, но каждый день рассказывали ему, как изощренно будут убивать... Несмотря на вмешательство властей, просто так младшего Силищева не отпустили: потребовали написать расписку, что в Китае-де он «находился добровольно» и с ним «хорошо обращались».

В.Силищев намерен подать иск в международный суд за моральный и физический ущерб, который причинили члену его семьи китайские «партнеры», о взыскании с них суммы, гораздо большей, чем 50 тысяч долларов [229].

Газета «Известия» опубликовала 19 июня 1996 г. заметку под заголовком: «Россия обязана защищать своих граждан. Власти китайского города продолжают удерживать в заложниках сибирских бизнесменов». В заметке сообщалось, что «в номере за 7 июня 1996 г. «Известия» опубликовали материал своего корреспондента в Пекине о судьбе двух российских бизнесменов, которых три месяца удерживают в китайском городе Вэйфан фактически на положении заложников.

Напомним вкратце суть дела. Два предпринимателя из Иркутска приехали в Вэйфан по приглашению местной компании «Белое облако», в течение последних четырех лет продававшей в Россию яблоки и груши. Выманив сибиряков на свою территорию, китайцы выставили им два иска — вначале на 600 тысяч долларов, а затем на 1,4 миллиона. Местные власти, тесно связанные с «Белым облаком», возбудили против россиян уголовное дело, отобрали у них паспорта и запретили покидать город.

Вступилось ли российское государство за своих граждан? Какова была реакция китайской стороны?

В Министерстве иностранных дел РФ, куда «Известия» обратились с этими вопросами через две недели после своей публикации, редакцию заверили, что держат ситуацию в Вэйфане «под постоянным контролем». «Все, что предусмотрено дипломатической практикой в подобных случаях, мы сделали», — сказал один из сотрудников министерства. По его словам, китайские официальные лица, с которыми Смоленская площадь вступала в контакт, на словах выражали полное понимание российской позиции.

С точки зрения МИД, власти города Вэйфан допустили явные нарушения не только международных правовых норм, но и китайского законодательства. В отношении иностранцев, оказавшихся под следствием, в КНР предусмотрено лишь изъятие паспортов, но ни в одном законе не говорится об ограничении свободы передвижения внутри страны. Иными словами, никто не имеет права удерживать сибиряков в Вэйфане и ограничивать их контакты с посольством.

После нескольких демаршей Москвы и выступлений «Известий» положение «заложников» слегка улучшилось. К ним допустили жен, суд согласился нанять адвоката. Однако не было никаких гарантий, что на предстоявшем процессе судьи сумеют сохранить

беспристрастность: Россия далеко, а «Белое облако» с его специфическими методами воздействия — рядом.

В МИД не хотели бы выводить скандал на межгосударственный уровень, предпочитая рассматривать случившееся как частный случай. По мнению наших собеседников, отношения центра и регионов в Китае чем-то напоминают российскую ситуацию: местные власти не всегда и не во всем подчиняются Пекину. И все-таки трудно поверить, что у китайского руководства нет рычагов воздействия на руководителей Вэйфана. Скорее всего, дело в другом: пекинские власти не считают дело двух иркутских предпринимателей настолько важным и принципиальным, чтобы задействовать эти рычаги.

Между тем очевидно, судьба бизнесменов зависела в первую очередь от того, насколько жестко будет ставить вопрос Москва об их освобождении. В конечном счете, престиж государства определяется именно тем, способно ли оно защитить свободу и достоинство своих граждан. Даже тех, кто решился на бизнес с сомнительными партнерами в стране, где к соблюдению прав человека относятся не слишком щепетильно» [230].

Один из задержанных бизнесменов, В.К.Чаликов, был вице-губернатором Иркутской области. Грубые нарушения своих прав со стороны местных властей иностранного государства он воспринимает не только как гражданин России, но и как государственный служащий. Он собирается вести борьбу за восстановление законности и требует возмещения морального и финансового ущерба, нанесенного ему властями города Вэйфан и китайской компанией «Белое облако».

«Если я не доведу это дело до конца, то в следующий раз любого нашего министра здесь будут держать в заложниках и требовать выкуп за него. Дело ведь не только в защите интересов наших бизнесменов, речь идет об отношении к нашей державе. К сожалению, я на своем опыте убедился, что когда наши президенты целуются, это еще не значит, что Россию уважают», — говорит Чаликов. Он нанял адвоката и был намерен обратиться со встречным иском в Верховный суд КНР.

Между тем Иркутская область была готова объявить торговую блокаду Китаю. Союз промышленников и предпринимателей области и Восточно-Сибирского региона обратился с призывом к землякам прекратить все деловые отношения с китайскими партнерами до полного освобождения В.К.Чаликова и А.Л.Сильченко. Местные энергетики грозили отключить подачу в Китай электроэнергии. Страсти накалились настолько, что это могло серьезно повредить межгосударственным отношениям.

Эксперты в Пекине считают, что в деловой практике на китайском рынке настала пора искоренить явление заложничества. За последнее время число таких случаев перевалило за сотню. О многих инцидентах российское консульство даже не знает, поскольку заложники пытаются выкарабкаться из плена своими силами. Есть цивилизованные способы разрешения экономических споров, есть соответствующие межправительственные договоры, которые дают правовую основу. Однако в Китае местные власти пока убеждены, что с российскими бизнесменами проще обращаться как с заложниками.

В конце концов власти КНР были вынуждены смягчить свою позицию под давлением выступлений газеты «Известия», сибирских деловых кругов и демаршей МИД РФ. Реакция в данном случае, особенно первых двух, была для Пекина непривычно резкой. Как бы то ни было, полагали «Известия», дело иркутских бизнесменов стало одним из редких в последние годы примеров, когда российское государство решительно вступилось за своих граждан, ставших жертвой дискриминации за рубежом» [231].

25 сентября 1996 г. «Известия» сообщили, что граждан РФ власти КНР держат фактически в качестве заложников уже полгода. Эта история все тянулась без особых признаков на скорое завершение. Своих невиновных граждан, писали «Известия», наша могучая страна отстоять у китайцев никак не может. Символическим свидетельством печального бессилия российских инстанций, писали «Известия», стала «встреча в целях

моральной поддержки» спикера Госдумы Геннадия Селезнева с соотечественниками в Пекине.

Встреча была непротокольной. Селезнев приехал в Пекин во главе парламентской группы для участия в ежегодной конференции Межпарламентского союза и в промежутке между заседаниями принял в своем гостиничном номере Чаликова и Сильченко. Он сообщил им, что говорил об этой истории председателю постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Цяо Ши, который пообещал разобраться. Селезнев из Пекина благополучно уехал, обещание разобраться ничего не дало. Дело против Чаликова и Сильченко продолжалось, вопреки законам самой КНР, в уголовном суде, а не в арбитражном [232].

С повторной просьбой об их освобождении пришлось обращаться к председателю постоянного комитета ВСНП Цяо Ши уже председателю Совета Федерации РФ Егору Строеву. В его присутствии Цяо Ши дал указания соответствующим службам разобраться [233].

На следующий день после просьбы, высказанной Е.Строевым на приеме у Цяо Ши, двое граждан России В.Чаликов и А.Сильченко были приглашены в Верховный суд КНР. В присутствии адвокатов там им сообщили о том, что, «принимая во внимание состояние их здоровья, а также исходя из гуманных соображений», принято решение вернуть им российские паспорта и разрешить отбыть на Родину. Верховный суд оставляет за собой право в дальнейшем привлекать их к рассмотрению дела, возбужденного на основании иска китайской фирмы «Белое облако». «Белое облако» требует возвращения долга в сумме 1,4 млн долларов от своих российских партнеров по совместному предприятию. Но ни Чаликов, ни Сильченко, ни возглавляемые ими структуры к долгам и спору между партнерами по СП отношения не имеют. Семимесячное задержание в КНР они считают вопиющим нарушением законов и своих гражданских прав.

«Настроение у нас двойственное, — сказал «Известиям» В.Чаликов. — С одной стороны, нам не терпится улететь из Китая, увидеть наконец своих родных и близких. С другой, становится не по себе при мысли о том, что из жизни вычеркнут большой кусок. То, что с нами происходило, напоминало театр абсурда».

Предприниматели наняли новых адвокатов. С их помощью они собирались продолжать участвовать в процессе, добиваясь наказания виновных и возмещения нанесенного им материального ущерба [234].

Представления о соседе

В конце XX и начале XXI века у людей и в нашей стране и в континентальном Китае столько проблем, что им, по сути дела, некогда глядеть друг на друга. Люди в наших двух странах в массе своей оставались очень далеки друг от друга. Равнодушно-стороннее отношение здесь, пожалуй, преобладало. В то же время никак нельзя сказать, что взаимный интерес совершенно отсутствовал. Он имелся, но по большей части носил умозрительный характер.

Нам уже приходилось говорить о том, что происходило со стереотипами представлений о китайцах в России. Обратимся теперь к тому, какими видели нас в континентальном Китае; по крайней мере, отметим хотя бы некоторые составные части таких представлений.

Пропаганда КПК создавала у населения КНР следующее представление о нашей стране: Россия переживает экономические трудности, четверть населения живет за чертой бедности; политика после распада СССР, ухода КПСС «принесла народу нищету и трудности»; поэтому «все вернется на круги своя; капиталистический путь не подходит для России». Исчезновение СССР толковалось как следствие заговора враждебных социализму

внешних сил. Пекин выступал за «стратегическое военное сотрудничество», но не за «достижение идеологического единства». Россия рассматривалась как «ядерная сверхдержава», вооруженные силы которой, однако, «находятся в упадке». Жители России «настойчивы и скромны, храбры и упорны, дружелюбны и гостеприимны», но в то же время «упрямы и отличаются излишним тугодумием» [235].

Ван Сяньцзюй, корреспондент издающейся в КНР газеты «Гуанмин жибао», считающейся в этой стране главной газетой, созданной властями для интеллигенции, провел в нашей стране более десяти лет. С 1987 г. он опубликовал в московской газете «Аргументы и факты» свои соображения относительно «признаков россиянина». При этом он утверждал, что появление в нашей стране «множества высокоодаренных людей», оказывается, «возбуждает у русских чувство превосходства и даже в какой-то мере — зазнайства». (При чтении этой сентенции на ум приходит мысль о том, что ее автор, обращаясь к нам, сразу же хотел нас предупредить о том, что, дескать, всяк сверчок должен знать свой шесток.)

Далее китайский журналист говорил о стремлении русских «к лидерству в мире», об их «небрежности в малых делах и о собранности — в больших», о «повышенной возбудимости, необдуманной поспешности в действиях». С его точки зрения, «россияне всегда чересчур спешат решить свои проблемы. Касается ли это обстрела из орудий здания парламента или скоропалительно начатой в 1994 г. войны в Чечне — во всем проявляется их излишняя торопливость. Они не любят вести трудные, длительные переговоры, им по душе быстрое решение, которое дает применение военной силы».

Автор — иностранец, китаец позволяет себе в статье, помещенной в нашей печати, давать однобокую и искаженную в угоду своим представлениям, причем весьма идеологизированным и направленным на то, чтобы помогать таким силам, как КПРФ в нашей стране, оценку наших внутренних дел, вмешиваться в наши внутренние дела. При этом он искажает наш характер. Во всяком случае, русскому народу терпения не занимать, в том числе и в ведении дел со своими соседями. Что же касается «обстрела из орудий здания парламента» или поспешности в «применении военной силы», то автор явно хотел бы, чтобы все, кто думает не так, как он и ему подобные и в его государстве и в нашей стране, забыли, что он находится в стеклянном доме: стоит только вспомнить о «быстром решении, которое дает применение военной силы», решении Мао Цзэдуна начать «пограничную войну» и подло из засады расстрелять наших безоружных пограничников на острове Даманском в 1969 г., а также об убийстве безоружных молодых китайцев на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г.

Ван Сяньцзюй также полагает, что у русских «однобокий способ мышления. Если они отрицают Сталина, то полностью. Если отрицают социализм, то не хотят видеть в нем ничего хорошего, все только в мрачном свете, а ведь компартия во многом успешно руководила страной, и эпоха социализма длилась в России более 70 лет».

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопрос о Сталине и о том, что принесло нашему народу правление компартии, толкуется относительно молодым китайским идеологическим работником, считающимся специалистом по нашей стране, человеком, воспитанным практически уже не при Мао Цзэдуне. В то же время в его словах нашла свое отражение реальная оценка правящей политической партией КНР истории нашей страны, того, что в ней произошло за последние десять—пятнадцать лет. В оправдании Сталина, в оправдании политики КПСС, пусть с небольшими оговорками, — суть отношения к нам официального современного континентального Китая. Отсюда видно, как далеко мы в идейном плане отстоим друг от друга.

Затем китайский журналист, полагающий себя знатоком нашей страны, выдвинул следующий тезис: «Любовь к крайностям и противоречивость — это, пожалуй, самые главные особенности характера русского человека. Представитель этой нации может восхитить своей образованностью, интеллектом, и он же может вызвать глубокое

разочарование удивительной ленью, любовью к выпивке, беспечным отношением к своим обязанностям».

Если бы все это относилось к отдельному человеку, русскому или китайцу, — вполне можно было бы допустить, что такие люди имеются везде. Это — не признаки нации, не признаки народа. Великий китайский писатель Лу Синь создал образ А-Кью, о котором тот же китайский журналист мог бы при желании рассуждать в этом духе. При желании он мог бы также делать упор на том, что великие китайские поэты творили вовсе не на трезвую голову и т.д. и т.п. Эти соображения китайского журналиста переходят всякие границы и просто оскорбительны для нашего народа.

Говоря о «чувстве собственного достоинства» русских, Ван Сяньцзюй отмечал, что «если даже по неосторожности его задеть, русский не даст себя в обиду. Этому народу в целом не свойственно преклоняться перед иностранщиной, он не раболепствует, это, несомненно, хорошее качество. Но временами чувство собственного достоинства превращается в слепую заносчивость, убеждение, что русским в мире уготована какая-то особая роль».

Так и хочется сказать: чем кумушек считать, трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться. Мао Цзэдун настойчиво пытался внушить Н.С.Хрущеву, что китайцы-ханьцы всегда в конечном счете ассимилировали всех, с кем им приходилось жить на одной территории. При том же Мао Цзэдуну в КНР утверждали, что «наша цель — покорить весь земной шар». В этом прорывалось истинное нутро Мао Цзэдуна и его последователей. Вполне очевидно, что Ван Сяньцзюй из их числа. Что же касается русских, то они, по крайней мере за последнее столетие, во-первых, отдали больше всех жизней ради устранения общей угрозы для человечества (в том числе и для Ван Сяньцзюя) — гитлеровской и японской. А во-вторых, даже последние события, то есть распад СССР, показали, что русские вполне разумны и способны воспринимать реалии современной политической и экономической жизни. Русские ни в коей мере не агрессивны, и у них никак не преобладают мессианские настроения. Это — также крайне несправедливый упрек русским, да еще в ситуации, когда наша страна переживает тяжелый период выздоровления после страшной, более чем семидесятилетней заразной болезни — власти компартии над нашим народом.

Ван Сяньцзюй также полагал, что «развитие рыночной экономики, завоевание свободы» освободило сознание русских «от предрассудков». «Не связанные идеологическими, но также и моральными принципами, они поступают теперь, как кому заблагорассудится» [236].

Ван Сяньцзюй хотел бы внушить нам, что надо было оставаться или снова стать людьми, связанными идеологией компартии. С его точки зрения, эта идеология — залог принципов морали и нравственности. На самом деле именно в этом тезисе таится один из самых больших обманов: компартия, ее руководство стремятся внушать людям, которые находятся под их властью или воздействием, что их естественное стремление к идеалам, к нравственной и высокоморальной жизни может быть воплощено только при власти компартии, только в условиях господства ее идеологии. На самом же деле, и в этом русские убедились на своем историческом опыте, именно идеология компартии создает условия для бесчеловечного политического режима, при котором государство уничтожает миллионы и миллионы своих граждан, лишая весь народ возможности жить свободной духовной и материальной жизнью.

В целом эти высказывания работника идеологического фронта из Пекина, проводящего линию своей политической партии, которые были опубликованы в Москве в расчете на русских читателей, дают представление о типичных взглядах на нашу страну, которые складываются у человека, воспитанного и получившего образование в современном континентальном Китае. В его настроениях и оценках преобладает изначальная самоуверенность, убежденность в том, что он имеет моральное право анализировать русских

словно насекомых под микроскопом. Его отношение к нам заведомо предвзятое, отрицательное.

Из всего этого следует, что нам еще очень далеко не только до взаимопонимания, но даже до того, чтобы для начала просто хорошо узнать друг друга.

Контакты политических сил

В 1990-х гг. начался заново процесс установления связей между политическими силами наших двух стран. Со стороны Пекина в этом участвовала Коммунистическая партия Китая. Она вела дело неспешно, внимательно присматриваясь к ситуации. С нашей стороны это были КПРФ, Аграрная партия, а впоследствии движение «Наш дом — Россия». Последнее слово при принятии решения оставалось за Пекином, который исходил из перспектив участия той или иной партии в управлении государством.

В 1995 г. в Пекине побывала делегация КПРФ во главе с Г.А.Зюгановым. В составе делегации был член бывшего (1991 г.) ГКЧП В.Ста-родубцев. На пресс-конференции в Пекине Г.А.Зюганов призывал издать в КНР его книгу «Россия над пропастью». В ходе визита было подтверждено желание Пекина развивать связи с КПРФ на тех же принципах, что определяли отношения КПК и КПСС в 1989 г. Таким образом, КПК установила прямые открытые связи с КПРФ накануне президентских выборов в России. И перед президентскими выборами 1996 г. в Пекине создалось представление, что именно кандидат в президенты РФ от КПРФ может выиграть на выборах. КПРФ оказалась той единственной политической партией России, с которой КПК установила связи в первую очередь. В этом был, в частности, расчет на ее победу на президентских выборах в России.

А первый контакт был еще в 1993 г., когда состоялась встреча с В.Купцовым в Москве. Затем Г.А.Зюганов безуспешно пытался в 1994 г. встретиться в Москве с Цзян Цзэмином. В 1995 г. КПК выделила для встречи с делегацией КПРФ члена постоянного комитета политбюро ЦК КПК Ху Цзиньтао, «молодую надежду» КПК, вероятного претендента на роль очередного лидера партии и государства. В марте 1997 г. заместитель председателя движения «Наш дом — Россия» (НДР) А.Шохин побывал в Пекине. Были установлены отношения КПК с этим движением. А.Шохин проявил интерес к реформаторскому опыту привлечения иностранных инвестиций, функционирования свободных зон и сочетания рыночных и плановых начал. Имелось в виду увеличить объемы оружейного бизнеса с КНР на основе валютной оплаты и укрепить позиции российских энергетиков, борющихся за победу в тендере на поставку комплектного оборудования для гидрокомплекса «Три ущелья» на реке Янцзы. У КПК, по мнению А.Шохина, была «обеспокоенность по поводу расширения НАТО». А.Шохин хотел бы «возникновения более продвинутых политических отношений».

Выводы

Двусторонние отношения РФ и КНР перешли во второй половине 1990-х гг. на следующую, вторую ступень развития. Для нее характерно, прежде всего, обусловленное национальными интересами стремление обеих сторон развивать отношения в атмосфере сердечности между лидерами двух государств. При этом на первый план выдвинулось нахождение взаимопонимания по проблемам глобального характера, и прежде всего при оценке ситуации на мировой арене, перспектив ее развития, а также относительно продвижения в качестве партнеров на основах взаимного доверия в направлении стратегического взаимодействия в XXI веке.

При всей внешне благоприятной картине двусторонних отношений, приходится всегда иметь в виду и ряд непростых вопросов, которые отягощают состояние двусторонних связей.

Это, прежде всего, вопрос о границе и территориях; в уже ратифицированных соглашениях относительно восточной и западной части границы между РФ и КНР по инициативе и настоянию Пекина в преамбулу включено положение о том, что вопрос о границе еще должен найти свое окончательное решение на принципах справедливости и рационального подхода к этим проблемам; эти термины — «справедливость» и «рациональный подход» — могут вызывать обоснованное беспокойство, ибо хорошо известно, что справедливость в данном случае, по мнению Пекина, предполагает в будущем изъятие из состава России весьма значительных территорий и передачу их в состав КНР.

Далее, что касается экономических связей, то становится все более очевидным, что эти связи находятся все-таки на самом минимальном уровне. Для их развития необходимо многое. Нужно, чтобы оба государства совместно создали некую систему централизованного контроля за такого рода связями и систему гарантий выполнения обязательств участниками таких связей с каждой стороны. Государство должно не отмежевываться от участия в хозяйственных связях, а принимать на себя ответственность за их цивилизованный и юридически обоснованный характер. Пока же обе стороны не имеют возможности, а то и желания активно расширять эти связи до тех пор, пока у них не будет полной уверенности в стабильности обстановки внутри той и другой страны, а также в том, что инвестиции в соседней стране будут защищены необходимыми законами или гарантиями правительств, что коммерческие и прочие обязательства будут выполняться.

Все еще деликатным и острым остается вопрос о присутствии неких компактных групп людей из КНР на территории РФ. Часть населения нашей страны, интересы которой непосредственно затрагиваются этим, особенно недовольна таким положением. Еще не наведен порядок на границе, и конкретно это выражается в том, что Пекин пока не предпринял должных мер с тем, чтобы никто не пересекал нелегально границу из КНР в РФ; особенно нетерпимо то, что при этом происходят убийства наших пограничников или им наносятся увечья.

Наконец, очевидно, что немало лет потребуется для того, чтобы постепенно уходило из сознания людей в обеих странах недоверие к соседу.

Что касается РФ, то здесь имеется еще одна проблема. Она состоит в том, что существует большой разрыв между позицией и заявлениями руководителей нашей страны, чиновников особенно дипломатического ведомства, и некоторых журналистов — с одной стороны, и настроениями простых людей — с другой. Наше население с недоверием относится к китайцам из КНР, а руководители нашей страны не желают этого замечать, причем даже не понимают, насколько глубоко это недоверие; руководители в Москве не видят, что их действия могут в будущем обернуться большими несчастьями для нашего народа. Действия руководства и соответствующих государственных учреждений нашей страны могут усугублять эту ситуацию. Ведь, вступая в определенные отношения с Пекином, подписывая соглашения и декларации, они не считают нужным делать все эти документы (в данном случае я имею в виду соглашения о мерах доверия и о сокращении военных сил на границе) открытыми, а также с достаточной полнотой и убедительностью разъяснять их содержание своему населению.

Одним словом, при благополучном внешнем виде существует много хорошо и плохо замаскированных опасных рытвин и глубоких ям, а потому продвижение по пути налаживания и развития двусторонних отношений должно быть весьма и весьма осторожным.

Накануне десятилетия российско-китайских отношений: проблемы и предложения

В апреле 2000 г. Шанхайский институт международных исследований (ШИМИ) провел международную научную конференцию на тему: «Китайско-российские отношения после Ельцина». В конференции приняла участие по приглашению хозяев делегация ученых Института Дальнего Востока РАН. Целесообразно обратиться к мыслям, высказанным на конференции китайскими коллегами, а также изложить некоторые собственные соображения.

Шанхайские ученые сочли необходимым представить доклады не только по российско-китайским отношениям, но и по российско-японским отношениям и о треугольнике: Америка — Россия — Китай.

С точки зрения китайских ученых, на пороге XXI века российско-японские отношения находятся перед лицом небывало серьезной ситуации. Хотя стороны и договорились в предварительном порядке о подписании мирного договора до конца 2000 г., однако возможность решения вопроса о самом серьезном препятствии на этом пути — принадлежности «четырех северных островов» — почти не просматривается. Б.Н.Ельцин дал несколько обещаний относительно разрешения этого вопроса. С точки зрения китайских коллег, В.В.Путину будет еще труднее, чем Б.Н.Ельцину, достичь какого бы то ни было прогресса в этом вопросе. Во-первых, существует много более важных проблем внутри России. Во-вторых, территория, о которой идет речь, имеет для России важное военно-стратегическое и экономическое значение. В-третьих, в России существует мощное общественное мнение против передачи Японии упомянутых территорий.

Вместе с тем за последние десять лет российско-японские отношения заметно продвинулись вперед. Они больше не находятся в состоянии напряженности и конфронтации. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) у этих двух стран имеется ряд общих стратегических интересов. Япония может при известных условиях «использовать российскую карту». Есть основания предвидеть некоторое улучшение российско-японских отношений в новом столетии...

Будущие отношения России и Японии вряд ли будут характеризоваться драматическим прорывом. В то же время существует необходимость для обоих государств шаг за шагом расширять обмена и контакты и углублять взаимопонимание.

Шанхайские коллеги следующим образом представляют отношения в треугольнике: Китай — Россия — Америка.

После «холодной войны» эти отношения все время находятся в процессе непрерывного урегулирования и неоднократных изменений. В конце 1990-х гг. в отношениях между РФ и США на первый план вышли противоречия, уровень отношений упал до самой низкой отметки. В треугольнике тем не менее существует тенденция к сбалансированности отношений.

За последние годы все более явной становится конкуренция между тремя сторонами. США занимают относительно преимущественное положение при сопоставлении сил трех государств. Конфронтационность стратегического, глобального характера между США и РФ усиливается. Американо-российские отношения из отношений «стратегического партнерства» превратились в отношения сотрудничества и конкуренции, при которых партнеры одновременно являются «и врагом и другом» один для другого. Планы и замыслы США создать однополюсный мир приходят в столкновение с российской теорией многополюсности.

Стратегическая цель США в отношении Китая состоит в том, чтобы, используя контакты, добиться преобразования Китая. В США известно, что противодействовать подъему Китая невозможно, поэтому единственным методом с точки зрения Америки остается оказание воздействия на Китай путем контактов и связей с целью добиться изменений в Китае. Главные разногласия между Америкой, Россией и Китаем выражаются,

прежде всего, в борьбе по вопросу об архитектонике мира и о мировом порядке. Америка хочет сдержать и подавить и возрождение России и подъем, возвышение Китая.

Между тремя государствами, далее, существуют разногласия по региональным проблемам. США, расширяя НАТО на восток, проникая в Центральную Азию, «втираясь» в Монголию, планомерно вытесняют и подавляют Россию. Они планируют создать стратегическое окружение России по линии Запад — Юг — Восток, т.е. от Балтийского моря, через Восточную Европу, Закавказье, район Каспийского моря и Центральную Азию и Монголию до Японии. В АТР противоречия между США и КНР находят свое главное выражение в вопросе о том, какой именно механизм безопасности там создавать. Существуют разногласия и в области экономического сотрудничества в АТР между КНР и США.

Между всеми тремя странами есть противоречия по вопросу о контроле над вооружениями. Наконец, все три страны ведут борьбу по вопросу о невмешательстве во внутренние дела.

Что касается стратегических соображений относительно взаимоотношений Америки, Китая и России, то китайские коллеги говорят о существовании стратегических факторов в этих отношениях. С точки зрения США отношения между ними и Россией еще не устоялись, не определены. Поэтому главное заключается в том, чтобы наблюдать. Американо-китайские же отношения находятся перед лицом новых испытаний. С одной стороны, обе стороны прилагают усилия для создания стратегического партнерства, но, с другой стороны, республиканцы в США считают, что отношения Америки и Китая — это отношения стратегической конкуренции.

Ни одно из трех государств не может и не будет изменять основы своей политики, которую оно ведет в отношении партнеров. Америка желает, чтобы был поставлен заслон на пути возврата России в коммунистическое прошлое. Америка хотела бы добиться ослабления России, вестернизации ее, сдерживания России и перестановки ее и в сфере политики, и в сфере экономики на ту западную колею, где США играют руководящую роль. Что касается Китая, то США, с одной стороны, продолжают вестернизировать и раскалывать Китай, но с другой — поддерживают контакты и в области политики, и в области экономики, выжидая случая, когда оказалось бы возможным с помощью нажима способствовать изменениям в Китае.

Все три государства нуждаются друг в друге. В.В.Путин сделал шаги, показывая, что он хотел бы улучшить отношения с США. Однако основные факторы, которыми определяется состояние российско-американских отношений, не претерпят изменений, соотношение сил тоже не может существенно измениться.

Все три страны, Америка, Китай и Россия, будут прикладывать усилия с тем, чтобы держать в равновесии параметры взаимных отношений в треугольнике. Они будут дожидаться благоприятного случая для того, чтобы добиться развития отношений. Антиамериканские настроения народа России являются чрезвычайно сильными. В то же время РФ и США будут нуждаться друг в друге, двусторонние отношения между ними не дойдут до стадии разрыва и не опустятся до противостояния и конфронтации периода «холодной войны». Россия больше заинтересована в США, чем США в России. Российская сторона будет делать больше уступок.

Главной особенностью этих отношений в начале XXI века будет состояние, при котором это будут отношения «и не врагов и не друзей».

Особо необходимо остановиться на том, какую оценку давали шанхайские коллеги российско-китайским отношениям в начале 2000 г.

Китайские ученые полагали, что после ухода Б.Н.Ельцина с поста Президента РФ и прихода на этот пост В.В.Путина основа интересов, связывающих Россию и Китай, не претерпела важных изменений существенного характера. В плане стратегии Россия и Китай

по-прежнему нуждались друг в друге. Добрые двусторонние отношения соответствовали стратегическим интересам и той и другой страны. И все же смена президента в РФ — это важный поворот и изменение в политическом развитии России. Можно сказать, что это своего рода испытание для российско-китайских отношений. Тому есть несколько причин:

1. Президенту РФ понадобится пройти через известный процесс знакомства с российско-китайскими отношениями и с руководителем Китая.

2. И во внутренней и во внешней политике РФ, возможно, будет происходить важное урегулирование; и пока не ясно, какого времени оно потребует, какими будут его направление, содержание и интенсивность.

3. В силу двух вышеупомянутых факторов остается также неясным, испытает ли на себе некое воздействие состояние российско-китайских отношений, какие новые особенности и какая новая обстановка могут возникнуть в двусторонних межгосударственных отношениях, как смогут примениться к этой новой обстановке российско-китайские отношения.

В нынешней ситуации на повестке дня российско-китайских отношений стоят два крупных вопроса. Во-первых, вопрос о переходном периоде в этих отношениях и об их сохранении. После того, как Президент РФ Б.Н.Ельцин покинул свой пост и В.В.Путин занял должность Президента России, ближайшей целью в российско-китайских отношениях является спокойный и стабильный переход к периоду «после Ельцина». При этом необходимо достичь следующих целей:

- а) сохранить основные рамки и параметры российско-китайских отношений;
- б) обеспечить соблюдение имеющихся российско-китайских межгосударственных и правительственных соглашений и договоренностей;
- в) сохранить хорошую атмосферу в российско-китайских отношениях;
- г) не допустить паузы в российско-китайском сотрудничестве.

Как уже упоминалось, основа межгосударственных отношений России и Китая, а также международная обстановка не претерпели крупных изменений существенного характера. Поэтому плавный, спокойный и стабильный переход применительно к российско-китайским отношениям целиком и полностью возможен. Центральное звено при таком спокойном и стабильном переходе — первая встреча руководителей двух государств. Этот исходный пункт имеет крайне важное значение для определения того, каким будет начало нового периода в отношениях двух стран и как они начнут продвигаться вперед.

В среднесрочной перспективе перед российско-китайскими отношениями стоит задача сохранить и упрочить уже имеющееся сотрудничество и его основу. Сюда входит следующее:

- а) укрепление отношений двух соседей, меры доверия и безопасности в районе границы, приложение усилий с целью разрешения остающихся вопросов о границе;
- б) продолжение развития уже существующего двустороннего сотрудничества России и Китая, включая сотрудничество в военной области и в сфере высоких технологий;
- в) укрепление сотрудничества между Россией и Китаем в сфере региональной безопасности, наполнение содержанием регионального сотрудничества России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана с целью создания надежного и непрестанно совершенствующегося механизма, связывающего пять государств;
- г) поддержание отношений сотрудничества и консультаций в международных вопросах, главным образом совместное твердое отстаивание предложения о создании обстановки многополюсности в мире, сохранение роли и положения ООН в международных вопросах, единая позиция против системы противоракетной обороны США и Японии, против изменения Америкой договора о ПРО.

Во-вторых, вопрос о преемственности и о новаторстве, творческом развитии отношений России и Китая.

Вопрос о содержании понятия «преемственность» ясен. Имеется в виду, что российско-китайские отношения в своем дальнейшем развитии будут сохранять уже имеющееся направление. Что же касается вопроса о новаторстве, то у него две стороны: открытие новых горизонтов и выступление с определенными вызовами. И все же именно это имеет чрезвычайно важное значение для стабильного развития российско-китайских отношений в долгосрочном плане.

Творческое развитие российско-китайских отношений можно осмыслить, подходя к этому вопросу с разных сторон. В том числе имея в виду новаторство в подходе к вопросу о структуре основы общих интересов России и Китая. Это одна из самых важных задач творческого развития российско-китайских отношений.

Если посмотреть на этот вопрос в среднесрочном и долгосрочном плане, то на протяжении определенного периода в будущем в российско-китайских отношениях, вероятно, может появиться проблема недостатка жизненной силы. В указанный период, при том условии, что отношения обеих стран будут по-прежнему приводиться в движение ныне существующим механизмом, двусторонние отношения, возможно, станет трудно продолжать поднимать на новый уровень; дело может даже дойти до того, что в этих отношениях может появиться спад.

Если рассмотреть развитие российско-китайских отношений за истекшие восемь лет, до середины 1990-х гг. главной движущей силой в них были двусторонние интересы безопасности. В конце 1990-х гг. и далее главной движущей силой двусторонних отношений стали интересы международной безопасности. При этом сложилась такая структурная последовательность: 1) интересы двусторонней безопасности; 2) интересы международной безопасности. Хотя такие «двухэтажные» общие интересы и побуждали российско-китайские отношения к быстрому развитию в 1990-х гг., однако и те и другие носят ограниченный характер.

Такого рода интересы в сфере безопасности, если говорить о наших двух странах, о России и Китае, представляют собой самые основные или важнейшие отношения среди двусторонних отношений. При этом им недостает достаточной жизненной силы, которая способна побуждать двусторонние отношения к непрерывному продвижению вперед и необходима для этих отношений.

Интересы международной безопасности составляют основу российско-китайского международного сотрудничества. Однако международное сотрудничество России и Китая — это не отношения союзников. Партнеры здесь не несут никаких взаимных обязательств. Все это имеет направленность вовне, а не внутрь каждой из наших стран. Одновременно интересы международной безопасности представляют собой функцию изменений международной обстановки, подвергаются воздействию международной обстановки. По этой причине такой элемент, как интересы международной безопасности, если говорить о долгосрочном и стабильном развитии российско-китайских отношений, и по широте и по глубине в равной мере страдает ограниченностью, обусловлен определенными рамками.

Дальнейшее развитие российско-китайских отношений в будущем потребует через некоторое время нового механизма, движущих сил и новой структуры этих движущих сил. Она должна представлять собой следующую конструкцию, иметь следующие составные части: двусторонние интересы безопасности — интересы международной безопасности — экономические интересы. Отличие ее от ныне существующей состоит в том, что здесь добавлен фактор экономических интересов. При этом экономические интересы оказываются на «самом верхнем этаже» этой структуры. Иначе говоря, речь идет о самом подвижном и непосредственно действующем слое.

Особенность новой структуры интересов состоит и в том, что такое ее построение сделает ее многообразной, многоплановой. Это будет соответствовать основной тенденции и особенностям развития отношений между государствами в условиях экономической глобализации. В среднесрочном и долгосрочном плане только такая структура основы общих интересов и способна обеспечить стабильное и долговременное развитие российско-

китайских отношений. Повышение «местоположения» и роли в ней экономических интересов имеет огромное значение для долговременного и стабильного развития российско-китайских отношений. С точки зрения среднесрочных и долгосрочных экономических интересов это представляет собой естественную необходимость, отвечающую самой сути развития двусторонних отношений. В то же время тем самым обеспечиваются объективные требования развития двусторонних отношений наших государств.

Так происходит потому, что в современных международных отношениях фактор экономических отношений становится все более и более важным. Слияние экономических интересов в некотором смысле представляет собой слияние самых глубоких и самых широких интересов на уровне государств. Это приводит к возникновению взаимопоры между странами в интересах их существования, а потому это может обеспечить относительно высокую степень стабильности в межгосударственных отношениях. Одновременно экономический фактор является и самым живым, самым подвижным фактором. Ведь экономика имеет природную, естественную склонность к непрерывному расширению, а потому она непрестанно порождает жизненные силы, побуждает государства развивать отношения.

В настоящее время уровень российско-китайского экономического сотрудничества относительно низок. Наши страны еще не сформировали стабильных рамок экономического сотрудничества. Слияние экономических интересов обеих стран далеко не достигло предела стратегических возможностей. На протяжении последних 8 лет самой стабильной и самой выпуклой частью нашего экономического сотрудничества было сотрудничество в военной области. Хотя военное сотрудничество и важно и его необходимо продолжать, оно все же не способно стать опорой российско-китайского экономического сотрудничества в целом.

Если исходить из среднесрочных и долгосрочных размышлений, то для России и Китая в будущем важной задачей будет следующее: на основе сотрудничества в области двусторонней и международной безопасности, одновременно с продолжением сотрудничества в известных областях — развитие стабильного и эффективного экономического сотрудничества сформирует процесс обменов и относительно глубокого слияния экономических интересов обеих наших стран. А спустя некоторое время станет одним из основных интересов в российско-китайских отношениях.

Экономическое сотрудничество наших двух стран можно подразделить на три части, каждая из которых развивается независимо от других.

1. Проекты крупного экономического сотрудничества между двумя государствами.

Особенности географических условий, структура экономики, структура природных ресурсов и потребности экономического развития в отношениях определяют ситуацию, при которой становится возможным и необходимым осуществление крупных проектов сотрудничества между Россией и Китаем. Благодаря проведенным в предыдущие годы исследованиям и поискам, крупномасштабные экономические проекты в соответствии с имеющимися условиями постепенно переходят в стадию их реального осуществления. Речь идет об источниках энергии, о проектах в области авиации и космоса.

Крупномасштабные проекты имеют большой резонанс, захватывают большие площади. Связанные с ними интересы и их эффективность являются очевидными и долгосрочными. Поэтому крупные проекты представляют собой важное звено российско-китайского экономического сотрудничества. Там, где дело касается природных ресурсов, взаимодополняемость особенно очевидна; объективно и здесь наличествуют определенные благоприятные условия. У России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке есть богатые запасы нефти и природного газа. Исходя из экономической себестоимости, наиболее реально строить планы их переброски в район Тихого океана.

Китай в будущем может стать государством — крупным потребителем импортируемых источников энергии. Импорт источников энергии уже стал для Китая

непременным и неизбежным. По подсчетам китайских специалистов, к 2010 г. для обеспечения нормального развития экономики КНР будет необходимо ежегодно импортировать 100 млн тонн нефти, 300 млрд кубометров природного газа. По подсчетам западных экспертов, эти цифры еще выше. И если Россия и Китай смогут успешно сотрудничать в вопросе об источниках энергии, это будет представлять собой огромный экономический интерес, а в политической области может сделать отношения двух стран еще более тесными. Такое же положение и с другими крупномасштабными проектами.

2. Развитие совместными усилиями Дальнего Востока и Сибири.

В среднесрочном и долгосрочном плане это еще одна перспективная сфера сотрудничества России и Китая. Россия хочет развивать свой Дальний Восток и добиться, чтобы не увеличивался громадный разрыв между Дальним Востоком и европейской частью России. Кроме того, если Россия намерена включиться в экономическое сотрудничество в АТР, то необходимое условие этого — развитие Сибири и Дальнего Востока. Но оно потребует громадных объемов строительства, которые трудно будет обеспечить силами одной России. Это еще одна возможная и широкая сфера сотрудничества между Россией и Китаем, и в ней — относительно большая взаимодополняемость двух стран.

3. Традиционные торговля и техническое сотрудничество.

Сфера их довольно широка. Хотя в настоящее время объем российско-китайской торговли невелик, а ее ассортимент не обширен, однако если взглянуть на вопрос с точки зрения развития ситуации, то и эта сфера предстает как одна из важных областей сотрудничества. По мере улучшения экономической ситуации в России и повышения уровня потребления Россия могла бы стать важным рынком продукции китайской легкой промышленности и бытовых электроприборов. Таким образом, КНР могла бы сбалансировать торговлю с РФ за счет экспорта бытовых электроприборов. А это привело бы к тому, что экономическое сотрудничество двух стран приобрело бы в целом сбалансированный характер, стало бы устойчивее и стабильнее. Ведь экономическое сотрудничество между Россией и Китаем в этой области и осуществляется никоим образом не насильно, лишь исходя из политических причин. Это сотрудничество имеет реальные возможности и перспективы.

Реализуя названные здесь цели экономического сотрудничества двух стран, необходимо осознать следующее:

Превращение России и Китая в важных партнеров в сфере экономического сотрудничества, а также достижение высокой степени слияния экономических интересов обеих стран — это среднесрочные и долгосрочные цели. Россия и Китай не должны упускать время, но при этом им не следует гнаться за сиюминутными выгодами. Эти цели потребуют для своего осуществления не «одного дня». Возможности сотрудничества вовсе не так просто обратить в реалии. Для того чтобы этого добиться, обеим сторонам придется прикладывать серьезные усилия на протяжении длительного времени.

Основа экономического сотрудничества России и Китая складывается прежде всего из взаимных экономических интересов и связанных с ними потребностей. Поэтому при определении экономических целей, которые ставят перед собой оба государства, они исходят не из политических соображений и доводов. Основой здесь служат экономические интересы и резоны. Причина такого положения состоит в том, что если определять экономические цели и настаивать на подписании экономических контрактов, исходя из политических соображений, то такого рода экономическое сотрудничество всенепременно окажется мало кому нужным, и все это может повлечь за собой одни убытки. В конечном же счете приведет к поражению в сфере экономического сотрудничества, что, в свою очередь, может косвенным образом сказаться и на политических взаимоотношениях, которым в конечном счете будет нанесен ущерб. Поэтому в российско-китайском экономическом сотрудничестве обе стороны должны осознать, что развивать экономику можно

исключительно в соответствии с закономерностями самой экономики; никак нельзя подменять политикой экономические закономерности и приносить их в жертву. Но все это требует и оздоровления законодательства, и эффективного механизма применения законов, и создания безопасной обстановки в обществе, и гарантии законных прав иностранных граждан, и создания рыночных механизмов, соответствующих международным нормам.

Смена президента в Российской Федерации несет с собой возможность такого развития российско-китайского экономического сотрудничества. Приход к власти президента В.В.Путина означает, что Россия, возможно, вступит в период политической стабильности и экономического расцвета. Это неперенное условие реального развития российско-китайского экономического сотрудничества.

Помимо обозначения двух упомянутых выше задач в сфере российско-китайских отношений, хотелось бы высказать следующие предложения, направленные на улучшение макроситуации в двусторонних межгосударственных отношениях.

1. Проблема мигрантов представляет собой самый насущный (и долговременный!) вопрос во взаимоотношениях России и Китая. По сути дела, КНР вовсе не создает угрозу миграции своего населения в РФ. Но это стало вопросом, вызывающим наибольшую обеспокоенность в России по отношению к Китаю, по причинам исторического свойства, а также в связи с некоторыми факторами внутривнутриполитической жизни в России. Кроме того, существует на самом деле объективная ситуация несбалансированности распределения ресурсов населения в районах, прилегающих к границе между Россией и КНР. Правительство КНР никогда не соглашалось с незаконной миграцией населения и выступало против нее. Чтобы уменьшить серьезное негативное воздействие этого фактора на состояние российско-китайских отношений, правительства РФ и КНР могли бы усилить консультации и сотрудничество по этому вопросу, выдворяя незаконных мигрантов. Одновременно правительства должны гарантировать нормальные обмены и поездки граждан каждого из государств, улучшить соответствующие механизмы; права граждан КНР, въезжающих в РФ и ведущих там свои дела на законных основаниях, должны быть защищены.

2. Обе стороны должны поощрять обмены между средствами массовой информации обеих стран. СМИ — это важное орудие воздействия на порядок в обществе и на сознание масс. Обмен между СМИ обеих стран помогает взаимному пониманию. Взаимный обмен и взаимное понимание никоим образом не означают требование выразить только хвалебное мнение, важно, однако, чтобы информация была хотя бы относительно объективной. Если СМИ не способны объективно освещать то, что происходит у партнера, то это может приводить к тому, что между людьми двух стран будет возникать недопонимание и разобщенность, что никак не благоприятствует атмосфере в отношениях двух стран; особенно важно подчеркнуть, что это может наносить вред чувствам дружбы между народами. Принимая во внимание особенности российско-китайских отношений, отсутствие дружественных чувств между народами двух стран может сказаться на нормальном развитии отношений между двумя государствами.

3. Необходимо усилить обмены между народными или общественными организациями РФ и КНР. «Российско-китайский комитет XXI века» является в настоящее время главной неправительственной организацией. Эту организацию нельзя назвать широко представительной; рамки ее деятельности относительно узки; она обладает небольшим влиянием. Предлагается расширить структуру этого комитета, расширить его представительный характер, в главных городах создать филиалы или отделения этой организации с тем, чтобы расширить содержание ее деятельности; и все это с тем, чтобы она стала важным каналом обменов между людьми России и Китая в сфере политики, экономики, науки, культуры, искусства и т.д.

В апреле 2000 г. Ли Фэнлинь, в прошлом посол КНР в РФ, ныне намекающий на то, что он дает советы руководителям КНР (и прежде всего Председателю КНР Цзян Цзэминю)

по вопросам наших двусторонних отношений, в беседах с российскими коллегами высказал следующие соображения.

В свое время он, Ли Фэнлинь, не верил в то, что в обозримом будущем возможно решение вопроса о границе, полагая, что на это уйдут чуть ли не века, но сегодня этот вопрос уже решен. На высшем уровне все заявления уже сделаны, и мы поняли друг друга, но простой человек может спросить: а что я лично получил от этого?

В России нет денег; в Китае — тоже. Следовательно, надо искать пути развития отношений без значительных капиталовложений. Ныне существующая торговля не спасает положения. В связи с этим сомнительным представляется тезис о взаимодополняемости партнеров.

В России ныне есть товары из всех стран. В нынешней ситуации целесообразно предложение о создании в КНР совместных предприятий на основе российских ноу-хау, новейших технологий и предоставления китайской стороной помещений и оборудования; все это в расчете на получение каждой из сторон дивидендов в будущем. Можно также поставлять в Китай нефть и газ из России. Лучше делать это в обход Монголии, хотя американцы настойчиво советуют вести трубу через Монголию. Россия запросила за свою электроэнергию 4 цента за квт/час; для Китая это не выгодно и не приемлемо...

РФ могла бы подумать о создании предприятий в западной части КНР, например в Синьцзяне. Если Россия докажет, что она надежный партнер, и будет вовремя выполнять свои обязательства по поставке оборудования при строительстве двух энергоблоков Ляньюньганской атомной электростанции, тогда КНР может подумать о том, чтобы предоставить России возможность поставлять оборудование в дальнейшем еще для двух энергоблоков этой станции.

Для китайской стороны торговля с РФ не выгодна из-за налоговой политики российских властей. А положение на границе, в приграничных районах, для такой торговли и сейчас не изменилось...

В целом речь идет о наполнении конкретным содержанием двусторонних отношений, считает Ли Фэнлинь.

В связи с позициями и высказываниями китайских коллег следует остановиться на особенностях российско-китайских отношений накануне их десятилетия. Главное, на наш взгляд, — это тревожная мысль о замаячившей опасности взаимного отдаления. И поэтому — предложения по устранению такой опасности.

За последнее десятилетие XX века оба государства, РФ и КНР, сделали, казалось бы, все возможное для того, чтобы в максимальной степени улучшить атмосферу в двусторонних отношениях, продемонстрировать полное взаимопонимание на высшем уровне, особенно в ряде политических, прежде всего международных, проблем.

И в то же время и в той и в другой стране все больше ощущается давление вопросов, которые вполне может задавать простой человек: а что я лично от всего этого имею и буду иметь; что ждет наши два народа, наши две страны в будущем, в их двусторонних отношениях прежде всего? Иной раз имеют место попытки сузить значение вопросов, свести все к необходимости наполнения конкретным содержанием сферы экономического сотрудничества двух стран. На самом же деле речь идет о чем-то гораздо более важном, широком и глубоком, т.е. о состоянии и перспективах взаимоотношений наших двух наций.

Обе нации во второй половине XX в. глубоко прочувствовали на себе отрицательные последствия разрыва и раскола, конфронтации и вооруженного противостояния, отсутствия нормальных дипломатических отношений в 1960—1970-х гг. Поэтому в конце 1980-х гг. в обеих странах люди с удовлетворением встретили сообщение о восстановлении нормальных двусторонних межгосударственных дипломатических отношений. Этому радовалось большинство и в России, и в Китае.

Вслед за тем наступил период своего рода эйфории, когда наверху, в чиновничьих сферах, строились грандиозные планы экономического сотрудничества: говорили о 20-

миллиардном (в долларах) ежегодном торговом обороте к 2000 г., о взаимодополняемости двух экономик как о панацее решения экономических проблем в обеих странах, о возможности участия РФ в модернизации предприятий, построенных в свое время в КНР с помощью СССР, и т.д.

Действительность предстала иной. Период эйфории прошел, и отношения (или их толкование), развиваясь лишь по инерции, не оправдали радужных ожиданий. Первостепенные, жизненно важные интересы двух наций требовали согласования вопросов, остававшихся от прошлого, а также взаимодействия или консультаций по известным международным проблемам. Нации должны были продемонстрировать миру нормальное и даже дружественное состояние двусторонних отношений или, по крайней мере, их климат. Собственно говоря, в определенных областях, в частности на уровне общения лидеров двух стран, все это действительно было таким, что уже очень важно.

Вместе с тем становилось все более очевидно, что привычные подходы к решению вопросов экономического и торгового сотрудничества не приносят результатов или приносят неожиданные результаты. Постепенно становилось очевидным, что не удастся восстановить связи в области культуры; они носят отрывочный, пунктирный характер. А ведь это область важнейшая в наших отношениях, ибо именно контакты и связи в этой сфере могут содействовать взаимопониманию между народами в каждый период их истории.

К началу XXI в. становится все более очевидным, что в двусторонних российско-китайских отношениях появились признаки возможного отдаления партнеров друг от друга. Топтание на месте, своего рода кризис в ряде областей сотрудничества, развитие международной обстановки, требующее усилий каждой из наций в отдельности для защиты своих интересов, определенной свободы и самостоятельности в действиях, развитие событий внутри нашей страны и в Китае, выдвигание политических, экономических, социальных проблем внутреннего порядка на первый план для каждой из сторон — все это, вместе взятое, отводило вопрос о состоянии двусторонних отношений на некоторое время в тень. Или, во всяком случае, не давало возможности выдвигать и ставить его на первый план, позволяя лишь поддерживать эти отношения на минимально необходимом и возможном уровне.

Замаячившая на горизонте вероятность или опасность отдаления заставляет серьезно и глубоко задуматься. Более того, осознание этой опасности пробудит обе стороны, пробудит их к новому переосмыслению значения двусторонних отношений, к выработке мер по исправлению этого вновь формирующегося ненормального положения. Россия и Китай настолько важны друг для друга и в области двусторонних отношений, и в региональном плане, и на мировой арене, что нации и их государства просто не имеют права пускать на самотек дело двустороннего сотрудничества. Это грозит осложнениями, которые могут нанести серьезный ущерб национальным интересам.

Никак нельзя сказать, что стороны ничего не делают для того, чтобы исправить положение. Все подписанные соглашения и документы, все договоренности играют определенную роль. И все же ощущается, что этого недостаточно, но не по количеству, а по качеству. Необходимо осознать, что на наши отношения снова пала некая тень. Они практически буксуют, остановились в своем развитии, а это может обернуться сползанием к весьма неприятным последствиям и для той и для другой стороны.

В связи с этим представляется необходимым попытаться выделить основные зоны опасности, а также предложить некоторые шаги по исправлению создающегося положения.

Незаметно пронеслись для нашей страны десять лет жизни в новой ситуации, а для Китая — двадцать лет в попытках создать новые условия жизни в стране. Таким образом, и та и другая сторона уже одно-два десятилетия живут каждая по-своему и в то же время — иначе, чем раньше, в условиях, которые уже стали привычными для каждой из сторон. Десять лет, двадцать лет — это довольно большой срок в современной жизни наций. Время накладывает свой отпечаток на каждую из них. Каждая живет в своем мире, и миры эти во многом (и весьма существенном) различны. Это уже далеко не те миры, которыми они были

и в период «расцвета» советско-китайских отношений, и в период противостояния наших двух государств; более того, это уже не те миры, которыми они были и в момент нормализации двусторонних отношений в 1989 г., и в момент установления нынешних отношений между РФ и КНР в 1992 г.

Отсюда вытекает необходимость для каждой из сторон приложить усилия с тем, чтобы лучше понять и свой собственный современный мир, и мир своего партнера. А также предпринять конкретные меры для того, чтобы наладить приспособление наций друг к другу в новых, современных условиях, исходя из понимания того, что прежние времена и представления устарели и никогда не вернуться. Во многом устарели и прежние представления о соотношении национальных интересов наших двух наций, даже представления друг о друге в целом. Жить же обеим нациям бок о бок не только придется, но это им жизненно необходимо. Надо воспринимать партнера таким, каков он есть, освободиться от стереотипов прошлых лет.

За 1980—1990 гг. у каждой из наций уже созрели свои, во многом различные, представления о многих вещах, о принципиальных оценках многих сторон жизни и в своей стране, и в мире в целом. Здесь необходим углубленный и широкий процесс взаимного узнавания, затем попыток взаимного понимания и, наконец, установления на новой основе взаимного доверия или хотя бы привыкания.

На практике между нашими нациями давно уже нет прежних отношений дружбы. И хотя 1990-е гг. оказались периодом расцвета отношений на высшем уровне и официальных связей, в то же время эти отношения оказались оторванными от настроений населения в обеих странах. Конечно, в глубине души людей сохраняется основа для возрождения глубоких отношений дружбы, но на практике эти отношения по сравнению с прошлым в весьма существенной степени испарились; произошел разрыв и отдаление не только «верхов» и «низов» в каждой из стран в том, что касается наших двусторонних отношений, но и отдаление и разрыв между двумя нациями; пока, возможно, не очень значительный, но уже обозначающийся и потенциально опасный. Именно это побуждает говорить о необходимости принятия серьезных и практических мер для исправления нынешней ситуации.

Наши современные отношения необходимо строить, но строить на новой основе, выделяя или подчеркивая то, что отвечало в их истории интересам обеих наций, а не ограничиваясь только воспоминаниями о том, что дружба была только на основе совпадения идеологий в обеих странах. Здесь важно также осознать смысл самих понятий «нация» и «государство», понять, что они соотносятся между собой как нечто относительно постоянное (нация) и нечто относительно временное (государство); уметь выделить национальные интересы и государственные интересы, найти общее в национальных и государственных интересах, не позволять негативным, но частным давлениям вредить отношениям двух наций.

Итак, дружба между нами — это жизненная необходимость, вызываемая национальными интересами и России и Китая. Так было в XX веке, так будет и в XXI веке.

Вопрос о дружбе, в том числе и его организационную сторону, нельзя отодвигать на второй план. Государства просто обязаны поддерживать, в том числе материально, общества дружбы в каждой из стран, видя в них активистов строительства прочной и постоянной основы отношений двух наций. При этом общество дружбы не должно занимать подчиненное место по отношению к существующему Комитету мира дружбы и развития в XXI веке. По сути дела, общество дружбы должно быть отдельной и самостоятельной постоянно действующей под покровительством и при финансовой поддержке государства организацией. В этом смысле «Общество российско-китайской дружбы» отличается от всех других обществ дружбы и должно иметь особый статус; этого требуют национальные интересы России.

Создание Комитета мира, дружбы и развития было в свое время данью моменту в развитии наших двусторонних отношений. Лидеры обеих стран ощущали, что такого рода общественная организация должна быть создана. Вместе с тем им, по разным причинам, представлялось, что прежнее «Общество дружбы» уже не может играть существенной роли в новых условиях или при новой системе отношений. Возможно, что играло роль и желание сделать свой вклад, создать свою организацию взамен или наряду с той, которая была унаследована из прошлого. Вместе с тем при создании этого Комитета была допущена принципиальная ошибка, ибо было недооценено особое, уникальное значение именно дружбы в отношениях наших двух стран. Никак нельзя Комитетом мира, дружбы и развития подменять общества дружбы или сводить их роль лишь к роли маловажного звена в системе звеньев, которые действуют под эгидой Комитета мира, дружбы и развития.

Возникновение Комитета мира, дружбы и развития явилось необходимым откликом, прежде всего, на потребности налаживания отношений в сфере экономики между нашими странами в условиях рыночного хозяйства. Вместе с тем очевидно, что необходимо разделить понятия дружбы и развития организационно. Область дружбы между нациями, между людьми, дружбы, которая неразрывно связана с контактами и обменами в сфере культуры, — это особая область, требующая первостепенного внимания. Это — основа нормальных добрососедских отношений между двумя сторонами.

Развитие, т.е. налаживание отношений в экономической области, это очень важная и неперемнная сфера двустороннего сотрудничества. Ее необходимо специально и отдельно развивать. В то же время никак нельзя смешивать сферу налаживания отношений дружбы, отношений в области культуры — с отношениями в сфере экономики и торговли. Это две разные сферы. Их необходимо и организационно разграничить. Более того, необходимо осознать, что при всей важности и необходимости отношений в сфере экономики фундаментом наших двусторонних отношений, их основой служат именно и только отношения в области культуры и дружбы между людьми обеих наций.

Итак, представляется важным предложить обоим правительствам оказать материальную поддержку обществ дружбы обеих стран, сделать центральным звеном работы этих обществ обмена в области культуры, науки, образования, спорта, туризма и так далее, а также контакты и знакомства людей обеих стран в цивилизованной форме, на высоком культурном уровне. В дальнейшем именно по линии обществ дружбы можно было бы постепенно развивать и контакты в сфере политики, т.е. обмена мнениями по политическим вопросам.

Главам обоих государств целесообразно сделать предметом обсуждения при первых встречах вопрос об обществах дружбы обеих стран, о новом возрождении этих обществ, поднять значение этой работы, выделить ее в качестве отдельной области, гарантировать ей поддержку, в том числе материальную, со стороны государств. Главы государств могли бы также принять на себя патронирование этой деятельности, став почетными председателями соответствующих обществ дружбы.

Что же касается работы по развитию экономических связей между нашими странами, то здесь, очевидно, целесообразна активизация известного составного механизма. С одной стороны, это двусторонняя межправительственная комиссия, по типу существующей в наших отношениях с США, в которой председателями от каждой стороны были бы председатели правительств РФ и КНР. С другой стороны, это Комитет мира и развития, который мог бы оказывать помощь в работе вышеупомянутой межправительственной комиссии, сосредоточившись исключительно на вопросах экономических, внешнеторговых и тому подобных связях.

Представляется также необходимым, исходя из принципа укрепления контроля со стороны государства за всей сферой экономического и иного сотрудничества с Китаем, при понимании рыночного характера этих отношений, предложить создать и в той и в другой стране Ассоциации промышленников и торговцев, российских в КНР и китайских в РФ;

причем каждая из ассоциаций должна иметь возможность непосредственного обращения в упомянутую межправительственную комиссию.

Имеется в виду, что, например, «Ассоциация российских промышленников и торговцев в КНР» могла бы вносить на рассмотрение Комиссии предложения по обеспечению юридических прав и интересов своих членов, а также законопроекты, которые обеспечивали и охраняли бы права граждан РФ, ведущих дела в КНР, действуя в соответствии с китайскими законами. То же относится и к взаимоотношениям «Ассоциации китайских промышленников и торговцев в РФ». Таким образом можно было бы содействовать созданию правового фундамента для развития наших связей в области экономического и торгового сотрудничества; в этой работе через свои ассоциации могли бы принять участие непосредственно заинтересованные граждане РФ и КНР.

Сегодня совершенно очевидно, что в тех областях, где существуют и развиваются связи между сторонами, каждая из них руководствуется прежде всего собственной выгодой, а не некими абстрактными общими для обеих сторон высшими интересами. Приходится исходить из того, что таково естественное состояние дел. Просто обеим сторонам необходимо при этом согласовывать свои интересы и приспособляться друг к другу, не допуская ситуации, при которой эгоистические позиции могут нанести ущерб национальным интересам.

Попутно представляется уместным вспомнить о том, что и в России до 1917 г. и в советский период ощущалась необходимость на высшем государственном уровне выделять такую область внешней политики, как наши отношения с Китаем. Под руководством главы государства существовало верховное государственное совещание (комиссия) по проблемам взаимоотношений с Китаем, т.е. орган, который вырабатывал главные направления политики в отношении Китая, определял продвижение во всех областях наших двусторонних отношений с Китаем. Возможно, и сегодня существует необходимость воссоздания такого органа, а может быть, и двух органов: одного по отношениям с Китаем, другого — по отношениям с США.

Представляется важным обратить также внимание на то, о чем уже вскользь упоминалось, — на то обстоятельство, что отношения двух наших народов друг к другу претерпевают изменения. Конечно, сохраняются добрые чувства друг к другу; во всяком случае, эти чувства при должном импульсе со стороны лидеров двух государств могут снова усилиться и играть важную роль.

Но в то же время народы живут каждый своей жизнью. Реально ощутимой внешней угрозы, которая бы объединяла две нации, сейчас нет. Жизнь у народов разная. Трудная и у каждого из наших народов много проблем. Сама нормализация двусторонних отношений породила некую успокоенность в народе. Люди перестали волноваться в связи с прежней ненормальностью двусторонних отношений. Но они при этом и не прикладывают усилий для того, чтобы их улучшать. Более того, они во все возрастающей степени испытывают безразличие друг к другу. Оно даже усугубляется возрастающим высокомерием, которое по разным поводам проявляется партнерами. Без дополнительных усилий в направлении исправления ситуации, этот процесс может далеко завести. Отсюда следует необходимость для лидеров обеих стран не только поддерживать хорошую атмосферу при встречах и вообще в отношениях между ними, но и думать над шагами, которые могли бы побудить народы быть ближе друг к другу.

Особую роль в нынешней ситуации играет то обстоятельство, что существует и все больше расширяется и углубляется разрыв между декларациями и конкретными делами. Декларации звучат уже более десяти лет, а конкретных дел, которые бы связывали две нации, не прибавляется. Задача руководителей двух государств сегодня состоит и в том, чтобы совместными усилиями найти те точки соприкосновения и совпадения интересов двух стран, которые возродили бы понимание взаимной заинтересованности наций друг в друге.

Существует разрыв между характером и уровнем по крайней мере декларируемых отношений в верхах и на уровне масс населения. В верхах считается достаточным то, что

сейчас делается, или же продолжение движения по существующей колее по инерции, с некоторым развитием форм и методов контактов и связей. А население проявляет к происходящему в верхах все меньше интереса. Если раньше встречи лидеров порождали повышенный интерес, а затем наступили годы, когда люди удовлетворялись тем, что встречи стали регулярными, то теперь люди и в той и в другой стране если и не возражают против встреч, то часто недоумевают: в чем смысл такого общения в верхах, в чем его конкретные результаты?

В настоящий момент хотелось бы обратить внимание на два вопроса, которые связаны с проблемами границ и территорий и существование которых является питательным источником поддержания атмосферы недоверия в двусторонних отношениях. Оба вопроса представляют собой части исторического наследия. Думается, что приходят времена, когда стороны могли бы избавиться от этого бремени. Тем более что такое избавление, по сути дела, сняло бы главные сомнения относительно опасностей в наших двусторонних отношениях в будущем.

В целях дальнейшего улучшения российско-китайских отношений, устранения тех их негативных международно-правовых аспектов, которые служат или могут служить питательной средой либо для возникновения или поддержания сомнений относительно намерений друг друга, либо для существования взаимного недоверия сторон друг к другу, представляется необходимым внести следующие предложения.

Во-первых, подготовить и подписать новый договор о границе между нашими двумя странами. В этом документе должно быть сказано, что он заменяет все без исключения прежние договоры и документы о границе, которые были до сих пор подписаны сторонами, Россией и Китаем, начиная с первой встречи их представителей и до настоящего времени. Все упомянутые договоры с момента подписания нового договора о границе должны официально считаться утратившими силу, не действующими. Действительным и единственным имеющим юридическую силу должен считаться только и исключительно новый договор о границе. Обе стороны торжественно заявляют в этом договоре, что они не имеют друг к другу никаких территориальных претензий; обещают никогда не выдвигать территориальных притязаний друг к другу и не ставить на уровне официальных межгосударственных отношений вопрос о такого рода претензиях. Обе стороны должны заявить, что ныне существующая и закреплённая в соответствующих соглашениях, являющихся приложением к новому договору, линия прохождения границы является единственной юридически закреплённой линией границы, которую стороны обязуются сохранять навечно без каких-либо изменений. (Ныне существующие соглашения о прохождении линии границы на ее восточной и западной части являются, по сути дела, временными решениями вопроса и никак не заменяют договора о границе. В случае подписания предлагаемого договора о границе можно было бы заново рассмотреть и вопрос о еще не согласованных участках линии границы в районах трех известных островов на пограничных реках.)

Во-вторых, обе стороны должны торжественно заявить, что не существует никакой угрозы ни одной из этих двух сторон от другой. Вопрос об угрозе или о вероятности угрозы друг другу считается обеими сторонами и каждой из них в отдельности более не существующим.

В связи с этим обе стороны торжественно заявляют, что подписанные в свое время юридические документы о мерах доверия на границе и о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в стокилометровой зоне по обе стороны границы России и Китая (а также границ КНР с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, в случае согласия этих государств), благодаря мерам, предпринятым обеими сторонами, уже сыграли свою роль, что привело к коренному изменению ситуации в двусторонних отношениях. Отныне не существует ни военной угрозы партнерам друг другу, ни недоверия между партнерами. Между сторонами, напротив, имеется полное доверие в этой области. Отсюда следует естественный вывод об отсутствии ныне вообще вопроса о недоверии друг другу и о

принятии обеими сторонами мер по устранению недоверия, а в равной степени и по установлению доверия.

Стороны должны торжественно объявить, что упомянутые договоренности и юридические документы о мерах доверия и о сокращении вооруженных сил и вооружений в стокилометровой зоне по обе стороны российско-китайской границы считаются уже выполненными, сыгравшими свою роль и что обе стороны решили объявить вышеупомянутое соглашение утратившим силу. Одновременно обе стороны полагают необходимым выступить с совместным заявлением о намерении предпринимать необходимые действия с целью обеспечения совпадающих интересов обеих сторон в сфере их национальной безопасности (борьба против международного терроризма, экстремизма и т.д.).

Представляется, что осуществление двух предлагаемых шагов будет способствовать созданию действительно прочной основы для нового реального взаимодействия партнеров на принципах взаимного доверия и взаимопонимания, мира, самостоятельности и равноправия. Благодаря этим шагам может быть устранена причина вероятного и ныне реально существующего недоверия между сторонами, а также их вероятного отдаления друг от друга. Эти шаги могут в благоприятном для обеих сторон смысле влиять на их двусторонние отношения и на обстановку как в соответствующих регионах, так и в мире в целом.

Наконец, это могло бы явиться основой для наполнения конкретным содержанием нового этапа межгосударственных отношений РФ и КНР после вступления на пост президента нашей страны В.В.Путина.

Б.Н.Ельцин и В.В.Путин об отношениях России с Китаем и Америкой

31 декабря 1999 года завершилась деятельность Б.Н.Ельцина на посту Президента Российской Федерации. Первый Президент России сам досрочно ушел со своего поста, полагая, что тем самым он, в частности, обеспечивает приход к власти избранного им преемника В.В.Путина. Закончилось «десятилетие Ельцина» в истории нашей страны.

Немедленно после ухода Б.Н.Ельцина В.В.Путин начал исполнять обязанности президента РФ, а 26 марта 2000 г. в результате всенародного тайного голосования был избран Президентом Российской Федерации. В 2000 году началась «эра Путина» в истории России.

Каким будет этот период? Окажется ли он продолжительным? На эти вопросы даст ответ время. Тем не менее новый президент избран, легитимен, обладает всей полнотой президентской власти. Открылась возможность на протяжении нескольких лет проводить курс, который определяет В.В.Путин. От самого нового президента России зависят принципиальные решения в сфере внешней политики, в том числе, и, возможно прежде всего, в отношениях нашей страны с Америкой и Китаем. Внешняя политика России будет продолжать оставаться во многом внешней политикой «первого лица», главные рычаги управления ею будут всегда в руках президента страны. Личная дипломатия В.В.Путина будет играть определяющую роль при его правлении. На внешней политике будут сказываться и убеждения второго президента в истории России, и его личные качества.

Отношения нашей страны с Китаем и Америкой — важнейшие составные части политики России на весь обозримый период. При этом взаимоотношения нашей страны с Китаем теснейшим образом увязаны со связями нашей страны с Америкой. Продолжает сохраняться своего рода «треугольник»: Америка — Россия — Китай. При этом, скорее всего, это «треугольник с плавающими сторонами». Ни одна из его сторон не представляет собой «доминанту» в этой конфигурации. Все три партнера самостоятельны и независимы. В

то же время ни один из них не может не учитывать характера взаимоотношений двух своих партнеров по «треугольнику» друг с другом.

В начале «эры Путина» представляется целесообразным попытаться если не подвести некоторые итоги китайской и американской политики Б.Н.Ельцина, то, по крайней мере, высветить «наказ» первого президента России в этой области, а также увидеть первые шаги нового президента нашей страны.

Первый Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин оставил своего рода «политические заветы» относительно того, что касается наших отношений с Америкой и Китаем. Он вполне определенно связывал между собой отношения трех стран. Последними по времени громкими заявлениями Б.Н.Ельцина на эти темы были его высказывания в Стамбуле осенью 1999 г. и в Пекине в декабре того же года.

В Стамбуле в присутствии лидеров «западного мира», в том числе и президента США У.Клинтон, первый президент России публично заявил, что, с его точки зрения, никто из них не имеет права осуждать Россию за ее политику, направленную на разгром и подавление бандитов и международных террористов на Северном Кавказе, на территории России.

Здесь необходимо сказать, что Б.Н.Ельцин перед уходом с поста президента предпринял усилия с целью исправления своей прошлой ошибки в политике в отношении упомянутых бандитов и террористов, т.е. принял решение о необходимости довести борьбу против них до конца с той целью, чтобы избавить Россию и ее жителей от угрозы вооруженного террора и войны, вооруженных нападений относительно крупных формирований бандитов и международных террористов. Таким образом, первый «завет» Б.Н.Ельцина В.В.Путину представлял собой именно наказ подавить вооруженных бандитов на Кавказе.

Это решение Б.Н.Ельцина было поддержано подавляющим большинством населения нашей страны после вторжения вооруженных бандитов и международных террористов в Дагестан и после серии взрывов жилых домов в столице нашей страны и в других ее городах, когда война была принесена бандитами в наши мирные города, когда погибли сотни мирных людей, молодых и старых, мужчин, женщин, детей. Тогда людям России стало очевидно, что против них начата война на уничтожение, в ходе которой бандиты под лозунгом «смерть неверным» хладнокровно и намеренно убивают людей, дабы запугать нас, заставить капитулировать. В этой ситуации большинство россиян пришло к убеждению, что против бандитов и международных террористов необходимо применить всю мощь вооруженных сил страны, дабы их уничтожить.

К осени 1999 г. в РФ удалось создать такие вооруженные силы, которые оказались способны вести современную войну в самых трудных условиях, войну, при которой приходится вступать в непосредственное соприкосновение с бандитами и террористами, причем и в населенных пунктах, где они скрываются за «живым щитом» из женщин и детей, и в горных и лесных районах. В ходе операции по уничтожению бандитов и международных террористов (численность их вооруженных сил достигала нескольких тысяч, если не десятков тысяч) российская армия показала, что она по своему боевому духу и способности воевать не уступает никакой другой армии. Более того, по контрасту с действиями Америки и ее союзников по НАТО в Косово, где американцы в ходе военно-воздушной части операции не входили в непосредственное боевое соприкосновение с противником, не несли потерь в живой силе, а потому пользовались поддержкой населения в своих странах, российская армия оказалась самой боеспособной в наше время. Ее боевой дух, ее профессионализм и мастерство, проявленные в ходе действий на Северном Кавказе, произвели сильное впечатление на Америку, заставили ее вновь в известной степени считаться с силой России, по крайней мере в военных расчетах. Поэтому в Вашингтоне, вероятно, и было принято решение пропагандистски снизить значение этого факта. Более того, попытаться заставить Россию вновь почувствовать себя слабой и незащищенной перед лицом США.

Немалую роль при этом играли и продолжающиеся попытки Вашингтона за счет ущемления таких «слабых» участников международных отношений, как Югославия или Россия, попытаться налаживать отношения с мусульманским миром.

Представляется, что именно по этим причинам и была развернута пропагандистская атака Америки и ее союзников в Европе против России под флагом якобы гуманитарных соображений, заботы о мирном населении в Чечне. (Кстати, на самом деле очень многие чеченцы предпочитают мирно жить в других районах России. После установления в Чечне бандитского режима оттуда выехало от 700 до 800 тысяч человек, а в связи с началом военных действий осенью 1999 г. ее покинули (временно?) еще около 200 тысяч чеченцев, главным образом женщин и детей, которые либо сами предпочли сделать это, либо, частично действуя по плану своих родственников-бандитов, направились также на территорию других регионов той же России, никак не опасаясь никаких массовых насильственных действий против них российских властей, определенно зная, что на такие действия Россия не пойдет.)

США не нравилось, что Россия снова начала подниматься, что она начала выходить на мировую арену как военная держава, не только ни в чем не уступающая Америке, но, по сути дела, обладающая армией, солдатами, офицерами и генералами, которые более боеспособны, чем американские. В США испугались роста чувства национального достоинства в России, который был особенно заметен на том этапе войны на Северном Кавказе, когда армия продвигалась вперед, уничтожала бандитов и не несла значительных потерь. До конца 1999 г. боевой дух России, ее армии, ее населения был очень высоким, настроение общества по этим вопросам было в основном единым.

Определенные круги в США считали такую ситуацию не отвечающей национальным интересам Америки и предпринимали усилия с целью противодействовать этому.

Китайцы же самой ситуацией, которая складывалась в их стране, а также в их взаимоотношениях с США и вообще на мировой арене, были подведены к необходимости занять позицию оказания моральной поддержки России в ее акциях по подавлению бандитов и международных террористов на Северном Кавказе.

В этой обстановке Б.Н.Ельцин на форуме в Стамбуле счел необходимым громогласно защищать интересы России публично перед всей мировой общественностью, подчеркнуть, что наша страна не позволит ущемлять ее права. Можно сказать, что на этой ноте завершилась история американской политики Б.Н.Ельцина. Эта политика имела, однако, свое продолжение и окончание, но уже, так сказать, «заочно», т.е. при встречах не с американцами, а с китайскими лидерами. Так первый президент РФ еще раз показал, что для него существуют тесные связи между его американской и китайской политикой. Б.Н.Ельцин завершил свое правление не поездкой в США или встречей с американским президентом в Москве, но счел необходимым, чтобы последний аккорд его внешней политики прозвучал в Пекине.

Б.Н.Ельцин — «гений политической интуиции» и в то же время мастер политической импровизации, а точнее — лидер, умеющий оформлять свои решения и мысли своеобразными театральными эффектами, усиливающими их звучание. Он был впечатляющим актером и на мировой политической сцене. Он также способен быстро и резко реагировать на, казалось бы, неожиданно возникающие обстоятельства.

Вполне вероятно, что в Вашингтоне попытались осложнить поездку президента РФ в Пекин в декабре 1999 г. Сам президент США У.Клинтон счел необходимым приурочить к этой поездке заявление, в котором он сказал, что «Россия дорого заплатит» за то, что происходит на Кавказе. Тем самым в США, вероятно, рассчитывали, что поставят Б.Н.Ельцина и лидеров КНР в сложное положение или, во всяком случае, доведут до них твердую и решительную позицию Вашингтона по отношению к России. Это заявление американского президента было беспрецедентно резким. Никогда ни один президент США не позволял себе публично оскорблять Россию, наносить такой удар по ее национальному

достоинству. У.Клинтон, вероятно, просто попытался «указать России ее место», да еще и перед лицом руководителей КНР.

Однако президент США, вероятно, не только плохо понимал Б.Н.Ельцина, но и не разбирался в настроениях людей в России, негодование которых оскорбительным высказыванием У.Клинтона требовало немедленного и впечатляющего ответа. Этот ответ последовал незамедлительно.

9 декабря 1999 г. Б.Н.Ельцин после беседы с главой правительства КНР Ли Пэнгом, когда казалось, что встреча завершена, специально привлек внимание представителей средств массовой информации и сделал следующее заявление: «Вчера Клинтон позволил себе надавить на Россию. Он, видимо, на секунду, на минуту, на полминуты забыл, что такое Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия. Он об этом забыл. Поэтому решил поиграть мускулами, как говорят. Так я хочу сказать через вас Клинтону: пусть он не забывается, в каком мире он живет. Не было и не будет, чтобы он один диктовал всему миру, как жить, как трудиться, как работать, как отдыхать и так далее. Нет и еще раз нет. Многополюсный мир — вот основа всему, т.е. так, как мы договорились с Цзян Цзэмином, председателем Китайской Народной Республики. Мы будем диктовать миру, как жить, а не он один».

Эти слова первого Президента России выражали суть состояния национального самосознания людей России. В них содержалось и толкование Б.Н.Ельциным ситуации в мире, самой формулы многополюсного (или многополярного) мира. С точки зрения Б.Н.Ельцина, речь должна была идти о независимости и самостоятельности, о равноправии всех субъектов международных отношений, о решительном несогласии с тем, чтобы кто-то один, в данном случае США, брал бы на себя роль диктатора в мире, а если уж «диктовать», то всем вместе....

Иначе говоря, Б.Н.Ельцин призывал к признанию многообразности мира, равноправия всех членов мирового сообщества. Он решительно выступал против признания чьей бы то ни было верховной власти в нашем мире, будь то одна сверхдержава или некий альянс. Из его слов следовало, что он был против всякого однополюсного мира и вообще мира, в котором кто-то «более равен», чем другие. Что же касается договоренности с Цзян Цзэмином, то Б.Н.Ельцин видел ее как согласие каждой из сторон выступать против попыток навязывания мировому сообществу чьего-либо верховенства.

Б.Н.Ельцин сурово предупредил, что с Россией шутки плохи, что она, в случае, если у нее не останется выбора, вполне может защитить себя и своим ядерным оружием. Это, в частности, означало, что президент России напомнил о том, что его страну никому не удастся «списать во второй эшелон» сообщества наций или попытаться не считаться с ней. Заявление Б.Н.Ельцина отражало и накопившийся у людей нашей страны протест против попыток ущемить и национальное достоинство, и права, и интересы России. Фактически Б.Н.Ельцин в момент своего выступления, оказавшегося его последним публичным заявлением по вопросам мировой политики, его политическим завещанием в этой области, был не только «голосом России», но выразителем глубинных настроений россиян, главных или коренных жизненных интересов своей нации.

Президент США, очевидно, понял, что, задев душу каждого русского человека, он вторгся в такую область, где это грозило никому не нужными осложнениями во взаимоотношениях уже не президентов, но двух наций — русских и американцев, а потому был вынужден тут же дать задний ход, конечно попытавшись «сохранить лицо». Реагируя на высказывания президента России, У.Клинтон сказал: «Я не считаю, что то, что они делают в Чечне, поможет им в достижении их целей. Необязательно изгонять тысячи мирных жителей из их домов. Я убежден, что и Борис Ельцин не забыл, что США великая держава... Давайте обращать внимание на то, что делается странами. Давайте не обращать внимания на некоторые заявления президентов».

Таким образом, президент США, с одной стороны, продолжал поддерживать антироссийский настрой части общественного мнения в своей стране и в других странах,

пытаясь принизить всемирное значение борьбы против бандитов и международных террористов на Кавказе, которую вела Россия, и опасаясь возрождения мощи и влияния России в мире; с другой же стороны, он явно пошел на попятную, призвав Россию и россиян не придавать значения «некоторым заявлениям президентов», т.е. и президента России и президента США.

Это было сочетание попытки спасти свой престиж и стремления сохранить мосты к продолжению и развитию двусторонних российско-американских отношений. В то же время в словах У.Клинтоната таился обман, ибо подлинная позиция властей США в тот момент состояла в том, чтобы заставить нашу страну капитулировать перед нажимом США и тех сил в мусульманском мире, включая бандитов на Северном Кавказе, с которыми Вашингтон пытался найти точки соприкосновения и взаимопонимания, по крайней мере по вопросу об оказании давления на Россию. Вашингтон исходил из ошибочного, на наш взгляд, представления о том, что для него в настоящее время важнее, чем нахождение взаимопонимания с Россией, достичь соглашения с некими мусульманскими силами, причем за счет компромисса, уступок в пользу этих сил, при поддержке их требований со стороны США и их союзников, и при ущемлении интересов некоторых других государств, например России или Югославии.

Собственно говоря, заявление президента США о том, что Россия «поплатится» за ее действия на Северном Кавказе, было обращено ко всему миру, в том числе и к руководителям КНР (в тот момент принимавшим президента РФ). Таким образом они были поставлены в известность, что Вашингтон не поддерживает позицию Москвы, а также призывает искать точки соприкосновения с мусульманским миром или с некоторыми его частями в глобальном противостоянии с Россией, прежде всего, на ее собственной территории, а также на землях бывшего Советского Союза.

В этой сложной ситуации Б.Н.Ельцин занял достойную позицию и получил поддержку большинства россиян, ибо он выразил общий настрой большинства граждан России в пользу применения вооруженных сил с целью освобождения страны от военной угрозы, ликвидации очага войны на нашей территории, войны, которую нам навязали бандиты и международные террористы, которую в известном смысле инспирировали из-за рубежа и которая имела своей целью отторжение от России частей ее территории при поддержке внешних сил.

Собственно говоря, никогда в истории ни один американский президент не забывался до такой степени, не распоясывался таким образом и не угрожал так России, как это сделал У.Клинтон.

В словах президента США нашло свое выражение скрывавшееся до той поры в тайниках души части американской политической элиты мнение о том, что Россию следует рассматривать как вечного соперника и что ныне настал подходящий момент для того, чтобы заставить ее подчиниться воле американцев, их государства.

В этом своем убеждении У.Клинтон сильно ошибался. Русских можно попытаться физически истреблять (как это, собственно говоря, и попытались сделать бандиты и международные террористы на Кавказе), но покорить их невозможно. Да и в боевых действиях, как свидетельствует история, в конечном счете русские одерживали верх над теми, кто навязывал им войны.

С точки зрения людей России, У.Клинтон зашел слишком далеко. Он должен был услышать голос России, ее ответ. Президент России Б.Н.Ельцин сделал нужное заявление, причем немедленно после высказывания У.Клинтоната, да еще в Пекине, в присутствии главы правительства КНР. Если У.Клинтон позволил себе попытку поставить своим заявлением в неловкое положение президента России, находившегося тогда в КНР, то Б.Н.Ельцин сумел дать достойный ответ и не только загнал У.Клинтоната в угол, но и вышел из положения с достоинством, напомнив о потенциале России и выразив глубинные настроения россиян, доведя их до сведения не только Вашингтона, но и Пекина.

Итак, Б.Н.Ельцин сыграл свою партию: он заявил о принципиальной позиции России, причем отразил настроения большинства граждан нашей страны, защитил достоинство России и российской армии, нашего народа.

После того как принципиальная позиция была выражена, было необходимо продолжать жизнь, навести мосты к продолжению столь необходимых и России и Америке двусторонних отношений.

Это было сделано также назамедлительно. С одной стороны, этому послужило упомянутое заявление Президента РФ в ответ на слова президента США. С другой стороны, в тот же день глава правительства России В.В.Путин высказался следующим образом: «Во-первых, я хочу обратить ваше внимание на то, что у нас очень хорошие отношения с Соединенными Штатами. У нас очень хорошие отношения с руководством Соединенных Штатов. (Здесь В.В.Путин намекал, очевидно, на хорошее начало личных отношений между ним и У.Клинтон, которые были установлены при личной встрече в Окленде в сентябре 1999 г. — Ю.Г.) Заявление, которое сделал президент США У.Клинтон, продиктовано, я думаю, заботой о том, чтобы у России не было дополнительных проблем. Повторяю, я считаю, что это связано с недостатком информации о событиях на Северном Кавказе. Поэтому я просил бы считать абсолютно неправильным выстраивать информационное поле таким образом, что наступает или наступил какой-то период охлаждения между Россией и США. Уверен, что высказывания президента России и высказывания президента США на это не направлялись. Что касается ядерной составляющей оборонной политики России, то она есть и будет».

12 декабря 1999 г. В.В.Путин сделал новые разъяснения: «Россия имеет право на самозащиту. Разница между заявлениями президента и главы правительства прежде всего в стиле. Клинтона тоже резко критиковали во время кризиса в Югославии. Это (обмен высказываниями между Б.Н.Ельциным и У.Клинтон. — Ю.Г.), скорее всего, напоминало обмен ударами виртуального характера. Мы не должны вести дело к осложнениям. Наши отношения с такой великой страной, как Китай, не направлены против третьих стран. Это — развитие отношений с огромной и великой страной — КНР. Нам нужно проводить сбалансированную внешнюю политику в зависимости от долгосрочных глобальных интересов России».

Итак, В.В.Путин заявил, что Россия всегда оставляет за собой право на самозащиту; будет сохранять ядерную составляющую своей оборонной политики; будет продолжать делать все необходимое для поддержания хороших отношений с США; будет развивать связи с КНР, и они не будут направлены против третьих стран.

Министр иностранных дел России И.С.Иванов, давая официальную оценку переговорам Б.Н.Ельцина с руководителями КНР в Пекине в декабре 1999 г., говорил о том, что стороны договорились противодействовать негативным тенденциям в международной жизни, осудили стремление создать однополярный мир, при этом Цзян Цзэминь поддержал действия России по борьбе против терроризма. Таково было видение ситуации Министерством иностранных дел РФ.

К этому необходимо добавить следующее. Во время пребывания Президента РФ Б.Н.Ельцина в Пекине звучали неожиданные реплики, которые заставляли задумываться.

Президент России счел необходимым, например, публично поведать окружающим о том, как он провел ночь в Пекине. Б.Н.Ельцин говорил: «Утром проснулся. Где я? Повернулся. У друзей. Успокоился и снова уснул».

Из слов Президента России можно было сделать вывод о том, что Россия хотела бы спокойно поживать рядом со своим соседом, в котором она видит друга. Россия хотела, чтобы Китай был ей другом. Сама она искренне, по-дружески относится к Китаю. По существу, именно в этом состоял завет Б.Н.Ельцина в области наших двусторонних отношений с Китаем.

В 2000 г. путем всенародного прямого и тайного голосования Президентом Российской Федерации был избран Владимир Владимирович Путин.

Как только об этом стало известно, первым из иностранных лидеров его поздравил по телефону председатель КНР Цзян Цзэминь. Это можно рассматривать и как знаковое событие. Последним, с кем прощался на мировой арене перед уходом с поста первый Президент РФ Б.Н.Ельцин, был Цзян Цзэминь. Он же стал первым, кто приветствовал нового президента России после его избрания. Таким путем Россия и Китай подтвердили, что они ценят свои отношения, и продемонстрировали всему миру желание развивать и углублять связи между двумя государствами. В телефонном разговоре с В.В.Путиным Цзян Цзэминь выразил надежду на плодотворную совместную работу во имя расширения и углубления стратегического партнерства между Россией и Китаем с тем, чтобы сделать две страны «хорошими соседями, хорошими партнерами и хорошими друзьями».

Итак, прежде всего, в этой беседе было подтверждено намерение сохранять достигнутый уровень отношений и атмосферу в них, прилагать усилия для развития и углубления этих отношений. В разговоре В.В.Путина и Цзян Цзэминя была еще одна весьма существенная часть.

Главный вопрос, который особенно волновал в то время руководителей КНР, это вопрос о позиции мировых держав в том, что касается отношений между «двумя берегами Тайваньского пролива». Председатель КНР был заинтересован в том, чтобы не образовалось никакого зазора между позициями первого и второго президентов России по этому вопросу. Пожалуй, можно сказать, что в определенном смысле для Пекина это первостепенный вопрос в отношениях между РФ и КНР на нынешнем этапе их развития. Для руководителей КНР это вопрос вопросов — одновременно о единстве Китая, и об отношениях с США, и об отношениях с Россией.

Во времена президента Б.Н.Ельцина Россия официально согласилась поддержать предлагаемые Пекином так называемые «четыре не», т.е., во-первых, не признавать независимость Тайваня; во-вторых, не поддерживать концепцию «одного Китая, одного Тайваня» или «двух Китаев»; в-третьих, не поддерживать вступление Тайваня в международные организации, в которых членами могут состоять только суверенные государства, и, наконец, в-четвертых, не продавать вооружение Тайваню. Цзян Цзэминь хотел, чтобы В.В.Путин подтвердил позицию по этому вопросу.

Второй президент России это хорошо понимал и полностью подтвердил все четыре главных принципа, из которых складывается официальная позиция России по этому вопросу и которые на данном этапе устраивают Пекин. В беседе с Цзян Цзэминем 27 марта 2000 г. В.В.Путин заявил: «Россия уважает и поддерживает позицию Китая в тайваньском вопросе. Россия не поддерживает «независимость Тайваня», равно как и концепцию «двух Китаев» или «одного Китая, одного Тайваня». Москва также против вхождения Тайваня в международные организации, подразумевающие членство суверенных государств. Россия не будет поставлять Тайваню оружие».

Цзян Цзэминь выразил благодарность за такую позицию по тайваньскому вопросу и в свою очередь заявил о своей поддержке усилий РФ по защите ее национального единства и целостности. Таким образом, и при новом президенте РФ стороны сразу же подтвердили главный пункт, позиция по которому объединяет их в нынешней международной обстановке.

Необходимо сказать, что В.В.Путин последовательно выступает за развитие дружественных отношений с КНР на протяжении всего того времени, когда он вышел на руководящие позиции в нашей стране. В июне 1999 г. в качестве секретаря Совета безопасности РФ В.В.Путин встречался с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Чжан Ваньянем. При этом В.В.Путин заявил, что Россия и Китай являются крупнейшими странами-соседями. Их объединяют многие общие интересы.

В сентябре 1999 г. в Окленде В.В.Путин уже в качестве Председателя правительства РФ встречался с Цзян Цзэмином во время неформального форума стран-участниц АТЭС. При этой встрече, как сообщалось, Цзян Цзэминь говорил о многополярном мире. В январе 2000 г. исполняющий обязанности президента РФ В.В.Путин встречался с министром обороны КНР Чи Хаотянем и подчеркнул, что в нашей стране Чи Хаотяня знают «как друга» России. В конце февраля — начале марта 2000 г. в Москве побывал министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань. В.В.Путин принял его во время этого визита.

Одним словом, В.В.Путин в полной мере стал преемником Б.Н.Ельцина и в вопросе о политике нашей страны, в отношении Китая и Америки. Новый президент РФ открыт для дружественных отношений с КНР и готов к развитию хороших отношений с США. Россия заинтересована в мирной обстановке в мире, которая ей необходима для решения сложных, прежде всего экономических, задач внутри страны.

Второй президент России В.В.Путин — новая фигура на мировой арене. Поэтому представляется не лишним попытаться составить себе хотя бы некоторое и сугубо предварительное представление о нем и его взглядах.

Говоря о разграничении полномочий применительно к Чечне, В.В.Путин, в частности, отмечал: «Человечество выработало огромное количество всяких вариантов сожительства различных народов в рамках одного государства. Да, нужно искать какой-то компромисс, и мы будем искать. Но нам никто никогда никакого решения силой навязывать не будет (т.е. мы этого не допустим. — Ю.Г.)» [237].

Итак, Россия понимает необходимость компромиссов, но отвергает навязывание ей решений силой и в одностороннем порядке. В первую очередь стране, по мнению В.В.Путина, нужны моральные ценности [238], в них — важная основа достижения взаимопонимания между партнерами на мировой арене. В.В.Путин видит путь России как путь демократического развития [239]. И далее: «Конечно, Россия более чем разнообразная страна, но мы — часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность на самом деле. Где бы ни жили наши люди на Дальнем Востоке или на юге, мы — европейцы. <...> Мы будем оставаться там, где мы географически и духовно находимся. А если нас будут оттуда выталкивать, то мы будем вынуждены искать союзы, укрепляться. А как же? Обязательно» [240].

В.В.Путин, о котором известный публицист Максим Соколов сказал: «Наш царь — русский немец», протягивает руку внешнему миру, всем странам; при этом он декларирует принадлежность к Европе, ее культуре, заявляет, что мы, русские, россияне, — европейцы. В то же время он отмечает, что люди России живут и на Дальнем Востоке и на юге. Они будут оставаться на своей родине, но, если их будут выталкивать либо из какой-либо части света, либо с собственной земли, они будут вынуждены искать себе союзников.

Что касается взаимоотношений России с НАТО, то В.В.Путин говорил, что проблема наших отношений с этой организацией в том, что «мы себя не чувствуем там полноценными участниками процесса. Если будем принимать полноценное участие в выработке решений, то я здесь не вижу ничего страшного. Если же решения принимаются без России, то такие отношения нам не нужны» [241]. Из этого, в частности, следует, что Россия против любой ситуации, в которой она не выступает в качестве равноправного партнера; в этом смысле она и против однополюсного мира.

Отвечая на вопрос о том, что сегодня способна сделать Россия, на что у нее может хватить сил, В.В.Путин говорил: «Россия и в сегодняшнем своем качестве может многое сделать. Нужно было заранее, до начала бомбардировок в Югославии, проанализировать ситуацию, разобраться, какими ресурсами мы располагаем, чтобы влиять на решение наших партнеров. Можно было активнее работать с теми странами, которые не хотели подобного развития событий» [242].

Для В.В.Путина характерна нацеленность на активные действия; в частности, на наступательную дипломатию и внешнюю политику, наступательную в целях обеспечения мирных условий для строительства в нашей стране и для защиты наших экономических

интересов. В.В.Путин также считает, что «мир изменился, изменилась и Европа, никакого секрета тут нет. Устав ООН писался с учетом иного расклада сил в мире — мы тогда были главными победителями во Второй мировой войне. Сейчас мы стали, увы, слабее, а Устав ООН продолжает действовать. Это не всех устраивает. Его как-то пытаются менять или подменять, например, решениями НАТО. Мы не должны с этим соглашаться. Кстати, многие забыли, что когда в конце сороковых годов создавался НАТО, Советский Союз высказывал намерение войти в этот блок. Но нас туда не пустили. В ответ, вместе со странами Восточной Европы мы образовали Варшавский договор, сейчас уже не существующий — как ответ на формирование альянса» [243].

В.В.Путин затрагивал и вопрос о возможности возвращения к идее вступления в НАТО (в одном из своих интервью он, отвечая на этот же вопрос, озадачил собеседника: «А почему бы и нет?»): «Вернуться-то можно, но вряд ли сейчас. Вопрос в том, о каком НАТО идет речь. Если о том, который в нарушение решений ООН действовал в Косово, то нам это даже теоретически обсуждать неинтересно. Если речь идет о серьезной трансформации этого блока, преимущественно в политическую организацию, готовую к конструктивному взаимодействию с Россией, тогда есть предмет для обсуждения.

Словом, я не вижу причины, которая бы препятствовала сотрудничеству России и НАТО, но, повторяю, только при условии, что к нам будут относиться как к равному партнеру. Хотя в любом случае, даже в режиме предположений, надо говорить об отдаленной перспективе. Ведь есть масса проблем политических, экономических, военных. Например, любой блок, и НАТО не исключение, принимает стандарты вооружений, и это, понятное дело, существенно затрагивает интересы оборонной промышленности» [244].

Отвечая на вопрос о том, что по этому поводу думают сами натовцы, В.В.Путин сказал: «Я думаю, будут бояться разрушения НАТО изнутри. Я их тоже прекрасно понимаю. Мы слишком мощная доминанта. Сейчас есть одна — США, а появится вторая, хотя и не такая мощная, как первая. Но баланс может быть нарушен, и отцы-основатели НАТО опасаются, что организация сильно изменится. С нашей точки зрения, в лучшую сторону, а с их, возможно, в худшую» [245]. Он также добавил, что «при всей североатлантической направленности сегодняшней европейской политики не надо забывать, что НАТО и Европа — все-таки не одно и то же. И я уже сказал, что мы страна европейской культуры, а не натовской» [246].

В открытом письме российским избирателям, опубликованном в газете «Известия» 25 февраля 2000 г., В.В.Путин писал: «Наш приоритет — строить внешнюю политику, исходя из национальных интересов собственной страны. По сути надо принимать верховенство внутренних целей над внешними. <...> Пора понять: от успешного решения собственных внутренних задач напрямую зависит и наше место в мире, и наша зажиточность, и наши новые права. <...> Только реальные, в том числе экономические, интересы страны должны быть законом для российских дипломатов. <...> То, что в других странах называют зонами жизненно важных интересов, мы для себя тоже видим, но видим — как источник дальнейшего мирового развития — экономического, международного, политического».

В.В.Путин исходит из первоочередности решения наших внутренних задач; в то же время подчеркивает, что Россия надеется на развитие добрых отношений со всеми государствами и, вполне очевидно, прежде всего, с Китаем и Америкой.

Итак, новый Президент РФ В.В.Путин находился в первой половине 2000 г. на пороге, с которого ему предстояло сойти на полное надежд и неожиданностей, сюрпризов поле российско-китайских отношений.

Российско-китайский договор 2001 года

В двадцать первый век Россия и Китай вступили с новым договором. Вот его полный текст.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Договаривающимися Сторонами,

опираясь на исторические традиции добрососедства и дружбы между народами России и Китая,

считая, что совместные российско-китайские декларации и заявления, подписанные и принятые главами двух государств в период с 1992 года по 2000 год, имеют важное значение для развития двусторонних отношений,

убежденные в том, что укрепление дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между ними во всех областях отвечает коренным интересам их народов и способствует сохранению мира, безопасности и стабильности в Азии и во всем мире,

подтверждая свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и другим международным договорам, участниками которых они являются,

желая способствовать утверждению нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права, стремясь поднять отношения между ними на качественно новый уровень,

преисполненные решимости передавать дружбу между своими народами из поколения в поколение,

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют друг против друга экономические и иные способы давления и разрешают разногласия между собой исключительно мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другими общепризнанными принципами и нормами международного права.

Договаривающиеся Стороны подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны, взаимно уважая выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанный каждой из них в

соответствии со своими внутренними условиями, обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами.

Статья 4

Российская Сторона поддерживает политику Китайской Стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Китайской Народной Республики.

Китайская Сторона поддерживает политику Российской Стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Статья 5

Российская Сторона подтверждает неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу, изложенной в политических документах, подписанных и принятых главами обоих государств в период с 1992 года по 2000 год. Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме.

Статья 6

Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Договаривающиеся Стороны в соответствии с Соглашением между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 года продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов они соблюдают статус-кво на еще не согласованных участках границы между ними.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны осуществляют меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений. Договаривающиеся Стороны расширяют и углубляют меры доверия в военной области с целью укрепления безопасности каждой из них, упрочения региональной и международной стабильности.

Договаривающиеся Стороны предпринимают усилия по обеспечению собственной безопасности, основываясь на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил.

Военное и военно-техническое сотрудничество между Договаривающимися Сторонами, осуществляемое на основе соответствующих соглашений, не направлено против третьих государств.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны не участвуют в каких-либо союзах или блоках, не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны. Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает использования своей территории третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны.

Статья 9

В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы.

Статья 10

Договаривающиеся Стороны укрепляют равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, используя и совершенствуя механизм регулярных встреч на различных уровнях, прежде всего на высшем и высоком уровнях, проводя регулярный обмен мнениями и согласовывая позиции по вопросам двусторонних отношений, важным и актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Статья 11

Договаривающиеся Стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, намерены прилагать активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества.

Договаривающиеся Стороны выступают против действий, которые могли бы создать угрозу международной стабильности, безопасности и миру, взаимодействуют в предотвращении международных конфликтов и их политическом урегулировании.

Статья 12

Договаривающиеся Стороны прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности.

Договаривающиеся Стороны активно содействуют процессу ядерного и химического разоружения, способствуют укреплению режима запрещения биологического оружия, осуществляют меры по предотвращению распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с ними технологий.

Статья 13

Договаривающиеся Стороны укрепляют сотрудничество в Организации Объединенных Наций, ее Совете Безопасности и специализированных учреждениях ООН. Договаривающиеся Стороны предпринимают усилия по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной и наиболее универсальной международной организации, образованной суверенными государствами, в решении международных дел, особенно в области мира и развития, по обеспечению главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания международного мира и безопасности.

Статья 14

Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества.

Статья 15

Договаривающиеся Стороны регулируют отношения в области долговых прав и долговых обязательств на основе соответствующих двусторонних межправительственных соглашений и других документов, признают законные права и интересы друг друга в отношении активов и иного имущества одной Договаривающейся Стороны, находящихся на территории другой Договаривающейся Стороны.

Статья 16

Договаривающиеся Стороны на основе взаимной выгоды развивают сотрудничество в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в финансовой, космической, авиационной областях, в сфере информационных технологий и других сферах, представляющих взаимный интерес, содействуют развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами и в соответствии с национальным законодательством каждой из них создают для этого необходимые благоприятные условия.

Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права.

Договаривающиеся Стороны обеспечивают защиту интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав, в соответствии со своим национальным законодательством и международными договорами, участниками которых они являются.

Статья 17

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах, а также в соответствии с положениями уставных документов таких учреждений, организаций и форумов способствуют вступлению одной Договаривающейся Стороны в те из них, членом (участницей) которых является другая Договаривающаяся Сторона.

Статья 18

Договаривающиеся Стороны сотрудничают в деле содействия осуществлению прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством каждой из них.

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своими международными обязательствами, а также законами и правилами, действующими в каждой из них, предпринимают эффективные меры, гарантирующие законные права и интересы юридических и физических лиц одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны, а также оказывают друг другу необходимую правовую помощь по гражданским и уголовным делам.

Соответствующие органы Договаривающихся Сторон на основе соответствующих законов рассматривают и решают проблемы и споры, возникающие в ходе сотрудничества и хозяйственной деятельности юридических и физических лиц одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны.

Статья 19

Договаривающиеся Стороны осуществляют сотрудничество в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, предотвращения трансграничных загрязнений, справедливого рационального использования пограничных водотоков, живых ресурсов в северной части Тихого океана и бассейнах пограничных рек, предпринимают совместные усилия для защиты редких видов флоры, фауны и природных экосистем в приграничных районах, а также осуществляют сотрудничество в области предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в обоих государствах и ликвидации их последствий.

Статья 20

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью. Договаривающиеся Стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории.

Статья 21

Договаривающиеся Стороны придают важное значение развитию контактов и сотрудничества между федеральными (центральными) органами законодательной и исполнительной властей обоих государств.

Договаривающиеся Стороны всемерно содействуют развитию контактов и сотрудничества между органами судебной власти обоих государств.

Статья 22

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Договаривающихся Сторон по другим международным договорам, участниками которых они являются, и не направлен против какого-либо третьего государства.

Статья 23

В целях выполнения настоящего Договора Договаривающиеся Стороны активно содействуют заключению договоров в конкретных областях, представляющих взаимный интерес.

Статья 24

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступает в силу с даты обмена ратификационными грамотами, который будет произведен в Пекине.

Статья 25

Настоящий Договор действует в течение двадцати лет. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон не менее чем за один год до истечения соответствующего периода действия Договора не уведомит в письменной форме другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве 16 июля 2001 года в двух экземплярах, каждый на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую
Федерацию

За Китайскую Народную
Республику

Президент
Российской Федерации

Председатель Китайской
Народной Республики

В.В.Путин

Цзян Цзэминь

Текст этого документа был опубликован в «Российской газете» 17 июля 2001 г.

Каково же содержание, особенности и дух этого договора?

По предложению китайской стороны он назван договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Следовательно, в основу всех наших отношений предлагается положить добрососедство. На этой базе могут развиваться и дружба и сотрудничество. Под добрососедством понимаются добрые отношения соседей — наших государств. Добрососедство предполагает разрешение всех доставшихся по наследству от истории и современных проблем в межгосударственных отношениях.

В тексте договора содержится и формула, которой китайская сторона хотела бы определять цели наших отношений. А именно: передавать дружбу между народами из поколения в поколение, опираясь на исторические традиции добрососедства и дружбы между народами России и Китая; целью являются и сами отношения вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение.

Итак, выдвигаются цели развития отношений. Они, вполне естественно, не вызывают возражений. Правда, возникает вопрос в связи с возможным толкованием такого понятия, как «дружба между народами».

Думается, что в отношениях на мировой арене, следуя понятиям и нормам общепринятого международного права, а точнее, права, регулирующего отношения между нациями и государствами, необходимо очень осторожно относиться к терминам нации, народы, страны, государства.

В документах, относящихся к категории двусторонних договоров, все-таки лучше было бы ограничиваться таким понятием, как «государство», и не применять такое понятие, как «народ».

В тексте договора указывается на то, что не решены вопросы о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. Границу между нами еще только предстоит превратить в границу вечного мира и дружбы, опять-таки передаваемой из поколения в поколение.

Согласованием прохождения линии границы проблема пограничного размежевания, к сожалению, не исчерпывается. Границу можно считать границей вечного мира и дружбы, а вопрос о пограничном размежевании закрытым лишь тогда, когда стороны не только определяют всю линию прохождения границы, но и выработают и подпишут договор о границе и договор о режиме границы.

В договоре не упоминается о правовой основе нашей границы. Очевидно, по той причине, что у сторон разные мнения об этой основе. С нашей точки зрения, такая основа существует, и ее составляют русско-китайские договоры о границе. Китайская сторона по-прежнему считает, что договорно-правовую основу нашей границы составляют русско-китайские договоры, которые, по мнению китайской стороны, являются «неравноправными». Следовательно, еще только предстоит провести серьезные и трудные переговоры о замене ныне существующих договоров новым приемлемым для обеих сторон договором о границе.

Вопрос о границе и о территориях в наших отношениях не решен. Его можно считать решенным только тогда, когда с решением согласны обе стороны. В данном случае такого согласия нет. У каждой из сторон есть свое мнение по этому вопросу. Мы пока находимся на первой стадии его решения, т.е. договариваемся о линии прохождения границы. До конца решить все вопросы тут пока не удастся. Вот и в договоре 2001 г. стороны договорились продолжать переговоры по этому вопросу.

Когда эти вопросы будут согласованы, нам предстоит вторая стадия работы. А именно: нужно будет выработать и подписать новый договор о границе и договор о режиме границы вместо ныне существующих договоров о границе, которые китайская сторона полагает «неравноправными». Таким образом, сторонам предстоит найти решение еще остающихся вопросов пограничного размежевания. При этом китайская сторона предполагает, что это будут решения справедливые и рациональные, с ее точки зрения.

Далее из текста договора следует, что между сторонами еще нет доверия в военной области. Во всяком случае, с китайской стороны отсутствует доверие к нам. Поэтому нам предлагается продолжать осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений. Этими соглашениями предусматривается фактически одностороннее сокращение наших вооруженных сил в районе границы, а также право китайской стороны направлять своих военных инспекторов в стокилометровую зону вдоль линии границы на нашей территории. Китайские военные инспекторы имеют право проверять ликвидацию нами военных городков и сооружений, а также инспектировать склады, где размещены наши вооружения, в том числе ракетно-ядерный арсенал.

Одним словом, китайская сторона полагает, что она не может сегодня доверять нам, и сохраняет право контроля над сокращением и состоянием наших вооруженных сил вдоль границы.

В договоре отмечается, что у сторон, его подписавших, отсутствуют взаимные территориальные претензии. Для того чтобы лучше понять смысл этой формулировки, необходимо принимать во внимание, что китайская сторона никогда не считала, что у нее были или есть территориальные претензии к нам. Она всегда утверждала и утверждает, что в свое время у нее были отторгнуты территории, что она утратила свои территории, что речь идет о территориальном долге других стран, прежде всего нашей страны, Китаю. Причем, с точки зрения китайской стороны, такого рода утверждения – это не территориальные

претензии со стороны Китая, а лишь справедливое требование восстановления законных прав Китая, справедливое и рациональное решение оставшихся от истории вопросов. С точки зрения китайской стороны, если и говорить о территориальных претензиях, то это можно относить исключительно к «отторжению» миллионов квадратных километров земель, которые «временно утрачены» Китаем и находятся «несправедливо» в составе нашей страны.

В этой же связи содержащиеся в тексте договора упоминания о «территориальной целостности», в частности, Китая приобретают неоднозначный смысл.

Договором нам запрещается допускать на нашей территории деятельность любых организаций и групп, которые будут сочтены китайской стороной наносящими ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности Китая. Таким образом, никаким китайским инакомыслящим нельзя действовать на нашей территории. Мало того, любые наши организации, которые могут, например, выступать в защиту прав человеческой личности применительно к китайцам, или поддерживать, например, тибетцев и далай-ламу, тоже могут столкнуться с ситуацией, когда наши органы власти, действуя от имени китайской стороны, будут препятствовать их деятельности. Известно, что в КНР любые выступления, которые руководство КПК-КНР рассматривает как наносящие ему вред, относят к числу преступлений против государства на китайском материке.

В договоре содержится тезис, в соответствии с которым нас обязывают уважать «выбор пути политического, экономического и культурного развития», то есть ныне существующий строй в КНР. Это попытка обязать нас не сочувствовать никаким иным силам в КНР, кроме ныне правящей там КПК. Но ведь вопрос об отношении к тем или иным политическим силам внутри другой страны никак не входит в число вопросов двусторонних межгосударственных отношений.

Вообще говоря, представляется, что вопрос о «выборе пути» – это вопрос исключительно внутренний для каждой страны. Думается, что с точки зрения международного права такого рода вопросы не относятся к числу международных, и, по сути дела, такие формулировки не должны включаться в договоры между государствами. Очевидно, что эта формулировка была включена в текст договора по настоянию нашего партнера.

Вопрос об отношениях между Пекином и Тайбэем – никак не входит в число вопросов, которые относятся к двусторонним отношениям нашей страны и КНР. Если же говорить о ситуации на мировой арене, то и здесь только под давлением Пекина мы вынуждены заявлять о солидарности с одной из сторон в этом споре. Иначе говоря, и в этом вопросе в договор 2001 г. включена формулировка нашего партнера.

В договоре также содержится наше обязательство участвовать в устранении того, что может быть сочтено в Пекине в качестве угрозы его безопасности. Возможно, что об угрозах безопасности лучше было бы говорить применительно к ситуации в мире в целом или в отдельных его регионах, а не выделять тут специально угрозы в адрес сторон, подписавших договор. Кажется, что и с нашей стороны, и особенно с китайской стороны всячески подчеркивался тезис о том, что время союзных отношений между нами безвозвратно ушло.

В тексте договора речь идет и об имуществе китайцев на нашей территории, о пограничном и торгово-экономическом сотрудничестве. При этом говорится о правах и интересах юридических и физических лиц, то есть граждан КНР на нашей территории. Мы обязываемся уважать и фактически защищать их права и интересы. Хорошо, что при этом предусмотрена взаимность такого рода обязательств. Хотелось бы, чтобы этот принцип соблюдался. Пока же применительно к 1990-м гг. у нас только горькие воспоминания, связанные с тем, что наши компетентные организации не выступали перед китайской стороной в качестве защитников интересов наших граждан в КНР. Наш партнер действует здесь весьма активно.

Речь идет и о хозяйственной деятельности на нашей территории. Известно, что в свое время в КНР выдвигался тезис о том, что пока невозможно вернуть утраченные территории,

необходимо добиваться согласия нашей стороны на их совместное освоение, эксплуатацию и развитие; возможно, на хозяйственное совместное управление на этих территориях в качестве первого шага в указанном направлении. Думается, что это необходимо учитывать при решении всех соответствующих вопросов.

В договоре речь идет также о живых ресурсах северной части Тихого океана, об их рациональном использовании. Возникает вопрос: при чем тут КНР? Ведь это наши ресурсы. Во всяком случае, хорошо было бы получить подробные и исчерпывающие пояснения наших компетентных организаций и по этому вопросу, и вообще относительно всех положений рассматриваемого договора.

Затрагивается вопрос о нелегальной миграции населения. Но для нас главное здесь – это недопущение фактического нелегального оседания граждан КНР на нашей территории после того, как они вполне легально приехали к нам.

Имеется в договоре и беззубое упоминание о наркотиках. Известно, что они путешествуют по маршруту: КНР – РФ.

Все вышеперечисленное формально представлено в тексте договора как взаимные обязательства сторон. Однако на самом деле все это касается в первую очередь и по преимуществу прав китайской стороны. Практически все эти положения договора позволяют китайской стороне оказывать на нас давление. Практически договор нам почти ничего не дает.

Можно, конечно, сказать, что китайская сторона как бы снизошла и обещала 20 лет не трогать границу, не поднимать вопрос о территориях. Можно сказать, что мы, находясь в нашем бедственном нынешнем положении, были вынуждены ухватиться хотя бы за такую гарантию. Так может представлять дело наш чиновник, защищая честь мундира или заботясь о своем материальном положении. На самом же деле современная Россия вполне может, никуда не торопясь, спокойно наращивать потенциал и не уступать в вопросах внешней политики любому нажиму из-за рубежа. У нас есть для этого и достоинство и силы.

Что же касается российско-китайского договора, подписанного 16 июля 2001 г., то вполне очевидно, что в целом позиция Пекина сегодня, нашедшая проявление при выдвижении предложения о договоре, при его разработке и подписании, представляется активно-наступательной, а наша позиция – пассивно-оборонительной.

Да, мы защитили те позиции, которые смогли защитить. Да, в договоре есть положения, которые нас устраивают. Но в то же время этот договор не решает главные вопросы, которые нас сегодня беспокоят. Это вопрос о новом договоре о границе и вопрос о стокилометровой зоне вдоль границы, в которой наш партнер имеет право осуществлять военные инспекции, требуя от нас сокращать наши вооруженные силы и таким образом «доказывать», что китайская сторона сможет в будущем доверять нам.

Визит Цзян Цзэминя в нашу страну внешне мог показаться тихим и неприметным, но в итоге этого визита мы оказались связаны договором, который принес нам меньше пользы, чем нам того бы хотелось.

Примечательным представляется даже то, что председатель Цзян заставил нас принять не только само предложение о подписании такого договора, но и ограничил срок наших раздумий. В прошлом году было сразу объявлено, что такой договор будет подписан по инициативе китайской стороны через год. На самом деле если исходить из наших долгосрочных интересов, то можно было сказать китайским партнерам, что мы обдумаем их предложение, составим свое мнение об общей направленности договора и пока не будем ограничивать себя сроками его разработки и подписания. При этом с нашей стороны можно было сразу же сказать, что договор будет позитивно воспринят в нашей стране только в случае, если стороны в нем обяжутся заключить в ограниченные сроки новый договор о границе. Таким образом, появится реальная надежда на устранение главного препятствия на пути создания действительно надежной и прочной основы наших двусторонних отношений,

отношений добрых соседей. Можно было также предложить пока, до того времени, пока стороны не согласуют эти вопросы, не сообщать в средствах массовой информации о том, что китайская сторона предложила заключить договор, а наша сторона тут же согласилась с мнением партнеров.

Фактически нынешний договор – это перечисление условий, при которых китайская сторона временно соглашается сохранять ста- тус-кво.

Если обратиться к истории, то там можно найти факты и материалы, которые позволяют лучше понять сложившуюся ситуацию.

На протяжении последних ста лет с небольшим это уже шестой договор или соглашение общего характера между нами. Такого рода документы подписывались в 1896 г., в 1924 г., в 1937 г., в 1945 г., в 1950 г. и, наконец, в 2001 г.

Можно сказать, что сам характер отношений между Россией и Китаем требовал время от времени разрабатывать и подписывать такого рода документы. В принципе, это отвечало национальным интересам обеих стран.

Предыдущие пять документов имели одну общую особенность. Все они подписывались в условиях, когда Китай нуждался в нашей стране, в ее военной или иной помощи. Даже соглашение 1924 г., когда наше государство было заинтересовано в дипломатических отношениях, разрабатывалось в условиях, когда, по крайней мере, часть политических сил в Китае была крайне заинтересована в поддержке с нашей стороны. Не случайно почти все эти договоры подразумевали или прямо говорили о военном союзе между нашими государствами.

Сегодня ситуация изменилась. Правильно оценить ее не просто. На первый взгляд может показаться, что теперь мы в большей степени нуждаемся в Китае, чем он в нас. Иначе говоря, можно сделать вывод, что сегодня нам нужна помощь и поддержка Китая. Те, кто так думают, исходят из признания того, что Китай – это стремительно растущая сила, а наша страна разваливается и идет к упадку и, может быть, к краху. Здесь играет свою роль заикленность на собственных проблемах, которая переносится на проблемы нашей страны. Китай при этом видится просто как альтернатива тому «ужасному», что случилось с нашей страной. Серьезно ситуация в Китае при этом не изучается; во всяком случае, проблемы Китая стараются не видеть и не замечать, а если и замечать, то толковать их так, чтобы они виделись весьма незначительными и уже находящимися в процессе решения нынешними властями

На самом деле ситуация гораздо сложнее.

Наша страна, как нам представляется, испытывает и переживает временные затруднения. Во всяком случае, это относится к нашему положению на мировой арене. Мы не утратили ни ядра нашего военного потенциала, ни возможности экономического развития. Пройдет время, и наша страна станет экономически сильной. Сегодня нет никаких оснований принижать себя и искать защиты у кого бы то ни было. Мы можем проводить политику, полную достоинства, и не заискивать ни перед кем. Конечно, при этом мы хотим сохранять и развивать хорошие отношения со всеми партнерами на мировой арене.

Китай сегодня стал сильнее, чем он был, когда бы то ни было на протяжении последних полутора-двух веков. Ныне Китай не нуждается в военном союзе с другими странами. В то же время у него по горло своих внутренних проблем, и ему не в меньшей степени, чем другим странам, нужны хорошие отношения, в том числе, если не в первую очередь, с нашей страной.

Одним словом, существует объективная общая заинтересованность наших двух стран друг в друге. Но речь идет исключительно о заинтересованности, прежде всего, в мире, заинтересованности двух совершенно самостоятельных и равноправных партнеров. На этой основе и можно строить наши отношения.

У Китая не простые отношения с США; у него не складываются отношения с Японией. Продолжает существовать проблема между китайцами на материке и на острове

Тайвань. КНР нуждается во многом: в мирной обстановке и одновременно в вооружениях, а также в экономическом содействии из-за рубежа.

Итак, мы с Китаем не нуждаемся сегодня ни в военном союзе между нами, ни в том, чтобы одна страна шла вслед за другой или существовала в опоре на другую. Россия и Китай – это совершенно самостоятельные субъекты международных отношений. Заинтересованность в хороших отношениях друг с другом имеется в равной степени и у нас и у Китая. Тут мы абсолютно равноправны. В этом новизна ситуации.

Какова же при этом стратегия руководителей КНР и их тактика по отношению к нам, к нашей стране?

В данном случае Пекин продолжает стратегию Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и применяет тактику, рассчитанную на особенности характера, мировоззрения и политического поведения руководителей нашей страны.

Мао Цзэдун в 1964 г. заявил, что Пекин еще не предъявил счет по реестру земель, якобы «отторгнутых» нами у Китая. При этом была названа цифра: более полутора миллионов квадратных километров. Очевидно, что это и была стратегическая цель Мао Цзэдуна и его последователей. Дэн Сяопин в 1989 г. в беседе с М.С.Горбачевым заявил, что из числа сильных держав, которые нанесли обиды Китаю, наибольшие выгоды извлекли для себя, отторгнув часть территории Китая, Япония и Россия

По словам Дэн Сяопина, в известные периоды и по определенным вопросам в эту категорию включается и Советский Союз. «Если сводить исторические счета, то окажется, что Япония задолжала Китаю больше других. Однако в силу того, что Япония потерпела поражение в войне, Китай возвратил себе все те территории, которые она оккупировала. Она не владеет ни одним вершком земли Китая. В подвешенном состоянии остается остров Дяоюйдао; но это очень небольшая территория, к тому же безлюдная. Когда я посетил Японию, корреспонденты поставили передо мной этот вопрос. Я сказал: этот вопрос можно оставить в подвешенном состоянии, и если мы, то есть люди нынешнего поколения, не сможем решить его, то следующие поколения окажутся мудрее нас и в конечном счете сумеют найти способы решения этого вопроса. Что касается данного вопроса и тому подобных распрей, то мы впоследствии выдвинули следующее соображение: а нельзя ли решать их путем совместного освоения, эксплуатации и развития.

Еще одной страной, которая извлекла из Китая наибольшие выгоды для себя, является царская Россия; а потом это продолжалось и при Советском Союзе. Царская Россия с помощью неравноправных договоров захватила территорию Китая, превышающую полтора миллиона квадратных километров.

После октябрьской революции (1917 года) также случались акты агрессии и ущемления интересов Китая. <...> Главным же образом в данном случае имеется в виду то, что в тот момент, когда близилась к завершению Вторая мировая война, три государства – США, Англия, СССР – в Ялте подписали секретное соглашение, разграничив сферы влияния, в результате чего в максимальной степени были ущемлены интересы Китая. Это случилось во времена Сталина. В то время гоминьдановское правительство Китая, подписав договор с СССР, признало ялтинские решения.

После создания КНР Китай подписал с СССР новый договор. Китай установил дипломатические отношения с МНР; было достигнуто соглашение, была установлена и определена граница. Вслед за тем Китай и СССР провели переговоры по границе; мы всегда требовали, чтобы Советский Союз признал, что договоры, подписанные царской Россией с цинской династией, представляют собой неравноправные договоры, признал тот исторический факт, что по неравноправным договорам царская Россия отторгла территорию у Китая. Несмотря на это и исходя из того, что отторжение царской Россией у цинской династии более полутора миллионов квадратных километров территории определено договорами, и одновременно принимая во внимание и историю и современную ситуацию, мы по-прежнему хотели бы на основе этих же договоров разумно решить вопрос о границе».

(Дэн Сяопин вэнь сюань. [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Т. 3. Пекин, 1993. Стр. 292—295.)

Думается, что эти позиции Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина продолжают лежать в основе и современного подхода Цзян Цзэминя к вопросам о границе и о территориях, когда дело касается нашей страны. Этим объясняется и наличие в тексте договора положений о еще не решенных вопросах, касающихся границы. Из этого также следует, что окончательным решением вопроса Пекин будет считать только подписание на приемлемых для него условиях нового договора о границе, а не нынешних фактически временных соглашений о прохождении линии границы на ее восточной и западной частях. Нам также необходим новый договор о границе, естественно никак не ущемляющий ни нашей самостоятельности и независимости, ни нашего территориального суверенитета. Это – общая цель обеих сторон при рассмотрении и решении вопросов о границе в отношениях наших стран.

Далее Дэн Сяопин в той же беседе с М.С.Горбачевым 16 мая 1989 года поставил вопрос, откуда исходит угроза Китаю. «Откуда же Китаю грозит опасность? С какой стороны? <...> В 1960-х гг. по всей китайско-советской, китайско-монгольской границе Советский Союз усилил военное строительство; при этом не только возросло количество управляемых снарядов СССР, но и наращивалась армия; сюда следует отнести и то, что войска были направлены в Монголию; их общая численность достигла миллиона человек. Откуда же, спрашивается, грозила опасность Китаю? Совершенно естественно, что Китай сделал свой вывод. <...> Нужно сказать, что с середины 1960-х гг. наши отношения ухудшились; в основном они были разорваны. И тут вовсе не имеются в виду все эти проблемы, имеющие отношение к борьбе в сфере идеологии; что касается этой области, то в настоящее время мы тоже полагаем, что тогда не во всем были правы.

Поистине же существенным является такой вопрос, как неравноправие, неравенство; люди Китая здесь ощущают себя обиженными. <...>

Я так долго говорил, и все на тему о том, как нам «завершить прошлое». Цель моя при этом состояла в том, чтобы товарищи из СССР поняли, как мы понимаем это «прошлое», поняли, что у нас на уме. Итак, я сказал о счетах исторического характера; все эти вопросы унесены ветром; это тоже результат данной встречи. Обе стороны выскажутся, и почитай все будет кончено, прошлое будет завершено». (Там же.)

Тезис об угрозе Китаю с нашей стороны и сегодня не исчез. Именно этим объясняется тот факт, что китайская сторона навязала нам соглашение о стокилометровой зоне вдоль границы, в которой мы фактически в одностороннем порядке должны сокращать наши вооружения и войска и которая периодически подвергается проверке военными инспекторами китайской армии.

Важно также отметить, что ни М.С.Горбачев, ни другие руководители нашей страны так и не изложили свою оценку истории наших отношений. Они не защитили в беседах с китайскими лидерами позицию и правоту нашей страны. В том числе и из-за этого китайская сторона продолжает подвешивать вопросы исторического характера.

Более того, важны даже не оттенки высказываний руководителей КНР в тот или иной момент. Важно то обстоятельство, что в КНР на протяжении всех пятидесяти лет ее существования вплоть до настоящего времени все новые поколения китайских детей обучаются в школах в полном соответствии с тезисами, которые были, в частности, изложены Дэн Сяопином. А это означает, что люди в КНР воспитываются в убеждении, что мы остаемся историческими территориальными должниками Китая и что пока граница между нами определяется «неравноправными» договорами; следовательно, пока речь идет о признании нами такого характера договоров о границе, а также о подписании нового договора о границе на основе «справедливости и рациональности», как они представляются китайской стороне, а потому и значительная часть нашей нынешней территории — это, по сути дела, «китайские земли».

В КНР полагают, что такое положение должно быть «исправлено». Считают также, что это не имеет никакого отношения к «территориальным претензиям», так как с китайской стороны нет и не было «территориальных претензий», китайцы «были обижены», к ним Россия и СССР относились «неравноправно», что нашло свое выражение и в «захвате и отторжении китайских земель», и в «создании военной угрозы для Китая».

Кстати, попутно можно отметить, что Дэн Сяопин попытался свести суть отношений между СССР и КНР к «военной угрозе» со стороны СССР и к попытке СССР «неравноправно относиться к китайцам» как нации. Конечно же, все утверждения руководителей КПК-КНР, с нашей точки зрения, являются совершенно необоснованными. Учитывая все это, необходимо подчеркнуть, что подоснова наших нынешних отношений с КНР продолжает оставаться чрезвычайно сложной. Нам удастся добиваться только сохранения ныне существующего положения и некоторого прогресса по большей части в создании благоприятной атмосферы в наших отношениях. Предстоит еще долгий путь, пока сторонам удастся, как хотелось бы надеяться, создать здоровую и прочную основу двусторонних отношений. Пока же, в том числе и в договоре 2001 г., вопросы подвешиваются, и их решение только откладывается. Этот документ может восприниматься как своего рода предупреждение в наш адрес.

Можно также подчеркнуть, что китайская сторона постаралась сделать текст договора таким, чтобы он не только не вносил осложнения в отношения Пекина и Вашингтона, но чтобы он содействовал развитию отношений между КНР и США. Дело в том, что американцы должны быть удовлетворены текстом договора, полагая, что Пекин продемонстрировал, что разногласия между Китаем и Россией сохраняются и Китай намерен занимать решительную и наступательную позицию, добиваясь решения спорных вопросов между Россией и Китаем в свою пользу.

В историю этот документ, вероятно, войдет или как «русско-китайский договор 2001 года», или как «договор Путина — Цзян Цзэминя». Однако инициатором его выработки и подписания выступил председатель Цзян. С его стороны и был внесен проект, который лег в основу при обсуждении и отработке текста договора. Пекин оказался при этом в положении активиста, а мы — того, кто «с удовлетворением воспринимает предложение партнера».

Мы уже упоминали о том, что за последние примерно сто лет это шестое по счету соглашение между нами общего характера. В 1896 г. Россия и Китай подписали секретный договор о совместном противодействии потенциальной агрессии Японии. В 1924 г. заключили соглашение об общих принципах урегулирования отношений. В 1937 г. появился договор о ненападении, подразумевавший сопротивление японской агрессии. В 1945 г. СССР и Китайская Республика подписали договор о дружбе и союзе. В 1950 г. появился договор о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Во всех случаях инициатором выступала наша сторона. Первые лица в наших государствах пристально следили за выработкой и подписанием договора. Однажды переговоры велись в Пекине, а в остальных случаях в Москве или Санкт-Петербурге. Очевидно, что национальные интересы обеих сторон требовали объединения усилий, союза для отражения угрозы вероятной военной агрессии против одного или против обоих партнеров.

Что же произошло сейчас, в начале двадцать первого столетия?

Стороны уже не нуждаются в военном союзе. С внешними угрозами они ныне в состоянии справиться каждая отдельно и самостоятельно. Более того, каждая ведет дело к улучшению отношений с США, а также с другими державами на Западе и на Востоке. Вряд ли можно исключать того, что может появиться некий международный механизм согласования мнений и действий между тремя державами: Россией, Китаем, Америкой.

Что же в этом случае означает жест председателя Цзяна? Почему Пекин в 1979 г. прекратил по своей инициативе действие договора 1950 г., затем отверг предложения

подписать новый договор, когда их вносили М.С.Горбачев, а затем и Б.Н.Ельцин, а теперь сам предложил подписать новый договор?

Очевидно, что позиция России в данном случае ясна: мы за сохранение и укрепление всего позитивного в наших двусторонних отношениях при том, конечно, условии, что наши национальные интересы будут при этом только все более прочно защищены. Представляется важным попытаться понять, из чего исходил председатель Цзян? Что подвигло его на этот жест?

Можно предложить следующее толкование ситуации.

В свое время, после смерти Мао Цзэдуна, и ситуация внутри Китая и на мировой арене заставила руководителей в Пекине прийти к вполне определенному выводу. Было решено, что в создавшихся условиях, когда необходимо налаживать отношения с США и их партнерами и союзниками, выгоднее иметь в нашей стране не противника и не государство, с которым должно находиться в конфронтации, тем более в военной конфронтации. А ведь за это и выступал в свое время Мао Цзэдун. Кстати, после смерти Мао Цзэдуна и возвращения к руководству Дэн Сяопин не только пошел на отмену действия договора с нашей страной, но даже открыто призывал создать всемирный фронт борьбы против нас в составе КНР, США, Японии, государств Западной Европы. Времена и обстановка изменились. В Пекине пришли к выводу о том, что с нашей страной выгодно наладить нормальные межгосударственные отношения. Благодаря этому можно было добиваться большего в своих интересах в условиях мирного сосуществования, а не военного или военно-политического противостояния. Причем и в двусторонних отношениях с нами, и на мировой арене, то есть в своих отношениях с США и другими странами Запада.

Мы же всегда были настроены в пользу нормальных и дружественных отношений с Пекином, поэтому с удовлетворением восприняли нормализацию двусторонних отношений в 1989 г.

В то время у нас не придали должного значения тому факту, что наш китайский партнер занял активную, если не наступательную, позицию. Это выразилось в том, что Пекин начал постепенно в условиях мирного сосуществования, когда наша настороженность и бдительность при защите своих интересов ослабла, исподволь навязывать нам свои требования. Ведь даже сама нормализация двусторонних отношений в 1989 г. была обставлена «тремя условиями», которые М.С.Горбачев считал необходимым не только выполнять, но и в беседе с Дэн Сяопином подчеркнуть, что выполнение этих условий потребовало трех лет усилий.

По сути дела, именно тогда Пекин занял наступательную позицию, а М.С.Горбачев пассивную позицию, позицию отступления по всем пунктам. Он не защищал должным образом наши интересы в отношениях с Китаем, как это делали его предшественники по руководству нашей страной. М.С.Горбачев был первым из руководителей нашей страны за все последнее столетие, кто не ставил на первое место в отношениях с Китаем интересы своей страны. Он полагал, что следует просто приспособиться к китайским партнерам. У М.С.Горбачева отсутствовала политическая интуиция, которая иной раз помогает защищать интересы своей страны политическим лидерам, даже не имеющим соответствующих знаний.

М.С.Горбачеву вопрос представлялся очень простым. Он, очевидно, полагал, что главное для нас — добиться согласия Пекина на нормализацию отношений, добиться объявления о формальной нормализации отношений. Ради этого следовало принять все условия Пекина. После нормализации, представлялось М.С.Горбачеву, дело пойдет само собой.

Здесь важно специально отметить, что М.С.Горбачев не озаботился тем, чтобы внимательно и глубоко ознакомиться и с историей, и с состоянием двусторонних отношений и не выработал позицию по главным принципиальным проблемам, которые существуют в наших отношениях. Во всяком случае, он ее никогда не разъяснял. Поэтому при встрече с Дэн Сяопином он был совершенно безоружен. Дэн Сяопин повел речь об истории наших отношений. Он прямо сказал М.С.Горбачеву, что еще предстоит «закрывать прошлое», а это

означает, что наша сторона должна понять и согласиться с тем, что Пекин полагает, что Россия нанесла в истории наибольший ущерб Китаю и что наша страна представляет военную угрозу для Китая. М.С.Горбачев был абсолютно не готов к такому повороту беседы. Дэн Сяопин предъявил тогда нам претензии исторического характера, причем потенциально опасные и в будущем. М.С.Горбачев полагал, что достаточно поддакивать Дэн Сяопину или отделаться замечанием о том, что у каждой стороны могут быть свои взгляды. Более того, М.С.Горбачев считал, что к Дэн Сяопину и к китайцам ему и нам надо относиться как к «большому братцу», как к «старшему в роде», и все само собой наладится в наших отношениях.

Конечно, в реальной жизни все обстояло совсем не так. Свою позицию М.С.Горбачев оправдывал желанием наладить межгосударственные отношения с Китаем. Но он так и не смог понять, что Дэн Сяопин находился тогда в сложном положении, что у него было много трудностей и внутри страны, и на мировой арене. Дэн Сяопин был вынужден перед лицом всех этих трудностей идти на нормализацию отношений с нашей страной. Он нуждался в этой нормализации. Но он блефовал, создавая впечатление, что только Москва заинтересована в нормализации или, во всяком случае, Москва заинтересована в ней гораздо больше, чем Пекин. И блеф удался. М.С.Горбачев поддался на него.

А по сути дела, было возможно нормализовать отношения с КНР на условиях равноправия. М.С.Горбачев впервые в истории последних десятилетий поставил нас в неравноправные условия в отношениях с Китаем. Он упустил шанс создать новые равноправные отношения с Китаем.

Характерным для действий М.С.Горбачева было и то, что со своей стороны он не выдвинул никаких условий и соглашался на условия Дэн Сяопина — согласился с утверждением партнера о том, что наша страна проводила политику военных угроз Китаю. Еще раз подчеркнем, что М.С.Горбачев не захотел и не сумел добиться нормализации отношений на равных.

Одним из результатов позиции, которую занял М.С.Горбачев, было подписание соглашения о границе на ее восточной части, в преамбуле которого китайская сторона навязала нам тезис о необходимости решать остающиеся вопросы относительно границы на основе «справедливости и рациональности», что каждая сторона может понимать по-своему. Во всяком случае, это позволяет Пекину тогда, когда он сочтет это нужным, вернуться к вопросу о «неравноправных» договорах, которыми определена наша граница.

Далее, Дэн Сяопин навязал М.С.Горбачеву тезис о том, что наша страна якобы в одностороннем порядке представляет военную угрозу для Китая. Этим было обосновано требование Пекина уже после выполнения М.С.Горбачевым «трех условий» Дэн Сяопина и формальной нормализации двусторонних отношений подписать соглашение о мерах доверия и о сокращении вооруженных сил в стокилометровой зоне вдоль границы. Формально это были двусторонние обязательства, но по сути дела это в подавляющей части ущемляло наши интересы, интересы обороны наших границ на Дальнем Востоке, а также являлось подтверждением опасного тезиса Пекина о том, что наша страна представляла собой военную угрозу для КНР в конце двадцатого столетия. А ведь этот тезис не имеет под собой никаких оснований. При равноправном партнерстве такого рода тезисам и утверждениям нет места в двусторонних отношениях.

На протяжении последних десяти лет отношения развивались, формально улучшаясь, переходя на новые и новые ступени и дойдя до уровня, который официальные представители обеих сторон характеризовали как стратегическое партнерство, направленное в XXI век. В то же время в КНР к началу этого самого XXI века пришли к выводу о том, что дело обстоит вовсе не столь хорошо, как это может показаться на первый взгляд. Был сделан вывод о том, что «жизненная энергия», то есть принятое в Китае понятие «ци», наших двусторонних отношений выдыхается.

И действительно, произошел разрыв между существом отношений между простыми людьми, между массами населения в обеих странах, и тем, что выдавалось за атмосферу в отношениях на высшем и высоком уровнях, а здесь проявлялось, как можно услышать в КНР, лицемерие. На этих уровнях продолжали и продолжают говорить о том, что последние десять лет — это лучший период в наших двусторонних отношениях.

На самом же деле перемены в нашей стране и в Китае за последние десятилетия дают себя знать. Это проявляется, прежде всего, в том, что каждая нация озабочена главным образом только своими внутренними проблемами. Все остальные вопросы, и, может быть, в особенности те стороны отношений на мировой арене, которые во второй половине XX века, в 1950-х — 1980-х гг., характеризовались как отношения, под которыми в той или иной степени существовала общая идеологическая основа, которые именовались дружественными, интернациональными и т.д., ныне уже просто не существуют и не воспринимаются такими большинством людей и в той и в другой стране. Оказалось, что необходимо заново искать и долго строить новое взаимопонимание друг с другом.

Далее, наши страны оказались в процессе создания новой экономики в каждом из государств. Становится понятно, что требуются десятилетия и громадные усилия, чтобы искать и находить точки соприкосновения наших экономик.

Наконец, каждая из наших двух стран, каждое из двух государств оказалось в новой и совершенно самостоятельной позиции на мировой арене. Одним словом, возник и начал шириться реальный разрыв между двумя нациями, между Россией и Китаем; появилось отстояние одной нации от другой нации, и это отстояние стало увеличиваться.

Это заставило руководителей в Пекине прийти к выводу о том, что если так будет продолжаться, то наши государства «разойдутся как в море корабли», и неизвестно, чем это обернется и для той и для другой стороны. Особенно беспокоило Пекин то обстоятельство, что за последнее десятилетие общее представление о Китае и о китайцах в нашей стране у большинства населения изменилось. Китайцев у нас по преимуществу больше не считают бедными, честными и трудолюбивыми, что было их общепринятой характеристикой раньше. Возникает некое отчуждение двух наций, которое в определенной степени усугубляется и поведением китайских людей на нашей территории, и политикой китайской стороны по отношению к нам.

В Пекине начали искать прием, метод, способ, с помощью которого можно было бы если не остановить происходящий процесс взаимного отдаления, то хотя бы замедлить его. Ведь в этих условиях оказывалось все труднее достигать своих выгод в политике по отношению к нашей стране. (Попутно можно отметить, что предложение подписать договор было и проявлением определенных слабостей в позиции КНР на мировой арене. В Москве могли бы увидеть, что это предложение — не проявление «сильной позиции», а один из способов компенсировать свои «слабости» нашим партнером.)

Таким способом представилась идея подписания между КНР и РФ нового договора. Он должен был стать вершиной или пиком внешней политики председателя Цзяна на мировой арене или, во всяком случае, в наших двусторонних отношениях. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что Цзян Цзэминь, как предполагается, уйдет с политической арены, то есть со своих постов, в 2002 году. Конечно же, он хотел завершить свое «правление», в частности, подписанием такого договора с Россией, который мог бы трактоваться и им и его сторонниками как наивысшее достижение китайской стороны в отношениях с нашей страной.

При своем конкретном воплощении эта идея потребовала разработки, по крайней мере, в трех областях. Ее нужно было воплотить в текст соглашения и согласовать его с Москвой. Ее нужно было объяснить внутри КНР, учитывая историю наших отношений и историческое наследие, особенно ставшую традиционной и привычной трактовку политики нашей страны, выработанную КПК за годы ее пребывания у власти в стране. Ее нужно было также в соответствующем духе представить США, мировому сообществу. Процесс выработки текста договора оказался весьма непростым. Очевидно, что с китайской

стороны он постоянно находился в поле зрения председателя Цзяна. Это действительно его договор.

Дело еще и в том, что на протяжении всего последнего десятилетия, то есть 1990-х гг., именно Цзян Цзэминь выступал в роли лидера КНР при ведении дел с нашим государством. За эти годы ему удалось включить в ряд деклараций и заявлений, появившихся в итоге встреч с нашими руководителями, установки, отвечавшие его пониманию интересов Китая. Однако все эти двусторонние документы не имели длительной и формально обязывавшей государства силы. Они были персональными или личными заявлениями первых лиц РФ и КНР. Следовательно, особенно с уходом первого президента РФ и приходом второго президента Цзян Цзэминю понадобилось зафиксировать свои достижения в форме официального документа, который обязывает государства, а не только лидеров. Таким документом представился договор. Он — свод всех тезисов, которые за предыдущие десять лет Цзян Цзэминю удалось включить в совместные заявления.

С подписанием договора появился межгосударственный документ, обязывающий нас выполнять весь комплекс обещаний китайской стороне. Конечно, договор и для нас имеет свою цену. Но это — первый в истории документ, при разработке и подписании которого мы оказались в пассивной позиции.

У нас дело было, скорее всего, перепоручено чиновникам МИД РФ, которые в конечном счете сделали все, что могли, и представили согласованный с китайской стороной текст проекта договора, очевидно не вызвавший восторга у руководства страны. Вероятно, что поездка Б.Н.Ельцина в КНР накануне подписания договора была предпринята с той целью, чтобы «подправить» согласованный текст, добиться хотя бы обещания подписать в будущем новый договор о границе.

Сам визит председателя Цзяна в нашу страну показал, что стороны если и сблизилась, то не намного. В первый день своего пребывания в Москве председатель Цзян даже не встретился с президентом РФ, но провел встречу с находящимися в нашей стране гражданами КНР в своем посольстве. Во второй день пребывания в нашей стране председатель Цзян и президент В.В.Путин, как отметили средства массовой информации, очевидно по совету официальных лиц, беседовали дольше определенного срока, хотя их встреча продолжалась всего два-три часа.

В этот день они подписали договор, после чего состоялся торжественный обед. По словам В.В.Путина, на этом обеде российская «так называемая элита» не услышала серьезных соображений главы КНР.

С этими соображениями он предпочел обратиться в первой половине следующего дня к студентам и абитуриентам МГУ, среди которых весьма значительную часть составляли китайские молодые люди. Выступая там же, В.В.Путин сказал, что это обращение председателя Цзяна и явилось первым представлением или презентацией нового договора. Сам президент РФ предпочел и в этом случае остаться лишь слушателем лекции председателя Цзяна и практически почти не комментировал только что подписанный документ. Он ничего не сказал о его значении и при своей встрече с журналистами через несколько дней в Кремле. А китайские журналисты высказывали в частных беседах свое разочарование итогами визита председателя КНР в нашу страну, не раскрывая, правда, того, что они конкретно имели в виду.

Поездка Цзян Цзэминя в Волгоград и его отлет в Минск прошли совсем незаметно для широкой публики. Зато оба руководителя подчеркивали, что каждая сторона будет совершенно самостоятельно действовать на мировой арене, в том числе и в том, что связано с ее отношениями с США.

В общем и целом сложилось впечатление, что замах (или наши надежды на договор) был гораздо сильнее, чем результат. Конечно, всякое закрепление наших двусторонних отношений полезно. Очевидно также, что было сделано то, что оказалось возможным. Ясно и то, что согласовать даже принципы современных отношений, причем в форме договора,

очень непросто. Тем более сложно продвинуться вперед в тех областях, где действительно существуют реальные проблемы в отношениях.

Что касается мирового сообщества, то для Цзян Цзэминя главное было в том, чтобы суметь убедить партнеров в том, что в отношениях КНР и РФ не произошло и не произойдет ничего такого, что так или иначе осложнит отношения Пекина с внешним миром. Внутри страны, то есть в самом Китае, было необходимо показать выгоду подписания нового договора и в то же время не отступить от укоренившегося воспитанием и образованием за годы КНР отношения к нашей стране, к истории наших отношений.

Главным тут было то, что в КНР всегда именовали и продолжают именовать договоры о границе между нашими странами «неравноправными» договорами. За исключением Нерчинского договора, который был вынужденно подписан нашей страной под военным давлением Китая в конце XVII в. В КНР также и всегда обучали и продолжают обучать все новые и новые молодые поколения китайцев тому, что наша страна якобы исторически является «территориальным должником» Китая, якобы совершила против Китая в истории «агрессию», в результате которой «присвоила себе» «огромные китайские территории»: от полутора до трех миллионов квадратных километров; в том числе около сорока тысяч кв. км при советской власти.

Кроме того, и в пропаганде и в школе нас всегда рисовали как внешнего врага Китая. Мы уже упоминали о том, что, по мнению Дэн Сяопина, которое он изложил М.С.Горбачеву в 1989 г., Россия как внешний враг нанесла Китаю в истории даже больший вред, чем Япония. Такая постановка вопроса до сих пор считается необходимой и для воспитания в этом духе населения страны, всех подрастающих поколений, и для создания известной общей базы для налаживания отношений с теми или иными партнерами на мировой арене. Не случайным представляется то, что У.Клинтон в беседах с руководителями КНР подчеркивал, что, с его точки зрения, Китай больше страдал от агрессии, чем сам совершал агрессию. Здесь содержался намек на общее отношение к нашей стране.

В последнее время, в частности в 2000 и 2001 гг., на научных конференциях звучали голоса ученых КНР, утверждавших, что СССР унаследовал традиционную антикитайскую политику династии Романовых. В КНР можно услышать и прочитать утверждения о том, что внешнеполитический курс России тесно связан с ее традиционной историей, что российский великодержавный шовинизм — это устойчивое течение в традиционной истории страны; что основная идея великодержавного российского шовинизма — это, в частности, агрессия на Восток.

При этом также отмечается, что в современной России произошли позитивные перемены в вопросах внешней политики, особенно связанных с Китаем; это позволяет нам, китайцам, видеть, что Россия уже сделала новый шаг по пути освобождения от влияния старых традиций шовинизма; тем не менее Россия является страной с империалистическим прошлым сверхдержавы; великодержавный российский шовинизм не может распасться и исчезнуть вместе с распадом СССР; на определенную часть политических сил старый российский шовинизм все-таки оказал некоторое влияние, и при любом удобном случае старая традиционная идеология может вновь оказать воздействие на внешнюю политику России; поэтому мы, китайцы, должны уделять большое внимание старым традиционным силам и тенденциям их развития.

Помимо повторения обвинений в адрес России до 1917 г., в КНР предпринимаются попытки пересмотреть оценки даже благоприятных периодов в советско-китайских отношениях. Пересматривается наша роль в победе над Японией и в освобождении территории Китая. Например, говорится, что наша страна нанесла Китаю моральный ущерб, а также задолжала ему за вывезенное из Маньчжурии в 1945—1946 гг. промышленное оборудование предприятий, обслуживавших японскую Квантунскую армию, от 895 млн долларов до 2 236 млн долларов (в ценах того времени). СССР рисуют как должника морального, должника экономического, должника с точки зрения международного права. Утверждается, что речь идет о действиях, которые именуются «позором» для нашей армии,

«позором» для Сталина. Это расценивается как «вероломный акт против союзного государства». Утверждается также, что войну против Японии вели и выиграли США и Китай.

Говорится, что наша страна вела против Японии войну, которая «продолжалась всего несколько дней», была «великой шестидневной войной». Россия в истории рассматривается как потенциальный военный враг Китая, как угроза для него. При этом просматривается стремление найти общую почву с США и Японией в истории, представляя нашу страну как главного извечного врага Китая, у которого в союзниках оказываются США и Япония.

Утверждается, что сразу же после окончания Второй мировой войны наша страна создала «небывалое в истории страшное бедствие» для Китая, что мы вели себя «нагло», «нарушали международное право», «подчистую разграбив имущество».

Далее утверждается, что мы задолжали КНР, ибо в свое время не вернули ей безвозмездно КВЖД. Это расценивается как «грабеж» в отношении Китая. Нашу страну называют «должником» КНР и в связи с тем, то мы использовали базы в Порт-Артуре и Дальнем. К нам также предъявляют материальные претензии за создание в 1950-х гг. нескольких смешанных компаний на территории КНР.

При рассмотрении вопроса о подписании СССР и КНР в 1950 г. договора о дружбе, союзе и взаимной помощи утверждается, что на первом месте и тогда было столкновение интересов двух сторон. При этом Мао Цзэдун якобы вынудил Сталина подписать этот договор. Китайские авторы пишут, что договор 1950 г. представлял собой неравноправный союз и что мы тогда проявили великодержавный шовинизм, что это были с нашей стороны традиционные экспансионистские действия; утверждают также, что тогда Мао Цзэдуну удалось, по его же собственным словам, «вырвать» кое-что в интересах Китая «из пасти тигра». Одним словом, к числу неравноправных договоров в КНР относят и договоры, которыми определена граница между нашими странами (за упомянутым исключением), и советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г.

Из всего этого, вероятно, можно сделать вывод о том, что ныне китайская сторона считает, что она добилась от нас подписания договора, который она, вероятно впервые, полагает равноправным, во всяком случае, отвечающим ее интересам и несущим ей выгоды. Возможно, что это выглядит как своего рода «исправление исторической несправедливости» с точки зрения ряда людей в КНР.

К этому можно добавить, что от нас требуют также вернуть долг за непредоставление обещанного в 1950-х гг. макета атомной бомбы. Кстати, некоторые китайские ученые говорят, что единственная ценность, которой сегодня обладает наша страна, это некоторые виды вооружения, а потому для китайской стороны было бы желательно получить это новейшее оружие для того, чтобы отстаивать свои позиции в противостоянии с США по вопросу о Тайване. Кроме того, нашу страну обвиняют в Пекине в том, что мы не заставили в свое время Монголию войти в состав КНР при ее создании.

Таков неполный перечень позиций, которые были обнародованы в КНР накануне подписания с нами договора в июле 2001 г.

Представляется важным отметить, что в современной КНР ЦК КПК крепко держит в своих руках руководство всей общественно-политической жизнью, идеологической и пропагандистской деятельностью. Во всяком случае, невозможно предположить или допустить, что в китайской открытой печати или в ходе организованных китайским государством и его учреждениями научных конференций с участием зарубежных, в том числе российских, ученых высказывались бы взгляды, которые противоречат основному направлению политики КПК.

Внутри КНР можно также увидеть контуры политики в отношении нашей страны, рассчитанной на длительное время. Прежде всего, необходимо еще раз подчеркнуть, что население Китая занято своими внутренними проблемами. Общее отношение к нам в

современной КНР можно охарактеризовать как безразлично-пренебрежительное. В целом у населения доминирует представление о нашей стране, как о государстве, значение и роль которого в свое время преувеличивались, а образ сознательно приукрашивался. При этом фактически внушается мысль о том, что от России следует ждать непредсказуемых шагов, а это тормозит развитие необходимых Китаю двусторонних отношений.

Если говорить о конкретике нынешних отношений, то обращает на себя внимание, в частности, то, что накануне подписания договора в Москве, в конце июня 2001 г. в Хабаровске было подписано соглашение, в соответствии с которым один из участков границы между РФ и КНР будет на протяжении некоторого времени в опытным порядке находиться под совместной охраной. И сама такая постановка вопроса, и отсутствие ясности в том, что это означает конкретно, на практике вызывает вопросы. Представляется, что такого рода соглашения должны подписываться только после того, как с позицией сторон на такого рода переговорах будет детально ознакомлено население нашей страны, прежде всего тех приграничных районов, которых это непосредственно касается, а также будет получено согласие населения на эти действия. Высказывания некоторых наших пограничников о «совместной охране границы» и об осуществлении на границе «интернациональных дозоров», по сути дела, свидетельствуют об их согласии передавать в ведение вооруженных сил другого государства части наших функций и прав по охране государственной границы, что представляется шагом в сторону от приверженности принципу территориального суверенитета.

В сфере торгово-экономических отношений китайская сторона, кажется, в принципе не хотела бы связывать наши две страны системой крупных проектов; она также не проявляет желания вкладывать капиталы в развитие России, в том числе и тогда, когда это явно взаимовыгодно. Вполне вероятно, что время для этого еще не пришло; обстановка и в той и в другой стране еще не позволяет делать этого. Поэтому к ситуации можно относиться с пониманием, не ослабляя усилий по созданию заделов на будущее.

При переводе финансовых расчетов под контроль государственных банковских учреждений, что ныне намерены делать обе стороны, понимая необходимость предотвращения хаотичного развития жизненно важных связей, китайская сторона стремится сохранить в скрытой форме бартер, настаивая на расчетах в области научно-технических связей частично приобретением нами китайских товаров широкого потребления. Если это будет продолжаться, то мы будем терять значительную часть валютной выручки за продажу вооружений, взамен приобретая товары неважного качества. Ощущается также давление с целью заставить нас принять китайский юань в качестве единицы оплаты.

Произошло структурирование системы продажи нам китайских товаров быстрого проедания и изнашивания через целую сеть китайских фирм и наших организаций и частных лиц, фактически состоящих на службе у китайских властей. Дело это поставлено таким образом, что в подавляющем большинстве случаев обходятся все наши законы; китайская сторона получает ежегодно миллиардные прибыли; кое-что оседает у российских компрадоров и коррумпированных чиновников; наше государство и население практически ничего не получают от этого. Работает своеобразный китайский «долларосос», высасывающий из нашей страны миллиарды долларов ежегодно. При этом официальные китайские представители нам же предъявляют претензии в связи с тем, что в области официальных торговых отношений сальдо складывается якобы в нашу пользу.

Осуществляя свою деятельность благодаря системе мер, предпринятых китайскими властями, все мелкие и средние китайские фирмы, действующие на нашей территории, ныне поставлены под единое руководство соответствующих формально частных ассоциаций, а фактически функционируют под контролем и под защитой консульского отдела посольства КНР в РФ. На нашей территории появляются как грибы «микро чайна-тауны», где китайцы живут по своим правилам, куда не допускаются наши граждане и куда непросто попасть и представителям компетентных российских органов.

Ассоциации китайских предпринимателей совместно с сотрудниками посольства КНР в РФ, вовлекая в свою деятельность общество российско-китайской дружбы, предпринимают попытки оказывать давление на нашу консульскую службу, органы внутренних дел, таможи, налоговой полиции и т.д. Они стремятся, не выполняя наши законы и инструкции, добиться полной свободы рук для своей зачастую криминальной или теневой деятельности. В 2001 г. имел место первый случай проведения китайскими организациями в Москве с разрешения городских властей политической манифестации в поддержку политических установок правительства КНР (относительно проведения в Пекине Олимпийских игр). Одновременно продолжает развиваться медленный, но постоянный процесс проникновения к нам граждан КНР, которые легально въезжают в РФ, а затем, так или иначе, оседают на нашей земле, уклоняясь от учета их нашими органами внутренних дел.

В средствах массовой информации отмечена попытка продвигать на руководящие посты чиновников, вплоть до уровня губернаторов областей и краев, которые, по сути дела, будут находиться на содержании у китайской стороны и действовать в ее экономических и иных интересах.

Учитывая всю совокупность наших отношений, особенно отношение к нам в КНР, в ее руководстве, представляется целесообразным высказать следующие соображения и предложения.

Нам нужны хорошие отношения с Китаем, и их необходимо поддерживать. Вместе с тем во всех случаях, прежде всего, нужно отстаивать наши национальные интересы. Приспособление интересов наших двух стран друг к другу не должно происходить за счет ущемления интересов нашей страны и народа.

Ныне существующая атмосфера в наших двусторонних отношениях на официальном уровне, безусловно, играет положительную роль. Подписание нового договора с КНР также может стать позитивным шагом, отвечая реально сложившимся отношениям и соответствуя нынешним возможностям. В то же время с нашей стороны, очевидно, важно настойчиво выдвигать предложение о подписании нового договора о границе взамен ныне существующих документов, ссылаясь на то, что в сознании населения нашей страны до подписания нового договора о границе не будет прочной основы доверия к китайской стороне. В этой же связи можно было бы говорить о нашем беспокойстве в связи с тем, как воспитываются в КНР молодые поколения, когда речь идет об истории наших двусторонних отношений.

Желательно также добиваться отмены соглашения о мерах доверия, прежде всего о стокилометровой зоне вдоль линии границы. При обострении китайско-американских отношений, равно как и отношений КНР с другими государствами, нам желательно сохранять нейтралитет. При возможности мы могли бы также оказывать содействие налаживанию отношений между Китаем и Индией. Нашим интересам отвечало бы и всемерное развитие отношений между Москвой и Тайбэем в сфере экономического и культурного сотрудничества.

Мы уже упоминали о том, что в нашей печати проскользнула мысль о намерении некоторых наших чиновников охранять нашу границу совместно с гражданами КНР; появились сообщения о подписании соответствующего соглашения. И эта мысль, и такого рода действия не представляются удачными. Нецелесообразно также допускать какое бы то ни было участие китайской стороны в административном или в хозяйственном управлении специально выделенными зонами на нашей территории.

Оплата наших поставок по линии военно-технического сотрудничества должна осуществляться исключительно в валюте. Большое значение имело бы налаживание строгого учета всех граждан КНР, находящихся на нашей территории. Китайские граждане могли бы работать в нашей стране при соблюдении юридических формальностей по годичным контрактам с обязательным их пересмотром через год. Представляется, что

сыграло бы положительную роль заявление о том, что граждане КНР смогут приобретать в любой форме землю в нашей стране только после подписания нового договора о границе между нашими странами.

Вряд ли целесообразно допускать проведение на нашей территории политических акций в поддержку шагов КНР на мировой арене, а в равной степени и давление на наши органы власти китайских общественных организаций совместно с сотрудниками посольства КНР в РФ.

Что касается оценки тех или иных исторических событий и документов, то эти вопросы желательно перевести в категорию чисто научных и исторических, а также предложить китайской стороне отделять научные дискуссии от практическо-политических проблем.

Представляется целесообразным создание в КНР ассоциации российских предпринимателей, фактически подведомственной российской части российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. Тем самым была бы создана структура, параллельная аналогичной китайской ассоциации в нашей стране, и при необходимости можно было бы уравнивать действия этих двух ассоциаций. Кроме того, эта ассоциация могла бы разрабатывать и вносить предложения относительно законодательных актов, обеспечивающих права и интересы наших предпринимателей, работающих в КНР. Ассоциация могла бы также выступать в качестве юридического лица, защищая в случае необходимости интересы наших предпринимателей в КНР.

Особое значение необходимо заново придать работе общества российско-китайской дружбы. Его почетным председателем мог бы стать президент страны. Общество российско-китайской дружбы целесообразно снова отделить от российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, который в свою очередь мог бы целиком сосредоточиться на своих прямых обязанностях развития экономических связей. Связи в сфере культуры целесообразно осуществлять именно через общество дружбы, объединяя усилия этого общества и соответствующих министерств и ведомств в сфере культуры, науки, образования и т.п.

ЧАСТЬ II. Москва — Тайбэй: первые шаги

Вопрос о новых отношениях между Москвой и Тайбэем — не простой вопрос. Речь идет не только об анализе всего того, что произошло в этих отношениях за истекшие десять лет с момента установления связей между Россией и Тайванем, начала их экономического и культурного сотрудничества, но и о некоторых теоретических проблемах современных международных отношений, об истории взаимоотношений между частями китайской нации, о ситуации на острове Тайвань.

Все это — с целью попытаться более глубоко понять характер отношений между Москвой и Тайбэем.

О соотношении понятий «нация» и «государство» применительно к современным международным отношениям

Тему раздела можно было бы пояснить, снабдив заглавие подзаголовком: «Современные нации на мировой арене: их внутреннее состояние и внешняя политика их государств».

Понятия «нация» и «государство» используются практически всеми участниками современных международных отношений. При этом зачастую не делают различия ни между самими этими терминами, ни между производными от них, например, говорят и пишут о «национальных интересах», полагая, что они равнозначны интересам того или иного государства.

В то же время далеко не случайно мировое сообщество, предпринимая в XX в. шаги с целью создать всемирную организацию, впервые дало ей имя «Лига Наций». И в новых условиях конца Второй мировой войны, возрождая ту же идею, назвало ее Объединенными Нациями, Организацией Объединенных Наций.

Членами этой организации, а точнее, относительно временными представителями наций в этой организации являются те или иные государства. Но государства могут возникать и исчезать, а народы и страны существуют на мировой арене относительно постоянно. И подразумевается, что в качестве постоянных участников ООН выступают именно нации, а принятые в ООН государства являются их полномочными представителями в каждый данный момент.

Уже одно это говорит о том, что люди ощущают необходимость пользоваться понятиями «нация» и «государство», проводя различия между ними, имея в виду некое соотношение этих понятий, вкладывая в каждое из них разные значения. Эти термины присутствуют в русском языке: «нация» и «государство»; они имеются в английском языке: «nation» и «state»; их используют в китайском языке: «минь» («миньцзу») и «го» («гоцзя»).

При этом в каждом из этих трех языков (и со всей очевидностью можно отнести это и к другим языкам) в каждый из этих терминов вкладывают несколько значений; круг значений того или иного термина в том или ином языке вполне естественно не совпадает с кругом значений в другом языке. И представляется полезным порассуждать о том, каковы значения этих терминов, в каком соотношении между собой находятся, применительно к международным отношениям, понятия «нация» и «государство».

Нации на мировой арене

Нации. Несколько странное слово для людей, выросших и подвергшихся воспитанию и образованию в СССР. Тогда больше говорили о народах. При этом имелось в виду, что к народу принадлежат эксплуатируемые и угнетенные. Эксплуататоры же и угнетатели в понятие народа не включались. Они были врагами народа. Классовые понятия выступали на первый план. Народы были заодно, а капиталистические и империалистические государства были против народов. У некоторых народов были свои — социалистические (или «народно-демократические») государства.

Правда, были такие слова или понятия, как «Интернационал», «интернациональный». При этом имелась в виду классовая солидарность и совместная борьба опять-таки угнетенных и эксплуатируемых (или «пролетариата или трудящихся всех стран») против общего врага.

Одним словом, в понятие нации вкладывалось в СССР классовое содержание. Приходившие из-за «стены» или из-за «занавеса» наименования, такие, как Лига Наций или даже Организация Объединенных Наций, были «не нашими», классово чуждыми, сбивавшими с верных классовых позиций, ибо считалось, что в них было заложено неверное содержание, так как они не учитывали деления людей по основному признаку — по принадлежности к антагонистическим классам.

Сегодня приходится задуматься над тем, что же такое нация и нации, в частности — во взаимоотношениях на мировой арене. В данном случае мы будем говорить о нации именно в этом значении этого слова.

В народе у нас можно услышать вопрос о человеке, о людях: «Какой нации?» Имеется в виду вопрос о том, является ли человек, скажем, немцем или корейцем. Народ в своем сознании четко выделяет понятие нации как понятие страны и народа, как понятие, объединяющее страну и народ. При этом для народа немец или кореец остаются немцем и корейцем вне зависимости от того, какие государства сменяют друг друга в истории той или иной страны. Таким образом, в народном сознании различаются понятия нации и государства.

В то же время у нас, когда говорят о внешней политике, довольно часто не различают понятия нации и государства. Это случается с людьми на любом уровне, даже с государственными деятелями. Представляется, что необходимо четко различать понятия нации и государства. Эти понятия не равнозначны.

В теперь уже прошлом XX веке не раз появлялись государства, которые объявляли себя вечными: «тысячелетний рейх» в Германии при Гитлере; Союз Советских Социалистических Республик тоже мыслился как нерушимый, сплоченный навеки. Оказалось, что, как и всегда в истории, «вечные» государства живут относительно недолго. И сегодня особенно остро ощущается необходимость опираться на вечные понятия, выделить то, что вечно или относительно вечно, и то, что временно (относительно временно).

Одним из таких вечных (или относительно вечных) понятий предстает понятие нации.

Оно стоит в ряду вечных понятий, с которыми приходится иметь дело при обращении к международным отношениям, их теории и практике, их истории, современному состоянию и будущему. В этот ряд вечных или относительно вечных, относительно постоянных понятий, очевидно, входят: человек, человеческая личность; человеческие общности, исторические общности или сообщества людей или части человечества, т.е. нации или страны и народы; человечество в целом или как единое целое; история и культура всего человечества и его составных частей или наций.

В конце Великой Отечественной войны нашей страны против германских захватчиков И.В.Сталин сказал, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается. Действительно, вожди, политические лидеры и государственные руководители приходят и уходят. Народ и страна остаются. Они относительно вечны. Государства же тоже приходят и уходят. Государства относительно временны соотносительно с нацией — страной и народом.

Таким образом, помимо относительно вечных понятий есть и относительно временные, непостоянные понятия, а именно: государства, политические силы, политические партии, их лидеры. Их можно относить к числу относительно непостоянных и временных потому, что сроки их жизни и деятельности короче, чем сроки существования таких относительно вечных понятий, как страна, народ, нация, человек, человечество, культура, история.

Итак, можно различать относительно вечные и относительно временные понятия, понимая, что относительно вечные понятия фундаментальны, а все относительно временное существует на их основе. В связи с этим можно видеть различия, например, между интересами нации (национальными интересами) и интересами государства или государственными интересами. Не говоря уже об интересах политических сил, политических партий, политических лидеров и вождей.

«Нация» — понятие многозначное. Понятие нации соотносят с понятием этноса, выделяя ступени движения к нации: племя, народность, нация. При этом понятие «нация» рассматривается применительно к сообществу людей, принадлежащих к одной национальности. Это — национальная грань понятия «нация».

Понятие «нация» соотносят и с понятием «государство», выделяя ступени продвижения сообщества людей к созданию, формированию или вызреванию гражданской (или политической) нации. Здесь речь идет о сообществе людей, уже не обязательно одной национальности, но желающих или вынужденных находиться в границах одного государства. Иными словами, это уже не только и не столько национальная, но прежде всего государственная грань понятия «нация».

Понятие «нация» ныне соотносится и с понятием непременного участника отношений на мировой арене. Очевидно, что и тут можно выделять ступени продвижения к такому состоянию — различные проявления нации, выступление ее в качестве различных субъектов

международных отношений. Представителями нации на мировой арене могут выступать различные субъекты международных отношений, сами же международные отношения представляют собой, по сути дела, отношения между нациями или междунациональные, интернациональные отношения. Это — прежде всего уже не национальная или не государственная грань понятия «нация», а международная или интернациональная. Речь идет о жизни нации в сообществе себе подобных и равных наций.

На современном этапе развития человечества и международных отношений вполне обоснованным представляется выделение международной или интернациональной грани понятия «нация». При этом рассмотрение соотношения между понятиями «нация» и «государство» имеет и теоретическое и практическое значения.

Итак, у понятия «нация» есть несколько граней. Нации существуют и «внутри себя» и «вне себя». Жизнь наций протекает одновременно и внутри самой социальной и национальной общности или нескольких национальных общностей, из которых состоит данная нация, — внутри сообщества индивидуумов, которые могут принадлежать к разным национальностям или быть людьми смешанной крови. В то же время нации живут и во внешнем для них мире, т.е. среди множества других подобных им в главном и равных им наций, сообществ людей, национальных общностей на мировой арене.

Таким образом, понятие «нация» имеет свои неразрывные связи с понятием «социум» (общность, общество, т.е. совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей) и с понятием «этнос» — исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, представленный племенем, народностью, нацией. Эти связи относятся, прежде всего, к «внутренней жизни» нации, к тому, что с ней происходит внутри нее самой.

В то же время у понятия «нация» есть иная грань — ее «внешняя жизнь», жизнь «вне своего дома». В «своем доме» она — хозяйин, а вне своего дома она независимый и равный другим партнер или субъект международных отношений, отношений между нациями на мировой арене.

У наций всегда были и будут партнеры: близкие и дальние, мирные и не мирные, соперники и друзья, а также равнодушные к ней иные нации. Во внешнем мире нация всегда не одинока, всегда находится в отношениях с партнерами или соседями по планете. Поэтому все вопросы там решаются не волей одной нации, а по необходимости согласовываются двумя, или несколькими, или даже всеми партнерами. Войны, силовое навязывание воли одной или нескольких наций другой или другим нациям — это лишь временное решение вопроса; более того, человечество уже двинулось в направлении отказа от них, прежде всего от мировой войны; можно надеяться, что это движение будет продолжено. Необходимо проводить различие между внутренними и внешними интересами наций. В чем-то они частично совпадают, но частично отличаются друг от друга. Нации могут спорить внутри себя, но сплоченно выступать на мировой арене перед другими нациями. Лидеры наций могут принимать верные или неверные решения в любой области жизни наций; при этом могут приниматься неверные решения во внутренней жизни и верные во внешней жизни — и наоборот.

Интересы наций — это соединение интересов внутренних для самой нации и интересов внешних — ее же интересов во взаимоотношениях с другими нациями. Эти интересы внутренние и внешние — переплетаются, совпадают, но и различаются. Главное здесь то, что во внешнем для нации мире нация не может жить сама по себе, оставаться «внутри себя», но всегда живет в окружении партнеров. В этом внешнем мире вопросы всегда решаются в зависимости от соотношения интересов наций или нахождения ими решений с учетом интересов двух или нескольких наций, а иной раз и неразумно, в ущерб интересам той или иной нации, силой, путем навязывания тех или иных решений.

Что же такое современные нации на мировой арене? Нация на мировой арене в настоящее время, в XXI веке, — это общность людей, объединенных по необходимости или добровольно принадлежностью к избранной или признаваемой ими культуре и истории; в том числе людей, принадлежащих по рождению к нескольким национальностям — людей смешанной «крови».

Таким образом, понятия «нация» и «государство» в современных международных отношениях не окрашены в основе своей принадлежности к одной определенной национальности; хотя такая национальность во многих случаях присутствует в качестве неперенного компонента при формировании и существовании той или иной нации.

Речь может идти и о составе нации. Нации могут быть однородными по своему составу или преимущественно однородными. Так бывает в тех случаях, когда состав формируется людьми одной или по преимуществу одной национальности. О многосоставных нациях речь идет тогда, когда нация формируется из людей или целых национальных общностей, которые по рождению принадлежат к разным (исторически или в данный момент) национальностям, а также из людей смешанной крови.

Многосоставными нациями в современном мире предстают, например, американцы, бразильцы, южноафриканцы, россияне, китайцы.

Нации как миры и живые организмы

В русском языке есть слово «мир». Одно из его значений: совокупность людей, общество. Нации — это отдельные и самостоятельные человеческие миры, это совокупности человеческих личностей, объединенные некими общими свойствами, — сообщества людей. Из этого, в частности, следует, что интересы наций — это совокупность общих, жизненно важных для всех людей, входящих в данное сообщество, интересов. В основе интересов нации лежат интересы человека, человеческой личности, общие интересы людей данной общности. При этом понятие человека, человеческой личности, ее интересов лежит в основе, составляет фундамент понятия нации. Все начинается с человека. Человек — в основе всего и превыше всего. Человек и нация — это не понятия, которые противопоставлены друг другу, а неразрывно связанные понятия; нация составлена из людей. Коренного противопоставления здесь нет. Хотя, конечно, интересы одной личности и интересы совокупности человеческих личностей могут в чем-то расходиться. Однако именно главные и коренные интересы каждого человека объединяют его с другими людьми. Соединение людей в национальную общность и происходит в опоре на совпадение коренных, жизненно важных и для каждого конкретного человека, и для всей общности людей интересов.

Мировое сообщество наций — это многомирие, совокупность миров, прежде всего миров разных культур, но и разных психологий, разной ментальности и т.д.

Нации — это живые организмы. Они в каждый данный момент находятся в определенном и даже относительно стабильном состоянии. И в то же время их жизнь никогда не прекращается. Они всегда в движении. Жизнь наций, как и жизнь человека, — это движение.

Соотношение покоя и движения, нахождение равновесия между устойчивым и стабильным состоянием нации и ее непрерывным движением — это задача, которую нации решают ежечасно и ежесекундно. От того, как решается эта задача, зависит и жизнь наций, их здоровье.

Существуют вопросы о стадиях и формах жизни наций. Это и вопрос о зарождении новых наций, в том числе и в наше время. И вопрос о выживании при неблагоприятных условиях путем своеобразного анабиоза как средства самосохранения наций при неблагоприятных условиях их существования. Нация может переживать в своем развитии различные стадии; в частности, она может находиться в государствообразующем состоянии

или в состоянии, в котором по тем или иным причинам она не может создать свое государство.

Нации наделены разумом. Иной раз он преобладает; в других случаях нация может действовать неразумно, во всяком случае в течение некоторого времени. Нации зарождаются, развиваются, вызревают, крепнут, но бывает — и дряхлеют, слабеют, болеют и даже умирают; их смерть может быть и насильственной. Случается и так, что нация ослабевает, но затем возрождается. Да, они вечны или относительно вечны — но и они умирают. Срок жизни наций не отмерен, возможно, есть некий «генетический код», который управляет жизнью нации. Во всяком случае, срок жизни наций по сравнению со сроком жизни отдельного человека или даже государства — гораздо длительнее, можно сказать, «относительно вечен».

Параметры внутреннего состояния наций

Если исходить из предпосылки о существовании наций и истории отношений между ними, то возможно более или менее объективно, во всяком случае с большей долей реализма, чем при идеологизированном, скажем классовом, подходе к международным отношениям, представлять себе состояние этих отношений в каждый данный момент их истории и некоторые перспективы их развития.

Здесь многое определяется природой (или внутренним состоянием) каждой из наций — партнеров по международным отношениям. Представляется возможным выделить некоторые параметры этого внутреннего состояния наций, или «нациеобразующие компоненты»:

1. «Качество нации», т.е. прежде всего ее способность сохраняться, выжить в качестве устойчивой общности людей на мировой арене, имея в виду процессы внутри самой нации и, кроме того, взаимоотношения нации с ее соседями по планете (ближними и дальними). Главный, постоянный интерес нации, ее основной инстинкт и первый закон ее жизни — это стремление к выживанию и самосохранению в любых условиях. Это сопротивление процессу гниения, самораспада нации, это сопротивление национальному вырождению или попыткам геноцида.

2. Численность населения и его состав. Очевидно, существует некая «критическая масса», и сокращение численности ниже критической отметки может привести к исчезновению не только государства, но и самой нации; в то же время слишком большая «критическая масса», слишком многочисленное и/или слишком многосоставное (если иметь в виду и этносы и подэтносы) население, тоже может стать причиной деления данной нации на несколько наций. Жизненный интерес нации состоит в том, чтобы сохранять такую численность населения, которая обеспечивала бы продолжение существования данной нации; даже односоставные нации при слишком большой численности населения могут делиться; многосоставные же нации под напором внешних угроз могут сплачиваться. Под воздействием определенных внутренних факторов нации также могут временно держаться вместе (например, при тоталитарном политическом режиме).

3. Размеры территории компактного проживания. Сохранение своей территории — один из постоянных интересов и главных законов выживания нации; нация не может существовать без своей компактной территории определенных минимальных размеров; нациям присуще и стремление увеличивать размеры территории своего проживания; она делает все возможное для того, чтобы, во всяком случае, сохранить имеющуюся территорию, не допустить ее сокращения.

4. Границы с государствами соседних наций. В современном мире процессы территориального или пограничного размежевания между некоторыми нациями еще не закончены; на целый ряд территорий (или акваторий) претендуют чаще всего две нации, а бывает, что и несколько наций одновременно. Ситуация уже такова, что прежними

военными методами решать эти вопросы во многих случаях становится невозможно. И в обозримом будущем территориальные вопросы, если обе нации, каждая в отдельности и самостоятельно, не готовы или не склонны их решать, предпочтительнее заморозить. При этом необходимо добиваться, чтобы нерешенность вопросов о границе и о территориях не сказывалась на добрососедских и тем более на нормальных дипломатических отношениях между государствами, да и на неправительственных взаимоотношениях между нациями. Попытки решать вопросы о границах и территориях с помощью силы грозят, имея в виду современные виды вооружений, самому существованию нации. Жизненный интерес нации состоит в данном случае в том, чтобы подход к проблеме границ и территорий, требующий, с точки зрения той или иной нации, изменения ныне существующего положения, был подчинен интересам выживания наций. Иначе говоря, из-за границ и территорий нации не должны вести войны, соглашаясь с сохранением навечно (или относительно навечно, надолго) ныне существующего положения и не создавая потенциальной угрозы войны за передел территорий и изменение границ.

5. Вооруженные силы. Каждая нация имеет право и стремится обладать оборонной мощью, достаточной для того, чтобы удерживать потенциальных противников от нападения на нее, имея в виду ответный ущерб, грозящий нации-агрессору. Обладание такими вооруженными силами — это также объективный и постоянный интерес нации, во всяком случае в обозримом будущем; все это не только не исключает, но, напротив, предполагает согласование нациями вопросов обеспечения мира и безопасности как в двусторонних отношениях, так и на региональном и глобальном уровнях.

6. Национальное самосознание (мышление, воля, чувства, воображение, интуиция, общие настроения). У людей той или иной нации, естественно, преобладают тенденции более или менее постоянного или временного характера; они присущи практически всем нациям, хотя и не всегда выражают их объективные интересы и реальность. Вряд ли обоснованным было бы, например, полагать, будто у одной нации такие интересы имеются и они справедливы, а у другой нации они менее сильны, или что следует считаться с настроениями только одной нации. Интересам наций отвечает сохранение равновесия между такого рода настроениями, понимание того, что каждое действие в соответствии с определенными настроениями повлечет за собой не менее сильное противодействие со стороны нации-партнера.

Национальное самосознание или настроения наций обычно отражают и постоянные интересы — стремление к выживанию, к сохранению компактного однородного, исторически сложившегося населения, к сохранению за нацией той или иной ее территории; однако иногда на определенное, порой длительное время на поверхность могут выходить интересы временного характера, скажем, соблазн воспользоваться временной слабостью соседней нации. Извращенные представления о национальных интересах выражаются в теориях «жизненного пространства», «утраченных территорий», «несправедливых договоров о границах», «несправедливо отторгнутых священных земель нашей родины» и в практике геноцида или «возвращения (тем или иным путем) населения на историческую родину».

Немалую роль в создании такого рода извращенных стереотипов национального самосознания играла и играет целенаправленная политика государств, правящих политических сил и партий, вождей и политических лидеров, а также постоянно действующая система школьного воспитания подрастающих поколений. Все это реально питается настроениями наций, но в конечном счете идет вразрез с их жизненными интересами.

Образы наций

Каждая нация выступает на мировой арене в определенном, исторически сложившемся облике, образе. У каждой есть свои черты, которые присущи именно данной нации. Из совокупности специфических черт, отражающих внутреннее состояние нации, ее характер, складывается и ее образ на мировой арене. Каждая нация самостоятельна и выступает в своем обличье, в своем образе. Можно говорить об образе нации, об образах наций, о нашем мире как созвездии образов наций, т.е. о многообразии нашего мира.

Понятие образа нации и многообразия мира представляется более близким к сути вопроса, чем понятие многополюсности или многополярности мира. Полнос (по-гречески *polos* — ось вращения) — каждая из двух «конечных точек» оси, на которой вращается шар. Полносами зовут также вообще крайние точки супротивных друг другу сил. Полносов обычно бывает два и не более того. Полнос — термин, который предполагает тяготение многих одноликих частиц к одному центру.

Но неверно — ни применительно к одной нации, ни тем более к сообществу наций. Мировое сообщество наций подобно звездному небу, где каждая звезда сияет своим светом, независима и самостоятельна и в то же время равна любой другой звезде. Многомирие наций, многообразность наций — вот что такое их мировое сообщество.

Невозможно ни отделять друг от друга нацию и человека, ни противопоставлять их друг другу. Нации и личности по сути своей имеют общую основу. Это либо индивидуальности, либо совокупности индивидуальностей, причем и те и другие — это существа, обладающие разумом, а для существ, обладающих разумом, существуют свои законы — «естественные законы» или «естественное право». По мнению Гуго Гроция, естественным правом именуется то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противоречит природе существ, обладающих разумом.

В поведении наций, как и в поведении человека, бывают моменты или периоды, когда они руководствуются разумом, действуют рационально; однако случаются, и не редко, вспышки или периоды, когда их действия определяются либо эмоциями, либо ложно понятыми интересами. Тогда их поведение становится иррациональным. Особенно грешат этим вожди, лидеры, и политические партии; иногда так случается и с государствами, и с целыми нациями.

Мировой порядок, по мысли Хэдли Булла, возможен, если международные отношения будут строиться не на принципе мирового сообщества с конфликтующими интересами суверенов, а по модели международного общества, в котором, как и в любом национальном обществе, конструктивное взаимодействие преобладает над деструктивным противоборством.

Итак, в деятельности наций и их государств борются два начала: созидательное и разрушительное. Во власти людей сделать преобладающей тенденцию созидания. Представителями наций на мировой арене выступают при этом государства. Но нации и их государства связаны правилами и институтами общества. Это не только правила благоразумия и целесообразности и не только собственные, иной раз разрушительные, побуждения. Это императивы морали и закона, как для личностей, так и для их сообщества.

Мораль и закон, как и справедливость, могут толковаться по-разному. Процесс согласования их общего понимания потребует еще много времени и усилий. В ходе согласования возникают и будут возникать стремления ставить свое понимание справедливости выше международных соглашений либо отказываться от понятия справедливости вообще, настаивать на верховенстве исключительно договоров и соглашений.

Ипостаси наций

В наше время нация может выступать на мировой арене как единое целое. Так бывает чаще всего, когда у нации есть одно государство. В то же время, главным образом по внутренним причинам, но и под воздействием внешних причин, бывает и так, что нации делятся на части, причем эти части наций существуют отдельно одна от другой на протяжении довольно длительного времени. На мировой арене они бывают представлены своими частями, которые могут образовывать государства. В этом случае складывается ситуация, соответствующая формуле: одна нация — два или несколько государств. Мы не говорим уже об обычных ситуациях, когда одно государство, представляющее данную нацию, исчезает, а вместо него появляется другое государство (или государства) той же нации или новых вызревших наций.

Политическая жизнь сложна, и представителями наций на мировой арене выступают не только государства, но и государствовподобные образования — в той или иной форме, с разным успехом могут выступать те или иные политические силы нации. Они не отождествляют себя с государством своей нации или нации, в которую они по тем или иным причинам входили на протяжении известного времени, но стремятся к тому, чтобы их признали субъектами международного права. Символами наций могут становиться (чаще после смерти, но, бывает, и при жизни) даже политические или религиозные лидеры, деятели культуры.

Все они — нации, их части, их государства, политические силы, политические партии, лидеры — могут иметь свои интересы. Эти интересы могут совпадать с национальными интересами, не совпадать или частично совпадать с ними. Могут частично или полностью расходиться с интересами наций. Но и сами национальные интересы могут быть объективными и субъективными, жизненно важными и временными, коренными и второстепенными, рациональными и нерациональными, верными и ошибочными. В каждом случае необходим тщательный анализ того, что собой представляет то, что выдается за национальные интересы.

Нации представляли и предстают в международной жизни и для самих себя, да и для других наций в различных ипостасях. Иными словами, не существовало и не существует, возможно, временно, если говорить о современности и об обозримом будущем, такого положения, которое определялось бы только формулой: одна нация — одно государство. Такое возможно, и в реальной международной жизни наблюдается, но это не обязательно. Довольно часто мы видим, что нация бывает представлена на мировой арене своими самыми разными представителями или выступает в разных ипостасях. Иначе говоря, действует иная формула: одна нация — одно или несколько государств, существующих последовательно или одновременно.

Мы предпочитаем пользоваться в данном случае термином «ипостась», означающим «сущность» (греч.). В христианстве, когда говорили об ипостасях, подразумевали Бога, единого по существу, троиственного ипостасями; иными словами, имелось в виду, что нечто единое по своей сущности имеет несколько форм проявления, способов бытия. С нашей точки зрения, нация обладает своей сущностью, своим «основанием», о параметрах которого говорилось выше. В то же время на мировой арене нация может выступать и выступает последовательно или одновременно или в одной или в нескольких ипостасях, проявлениях своей сущности, формах своего бытия.

Итак, если нация относительно вечна, то ее ипостаси — это временные или относительно временные ее формы, в которых нация выступает на мировой арене.

С точки зрения теории международных отношений и международного права этот вопрос вовсе не так прост. Международное право регулирует или должно регулировать отношения между государствами и другими субъектами международного общения. Иначе говоря, дело касается представителей нации, ее ипостасей. Но сама нация по тем или иным,

главным образом, своим внутренним, но также международным причинам может иметь одного представителя, одно государство или одновременно несколько представителей, несколько государств.

Причем эти государства могут не признавать друг друга или предлагать, чтобы отношения между ними считались «особыми отношениями между государствами». Поэтому усложняется и вопрос о взаимоотношениях наций на мировой арене, в том числе с точки зрения международного права. Здесь теория международных отношений и международного права вынуждена отражать реальное положение вещей и идет за практикой отношений между нациями, обслуживает потребности установления и поддержания отношений между нациями и их ипостасями во всех возможных и необходимых формах.

Глобальные, региональные, двусторонние отношения

Отношения между нациями и их ипостасями на мировой арене можно подразделить на три области: глобальные отношения, региональные и двусторонние.

Под глобальными отношениями имеются в виду вопросы, которые затрагивают планету в целом, интересы всего человечества. В этом случае нации могут в какой-то степени согласовывать между собой позиции по тому или иному глобальному вопросу, выступать по данной проблеме порознь или совместно.

Региональные отношения затрагивают вопросы, касающиеся того или иного региона, географической или геополитической части Земли. Региональные проблемы могут быть неразрывно связаны с глобальными проблемами, но могут быть лишь относительно связаны с ними либо вовсе не связаны, во всяком случае непосредственно. Существует определенная относительная свобода при разрешении региональных вопросов, не связанных с мировыми проблемами.

Наконец, двусторонние отношения между каждыми двумя субъектами международных отношений. Они могут быть связаны или отчасти связаны и с глобальными и с региональными проблемами. Но могут быть и относительно независимы от них.

Вопрос о приоритетности тех или иных отношений решается в зависимости от конкретных обстоятельств. На первый план могут выходить то глобальные, то региональные, то двусторонние отношения.

Нации и их представители создают механизмы и институты для совместного обсуждения и решения глобальных, региональных и двусторонних проблем. В последнее время все большую значимость приобретают встречи на высшем уровне глав государств, главных в данный момент представителей своих наций. Эти встречи могут быть весьма эффективны. В то же время необходимо иметь в виду, что у глав государств есть и свои интересы, интересы своих политических партий и своих государств, которые вовсе не всегда и вовсе не обязательно совпадают с важнейшими интересами наций. Поэтому нужно в каждом случае тщательно разбираться в том, какого рода интересы выражают представители наций.

Вопрос о сущности соглашений между представителями наций можно рассматривать в каждом конкретном случае, в каждый данный момент; такого рода соглашения далеко не всегда отражают совпадение интересов наций. Они могут быть либо относительно долговременными, а могут оказаться лишь формальными, кратковременными соглашениями.

Неразрывная связь истории, современности и будущего

Иной раз говорят, что в отношениях между некими государствами начата новая глава, в истории их отношений открыта новая страница или даже — отношения можно начинать с чистого листа. Желают, чтобы прошлое было куда-нибудь выброшено или даже сожжено, а его пепел развеян...

Все это — фигуры речи, образные выражения, отражающие чаще всего благие пожелания — создать легким путем благоприятную атмосферу в отягощенных прошлым двусторонних отношениях, не более того. Кажется, все или почти все понимают это, однако часто приходится сталкиваться с желанием спрятать голову в песок, делать вид, что прошлого не было или что не существует тяжелого исторического наследия.

История всегда остается с человеком, с обществом, с нацией. Взаимоотношения наций в современном мире нельзя начать заново. Можно только продолжать, учитывая или не учитывая исторический опыт. В сфере отношений между нациями история, современность и будущее связаны между собой неразрывно.

Учитывать уроки прошлого трудно, почти невозможно, но и без этого обойтись нельзя. Так или иначе, нации должны жить сегодня рядом друг с другом и стремиться к мирному сожительству в будущем, а это требует взаимного приспособления, согласования интересов, да и учета исторического прошлого, истории взаимоотношений.

Международные, межгосударственные и дипломатические отношения; народная дипломатия

Целесообразно и в теории и на практике различать международные, межгосударственные и дипломатические отношения.

Между ними есть связь, но существуют и различия. Отношения между нациями, между народами и странами, выступают и при рассмотрении вопроса с этой точки зрения как приоритетные. Международные отношения или отношения между народами, нациями существуют вне зависимости от того, имеются ли межгосударственные отношения. Наконец, снова вспомним, что одни государства исчезают, на их место приходят другие государства, а народы и страны — нации как сожительствовали, так и продолжают сосуществовать на мировой арене.

Межгосударственные отношения — это лишь часть отношений между нациями, область этих отношений уже отношений между нациями в целом. Отношения между нациями включают в себя всю историю их сосуществования как во времена тех или иных государств, так и в те периоды истории, когда у той или иной нации могло и не быть государства.

Межгосударственные отношения в современном мире также не равнозначны отношениям дипломатическим. Межгосударственные отношения могут существовать в различных формах. И в это же самое время дипломатические отношения могут поддерживаться в полном объеме или частично или вообще отсутствовать. Иногда это связано с существованием нескольких ипостасей той или иной нации.

Дипломатические отношения — это составная часть межгосударственных отношений. В этом смысле дипломатические отношения — же межгосударственных, их сфера ограничена. И наоборот, область межгосударственных отношений шире области отношений дипломатических.

Существует такое понятие: «народная дипломатия». В Китае есть свое объяснение этого термина. Суть его в том, что сначала на Земле появились отражавшие реалии понятия «люди», «народ», и только потом появилось государство. Сначала имели место контакты и связи между отдельными представителями разных народов, а также между народными «институтами». Различного рода контакты в этой сфере и получили у китайцев название народной дипломатии, или, дословно, внешних связей и обменов между народами.

С этой точки зрения, официальная дипломатия появилась позднее, составляет только часть связей между народами, одну из форм этих связей. В определенном смысле существует относительная свобода отношений между народами, народной дипломатии по отношению к официальной дипломатии. Эти две формы отношений между народами могут

сосуществовать, но в те или иные периоды может существовать и одна только из этих двух форм....

Принципы выживания и нормального сожительства наций и их государств: мир, независимость, равноправие

В нашу эпоху, очевидно, можно считать, что существуют главные, основные принципы выживания и нормального сожительства наций. Это мир, независимость и равноправие. Все три принципа неразрывно связаны между собой. Без какого-либо из них в конечном счете невозможны ни выживание, ни нормальное сожительство наций и их государств.

Мир — это императив. Можно надеяться, что со временем это поймут все и война будет исключена из жизни людей. Возможно, что суровая действительность заставит сделать это. Тем более что средства ведения войны становятся все более опасными для существования человечества.

Вопрос о независимости не столь прост, как может показаться на первый взгляд. В истории было много размышлений о том, что все мы люди, что человечество, как единое и универсальное сообщество людей, в конечном счете заменит пеструю картину множества государств. Но на самом деле если это и произойдет когда-нибудь, то на пути к этому единству придется пока уважать независимость каждой нации. Конечно, и нациям придется все больше считаться друг с другом. Сейчас мы переживаем период, когда каждая нация заявляет о своей независимости и готова ее отстаивать всеми доступными ей средствами. Поэтому пока надо добиться того, чтобы нации были уверены, что какие бы то ни было изменения, в том числе и территориальные, возможны лишь исключительно с их согласия. Одним словом, мы живем в эпоху подчеркнутой независимости наций.

Наконец, принцип равноправия — это важнейший принцип современной международной жизни. Как и принцип прав человеческой личности, он присутствует и будет присутствовать и играть свою роль на мировой арене. Необходимо научиться уважать другую нацию как самое себя — все нации равноправны.

Договоренности между нациями могут иметь под собой прочную основу только в том случае, если соблюдаются все три принципа одновременно: мир, независимость, равноправие.

Относительность независимости и взаимосвязи внутреннего положения в стране и ее внешней политики

Это — сложный вопрос. Иной раз кажется, что можно совершенно свободно заниматься внутренней политикой, не задумываясь о внешней политике. На самом деле это далеко не так. Конечно, относительная независимость между положением внутри той или иной страны и ее же внешней политикой существует. Но важно не переходить ту грань, когда могут быть нарушены интересы самой нации, не говоря уже о коренных интересах других наций. Причины возникновения неприятных ситуаций могут быть политическими, идеологическими, экономическими, военными, национальными и иными.

В то же время жесткой зависимости между этими двумя сферами — внешней и внутренней политики — не существует. В каждой из сфер можно действовать с известной свободой. Особенно в связи с тем, что нынешние нации еще не связаны между собой настолько тесно, чтобы любое движение внутри своей страны тут же отражалось на мировой арене.

Приспособление наций и государств друг к другу

В наше время мы вступили в период непосредственного соприкосновения и приспособления наций и государств друг к другу. Сейчас это стало яркой особенностью ситуации. Человечество постепенно идет к осознанию себя на практике и в теории единым целым. При этом нации в своих взаимоотношениях проходят такие стадии, как взаимное узнавание, взаимопонимание, а затем взаимное доверие. Это длительный процесс. Пока в основном в большей степени многие находятся на первой стадии — стадии взаимоузнавания.

Начинают предприниматься и попытки взаимопонимания. Но это сразу усложняет ситуацию, ибо на практике требует идти на компромиссы, на взаимные уступки. Пока нации идут на это весьма неохотно. И все-таки нациям придется постепенно осознавать, что от приспособления друг к другу никуда не уйти. Это будет мучительный и трудный процесс. Нациям очень хочется быть совершенно независимыми. Но если есть желание, чтобы тебя не трогали, чтобы до тебя, образно говоря, не дотрагивались, то и ты никого не должен трогать, ни до кого не должен дотрагиваться, не должен затрагивать чужие интересы. Но в обществе внутри страны и в сообществе наций на мировой арене это вряд ли возможно полностью.

Следовательно, дело в том, чтобы понимать неизбежность взаимного приспособления и постепенно приспособляться к своим соседям по планете. На компромиссы придется идти всем и каждому, без этого приспособления не бывает. Можно заморозить некие проблемы по взаимному согласию, но движение вперед остановить нельзя.

Глобализация

Мир вступил в эпоху глобализации. Это означает, что Земля действительно становится столь малой, что все на планете оказывается взаимосвязано. Развиваются процессы, которые связывают в единую глобальную систему очень многое на нашей планете.

Глобализация происходит в различных областях: в экономике, информатике, политике, культуре, в отношениях между нациями, между расами, между религиями. При этом темпы процессов глобализации в каждой из областей различаются. Стадии этих процессов тоже разные, все происходит одновременно. Процессы по-разному идут в каждой отдельной стране. Сложностей здесь видимо-невидимо.

Однако главное — в том, что эти процессы идут и остановить их невозможно. Человечеству придется, допуская ошибки, приспособляться к этому неизбежному и объективному и необходимому всему человечеству процессу.

На данной стадии и в обозримом будущем процессы глобализации будут развиваться в условиях, когда нации и их различные ипостаси, прежде всего государства, не только продолжают и будут продолжать существовать, но будут всемерно отстаивать каждая свою независимость и самостоятельность, бороться за полное равноправие своей нации со всеми остальными нациями, а также стремиться к сохранению для себя и для других наций мирных условий для продолжения жизни на Земле.

Начало третьего тысячелетия — это, прежде всего, период самоутверждения наций. Каждая нация при этом находится на своей стадии развития и самоутверждается по-своему, в ей присущих и необходимых формах. В то же время самоутверждение наций предполагает постепенное формирование их сообщества, руководствующегося общепринятыми для всех участников правилами и законами, отвечающими разумному подходу человека и его общностей к своей жизни и деятельности.

Разумное и созидательное начало присутствует, но ему противостоит также существующее неразумное и разрушительное начало в деятельности отдельных людей и целых наций.

Ипостаси Китая на мировой арене

На протяжении всей письменной истории человечества Китай жил и действовал на мировой арене, хотя его вес, значение и роль в разные периоды истории были различными. В истории Китая были периоды расцвета и упадка.

Китайцы и Китай — одна из наций с древней историей и культурой. Китайцы по своей численности составляют в настоящее время примерно пятую часть человечества. Китайцы как народ и Китай как страна — это непрменная часть сообщества наций.

Если исходить из того, что нация на мировой арене, в кругу себе подобных субъектов мировой политики — это народ и страна, тогда вполне очевидно, что речь идет о нации как об относительно постоянном, если не относительно вечном, феномене международной жизни. Кстати, сами эти термины — «международный», «международная», «международное» появились задолго до того, как их стали использовать в нашей стране (в СССР), да и в других социалистических странах. У нас вкладывали в понятие «народ» исключительно или преимущественно классовое содержание, полагая, что целые слои населения, люди, которых в этих случаях именовали «нетрудовым элементом», «классово чуждыми», «капиталистами», «буржуями», «помещиками», а заодно и их «попутчик» интеллигенция (или те, кто получил высшее образование либо был причастен к миру культуры и образования, литературы и искусства) не входят в априори положительное понятие «народ» или «трудовой народ», «трудящиеся», «рабочие и крестьяне», «пролетариат». В Советском энциклопедическом словаре утверждалось, что «в антагонистических формациях в состав народа не входят господствующие эксплуататорские группы, ведущие антинародную политику».

С течением времени допускались некоторые изменения в определении места некоторых из упомянутых слоев общества относительно «народа»; так, в СССР со временем стали считать, что «при социализме народ включает все социальные группы»; в КНР утверждали, что внутри страны и на мировой арене существуют «ревизионисты», в которых видели «врагов народа», а к концу XX века интеллигенцию рассматривали как «часть рабочего класса». И в СССР, и в других социалистических государствах существовали такие понятия, как «международный рабочий класс», «международное коммунистическое движение» и т.д. По сути дела, равнозначным упомянутому термину «международный» был и термин «интернациональный». Под «интернациональным» имелось в виду, например, единство «пролетариев всех стран», выступавших совместно против «мировой буржуазии», «империализма».

Одним словом, в СССР и в других социалистических странах термины «международный» и «интернациональный» носили классовый характер, а потому и сами понятия «народ» и «нация» тоже имели применительно к международной жизни и происходящему на мировой арене не глобальное, общее для человечества, а классовое, общее лишь для «социалистической» части человечества, содержание.

Так в сознании людей, которые рождались и воспитывались в социалистических государствах, возводилась стена из понятий, в которые вкладывался особый смысл, изначально разделявший человечество и людей на «наших» и «врагов», причем врагов «классовых», т.е. смертельных. В связи с этим в СССР и других социалистических странах сам термин «нация», в частности применительно к международной жизни, был подозрительным, не «научным», ибо им смазывались классовые различия между людьми. Подозрительными представлялись такие наименования, как Лига Наций, а затем и Организация Объединенных Наций; в СССР предпочитали пользоваться сокращением

«ООН». В слово же «Интернационал» вкладывалось классовое содержание: имелись в виду «пролетарии» или «трудящиеся» хотя и разных национальностей, но зато, и это рассматривалось как главное, объединенные общим классовым положением и сознанием, общими классовыми ценностями, общей «классовой борьбой» против «паразитов», против всех тех, кто считал естественными право частной собственности, общие демократические свободы, права человеческой личности для всех людей без деления их на классы.

Классовый подход не только разделял мораль и нравственность на «пролетарскую» и «буржуазную», но и в области внешней политики, в сфере взаимоотношений между странами и народами, т.е. между нациями и их государствами, выдвигал первое и главное условие, главный критерий: делил народы и страны по принципу «наши» и «не наши», «свои» и «враги», «социалистические» или «пролетарские» — и «капиталистические» или «буржуазные». Это, помимо всего прочего, вносило игравший важную роль элемент взаимной подозрительности в международные отношения, содействовало появлению и существованию противостояния в мировых масштабах, «холодной войны» между «миром социализма» или «социалистическим лагерем» и «миром капитализма» или «капиталистическим лагерем». Конечно, обе стороны в этом противостоянии и в этой борьбе были враждебно настроены одна по отношению к другой. Соглашения и договоры между ними и их представителями всегда оставались временными и были лишены прочной общей основы.

В то же время в общемировой жизни, еще до появления государств, руководствовавшихся в своей внутренней и внешней политике классовой теорией, человечество выделяло такие понятия, как народ и страна, и обозначало их в совокупности термином «нация».

При этом отношения между нациями, а точнее — между странами и народами именовались международными отношениями. Мы будем пользоваться терминами «народ», «страна», «нация», «международный» именно в этом смысле. Это представляется целесообразным еще и потому, что в настоящее время особенно остро стоит вопрос о разграничении относительно вечных, относительно постоянных понятий и понятий относительно временных, непостоянных. На вечные понятия можно опираться как на твердую почву при дальнейших рассуждениях о феноменах международной жизни и истории взаимоотношений между нациями. В том, что касается Китая, история и ныне существующее положение дают богатую пищу для размышлений на эту тему.

На мировой арене Китай всегда выступал и выступает как нация, как страна и народ со своей историей и культурой, да и со своим ареалом проживания. В то же время Китай предстал и предстает в международной жизни — для самого себя, да и для других наций — в различных ипостасях. Иными словами, не существовало и не существует — возможно, временно — такого положения, которое определялось бы формулой: одна нация — одно государство. В реальной международной жизни так бывает. Довольно часто мы видим, что нация представлена на мировой арене своими самыми разными представителями или выступает на мировой сцене в разных ипостасях. Иначе говоря, действует формула: одна нация одно или несколько государств, существующих последовательно или одновременно.

В середине XIX в. в Китае на протяжении почти 15 лет одновременно существовали два воевавших одно с другим государства: Великая Цинская империя (Дай Цин Ди го) и Небесное государство Великого спокойствия (Тайпин Тянь го).

При взгляде на историю Китая в XX в. можно увидеть, что в это столетие он вступил как Великая Цинская империя. Однако на рубеже XX в. одна из составных частей Китая (или Великой Цинской империи), одна из частей китайской нации, китайцы, проживавшие на острове Тайвань, в создавшихся для них условиях, когда власти Великой Цинской империи, проиграв войну Японии, были вынуждены передать остров Тайвань вместе с его населением победившей державе, заявили, что они создают свое собственное и отдельное от

Великой Цинской империи государство. Они называли его Демократическим государством Тайвань (Тайвань Миньчжу го), тем самым учредив первую в Азии республику.

Это государство просуществовало недолго, но Китай, пусть на короткое время, предстал в сообществе наций в двух ипостасях, имел на мировой арене двух представителей в качестве двух государств. У одной нации было тогда два государства. Одна часть нации создала одно государство, в то время как другая часть той же нации уже имела (и продолжала иметь) другое государство.

Оказалось, что существование одного государства — не помеха возникновению другого государства, создаваемого другой частью населения той же нации, если к этому его вынуждают обстоятельства: либо внутреннее состояние самой нации, как в случае с Небесным государством Великого спокойствия, либо столкновение интересов различных наций на мировой арене, как в случае с Демократическим государством Тайвань. Одним словом, XIX в. дал примеры существования в Китае двух государств одновременно и первой попытки тайваньцев создать на острове государство, отдельное от государства на материке.

По внутрикитайским причинам главным образом, хотя и с учетом ситуации, сложившейся для Китая на мировой арене, с начала 1912 г. вместо Великой Цинской империи в Китае появилось новое государство — Китайская Республика (Чжунхуа Минь го). Прежняя империя, монархия, перестала существовать. Одно государство сменило другое государство. Так было еще раз подтверждено, что сама нация относительно вечна, а ее государства относительно временны. Вместо прежней ипостаси на мировой арене появилась иная, новая ипостась Китая.

Затем предпринимались попытки реставрировать монархию. Внутри Китая возникали также относительно обособленные один от другого районы, каждый со своей военно-политической властью. Потом возникла ситуация, при которой существовали и действовали два правительства: одно на севере, а другое на юге страны. При этом формально, для внешнего мира, у этих двух правительств было одно государство. Так ситуацию можно было характеризовать формулой: одна нация — одно государство — два правительства.

В отношениях на мировой арене, в частности, во время переговоров 1923—1924 гг. о восстановлении или об установлении дипломатических отношений с нашим государством того времени, т.е. с СССР, со стороны одного китайского государства, т.е. Китайской Республики, его представителями (членами делегации) выступали люди, симпатизировавшие и правительству Северного Китая, и правительству Южного Китая. Иначе говоря, возник пример объединенного выступления на мировой арене двух ипостасей Китая.

Ситуация, однако, бывала иной раз еще более сложной. На мировой арене тогда выступали одновременно и два правительства Китая, и, в личном качестве, лидер одной из политических сил Китая. Например, в 1923 г. в Москве принимали, в том числе и в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР, делегацию доктора Сунь Ятсена, лидера партии Гоминьдан Китая — и руководителя правительства и вооруженных сил, базировавшихся на территории одной из частей Китая, т.е. в Гуандуне, одной из провинций Южного Китая.

Ситуация, при которой Китай предстал перед мировым сообществом или в отношениях со своими партнерами на мировой арене в разных ипостасях, непосредственно касалась, с одной стороны, самого Китая или его частей и, с другой стороны, других стран. В частности, в 1920-х гг. наша страна имела дело и с правительством в Пекине, и с Сунь Ятсеном в Гуанчжоу. Более того, речь шла о военной, финансовой помощи, о помощи советниками, политическими и военными советниками с нашей стороны главным образом представителям одной из ипостасей Китая, а именно доктору Сунь Ятсену и его правительству в Южном Китае. В то же время или почти в то же самое время наша страна вела переговоры и добивалась восстановления дипломатических отношений с другой

ипостасью Китая, с другим правительством, располагавшимся в Северном Китае, в Пекине и признанным мировым сообществом или большинством государств мира.

Ситуация, однако, менялась, и в конечном счете правительство Южного Китая стало центральным правительством Китая. Вследствие этого произошло изменение отношения к этому правительству и мирового сообщества наций.

Из этого, в частности, следовало, что ипостаси Китая могли признаваться или не признаваться отдельными государствами или даже большинством сообщества наций. Признание могло перемещаться от одной ипостаси к другой в зависимости от того, как расценивало мировое сообщество положение и силу той или иной ипостаси Китая, а также в зависимости от того, какие отношения с разными ипостасями Китая отвечали интересам тех или иных государств (или большинства мирового сообщества наций).

Когда же во второй половине 1920-х гг. китайцам удалось в основном объединить страну, создать одно правительство одного в то время китайского государства — Китайской Республики, тогда вопрос о нескольких ипостасях Китая на некоторое время отпал. Все имели дело с правительством одного государства китайской нации, с правительством Китайской Республики.

Однако внутри китайской нации вновь обострилась практически так и не прекращавшаяся политическая и вооруженная борьба. В ходе нее либо появлялись некие подобия государств, государственноподобные образования, либо провозглашалось (во всяком случае, номинально) создание государств. Наименование или определение их сущности и характера во многих случаях зависело от тех, кто хотел или не желал иметь с ними дело. В частности, на территории Китая, наряду с Китайской Республикой, часть китайской нации провозгласила создание Китайской Советской Республики — Чжунхуа Сувэйай Гунхэго. Таким образом в начале 1930-х гг. китайская нация предстала в качестве двух государств, в двух ипостасях. Для части китайцев легитимным было одно из этих государств, а для другой части — другое. Другим нациям приходилось выбирать между ними.

Более того, складывалась ситуация, когда, например, наша страна имела дипломатические отношения с одним государством китайской нации, а по сути дела, одновременно поддерживала разного рода отношения и с другим Китаем.

Международная жизнь, определяемая интересами всего человечества и интересами наций, как его составных частей, никогда и никак не может ни остановиться, ни прерваться. Нации всегда должны общаться одна с другой. Они всегда ищут и находят формы того или иного общения. Кстати сказать, несколько позднее США тоже нашли подобные формы общения с разными частями китайской нации. Во время Второй мировой войны они имели дипломатические отношения с правительством Китайской Республики, но в то же время держали миссию своих военных наблюдателей в районах Китая, находившихся под контролем другой китайской военно-политической силы.

В 1930—1940-х гг. дело осложнилось еще и тем, что против Китая как нации, как целого, была совершена внешняя агрессия. Японцы начали войну против Китая, стремясь поставить его под свой контроль и захватить китайскую территорию. На уже захваченной ими части китайской земли они создали несколько государств. Их обычно именовали марионеточными, имея в виду, что эти государства существовали по воле Японии. Но при сложившихся тогда обстоятельствах и эти государства играли некоторую, пусть чисто номинальную, роль в отношениях между нациями. Это, например, созданное на Северо-Востоке Китая марионеточное государство Маньчжоу-го (или Маньчжоу-Дигго), «Маньчжурская Империя», с которым формально пришлось иметь дело нашей стране, решая вопрос о вынужденной для нас тогда продаже КВЖД.

Наряду с центральным правительством Китайской Республики в годы антияпонской войны появился и существовал еще один властный институт, который также именовал себя центральным правительством Китая. Оно находилось под контролем японцев; при нем была создана из китайцев армия численностью в несколько сот тысяч человек. Сами руководители

этого правительства, которое размещалось в столице довоенного Китая — оккупированном японской армией Нанкине, — полагали, что японская оккупация — дело временное, и рассматривали ее как некую свалившуюся на Китай извне болезнь, от которой китайская нация рано или поздно выздоровеет. В конечном счете японцы будут вынуждены уйти, а после этого нанкинское правительство и станет единственным правительством Китая...

Таким образом, появление различных ипостасей Китая было своего рода вынужденным явлением на мировой арене и в самом Китае, но оно каждый раз в той или иной степени отражало реалии взаимоотношений и внутри самой китайской нации, и между нею и другими нациями. Конечно, вопрос о такого рода государствах решался в конечном счете самой китайской нацией, соотношением сил внутри нее.

В одном из районов Китая, в Синьцзяне, в 1940-х гг. на некоторое время появилась еще одна своеобразная ипостась, т.е. государство, которое именовалось Восточно-Туркестанской Республикой. При этом оно желало, чтобы его не считали частью китайской нации. Среди тех, кто создавал это государство и защищал его, не было ханьцев; это были представители неханьских народов, обитавшие на землях, которые они считали исконно своими, в то время как в Китае утверждали, что речь идет о территориях, исторически принадлежавших Китаю. Таков еще один феномен, с которым пришлось столкнуться и внутри Китая, и на мировой арене. В частности, эта Восточно-Туркестанская Республика питала надежды на поддержку со стороны СССР. Таким образом, в реальной жизни это был для нас еще один вопрос об ипостасях Китая и об отношении к ним. Восточно-Туркестанская Республика вскоре приказала долго жить, а эти земли остались в составе Китая.

Наконец, на территории Китая с 1920-х гг., даже во время его борьбы против японской агрессии, велась, по сути дела, смертельная борьба в разных формах и весьма продолжительная по времени между враждебными друг другу политическими силами китайской нации — между Китайской Республикой и руководившей ею партией Гоминьдан Китая (Националистической партией Китая), с одной стороны, и «Особым районом Китая», руководимым партией Гунчаньдан Китая (Коммунистической партией Китая).

Этот феномен был и остается до сих пор самым важным в этой области международных отношений. Мировое сообщество наций встретилось с двумя ипостасями Китая. Многим нациям, да и подчас сообществу наций в целом приходилось и приходится на практике отвечать на вопрос, что делать, как поступать, вырабатывая линию поведения в отношении каждой из этих ипостасей Китая.

Ситуация складывалась таким образом, что главные партнеры Китая во Второй мировой войне, СССР и США, имели в той или иной степени контакты и связи с обеими ипостасями Китая, с обеими частями китайской нации, с их властными структурами. На мировой арене Китай и тогда, во время Второй мировой войны, выступал по меньшей мере в двух своих основных ипостасях. Считаться с ними приходилось и внутри страны, и на мировой арене.

При создании ООН в 1945 г., учитывая ситуацию и внутри Китая, и на мировой арене, Китай формально был представлен делегацией одного государства — Китайской Республики. Но по сути дела, это была объединенная делегация представителей обеих главных ипостасей китайской нации — в состав делегации входил представитель КПК Дун Биу. По сути дела, и для Китая как нации, и для мирового сообщества наций оказалась приемлемой при создании ООН формула: одна нация — одно государство (по форме) — две ипостаси, две политические силы (по существу).

В 1949 г. ситуация изменилась. Часть китайской нации и ее ведущая политическая сила того времени — Коммунистическая партия Китая — в опоре на свои вооруженные силы 1 октября 1949 г. создала новое государство — Китайскую Народную Республику (Чжунхуа Жэньминь Гунхэго). Перед сообществом наций возникла новая задача. Китай предстал на мировой арене в виде двух ипостасей, теперь уже двух государств. Иначе говоря, продолжало и продолжает существовать государство китайцев, созданное и

начавшее функционировать с 1 января 1912 г., — Китайская Республика. В свое время Китайская Республика была одним из основателей ООН и постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Одновременно появилось новое государство — Китайская Народная Республика. В момент провозглашения этого нового государства Китайская Республика держала под своим контролем и часть китайского материка, в том числе провинцию Сычуань с крупным городом Чунцином, и прибрежные острова, включая остров Тайвань. Затем вооруженные силы КНР вытеснили своих противников с территории континентального Китая.

Создалась ситуация, при которой большинство населения страны (или — большинство китайской нации) стало жить в Китайской Народной Республике, тогда как ранее оно проживало в Китайской Республике. Меньшинство продолжало жить в Китайской Республике. Несмотря на это, большинство членов мирового сообщества наций продолжало иметь дипломатические отношения с Китайской Республикой, а меньшинство прекратило отношения с Китайской Республикой и установило отношения с Китайской Народной Республикой. Так поступило, в частности, и наше тогдашнее государство, СССР.

Другими словами, мировому сообществу, каждому из его членов, пришлось выбирать между двумя ипостасями Китая, когда речь шла о дипломатических отношениях и когда стоял вопрос о членстве в ООН. При этом выбор не определялся — и тогда, и в дальнейшем на протяжении более двух десятилетий — размерами территории или населения той или иной ипостаси Китая, того или иного государства китайцев.

Прошли годы, и мировое сообщество изменило свой взгляд. Решение в данном случае зависело от США. Учитывая, прежде всего, взаимную заинтересованность наций в поддержании нормальных отношений, исходя из своей оценки перспектив развития ситуации в мире и в самом Китае, США и большинство государств мира изменили свою позицию и установили дипломатические отношения с КНР, прекратив их с Китайской Республикой. Теперь уже — с Китайской Республикой на острове Тайвань, территория которой и ограничивается практически только этим островом. Китайская Народная Республика стала членом ООН и постоянным членом Совета Безопасности ООН вместо Китайской Республики, которая потеряла место в ООН.

В то же время произошло, как это и ранее случалось в истории, разграничение вопроса о связях между нациями и связях между государствами и о связях дипломатического характера. Все это не равнозначные вещи. Связи между нациями, по сути дела, являются всеобъемлющими связями между народами и странами; они включают в себя связи между государствами, но значительно превосходят их по объемам и формам. Связи между государствами, в свою очередь, включают в себя и дипломатические отношения, но значительно превосходят их по формам и объему.

На практике сложилась ситуация, при которой оказалось, что в том случае, когда нация выступает на мировой арене в нескольких ипостасях, будь то несколько государств или государственноподобных образований, несколько политических отдельных образований, для других наций возможно иметь дипломатические отношения с каждым из них по отдельности, особенно в том случае, если все они сами против этого не возражают. Но возможен и иной вариант, когда связи дипломатического характера можно иметь лишь с одной ипостасью нации, скажем, с одним из ее государств. Так бывает в том случае, когда эта ипостась возражает против установления дипломатических связей с другими ипостасями нации, а партнеры заинтересованы, прежде всего, в дипломатических отношениях именно с данным государством.

В то же время можно иметь не дипломатические, но межгосударственные отношения с другими частями нации, ее другими ипостасями. При этом оказывается достаточным заявлением о том, что эти связи не носят политического характера.

Таким образом вычлениаются отношения между нациями, отношения между государствами, дипломатические отношения между государствами, отношения

политического характера, отношения экономического характера, отношения в области культуры и так далее. Допускается всеми участниками установление и поддержание связей экономического, культурного и иного, лишь бы не политического, характера при отсутствии дипломатических связей. Связи экономического, культурного и правового характера могут приобретать характер межгосударственных связей. Например, могут подписываться документы за подписями заместителей министров или министров экономики между соответствующими партнерами. Эти связи могут приобретать форму межправительственных соглашений в тех случаях, когда их объемы и характер требуют гарантий со стороны правительственных ведомств соответствующих государств.

Может складываться ситуация, при которой проводится различие между дипломатическими отношениями (которые, как правило, в нынешнем мире устанавливаются либо только с одним из государств нации, либо с несколькими ее государствами, но при согласии на это как самих частей данной нации, так и мирового сообщества) и межгосударственными отношениями, которые в разных формах могут устанавливаться со всеми частями той или иной нации; прежде всего это относится к экономическим и культурным связям. Государства или нации могут иметь и дипломатические и межгосударственные отношения с частями нации. Наконец, можно отдельно выделить отношения между нациями и между народами или говорить отдельно об отношениях только между народами.

Эти отношения существуют. По сути дела, в истории человечества они появились раньше, чем отношения между государствами, во всяком случае, они возникли раньше, чем дипломатические и межгосударственные отношения. Они могут поддерживаться и при наличии дипломатических, межгосударственных отношений, и в их отсутствие. Примером такого рода отношений могут служить связи между КНР и Японией с 1949 г. до установления между этими государствами дипломатических отношений в 1970-х гг.

Вопрос об ипостасях той или иной нации имеет несколько аспектов. Они существуют одновременно и тесно взаимосвязаны и переплетены. Это, прежде всего, взаимоотношения между самими частями одной нации. От их характера зависят и отношения внутри нации, и принципиальное положение и состояние отношений каждой из ее частей и внешним миром, с другими нациями. Если обе части нации благосклонно относятся к развитию всевозможных отношений с внешним миром и своих собственных и другой или других частей своей же нации (или допускают такое развитие) — это одна ситуация. Если такого благосклонного отношения нет — возникает другая ситуация.

Далее, существует такой аспект, как отношения наций на мировой арене. Здесь каждая из частей той или иной нации, если она выступает в своей отдельной и самостоятельной ипостаси, имеет свои интересы. Мало того, в той или иной степени в ней заинтересовано — и это самое главное — мировое сообщество или его части.

Такая же ситуация складывается и применительно к тем или иным регионам земного шара. При этом она осложняется еще и процессами глобализации, которые охватывают и политическую и экономическую сферы жизни. Причем процессы глобализации происходят и одновременно и разновременно в разных областях и государствах, в разных частях мира. Каждый их участник может находиться на одних и тех же или на разных этапах глобализации, применительно к своей стране.

Наконец, у каждых двух партнеров в мире, вне зависимости от того, являются ли эти партнеры единственными представителями своей нации или представителями разных ее частей, могут существовать важные общие интересы, которые заставляют таких партнеров находить формы взаимоотношений, которые либо вписываются в уже известные схемы, либо создают новые ситуации и формулы.

Исходя из всего сказанного, можно попытаться рассмотреть ситуацию с нынешними ипостасями Китая на мировой арене.

В XXI век китайская нация вступает в двух ипостасях. И если говорить о взаимоотношениях двух современных ипостасей Китая, то начать необходимо с того момента в истории, когда наряду с Китайской Республикой появилось еще одно китайское государство — Китайская Народная Республика, с 1 октября 1949 г., когда было объявлено о создании КНР.

Одновременно продолжала существовать Китайская Республика. Начался период военного противостояния этих двух ипостасей Китая, двух государств китайской нации, существующих одновременно.

КНР поставила одной из важных целей своей политики «освобождение Тайваня»; имелось в виду, главным образом, применение вооруженных сил для выполнения этой задачи. Политика же Китайской Республики определялась тогда формулой: «период мобилизации нации на подавление коммунистического бунта». Прошло 30 лет, и в 1979 г. были установлены дипломатические отношения между США и КНР. Вполне очевидно, что это явилось следствием определенной договоренности между Вашингтоном и Пекином по вопросу о взаимоотношениях между Китайской Народной Республикой и Китайской Республикой как двумя частями китайской нации, двумя ее ипостасями.

В январе 1979 г. Дэн Сяопин заявил американским конгрессменам: «Мы более не употребляем термин «освобождение Тайваня». Сколько времени ни заняло бы возвращение Тайваня в лоно Родины, мы будем с уважением относиться к существующим там реалиям и системе» [247]. КНР прекратила говорить о политике «освобождения» или «мирного освобождения» Тайваня и начала руководствоваться формулой «мирное воссоединение» или «мирное объединение», «возвращение Тайваня в лоно Родины». Это стало окончанием периода военного противостояния и началом периода мирного противостояния, мирной конфронтации в отношениях между двумя ипостасями Китая.

В 1981 г. председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей маршал Е Цзяньин выдвинул программу действий в этой области. (Кстати, именно маршалу Е Цзяньину принадлежала заслуга отстранения от политической деятельности сразу же после смерти Мао Цзэдуна его ближайших приверженцев, включая вдову Мао Цзэдуна Цзян Цин; маршал Е Цзяньин оказался также единственным из китайских руководителей, кто смело назвал политический строй при правлении Мао Цзэдуна «феодално-фашистской диктатурой».)

Он отметил, что имеет место «раскол китайской нации», т.е. начал с констатации факта, положив в основание своей концепции понятие «нация» и заговорив о ее временном расколе.

Далее он предложил начать переговоры на паритетных условиях между партиями — между Коммунистической партией Китая и партией Гоминьдан, с тем чтобы сотрудничество между ними имело целью объединение Родины.

Таким образом, Е Цзяньин сразу же вывел вопрос из сферы прямого взаимодействия государств, оставил в стороне вопрос о государствах китайской нации. Во главу угла он поставил проблему объединения Родины, Китая как страны и нации. При этом он предложил вести переговоры на паритетных началах, принимая принцип равноправия сторон на уровне представителей двух политических партий, каждая из которых фактически руководила своим государством. Деликатный вопрос о двух государствах в программе Е Цзяньина не препятствовал началу переговоров.

Признавая факт существования народа Китая по обе стороны Тайваньского пролива, Е Цзяньин выступил за налаживание общения между людьми.

И здесь он начал с понятия «народ», поставив отношения между частями нации выше понятия отношений между государствами и предложив немедленно возобновить контакты и обмена между людьми. Тем самым отношения между нациями, международные отношения оказывались приоритетными. Само общение народов должно было со временем создать основу для новых подходов к проблеме взаимоотношений государств. И в данном случае

вопрос о государствах не должен был препятствовать началу общения между людьми — «частицами нации».

Маршал Е Цзяньин обещал, что и после объединения страны Тайвань сохранит право на высокую степень самоуправления на правах особого административного района.

Таким образом, именно Е Цзяньину принадлежит идея предоставления особых прав административной единице в составе государства. Он пояснил, в чем могли бы заключаться эти права. Обещал, что Тайвань сохранит свои вооруженные силы. Обещал, что центральное правительство не будет вмешиваться в местные дела Тайваня. Обещал сохранение неизменности существующего общественно-экономического строя на Тайване и образа жизни населения.

Иначе говоря, сначала Е Цзяньин предлагал открыть путь к бессрочному мирному сосуществованию двух частей китайской нации, создать возможности для людей общаться между собой (это было за десять лет до падения Берлинской стены). Он предложил далее начать не ограниченные сроками переговоры между представителями политических партий на паритетной основе.

Только после выдвижения этих предложений Е Цзяньин перешел к изложению первой позиции своей стороны на будущих переговорах. Конечно, для него прежде всего существовало его государство, т.е. КНР, и правительство КНР было в его глазах центральным правительством Китая. Вхождение Тайваня в состав КНР подразумевалось. Однако при этом на первый план он выдвинул принцип сохранения независимости и самостоятельности партнера по переговорам в ряде областей; по сути дела, он соглашался с сохранением многих основных атрибутов государства на Тайване и с сохранением социально-политического строя, образа жизни населения на острове.

Далее, Е Цзяньин обещал сохранение экономических и культурных связей Тайваня с зарубежными странами и признал неприкосновенность существующих прав собственности на Тайване. Это означало, что гарантируется и сохранение существующих порядков на острове и в то же время сохраняются связи острова с внешним миром в сфере экономики и торговли. Е Цзяньин также обещал, что представители властей и общественности Тайваня получают руководящие посты во всекитайских политических органах и возможность принимать участие в управлении государством.

Глава парламента обещал Тайваню финансовую помощь центрального правительства, обещал свободу передвижения жителей Тайваня в континентальной части Китая. Он приветствовал тайваньские инвестиции и гарантировал их сохранность.

Наконец, Е Цзяньин заявил, что воссоединение Родины — это долг каждого китайца [248].

Итак, Е Цзяньин воспользовался понятием нации, не связывая процесс развития отношений и начало переговоров жестким предварительным условием признания китайцами по обе стороны Тайваньского пролива принадлежности к одному государству, т.е. к КНР. Вопрос о переговорах ставился в плоскость отношений между партиями без жестких сроков и условий, при сохранении вооруженных сил на Тайване и гарантиях сохранения там существующего социально-экономического строя.

Одним словом, Е Цзяньин открыл возможность бессрочного периода общения людей по обе стороны Тайваньского пролива, оставляя в стороне острый вопрос о государстве и никак не вмешиваясь в дела Тайваня, предложив вести переговоры на уровне представителей политических партий.

Е Цзяньин как бы подразумевал, что вопрос о применении вооруженных сил не относится к сфере взаимоотношений между двумя частями китайской нации, ее ипостасями на континентальной и островной частях Китая.

Прошло несколько лет. В 1983 г. Дэн Сяопин разъяснил свое видение вопроса.

Он сказал, что как особый административный район Тайвань, в отличие от других провинций, городов и административных районов, будет пользоваться определенными

особыми правами. Эти права не должны противоречить интересам объединения государства, и только КНР имеет право представлять Китай на международной арене. Более конкретно права автономии особого административного района Тайвань выглядели в заявлении Дэн Сяопина так:

— Он может иметь социально-экономическую систему, отличную от материковой.

— Он может пользоваться правом независимого отправления правосудия и вынесения окончательного решения судом без утверждения в Пекине.

— Тайвань может сохранять свои вооруженные силы до тех пор, пока они не представляют угрозы для материковой части.

— Политические партии, правительство и вооруженные силы на Тайване контролируются им самостоятельно.

— На Тайване не будут расположены ни войска, ни административный персонал с материка.

— Тайваню будут зарезервированы места в центральном правительстве.

Дэн Сяопин также заявил, что осуществление национального объединения требует соответствующего подхода. Он предложил, чтобы предпочтение было отдано переговорам между двумя партиями на равноправной основе, а не переговорам между центральными и местными властями, что должно привести к третьему периоду сотрудничества (КПК и ГМД. — Ю.Г.) [249].

Но в 1984 г. Дэн Сяопин заговорил об идее «одно государство — два строя». При этом он отметил, что хотя в заявлении Е Цзяньина в 1981 г. и нет формулировки «одно государство — два строя», но эта идея «фактически присутствует». Он также сказал, что эта формулировка была выдвинута «два года тому назад» (т.е. в 1982 г.) при постановке «сянганского вопроса». Дэн Сяопин заявил также: «Тайвань является частью Китая, и в Китае можно при условии существования одного государства осуществлять два строя»; при той предпосылке, что на территории с миллиардным населением около нее «допустимо существование капитализма в небольшом районе и в небольшом масштабе. Без этой предпосылки капитализм поглотит социализм» [250].

Таким образом, Дэн Сяопин сместил акценты. На первое место он вынес вопрос о предварительном условии — признании единственным государством китайской нации только КНР. Дэн Сяопин исключил переговоры между властями материковой и островной частей Китая. Он допустил переговоры только между партиями. Дэн Сяопин также ввел условие, ограничивающее вооруженные силы Тайваня, т.е. фактически ввел в повестку дня будущих переговоров вопрос о размерах вооруженных сил на Тайване.

Таким образом, позиция Дэн Сяопина означала сужение сферы обсуждаемых вопросов, сферы возможного согласия. Дэн Сяопин сразу же поставил партнера в неравноправное положение. Он с порога отрицал существование Китайской Республики. По Дэн Сяопину, понятие государства оказалось на первом месте; оно затмевало понятия нации и народа, тему общения между людьми. С точки зрения Дэн Сяопина, не было вопроса об ипостасях нации.

Если Е Цзяньин открыл период бессрочного мирного сосуществования и переговоров между представителями двух частей китайской нации, двух ее ипостасей, то Дэн Сяопин поставил ограничители, затормозил процесс переговоров и поисков компромисса.

Какова же позиция другой стороны в нынешнем, в основном мирном, противостоянии двух ипостасей Китая?

Прежде всего, необходимо отметить, что речь идет о двух партнерах, которые находятся, если говорить об их военном потенциале, в неравном положении. КНР обладает несравненно более мощными вооруженными силами, чем Китайская Республика. Таким образом, Китайская Республика не представляет военной угрозы для КНР. Возможно, что именно поэтому Китайская Республика выступает за то, чтобы обе стороны дали обещание не применять вооруженные силы друг против друга. А Китайская Народная Республика

заявляет, что в случае, если она сочтет, что на Тайване предпринимается попытка объявить о создании нового независимого государства, она может использовать и вооруженные силы для того, чтобы не допустить такого развития событий.

В 1987 г. на Тайване было отменено военное положение. Тогда же было дано разрешение на поездки к родственникам в материковую часть Китая. В 1991 г. было объявлено о прекращении «периода мобилизации нации на подавление коммунистического бунта». Все это свидетельствовало о решении не прибегать к силе в целях достижения национального единства. Китайская Республика в своей политике по отношению к другой ипостаси Китая исходит из формулы: «один Китай, две политических реальности». В соответствии с Конституцией Китайской Республики это государство рассматривает себя как национальное правительство Китая, в то время как Китайскую Народную Республику видит как политическую реальность, которая контролирует континентальную часть Китая.

Китайская Республика, учитывая несогласие КНР с таким взглядом на вещи, вводит нейтральный термин «политическая реальность» вместо термина «государство», а это позволяет обеим сторонам использовать данную «неопределенность» для творческого подхода к делу. В Китайской Республике существует программа объединения страны. Это последовательно-стадиальный план, в соответствии с которым объединение Китая представляется императивом в целях не только единства территориального пространства, но политических свобод и равного распределения материальных благ для всех китайцев.

Предполагается, что объединение пройдет три стадии.

Первая стадия или ближайший, краткосрочный период — период обменов и взаимности.

Вторая стадия или среднесрочный период — период взаимного доверия и сотрудничества.

Третья стадия или долгосрочный период — период консультаций и объединения.

Процесс в целом будет длительным и трудным. Объединение Китая не может быть осуществлено одним махом в силу различия в социальных, политических и экономических системах, не говоря уже о разнице в стиле жизни. Однако нет ограничений ни для одного из периодов. Прогресс может быть медленным или быстрым; все зависит от ответа властей КНР.

На первой стадии надеются, что ни одна из сторон не будет отрицать существования другой стороны как политической реальности и обе стороны будут расширять неофициальные контакты между людьми. В дополнение к этому Китайская Республика призывает КНР объявить об отказе от применения силы против Тайваня и позволить Тайваню иметь достаточный простор для маневра в мировом сообществе наций.

Первая задача на среднесрочной стадии этого процесса заключается в создании каналов для официальных обменов между сторонами на основе равенства. Цель этого этапа также включает в себя установление прямых почтовых, торговых и транспортных связей через Тайваньский пролив, а также обмен визитами официальных лиц различных рангов. Процесс национального объединения может стать очередной задачей только после того, как будут достигнуты упомянутые цели.

В долгосрочном плане будет создан двусторонний орган для консультаций, чтобы совместно обсуждать в целом вопрос о политической и экономической системах объединенного Китая в соответствии с желаниями народа по обе стороны Тайваньского пролива. Китай, в котором будет осуществлено мирное демократическое объединение и достигнут рост благосостояния, будет оказывать значительное стабилизирующее влияние, особенно в АТР, но и на мир в целом.

В настоящее время отношения между обеими сторонами находятся на первой стадии, однако обмены во многих областях уже вошли во вторую стадию [251]. Судя по позициям сторон, впереди длительный процесс приспособления друг к другу. Пока в практических действиях преобладает желание сохранять существующее положение, не проявлять торопливости, готовя дальнейшие шаги в ходе обмена мнениями между сторонами.

Существенное воздействие на состояние отношений между двумя ипостасями Китая оказывает позиция США.

1 января 1979 г. США и КНР установили между собой дипломатические отношения. При этом США заявили о разрыве дипломатических отношений с Китайской Республикой и о прекращении действия договора между США и Китайской Республикой о взаимной обороне. Правительство США тогда же заявило о выводе своих войск с острова Тайвань в четырехмесячный срок. Вскоре после этого Конгресс США одобрил закон об отношениях с Тайванем. США относятся к Китайской Республике на Тайване как к независимой политической реальности, снабжая ее оружием и оказывая поддержку в осуществлении внешних сношений.

Официальная позиция США складывается также из следующих тезисов: «Правительство США признает позицию Китая, т.е. существует лишь один Китай, а Тайвань — часть Китая». «Правительство КНР является единственным законным правительством Китая, в этом контексте американский народ будет поддерживать с тайваньским народом культурные, торговые и другие неофициальные связи». Правительство США «не стремится к проведению долговременной политики продажи оружия Тайваню. Продаваемое им Тайваню оружие как по качеству, так и по количеству не будет превышать уровень оружия, поставленного в последние годы после установления дипломатических отношений между США и КНР. Оно готово постепенно уменьшить объем продажи оружия Тайваню, что приведет к окончательному разрешению через определенный отрезок времени» [252].

С 25 июня по 3 июля 1998 г. президент США У.Клинтон посетил с визитом КНР. При встрече с ним Председатель КНР Цзян Цзэминь подчеркнул, что вопрос о Тайване — это важнейший вопрос в китайско-американских отношениях, это и наиболее чувствительная сердцевина этих отношений, их центральная болевая точка.

У.Клинтон публично заявил, что США твердо придерживаются политики одного Китая, уважают принципы трех китайско-американских совместных коммюнике, не поддерживают «независимость» Тайваня, не поддерживают «один Китай, один Тайвань», «два Китая»; не поддерживают вступление Тайваня ни в одну из международных организаций, членами которых могут быть лишь суверенные государства [253].

Важно иметь в виду и позицию России в вопросе о двух ипостасях Китая.

15 сентября 1992 г. Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин издал указ «Отношения между Российской Федерацией и Тайванем». Таким образом Президент России совершил важный шаг в развитии отношений нашей страны с обеими частями китайской нации, с обеими ее ипостасями. Если раньше, на протяжении более сорока лет наше прежнее государство, СССР, имело отношения исключительно с КНР, то ныне Россия сбалансировала свои отношения на мировой арене, в том числе наряду с продолжением и развитием дипломатических отношений с КНР установила неофициальные отношения с Тайванем, ограничив их область торгово-экономическим, культурным и другим сотрудничеством и не вступая с Тайванем в политические, официальные межгосударственные и дипломатические отношения.

Само название указа Президента РФ говорило о том, что речь идет об отношениях равных партнеров. Оно также свидетельствовало о том, что Россия как нация желает иметь и имеет отношения с Тайванем как частью китайской нации, т.е. исходит из того, что ей, как стране и народу, целесообразно иметь отношения с обеими ипостасями китайской нации: дипломатические отношения с одной ее ипостасью, с КНР, и неофициальные, не дипломатические и не политические, но отношения экономического и культурного сотрудничества с другой ипостасью Китая, с другой частью китайской нации — с Тайванем. Этим шагом Президент РФ Б.Н.Ельцин исправил недостатки прежней ситуации и укрепил внешнеполитические позиции нашей страны как на мировой арене в целом, так и в

соответствующих регионах, а также в наших взаимоотношениях с КНР, с США, другими государствами.

В указе Президента РФ говорилось: «В отношении с Тайванем Российская Федерация исходит из того, что существует только один Китай. Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Тайвань — неотъемлемая часть Китая. Российская Федерация не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений». Таким образом Россия разделяла официальные межгосударственные отношения и неофициальные отношения, допуская параллельное и одновременное существование отношений и того и иного рода с двумя различными частями китайской нации.

Далее в указе говорилось следующее: «Экономические, научно-технические, культурные и другие неофициальные связи между Россией и Тайванем осуществляются отдельными гражданами и неправительственными организациями, наделяемыми функциями, необходимыми для правового, технического и иного обеспечения этих связей, защиты интересов на Тайване российских граждан, и регулируются соответствующими законодательными актами РФ.

Все возможные представительства на Тайване российских организаций и соответственно Тайваня в России являются неправительственными учреждениями и не могут претендовать на статус, компетенцию, привилегии и льготы, присущие государственному органу. Их правовое положение определяется местным законодательством. Лица, находящиеся на государственной службе, не могут быть сотрудниками неправительственных организаций и учреждений, осуществляющих связи с Тайванем.

В российско-тайваньских контактах, соглашениях, документах не могут использоваться государственная символика России и символика «Китайской Республики», название «Китайская Республика». На территории России не разрешается ее использование тайваньскими партнерами. Возможные варианты: «Тайвань, Китай» или «Тайбэй, Китай».

Итак, в третье тысячелетие Китай вступает как нация, выступающая на мировой арене в двух ипостасях. Это отражает фактическую сторону состояния самой китайской нации и ситуацию, сложившуюся на мировой арене. Вопрос об ипостасях Китая — это внутреннее «семейное» дело самой китайской нации. В то же время другие нации заинтересованы в том, чтобы проблемы во взаимоотношениях как внутри наций, так и между ними и их ипостасями разрешались на основе главных принципов современных международных отношений: мир, независимость, равноправие.

Начиная с 1949 г. обе ипостаси Китая были настроены взаимно враждебно, как военные противники, которые вели между собой вооруженную борьбу на уничтожение, смертельную войну.

Каждая из ипостасей полагала, что право на жизнь и существование имеет только она. Своего антипода внутри китайской нации каждая полагала инсургентом и бунтовщиком, который не имеет права на жизнь. Каждая из сторон заявляла, что намерена продолжать вооруженную борьбу и довести ее до конца, что означало ликвидацию противника с помощью вооруженной силы. Каждая из сторон не признавала за партнером права на выступление на мировой арене в качестве еще одного представителя китайской нации и еще одного китайского государства.

В этой ситуации партнеры Китая на мировой арене были поставлены в трудное положение. Они были вынуждены выбирать какую-либо одну из двух ипостасей Китая в качестве представителя всей китайской нации и своего партнера в дипломатических отношениях. При этом они должны были также вести себя таким образом, чтобы не навлечь на себя гнев и недовольство избранной ими ипостаси, не дать повода обвинять их в связях с другой ипостасью Китая. Для ситуации того времени был характерен формально полный

разрыв связей между двумя государствами. Вопрос был поставлен частями китайской нации таким образом: или — или. Или другие нации на мировой арене признают меня и не признают ни в каком качестве другую часть китайской нации, или я не признаю таких партнеров.

Но жизнь шла своим чередом, а это требовало решения многих практических вопросов во взаимоотношениях наций. Более того, дело тут шло не только о тактических вопросах, но и о проблемах стратегии в области международных отношений, и прежде всего — самых крупных партнеров на мировой арене. Поэтому постепенно ситуация менялась. Время от времени у различных частей мирового сообщества наций и их государств возникали вынужденные, неизбежные контакты и связи с другой частью китайской нации, с другой ее ипостасью. Те государства, которые не признавали КНР, а имели дипломатические отношения с Китайской Республикой, постепенно двинулись в направлении установления и поддержания контактов с КНР в той или иной форме. Те государства, которые имели дипломатические отношения с КНР, а их тогда, и об этом необходимо напомнить, было немного, всего около трех десятков, тоже время от времени были вынуждены иметь те или иные, пусть даже опосредованные, контакты с другой частью китайской нации — с властями Тайбэя, столицы Тайваня.

В конечном счете в результате многих перипетий, в том числе и вследствие изменения отношения КНР к нашему тогдашнему государству, к СССР, произошли весьма значительные перемены в ситуации. Дипломатическое признание стало по преимуществу признанием другими нациями или их большинством Китайской Народной Республики, и только численно меньшая часть наций и их государств (это тоже около трех десятков стран) продолжала сохранять официальные дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване.

Таким образом, в области дипломатических отношений за несколько десятилетий мирного времени ситуация применительно к Китаю полностью изменилась: если на рубеже 1950-х гг. членом ООН и государством, имевшим отношения с большинством стран мира была Китайская Республика, то к началу 1980-х гг. таким государством стала Китайская Народная Республика.

Главными причинами такого изменения ситуации были жизненно важные интересы наций, которые должны поддерживать между собой отношения даже вне зависимости от позиций тех или иных государств и уж во всяком случае независимо от идеологии. Интересы наций в конечном счете оказываются важнее, чем интересы некоторых государств определенного исторического периода, а также интересы той или иной идеологии. Дипломатические отношения подчиняются интересам нации и меняются в зависимости от изменения или от требований, которые предъявляют интересы наций.

Нации сделали шаги навстречу друг другу. Вот почему изменился рисунок или общая картина дипломатических отношений на мировой арене применительно к Китаю и его ипостасям.

В то же время большая часть мирового сообщества наций, в которое стала в полной мере входить и наша страна после образования нашего нового государства — Российской Федерации, — установила или продолжала поддерживать межгосударственные отношения в той или иной форме и в той или иной степени и с Китайской Республикой на Тайване наряду с поддержанием дипломатических отношений с КНР.

В целом положение в известном смысле уравновесилось, ибо таким образом был сделан шаг к тому, чтобы все нации мира имели между собой или своими частями, ипостасями, те или иные отношения — либо на уровне отношений между нациями, либо на уровне межгосударственных отношений, либо на уровне и в форме дипломатических отношений. Все три формы отношений, таким образом, существовали одновременно, «сосуществовали». Это стало возможным благодаря тому, что изменился и характер отношений между двумя частями китайской нации, ее ипостасями. Хотя эти изменения были

продиктованы не только развитием ситуации внутри каждой из частей китайской нации, но и развитием ситуации на мировой арене в целом.

Иными словами, такое изменение имело место благодаря двум факторам: во-первых, благодаря изменениям, которые происходили в каждой из двух частей китайской нации и, во-вторых, благодаря изменению ситуации на мировой арене.

Две части китайской нации спустя почти полвека после начала противостояния между ними в качестве двух государств китайской нации пришли в конечном счете к новому толкованию отношений между собой. Они отказались от намерений непременно с помощью военной силы ликвидировать «партнера» — государство другой части своей же нации. Можно сказать и по-иному: они допустили на неопределенный срок мирное развитие отношений между собой. При том условии, что не будет происходить никаких изменений в области взаимоположения двух нынешних китайских государств, т.е. если и то и другое государство будут продолжать исходить из того, что оба они являются государствами одной китайской нации. По сути дела, стороны согласились воздерживаться от применения силы для решения вопроса об отношениях друг с другом бессрочно.

Две части китайской нации в конечном счете пришли к новому толкованию характера отношений между ними. Они отказались от намерений непременно с помощью военной силы уничтожить своего визави. Во всяком случае, на Тайване прямо заявили, что у них больше нет намерений использовать вооруженные силы для восстановления власти над континентальной частью Китая. В свою очередь КПК-КНР, не отказываясь прямо и в принципе от возможности и допустимости применения вооруженных сил для установления своей власти над Тайванем, все-таки обуславливала такое развитие ситуации важным обстоятельством — лишь в случае объявления на Тайване независимого от Китая государства.

Обе стороны даже вступили между собой в диалог. Обе стороны допускают в разных формах существование отношений между каждой из них и другими нациями или их частями. Обе стороны допускают одновременное участие каждой из них в различных формах и степени в деятельности мирового сообщества, международных организаций и институтов. (Но в этом смысле речь пока не идет об ООН.)

Вопрос о приспособлении наций друг к другу сегодня является одним из самых важных в мире. Как часть этого вопроса можно, очевидно, рассматривать и проблему приспособления друг к другу частей одной нации, которые видят себя самостоятельными и равноправными независимыми государствами.

Правда, здесь процесс развивается медленно, с оговорками, зигзагами, продвижениями вперед и откатами назад. В конечном счете представители КНР пошли на такие шаги, как заявления о допустимости, с их точки зрения, формулы: одно государство — два строя или две системы внутри одного государства. Иначе говоря, они предложили, чтобы хотя бы номинально и формально обе части китайской нации согласились с тем, что Китай как нация будет представлен на мировой арене одним государством, а именно КНР. При этом предполагается, что китайцы на острове Тайвань согласятся с тем, чтобы на мировой арене интересы китайской нации в целом, т.е. включая и интересы китайцев на Тайване, представляла Китайская Народная Республика.

Таким образом, КПК-КНР ныне согласна с тем, чтобы Тайвань продолжал иметь свои вооруженные силы, свою администрацию, свою экономическую систему с господством в ней частной собственности, и так далее. Главное, чего добивается сегодня КПК-КНР, — это ликвидация формально и официально еще одного ныне существующего китайского государства — Китайской Республики на острове Тайвань. Им нужна официальная декларация о том, что такого государства больше не существует, а все китайцы признают существование только одного государства КНР с центром на континенте, в Пекине.

И пока что именно желание китайцев на острове Тайвань сохранять ныне существующее там государство Китайскую Республику является главным камнем преткновения. Возможно, что это просто отвечает желанию сохранять «в подвешенном

состоянии» характер отношений между двумя частями китайской нации, внутреннее состояние китайской нации на сегодня. При этом в КПК-КНР полагают, что нынешнее состояние их устраивает как максимально возможное в нынешних условиях, когда применение вооруженных сил для ликвидации государства на Тайване практически либо вообще невозможно, либо может обернуться неприемлемыми последствиями и неприемлемым ущербом для самой КПК-КНР.

Китайская Республика на Тайване исходит из того, что достаточно соблюдать главное условие: Пекин мирится с существованием Китайской Республики на Тайване в качестве одного из государств мира, признанного субъекта международных отношений. Проще говоря, китайцы на острове Тайвань будут продолжать жить самостоятельно, у них остается свое государство, следовательно, они не будут подвергаться действию порядков, существующих в континентальном Китае, и будут самостоятельно решать вопросы своих взаимоотношений как с другими нациями на Земле, с их государствами, так и с другой частью китайской нации. На таких условиях они согласны развивать самые разнообразные, в том числе и торгово-экономические, взаимовыгодные отношения между двумя частями китайской нации. При этом, во всяком случае в настоящее время, Тайвань может дать континентальной части Китая больше, чем она может дать ему.

Фактор экономической заинтересованности играет свою роль в характере и состоянии взаимоотношений между двумя частями китайской нации и вообще в положении каждой из этих двух частей на мировой арене.

Тайваньцы в своей позиции в этом вопросе исходят из желания быть хозяевами в своем доме. Для них их дом — это, прежде всего, их остров Тайвань. Вопрос об общем доме всех китайцев, всех ханьцев, это для них второй вопрос, причем вопрос отдельный от вопроса о своем государстве.

Население Тайваня состоит в довольно значительной части из уроженцев континента и наряду с исходной позицией, «наш дом Тайвань и только мы в нем хозяева», стремится сохранить независимость Китайской Республики — государства, которое родилось в 1912 г. на материке как первое общекитайское республиканское государство, как преемник прошлого китайского государства — Великой Цинской империи. Китайская Республика имеет и историю, и традиции взаимоотношений с другими нациями в мире, а также известные договорно-правовые отношения с Японией и другими странами. При таких сложных обстоятельствах тайваньцы на рубеже XXI века прежде всего стремятся к утверждению острова в правах государства в сети международных отношений — государства, обладающего, прежде всего, независимостью и самостоятельностью, равноправием с другими государствами.

Для тайваньцев представляются возможными различные варианты развития ситуации в будущем. Часть жителей острова желает сохранять ныне существующее государство, другая часть тайваньцев была бы не прочь «восстановить» или создать новое «чисто тайваньское» государство, не связанное в международно-правовом смысле и даже в государственно-историческом смысле с континентальным Китаем и КНР. Такая позиция, с одной стороны, оставляет руки свободными; с другой стороны, это рычаг, с помощью которого можно сохранять независимость и поддержку со стороны других государств и наций.

Итак, сегодня вопрос о применении оружия для решения вопроса о существовании одного из государств китайской нации, в принципе, не снят. В то же время в реальной жизни имеется возможность продолжения поисков путей решения проблемы на путях мирного развития.

Решения здесь могут быть разнообразными. Тайвань не находится в тупике. Нельзя считать, что у него единственный путь: рано или поздно стать частью единого общекитайского государства с центром на китайском континенте, т.е., по сути дела, частью нынешней КНР. Этого не произойдет по многим причинам. Прежде всего, дело в том, что

люди, живущие на Тайване, будут защищать с оружием в руках свою независимость и самостоятельность, свою свободу. Они не согласятся принять ультиматум со стороны властей континентальной части Китая. Ситуация на мировой арене такова, что решение вопроса о Тайване с помощью силы будет встречено отрицательно большинством государств мира. Более того, это подорвет и нынешнюю расстановку сил в мире и навсегда подорвет отношение к Пекину со стороны мирового сообщества наций.

Эта проблема связана с целым рядом частных, но важных вопросов, касающихся ООН, России, США, других государств.

В ООН с 1945 г. по 1971 г., т.е. более четверти века с момента основания этой организации, Китай как нацию представляла Китайская Республика. (Кстати, нашу страну как нацию с 1945 г. по 1991 г. представляли три государства: СССР, УССР, БССР.) С 1971 г. по настоящее время, т.е. уже 30 лет, Китай в ООН представляет Китайская Народная Республика.

Трудно сказать, как будет складываться ситуация в дальнейшем. История говорит о возможности самых неожиданных изменений и перемен. Имеются примеры того, когда одна нация была представлена в ООН и одним, и двумя, и несколькими государствами. Тут все подвижно. Возможны самые разные варианты.

Что касается США, то они сначала имели официальные отношения только с Китайской Республикой. Однако при этом у них были контакты в различных формах с представителями КНР. Ныне США имеют дипломатические отношения с КНР, в то же время США имеют разнообразные отношения, в том числе и по линии обеспечения военного сотрудничества, с Китайской Республикой, с Тайванем. Пока нет оснований предполагать, что США откажутся от поддержки Тайваня в его оборонительных действиях против возможной агрессии со стороны КНР, если такая агрессия произошла бы.

Конечно, возникает вопрос о том, можно ли считать такие (гипотетические) действия агрессией. Могут быть разные подходы к этому вопросу. Это уже не продолжение гражданской войны в Китае, которая завершилась уже около полувека тому назад. Прошло слишком много времени. Если нападение произойдет, это будет вооруженной агрессией.

Что касается отношений нашей страны с частями китайской нации, то необходимо подчеркнуть, что первый Президент России Б.Н.Ельцин и президент Китайской Республики Ли Дэнхой предприняли шаги, в результате которых было исправлено ненормальное положение, при котором отсутствовали отношения между нашей страной и частью китайской нации на острове Тайвань. Ныне имеет место ситуация, которая должна рассматриваться как нормальная и естественная в нынешних условиях; более того, это оптимальная ситуация, в сохранении которой заинтересованы, прежде всего, обе стороны — Москва и Тайбэй.

Для нас необходимо и выгодно развивать отношения с обеими частями китайской нации. Здесь необходимо принимать во внимание наши национальные интересы, а также все то, что связано с границей между нами, наши торгово-экономические интересы глобального, регионального и двустороннего характера.

В то же время нам необходимо иметь отношения и с другой частью Китая, прежде всего исходя из наших коренных национальных интересов, свою роль тут играют и политические, и экономические, и идеологические соображения. Необходимо даже принимать во внимание, что в будущем возможны любые варианты развития отношений внутри китайской нации. Нельзя исключать и победы демократических сил на континенте. Кроме всего прочего, у нас есть прекрасные традиции и история взаимоотношений и с Китайской Республикой, и с Китайской Народной Республикой — с обеими ипостасями Китая в нынешнем мире. Наша страна во многих случаях оказывалась другом и китайской нации в целом, и каждой из ее частей.

Обе наши соседние нации — Россия и Китай — в XX веке выступали в различных ипостасях и на мировой арене, и во взаимоотношениях друг с другом. Самое близкое соседство между нами, одно время самая протяженная с мире сухопутная граница между

двумя странами, да и взаимосвязь историй наших двух народов и стран, их культур, взаимная заинтересованность наций друг в друге, заинтересованность как политического, так и экономического характера, усиливаемая внешними для обеих наций факторами, побуждали наши нации всегда находить пути и формы поддержания взаимных связей между собой.

При этом каждая из наций представляла в различных ипостасях.

Если в начале XX века наши отношения были по преимуществу отношениями двух империй — Российской империи и Великой Цинской империи, — то уже во втором десятилетии XX века оба государства выступали совместно в качестве согарантов определенной автономии Монголии или, как полагали китайцы, Внешней Монголии.

Далее китайское государство того времени, т.е. Китайская Республика, и ее правительство на севере Китая, в Пекине, а также власти Китая на его Северо-Востоке, в Маньчжурии, имели дело и с нашим государством с его центром в Москве, т.е. с РСФСР, а затем и СССР, и с таким государством или государственноподобным образованием, как Дальневосточная Республика на Дальнем Востоке нашей страны. Иначе говоря, наша страна выступала в двух ипостасях; одна нация, Россия, была представлена в отношениях на мировой арене, а особенно с Китаем, как нация с двумя государствами, существующими одновременно.

Затем в нашей стране на протяжении ряда десятилетий существовало одно государство — СССР. Оно было главным представителем нашей нации в отношениях с Китаем. Хотя нужно отметить, что эти отношения складывались не просто, были сложными, даже многосоставными. Был период, когда между столицами двух государств, СССР и Китайской Республики, между Москвой и Нанкином, прерывались и не существовали дипломатические отношения, а консульские, т.е. частичные межгосударственные и частичные дипломатические отношения между частями наших наций, сохранялись. Это касалось тех частей наших наций, которые соприкасались в Средней Азии, на Юго-Востоке СССР и на Северо-Западе Китая.

Иными словами, две нации не имели на протяжении нескольких лет между собой официальных дипломатических отношений и потом восстанавливали дипотношения между двумя государствами. Но и во время перерыва в дипотношениях между столицами двух государств продолжали поддерживать отношения на уровне консульств в определенных районах своих стран. Оказалось, что интересы взаимоотношений частей наших двух наций, или частичные интересы двух наций, были настолько важнее межгосударственных отношений, что даже разрыв дипломатических отношений между столицами двух государств не имел своим следствием полного разрыва отношений между двумя нациями. Нации находили пути и методы обеспечения своих интересов. Здесь формальная сторона подчинялась существенной стороне взаимоотношений двух наций.

Но и это не исчерпывало сложности и многосоставности этих отношений. Дело в том, что с точки зрения нашей нации и ее государства существовали суверенные государства — Монгольская Народная Республика и Тувинская Народная Республика, а с точки зрения китайской нации и ее упомянутых государств таких суверенных государств не существовало. Иными словами, несмотря на то что в 1920—1940-х гг. Монгольская Народная Республика и Тувинская Народная Республика (до ее вхождения в состав СССР) существовали, Китайская Республика продолжала считать и Монголию и Туву неотъемлемыми частями Китая. Китай и его государства признали существование Монголии в качестве суверенного государства не ранее 1940-х гг., а в случае с Тувой вопрос остается в известной степени подвешенным и сегодня, в начале XXI в.

На территории нашей страны к концу XX в. произошли изменения. СССР перестал существовать как государство. Появились новые государства на территории бывшего СССР. Иначе говоря, на мировой арене появились новые нации и их государства. Россия как нация выступила в качестве Российской Федерации. Казахская, киргизская, таджикская нации появились в ипостасях суверенных государств.

Однако взаимные интересы всех заинтересованных сторон, наций и их государств, требовали установления и поддержания связей в различных формах между различными ипостасями упомянутых наций. При этом их интересы тесно переплетаются и выделяются совершенно особо в ряду других отношений этих же наций с другими нациями.

Нельзя не упомянуть и о том, что в XX в. на территории Китая по разным причинам возникали такие государства, как Маньчжоу-Дуго или Маньчжурская империя, а также Восточно-Туркестанская Республика. Часть территории Китая тогда была оккупирована японцами. Все это нациям и их государствам приходилось учитывать и поддерживать известные отношения с разными ипостасями частей соседних наций.

И наконец, внутри каждой из наших двух наций происходили важные процессы, в результате которых одни государства либо исчезали, либо теряли контроль над большой частью территории нации, но сохранялись. Так, в нашей стране исчезли Российская империя, Российская Республика и СССР, а в Китае исчезли Великая Цинская империя, Китайская Советская Республика, Восточно-Туркестанская Республика и Маньчжоу-Дуго. Одновременно на протяжении всей второй половины XX в. существуют два государства китайской нации — одно, Китайская Народная Республика, — на континенте, другое, Китайская Республика, — на китайском острове Тайвань.

До создания КНР на протяжении почти двух десятилетий в Китае шла борьба внутри нации между двумя ее частями. При этом наряду с государством — Китайской Республикой — существовала часть нации со своим населением и территорией, которая имела и свои органы власти, и свои вооруженные силы и свою правящую партию — КПК. Наша нация, ее государства, ее правящая политическая партия имели отношения в различных формах с обеими частями китайской нации.

Таким образом, в XX в. наши нации всегда имели между собой отношения, выступая в различных ипостасях. Главным при этом выступало само существование и той и другой нации, жизненно важные интересы и той и другой нации. Вопрос об ипостасях, в которых выступали та и другая нации или части той или другой нации, был второстепенным. Нации всегда находили формы, в которых они имели возможность сохранять между собой отношения и обеспечивать свои интересы, прежде всего жизненно важные.

Ипостаси наций — их государства, государственноподобные образования или иные их формы — это только временные формы, в которых нации действуют на мировой арене. Вопрос о признании или непризнании той или иной ипостаси нации — это вопрос не теоретический, а практический. Он определяется жизненно важными интересами наций. Причем это процесс двусторонний. Нациям приходится при этом приспосабливаться одной к другой, даже к другим. Формы отношений не бывают застывшими. Они изменяются с течением времени, что зависит от внутреннего состояния самих наций и их частей, от взаимоотношений двух наций и от ситуации в мире.

В связи с этим существует вполне определенная независимость двусторонних отношений от отношений в регионе или в целом на мировой арене. Здесь зависимость и независимость — это понятия переплетающиеся и относительные.

Отношения на мировой арене тоже пока еще формируются, если говорить о начале процессов глобализации. Человечество сделало в XX в. значительные шаги вперед. Оно осознает или начинает все больше осознавать себя единым целым. Понимает необходимость существования всемирной организации — мирового сообщества наций. Как следствие этого сначала появилась Лига Наций, а затем Организация Объединенных Наций. В названии последней организации подчеркнута осознание важности единства человечества, объединения наций для решения общих задач, стоящих перед человечеством или сообществом наций в целом.

ООН может изменять свой взгляд на то или иное государство той или иной нации, признавать сначала одно, а потом другое или другие государства той или иной нации. Тут все подвижно.

В то же время нации, руководствуясь своими интересами, гибко различают и отделяют в необходимых случаях отношения между нациями, отношения между народами и странами, и отношения между государствами. А также отделяют межгосударственные отношения от дипломатических отношений, политические отношения от отношений экономических, отношений в сфере культуры, а официальные отношения — от неофициальных отношений.

Одним словом, как и всякая или как и очень многие нации, Китай на мировой арене выступает всегда или относительно постоянно оставаясь одной нацией. Всем очевидно, что Китай, как страна и народ, существовал, существует и будет существовать. В то же время, главным образом по своим внутренним причинам, он выступал, выступает и будет выступать на мировой арене в разных ипостасях: или в одной-единственной на определенное время, или в нескольких последовательно, или в нескольких одновременно.

Процесс кристаллизации китайской нации будет продолжаться, а в равной степени будет происходить процесс кристаллизации и других наций, в том числе и тех, которые иной раз на протяжении некоторого исторического срока могут выступать в качестве частей других наций.

Итак, ипостаси наций — объективное явление, порожаемое факторами их внутреннего состояния и развития наций, а также состоянием и развитием отношений между нациями на мировой арене.

Тайвань — отрезанный ломоть Китая?

Итоги президентских выборов 2000 года на Тайване и возможное развитие событий

Перед выборами обстановка накалилась до предела. Опросы общественного мнения на Тайване предсказывали победу кандидата на пост президента от Партии демократии и прогресса Чэнь Шуйбяня. При этом пресса, особенно в КНР, создавала впечатление, что центральный пункт его предвыборной программы состоял в намерении провозгласить «независимость» Тайваня, сделать государство на этом острове совершенно отдельным от КНР субъектом международных отношений; иными словами — выступить против идеи «одного Китая», отделить Тайвань от Китая.

На самом деле, судя по высказываниям самого Чэнь Шуйбяня, вопрос этот виделся ему не столь простым. В частности, Чэнь Шуйбянь предлагал строить институционализированные отношения с КНР, основанные на пяти принципах. Во-первых, Тайвань и материк должны вести переговоры по всем вопросам, включая проблемы политического характера. Во-вторых, необходимо в максимально короткие сроки создать эффективные каналы связи с материковым Китаем в целях снижения напряженности и поощрения взаимного доверия. В-третьих, должны быть запущены механизмы создания доверия, дабы способствовать в разумных пределах прозрачности при обмене сведениями по военным вопросам. В-четвертых, исходя из требований национальной безопасности, Тайвань будет при определенных условиях рассматривать вопрос об установлении прямых связей через Тайваньский пролив в сфере коммуникаций, торговли и транспорта. В-пятых, Тайвань выступает за взаимное уважение сторонами друг друга, паритетность сторон, мирное решение конфликтов в соответствии с Уставом ООН и открытый подход к рассмотрению вопросов.

При этом Чэнь Шуйбянь подчеркивал, что, с его точки зрения, Тайвань и континентальный Китай должны предпринимать усилия в целях решения существующих проблем, не начинать войны, быть открытыми для новых возможностей, но не для сражений; они могут соперничать, но не воевать.

В сфере дипломатии Чэнь Шуйбянь призывал отказаться от консервативности и близорукости; полагал, что необходимы новые стратегические инициативы в дипломатии,

прагматический подход к мировым делам в целях расширения дипломатического пространства для Тайваня и достижения более широкого международного признания.

Перед самыми выборами Пекин демонстрировал крайнюю степень возмущения, пугая тайваньских избирателей тем, что если те сделают «неправильный» выбор, то они даже не успеют пожалеть о содеянном. Пекин грозил, в случае провозглашения на Тайване нового независимого государства, применить вооруженные силы для наведения на острове своих порядков. Некоторые эксперты в Пекине даже предлагали Тайваню только такой выбор: либо согласиться на установление определенного срока присоединения Тайваня к материке (например, три или пять лет), согласиться с тем, что в конце 2003 г. или в конце 2005 г. Тайвань должен стать одним из районов КНР, либо превратиться в такой район буквально в 24 часа, т.е. немедленно после объявления о «независимости» Тайваня.

В ответ на это тайваньцы утверждали, что их нельзя запугать, что только им принадлежит право выбора их президента, а также высказывали намерение всеми средствами защищаться в случае попыток агрессии со стороны КНР.

Американцы, с одной стороны, выражали надежду на то, что будет иметь место лишь война слов, «бумажная война», но, с другой стороны, готовились в случае необходимости не оставить Тайвань, выполнить свои моральные обязательства по отношению к его жителям.

И вот выборы состоялись. В них приняли участие 82 процента избирателей. Иначе говоря, эти выборы стали выражением воли подавляющего большинства населения Тайваня в условиях демократии, многопартийности и политической свободы.

39 процентов принявших участие в голосовании проголосовали за кандидата Партии демократии и прогресса Чэнь Шуйбяня. На втором месте оказался один из независимых кандидатов. Кандидат от ранее правившей партии Гоминьдан Китая (Националистическая партия Китая) занял лишь третье место, получив 23 процента голосов избирателей. Этот кандидат признал свое поражение и обещал обдумать его причины.

В тот же день, 18 марта 2000 г., Канцелярия ЦК КПК по работе, связанной с Тайванем, и Канцелярия Госсовета КНР по делам Тайваня выступили с заявлением в связи с «избранием нового лидера властей района Тайвань». Полный перевод текста заявления следует ниже.

«В мире существует только один Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Выборы лидера властей района Тайвань и их результаты не могут изменить тот факт, что Тайвань является частью территории Китая.

Принцип «одного Китая» является предпосылкой мирного объединения Китая. Ни в коем случае нельзя допускать «независимости Тайваня» в любых ее формах. Мы будем, судя по словам и делам нового руководителя тайваньских властей, настороженно следить за тем, куда он направит отношения между берегами Тайваньского пролива.

Мы готовы обмениваться мнениями по вопросу о мирном объединении обоих берегов Тайваньского пролива со всеми партиями, общественными организациями и деятелями Тайваня, выступающими за принцип «одного Китая». Мы призываем широкие массы соотечественников на Тайване прилагать совместные с нами усилия во имя защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Китая, защиты коренных интересов китайской нации и осуществления полного объединения родины».

Обнадеживающим в этом заявлении было выражение намерения не применять немедленно ни силу, ни какие-либо акции, но, напротив, наблюдать, за развитием событий, за действиями руководителя на Тайване, анализировать его шаги и заявления. Важным представляется также то, что Пекин воспринял как реальность существование «тайваньских властей», их «руководителя» и выражал готовность вести переговоры не только с политическими партиями, но и с «деятелями» Тайваня, т.е. с руководителями властных структур, администрации острова. Таковы разумные элементы позиции Пекина по итогам выборов президента на Тайване.

Итак, 18 марта 2000 г. произошли исторические события. В условиях многопартийности в результате всенародного прямого и тайного голосования на Тайване был избран новый президент. Представитель партии, выступающей за самостоятельность Тайваня, стал президентом государства на этом острове. Одновременно, возможно, на какое-то время, но закончилось полувековое правление на Тайване партии Гоминьдан Китая.

Почему все это произошло и что все это означает?

Прежде всего, представляется, что это результат закономерного процесса, который развивался на протяжении более ста последних лет, всего XX в.

В конце XIX в., в 1895 г. тогдашнее китайское государство Великая Цинская империя проиграло войну Японии и согласно договору должно было уступить остров Тайвань победителю.

Тайваньцы не смирились с этим. Они провозгласили на острове свое государство Тайвань Миньчжу Го, т.е. государство народного правления на Тайване (или — Демократическое государство Тайвань, Республику Тайвань). В декларации президента этой страны говорилось, в частности, о самостоятельном государстве на Тайване, сохраняющем единый дух и связь с материковым Китаем.

Эта республика Тайвань явилась первой по времени ее появления республикой в Азии вообще. Это была первая азиатская республика, причем населенная китайцами. Таким образом, Республика Тайвань появилась у китайцев раньше, чем Китайская Республика или Республика Китая (Чжунхуа минь го). Демократическое государство Тайвань возникло в 1895 г., а Китайская Республика существует с 1 января 1912 г.

Иначе говоря, нынешнее государство на Тайване является для тайваньцев с точки зрения их истории не первой республикой на острове. И тем более не республикой, возникшей на острове, а государством, появившимся на континенте и волей обстоятельств оказавшимся на острове Тайвань. Тайваньцы не ощущают Китайскую Республику своей собственной республикой, своим собственным государством. Для них Китайская Республика — это государство, созданное частью китайской нации, теми китайцами, которые жили на материке.

Что же касается Демократического государства Тайвань, то это государство, созданное частью китайской нации, жителями острова Тайвань (или — китайцами, которые жили на Тайване). Кстати сказать, тайваньцы не принимали участия в создании Китайской Республики по той причине, что в это время их остров находился под японской оккупацией.

Когда в конце XIX в. создавалось и провозглашалось Демократическое государство Тайвань, его не поддерживали не только власти Великой Цинской империи — китайского государства на материке, но и политическая организация, готовившая революцию против этого самого государства, против маньчжурско-цинских властей, — политическая организация Сунь Ятсена, в первоначальной форме существовавшая с 1894 г. и ставшая затем партией Гоминьдан Китая. Дело в том, что Сунь Ятсен и его сторонники пользовались гостеприимством японцев и использовали территорию Японии в качестве базы для своей деятельности в материковом Китае.

Таким образом, исторически ни Китайская Республика, ни партия Гоминьдан Китая не воспринимаются на Тайване, по крайней мере значительной частью населения острова, как свои коренные тайваньские институты. Это государство и эта политическая партия являются в глазах весьма значительной части тайваньцев «пришельцами» с материка, своего рода «инопланетянами».

Демократическое государство Тайвань просуществовало тогда недолго. Кстати, оно предпринимало попытки связаться с Россией и получить от нее помощь. Его существование было хотя и символическим, но чрезвычайно важным для понимания национального самосознания тайваньцев. Это было первое значительное проявление желания тайваньцев иметь свое отдельное государство. Причем это было вызвано и взаимоотношениями между

островом и материком, и особенностями международного положения, прежде всего — действиями Японии.

С 1895 г. по 1945 г. Тайвань находился под властью Японии. Оккупация продолжалась полвека. Срок немалый. С одной стороны, тайваньцы, конечно же, хотели освободиться из-под гнета японцев, но, с другой стороны, для них речь шла и о восстановлении их суверенитета; на острове существовал национальный общетайваньский настрой в пользу свободного и независимого существования. На Тайване не было существенного движения в пользу общенациональных партий — ни в пользу партии Гоминьдан Китая, ни в пользу Коммунистической партии Китая. Эти партии всегда оставались для тайваньцев «чужими» партиями.

В 1945 г. с окончанием Второй мировой войны Тайвань был возвращен в состав Китая. На этом настояли Чан Кайши и правительство Китайской Республики. Японцы ушли с острова. К этому моменту треть островитян говорила практически и на своем родном китайском языке (главным образом на фуцзяньских и гуандунских его диалектах), и на японском языке. Влияние Японии, японской культуры ощущается на острове до сих пор и вносит свой вклад в создание ее своеобразия. Японская оккупация при всех ее отрицательных проявлениях и общей неприемлемости для тайваньцев была тем не менее своеобразным продолжением многовековой истории их общения и сожительства с людьми других наций, в частности с голландцами и японцами.

Тайваньцы — это весьма своеобразная человеческая и национальная общность. На острове есть и люди, которые жили там изначально. Они не принадлежат к ханьцам, т.е. они не китайцы. Их относительно немного. Из-за своей малочисленности они не могли играть существенной роли в истории острова, особенно после появления на нем китайцев.

Оседать на острове китайцы начали лишь с XII—XIII вв. Ныне живущие на Тайване китайцы, считающие себя коренными жителями острова, это потомки переселенцев с материка, главным образом из двух провинций: юго-восточной провинции Фуцзянь и южной провинции Гуандун. При этом заселение Тайваня, его колонизация выходцами из этих провинций была, главным образом, результатом самостоятельных действий отважных мореплавателей и торговцев, но не целенаправленной политики китайских государств тех эпох. Иначе говоря, китайские государства не приобретали Тайвань благодаря своей политике. Представляется правомерным предложить такой взгляд: Тайвань стал китайским в результате самостоятельности китайского населения, не направлявшейся государством.

В своем самосознании тайваньцы давно уже видят себя самостоятельными или имеющими в мире свои отдельные от китайского материка интересы. Тайваньцы со всех сторон окружены морем, а потому для их сознания характерен не континентальный, а морской менталитет, который, особенно в этой части Мирового океана, предполагает широкое общение людей разных национальностей. Остров Тайвань — отрезанный ломоть Китая. Да, тайваньцы сознают некую общность и с материковым Китаем, по преимуществу исторического и в меньшей степени культурного характера, но в то же время они желают быть по крайней мере фактически, если не юридически государственно самостоятельными. Таков преобладающий настрой на Тайване в настоящее время.

Вскоре после окончания Второй мировой войны и за два года до образования КНР, 28 февраля 1947 г. на острове Тайвань возник конфликт местного населения с властями. Это не было восстание сторонников Коммунистической партии Китая. Это было проявление тайваньской национальной идеи, своеобразный стихийный народный бунт Он ускорил созревание тайваньцев как государствообразующей части китайской нации, продолжавшей, с одной стороны, оставаться частью общекитайской нации, но, с другой стороны, осознававшей свои особые интересы, и прежде всего интерес к созданию своего отдельного и самостоятельного государства. Тайваньцы желали снова обрести независимость, снова иметь свое отдельное государство. В крайнем случае, с их точки зрения, речь могла

временно идти о формально общем с материком государстве, но без реального присутствия на острове администрации с континента. Тайваньцы допускают историческую и культурную общность с материком в известных пределах. Но для них неприемлема любая форма административной зависимости от материка.

Восстание 1947 г. было жестоко подавлено вооруженными силами Китайской Республики — армии партии Гоминьдан Китая. Это стало еще одним рубцом в душе тайваньцев, знаком их противодействия властям материкового Китая, их отчуждения от партии Гоминьдан Китая.

Итак, первая попытка обрести государственную отдельность и самостоятельность, причем в опоре на вооруженную борьбу против иностранных угнетателей, была предпринята тайваньцами еще в 1895 г., более ста лет тому назад, а вторая такая попытка — в 1947 г. уже против властей континентального Китая. Из этого следует, что настроения тайваньцев в пользу своей самостоятельности (отдельности, независимости) являются весьма давними и последовательными.

Но из этого также следует, что имеет место тенденция к появлению в рамках общекитайской нации не одного, а двух или нескольких государств одновременно, причем речь идет о государствах, жителями которых являются по преимуществу китайцы (ханьцы). Представляется очевидным, что китайская нация, которую, возможно, точнее было бы называть общекитайской нацией, является многосоставной. И ее составные части при определенных обстоятельствах могут созреть до состояния государствообразующих частей общекитайской нации или самостоятельных государствообразующих наций.

Иначе говоря, возможны различные ситуации: китайская нация может рассматриваться и как общекитайская многосоставная нация, в состав которой входят на определенных условиях ее части; при этом такая китайская или общекитайская нация может быть нацией, которую в тот или иной исторический период на мировой арене представляет только одно государство. Но возможна и ситуация, когда на мировой арене общекитайскую нацию могут представлять одновременно не одно, а два или несколько китайских государств. Это зависит, прежде всего и главным образом, от внутреннего состояния самой общекитайской нации, а также от состояния, в котором находятся те или иные ее составные части. От того, созрели они или нет до государствообразующего состояния.

Другими словами, китайская нация, общекитайская нация может подразделяться на свои составные части, подэтноты или поднации, каждая из которых может иметь свои самостоятельные отдельные или независимые государства. Конечно, при этом играет роль и отношение той или иной части общекитайской нации к тому или иному политическому режиму, существующему в том или ином китайском государстве.

Но это — дополнительный компонент общей картины. Главное — это состояние той или иной части общекитайской нации.

Пока трудно сказать, какая тенденция возобладает. Ныне две тенденции сосуществуют, т.е. имеются примеры настойчивого стремления создать свое государство той или иной частью общекитайской нации при наличии уже существующего государства — государств другой части (или других частей) китайской нации. Здесь уместно повторить, что нация и государство — это не одно и то же, и они сосуществуют по формуле: одна нация — одно или несколько государств последовательно или одновременно.

В 1949 г. партия Гоминьдан Китая и Китайская Республика потерпели поражение от Компартии Китая во внутрикитайской войне на материке и были вынуждены переместить свои центральные руководящие органы на остров Тайвань. А КПК создала свое государство со столицей в Пекине — Китайскую Народную Республику. Фактически Тайвань никогда не входил в состав КНР. На острове никогда не было ни организаций КПК, ни представителей властей КНР.

Потерпев поражение на континенте, руководители Китайской Республики и партии Гоминьдан Китая перебрались на Тайвань. Их было относительно много; с ними была относительно мощная по масштабам острова армия. Они утвердились на Тайване. Но тайваньцы, будучи вынуждены жить в новых условиях, когда их остров стал именоваться Китайской Республикой, не считали пришельцев ни своими, ни властью от Бога.

Другое дело, что именно благодаря присутствию на острове армии Китайской Республики, правительства этого государства и руководства партии Гоминьдан Китая Тайвань остался вне зоны влияния Компартии Китая и развивался по иному, чем материковый Китай, пути. Это отвечало национальным интересам тайваньцев, как они их себе представляли. Во всяком случае, на острове Тайвань не было ни вооруженной, ни партизанской, ни какой-либо существенной борьбы против власти Китайской Республики и партии Гоминьдан Китая и в пользу Компартии Китая и КНР.

Если первая половина XX в. была для тайваньцев жизнью в условиях иностранного господства, оккупации острова Японией, то вторая половина века оказалась для них жизнью под властью политических и вооруженных сил, явившихся с материка. Это время вооруженного противостояния Китайской Республики и партии Гоминьдан Китая, с одной стороны, и Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая, с другой стороны. На практике добиться в то время отдельности или независимости острова от всех этих политических сил было просто невозможно, хотя тайваньцы всегда были настроены в пользу лозунга: «Быть хозяином в своем доме», т.е. на своем острове.

Когда же начали происходить изменения и в мире в целом, и в материковом Китае, тогда начался процесс постепенного отказа от вооруженного противостояния, по крайней мере одной из участвовавших в нем сторон. На рубеже 1980—1990-х гг. Китайская Республика и партия Гоминьдан Китая сняли установку о намерении вооруженным путем восстановить свое правление на китайском материке. Это был отказ одной из противоборствовавших сторон от применения оружия в наступательных целях. По сути дела, это был отказ Китайской Республики и партии Гоминьдан Китая от продолжения внутренней войны в Китае.

Одновременно последовал отказ Тайбэя, столицы Тайваня, от претензий представлять на мировой арене весь Китай и всех китайцев. А значит, согласие на то, чтобы обе конфронтирующие стороны пользовались равным правом быть представителями Китая, китайской нации.

Так Гоминьдан и Китайская Республика по своей инициативе и в одностороннем порядке предложили Компартии Китая и КНР прекратить состояние внутренней войны, отложить в сторону разногласия между двумя политическими силами и политическими партиями, попытаться налаживать в мирных условиях все возможные связи между китайцами по обе стороны Тайваньского пролива и в то же время взаимно уважать суверенитет партнера, не ставить вопрос о подчинении одного из партнеров другому партнеру, но говорить о возможном согласовании интересующих обе стороны вопросов, — не ставя при этом никаких временных ограничений для такого рода переговоров.

Компартия Китая и Китайская Народная Республика согласились только на переговоры о том, что они называли воссоединением государства, т.е. о вхождении Тайваня в состав КНР, соглашаясь при этом предоставить Тайваню как особому автономному району, но составной части КНР известные права. При этом Компартия Китая и КНР не только не сняли вопрос о возможности применения своих вооруженных сил против Тайваня, но даже использовали угрозу применения таких сил в случае, если это будет сочтено необходимым в Пекине.

Тем временем на Тайване стал бурно развиваться процесс демократизации политической жизни. Возникла настоящая многопартийность, появились политические свободы. Обострилась борьба между различными политическими силами внутри Тайваня.

Стало очевидно, что среди населения преобладают настроения в пользу существования Тайваня в мире в качестве отдельного и самостоятельного — независимого от КНР — государства. Кстати сказать, при этом нередко проявлялось и желание отвергать Китайскую Республику как «свое» государство на Тайване. В каком-то смысле и партия Гоминьдан Китая, и ее лидеры воспринимались тайваньцами не как свои люди, но лишь как те, кого приходилось терпеть, когда Тайвань был вынужден мириться с обстоятельствами непреодолимой силы. Тайваньцы исходили из того, что на протяжении целого столетия ими правили лишь временные органы власти, существовала лишь временно установленная кем-либо извне политическая власть. Тайваньцы не ощущали и не ощущают себя частью политической борьбы на китайском континенте; одновременно они полностью отвергают политический строй, существующий в КНР.

Когда это стало совершенно очевидным, в 1999 г. тогдашний президент Китайской Республики на Тайване Ли Дэньхой (сам по происхождению тайванец) отразил эти настроения своих соотечественников и заявил, что люди на острове больше не хотят мириться с прежней ситуацией и предлагают мировому сообществу и КНР исходить из того, что между государствами на китайском материке и на китайском острове необходимо установить особые межгосударственные отношения равных партнеров, скажем, по примеру тех, что существовали между двумя германскими государствами после Второй мировой войны. Имелось в виду, что таким образом будут созданы условия для общения между собой и частей китайской культурно-исторической и человеческо-национальной общности, и индивидуальных частиц общекитайской нации.

В ответ Пекин ужесточил свою позицию. Там продолжали исходить из того, что в нынешнем мире китайская нация чего-то добьется только при условии, что она будет единой, т.е. при условии, что у всех китайцев будет только одно государство, а именно КНР. При той предпосылке, что Тайвань согласится войти в состав КНР, Пекин был готов обсуждать условия существования Тайваня как части КНР, отношения между континентальной и островной частями единого Китая, единого китайского государства. Пекин ранее называл только два условия, при которых возможно применение им вооруженных сил против Тайваня: провозглашение Тайванем независимости и вмешательство других государств во взаимоотношения континента и острова. Теперь к этому было добавлено еще одно условие: Тайвань обязывали, прежде чем начнутся переговоры по другим вопросам, согласиться с тем, что будет установлен предельный срок ведения переговоров, по истечении которого Тайвань при любых обстоятельствах станет частью КНР.

На этом фоне и состоялись выборы президента Китайской Республики на Тайване 18 марта 2000 г. Победил кандидат Партии демократии и прогресса Чэнь Шуйбянь.

Накануне выборов могло показаться, что обстановка настолько накалена, а в Пекине, Тайбэе, Вашингтоне звучали столь грозные заявления, что чуть ли не неминуема война материка против острова. Оказалось, что это не так. Объяснимы и громкие заявления до выборов, и трезвый подход к ситуации, которая создалась сразу после объявления их результатов.

Новый президент Чэнь Шуйбянь объявил, что он является руководителем всех тайваньцев, а не одной лишь политической партии. Что он обязан заботиться об их жизни и безопасности, а потому не станет немедленно провозглашать некий новый статус острова, создание нового независимого государства, но будет стремиться к диалогу с материковым Китаем и развитию отношений между берегами Тайваньского пролива.

В Пекине заявили, что принимают к сведению эти слова и будут следить за дальнейшими действиями властей на Тайване. А президент США У.Клинтон поздравил нового тайваньского президента с успехами демократии на острове.

Каковы вероятные варианты развития событий?

Вполне возможно, что нынешнее состояние сохранится без видимых изменений на протяжении некоторого времени. Слишком велика заинтересованность, особенно экономическая, обеих сторон друг в друге. При этом, безусловно, именно Пекин заинтересован больше всего в том, чтобы статус-кво сохранялся, чтобы тайваньцы продолжали, по сути дела, содействовать развитию экономики континентального Китая. Никто, никакая иная страна не может заменить Тайвань в структуре внешних, особенно внешнеэкономических и внешнеторговых, связей КНР с внешним миром.

Нарушение нынешнего баланса экономических и торговых интересов между Тайванем и КНР в результате, например, военных действий со стороны КНР в отношении Тайваня, по сути дела, может целиком и полностью разрушить все экономические связи острова с материком и изменить их характер. Тогда уже не Тайвань будет существенным финансовым донором для КНР, но, вполне вероятно, КНР придется не только восстанавливать разрушенное в результате военных действий хозяйство Тайваня, но и брать на себя на долгие годы заботу о его населении. Тайвань может в этом случае перестать быть источником капиталов для Пекина; капитал уйдет с острова в другие районы и страны мира. Нынешняя ситуация, которую в Пекине характеризуют как наличие двух систем или одного социально-экономического строя на материке и другого на острове, может коренным образом измениться, а это будет означать, что нынешний строй на материке полностью лишится поддержки со стороны нынешнего строя на острове, ибо последний исчезнет.

Остается надеяться, что и на материке и на острове понимают, что начало военных действий между китайцами, живущими по обоим берегам Тайваньского пролива (инициатором которых, судя по нынешней ситуации, может быть только материковый Китай), может нанести невосполнимый ущерб, грозит огромными человеческими жертвами, а потому в принципе неприемлемо как метод решения споров и разногласий между сторонами. К этому можно добавить, что сообщество наций, в первую очередь ООН, негативно отнеслось бы к такому повороту событий; престиж КНР мог бы пострадать весьма серьезно.

Хотелось бы надеяться, что рациональный подход к проблеме будет преобладать и в КНР и на Тайване. Разум китайской нации, представителей обеих ее частей, может найти мирное решение проблем при безусловном отказе от использования вооруженных сил. Внешний мир, все государства, должны содействовать именно такому развитию событий. Особенно в этом заинтересована наша страна, но на этом мы еще остановимся специально. В то же время одной лишь надежды на разумный подход к ситуации, на торжество разума недостаточно. Необходим глубокий анализ проблемы, максимально возможное понимание ее и проникновение в ее суть, а отсюда усилия, содействующие постепенному решению назревших вопросов.

Обращаясь к тому, что показали выборы президента на острове Тайвань в 2000 г., можно видеть, что это не только итог острой внутривнутриполитической борьбы на острове, но и выражение коренных национальных интересов тайваньцев, проявленное нормальным демократическим путем. Тот факт, что выборы прошли в совершенно спокойной обстановке, что в них приняло участие подавляющее большинство избирателей (82%), показывает, что на Тайване действительно существует современная демократия, действует демократическая многопартийная система. Тайваньцы путем прямого тайного голосования избрали своего президента, а потому не может быть никаких сомнений в том, что именно такова воля большинства избирателей, с чем необходимо считаться и политикам вне Тайваня.

Результат этих выборов — это не конъюнктурное явление, не отражение временного расклада или соотношения сил в политической борьбе, не выражение лишь экономических интересов населения и проявление главных национальных интересов тайваньцев. Это — общенациональный выбор жителей Тайваня.

Ведь суть произошедшего состоит в том, что в итоге развития ситуации на Тайване за последние сто с лишним лет к власти в стране пришел представитель большинства населения острова, которое полагает, что тайваньцы как общность, как национальная

общность, уже вполне созрели до состояния государствообразующей общности, которая считает отвечающим своим национальным интересам, своим экономическим и политическим интересам, создание или существование своего отдельного государства, выражающего интересы исключительно острова Тайвань и его жителей. Тайваньцы хотят жить в государстве, которое будет совершенно самостоятельно на мировой арене. В этом, отметим попутно, с точки зрения тайваньцев, и залог того, что они не будут подвергаться тем опасностям, которым они, по их мнению, могут подвергаться, находясь, скажем, в составе КНР, в результате возможных коллизий в отношениях КНР с США или другими мировыми силами. Тайваньцы руководствуются прежде всего стремлением выжить, т.е. самым главным своим национальным интересом.

Далее, президентские выборы — это историческая веха, событие, знаменующее собой окончание воздействия на Тайвань длившейся десятки лет внутривнутриполитической борьбы, начавшейся на континенте, борьбы, главными участниками которой были две политические партии: партия Гоминьдан Китая и Коммунистическая партия Китая. Отныне Тайвань вывел себя из сферы этих, оставшихся в истории, взаимоотношений КПК и Гоминьдана. Эта сфера осталась по большей части в истории. Во всяком случае, тайваньцы продемонстрировали, что для них она исключена из межгосударственных отношений или отношений между китайцами, живущими по обоим берегам Тайваньского пролива. Переговоры между сторонами в настоящее время уже не могут носить характер межпартийных переговоров или иметь своей целью то, что в КПК именуется очередным, третьим по счету, периодом сотрудничества КПК и ГМД.

Вопрос об отношениях материкового и островного Китая (или — материковой и островной частей Китая) отныне исключается из сферы межпартийных отношений. Партии, т.е. КПК и ГМД, могут, при благоприятных условиях, вступать в контакты между собой, но уже не могут совместно решать вопрос о взаимоотношениях континентальной и островной частей Китая. На первый план выходит теперь прямое взаимоотношение представителей не политических партий, а двух частей общекитайской нации, или двух властных структур — континентальной и островной частей Китая. Это больше не отношения двух политических или военно-политических сил, которые ранее боролись за господство над всем Китаем. Во всяком случае, тайваньцы никак не претендуют на такую роль. Другое дело, что Пекин продолжает делать это. Но одной рукой в ладони не хлопнешь, и в будущем Пекину придется искать новый подход к развитию контактов с Тайбэем.

Идеологическая борьба между КПК и ГМД, содержанием которой было недопущение пропаганды коммунистических взглядов на Тайване, также закончилась. Тайбэй, также в одностороннем порядке и по своей инициативе, в 1998 г. отменил запрет на высказывание взглядов, соответствующих коммунистической идеологии, предложив таким образом Пекину закончить и идейное противостояние.

Позиция Тайваня состоит в том, чтобы убрать из сферы двусторонних отношений то, что мешает достижению согласия: и элемент вооруженного противостояния, т.е. вопрос о конфронтации вооруженных сил обеих сторон, и элемент идеологического противостояния, т.е. вопрос о конфронтации идеологий правящих политических партий.

По сути дела, сегодня с тайваньской стороны нет ни того, ни другого противостояния. Правда, сохраняется твердое намерение обороняться, защищаться в случае вооруженного нападения, а также отстаивать свободу слова в тех случаях, когда будет сочтено необходимым давать отпор идеологическим нападкам на либерально-демократические ценности.

Важно также и то, что сегодня власти Тайваня, его президент предпочитают не делать заявления о «независимости» острова, дабы не давать повода для вмешательства Пекина, для применения им военной силы с целью установления на острове своей власти. Таким образом, в той мере, в какой это зависит от Тайваня, вполне возможно сохранение статус-кво.

Пекин, особенно на протяжении последнего десятилетия, настойчиво выдвигает вопрос о нации. При этом себя выставляет в качестве единственного выразителя национальных чаяний. В этой связи иной раз, судя по высказываниям руководителей КПК-КНР, может складываться впечатление, что главным понятием, центром партийной и государственной идеологии стало понятие «нация», «китайская нация». Пекин полагает, что именно его толкование понятия «нации» разделяется всеми китайцами, в том числе и теми, которые живут на острове Тайвань. Лидеры КПК-КНР часто выступают на мировой арене от имени китайской нации в целом, не упоминая о своей принадлежности к коммунистической партии и ничего не говоря о коммунистической идеологии.

В связи с этим возникают вопросы: не дает ли это новую возможность сближения взглядов Пекина и Тайбэя; в какой степени понятие «нация» является скрепляющим для отношений Пекина и Тайбэя?

Представляется, что дело обстоит чуть ли не наоборот. Да, конечно, говоря абстрактно, сближение на основе согласия по вопросу о принадлежности к одной китайской нации, если этому не мешают разногласия идеологического и политического, да и социально-экономического характера, было бы вероятно.

Однако оказывается, что разногласия в толковании понятия нации могут разводить партнеров по переговорам. На Тайване полагают, что нация, китайская нация, может быть и общенациональной, т.е. в известном смысле и в известных пределах объединяющей всех китайцев, но в этом случае китайцев объединяют, да и то частично, подходы к истории и культуре. Но их могут разделять подходы к вопросу о государстве или государствах нации — пусть даже общей для всех китайцев.

Тайваньцы, вероятно, ощущают себя своеобразной отдельной частью общекитайской нации, настолько отдельной, что им присущи все параметры нации: стремление к выживанию; достаточная численность населения — 23 миллиона человек; наличие ярко выраженных границ, ибо Тайвань представляет собой остров; обладание вооруженными силами, необходимыми для обороны; вызревшее национальное самосознание, требующее уважения к себе как к отдельной национальной и человеческой общности — как к тайваньцам прежде всего, и только потом как к китайцам.

Тайваньцы сегодня видят себя в качестве государствообразующей человеческо-национальной и культурно-исторической общности. Другими словами, они полагают, что их часть общекитайской нации в результате событий последнего столетия созрела до состояния государствообразующей общности. Может быть, с их точки зрения, можно даже сказать, что там считают себя своеобразной тайваньской нацией. Тайваньцы полагают, что они выстрадали право на свое отдельное государство, и говорят (как заявляла вице-президент Тайваня Люй Сюлянь), что отношения в семье китайцев, отношения между жителями материка и острова, — это отношения «дальних родственников» и «близких соседей».

Их пожелания не являются конъюнктурными; они также не продиктованы из-за рубежа. И вопрос тут, конечно же, не только в различии между политическими системами на материке и на острове, хотя это очень важная часть картины.

Возможно, вопрос в том, что на протяжении последних ста — ста пятидесяти лет одновременно развиваются два процесса. С одной стороны, имеет место тяготение к объединению частей китайской нации, созданию единого китайского государства с одним центральным правительством, причем такого государства, которое является унитарным и не допускает и мысли ни о федерации, ни о конфедерации, ни о самоопределении его частей. С другой стороны, также медленно, но последовательно развивается процесс созревания требований частей бывшей китайской империи признать их самостоятельными государствами. В XX в. китайские лидеры говорили об утрате территории, упоминая те страны, которые сегодня в мировом общественном мнении представляются самостоятельными государствами; например, речь шла о Корее, о Бирме, о государствах Индо-Китайского полуострова. К этому списку можно добавить и Монголию. Можно также

упомануть о том, что и в Тибете и в Синьцзяне продолжаются процессы, которые могут привести к различным результатам.

Конечно, Тайвань — это «особая статья», потому что подавляющее большинство его жителей — ханьцы. Однако оказывается, что ханьское население Китая, во-первых, может стать слишком многочисленно. А во-вторых, отдельные районы континентального Китая, населенные ханьцами, все-таки не оставляют мысли о том, что у того или иного региона есть свои региональные интересы, а сообщества ханьцев в различных регионах Китая ощущают необходимость вести свои дела, прежде всего экономического характера, самостоятельно. Возможно, даже в качестве отдельных государств....

Одним словом, думается, что настойчивое требование тайваньцев признать их землю в качестве отдельного государства или самостоятельной политической реалии — это проявление процессов, которые имеют место в Китае в целом, а не только на Тайване.

Здесь важно также сказать, что процесс объединения на материке в основном завершился, причем уже более полувека тому назад. Эта задача, актуальная в исторических условиях первых десятилетий XX в., была выполнена. Сама жизнь обусловила появление общенациональных политических партий — это Гоминьдан Китая и Коммунистическая партия Китая. Кстати, наличие не одной, а двух таких партий свидетельствовало о том, что китайцы даже по этому вопросу, по вопросу об объединении своей страны, не смогли договориться между собой, ставя менее крупные политические соображения выше общенациональных интересов.

Общенациональные политические партии, одна из которых (Гоминьдан) существует уже более ста лет, а другая (Коммунистическая партия) существует восемь десятилетий, вели между собой смертельную борьбу, т.е. играли не только позитивную роль, но и наносили ущерб своей же нации. Вероятно, можно высказать мысль о том, что ныне они объективно в той или иной мере уже исчерпали свои возможности и перестали быть первостепенно необходимыми в Китае. Таким образом, то, что произошло с партией Гоминьдан Китая во время выборов в марте 2000 г., то, что она потерпела поражение и перестала быть правящей партией, — это не только следствие раскола внутри партии, но, вероятно, и своего рода закономерный результат развития.

Возможно, что тут играет роль и современное состояние проблемы общего выживания или обеспечения общей безопасности. Эта забота больше не объединяет китайцев в той степени, как раньше. Китайцы, очевидно, чувствуют, что, во-первых, они столь многочисленны, что вопрос о выживании для них либо решен, либо существует в иной плоскости, чем для многих других наций. А во-вторых, частям общей китайской нации может представляться, что их безопасность будет в большей степени гарантирована, если они будут выступать в качестве самостоятельных государств; например, одна из них — не как китайцы, а как тайваньцы. Поэтому жители острова и полагают, что они имеют право на свое государство.

Можно также предположить, что развитие упомянутых процессов идет как бы по спирали, с некими повторами схожих ситуаций. В этом случае вероятно, что после завершения процесса объединения Китая в 1920-х гг. и борьбы за власть над этим объединенным Китаем в последующие десятилетия наступает время, когда отдельные части общей китайской нации могут проявлять стремление обособиться и создавать свои самостоятельные государства. Однако в будущем, на новой основе, возможно возникновение новых связей между несколькими или многочисленными самостоятельными китайскими государствами, которые могут объединяться в некоторых вопросах, учитывая определенную историческую и культурную общность, а главным образом — исходя из тех потребностей экономической и политической стратегии и тактики, которые в те времена могут появиться на нашей планете.

Таким образом, нынешнее стремление обособиться может оказаться и временным явлением, если видеть вопрос в далекой исторической перспективе. Ведь китайский мир,

объединенный общей культурой и историей, никуда не денется, не исчезнет; он просто может продолжать существовать в различных формах. Китайская или общекитайская нация может иметь на мировой арене и одного своего представителя, одно и единое общекитайское государство, но может выступать в нескольких ипостасях, в форме нескольких китайских государств.

Представляется необходимым обратить внимание на еще один важный вопрос. Когда в 1949 г. на Тайвань прибыли руководители партии Гоминьдан Китая и Китайской Республики и их вооруженные силы, да и некоторая часть гражданского населения с материка, тогда это была своего рода «нашлепка» на Тайване, т.е. нечто чужеродное, но неизбежное, с чем коренным тайваньцам (и аборигенам, и ханьцам) приходилось мириться, извлекая из этого и свою выгоду.

Прошли пятьдесят лет. От «нашлепки» осталась только «шкурка». Это означает, что и от Китайской Республики, и от партии Гоминьдан Китая осталась лишь внешняя оболочка, лишь прежнее название. Внутреннее содержание и государства и партии стало иным. Именно это показали результаты президентских выборов на Тайване, состоявшихся 18 марта 2000 г.

Государство на Тайване теперь уже окончательно превратилось в государство этого острова и его жителей, островитян. Именно с этим государством и придется иметь дело и КНР, и другим странам мирового сообщества. Теперь уже практически не будет работать тезис о том, что тайваньцы — это прежде всего китайцы. Вполне вероятен и рост следующей тенденции: на Тайване не будет восприниматься обращение к его жителям прежде всего как к китайцам.

Что же касается партии Гоминьдан Китая, то она тоже находится в критическом состоянии. Части ее членов придется смириться с тем, что они больше никогда не будут общенациональной партией. Представляется, что большинство членов партии Гоминьдан Китая это давно уже понимают. После выборов они выражали свое возмущение деятельностью руководителей партии и, прежде всего, бывшим президентом Ли Дэньхоем. В результате он ушел в отставку с поста руководителя партии. Претензии возмущенных членов партии состояли, как представляется, главным образом в том, что руководители Гоминьдана не сумели приспособиться к новой ситуации на острове, выдвинуть кандидата, который мог бы соперничать с Чэнь Шуйбянем. Вполне очевидно, что это требовало и нового подхода к вопросу о будущем государства на острове.

Одним словом, перед партией Гоминьдан Китая стоят сложные задачи; если она хочет выжить, ей придется приспособливаться к новой ситуации и к своей новой роли. Судьба партии зависит от того, найдут ли ее руководители и ее члены решение сложных проблем.

Во всяком случае, партия Гоминьдан Китая больше не будет играть роль общенациональной партии, которая претендует на восстановление своего положения в Китае в целом. Партии придется доказывать тайваньцам, что ее главные интересы отныне будут исключительно интересами острова и островитян. Нельзя исключать и полного исчезновения этой партии с политической арены или превращения ее в незначительную политическую силу на Тайване, скажем, партию пенсионеров. Иначе говоря, возможны различные варианты будущего партии Гоминьдан Китая.

И дело не только в том, что по инерции в этой партии сохранялось неверное представление о себе, о Китае, о Тайване. Еще важнее, что партия Гоминьдан Китая постепенно превратилась в организацию бюрократии, причем такой бюрократии, которая свое главное внимание уделяла экономической деятельности, бизнесу, превращаясь в бюрократическо-мафиозную структуру, занимающуюся финансовыми и экономическими

прожектлами и аферами, оторванную от интересов большинства населения острова. Гоминьдан открыл или был вынужден открыть путь к экономическому процветанию острова и к демократическим преобразованиям на нем. Но Гоминьдан в каком-то смысле «отстал» от этих процессов.

Сам же остров Тайвань и его новый президент одновременно и находятся ныне перед кризисом, и имеют контршанс для того, чтобы не только продолжить развитие тайваньской экономики, но и усилить процессы процветания Тайваня по всем направлениям.

Современный кризис для Тайваня состоит в том, что остров оказался в очень сложных отношениях с Пекином. Потребуется трезвость ума, дипломатическая гибкость и нестандартность решений, чтобы решать проблемы, затрагивающие национальное самосознание тайваньцев. Если партия Гоминьдан Китая теперь предоставлена сама себе и может сама решать свою судьбу, то в иной ситуации находятся нынешние руководители государства на Тайване. Они находятся одновременно перед лицом многочисленных проблем и внутри страны, и в сфере внешней политики.

Неприемлемым для тайваньцев являются сегодня разгул коррупции в администрации и бесчинства криминальных структур. Это главная головная боль для населения острова. Вместе с тем серьезную роль играют вопросы, которые иностранцам могут казаться не весьма существенными. Например, вопрос о названии государства, о его символике. Дело в том, что для многих тайваньцев все это становится совершенно нетерпимым. Во всяком случае, перед новым президентом может встать задача приведения в приемлемый для тайваньцев вид названия государства, его конституции, его флага и гимна.

С другой стороны, предстоят сложнейшие переговоры с КНР. При этом на первый план может выйти вопрос о толковании терминов «Китай» и «китайское государство». Одна из позиций, которую может предложить Тайбэй, состоит в том, чтобы обе стороны отказались от названий ныне существующих государств, от названий «Китайская Республика» и «Китайская Народная Республика», от их символики. Надо прийти к согласию по таким вопросам, как наименование нового, возможно, общего китайского государства, об основных положениях его конституции, о соотношении прав материка и острова и т.д. Например, Тайвань мог бы пойти на то, чтобы новое государство называлось просто Китай, или Чжунго.

Казалось бы, позиции сторон по этому вопросу близки, ибо в своих заявлениях Пекин прежде всего настаивает на том, чтобы исходной базой переговоров было согласие обеих сторон с тезисом об «одном Китае». Таким образом, на первый взгляд может показаться, что и Пекин и Тайбэй готовы говорить о «Китае». Однако все дело в том, что стороны вкладывают в это понятие (может быть, лишь пока) разное содержание.

Если с точки зрения Тайбэя под Китаем может подразумеваться новое и только новое государство, не имеющее отношения к ныне существующим государствам, причем такое государство, которое будет иметь новую конституцию и по-новому будет определять отношения между островом и материком, то Пекин имеет в виду прежде всего, что термин «Китай» является его «собственностью», что это всего-навсего сокращенное наименование нынешнего государства на материке, т.е. Китайской Народной Республики. Таким образом, есть явные разногласия и пока не видно путей к согласованию позиций по этому вопросу.

Безусловно важно и расхождение по вопросу о демократии. В частности, тайваньцы подчеркивают, что для них единый Китай — это обязательно демократический Китай. Поэтому они видят возможность вести переговоры об «одном Китае» только при том условии, что континентальный Китай переменится и станет демократической страной.

Представляется также, что ныне, перед предстоящими переговорами, главные противоречия состоят в следующем.

Китайская Народная Республика намерена, судя по ее заявлениям в настоящее время, «поставить Тайвань на счетчик», т.е. заявить, что она согласна ждать, скажем, только до

конца 2003 или 2005 года, а затем вооруженным или иным путем реально включит остров Тайвань в состав КНР, установит над островом свою политическую власть, добьется того, что на мировой арене будет существовать только одно китайское государство — Китайская Народная Республика. Это, по сути дела, ультиматум Тайваню. КНР хочет начать переговоры, выдвигая в качестве своей позиции именно указанное ультимативное требование к Тайваню. Такое требование Тайбэй принять не может.

Что же касается Тайваня, то он готов идти на решение многих вопросов конкретного развития отношений между берегами Тайваньского пролива, но не желает отходить от своей принципиальной позиции: стороны равноправны; Тайвань никогда не согласится вступить в переговоры в качестве подчиненной части КНР. Судя по заявлениям руководителей КПК-КНР, это неприемлемо для них.

Таким образом, Пекин может привести свою угрозу в действие, «бомба» будет подвешена, «часовой механизм» начнет тикать и отсчитывать секунды, оставшиеся до срока, установленного Пекином; на площади Тяньаньмэнь в Пекине, возможно, будет установлено табло, на котором все жители КНР и иностранцы будут видеть, как приближается время «Ч», т.е. момент применения вооруженных сил против тайваньцев с целью захвата острова. Эта ситуация может создать опасность и для островитян, и для жителей материка, и для мирового сообщества. В том числе и для нашей страны.

Попутно необходимо также отметить, что Тайвань и раньше не был ничьей марионеткой, в том числе и марионеткой США, и не будет ею.

Может возникать и вопрос о том, как целесообразно строить политику нашего государства, Российской Федерации, в связи с вероятными перспективами развития событий в отношениях между КНР и Тайванем?

Думается, что при любой ситуации необходимо искать, прежде всего, все то, что отвечает нашим интересам.

Происходящее в отношениях Пекина и Тайбэя таит в себе угрозу состоянию мира, а потому требует приложения усилий, чтобы не допустить возникновения военного конфликта. Таким образом, в наших интересах выражать озабоченность ситуацией или ее возможным развитием, делая упор на том, что Россия выступает за мирное решение вопросов, за неприменение вооруженных сил при урегулировании споров, за ведение переговоров, пусть даже они потребуют необозримо длительного времени. В данном случае сохранение статус-кво не противоречит, а, наоборот, отвечает интересам России. Тайвань никак не угрожает КНР и даже вносит весьма существенный вклад в ее экономическое развитие, подвергаясь при этом угрозе военного нападения и захвата. Нас и тайваньцев объединяют принципы свободы и демократии в области внутривосточной жизни.

В то же время необходимо видеть, что создавшаяся ситуация дает новые благоприятные возможности для проведения нашей внешней политики и для защиты наших экономических интересов.

РФ целесообразно продолжать проводить политику, при которой мы одновременно и активно, хотя и в различных формах и в разных областях, поддерживаем отношения с обеими частями китайской нации, с материковой и с островной частями Китая. Никким образом нельзя вставать в споре Пекина и Тайбэя на одну сторону, на сторону Пекина, и тем более пересматривать принятое в свое время первым Президентом РФ Б.Н.Ельциным стратегически верное, отвечающее нашим национальным интересам решение об уравнивании наших связей с обеими частями китайской нации. Это установление, наряду с полномасштабными межгосударственными, в том числе и дипломатическими, отношениями с КНР, экономических и культурных связей с Тайванем. Прекращение, сокращение или замораживание отношений с островной частью Китая только нанесло бы вред нашим национальным интересам.

Нынешняя ситуация предоставляет нам новые возможности для сбалансированного развития отношений с обеими частями Китая. Мы можем еще больше развивать и улучшать отношения с КНР, поскольку Пекин в нынешней обстановке тем более заинтересован в добрососедских отношениях с нами, а также в том, чтобы наше государство не поддерживало, даже в своих заявлениях, позицию Тайбэя и не выступало с критикой позиции КНР.

Отдельно стоит вопрос о продаже нами КНР вооружения. Учитывая, что у КНР спрос в этом отношении может расти и что именно это служит предметом особой озабоченности на Тайване, нам целесообразно вести дело так, чтобы получать выгоды и на том и на другом направлении.

Нам необходимо сделать особый упор на развитии экономических отношений с Тайванем. В связи с этим представляется, что пришло время исправить положение, существующее вплоть до настоящего времени. В свое время, устанавливая связи с Тайванем, мы исходили и из того, что они могут стать источником инвестиций в нашу страну, осуществления широкомасштабных экономических проектов. По сути дела, все это требовало создания соответствующей двусторонней структуры по типу межправительственных комиссий по экономическим связям с КНР или с США. Поэтому и была избрана такая форма, как учреждение в нашей стране Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

На практике все дело ограничилось появлением механизма для выдачи виз, т.е. исполнением частичных консульских функций. Все остальное так и не было сделано, ибо возобладали опасения, что против установления и развития значительных торгово-экономических связей между Москвой и Тайбэем будет возражать Пекин, а это нанесет непоправимый ущерб. Такое противопоставление наших отношений с Пекином нашим отношениям с Тайбэем представляется ошибочным и наносящим ущерб нашим интересам.

Наши связи с Тайванем, по сути дела, так и не стали развитыми торгово-экономическими отношениями. Для того чтобы это произошло, а это отвечает нашим национальным интересам, необходимо исходить из того, что упомянутая Московско-Тайбэйская координационная комиссия лишь номинально, только по названию является общественной организацией. Это было сделано исключительно в целях соблюдения наших интересов в отношениях с КНР, чтобы доказать, что наши отношения с Тайбэем не являются дипломатическими. В то же время в нашей стране, для нашего государства эта Комиссия является целиком и полностью одним из наших внешнеполитических учреждений и никоим образом не является институтом, действующим в частных или «общественных» интересах.

Эта Комиссия, по сути дела, должна выполнять государственные функции, быть государственным учреждением по типу межправительственных комиссий по торгово-экономическим отношениям с КНР или с США. Для этого Комиссия должна функционировать, получая государственное финансирование. До сих пор такого финансирования нет. В то же время государство заинтересовано в том, чтобы была развернута полномасштабная и эффективная работа в целях координации экономического и культурного сотрудничества с Тайванем и в Москве, и в представительстве Комиссии в Тайбэе.

Целесообразно, чтобы был изменен и сам подход к нашим отношениям с Тайванем. Без участия государства в этом процессе, без гарантий со стороны государства серьезного продвижения в экономическом и культурном сотрудничестве ожидать не приходится.

Необходимо подчеркнуть, что шаг Президента РФ Б.Н.Ельцина, открывший нынешние отношения с Тайванем, — это не нанесение ущерба нашей внешней политике, не ущемление наших отношений с КНР, но наоборот, при правильном его использовании это мощный рычаг, обеспечивающий как выгоды в экономических отношениях с Тайванем, так и большую твердость позиций в наших отношениях, прежде всего, с Пекином, Вашингтоном и Токио.

Что же касается отношения к выборам нового президента на Тайване, то, конечно, было бы предпочтительнее, чтобы все вопросы решались мирным путем; далее, чтобы проблемы между Пекином и Тайбэем рассматривались как внутреннее дело в своей китайской семье, которое могут решать только сами китайцы.

Россия и Тайвань: координация экономического и культурного сотрудничества

В 1992 г. Россия и Тайвань прекратили состояние взаимного противостояния и объявили о намерении сотрудничать в экономике и культуре. Появился следующий документ:

*Указ Президента Российской Федерации
Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем*

1. В отношениях с Тайванем Российская Федерация исходит из того, что существует только один Китай. Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Тайвань неотъемлемая часть Китая. Российская Федерация не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений.

Экономические, научно-технические, культурные и другие неофициальные связи между Россией и Тайванем осуществляются отдельными гражданами и неправительственными организациями, наделяемыми функциями, необходимыми для правового, технического и иного обеспечения этих связей, защиты интересов на Тайване российских граждан, и регулируются соответствующими законодательными актами РФ.

Все возможные представительства на Тайване российских организаций и соответственно Тайваня в России являются неправительственными учреждениями и не могут претендовать на статус, компетенцию, привилегии и льготы, присущие государственному органу. Их правовое положение определяется местным законодательством. Лица, находящиеся на государственной службе, не могут быть сотрудниками неправительственных организаций и учреждений, осуществляющих связи с Тайванем.

В российско-тайваньских контактах, соглашениях, документах не могут использоваться государственная символика России и символика «Китайской Республики», название «Китайская Республика». На территории России не разрешается ее использование тайваньскими партнерами. Возможные варианты: «Тайвань, Китай» или «Тайбэй, Китай».

Содействие в оформлении проездных документов для российских граждан и организаций при поездках на Тайвань и для жителей Тайваня в Россию оказывается через консульские отделы посольств Российской Федерации в третьих странах и неправительственные организации в Москве и Тайбэе.

Контроль за соблюдением положений Указа возложить на Министерство иностранных дел Российской Федерации, предоставив ему право ставить перед Правительством Российской Федерации вопросы о приостановке деятельности учреждений, создаваемых в нарушение положений данного Указа, независимо от времени их создания, и о принятии административных мер против официальных лиц, нарушающих положения данного Указа.

2. Воздержаться от открытия постоянных представительств Московско-Тайбэйской координационной комиссии в Москве и в Тайбэе до дальнейшего указания.

Определить состав российской части комиссии, функции и сроки открытия представительств по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин

Москва, Кремль 15 сентября 1992 года.

№ 1072

Важность этого шага еще в достаточной степени не осмыслена и не оценена. Он имеет весьма существенное положительное значение для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), для всего мирового сообщества наций, а главное — для России и Тайваня, для наших двусторонних отношений, для людей в нашей стране и на Тайване.

Изменение характера наших отношений — это составная часть окончания «холодной войны», политико-идеологической конфронтации в мире прошлого, особенно между нашими двумя сторонами. Это и избавление от ущербности в отношениях России и Китая, выправление ненормальности в связях между двумя нашими нациями. Это и вклад в нормализацию ситуации в мировом сообществе. Новые отношения между Россией и Тайванем отвечают их национальным интересам как в части двусторонних отношений каждого из партнеров с Пекином, так и в отношениях со странами АТР и всего мира, прежде всего с США и Японией.

То, что произошло в наших отношениях, открыло естественный этап в истории двусторонних связей. Это вполне закономерно вытекает из их векового исторического опыта.

Из истории не вычеркнуть более 40 лет противостояния, отсутствия отношений. То было следствием несчастного стечения обстоятельств, воздействия факторов, противоречивших национальным интересам обеих сторон. Однако, по сути дела, между нами никогда не было национальных противоречий.

Именно поэтому сразу же после распада СССР и появления на мировой арене Российской Федерации по инициативе обеих сторон положение было выправлено. Нынешняя демократическая и свободная Россия посчитала естественным установить всевозможные связи экономического и культурного характера с демократическим и свободным Тайванем. Движение навстречу друг другу было искренним, глубоко обоснованным и обоюдным.

Уроки истории свидетельствуют о сходстве исторических судеб России и Тайваня: стремление найти взаимопонимание возникло еще сто лет тому назад; мы чувствовали друг к другу взаимные симпатии, особенно когда речь шла о борьбе против иностранной оккупации; идеалы свободы и демократии связали нас уже почти десять лет тому назад. И преобладающая часть исторического опыта позитивна, она может служить хорошей основой для углубления взаимопонимания между нами.

Отрицательный опыт — это, однако, не военное противостояние, не война, а лишь идейно-политическая конфронтация, временное подчинение отношений между нациями и государствами идейно-политическим соображениям. Перемены в наши взаимоотношения внесены сегодня не изменением политики нашего прежнего государства, с которым у острова Тайвань существовало идейно-политическое противостояние. Они являются одним из результатов появления нового российского государства, которое отказывается от всего негативного в политике и идеологии прежнего государства, его руководящей и правившей в нем политической партии.

Особенность наших двусторонних отношений с Тайванем состоит, в частности, в совершенно недостаточном знакомстве друг с другом. Мало того, на протяжении десятилетий подлинное знание заменялось и в России и на Тайване искаженными

представлениями о партнере, негативными идеологическими стереотипами. При этом исходная точка зрения состояла в том, что мы — разные, непохожие, несовместимые, что мы не партнеры, а оппоненты, даже противники, если не враги. Населению в СССР внушалось представление о Тайване, как о «враге» нашего тогдашнего «друга», как чуть ли не о «фашистском режиме», как о противнике «светлых коммунистических идеалов всего человечества, всех трудящихся», как о «режиме», который является «карманным», «марионеточным» и существует только благодаря поддержке с берегов реки Потомак.

На Тайване у людей воспитывалось представление о России, не важно царской или советской, как о «друге» тогдашнего военного противника, как о некоем «враге нации», не только «задолжавшем территории», но и «оказавшем помощь тирану и его режиму», как о «хозяине предателей на континенте», как о противнике демократии. При этом все такого рода стереотипы, хотя в них и были крупинки истины, все-таки в основном служили исторически временным политическим интересам определенных сил внутри каждой из стран и, что существеннее всего, безосновательно переносились на нации, на страны и народы. Страна и народ — это одно, а государство, правящая политическая партия (особенно когда она единственная!) и ее лидеры — это другое.

Постепенно составить себе новые представления друг о друге, отвечающие реалиям, далеко не просто. Это требует много времени и больших усилий обеих сторон. Но это необходимо и нам в России, и на Тайване.

В настоящее время, начиная эту работу, желательно, как представляется, по крайней мере пытаться избавиться от прежних стереотипов. Здесь могли бы быть полезными постоянные контакты с целью обмена мнениями по вопросам, касающимся демократии, законодательства, цивилизованного характера двусторонних отношений, исторических судеб и перспектив каждого из партнеров.

Ныне возобладали насущные национальные интересы, интуитивное стремление народов вступить в нормальные партнерские отношения и строить их на благо обеих сторон. Преобладание национальных интересов над иными интересами — важная черта и основа наших нынешних отношений. Вне зависимости от их формы, эти отношения в настоящее время отвечают жизненно важным национальным интересам. И вопрос о форме отношений не должен наносить ущерб их сути.

Итак, в 1992 г. был осуществлен поворот от конфронтации и отсутствия отношений к их установлению и сотрудничеству. Для обеих сторон чрезвычайно ценностью представляет и суть нынешних отношений, и их нынешнее состояние, в том числе и их форма, исходя из осознания того, что все это далось нам далеко не просто. Необходимость сохранения нынешних отношений, даже и хотя бы на достигнутом уровне, превалирует над иными соображениями.

Если говорить о том, как каждая из сторон представляет себе историю двусторонних отношений, особенно если это включает в себя вопросы, касающиеся континентального Китая, то хорошо бы партнерам оставить в замороженном состоянии все те острые и деликатные моменты, которые могут нанести вред нашим новым, еще очень тонким и неокрепшим связям. Нельзя допускать того, чтобы отношения между нами, пусть всего лишь их культурные и экономические аспекты, оказались заложниками исторических разногласий или споров. И в этом смысле желательно освободить их от идеологии. В то же время обеим сторонам нужен идейный фундамент наших нынешних двусторонних отношений, а его могут, очевидно, составлять демократические и нравственные идеалы, уважение к человеческой личности, уважение к культуре народов, стремление строить отношения на уровне сотрудничества двух высоких цивилизаций, соблюдение трех неразрывно связанных между собой принципов: мир, независимость, равенство.

Прошло уже около десяти лет с момента достижения принципиальной договоренности между Москвой и Тайбэем об установлении двусторонних отношений. Срок в масштабах истории короткий, а применительно ко времени жизни нынешнего поколения

людей — немалый. За это время происходило развитие отношений. В Москве и в Тайбэе появились представители соответствующих комиссий по координации экономического и культурного сотрудничества — Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (МТКК) и Тайбэйско-Московской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (ТМКК). Вырос товарооборот с учетом торговых операций через третьи страны.

И все-таки явственно ощущается, что развитие двусторонних отношений сковано, что его что-то тормозит. Возникает вопрос о том, не сами ли мы, и та и другая сторона, искусственно замедляем развитие двустороннего сотрудничества. Может быть, кому-то, кто способен оказывать воздействие на состояние наших двусторонних отношений, даже кажется, что само установление таких связей носит лишь временный характер, а потому здесь как бы и нет необходимости заниматься чем-то всерьез. Или даже, что само решение о сотрудничестве — лишнее, непродуманное, приносящее больше ущерба, чем пользы.

Здесь могут сказываться и внутривосточные причины, и внешнеполитические соображения. У нас могут играть определенную роль те, кто в принципе не сочувствует не только развитию, но даже установлению связей. Вне России возможна и оглядка на некие «третьи страны», и желание следовать не самостоятельно, а позади неких «локомотивов» в восточном и западном полушарии при развитии наших двусторонних связей; если же эти «локомотивы» замедляют ход, то предпочитают тормозить вслед за ними....

Но здесь не одна и не две причины. Практика такого рода отношений, совершенно новых по форме, — дело тонкое и неизведанное. Возникающие проблемы, очевидно, могут разрешаться не только путем непосредственных действий, хотя и они чрезвычайно важны. Все большее значение со временем будет иметь повседневный труд по расширению всяческих связей. Можно поставить вопрос следующим образом: не является ли ключом к свободному, не связанному никакими путями, развитию отношений и их расширению стремление лучше знать и понимать друг друга, наладить и углубить взаимопонимание, попытаться понять позицию партнера, в том числе и по деликатным вопросам?

Взаимопонимание дает возможность одни вопросы решать, а другие, по взаимному согласию, откладывать в сторону, оставлять их в таком состоянии, чтобы они не мешали развитию связей.

В настоящее время взаимопонимание представляется явно недостаточным. Что же ему мешает? Попробуем нащупать хотя бы некоторые препятствия.

Об истории, историческом опыте, о стереотипах уже было сказано. Остановимся на других сторонах наших отношений.

Решение о начале двустороннего сотрудничества было принято и той и другой стороной на самом высоком государственном и политическом уровне, благодаря, главным образом, интуиции, верно отразившей заинтересованность обоих народов. Необходимо подчеркнуть, что основную роль при этом сыграли высшие руководители России и Тайваня, президенты Б.Н.Ельцин и Ли Дэньхой. Немалое значение имело и то, что это решение было принято, особенно в нашей стране, в момент подъема волны демократии и резкого отрицания прошлого режима, его внутренней и внешней политики. Демократические течения в России и на Тайване в данном случае устремились одно навстречу другому. И сохранение инерции такого движения способствует углублению взаимопонимания.

В то же время на уровне массового сознания населения обеих сторон и сегодня это решение, пожалуй, еще глубоко не осознано; весьма значительная часть населения либо не поддерживает это решение, либо относится к нему безразлично. Имеется и часть населения, которая выступает против этого решения, во всяком случае, в нашей стране. Действуют политики и силы, спекулирующие на ситуации; вероятно, некоторые чиновники государственных учреждений, исходя из своих политических взглядов или просто в поисках личных выгод, скрыто тормозят развитие наших двусторонних отношений с Тайванем.

Упомянутое решение, принятое на самом высоком уровне, не было тем не менее подкреплено разработкой стратегии, а тем более тактики развития двусторонних связей. Дело было пущено в той или иной степени на самотек.

Существенным представляется вопрос о совершенно необычной форме наших отношений. Ведь Москва и Тайбэй сочли целесообразным, а вернее, были вынуждены разделить вопросы развития сотрудничества в сфере экономики и в области культуры, с одной стороны, и вопросы взаимного дипломатического признания, с другой стороны.

Наши отношения по форме выглядят как неправительственные, а на деле не могут полноценно и эффективно существовать и развиваться вне сферы межгосударственных отношений, в том числе, что чрезвычайно важно, и без финансирования из государственного бюджета. Иными словами, именно Российская Федерация и Китайская Республика, как государства, взяли на себя обязательства друг перед другом обеспечить материальную и финансовую основу осуществления на практике, каждодневно функционирование механизмов, которые они решили создать.

Два государства, по сути дела, договорились, что установят между собой межгосударственные отношения, но придадут им, по необходимости, внешнюю неправительственную форму; откроют в Москве и в Тайбэе соответствующие государственные учреждения, которые лишь по вывеске будут неправительственными: Московско-Тайбэйскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству и ее Представительство в Тайбэе и, соответственно, Тайбэйско-Московскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству и ее Представительство в Москве.

Нашим двусторонним связям была дана по необходимости неправительственная вывеска. Однако, по сути дела, президенты Российской Федерации и Китайской Республики договорились о том, что обеспечат нормальное действие механизма двусторонних экономических и культурных связей. Это, со всей очевидностью, предполагает финансирование из государственных средств повседневной работы как соответствующих комиссий по координации экономического и культурного сотрудничества (Московско-Тайбэйской и Тайбэйско-Московской), так и их представительств соответственно в Тайбэе и в Москве.

К сожалению, по сути дела, эта договоренность выполняется в полном объеме лишь одной, тайбэйской, стороной. Другая, российская, сторона так и не выполнила своих обязательств и не поставила на твердую финансовую основу действие соответствующего механизма. Иначе говоря, Московско-Тайбэйская координационная комиссия по экономическому и культурному сотрудничеству и в 2001 г. существовала на энтузиазме ее активистов и не имела финансового обеспечения со стороны российского государства. Вероятно, это явилось следствием ряда причин: политические интриги, бюрократизм, желание чиновников угодить тем или иным политическим силам, непонимание важности для России культурного и экономического сотрудничества с Тайванем.

На вопросе о форме наших отношений необходимо остановиться и рассмотреть его с возможной в настоящее время тщательностью.

Вступая в нынешние отношения, стороны понимали, что они не могут установить дипломатические связи не потому, что сами возражают против этого, а лишь из-за позиции третьей стороны. Своеобразие ситуации состоит в том, что речь идет в определенном смысле о взаимоотношениях на мировой арене двух народов, двух наций, но трех государств (ниже мы еще специально остановимся на этом вопросе; пока же затронем его лишь вкратце). Применительно к Китаю, вероятно, можно говорить о том, что нам приходится иметь дело с ситуацией, которую можно охарактеризовать по-китайски формулой: «Лян го и минь», т.е. «Два государства, один народ» или «Два государства, одна нация». Вопрос об установлении дипломатических отношений, таким образом, меньше касается Москвы, и в большей степени его решение зависит от Тайбэя. Состояние отношений между Тайбэем и Пекином и

решает в настоящее время вопрос о наличии или отсутствии дипотношений между Москвой и Тайбэем. Сначала, очевидно, будет решен китайский «семейный спор», а затем уже и будут иметь возможность определить свою позицию посторонние в этом споре.

Решение такой важной внешнеполитической задачи, как строительство двусторонних отношений России и Тайваня, а это проблема первостепенного значения, из числа приоритетных для каждой из сторон, если видеть перспективы развития и всю сложную взаимосвязь международных отношений в настоящее время, — это решение оказалось поставленным в зависимость (вероятно, слишком большую зависимость) и от развития внутривнутриполитической обстановки в каждой из стран, и от состояния отношений каждого из партнеров с известной третьей стороной, которая в данном случае предстает как объективно неотъемлемая часть всей конструкции взаимоотношений и в то же время в целом ряде важных вопросов, как своеобразный «третий лишний».

После того как высшие руководители обеих сторон приняли решение об установлении и развитии контактов и сотрудничества, обе стороны должны были примениться к новой обстановке, определенным образом откорректировать свою деятельность. Это оказалось совсем не просто. Одна из сторон была традиционно сосредоточена главным образом на том, чтобы сохранять и развивать добрососедские отношения с известной третьей стороной. И это действительно важно, поэтому привычной стала нацеленность на то, чтобы не допускать ничего такого, что могло бы нанести ущерб отношениям все с той же третьей стороной.

Здесь не сразу становится понятно, что ситуация изменилась, что она в определенном смысле нормализовалась и что нормальная ситуация, когда существуют отношения сотрудничества с Тайбэем, не только в интересах Москвы, но что на развитие этого сотрудничества следует ориентироваться постоянно. Надо было понять, что отношения между Москвой и Тайбэем — это не головная боль, не слабость нашей внешней политики, не еще одно совершенно лишнее осложнение наших отношений все с той же третьей стороной, а отныне и навсегда — их нормальное состояние.

Более того, желательно было осознать — и привести в соответствие с этим осознанием свою практическую деятельность, причем не только в двусторонних отношениях, но и применительно к третьим странам, — что отношения между Москвой и Тайбэем — это благотворная часть нашей внешней политики. Что установление таких отношений — это избавление от ущербности внешней политики в прошлом, что это — неотъемлемая часть становления независимой и самостоятельной внешней политики России, основанной в первую очередь на защите наших национальных интересов. Важно было также понять, что отношения с Тайбэем не подчинены отношениям с Пекином, и наоборот. Это — дополняющие друг друга отношения.

Осмыслить все это оказалось далеко не просто. Осмысление продолжается и в настоящее время. Оно осложняется и развитием внутривнутриполитических процессов в нашей стране, иначе говоря, той ролью, которую в политическом спектре играют известные силы и отражающие их мнение служивые люди из государственных структур, для которых, по сути дела, нет национальных интересов, а есть лишь интересы тех или иных политических сил, а также карьерные соображения; нет партнеров, а есть либо союзники, либо противники.

Задача другой стороны была традиционной — добиваться признания своего государства как можно большим числом стран, устанавливая дипломатические связи, подчиняя экономические и культурные обмены с мировым сообществом решению этой задачи. И так же возникла необходимость по-новому взглянуть на дело, учитывая появление отношений сотрудничества в области культуры и экономики с Москвой. Необходимо было понять, что Россия — это не просто еще одно государство, главной целью в отношениях с которым является установление дипотношений или других связей.

Двусторонние отношения Москвы и Тайбэя, пусть меня простят, гораздо важнее упомянутых целей и задач, особенно если принимать во внимание будущее. Если же говорить о реальном развитии событий, то явно просвечивало желание если не целиком, то в

значительной степени подчинить наши новые отношения одной задаче, а именно: постепенно добиваться, чтобы Москва установила дипломатические связи с Тайбэем. И отношения некоей «борьбы» при неблагоприятном развитии или повороте событий могли и сменить развитие отношений сотрудничества. Была также вероятна попытка поставить их в зависимость от «податливости» Москвы, от того, идет ли Москва на шаги, которые могли быть истолкованы как движение к установлению дипломатических отношений.

Одним словом, и в этом случае возникал соблазн поставить отношения между Москвой и Тайбэем в зависимость от отношений Тайбэя с Пекином. Отношения между Тайбэем и Пекином могли при этом оказаться как бы важнее отношений между нами. Также могло возникнуть недопонимание того, что новые отношения сотрудничества между Москвой и Тайбэем, уже сейчас благотворные и отвечающие интересам обеих наций, это отношения, которые лишь помогают внешней политике и той и другой стороны, в том числе и в их отношениях с известной третьей стороной, да и вообще на мировой арене.

Наши двусторонние отношения — это не «обуза» в отношениях «конструктивного сотрудничества» и «партнерства» с Пекином для Москвы и не «орудие» в «диалоге» с Пекином для Тайбэя. Представляется, что и Москва и Тайбэй в достаточной степени самостоятельны и самоценны, чтобы не допустить использования себя или партнера в чужой игре.

И здесь и там далеко не сразу пришло осознание того, что сотрудничество между Москвой и Тайбэем — это новое обстоятельство, подаренное нам судьбой, благоприятствующее как состоянию отношений каждой из сторон с известной третьей стороной, так и отвечающее национальным интересам вечного и жизненно важного характера. Это — выигрыш для каждой из сторон. Одновременно — это совершенно самостоятельная сфера, которая не находится в прямой зависимости от отношений каждой из сторон с третьей стороной.

Оказалось, что на пути развития нашего сотрудничества с самого начала возникло крупное препятствие. На практике и та и другая сторона по-разному, но озабочены в первую очередь не развитием связей между собой, а своими отношениями с третьей стороной. Мы еще не освободились от зависимости от этой третьей стороны. Мы еще не осознали, что было бы хорошо так посмотреть на дело, чтобы наличие третьей стороны оказывалось не тормозом, а стимулом, побуждающим к развитию наших двусторонних связей.

Итак, обеим сторонам желательно осознать себя самостоятельными и свободными от навязанного нами же самими себе диктата третьей стороны. Чем глубже будут наши двусторонние отношения, тем больше будет считаться третья сторона с каждой из наших двух сторон.

На очередь встает осознание каждой из сторон того, что мы представляем первостепенный интерес друг для друга. Наши отношения суть двусторонние отношения России и Тайваня, а еще точнее — современной России и современного Тайваня.

Вопрос о Китае, об интерпретации формулы «один Китай» — это китайский «внутрисемейный» вопрос. Этот вопрос выходит за рамки отношений России и Тайваня, Москвы и Тайбэя. В данном случае для России важно проявлять интерес именно к Тайваню, а для Тайваня — проявлять интерес именно к России. Нам принесло бы выгоду умение видеть друг друга ясными глазами, а не через «пекинские очки», не через бамбуковую занавеску формулы «одного Китая».

Суть наших отношений — это отвечающее национальным интересам обеих сторон сотрудничество между современной Россией и современным Тайванем. Форма такого сотрудничества сегодня — это взаимодействие двух национальных комиссий: Московско-Тайбэйской и Тайбэйско-Московской координационных комиссий по экономическому и культурному сотрудничеству. Было бы хорошо, если бы это оказался «мост на все времена», «мост для любой погоды» — «the bridge for all seasons»....

Форма, в которую облечены наши отношения в настоящее время, появилась спонтанно, прагматически, но она не случайна. Это естественная форма наших отношений в начале их становления и в предлагаемых обстоятельствах. Другое дело, что эти обстоятельства могут сохраниться на протяжении неопределенно долгого времени. Нельзя исключать и целесообразности ее существования наряду с дипломатическими отношениями после их установления. Ведь эта форма позволяет не только установить, но и сохранить связи при неожиданных поворотах событий, поддерживать цивилизованные и находящиеся под централизованным, по сути дела государственным, контролем экономические и культурные отношения. Их форма может изменяться, если говорить, в частности, о сфере экономики. И это вполне естественно. Через некоторое время может появиться и совместная двусторонняя торгово-промышленная палата.

Хотелось бы подчеркнуть, что основное содержание наших нынешних двусторонних отношений — это экономическое и культурное сотрудничество. Поэтому желательно полноценное функционирование Московско-Тайбэйской и Тайбэйско-Московской координационных комиссий по экономическому и культурному сотрудничеству именно в качестве органов, осуществляющих, возможно при взаимной поддержке, прежде всего именно такое сотрудничество. Все остальные задачи хорошо бы выполнять как дополнительные, причем не подменяющие выполнение основной задачи, а содействующие ему.

Необходимо особо отметить исключительную важность связей в области культуры. Только они обеспечивают надежную основу для взаимопонимания, для человеческих контактов.

Наконец, было бы полезно, чтобы обе стороны содействовали тому, чтобы в школах подрастающие поколения получали такие знания о России и Тайване, которые с детства прививали бы людям и в одной и в другой стране уважение друг к другу, к культуре и к истории друг друга.

Встреча двух наций, но трех государств

Итак, одной из главных особенностей взаимоотношений России и Китая в конце XX века является открытие или постепенная нормализация в той или иной форме связей между всеми вершинами треугольника Москва — Пекин — Тайбэй. Эти связи носят различный характер, особенно если принимать во внимание их форму. И тем не менее таково весьма позитивное развитие событий, отвечающее интересам всех участвующих в них сторон.

Мы уже рассматривали характер новых отношений между Москвой и Пекином; мы не ставим своей задачей анализ контактов между Пекином и Тайбэем. Нам хотелось бы сосредоточиться на новом начале отношений между Москвой и Тайбэем. Какие идеи могли бы составить первоначальную, так сказать исходную, основу формирования общности, взаимопонимания партнеров, Москвы и Тайбэя, в их подходе к двусторонним отношениям?

Конечно, это, прежде всего, мир и отказ от применения военной силы для решения любых проблем, которые подспудно существуют в отношениях и могут всплыть на поверхность или появиться в будущем. Далее, это принципы независимости и самостоятельности, а также равенства, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. Наконец, это также идеи гуманизма, прав человека, демократии, свободы, прогресса, рыночного хозяйства, модернизации.

Представляется очень важным с самого начала беречь и сохранять высоко цивилизованный характер наших связей. Здесь никак нельзя допускать возникновения каких бы то ни было контактов на уровне охлократии. Именно культура и цивилизация обеих наций должны играть особую роль при создании общей основы отношений, их ткани. И в

настоящее время и в будущем культурные связи должны составлять неперенную часть отношений между Москвой и Тайбэем.

Наши отношения могут укрепляться и на основе взаимного уважения и интереса к истории друг друга. Могла бы оказаться полезной разработка совместной программы взаимного ознакомления с шедеврами национальной литературы, искусства, культуры и цивилизации в целом. В частности, стороны могли бы совместно подготовить и издать серии соответствующих книг, рассчитанных на читателей страны-партнера. Не менее важной могла бы оказаться программа телевизионного обмена между Москвой и Тайбэем.

Перед нами стоит не только задача взаимного знакомства, узнавания, познания друг друга, ведущего к постепенному подлинному взаимопониманию, но и задача создания позитивных стереотипов восприятия друг друга, размывания отрицательных стереотипов и представлений одной стороны о другой стороне, продолжающих существовать в обеих странах как следствие многолетнего идеологического воспитания и создания образа врага в сознании населения.

Российская Федерация стремится сохранять и наследовать все вечное, разумное, доброе из предшествующей истории своей нации. При этом она не может нести ответственность за негативные явления, носящие вредный характер и имевшие место в истории. У Российской Федерации нет комплекса или чувства вины перед партнерами на мировой арене. В то же время она не исходит и из тезиса об исторической вине партнеров по международным отношениям перед Россией как нацией. Она открыта для разумного и позитивного подхода к решению существующих вопросов. Она устремлена главным образом в будущее.

Нынешние отношения между Москвой и Тайбэем требуют особой бережности и корректности. В частности, представляется, что нейтральными и приемлемыми в данном случае могут быть именно термины «Москва» и «Тайбэй». При этом, скажем, термин «Москва» символизирует собой всю нашу нацию в целом, представляет всю Россию, а не только один ее город. Это важно подчеркнуть для тех жителей нашей страны, которые не всегда разбираются в тонкостях межгосударственных отношений, отношений между нациями.

Предпочтительнее также не употреблять в официальных случаях, когда речь идет об отношениях по линии Москва — Тайбэй (в тех случаях, когда это нынешние неправительственные связи между нами), термины, которые воспринимаются обычно как самоназвания или официальные наименования государств (Россия, Российская Федерация, Китай, Китайская Народная Республика, Китайская Республика).

Устанавливающиеся ныне отношения между Москвой и Тайбэем ни в коей мере не являются межпартийными отношениями. Связи между политическими партиями, движениями и организациями обеих сторон имеют свою историю; они сыграли свою роль и остались в прошлом. В будущем такого рода контакты и связи вероятны и возможны, но они не входят в сферу межгосударственных отношений и в сферу неправительственных отношений по линии Координационных комиссий по экономическому и культурному сотрудничеству. Эти Комиссии и вся эта линия должны служить исключительно цели поддержания связей между нациями при любых условиях и обстоятельствах, вне зависимости от характера отношений между правительствами и тем более политическими партиями.

Более того, представляется, что в будущем, если будут когда-то установлены дипломатические отношения, целесообразно подумать о сохранении в каком-либо виде именно такого неправительственного по форме канала двусторонних отношений, который при любых обстоятельствах мог бы обеспечить сохранение линии связи между нациями вне зависимости от состояния официальных межправительственных связей. Этот канал может быть использован для координации связей в области экономики и культуры самостоятельно от правительства или по форме самостоятельно от правительства.

Сама жизнь предоставила обеим нашим нациям хорошую возможность создать запасной канал связи между нациями. Может быть, он даже станет постоянным, а не временным. Во всяком случае, вряд ли следует считать, что эта форма связей будет действовать только в условиях, когда дипломатические отношения не установлены. Она появляется до их установления и может служить на некоторое время субститутот этих отношений в своеобразной форме. В дальнейшем, после установления дипломатических отношений, она может продолжаться, выполняя функции связующего звена между неправительственными структурами обеих стран. В будущем, если паче чаяния отношения даже вновь ухудшатся, чего произойти не должно, но что может случиться даже независимо, скажем, от желания Москвы, да и Тайбэя, — этот канал может быть сохранен и при гипотетическом новом разрыве дипломатических отношений. Одним словом, жизнь подарила обеим нашим нациям новую творческую возможность создать канал постоянного общения между нациями, существующий вне зависимости от наличия или отсутствия дипотношений между двумя нашими нынешними государствами, а потому хотелось бы, чтобы нации воспользовались этой возможностью во всей ее полноте.

При этом можно было бы перенимать опыт партнера. В частности, известно, что правительство Китайской Республики создало Совет по развитию внешней торговли Китая, представительство которого зарегистрировано в Российской Федерации под названием Центра международной торговли Тайбэя. В Тайбэе полагают, что этот Совет имеет статус неправительственной и некоммерческой организации, отвечающей за развитие связей с теми странами, у которых нет дипломатических отношений с Китайской Республикой на Тайване. Важно, что в данном случае с точки зрения Тайбэя понятие торговли включает в себя все: от коммерции и финансов до политики и культуры. Такой подход к этому вопросу может быть учтен при организации наших соответствующих структур, в частности, на Тайване.

Взаимное уважение наших цивилизаций и культур сулит хорошие перспективы создания необходимой атмосферы для развития дружественных отношений, налаживания эффективного взаимоприемлемого сотрудничества. На этой основе можно будет строить наши двусторонние отношения, хотя не все в них будет легко и просто. В нашей истории много оснований для того, чтобы создавать позитивные стереотипы восприятия партнера. В то же время необходимо учитывать, что самой жизнью, стечением обстоятельств к настоящему времени уже сформированы отнюдь не позитивные стереотипы. Стартовая позиция сложна. Она требует напряженной работы во имя общих, совпадающих интересов обеих наций.

Вполне очевидно, что требуется усиленная работа для того, чтобы, исходя из чувств взаимного расположения, лучше познакомиться друг с другом, глубже понять друг друга. И здесь можно предвидеть удивительные позитивные результаты. Ведь, вообще говоря, речь идет о встрече двух современных (во многом различных, но во многом и сходных) демократий. По сути дела, у нас нет существенных идейных и политических противоречий с нашими партнерами на Тайване. Одно это уже составляет прекрасную основу для развития двусторонних отношений.

Нашего партнера придется воспринимать таким, каким он является в реальной действительности. Надо принимать во внимание, что тайваньцы быстро становятся сегодня напористыми, а иной раз и просто заносчивыми. Конечно, речь не идет о военной агрессивности, хотя остров способен не дать себя в обиду и весьма резко реагирует на военную помощь иностранцев Китайской Народной Республике. Речь о другом — о том, что нынешние поколения тайваньцев привыкли жить в мире суровой конкуренции. Они быстро забывают о том, что когда-то их страна была отсталой или относительно отсталой. Они видят и воспринимают свой остров как часть современного развитого мира. Другого острова они просто не помнят или не знают, либо не желают помнить и знать. Остров Тайвань не допускает и не будет допускать панибратства, которым иной раз грешили и грешат

представители нашей нации в прошлом и в настоящем в отношениях с людьми нации чжунхуа.

Сегодня Тайвань не допускает выхода за рамки холодно-официальных, сдержанных отношений. Сказываются и исторические традиции, и воспитание людей со школьных лет на острове в духе ненависти к Советскому Союзу и в духе отношения к России как к врагу нации чжунхуа. Именно в таком духе воспитывались многие поколения людей на Тайване. Такова подкладка многих современных стереотипов восприятия нашей страны, ее истории, ее политики и ее людей.

На многих островитян продолжает оказывать отрицательное воздействие и то, что СССР в свое время прервал дипломатические отношения с Китайской Республикой и связал свою судьбу с той частью нации чжунхуа, которая пошла, как в этом убеждено большинство жителей Тайваня, по неправильному, гибельному пути. Сюда добавляется и традиционное отношение многих представителей китайской нации к России как к стране, которая только с точки зрения военной силы, да и то лишь в прошлом, временно, пользовалась неким преимуществом перед Китаем, а по уровню цивилизации, культуры всегда была и остается ниже нации чжунхуа в целом и ее элиты в особенности.

Островитяне и их государственные учреждения проявляют и будут проявлять в различных скрытых и открытых формах недовольство тем, что Российская Федерация и сейчас не идет на установление дипломатических отношений с Китайской Республикой на Тайване. Здесь важно иметь в виду следующее: островитяне ощущают себя сегодня будущим всей китайской нации, ее сливками, ее авангардом. Они полагают, что нельзя исключать и такого поворота событий, когда исторический опыт модернизации острова будет в определенной степени воспринят и в континентальном Китае.

В этой ситуации нам, очевидно, необходимо обращать особое внимание на то, чтобы держаться в отношениях с Тайванем достойно. Всегда осознавать свою принадлежность к великой российской нации, не подлаживаться и не подстраиваться к партнеру, сохраняя и развивая с ним добрососедские отношения, подчеркивая взаимную пользу обмена между собой двух великих культур и цивилизаций, культур и цивилизаций России и Китая. Но в подходе Тайбэя к развитию связей с нашей страной всегда будет присутствовать элемент большой политики, ему будут присущи и стратегия и тактика.

Еще раз подчеркнем в связи с этим, что развитие экономических и торговых связей, а также контактов в области культуры видят на острове как путь к установлению дипломатических отношений. При таких обстоятельствах нам следовало бы, очевидно, делать наши двусторонние связи залогом и основой будущих плодотворных отношений в одно и то же время и между двумя нациями, Россией и Китаем, и между Москвой и Тайбэем.

Здесь также необходима совместная работа ученых, дипломатов, политиков, интеллигенции, предпринимателей для того, чтобы обе нации лучше узнали и поняли друг друга, пришли к осознанию необходимости снятия надуманных вопросов, решить которые невозможно. Чтобы было найдено такое взаимопонимание, на котором можно было бы строить стабильные мирные добрососедские отношения между двумя нациями и их государствами.

В практическом плане при развитии отношений с нашим партнером не нужна излишняя торопливость и поспешность. Предпочтительнее продвигаться вперед пусть медленно, но уверенно, опираясь на твердую почву; в то же время крайне важно, чтобы достигнутые договоренности выполнялись точно и в срок.

Весьма перспективным представляется установление прямого пассажирского и грузового воздушного сообщения между Москвой и Тайбэем; эту авиалинию могли бы эксплуатировать неправительственные компании обеих стран, соответственно. Важным представляется решение вопроса о морских перевозках между портами партнеров.

Непременную часть развития отношений должна составить программа обменов неофициальными и частными визитами известных в политической и общественной жизни фигур; вполне возможен и обмен парламентскими делегациями.

Комиссии могли бы выступать с односторонними заявлениями, а также с согласованными документами, позволяющими продвигаться вперед в различных областях: в экономическом сотрудничестве, в сфере внешней торговли, в научно-техническом сотрудничестве, а также в области науки и образования. Заслуживает особого внимания и разработки вопрос о создании юридической основы двусторонних отношений по линии комиссий. Непременной частью этой работы может стать организация регулярных контактов в сфере культуры, ознакомления друг друга с национальным искусством, традициями и т. д.

В дело развития двусторонних отношений могут внести большой и ценный вклад российские специалисты по Китаю. Здесь особенно важно сочетание опыта китаеведов и юристов-международников. Дипломаты, которые будут в качестве частных лиц работать в Тайбэе, должны быть китаеведами по образованию и по опыту работы. Желательно, чтобы руководители нашей страны и наши дипломаты советовались по вопросам политики в отношении нации чжунхуа с российскими китаеведами; к сожалению, до сих пор тут еще мало что сделано.

Одна из важных особенностей ныне складывающейся ситуации состоит в том, что так или иначе, но нам необходимо принимать во внимание внешнюю политику Китайской Республики, видя в ней и внешнюю политику важного для нас самостоятельного государства, обладающего существенными политическими, экономическими и военными позициями — в Азии, во всяком случае. Это внешняя политика государства, представляющего собой одну из частей китайской нации. Отсюда вытекает необходимость при разработке и осуществлении внешней политики России учитывать и внешнюю политику Китайской Народной Республики и внешнюю политику Китайской Республики. Целесообразно сопоставлять эти две внешние политики, анализировать их содержание, видеть общее в позициях Пекина и Тайбэя, видеть и учитывать разницу между ними.

В конце XX в. Тайбэй активизировал свою политику по ряду важных и для нас направлений своей внешней политики. В частности, на Тайване обсуждался вопрос о позиции Китайской Республики в отношении вопроса о Монголии. Кажется, пришли к выводу о том, что на деле Тайбэй должен считаться с Монголией как самостоятельным государством, хотя у него и могут быть некоторые оговорки, если рассуждать об историко-дипломатическом аспекте этой проблемы.

Можно вспомнить и о том, что Китайская Республика в 1946 г. заявила о признании Монголии (тогда МНР) как независимого государства и нации, в соответствии с условиями договора, заключенного в 1945 г. между СССР и Китайской Республикой. Но в 1953 г. Законодательный юань (парламент) Китайской Республики единогласно денонсировал этот договор, и вопрос о признании Монголии стал для Тайваня юридически сомнительным.

Много позже, 16 ноября 1996 г., председатель комиссии по монгольским и тибетским делам, существующей на уровне кабинета министров, Ли Хоугао заявил на пресс-конференции, что Монголия фактически является независимым государством, которое в настоящее время признано 118 государствами.

Он добавил, что в связи с тем, что Монголия провозгласила свою независимость до введения в действие Конституции Китайской Республики (Монголия провозгласила независимость в 1921 г., а упомянутая Конституция Китайской Республики была принята в 1946 г. — Ю.Г.), Монголия не должна рассматриваться как часть «изначально» китайской территории. Поэтому нет и необходимости принимать предложенную некоторыми депутатами тайваньского парламента в июле 1996 г. поправку к Конституции Китайской Республики, согласно которой предполагалось откорректировать карту государства. Вопрос в парламенте был поднят в связи с намерением правительства Китайской Республики признать Монголию.

В то же время министерство внутренних дел Китайской Республики, которое издает карты, не считает правильным в настоящее время исключать Монголию из территории Китайской Республики. В 1995 г. объем внешней торговли Тайваня с Монголией составил

более 400 тыс. долларов США, а за первые три квартала 1996 г. — около 170 тыс. долларов [254].

Весной 1997 г. в Тайбэе впервые побывал религиозный руководитель тибетцев далай-лама. Судя по сообщениям печати, была достигнута договоренность о создании духовной миссии тибетцев-буддистов на Тайване. Официальный Тайбэй при этом подтвердил, что он выступает за автономию Тибета в составе Китая, с чем, кажется, согласен и далай-лама.

Оба этих вопроса прямо не затрагивают отношения нашей страны с Тайбэем или Пекином, однако следить за развитием ситуации необходимо, ибо все это касается поддержания мира и спокойствия в регионе.

Китайская Республика уделяет немало внимания развитию своих связей с государствами, которые ныне существуют на территории бывшего СССР. В частности, в августе 1996 г. вице-президент и одновременно глава правительства Китайской Республики Лянь Чжань побывал на Украине с частным четырехдневным визитом. Лянь Чжань был гостем ректора Киевского университета. Должный уровень приема обеспечивался при этом под руководством заведующего общим отделом администрации президента Украины.

В ходе этого визита Лянь Чжань побывал в Крыму, где осмотрел, в частности, Большой Ливадийский дворец, место проведения Ялтинской конференции трех великих держав в 1945 г. Супруга Лянь Чжаня Лянь-Фан Юй, которая сопровождала его в этой поездке, в своих путевых заметках, опубликованных в тайбэйской печати, в частности, подчеркивала: «Увиденное заставило нас вспомнить многое, связанное с решениями Ялтинской конференции, — как здесь были принесены в жертву интересы нашего государства, как была решена судьба Внешней Монголии, как мы лишились трех северо-восточных провинций и как китайская компартия, используя оружие, переданное ей Сталиным, расширила масштаб своей мятежной деятельности, что привело впоследствии к захвату ею контроля над материковой частью Китая. Осматривая места, которые занимала «большая тройка», мы их (три кресла членов «большой тройки»). — Ю.Г.) трогали, садились на них, не переставая помнить о великой трагедии, постигшей нашу страну и продолжающейся уже несколько десятилетий. И вдруг особым смыслом наполнилась бледная желтизна цветов и печальная зелень листвы в дворцовом парке. А Черное море бесконечно и неторопливо катит свои волны, храня печали древности и наших дней» [255].

В время очередной, четвертой по счету, встречи, на сей раз в Москве, Президента РФ Б.Н.Ельцина и председателя КНР Цзян Цзэминя 23 апреля 1997 г. в Институте востоковедения РАН открылась научная конференция по проблемам объединения Китая. В ходе дискуссии один из тайбэйских ученых, отвечая на вопрос о том, как относятся на Тайване к подписанным Москвой и Пекином соглашениям относительно границы между двумя государствами, сказал, что, во-первых, по его мнению, Пекин считает не действующими, не имеющими силы договоры, которыми определялась в прошлом граница между Россией и Китаем, и, во-вторых, Пекин лишен возможности вести переговоры с российской стороной по этим вопросам, так как у него отсутствует сама документальная юридическая основа для проведения таких переговоров, ибо соответствующие архивные документы были в свое время вывезены на Тайвань; Пекин просил Тайбэй предоставить ему эти документы, но не получил положительного ответа.

Из этих высказываний можно, пожалуй, сделать вывод о том, что практически позиции Пекина и Тайбэя по многим важным вопросам сходны или одинаковы, прежде всего по вопросу о границе и территориях; и в Пекине и в Тайбэе считают, что эти вопросы все еще ждут своего окончательного решения. Это тоже побуждает нас подчеркивать значение необходимости изучения внешней политики и Китайской Народной Республики, и Китайской Республики, причем не только каждой из них в отдельности, но и в их совокупности.

Возвращаясь к вопросу об отношениях Москвы и Тайбэя на пороге XXI в., стоит еще раз подчеркнуть, что мы являемся свидетелями и участниками начинающегося диалога и общения наших наций. Эти отношения нуждаются в том, чтобы их участники проявляли мудрость, осмотрительность, настойчивость и терпение, но дело стоит того. Перспективы и эффективность начинающегося сотрудничества Москвы и Тайбэя, россиян и той части китайской нации, что живет на острове Тайвань, трудно переоценить, и дело тут даже не только в материальных выгодах для обеих сторон, хотя и это имеет немаловажное значение, а в закладывании фундамента надежных добрососедских отношений между нашими нациями на этом их важном участке.

Развитие отношений с Тайванем и национальные интересы России

Тайвань — далеко не последняя фигура в игре на мировой стратегической площадке. Значение Тайваня будет только возрастать и ни в коем случае не уменьшаться.

Тайвань занимал на рубеже XXI в. одно из первых мест в мире по валютным запасам; это один из главных мировых инвесторов, экспортеров и импортеров. Тайвань — один из важнейших и неотъемлемых элементов мировой финансовой, экономической, телекоммуникационной структуры. Бесспорно, этот остров — один из главных центров сосредоточения экономического могущества.

Тайвань — один из важнейших перекрестков мировых стратегических интересов. Он неразрывно связан с США, Японией и другими странами. Тайвань — важнейшая основа экономических успехов континентального Китая. Через тысячи своих фирм Тайвань вложил в экономику КНР миллиарды долларов. Экономические связи с Тайванем настолько важны для Пекина, что это уже стало залогом возрастающей самостоятельности и независимости острова. В том числе — в сфере внешней и внешнеэкономической политики.

Тайвань — мощное, современное демократическое государство. Сегодня на Тайване убеждены, что развитие связей и сотрудничества с Россией соответствует его национальным интересам. В этом на Тайване видят еще один залог укрепления своего положения в мире.

В конце 1990-х гг. потенциал экономических связей между Москвой и Тайбэем использовался крайне недостаточно, что не отвечало национальным интересам России. Например, в 1996 г. объем товарооборота (только прямых связей) лишь чуть превысил один миллиард долларов, что составило 0,5% общего торгового оборота Тайваня. При этом экспорт тайваньских товаров в нашу страну в стоимостном выражении составил всего лишь 100 с небольшим миллионов долларов (положительное сальдо в нашу пользу приближалось к девятистам миллионам долларов, что ни в коей мере не смущало тайваньскую сторону), т.е. одну тысячную часть мирового экспорта Китайской Республики на Тайване.

Тайваньская сторона предложила Российской Федерации подписать соглашения об исключении двойного налогообложения, о гарантиях инвестиций и временное торговое соглашение.

В 1996 г. лишь около двух десятков тайваньских компаний вложили свои капиталы в РФ на общую сумму в 3 миллиона долларов. В то же время важно подчеркнуть, что Китайская Республика на Тайване — экспортер капитала. Она занимает по этому показателю седьмое место в мире; ежегодные инвестиции составляют 80 млрд долларов. Тайвань обошел в сфере инвестиций в Юго-Восточной Азии США и Японию. Он занимает по этому показателю во Вьетнаме первое место, а в Индонезии — третье место вслед за Японией и Южной Кореей. Одним словом, существуют большие перспективы капиталовложений из Китайской Республики на Тайване в экономику нашей страны при известных обстоятельствах.

Национальным интересам России отвечает всемерное и максимально возможное укрепление, развитие, углубление и расширение связей с Тайванем, прежде всего в сфере экономики, финансов, высоких технологий, обмена опытом управления предприятиями, а

также имея в виду инвестиционные возможности острова. Тайвань вовсе не заинтересован в выкачивании из нашей страны сырья, хотя он готов покупать многое из того, что желает продать Россия. Взаимодополняемость РФ и Тайваня зиждется на высоких технологиях и обширном рынке со стороны России и на вложении капиталов и передаче управленческого опыта в сфере экономики со стороны Тайваня. Тайвань предлагает наладить связи с Российской академией наук, а также в сфере высшего образования, научно-технические связи и т.д.

Что касается снижения импорта на Тайвань из РФ в 1996 г., а его объем уменьшился за год на одну треть, т.е. на 600 млн долларов, то тайваньская сторона объясняла это ситуацией на острове, когда выяснилось, что многое было импортировано ранее. Кроме того, негативное воздействие оказали военные учения КНР в районе Тайваньского пролива в марте 1996 г. В нормальной обстановке имелись основания надеяться на восстановление и рост объема внешнеторгового оборота в последующие годы.

Тайбэй выступал за открытие прямого авиасообщения, что напрямую связало бы наши страны, вдвое сократив время в пути между столицами РФ и Китайской Республики на Тайване. Тайваньская сторона с оптимизмом смотрела на перспективы торгово-экономического сотрудничества. С точки зрения Тайбэя у РФ и Китайской Республики на Тайване много точек соприкосновения или пересечения, совпадения взаимных интересов. Важно, чтобы развитию экономических отношений не мешали никакие политические проблемы.

Конечно, налаживание экономического сотрудничества осложняли некоторые соображения и опасения политического характера, имевшиеся у обеих сторон. И тем не менее все более актуальным становился вопрос о переводе экономических отношений на правительственный уровень. Учитывая деликатность ситуации, тайваньская сторона выражала понимание того, что речь могла идти в то время о министерском сотрудничестве в сфере экономики, но не на политическом, а на функциональном уровне. Учитывая особое значение отношений с нашей страной, Тайбэй не случайно сразу же, в 1993 г., открыл в Москве, в составе представительства Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, отдел, представлявший, по сути дела, министерство, ведавшее экономикой на Тайване, хотя обычно в других странах это делалось только тогда, когда уровень товарооборота достигал трех миллионов долларов в год.

В обобщенном виде итоги сотрудничества к 2000 г. выглядели следующим образом.

На протяжении сорока лет связей между нашей страной и Тайванем не существовало. Это продолжалось с 1949 г. по начало 1990-х гг. Лишь в конце 1980-х гг. начали сниматься запреты на прямую торговлю и инвестиции в тогдашнем СССР, а в начале 1990-х гг. и на Тайване. В период, когда только что были сняты соответствующие запреты, объем двусторонней торговли составлял всего 74 млн долларов США. В июле 1993 г. в Москве было открыто представительство ТМКК, а в декабре 1996 г. в Тайбэе открылось представительство МТКК. Перед двумя комиссиями была поставлена задача стимулировать взаимодействие между Москвой и Тайбэем в области торгово-экономических, культурных и других связей.

В 1995 г. объем двусторонней торговли достиг наивысшего показателя, составив более 1,8 млрд долларов. Тайвань стал четвертым крупнейшим торговым партнером РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1996 г. объем двусторонней торговли в результате воздействия целого ряда различных факторов как внешнего, так и внутреннего порядка упал до 1,2 млрд долларов, в 1997 г. он вырос до 1,4 млрд долларов, а в 1998 г. под воздействием финансового кризиса он снова сократился — до 890 млн долларов. В 1999 г. он составил 1,2 млрд долларов. Тайвань закупает в России в основном сталь и прокат; экспортирует в Россию в основном процессоры и комплектующие; при этом положительное сальдо торгового баланса нашей страны с Тайванем составляет от 700 млн до 1 млрд долларов. До финансового кризиса 1998 г. в России работали свыше 20 тайваньских компаний. Их число

сократилось после кризиса и составляет чуть более десяти. В Москве открыты два ресторана тайваньской кухни.

В январе 1998 г. обе стороны подписали протокол о морском сообщении; тогда же российское грузовое судно с грузом феррохромовой руды впервые прибыло в порт Гаосюн, открыв тем самым эру прямого морского сообщения между двумя сторонами. В области воздушных перевозок стороны в 1999 г. и в 2000 г. продолжали обсуждение вопроса об установлении прямого воздушного сообщения между Москвой и Тайбэем. Существовали планы открытия этого сообщения до конца 2000 г. Ежегодно число тайваньцев, выезжающих в туристические поездки за границу, достигает 6 млн человек. К тому же в торговых связях сторон имеется элемент взаимодополняемости, поэтому после положительного решения вопроса о прямом воздушном сообщении можно ожидать расширения связей между сторонами в области туризма, торговли, инвестиций и в других сферах.

Что касается научных и культурных обменов, то в 2000 г. в Москве на учебе находились 53 тайваньских студента, в Санкт-Петербурге — 66 человек, во Владивостоке — 4 человека; кроме того, каждый год от 30 до 50 студентов приезжают в Россию на занятия и экскурсии во время летних каникул. Тайваньские студенты в основном изучают в нашей стране русский язык и литературу, историю России; некоторые экономику, политологию, музыку, изящные искусства, журналистику; небольшое число специализируется в области космических исследований, математики, химической промышленности и т.д. Тайваньцы также предоставляют стипендии для российских студентов, которые изучают на Тайване китайский язык. В 1997 г. детская фольклорная организация бойскаутов из города Гаосюна и делегация бойскаутов Тайваня выступили с программой и приняли участие в слете бойскаутов, состоявшемся в Москве в связи с празднованием ее 850-летия.

В октябре того же года юношеская делегация Тайваня также приезжала с выступлениями в Москву и Санкт-Петербург. В 1998 г., когда в Москве проводились Международные юношеские игры, Тайбэй направил для участия в них делегацию из более чем 200 юных спортсменов. В Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Туле и Владимире состоялись выставки картин тайваньских детей, а также выставка, посвященная Конфуцию. На Тайване гастролировали знаменитые российские деятели искусств. Побывали там М. Ростропович, симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии, БДТ, МХАТ и другие коллективы. С лекциями выступали известные политические и общественные деятели. Прошла выставка предметов материальной культуры Си Ся из коллекции Эрмитажа.

В сентябре 1999 г. на Тайване произошло сильнейшее землетрясение. Наша страна проявила добрую волю и направила на Тайвань для помощи жертвам землетрясения спасательный отряд МЧС. Кроме того, власти Приморского края направили из Владивостока в порт Гаосюн транспорт с древесиной на сумму в 4 млн долларов в качестве помощи жертвам землетрясения.

Итак:

- особый характер двусторонних отношений, который постепенно с разной скоростью осознают в Москве и в Тайбэе;
- совпадение вполне определенных национальных интересов (прежде всего, признание общей заинтересованности в мире, независимости и равноправии) обеих сторон;
- тактическая и стратегическая необходимость развития экономического и культурного сотрудничества;
- понимание того, что даже в отсутствие дипломатических отношений возможно установление и развитие межгосударственных экономических связей (дипломатические отношения, особенно между столицами двух государств, представляют собой важную часть, но все же лишь часть межгосударственных отношений, где, помимо дипотношений между столицами или центральными властями обеих сторон, иной раз существуют, скажем,

консульские отношения на региональном уровне, а также отношения экономического характера и прочие;

— осознание своеобразия ситуации, в которой установление отношений на министерском уровне в сфере экономических и культурных отношений целесообразно предшествует росту объемов товарооборота, обменов в области культуры, науки, образования, в сфере научно-технических связей и т.д.;

— понимание необходимости осуществления экономического и культурного сотрудничества через такую специфическую, но необходимую и целесообразную форму отношений, как Московско-Тайбэй-ская и Тайбэйско-Московская координационные комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, которые представляют собой формально неофициальные, но по сути дела государственные организации, находящиеся не только под полным контролем правительств, но и на правительственном финансовом обеспечении, причем упомянутые комиссии создаются и существуют исключительно в соответствии с реальной договоренностью правительств обеих сторон; эти комиссии ни в коем случае не могут рассматриваться как некие только временные неполноценные эрзац-посольства, а следовательно, только как ограниченные во всем временные органы, но как полноправные государственные представительства обеих сторон, пользующиеся всей необходимой поддержкой, доверием своих правительств и действующие, по сути дела, от их имени в качестве связующего звена между соответствующими министерствами и ведомствами в целях развития полноценного, обеспеченного и юридической базой, экономического и культурного сотрудничества, — все перечисленное — суть основные характерные особенности экономического и культурного сотрудничества Москвы и Тайбэя на рубеже XX и XXI вв.

Налаживание отношений с Тайванем не только отвечает экономическим интересам России, особенно учитывая уникальность возможностей Тайваня в качестве источника вложения капиталов в нашу экономику, но и укрепит наши позиции как государства на мировой арене в стратегическом плане относительно Пекина, Вашингтона, Токио и т.д.

Учитывая стратегическое значение развития связей с Тайванем для национальных интересов России, представляется необходимым сделать очередной шаг в этой области, и, не меняя сложившейся ситуации и договоренностей Москвы и Пекина по этому вопросу, т.е. не устанавливая с Тайванем дипломатических отношений и не имея с ним официальных контактов по линии Министерства иностранных дел, Министерства обороны и других соответствующих ведомств, — следует вести дело к установлению, поддержанию и развитию сотрудничества с Тайванем на максимально возможном, т.е. на министерском, уровне в прочих сферах. Прежде всего — в области экономики и культуры. При этом целесообразны регулярные ежегодные прямые встречи и соглашения на уровне соответствующих министров наших двух стран, Российской Федерации и Китайской Республики на Тайване.

Примером может служить опыт развития отношений между ФРГ и Тайванем. Эти отношения прошли через три этапа (имеется в виду современная ситуация, когда между Бонном и Тайбэем нет дипломатических отношений). На первом этапе они представляли собой экономические связи на уровне частных фирм; на втором, когда масштабы экономического сотрудничества были расширены и объем товарооборота достиг трех миллиардов долларов в год, Тайвань открыл представительство своего Министерства экономики в Германии; к сотрудничеству подключилось, сначала как бы только технически, государство, и, наконец, на третьем этапе, когда годичный объем товарооборота превысил десять миллиардов долларов, без межгосударственных, хотя и не дипломатических, связей на функциональном, не политическом, но министерском, уровне обойтись стало невозможно.

В 1992 г., будучи в Пекине, вице-канцлер ФРГ и по совместительству министр экономики Германии заявил представителям КНР, что характер и объемы связей ФРГ и Тайваня требуют прямого участия в них германского государства. Он выразил намерение

прямо из Пекина направить в Тайбэй находившегося вместе с ним заместителя министра экономики. Пекин сначала возражал, но затем был вынужден согласиться, обусловив это тем, что заместитель министра экономики ФРГ может побывать на Тайване, но не вступая в контакты с официальными лицами. В ответ немцы резонно заявили, что тогда им в Тайбэе было бы нечего делать, а интересы развития экономических отношений требуют установления именно такого рода контактов. В конечном счете Пекин уступил, согласившись на встречи и контакты министров экономики ФРГ и Тайваня, но для обсуждения исключительно экономических, а не политических вопросов. Немцы дали такого рода заверения. С тех пор, с 1992 г., встречи министров экономики двух стран, ФРГ и Китайской Республики на Тайване, проходят ежегодно и поочередно в столицах обеих стран, и при этом подписываются соответствующие документы.

Особенность ситуации в нашей стране и наших отношений с Тайванем состоит в том, что мы не можем ждать, когда объем товарооборота достигнет десяти миллиардов долларов в год, так как только участие государства может обеспечить соответствующие, в том числе юридические, условия и гарантировать рост товарооборота и налаживание нормальных отношений экономического сотрудничества, в чем сегодня заинтересованы обе стороны.

Нам надо начинать (при уже имеющемся объеме товарооборота в размере от одного до почти двух миллиардов долларов в год при учете только прямых связей и до трех—четырёх с половиной миллиардов долларов в год при учете операций, осуществляемых через посредников в третьих странах) с установления связей на министерском уровне и подписания соглашений, которые создадут юридическую основу для нормальных, прежде всего экономических, связей. При этом РФ могла бы, в частности, учитывать опыт ФРГ и в случае необходимости ссылаться на него. Москва не может допускать того, чтобы Пекин дискриминировал Россию по сравнению с Германией.

На этом пути наша страна могла бы начать, возможно, с установления контактов с Тайванем в сфере культуры. Может быть, министру культуры РФ вместе со своим заместителем стоило бы направиться в Пекин для переговоров о показе в КНР, скажем, выставки царских драгоценностей и во время этого визита заявить партнерам в Пекине, что заместитель министра культуры прямо из столицы КНР полетит в Тайбэй для переговоров о проведении такой же выставки на Тайване.

Такая же операция, скажем, в связи с необходимостью установления и расширения связей в области авиасообщения, морского судоходства, привлечения капиталов и т.д., могла бы быть осуществлена по линии Министерства экономики или Министерства внешней торговли и внешних экономических связей РФ в ходе соответствующего визита министра и его заместителя в Пекин с дальнейшим следованием в Тайбэй. Представляется также целесообразной поездка в Пекин, а впоследствии и в Тайбэй, председателя правления Центрального банка РФ (Банка России).

Таким образом, в качестве первоочередных шагов в целях развития двусторонних отношений с Тайванем в национальных интересах России можно было бы предложить следующее:

- вести дело к установлению прямых связей на уровне министров в сфере экономики и культуры;
- наладить связи между Центральным банком РФ, другими крупными финансовыми и торгово-промышленными организациями и т.д. и соответствующими их партнерами на Тайване;
- создать в РФ специальный инвестиционный фонд для обеспечения государственных гарантий при установлении и развитии экономических и других связей с Тайванем;
- решить вопрос о государственном финансировании работы Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в целях

обеспечения ее полноценной работы в Москве и эффективной деятельности ее представительства в Тайбэе.

Некоторые итоги и задачи

В 2001 г. будет отмечаться десятилетие со времени первых шагов на новом пути — пути развития отношений между Россией и островом Тайванем.

Первое десятилетие московско-тайбэйских отношений стало периодом, имеющим свои особенности. На рубеже XX и XXI вв. наступает следующий, новый период в наших отношениях.

Этот рубеж определяется, прежде всего, тем, что первый период, равно как и сам факт установления отношений, связан с именами двух руководителей: Б.Н.Ельцина у нас и Ли Дэньхоя на Тайване. В новый период обе стороны вступают с новыми руководителями, которые были избраны на высшие государственные посты в марте 2000 г.: это В.В.Путин и Чэнь Шуйбянь.

Думается, что есть все основания для подведения в предварительном порядке и в самом общем виде, не претендуя на полноту и глубину, итогов первого периода и для осмысления задач, которые необходимо решать, чтобы создать условия для более плодотворной работы во втором, новом периоде.

Прежде всего время показало, что сам шаг, сделанный руководителями России и Тайваня, Б.Н.Ельциным и Ли Дэньхоем, полностью отвечает национальным интересам обеих сторон. С установлением двусторонних связей было устранено ненормальное положение в наших отношениях. Конечно, учитывая существование проблем во взаимоотношениях китайских государств по обе стороны Тайваньского пролива, форма наших отношений с Тайванем должна быть приемлемой и для Москвы, и для Тайбэя, и для Пекина. Таковы объективные условия существования наших связей.

За прошедшие годы обе стороны предприняли усилия для развития экономического и культурного сотрудничества. Был сделан максимум возможного, учитывая объективные и субъективные препятствия на этом пути. Прежде всего это выразилось в создании Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (МТКК) и Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (ТМКК).

Время также показало, что именно нынешний характер сотрудничества, т.е. ограничение его рамками связей в сфере экономики и культуры, есть оптимальная форма поддержания и развития отношений. Попытки создавать иные формы отношений, попытки создания политических или квазиполитических отношений, предпринимавшиеся нашим партнером в Тайбэе, вполне закономерно не приносили успеха. В связи с этим представляется, что партнеры заинтересованы в том, чтобы еще раз подчеркнуть верность договоренности о создании двух упомянутых комиссий — МТКК и ТМКК — и содействовать на государственном уровне и в Москве и в Тайбэе работе именно этих органов.

За прошедшее время стороны предприняли конкретные шаги, пусть с заминками, но шаги в направлении создания постоянно действующего механизма, через который можно координировать сотрудничество. Были открыты представительства упомянутых Комиссий: Московской в Тайбэе и Тайбэйской в Москве. Благодаря этому появилась возможность для граждан обеих сторон посещать Россию и Тайвань, устанавливать и развивать контакты в целях налаживания экономических и культурных связей. Таким образом, были созданы возможности для непосредственного торгово-экономического и культурного сотрудничества. Стороны проделали определенную работу по оформлению в международно-правовом порядке нормальных и постоянных связей между собой по морю и по воздуху. В

результате удалось подписать соглашение о морском судоходстве. Готовится соглашение о воздушном сообщении.

На практике — и прямо, и через третьи страны — осуществляются торгово-экономические и научно-технические связи, главным образом в частном порядке, заинтересованными юридическими и частными лицами. Объем ежегодной торговли превышает миллиард долларов, причем с значительным позитивным сальдо для российских участников. Имеют место определенные связи в области культуры.

В то же время продолжают существовать ограничения, которые не позволяют должным и желательным образом развивать отношения и в сфере экономики, и в области культуры. Стороны пока еще не занимаются по-настоящему главной содержательной составляющей наших отношений — экономическим сотрудничеством. Несмотря на то что экономические связи в принципе и в перспективе весьма привлекательны и многообещающи для нашей стороны и при необходимых условиях могут принести нам значительные экономические выгоды, дело это пока не развивается так, как того хотелось бы.

Иначе говоря, экономическое сотрудничество находится пока на относительно низком уровне развития; его потенциал не раскрыт и не использован.

Здесь главная заминка в том, что администрация каждого из партнеров либо не участвует в налаживании и координации сотрудничества, либо сторонится его, либо даже сдерживает сотрудничество. Экономические связи не могут развиваться должным образом без участия государств. Только при координации и контроле со стороны соответствующих государственных структур мы можем получить большие экономические и прочие выгоды от упомянутого сотрудничества. Пока ничего этого нет. Каждая из сторон при этом находится в своей ситуации, у каждой есть свои причины такого положения.

Обобщая, можно, очевидно, сказать, что каждая из сторон сделала определенные шаги, открыла возможности экономического сотрудничества, сняла с него запреты, создала импульс для развития связей, но затем фактически бросила дело на полпути или в самом его начале. Поэтому наше экономическое сотрудничество опирается пока на индивидуальные усилия отдельных бизнесменов и компаний, а также, в определенной степени, на усилия МТКК и ТМКК. Дело экономического сотрудничества скользит по инерции, принося лишь некоторые, далекие от потенциальных возможностей результаты.

При этом в позиции каждой из сторон есть свои уклоны. Каждая из сторон стремится идти легким путем. Каждая уходит от трудностей. Однако при этом каждая, в той или иной степени, ощущает ненормальность положения.

Что касается Тайбэя, то там упор был сделан не на экономическом и культурном сотрудничестве, а на идее продвижения вперед, использования предоставляющихся возможностей для демонстрации своего флага в Москве. Показать свое присутствие в столице РФ в пику КНР — вот чуть ли не основная задача тайваньцев в их деятельности в нашей стране. Они сосредоточили усилия на продвижении по пути установления между нами дипломатических отношений. Даже понимая, что Москва на это в ныне существующей ситуации не пойдет, они считают одной из главных, если не главной задачей в своей работе в России именно движение по этому пути, пусть даже призрачное. Поэтому тайбэйские представители, как в Тайбэе, так и в Москве, стремятся устанавливать, развивать и поддерживать связи по преимуществу с МИД РФ, депутатами Государственной Думы РФ, с другими государственными учреждениями нашей страны. При этом они оставили или забросили работу с МТКК или через МТКК, не уделяют ей внимания. В этой ситуации Комиссии в Москве и в Тайбэе остаются для тайваньской стороны только формой, лишенной содержания. Хотя, исходя из национальных интересов обоих партнеров, представляется, что именно эти две Комиссии должны быть главным средством и рычагом развития экономического и культурного сотрудничества. Через них может реализовываться это сотрудничество. Сейчас этого нет, и поэтому нет прочной экономической базы под нашими двусторонними отношениями. К этому необходимо добавить, что тайваньская сторона не предпринимает шагов с целью вложения капиталов в нашей стране. Нет

инвестиций в Россию, нет поддержки соответствующих организаций, которые могли бы действенно и эффективно содействовать налаживанию выгодного для обеих сторон экономического и иного сотрудничества.

Одним словом, в том, что касается экономических, да и культурных связей, с тайваньской стороны нет должного участия в этой работе государственных учреждений. Представительство Тайбэйской Комиссии в Москве довольно активно ведет пропагандистскую работу через соответствующие научные и другие учреждения в Москве, хотя и здесь энтузиазм и поддержка с тайваньской стороны в последнее время становились все менее значимыми.

Что касается нашей стороны, то положение дел и выглядит и на самом деле является также неудовлетворительным. Правда, на то есть свои причины. В частности, не учитывается то обстоятельство, что МТКК лишь по форме, к чему нас вынуждает позиция КНР, предстает перед внешним миром и той же КНР как общественная организация, но на самом деле она выполняет государственные функции, и ее целесообразно рассматривать в качестве государственного учреждения. (Такого же, как двусторонние комиссии по экономическому и торговому сотрудничеству с США и КНР.) Поэтому вопросы, связанные с деятельностью МТКК, необходимо решать в соответствующих органах Правительства РФ. Правительству нашей страны, исходя из наших национальных, и прежде всего экономических, интересов, целесообразно обеспечить финансовую сторону работы МТКК, т.е. поставить ее работников на государственное обеспечение.

На протяжении почти десятилетия Комиссия не получила от государства ни копейки. Только при финансовой помощи и при денежном содержании ее сотрудников и деятельности через МТКК окажется возможным развернуть работу по экономическому сотрудничеству с Тайванем. Причем эту работу необходимо разворачивать и в Москве, и в регионах России, и на Тайване. В Тайбэе до последнего времени не было никого, кто бы специально занимался вопросами экономического сотрудничества. То же относится и к связям в сфере культуры.

Наше государство установило связи с Тайванем, понимая, что главное в них на данном этапе — это экономическая заинтересованность. Сама по себе эта работа не может наладиться. Да, для того, чтобы запустить работу Комиссии в сфере экономических связей и связей в области культуры, будет необходимо потратить определенные средства, но если этого не сделать, тогда никогда не будет никакой выгоды экономического характера для нашей страны.

Что же касается открытого в Тайбэе представительства МТКК, то оно, по сути дела, до сих пор не является органом, который занимался бы координацией экономического и культурного сотрудничества, т.е. пока не представляет Комиссию в этой сфере. А сами собой связи экономического характера развиваться не будут.

Итак, отношения Москвы и Тайбэя сегодня существуют в минимальной степени. Имеется договоренность глав государств; формально созданы МТКК и ТМКК; есть их представительства соответственно в Тайбэе и в Москве; связи развиваются — но без должной поддержки государств. У тайваньцев имеет место уклон в сторону демонстрации своего флага в нашей стране; с нашей стороны Комиссия не находится на бюджетном обеспечении, а потому страдают экономические интересы нашей страны.

Вследствие всего этого вырисовываются и задачи, решение которых могло бы поставить наши экономические и культурные связи с Тайванем на прочную основу и придать этой работе нормальный и выгодный для нас (прежде всего экономически) характер.

По-видимому, целесообразно исходить из того, что МТКК является государственной организацией, а также выделить из бюджета средства для обеспечения деятельности сотрудников по линии экономического и культурного сотрудничества с партнером МТКК в Москве и в регионах нашей страны, а также в Тайбэе. Экономическое и культурное

сотрудничество целесообразно осуществлять при координации и контроле со стороны государства.

Вероятно, Правительство РФ могло бы расширить состав членов Комиссии, введя в нее представителей государственных учреждений и ведомств, а также имея в виду установление связей с регионами РФ.

В принципе целесообразно также решить вопрос о выступлении МТКК в случае необходимости в качестве государственного гаранта тех или иных соглашений с тайваньской стороной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Советского Союза больше нет. С ним ушел в прошлое, стал частью истории и весь период советско-китайских отношений (1917—1991 гг.). В 1992 г. положено начало взаимоотношениям двух государств: Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Их нынешние отношения являются в одно и то же время и новыми отношениями двух государств, и продолжением, составной частью общей многовековой непрерывной истории связей двух наций — России и Китая.

Вполне естественно стремиться к тому, чтобы опираться на то, что существует долго, возможно, вечно, что не является временным, преходящим. На наших глазах государства, утверждавшие себя, казалось бы, на тысячелетия, рассыпаются. Нации создают на месте прежних свои новые государства. История государств заканчивается с их распадом. История же наций длится веками и тысячелетиями. Нация и история представляются теми двумя понятиями, которые могут составлять основу для раздумий о судьбах взаимоотношений России и Китая.

На протяжении нескольких десятилетий XX в., с 1917 г., наши двусторонние отношения было принято именовать советско-китайскими; с октября 1949 г. в них участвовали СССР и КНР. В самом названии государства — Советский Союз или Союз Советских Социалистических Республик — главное место занимал идеологический элемент, отсутствовало национальное и географическое начало. Название современного китайского государства на материке Китая — Китайская Народная Республика — представляет собой сочетание национально-географического элемента с элементом идеологическим (тем более что имеет место и некоторая тавтология: народная республика).

Сам термин «советско-китайские отношения» носил временный характер; в нем была заложена вероятность и возможность столкновения идеологических представлений с представлениями национальными.

Нынешняя характеристика наших двусторонних отношений — российско-китайские отношения — приобретает, если позволительно так сказать, постоянный характер. Становится ясно, что речь идет о двух реально существующих субъектах, действующих на мировой арене, о двух нациях и о вполне определенных географических пространствах, т.е. о категориях, которые объективно существуют и являются общепризнанными в мире. Россия и КНР признают одна другую именно в этих двух качествах — как нации на мировой арене и как известные географические части планеты.

Преобразование советско-китайских отношений в российско-китайские отношения — это прекрасная возможность установления, налаживания и развития взаимопонимания на приемлемой для той и для другой стороны равноправной основе, на осознании каждой из наций своей общности как землян, составных частей человечества, пользующихся почвами, недрами, водами и воздухом одной планеты. Российская Федерация и Китайская Народная Республика равноправны и независимы как государства, представляющие в настоящее время свои нации и входящие в этом качестве в мировое сообщество себе подобных и равных наций. Такова стартовая позиция в развитии отношений РФ и КНР.

Вместе с тем важно сказать, что отсчет отношений РФ и КНР начинается не с нуля. Нельзя говорить об этих отношениях как о совершенно новых, только начинающихся. Да, обе нации берут старт в образе двух государств — Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но это и продолжение давнего пути, который нации проходят как соседи рядом уже в течение почти четырех веков. В 1990-х гг. РФ и КНР берут, если можно так выразиться, промежуточный старт. Межгосударственные отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики — это и новое начало их отношений, это и очередной этап или период в развитии взаимосвязей двух наций — России и Китая.

Думается, что термин «нация» более всего подходит тогда, когда речь идет о субъектах межгосударственных отношений, действующих на мировой арене. С точки зрения внешней политики нация представляет собой общность людей, объединенную известными интересами и свойствами. Соотношение между нацией и государством в сфере внешней политики — это соотношение между относительно постоянным и относительно временным феноменами. В сообществе наций мира (кстати сказать, не случайно всемирное сообщество государств называется Организацией Объединенных Наций) в каждый данный момент истории та или иная нация представлена обычно созданным ею на определенный период государством или государствами.

Вся история взаимоотношений российской и китайской наций, от первой встречи, от первого знакомства представителей обеих наций, представляет собой непрерывный процесс, причем каждый новый период в отношениях не начинается с новой страницы, с чистого листа; прошлое нельзя сжечь, и пепел его развеять, на прошлое нельзя смотреть как на некий костер, из которого можно взять огонь и отбросить пепел; прошлое нельзя завершить, с ним нельзя покончить; не во власти людей, вождей, национальных лидеров закрывать прошлое, открывать будущее или объявлять начало новой эры, причем так, как будто бы это вообще начало истории, как будто бы прошлое можно отменить или его не было, что все начинается по воле вождя.

Прошлое является неотъемлемой составной частью общей истории двусторонних связей. История отношений России и Китая началась не с 1917 г. и не с 1949 г. Она насчитывает уже около четырех веков. Она должна учитываться во всей ее совокупности при рассмотрении нынешнего состояния и перспектив развития российско-китайских отношений.

У каждой нации имеются свои интересы. Часть из них — это постоянные интересы. Другие носят более или менее долговременный или только временный характер. Интересы наций могут быть объективными и субъективными. Иными словами, нация может правильно сама выражать свои интересы, ощущать их, но может и ошибаться, принимая за постоянные объективные интересы свои же субъективные настроения временного характера, сложившиеся под воздействием ряда факторов, особенно стереотипных, предвзятых представлений о самой себе и о своих партнерах на мировой арене. Интересы различных наций могут на протяжении относительно короткого или длительного времени совпадать в той или иной степени, но не абсолютно. Нации стремятся в одно и то же время и отстаивать и согласовывать свои интересы.

Если исходить из посылки о существовании наций в том смысле, как об этом говорилось выше, и истории отношений между ними, тогда оказывается возможным более или менее объективно, во всяком случае с большей долей реализма, чем при идеологизированном (скажем, классовом) подходе к двусторонним отношениям наших двух наций, представить себе и состояние двусторонних связей в каждый данный момент, и некоторые перспективы их развития.

На пороге XXI в. можно отметить сходство и различие ситуаций и проблем РФ и КНР.

Этот вопрос представляется существенным потому, что обращать внимание на сходство ситуаций и проблем, которые стоят в настоящее время перед каждой из наших двух

стран, это значит искать пути к углублению взаимопонимания между нами. Принимать во внимание различия между РФ и КНР означает сегодня — проявлять осторожность, бережно относиться к нынешним отношениям, искать более прочную их основу.

В истории наших двусторонних связей в XX в. несбалансированность в отношениях к различию национальных интересов неоднократно приводила к ошибкам и обострению противоречий.

Ныне и РФ и КНР, как и другие страны, вполне естественно, обеспокоены более всего здоровьем и целостностью своих национальных организмов. Это приоритет приоритетов в их заботах. Многочисленные и серьезнейшие, самые разнообразные проблемы одолевают обе страны. Каждая из них заинтересована в максимально возможном понимании со стороны соседа, в поддержке им принципа невмешательства в чужие внутренние дела, в том числе и со стороны того же соседа. Со временем обе стороны будут, очевидно, во все возрастающей степени исходить и из взаимозависимого выживания своих национальных организмов в современном мире.

Для РФ и КНР важность представляет решение и их внутренних и их внешнеполитических проблем. Тут нет противопоставления. И все же именно внутренние проблемы каждая из сторон стремится решать в первую очередь, причем в опоре главным образом на собственные силы, что конечно же не исключает приемлемого содействия со стороны партнеров на мировой арене.

В этом смысле — внешняя политика в обеих наших странах подчинена решению внутренних проблем. Она направлена на создание благоприятных условий для их решения. Это, в частности, означает, что РФ и КНР, исходя из своих жизненно важных национальных интересов, стремятся не втягиваться во внешние дела, которые могут помешать каждой из сторон решать свои внутренние проблемы.

Мы живем в мире, который все быстрее меняется, во всяком случае, если говорить о взаимоотношениях наций. Здесь часто наблюдается неустойчивость, неопределенность, переход из одного состояния в другое. Согласование национальных интересов во многих случаях дается с трудом. В этом неустойчивом подвижном мире обе наши страны, и РФ и КНР, заинтересованы в сохранении условий для решения своих внутренних проблем, а эти условия суть мир, независимость и равные права в отношениях и между собой, и со всеми иными нациями.

Мир, независимость, равенство — три главных принципа или условия внешней политики необходимы обеим сторонам. РФ и КНР выстрадали эти принципы на протяжении всей истории своих взаимоотношений в XX в. При этом только одновременное соблюдение всех трех принципов при подходе к любым проблемам двусторонних или многосторонних отношений может принести плодотворные результаты. Небрежение хотя бы одним из них может если не погубить все дело, то нанести ущерб национальным интересам и той и другой страны.

Отдавая приоритет решению внутренних задач, и РФ и КНР озабочены и своей ролью в нашем мире. Особенно волнуют их такие вопросы, как обеспечение своих прав и интересов в тех регионах, которые можно было бы назвать ареалом той или иной нации или ее «ближним кругом», а далее в соседствующих регионах; проблема иной раз осложняется тем, что упомянутые ареалы как бы накладываются один на другой.

Одновременно наличествует хотя и разноплановый, но интерес к утверждению своей роли в мире в целом.

Для обеих наций характерно твердое желание не оказываться, даже при временных зигзагах в политике тех или иных руководителей, в роли «ведомого» в мировых делах. Иначе говоря, нация способна как бы инстинктивно воздерживаться от активного участия в тех или иных региональных и мировых делах, несмотря на некоторые прокламируемые властями лозунги, но та же нация может чутко и резко реагировать в том случае, если она

будет ощущать, что ее пытаются сделать «ведомой», подчинить руководству из-за границы. Это относится и к двусторонним отношениям РФ и КНР.

Обе наши страны предпочитают самостоятельность и отдельность. Это одно из главных требований, которые предъявляет каждый из народов к внешней политике своего правительства, не говоря уже о необходимости сохранять мир, мирные условия для существования каждой из наций. При этом условии, т.е. оставаясь полностью самостоятельной и отдельной, каждая из наших двух наций и рассматривает вопросы о партнерах и союзниках. Партнеры оказываются предпочтительнее союзников.

Во всяком случае, каждая из сторон не желает реально связывать себя такими формами межгосударственных отношений, как союзы, ибо протестует и против намерений подчинить ее неким общим или совместным, пусть даже временно кажущимся двусторонними, интересам и испортить тем самым свои отношения с третьими странами в угоду неким союзным отношениям. Все это прямо относится и к вопросу о возможности и целесообразности союза между РФ и КНР. С особой осторожностью необходимо, очевидно, подходить и к вопросам о формировании тех или иных «треугольников» или «многоугольников», ибо любая такого рода конструкция предполагает конфронтацию с иными силами, а в этом интересы наций, как правило, не совпадают.

Обе стороны заинтересованы в достижении устойчивости в своих отношениях с внешним миром. Обе ощущают недостаток такой устойчивости, так сказать, предсказуемости своего поведения на мировой арене. Каждая пытается решить эту задачу главным образом сама, отдельно, что не исключает и неких согласованных или параллельных действий в случаях, когда затронуты действительно жизненные интересы наций.

И для РФ и для КНР особую важность представляют отношения с США. Каждая из сторон хотела бы иметь наилучшие, максимально возможные отношения с Вашингтоном. Это постоянная задача внешней политики и Москвы и Пекина. Существует и встречный интерес со стороны Америки. В то же время здесь есть и такое обстоятельство, как сложности в двусторонних отношениях каждой из наших двух стран с США. Таких сложностей объективно у РФ меньше, чем у КНР. Стороны ревниво следят за развитием отношений соседа с Вашингтоном. Ситуация в мире складывается пока таким образом, что это исключает единый фронт любых двух партнеров из этой «троицы» против «третьего лишнего». Такое неустойчивое, но относительно постоянное равновесие будет, очевидно, сохраняться в обозримом будущем.

РФ и КНР находятся в поиске идей, объединяющих нацию. Одна составная часть этих идей является, пожалуй, общей. Это патриотизм. Его оказывается и достаточно и не достаточно в различных случаях в зависимости от сложности встающих перед нацией и решаемых ею внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Однако пока найти прочное, устойчивое и долговременное единство нации внутри страны не удается ни одной из сторон.

Непростой и для РФ и для КНР предстает проблема ведущей политической силы. В нашей стране еще нет стабильных и влиятельных политических партий. В КНР ситуация не столь однозначна, какой она может показаться на первый взгляд. Существуют проблемы в сфере идеологической и пропагандистской работы, возникает синдром своего рода политической геронтологии. Во всяком случае, обе нации испытывают потребность в политической силе, которая могла бы сегодня или в ближайшие годы предложить населению объединяющую национальную идею.

Если говорить о национальных лидерах, то ситуация для каждой из наших двух стран складывалась в XX в. по-разному. После длительных периодов в истории, когда и у той и у другой стороны были сильные национальные лидеры, сейчас практически нет лидеров, сравнимых по авторитету и власти с фигурами прошлого. Очевидно, что в будущем возможны поиски новых лидеров.

РФ и КНР имеют общие или сходные цели, а именно: во-первых, достижение устойчивости, определенности прежде всего внутри страны и в положении нации на мировой арене; во-вторых — еще одна цель и той и другой нации это движение к упрочению своих позиций; на этом пути возможны и укрепление и той и другой нации в отдельности, и ослабление каждой из них. Пока здесь царствует неопределенность.

В этой ситуации реалии, с которыми сталкивается внешняя политика каждой из двух стран, диктуют неизбежность произнесения красивых фраз для характеристики состояния и перспектив двусторонних отношений. Иначе говоря, каждая из сторон ради обеспечения мира в двусторонних отношениях и на мировой арене, а также своей независимости и самостоятельности, своего равноправного положения в сообществе наций должна поддерживать всеми возможными методами хороший климат в двусторонних отношениях, красивую картину этих отношений перед окружающим миром. А потому провозглашать удовлетворение состоянием двусторонних, прежде всего политических, отношений. Говорить о мире, добрососедстве, конструктивном, а затем и доверительном партнерстве, направленном на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Может быть, в этом находит свое проявление не только отрыв от реалий и некая утопичность, но и необходимость поддержания нормальных мирных отношений, укрепление своих позиций.

Реалии самой внешней политики наших двух стран предстают в виде довольно длительного процесса выхода из прошлого, из затянувшегося периода противостояния, особенно военной конфронтации. Его основа — взаимное заверение в неагрессивности, в отказе от нанесения первыми ядерного удара, во взаимном ненацеливании ракет с ядерными боеголовками; соглашение о неприменении силы для решения спорных вопросов, другие меры взаимного доверия, вплоть до соглашения о сокращении вооруженных сил в приграничной стокилометровой зоне.

Наши страны на протяжении десятилетий находились в состоянии необъявленной своеобразной «холодной войны». Окончание такого состояния, избавление от реальной угрозы возобновления такой «холодной войны» требует, очевидно, длительного времени и серьезных усилий. Провозглашение «нормализации отношений» (в 1989 г.) или «отношений доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие» (в 1996 г.) — это, очевидно, неизбежные или необходимые, хотя и не во всем удовлетворительные, но лишь составные части строительства добрососедских отношений на прочной основе. Это лишь шаги на пути к разрешению всех противоречий. Корни противостояния, конфронтации, взаимного недоверия пока еще не удалены полностью.

Здесь присутствует и горький привкус напоминаний о периоде взаимного противостояния обеих сторон в прошлом. Очевидно, что такой привкус исчезнет тогда, когда будет пройден нелегкий путь к избавлению от взаимного недоверия, особенно по вопросам, связанным с определением характера русско-китайских договоров о границе и о «счетах» территориального характера. Новый договор о границе, равноправный с точки зрения обеих сторон и закрепляющий отказ обоих участников договора от территориальных претензий, может составить после его подписания надежную основу двусторонних отношений.

Такие отношения будут закреплены воспитанием подрастающих поколений в обеих странах в духе дружелюбия, добрососедства, утверждения в сознании тезиса об отсутствии реальных национальных противоречий между нами, претензий, особенно территориального характера, друг к другу.

Пока же двусторонние отношения РФ и КНР в ряде случаев представляют собой жесткую конкуренцию по важным вопросам при активности, наступательности Пекина и относительной пассивности и оборонительной позиции Москвы. В связи с этим перед внешней политикой РФ стоит задача продвижения с осмотрительностью по трудному пути нахождения компромиссов, решения вопросов прежде всего в двусторонних отношениях с Пекином на основе приоритета национальных интересов своей страны.

Что можно сказать, говоря об истории и уроках русско-китайских отношений за последние сто лет?

Прежде всего, очевидно, надо принять во внимание основные события в наших двусторонних отношениях, а именно:

1895 г. — Россия оказывает давление на Японию, заставляя ее отказаться от планов захвата части китайской территории, а также помогает Китаю получить заем в Европе.

1896 г. — Россия и Китай подписывают договор (первый и тайный) об оказании совместно отпора военным захватам со стороны Японии, а также заключают соглашение о коммерчески взаимовыгодном предприятии — о строительстве железной дороги на территории Китая за счет средств России.

1898 г. — Россия дает согласие Германии на захват ею части территории Китая, затем сама «берет» Порт-Артур и Дальний, вынуждает Китай передать ей в аренду на 36 лет Ляодунский полуостров.

1900 г. — Россия совместно с другими державами принимает участие в походе на Пекин и в подавлении «боксерского восстания», а также вводит войска в Маньчжурию.

1904—1905 гг. — Россия ведет на территории Китая войну с Японией и терпит поражение в этой войне.

1910-е гг. — Россия способствует отделению Монголии от Китая.

1917 г. — В условиях Гражданской войны в России (после свержения монархического и провозглашения республиканского строя) нормальные дипломатические отношения между странами оказываются (в первый раз за 100 лет) прерванными на несколько лет: 1917—1924 гг.

1918 г. — Китай направляет воинские подразделения на территорию России в целях «защиты своих граждан».

1924 г. — Россия (СССР) и Китай (Китайская Республика) восстанавливают (в первый раз) дипломатические отношения. Россия (СССР) помогает одной из сторон (Гоминьдану) в Гражданской войне в Китае (после свержения монархического и установления республиканского строя), способствует объединению Китая.

1927 г. — Китай (Китайская Республика) разрывает дипломатические отношения с Россией (СССР) из-за того, что она помогает одной из сторон (КПК) в Гражданской войне в Китае. Дипломатические отношения отсутствуют (во второй раз) на протяжении нескольких лет: 1927—1932 гг.

1929 г. — Россия (СССР) на короткое время вводит войска на китайскую территорию в целях защиты своих интересов на КВЖД.

1932 г. — Россия (СССР) и Китай (Китайская Республика) восстанавливают (во второй раз) дипломатические отношения.

1937 г.— Россия (СССР) и Китай (Китайская Республика) подписывают пакт о ненападении, по сути дела представляющий собой договор между ними (второй по счету) о совместных действиях на случай агрессии со стороны Японии.

1937—1945 гг. — Россия (СССР) оказывает Китаю (Китайской Республике) помощь в его Войне Сопротивления (Отечественной войне) против Японии. В декабре 1941 г. Китай (Китайская Республика) объявляет войну Германии, помогая тем самым России (СССР) в ее Отечественной войне.

1945 г. — Россия (СССР) помогает Китаю (Китайской Республике) на его территории победить Японию. Россия (СССР) и Китай (Китайская Республика) подписывают (в третий раз) договор о дружбе и союзе на случай агрессии со стороны Японии.

1945 г. — при содействии России (СССР) Монголия (Монгольская Народная Республика) становится отдельным от Китая самостоятельным государством, признанным как Китаем (Китайской Республикой), так и мировым сообществом.

1949 г. — Россия (СССР) прекращает дипломатические отношения с Китайской Республикой и устанавливает дипломатические отношения с Китайской Народной

Республикой, становясь на сторону победителя в гражданской войне в континентальном Китае (т.е. на сторону КПК), которому она оказывала помощь и до его победы в ходе этой войны.

Китай оказывается разделенным на две части: континентальный Китай (Китайская Народная Республика) и островной Китай, остров Тайвань и прилегающие к нему мелкие острова (Китайская Республика). Россия (СССР) попадает в ситуацию, когда у нее существуют межгосударственные дипломатические отношения только с одной из частей Китая, одним из двух китайских государств — с Китайской Народной Республикой, и отсутствуют отношения с островной частью Китая (Тайвань), с другим китайским государством — с Китайской Республикой.

1950 г. — Россия (СССР) и континентальный Китай (Китайская Народная Республика) подписывают (в четвертый раз за столетие) договор о дружбе, союзе и взаимной помощи на случай агрессии со стороны Японии и ее союзников.

1950 г. — Россия (СССР) и континентальный Китай (Китайская Народная Республика) помогают своему корейскому соседу (КНДР), одной из частей разделенной корейской нации, в ее национально-международной или гражданско-международной войне на Корейском полуострове.

1950—1970-е гг. — Россия (СССР) и континентальный Китай (Китайская Народная Республика) помогают политически и идеологически близкому им Вьетнаму (ДРВ, СРВ), государству, представляющему часть разделенной нации, в национально-международной или международно-гражданской войне.

1964 г. — лидер континентального Китая (Китайской Народной Республики) Мао Цзэдун заявляет о существовании территориальных претензий к СССР.

1966 г. — межгосударственные отношения России (СССР) и континентальной части Китая (КНР) утрачивают нормальный характер более чем на два десятилетия: 1966 — 1989 гг.

1969 г. — руководствуясь идеей Мао Цзэдуна о допустимости войны в отношениях с Россией (СССР), континентальный Китай (Китайская Народная Республика) первым пускает в ход оружие, начав пограничные вооруженные столкновения на границе с СССР, вследствие чего обе стороны наращивают вооружения в сопредельных приграничных районах; возникает вооруженное противостояние между СССР и Китайской Народной Республикой.

1979 г. — континентальная часть Китая (КНР) отказывается продлить действие договора 1950 г. с СССР. Дэн Сяопин призывает создать всемирный «единый фронт» борьбы против СССР.

1989 г. — Россия (СССР) и континентальная часть Китая (КНР) восстанавливают (в третий раз за столетие) нормальные межгосударственные дипломатические отношения. Дэн Сяопин подтверждает тезис Мао Цзэдуна о территориях, которые Россия якобы отторгла у Китая.

1992 г. — Россия (Российская Федерация) и островная часть Китая (Китайская Республика на острове Тайвань) договариваются об установлении торговых и культурных связей. Возникает ситуация, при которой Российская Федерация одновременно имеет отношения с обеими частями Китая: дипломатические отношения с континентальной частью Китая (Китайской Народной Республикой) и не дипломатические, но торговые и экономические связи с островной частью Китая (Китайской Республикой).

2001 г. — РФ и КНР подписывают договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Итак, на протяжении всего этого столетия:

— открыто проявлялись или подспудно охранялись заинтересованность обеих наций (и соответственно их государств) в нормальных добрососедских отношениях и одновременно — взаимное недоверие;

— каждая из наций то совершала действия, отвечавшие и ее собственным интересам, и интересам соседа, то допускала ошибки, осложняя и ухудшая двусторонние отношения, нанося им ущерб, ущемляя интересы соседа;

— несмотря на имевшиеся противоречия, нации все-таки в основном сохраняли мир в отношениях и не ввязались в широкомасштабную войну друг против друга;

— почти перманентно стоял вопрос о вступлении наций в ту или иную форму союзных отношений;

— перед лицом опасности извне, со стороны третьих стран, нации активно и эффективно сотрудничали;

— две нации неоднократно заключали между собой в той или иной форме соглашения и договоры и дружбе и союзе, но к концу столетия пришли без такого договора; в начале XXI в. подписали договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве;

— отношения между нациями (межгосударственные отношения в различных формах, включая дипломатические отношения) то существовали, то прерывались или утрачивали нормальный характер, но затем восстанавливались;

— то одна, то другая нация вмешивалась в той или иной форме и степени во внутренние дела соседа (в гражданские или внутренние войны и конфликты);

— идеологические и политические (межпартийные) связи то содействовали сотрудничеству, то безмерно осложняли его, доводили межгосударственные отношения до разрыва или ненормального состояния, порой до вооруженного противостояния и конфликтов;

— одна из наций делала вид, что в двусторонних отношениях нет проблемы границ и территорий, а другая нация не только не ставила под сомнение существование нерешенных проблем исторического характера (прежде всего, проблем границ и территорий), но и настаивала на их решении;

— обе нации неоднократно имели возможность начинать историю отношений как бы «с чистого листа», особенно в моменты провозглашения новых государств той или иной нации, однако каждый раз оказывалось, что накопившиеся в истории старые противоречия между ними живучи и дают о себе знать;

— цивилизованные (культурные, разумные и традиционные) связи между нашими нациями (как на личном, так и на государственном уровне) были плодотворными, общение же на уровне охлосов (люмпенов) приводило к осложнению отношений, требовало их урегулирования с помощью центральных властей (которые, кстати сказать, были в основном сами виновны в возникновении таких ситуаций).

Из истории двусторонних отношений России и Китая за последние сто лет можно вынести некоторые уроки:

— межгосударственные отношения (одного или нескольких государств с каждой стороны) в каждый данный период времени не могут рассматриваться изолированно, но представляют собой неотъемлемую составную часть всей совокупности отношений двух наших наций, России и Китая, на протяжении всей четырехвековой истории их знакомства и сожительства;

— преобладающим фактором в истории взаимоотношений наших двух наций является необходимость объединения их усилий в целях обеспечения самого выживания каждой из наций;

— главные опасности подстерегали наши нации не со стороны соседа, а либо извне, либо внутри каждой из наций в отдельности;

— внутренние проблемы для каждой из наций имеют приоритетное значение, они важнее для нации, чем проблемы внешнего порядка, а потому и обеспечение мирной обстановки — это первостепенная задача внешней политики государств каждой из наших двух наций;

— обе нации нуждаются в вечном мире между собой;

— процессы формирования единых наций применительно к России и к Китаю еще далеки от завершения, а это требует держаться в стороне от происходящего внутри нации-партнера;

— процесс кристаллизации национальных территорий и границ продолжается, что предполагает гибкость и сдержанность в вопросах взаимных отношений;

— надежной и прочной основы для двусторонних отношений не может быть до тех пор, пока одна из сторон сохраняет оговорки относительно характера договоров о границе и пока международно-правовыми документами не дезавуированы территориальные претензии одной стороны к другой стороне;

— идеологические и политические (межпартийные) связи оказались исторически неизбежными и были необходимы в условиях своего времени, содействуя решению жизненно важных проблем внутри каждой из наций и обеспечивая наши общие интересы на мировой арене; в то же время эти связи представляются лишь одной из временных форм политики, направленной на решение национальных задач; жизнь показала, что больше нет необходимости в идеологических и политических (межпартийных) связях; во всяком случае, они должны быть полностью отделены от межгосударственных отношений; именно такое исключение идеологии и партийных интересов из серьезной политики может дать определенную гарантию прочности двусторонних межгосударственных отношений;

— вполне допустимо существование межгосударственных отношений (скажем, не официальных, не дипломатических, но экономических и культурных) в различных формах между различными частями (государствами, государственноподобными образованиями) наших двух наций (естественно, при условии ненанесения ущерба интересам наций и государств);

— несмотря на изменение соотношения сил обеих наций, им предпочтительно воздерживаться от соблазна использовать временные трудности и слабости соседа, ибо это грозит непредсказуемыми последствиями и может создавать угрозу для выживания обеих наций;

— время союза наших двух наций против третьей стороны, а также время союза любой из наших двух наций с третьей стороной (третьими сторонами) против нации-соседа прошло; такие союзы представляются ныне неразумными;

— главными принципами в отношениях наших двух наций являются: 1) мир, вечный и нерушимый мир, мир в любых условиях, мир как всеподавляющая необходимость; 2) независимость и полная самостоятельность, отказ от попыток навязывать какую бы то ни было общность (идеологическую, политическую либо иную), предполагающую принуждение нации-соседа силой к подчинению «правильному толкованию» взаимно обусловленной общности в случае ее отхода от ортодоксальности; 3) равенство или полнейшее равноправие во всем, в принципах и мелочах; эти три принципа (мир, независимость, равенство) неразрывно связаны между собой;

— первые лица в руководстве каждой из наций, очевидно, будут вынуждены и в дальнейшем так или иначе брать на себя важнейшие функции по стратегическому осмыслению наших двусторонних отношений, по претворению в жизнь их тактики; от интеллекта и компетентности первых лиц зависит очень многое (иногда решающее) в двусторонних отношениях; в нашей стране целесообразно всегда иметь особый и отдельный орган — государственное совещание (или совет) из представителей (руководителей) соответствующих министерств и ведомств, который давал бы президенту страны рекомендации относительно скоординированной внутри нашей страны политики по отношению к Китаю (в состав такого органа должны, во всяком случае, входить: президент, глава правительства, министры иностранных дел и обороны);

— особое внимание к политике по отношению к Китаю, сопоставимое только с вниманием к политике по отношению к США, подсказано России всем опытом истории двусторонних русско-китайских и советско-китайских отношений;

— история также показала, что ведущие или главные политические силы (политические партии) в каждой из наших стран сыграли важную роль в двусторонних русско-китайских отношениях; эти силы (партии) несут ответственность и за положительное и за отрицательное в истории наших отношений; поэтому интересы самих такого рода политических сил и их лидеров в будущем целесообразно подчинять коренным правильно понятым интересам наций, но ни в коем случае не ставить интересы лидеров и их партий выше интересов государств и наций;

— отношения между нациями находятся в процессе развития, они непрестанно обновляются и изменяются;

— обе нации, будучи, безусловно, совершенно самостоятельны в своей внешней политике, всегда будут нуждаться в согласовании двусторонних отношений, в консультациях по региональным и мировым проблемам;

— политика России в отношении Китая не должна быть пассивной или периодически замирающей, она должна быть постоянно активной, предполагающей повседневную деятельность;

— отношения с Китаем будут плодотворными, сохраняясь на уровне высочайшей культуры и централизации; в обозримом будущем (особенно учитывая высокую степень централизации власти и в континентальной и в островной частях Китая) эти отношения разумно держать под строгим централизованным государственным контролем, они должны также опираться на соответствующие законы;

— государства обязаны не допускать бесконтрольного общения охлосов (люмпенов) наших двух стран, ибо это несет с собой потенциальную опасность для нормального состояния отношений двух наций;

— в целом обе нации вполне могут жить в вечном мире, уважая независимость друг друга и строя свои отношения на основе полного равноправия и равенства.

Москва — Пекин, Москва — Тайбэй

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Проблемы Дальнего Востока (далее сокращенно: ПДВ). 1993, № 1, с. 6—13.
2. ПДВ, 1994, № 6, с. 5—7.
3. ПДВ, 1994, № 6, с. 7.
4. ПДВ, 1996, № 3, с. 6—10. Китайская Народная Республика в 1995—1996 гг. Политика, экономика, культура. Москва. Издательская фирма «Восточная литература». РАН. 1997, с. 319—320.
6. Известия. 17 июня 1998 г.
7. Там же, 16.11.96.
8. Там же, 20.11.96.
9. Там же, 15.04.97.
10. Известия. 16 октября 1999 г.
11. ПДВ, 1997, № 3, с. 5—7.
12. Известия. 19 февраля 1998 г.
13. Там же, 31.03.98.
14. Там же, 01.04.98.
15. Там же, 13.05.98.
16. Там же, 04.06.98.
17. Там же, 30.06.98.

18. Там же, 16.07.98.
19. Жэньминь жибао. 29 августа 1998 г.
20. Известия. 26 августа 1998 г.
21. Там же, 23.08.98.
22. Там же, 20.11.98.
23. Там же, 18.11.98.
24. ПДВ, 1999, № 1.
25. Там же, с. 11—15.
26. НТВ, «Герой дня». 23 ноября 1998 г.
27. Известия. 23 августа 1998 г.
28. Там же, 22.12.98.
29. Там же, 21.04.99.
30. Там же, 27.01.99.
31. Там же, 28.01.99.
32. Там же, 25.02.99.
33. О.А.Грояновский. Через годы и расстояния. М., «Вагриус», 1997, с. 365.
34. Известия. 26 февраля 1999 г.
35. Там же, 27.02.99.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же, 08.07.99.
39. Там же, 25.08.99.
40. Там же, 26.08.99.
41. Там же, 26.08.99.
42. Там же, 27.08.99.
43. Там же, 10.12.99.
44. Там же, 11. 12.99.
45. Там же, 19.01.2000.
46. Там же, 26.01.2000.
47. Там же, 31.03.2000.
48. Известия. 06 июля 2000 г.
49. Там же.
50. Там же, 19.07.2000.
51. Там же.
52. Внешняя политика Китая в 90-е гг. Пекин, «Синьсин», 1996, с. 9—10.
53. Там же, с. 10—13.
54. Там же, с. 13—17.
55. Там же, с. 18.
56. Там же, с. 19—21.
57. Там же, с. 22.
58. Там же, с. 22—23.
59. Там же, с. 24.
60. Там же, с. 25.
61. Там же, с. 26.
62. Там же, с. 26—29.
63. Там же, с. 29.
64. Там же, с. 29—30.
65. Там же, с. 31—32.
66. Там же, с. 32—33.
67. Там же, с. 1—2.
68. Там же, с. 3—4.
69. Там же, с. 4—5.

70. Там же, с. 5—7.
71. Там же, с. 1, 8—9.
72. Там же, с. 33.
73. Чжунго вайцзяо. 1996 нянь бань. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Вайцзяобу Чжэнчжи яньцзюши. — Бэйцзин. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1996 // Внешние связи Китая. Ежегодник, изданный в 1996 г. Кабинет политических исследований МИД КНР. — Пекин, «Шицзе чжиши чубаньшэ», август 1996 г.
74. Известия, 22 ноября 1996 г.
75. Там же, 17.12.96.
76. Там же, 11.03.97.
77. Китай: прогресс в защите прав человека в 1996 году. Пекин, Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1997, с. 10.
78. Известия. 24 июля 1997 г.
79. Там же, 20.10.98.
80. Московский комсомолец. 02 ноября 1999 г.
81. Известия. 11 апреля 2000 г.
82. Там же, 21.01.99.
83. Там же, 15.04.99.
84. Там же, 19.10.95.
85. В.Л.Ларин. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. — Владивосток, 1998, с. 201.
86. Б.И.Ткаченко. Проблемы прохождения границы между Россией и Китаем по протоке Казакевичева в районе Хабаровска. См.: Китай на пути модернизации и реформ. Тезисы докладов X Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22—24 сентября 1999 г.) Часть 2, с. 21—24. М., 1999.
87. В.Л.Ларин. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. — Владивосток, 1998, с. 176.
88. Известия. 16 июля 1996 г.
89. Там же.
90. Там же, 20.04.98.
91. Там же, 07.07.99.
92. Там же.
93. Там же, 24.03.99.
94. Там же, 10.04.99.
95. Там же.
96. Там же.
97. Там же.
98. Там же, 28.05.99.
99. Там же, 03.10.97.
100. Там же, 27.05.98.
101. Там же, 03.09.99.
102. Там же, 20.03.98.
103. Там же, 12.03.99.
104. Там же, 26.09.97.
105. Там же, 07.07.99.
106. Там же, 21.04.99.
107. Там же, 30.04.99.
108. Там же, 19.08.99.
109. Там же, 06.05.99.
110. Там же, 27.04.99.
111. Там же, 06.05.99.

112. Там же, 28.08.99.
113. Там же, 25.08.99.
114. Финансовые Известия. 13 февраля 1997 г.
115. Известия. 11 февраля 1997 г.
116. Там же, 19.08.99.
117. Там же, 29.09.99.
118. Там же, 17.04.99.
119. Там же, 17.06.99.
120. Там же, 02.07.99.
121. Там же, 09.07.97.
122. Там же, 20.04.99.
123. Там же, 30.05.2000.
124. Там же, 04.03.99.
125. Там же, 12.08.97.
126. Там же, 02.06.2000.
127. Финансовые Известия. 09 июля 1998.
128. Русский телеграф. 24 июля 1998 г.
129. Известия. 09 апреля 1998 г.
130. НТВ. 05 июня 2000 г.
131. Лю Сумэй, Е.Н.Румянцев. Китай, каким я его знаю. — М., «ЮПАПС», 1999, с. 113.
132. Известия. 04 августа 1999 г.
133. Там же, 13.08.99.
134. Там же, 10.03.2000.
135. Там же, 22.05.2000.
136. Там же, 07.12.99.
137. РТР. 03 и 06.08.99.
138. НТВ. 13.11.99.
139. Маяк. 10 апреля 2000 г.
140. Известия. 28 декабря 1996 г.
141. Там же, 15.04.97.
142. Там же, 16.04.97.
143. Там же, 29.05.97.
144. Там же, 02.07.97.
145. Там же, 26.03.99.
146. Там же, 26.03.99.
147. Там же.
148. Там же, 25.03.99.
149. Там же, 23.03.99.
150. Там же, 02.06.99.
151. Там же, 09.06.99.
152. Там же, 15.12.96.
153. Там же, 28.02.97.
154. Regional Security and Economic Cooperation. International Academic Symposium, p. 60.
155. Япония и проблемы безопасности в АТР. С. 237.
156. Parris H.Chang. Foreign Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective, p. 388.
157. Известия. 15 марта 1997 г.
158. Финансовые Известия. 28 сентября 1997 г.
159. Известия. 28 ноября 1997 г.
160. Там же, 21.12.99.
161. Там же, 08.04.98.
162. Финансовые Известия. 11 июня 1998 г.

163. Сегодня. 08 августа 1998 г.
164. Известия. 09 июня 1999 г.
165. ОРТ. 30 ноября 1999 г.
166. Известия. 20 января 2000 г.
167. Там же, 28.01.2000.
168. Там же, 03.02.99.
169. Там же, 19.06.99.
170. Там же, 25.05.99.
171. Там же, 22.11.99.
172. Там же, 20.08.99.
173. Там же, 06.03.2000.
174. Новый мир, № 2, 1998, с. 234.
175. Известия. 19 июля 2000 г.
176. Известия. 22 ноября 1996 г.
177. Маяк. 29 марта 1999 г.
178. Известия. 28 декабря 1996 г.
179. Там же, 15.12.96.
180. Финансовые Известия. 13 марта 1997 г.
181. Известия. 28 июня 1997 г.
182. Там же, 01.07.97.
183. Финансовые Известия. 19 августа 1997 г.
184. Известия. 01 июля 1999 г.
185. Там же, 01.07.99.
186. Финансовые Известия. 30 октября 1997 г.
187. Известия. 11 ноября 1997 г.
188. Там же, 18.10.97.
189. Там же, 25.11.97.
190. Там же, 10.12.99.
191. Там же, 21.01.2000.
192. Там же, 30.03.2000.
193. Там же, 25.10.97.
194. Финансовые Известия. 30 декабря 1997 г.
195. Там же, 14.04.98.
196. Маяк. 29 марта 1999 г.
197. Финансовые Известия. 04 июня 1998 г.
198. Известия. 24 июня 1998 г.
199. Там же, 10.11.99.
200. Лю Сумэй, Е.Н.Румянцев. Китай, каким я его знаю. М., «ЮПАПС», 1999, с. 117.
201. Там же, с. 117—118.
202. Известия. 12 октября 1999 г.
203. Там же, 03.02.2000.
204. Там же, 29.12.99.
205. Там же, 08.10.97.
206. Там же, 13.08.98.
207. Там же, 28.10.98.
208. Там же, 04.07.98.
209. НТВ. 22 ноября 1998 г.
210. Известия. 14 мая 1999 г.
211. Там же, 30.09.99.
212. Там же, 31.01.2000.
213. Там же, 15.07.99.
214. Там же, 03.03.2000.

215. Там же, 06.03.2000.
216. Там же, 15.05.99.
217. Там же, 20.04.96.
218. Там же, 16.07.96.
219. Там же, 03.04.97.
220. Там же, 11.04.97.
221. Там же, 01.06.99.
222. Там же, 14.03.97.
223. Там же, 22.03.97.
224. Там же, 11.06.99.
225. Там же, 13.04.2000.
226. В.И.Матиас. Миграционные перемещения. Кому это выгодно? // Первые Востоковедческие чтения, посвященные памяти С.Г.Лившица. (Тезисы докладов и сообщений.) 7 мая 1996 г. Министерство образования РФ. Барнаульский государственный университет. Барнаул, 1996, с. 7.
227. Известия. 08 апреля 1997 г.
228. Там же, 07.12.96.
229. Там же, 27.03.96.
230. Там же, 19.06.96.
231. Там же, 25.06.96.
232. Там же, 25.09.96.
233. Там же, 25.10.96.
234. Там же, 26.10.96.
235. Там же, 29.03.97.
236. Аргументы и факты, № 3, 2000 г.
237. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., Вагриус, 2000, с. 154.
238. Там же, с. 155.
239. Там же.
240. Там же, с. 155—156.
241. Там же, с. 156.
242. Там же, с. 157.
243. Там же, с. 158.
244. Там же, с. 159.
245. Там же.
246. Там же, с. 160.
247. Энциклопедия Нового Китая. М., 1989, с. 186—187.
248. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987, с. 267—268.
249. Энциклопедия Нового Китая. М., 1989, с. 181—182.
250. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987, с. 103—106.
251. The Republic of China. 1998 Yearbook. Taipei, 1998, p. 121—122.
252. Китай и США. Конфликт или сотрудничество. Пекин, 1996, с. 12.
253. Лю Сунбинь. Цзюеци юй хойхуан (Подъем и расцвет). Пекин, 1999, с. 488.
254. The Free China Journal. 12.11.96.
255. Свободный Китай. Ноябрь—декабрь 1996 г., № 6, с. 40